

ВЛАДИМИР ГЕНИС

**Вице-консул
ВВЕДЕНСКИЙ**

*Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.)
Российская дипломатия в судьбах*

Москва

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ»

2003

УДК 930.22
ББК 63.3(0)-6
Г34

Генис В.Л.

Г34 Вице-консул ВВЕДЕНСКИЙ: Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.) Российская дипломатия в судьбах. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2003. — 416 с.

ISBN 5-902168-18-X

В книге повествуется о драматической судьбе царского дипломата П.П. Введенского (1880–1938), служившего в Персидском Азербайджане в качестве драгомана и секретаря генерального консульства в Тавризе, вице-консула в Урмии и управляющего вице-консульством в Хое. Прикомандированный к Политическому агентству в Бухарском ханстве и избранный областным комиссаром его русских поселений, Введенский сумел остановить кровавую бойню, спровоцированную неудачной попыткой советизировать Бухару весной 1918 г., и участвовал в заключении мирного договора в Кизил-Тепе, но, считаясь тайным советником эмира Сеид Мир Алим-хана, был похищен большевиками и впоследствии неоднократно подвергался репрессиям.

Для всех, интересующихся историей российской дипломатии на мусульманском Востоке в первой четверти XX века.

ISBN 5-902168-18-X

© Генис В.Л., 2003.

© «СП МЫСЛЬ», 2003.

Научное издание

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ»

141200, Московская область, г. Пушкино, Московский пр-т, д. 55
тел. 772-03-76 || master@philosophia.ru || www.philosophia.ru

Сдано в набор 04.03.2003. Подписано в печать 12.03.2003. Формат 60×88/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Журнал». Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 500 экз. Заказ № 1734.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, Моск. обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554-21-86.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
1. «Не щадя живота своего...»	5
2. Вице-консул	13
3. Сражение за Урмию	22
4. В Хое	40
5. «Лихоимец»	51
6. В бухарской «ссылке»	62
7. Сослуживец Бравин	71
8. Борьба вокруг реформ в Бухаре	84
9. Областной комиссар	107
10. «Пользующийся доверием всех слоев населения...»	115
11. Первый арест	126
12. Советский парламентар	132
13. На бухарской службе	148
14. «Докладываю по совести...»	165
15. Арестант камеры № 29	177
16. Дело о «бухарском шпионаже»	189
Краткие биографические сведения об упоминаемых в книге чиновниках МИД России, служивших в Персии и Бухарском ханстве	217
Краткие биографические сведения о некоторых из упоминаемых в книге туркестанских деятелях, имевших отношение к событиям в Бухаре в 1917-1920 гг.	291
Примечания	335
Именной указатель	403
Сведения об авторе	416

«История Введенского связана с историей Бухары».

Обвинительное заключение 1932 г.

Вслед за крушением Российской империи почти полвека находившееся под ее протекторатом Бухарское ханство превратилось в место гибели и невероятных страданий для тысяч жителей образовавшихся на его территории русских поселений, а их бывший областной комиссар, уберегший население от голода и сумевший остановить кровавую резню, спровоцированную первой, пока еще неудачной, попыткой насильственной «советизации» Бухары, оказался в переполненной камере ташкентской тюрьмы, где многие месяцы, терзаясь мыслями о бесприютной семье, тщетно ожидал предъявления обвинения... Кадровый дипломат, прослуживший десять лет в шахской Персии и скромно отрекомендовывавший себя «ориенталистом-экономистом», вице-консул П.П. Введенский был яркой, но неоднозначной личностью, о которой современники отзывались с восхищением, завистью или откровенной враждебностью, а советские мемуаристы и историки — только негативно. Ему инкриминировали «лихоимство» и дружбу с отъявленными реакционерами, активную роль в подавлении конституционной революции в Персии и противодействии либеральным реформам в Бухарском ханстве, тайное белогвардейство, вредительство и шпионаж. Пытаясь отделить зерна истины от плевел злонамеренных наговоров и домыслов, автор не берется обвинять или оправдывать своего героя, для которого эмирская Бухара стала поистине мученической Голгофой, безжалостно преследовавшей и напоминавшей о себе до самого конца его трагической, оборванной пулей, жизни.

Написание персидских и бухарских имен и названий дается в соответствии с цитируемыми документами.

В книге представлены фотографии из фондов Центрального государственного музея современной истории России, Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ и др. источников.

1. «НЕ ЩАДЯ ЖИВОТА СВОЕГО...»

Павел Введенский родился 21 декабря 1880 г. в селе Тулиголово Глуховского уезда Черниговской губернии, где жили его родители — отец Петр Николаевич, служивший местным священником, и мать Мария Павловна. Окончив сельскую школу и духовную семинарию в Чернигове, юноша успешно сдал проверочные испытания по русскому и немецкому языкам на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, но, зачисленный в сентябре 1901 г. в число его студентов, уже в январе перевелся на первый курс Лазаревского института восточных языков и параллельно начал заниматься на юридическом факультете Московского университета. Он также посещал заседания Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества, на одном из которых, как значится в ее протоколе, «в очень обстоятельном докладе сообщил свои впечатления из пребывания в Персии летом и осенью 1903 г.», но, предполагая изложить наблюдения об увиденных им древностях позже, «остановился преимущественно на описании дороги от Энзели до Тегерана»: живое дело и сегодняшние реалии привлекали его всегда много больше, нежели размышления о далеком прошлом. Тем не менее профессор Лазаревского института А.Е. Крымский, под редакцией которого выходили труды комиссии — «Древности восточные», счел необходимым опубликовать подробный конспект доклада «г. референта»...

В институтском аттестате Введенского, датированном 10 января 1905 г., говорилось, что за «отличные успехи в науках — арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность, практика турецкого языка, персидского языка и арабского языка, французский язык, — при отличном поведении, по одобрении также представленного им сочинения на тему „История города Мекки — имама Абу Абалла Мохаммеда ибн-Исхака Аббаса аль Факихи“, за которое присуждена ему, Введенскому, золотая медаль», он, определениями Совета Специальных классов от 24 мая и 18 сентября 1904 г., удостоивается права на чин десятого класса — коллежского секретаря, в каковом и утверждается при поступлении на государственную службу. После окончания Лазаревского института Введенский вернулся в Петербург, где продолжил образование на Учебном отделении восточных языков при Первом (бывшем Азиатском) Департаменте Министерства иностранных дел и, сдав 16 мая 1905 г. выпускной экзамен, получил наивысший бал — 12 — по особенно дававшемуся ему персидскому языку, 11 — по арабскому и татарскому языкам и мусульманскому праву, 10 — по

международному праву и турецкому языку, 9 — по греческому и 8 — по французскому. Вслед за этим, приказом по МИД от 2 июня, Введенский был определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту, а месяц спустя, 3 июля, протоиерей Казанского собора привел новоиспеченного дипломата к высокотожественной присяге: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...»¹

В конце ноября Введенский выехал в Персию, назначенный студентом Российской Императорской Миссии в Тегеране, а с июня 1906 г. состоял драгоманом генерального консульства в столице Персидского Азербайджана — Тавризе. Сменив на этом посту известного в будущем востоковеда В.Ф. Минорского, он сумел столь положительно зарекомендовать себя, что сам чрезвычайный посланник и полномочный министр при Персидском Дворе гофмейстер Н.Г. Гартвиг с похвалой отзывался о тавризском драгомане как о «единственном и весьма полезном помощнике консула». К этому времени Введенский уже женился на Татьяне Павловне Колосовской, также происходившей из духовного звания (ее отец служил дьяконом), и 9 марта 1907 г. у них родилась дочь, названная Ниной.²

Азербайджан занимал одну шестнадцатую часть территории Персии, имея на западе общую границу с Турцией, а на севере, на протяжении шестисот верст, — с российским Закавказьем. Почти двухмиллионное население громадного края включало как различные тюркские и курдские племена, так и многочисленные общины ассирийцев и армян, но трехсоттысячное население Тавриза состояло, в основном, из мусульман-шиитов и считалось крайне фанатичным, вследствие чего местные христиане селились отдельно — в квартале Арменистан, на территории которого находилось и здание российского генерального консульства. Располагаясь в конусообразной котловине на реке Аджи-чай, окруженный холмами город насчитывал не менее 40 тыс. домов — преимущественно азиатской постройки, сплошь одноэтажных и с плоскими крышами, скрывававшихся за высокими глинобитными стенами, которые окаймляли его узкие, «коридорообразные», кривые улицы. В центре Тавриза высилась старинная цитадель, обнесенная стеной с бастионами, которая использовалась в качестве арсенала; здесь же находились вмести-

тельная казарма с плацем, дворец наследника шахского престола — Валиагда, многочисленные мечети и пять армянских церквей. Отсутствие городских площадей компенсировалось громадными крытыми базарами и двумя сотнями караван-сараев, а из числа европейских учреждений выделялись отделения русского Учетно-ссудного и английского Шахиншахского банков, пять иностранных консульств, американская духовная миссия и телеграф. Хотя за неимением канализации и ввиду большой скученности населения санитарно-гигиенические условия жизни в Тавризе оставляли желать много лучшего, он считался вторым по значению, после Тегерана, административным, политическим и торговым центром страны.

В Тавризе начинающий дипломат оказался свидетелем бурных событий персидской конституционной революции, одним из наиболее переломных и драматических моментов которой стало вспыхнувшее там летом 1908 г. восстание против власти Мохаммед-Али шаха: накануне он крайне жестоко, с помощью артиллерии своей казачьей бригады, разогнал первый меджлис — парламент. В ходе развернувшихся в городе упорных боев служащим генконсульства приходилось, рискуя собственной жизнью, прибегать к поистине героическим мерам для защиты российских и иностранных подданных от кровавых эксцессов, а их имущества от расхищения, и генеральный консул И.Ф. Похитонов, сообщая 29 сентября о продолжающемся разграблении Аджичайской заставы «Общества Тавризской дороги», указывал, что вернувшемуся оттуда поздним вечером драгоману Введенскому удалось все же, при содействии инженера путей сообщения А.И. Трескинского, спасти автомобиль и некоторые ценные инструменты общей стоимостью до 12 тыс. рублей. «Тавриз, — горько сетовал Похитонов, — забаррикадированный, недоступный для шахских войск, находится в полном распоряжении местных и наших закавказских анархистов. Грабежи, вымогательства денег, даже от русско-подданных, не прекращаются. Бессмысленная мера тегеранского правительства занятием путей лишить Тавриз подвоза жизненных продуктов, нанося неисчислимые убытки нашим подданным, лишь увеличивает серьезность положения, в особенности ввиду наступления холодов».³

Приехавший в феврале 1909 г. на смену Похитонову и вступивший в марте в управление генеральным консульством коллежский советник А.Я. Миллер также считал, что «ни вид трупов, умерших от голода и все чаще попадающих на улицах, ни драки, ни вооруженные столкновения с человеческими жертвами из-за куска хлеба не заставят уставшее от смуты и забитое население принудить несколько сот федаев положить оружие и сдать город». Миллер признавался, что жителей больше страшат насилия и бесчинства со сто-

роны осаждающих Тавриз шахских войск и диких всадников Рахим-хана Карадагского, который, игнорируя приказы тегеранских властей, потворствует грабежам. «Поведение его, — негодовал Миллер, — по отношению к драгоману Введенскому [отправленному 3 марта в трехмесячный отпуск — В.Г.], банковскому чиновнику Петрову и Д[ействи- тельному] С[татскому] С[оветнику] Похитонову при проезде их в Джульфу было возмутительно». Полагая, что в Тавризе хозяйничает «кучка решительных и смелых людей, которым нет ровно никакого дела ни до конституции, ни до блага народа», Миллер докладывал, что власть в городе распределена между несколькими политическими комитетами или клубами, наиболее влиятельными и воинственно настроенными из которых считаются «Энджумен-и-Хакикет» («Клуб истины»), «Энджумен-и-Кудрет» («Клуб власти») и «Энджумен-и-Муджахид» («Клуб борцов за идею, веру...»). В первом из них председательствует Саттар-хан Сардар-и-Миллет («главнокомандующий нации»), в прошлом — «конюх и лошадиный барышник», прославившийся как отличный стрелок и отважный разбойник; во главе двух остальных стоят Багир-хан Салар-и-Миллет («военачальник нации»), бывший рабочий по строительной части, тоже неграмотный, и Кербелаи Али-Мусью, мелкий торговец, долгое время живший в Константинополе. «Хотя разные вопросы и обсуждаются в энджуменах в открытых заседаниях, на которые также допускаются посторонние лица, — указывал Миллер, — но решения всегда постановляются не большинством, а председателем самостоятельно (Саттар-хан, Багир-хан, Кербелаи Али-Мусью) или под давлением нескольких влиятельных членов — как, например, в „Энджумене-и-Ийалэти“ („Областном клубе“ — В.Г.). В сущности, все сводится к олигархии небольшой группы, состоящей из вышеупомянутых лиц, террористическими мерами — при содействии наших кавказских подданных грузин, армян и татар — держащих многочисленное население Тавриза в полном повиновении. Все эти люди разбогатели от грабежа домов бежавших из Тавриза богатых мулл, помещиков, купцов и правительственных чиновников».

Учитывая, что еще в августе 1907 г. Россия и Англия заключили соглашение о размежевании сфер влияния на Востоке, руководство МИД полагало, что уже в силу Гюлистанского договора 1813 г. империя одна имеет законное право для вмешательства во внутренние дела охваченной «анархией» сопредельной Персии с целью сохранения там «законности и порядка». Поскольку же управляющий тавризским генконсульством предупреждал об угрозе разгрома голодным населением жилищ российских и иностранных подданных и европейских учреждений, для защиты их и снабжения города продовольстви-

ем принимается решение послать в Азербайджан отряд русских войск под командованием генерал-майора И.А. Снарского. В связи с этим Введенскому предлагается отложить свой отпуск и вернуться в Персию, о чем министр иностранных дел А.П. Извольский уведомляет 13 апреля императорского наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова: «Выезжающему сегодня в Джульфу драгоману генерального консульства в Тавризе Введенскому мною поручено состоять при отправляемом в Тавриз отряде в качестве дипломатического чиновника. Введенский владеет обоими языками и хорошо знаком с положением дел в Азербайджане».⁴ Хотя уже 26 апреля довольный Миллер уведомляет Петербург, что присмиривший Саттархан в сопровождении Введенского нанес визит генералу Снарскому, центр конституционного движения переместился к этому времени в Решт — столицу прикаспийской Гилянской провинции, захватив которую при активном содействии прибывших из России кавказских боевиков-«бомбистов», местные федаи выступили в поход на шахский Тегеран. Их победное наступление завершилось низложением «узурпатора» и восшествием на престол его юного наследника Султан-Ахмеда, власть которого ограничивал восстановленный в своих правах междлис, при временном регентстве одного из каджарских принцев.⁵ Тогда же Введенский получил «всемиловитейшее» разрешение принять и носить персидский орден Льва и Солнца 3-й степени, пожалованный ему, впрочем, еще экс-шахом, а также возможность продолжить свой отпуск (продленный 28 августа еще на один месяц), из которого он вернулся в Тавриз в конце октября.

Однако, несмотря на победу конституции, «смута» в Персии не прекращалась, и Миллер, жалуясь на то, что положение в Тавризе прежнее, то есть своеволие федаев и слабая власть назначенного тегеранским правительством генерал-губернатора, который, хотя уже и не стесняется называть Саттара и Багира «грабителями и разбойниками», но опасается что-либо предпринять для разоружения их «шаек», сокрушенно добавлял: «Драгоман же Введенский и я с трудом справляемся с массой текущих дел и все увеличивающейся перепиской». Миллер ценил своего помощника и, рекомендуя его в сентябре 1910 г. «кандидатом на повышение — секретарем Политического агентства, Генерального консульства или вторым драгоманом Миссии», отзывался о нем весьма лестно: «Прекрасно знает язык и отлично знаком с судебными делами. Неутомимый и способный работник». В мае 1911 г. так и не дождавшийся повышения Введенский решил сам обратиться к «непременному члену» Совета МИД и заведующему его Отделом Среднего Востока действительному статскому советнику В.О. Клемму: «Усерднейше ходатайствую, буде сие

возможно, назначить меня секретарем в Бухару», — но получил лаконичный отказ: «В Бухару уже назначен Виктор Петров».⁶

В конце того же года в связи с отказом меджлиса принять русский ультиматум и резким ухудшением отношений между Персией и Россией тавризское генеральное консульство оказывается в настоящей осаде, подвергаясь ожесточенным атакам и обстрелам со стороны местных федаев. Наиболее опасная ситуация складывается 8 декабря, когда, располагая чуть более полусотней казаков консульского конвоя, дипломатам приходится оборонять четыре разьединенных между собой здания, включая дом секретарей генерального консульства с примыкающими к нему казачьей казармой и конюшнями и управление «Общества Тавризской дороги» с его Приемным покоем. Указывая, что плененные раненые «добивались и сжигались федаями, подвергаясь при этом надруганию», Миллер с искренней похвалой отзывался о своих ближайших сотрудниках — П.П. Введенском и Р.А. Лисовском, которые, отказавшись перейти в безопасное место, «спокойно делали свое дело и с винтовками в руках, не обращая никакого внимания на свистящие со всех сторон пули, зорко следили за обороной Генерального Консульства». Отмечая их «бесстрашие, хладнокровие и полное презрение к опасности», Миллер упоминал и о совершенном разграблении и разгроме федаями квартиры Введенского, у которого «осталось лишь то, что на нем было; все остальное имущество вместе с платьями его жены было ограблено. Громоздкие вещи — буфет, комод и столы — остались, но были выброшены на улицу». Дочке Введенского не исполнилось тогда еще и пяти лет...⁷

В представлении о его награждении Миллер писал: «В тяжелые дни, с 8-го по 14-е декабря, осады и обстрела Императорского Генерального Консульства, когда горсть защитников бесменно несла день и ночь службу, Титулярный Советник Введенский, заваленный специальной работой по дешифрованию многочисленных телеграмм и ведением переписки, всякую свободную минуту употреблял на общее дело защиты и обороны Генерального Консульства. Проявляя большое самообладание, он неоднократно под выстрелами федаев, с винтовкой в руках, появлялся на крыше среди защитников Генерального Консульства. Как отлично знакомый с расположением города, он оказал громадную услугу, указывая дома и кварталы, откуда Генеральное Консульство наиболее обстреливалось. 10-го декабря в шесть часов вечера, с опасностью для жизни, исполнил в районе, обстреливаемом федаями, три возложенных на него поручения: 1) передать подпрапорщику 1-го Кавказского стрелкового полка приказание командира роты штабс-капитана Левестама 1-го приостановить возведение баррикад вдоль улиц, ведущих к дому секретарей; 2) отпра-

виться в конюшню казаков конвоя Генерального Консульства и вывести, при содействии казаков, оставшихся не уведенными федаями казенных лошадей, а также выяснить степень повреждений зданий и угрожавшей им опасности и узнать место расположения федаев; 3) присутствовать при смене караула в доме секретарей Генерального Консульства, который жестоко обстреливался федаями 8, 9 и 10-го декабря с[его] г[ода], а также взять тело убитого в означенном доме стрелка-мингрельца. Днем 15-го декабря в три часа дня Титулярный Советник Введенский совместно с командиром конвоя подесаулом Федоренко и двумя казаками на многолюдной улице города при толпе, явно враждебно настроенной, с явной опасностью для жизни, по моему приказанию, энергично способствовал задержанию и аресту главаря тавризской революции Сиккет-уль-Ислама, державшего все население города в каком-то гипнозе, руководившего зверским надругательством персидских революционеров над трупами убитых и телами раненных русских солдат и вообще проповедовавшего вооруженную борьбу населения против русских; 16-го декабря Сиккет-уль-Ислам по приговору военно-полевого суда повешен».

В ходе упорного сражения за Тавриз русские войска потеряли, по меньшей мере, сорок человек убитыми, включая одного офицера, и полсотни ранеными — большей частью тяжело, разрывными пулями, причем некоторые из трупов, изувеченных, по определению Миллера, «со всеми восточными жестокостями», носили признаки ужасных страданий: одного из гренадеров мучители закопали живым. Поэтому 15 захваченных в плен федаев были немедленно повешены по приговору военно-полевого суда, но еще 26 помилованы по ходатайству генерального консула. Тавризские впечатления сделали Введенского убежденным противником всяких «революций», которые теперь ассоциировались для него с убийствами, грабежами и разнузданностью толпы. После прекращения боев он «день и ночь работает, разбираясь в массе накопившейся переписки», не уставая, как подчеркивал Миллер, «охотно и беспрекословно исполнять многочисленные мои поручения по описи конфискуемого имущества, расквартированию частей Тавризского отряда и сыскной части, в которой, благодаря отличному знанию персидского языка, города и многих жителей оно, он, драгоман, неоднократно выказывал блестящие способности и способствовал открытию и задержанию виновных главарей федайского выступления». Впрочем, и сам Введенский не скрывал «ответственную» свою роль в подавлении тавризских беспорядков, указывая, что на него «пал арест известного муджетехиды Сиккет-уль-Ислама, его родственников, многих видных федаев, членов энджумена, первоначальный допрос, составление обвинительных актов, обыски, аресты, высылка».⁸

У каждой из противоборствующих сторон — своя правда, и подтвердившему верность присяге Введенскому, произведенному «за выслугу лет» в очередной чин — коллежские асессоры, в феврале 1912 г. пожалован орден Святой Анны 3-й степени, к которому, высочайшим именованным указом от 10 марта, добавлены почетные боевые «мечи» — «за отличия, оказанные при обороне зданий Императорского Генерального Консульства в Тавризе от нападения вооруженных банд персидских мятежников». В конце года следует и долгожданное повышение по службе: 24 декабря Введенский назначен секретарем генерального консульства в Азербайджане, переживавшем расцвет «абсолютизма» местного феодала Самад-хана Шоджа-уд-Доуле — бывшего марагинского губернатора, который, являясь сторонником экс-шаха и ярким ненавистником конституции, безуспешно осаждал Тавриз в 1908–1909 гг. и осенью 1911 г.⁹ Заявления азербайджанского «сатрапа» о том, что, мол, «ни он, ни народ не намерены больше терпеть притеснений и тирании невежественных, алчных и кровожадных лавочников, узурпировавших власть при помощи армян и наемных убийц с Кавказа», весьма импонировали Миллеру, который, считая Шоджу «твердым и опытным администратором», безусловно преданным России и единственно способным навести порядок в столь беспокойной провинции, добился признания его тегеранским правительством в качестве нового генерал-губернатора Азербайджана.¹⁰ Однако, по мнению управлявшего с 1915 г. тавризмским генконсульством коллежского асессора Д.Д. Беляева, «мрачный период» властвования Шоджа-уд-Доуле ознаменовался тем, что под флагом борьбы с персидской революцией военная мощь и влияние России в Азербайджане использовались для «обогащения отдельных лиц русско-подданных и угнетения целых селений». Сменивший же Миллера в марте 1912 г. надворный советник Б.А. Преображенский, человек, по оценке Беляева, «слабый и ленивый», оказался не в состоянии следить за генерал-губернатором, перепоручив все дела и переговоры с ним Введенскому, которому «чересчур доверял».¹¹

Впрочем, доверял ему и многоопытный фон Клемм, который уже весной 1913 г. просил Преображенского уговорить Введенского повременить с отпуском, ибо «Министерство, высоко ценя его серьезную опытность и серьезное знание азербайджанских дел, придает большое значение его пребыванию в Тавризе при первых шагах имеющего прибыть туда нового генерального консула».¹² Но приезд последнего все откладывался, и утвержденный в сентябре на этот пост статский советник А.А. Орлов появился в Тавризе лишь в январе 1914 г. Однако еще накануне, 3 декабря, Введенский был назначен вице-консулом в Урмию, причем Преображенский напоминал МИД,

что его помощник, «пятый год безвыездно находящийся в Тавризе, крайне утомлен и почтительнейше ходатайствует не настаивать на немедленном отправлении к новому посту и разрешить ему заслуженный отпуск для поправления здоровья». Но, ссылаясь на безвыходное положение «за полным недостатком людей», Клемм опять просит его отложить свой отпуск, и 7 февраля 1914 г. Введенский вступает в должность вице-консула в Урмии.¹³

2. ВИЦЕ-КОНСУЛ

Разделенная скалистой грядой на две части — большую по площади западную, возвышенную и почти лишенную всякой растительности, и восточную, низменную, с большим соленым озером и многочисленными, окруженными цветущими садами, селениями, Урмийская провинция играла немаловажную роль в российских планах колонизации северной Персии, реализации которых помешала первая мировая война. Отличаясь от других провинций тем, что из ее почти 300-тысячного населения не менее 40 % составляли христиане (по данным штаба Кавказского военного округа, около 50 тыс. армян-григорианцев и 75 тыс. ассирийцев или айсоров, из которых более половины исповедовали несторианство, 30 тыс. — православие, около 3 тыс. — католицизм и 1 тыс. — лютеранство), Урмия всегда являлась местом острого противостояния и раздора как различных национальных групп, так и религиозных вероучений. Что же касается собственно азербайджанцев и персов, заселявших восточную часть провинции, и ряда курдских племен, обитавших, главным образом, в пограничной с Турцией полосе и исповедовавших мусульманство суннитского толка, то численность каждой из этих групп не превышала и четверти всего населения. В столице провинции, Урмии, располагавшейся в двадцати километрах западнее одноименного озера, проживало более 30 тыс. человек, в основном — мусульман, разбавленных армянами, ассирийцами и евреями, и насчитывалось три с половиной тысячи дворов, меньшая часть которых, старая часть города, заключалась в пределах древней крепости, обнесенной земляным валом и имевшей пять ворот, запиравшихся на ночь. Тут же находились дом губернатора, казармы сарбазов, два базара с караван-сараями и старинная православная, в прошлом — несторианская, церковь. Вне городской стены распо-

лагался новый город, который по площади был почти вдвое больше старого. Российское представительство занимало обширный участок земли по Консульской улице и состояло из двух зданий: «главного дома» с парадными гостиной и столовой, кабинетом, спальней и кухней и «малого дома» с канцелярией вице-консульства и казармой казачьего конвоя, за которыми скрывались конюшня и хозяйственные постройки.¹

Уже по первым официальным визитам Введенский понял, что административное управление провинцией пребывает в состоянии полной анархии, ибо престарелый губернатор оказался настолько дряхл, что засыпал во время беседы, а вся власть распределялась между его сыновьями и внуками, градоначальником, каргузаром — чиновником по делам иностранцев, муджтехидами — высшими духовными лицами, главой полиции, начальником фактически несуществующего военного гарнизона и прочими должностными лицами, которые, заботясь лишь о собственной наживе, абсолютно не считались друг с другом, вынося несогласованные постановления. Но стоило персидско-подданному заявить, что он — православный, католик или протестант, как губернатор и другие чиновники немедленно устранились от разбора его дела, ибо более всего опасались недовольства иностранных духовных миссий, которые самостоятельно вершили суд и расправу над своей паствой. Однако новый вице-консул начинает именно с того, что категорически требует положить конец произволу самой влиятельной миссии — Православной, где, как считает он, «зло анархии и жажда постоянного вмешательства в гражданские правоотношения жителей, вместе с захватом судебно-административных обязанностей, получили наиболее нежелательную форму». Самоуправный захват духовенством функций губернатора, доказывает Введенский, с широким применением прав ареста, заключения в тюрьму и посылки «мамуров» для административных взысканий в деревни, не только озлобляет местные власти, но и побуждает других миссионеров на такую же вредную практику, губит саму идею распространения христианства в Персии. «Наша Православная духовная миссия, — подчеркивает вице-консул в донесении от 24 февраля, — должна, наконец, отказаться от не принадлежащей ей роли администратора и судьи православных сирийцев в Урмии, на что ее никакие закон и власть не уполномочили и что только служит тормозом русской работы в крае, а обратиться к своим прямым задачам — образовывать подрастающее сирийское православное поколение в церковном духе, распространять православие среди несториан, привлекая их на нашу сторону, насаждать полезные знания для жизни, благотворить, лечить, воспитывать в них чувство преданности к Рос-

сии, распространяя прочные знания русского языка в самых отдаленных уголках Урмийского района».²

Уже на второй день после своего вступления в должность Введенский требует отмены и всех самозванных судов, кроме шариатских, грозя принятием жестких мер против любых нарушителей порядка и узурпаторов судебной и административной власти губернатора, который единолично, по тавризскому образцу, должен отвечать за всю вверенную ему провинцию. Губернатору строго наказано не принимать без ведома вице-консула никаких прошений от российских подданных и особенно требований Православной миссии об исполнении ее судебных постановлений. В то же время, сообщал Введенский, «я просил архимандрита о[тца] Пимена, отнюдь не вмешиваясь в гражданские дела и окончательно отказавшись от них, направлять обращающихся к нему клиентов прямо в Императорское Вице-Консульство, которое всегда настаит на справедливом разборе дела в смешанном суде в Диван-ханэ при урмийском губернаторе по земельным делам или в Каргузари по торговым делам в моем присутствии». Вслед за этим принимается решение о рассмотрении всех дел находящихся под покровительством России персидско-подданных христиан в смешанном суде при непрременном участии Введенского, что должно, по мнению последнего, внушить им доверие к местной мусульманской власти и заставить считаться с ее распоряжениями. Причем уже в апреле вице-консул не без гордости докладывал в МИД о том, что организовал для ассирийцев и армян единый гражданский суд в составе губернатора и двух купеческих старшин, мусульманина и христианина, под своим собственным председательством, а также добился неприкосновенности со стороны персидских мамуров в отношении лиц священнического сана и занимающих учительские должности, признания воскресных и праздничных дней христиан, в которые они не могут быть потревожены по судебным делам, и запрещения употребления выражений, затрагивающих их религиозные чувства. Отменялось и заковывание христиан в цепи, а помощнику начальника Православной миссии отцу Пимену дозволялось посещение тюрьмы с целью утешения заключенных единоверцев.

Далее Введенский обращается в генеральное консульство в Тавризе с просьбой настоять перед Шоджа-уд-Доуле об отозвании старого губернатора и назначении на его место Хаджи Этимад-уд-Доуле, который, происходя из семьи наследственных чиновников финансовой администрации, с декабря 1911 г. состоял беглер-беем, градоначальником, азербайджанской столицы, а с июня 1913 г. — губернатором Тавризского округа. В составленном два года спустя представлении о награждении его орденом Святого Станислава 2-й степени со звездой

говорилось, что Этимад, возглавив администрацию Тавриза в момент ликвидации федайского движения в Азербайджане, «успешно выполнил задачу очищения города с 300-тысячным населением от преступного элемента», содействовал расквартированию и снабжению русского отряда и, идя всегда навстречу пожеланиям Императорского Генерального Консульства, при поддержке Шоджа-уд-Доуле, абсолютным доверием которого пользовался, быстро создал положение, позволившее российским подданным развивать свою торговую деятельность «при доверенности, что жизнь и имущественные интересы их бдительно охраняются».³

Прошедший, как с удовлетворением отмечал Введенский, «суровую школу в Тавризе под нашим наблюдением и ясно усвоивший себе наши требования порядка», Этимад приехал в Урмию 5 марта и на другой же день поспешил нанести частный визит в российское вице-консульство, дабы выразить полную готовность беспрекословно следовать всем его указаниям и не предпринимать без ведома одного ни одного самостоятельного шага. В тот же день новый губернатор выпустил воззвание к населению, в котором объявлял, что дом его открыт для всех угнетенных и ищущих правого суда с раннего утра до позднего вечера, и приступил к организации своей канцелярии, судебного и «разведочного» отделов, паспортного бюро и полиции. Под бдительным контролем властного вице-консула, чувствовавшего себя лично ответственным за все происходящее в Урмии и вообще в Азербайджане, оказавшемся тогда, по сути, как и весь север Персии, под протекторатом России, в городе повсеместно наводится порядок. По инициативе Введенского учреждается даже «Благотворительное мусульманское общество по призрению нищих г. Урмии», первая статья устава которого гласит: «Профессиональное нищенство дервишей и других бедняков, в особенности назойливое приставание их к кому бы то ни было в мечетях и общественных собраниях, на гуляниях, базарах, возле домов и в домах, окончательно прекращается». Нищие, действительно, почти исчезли с улиц Урмии, что объяснялось, впрочем, не столько деятельностью организованного для них приюта, сколько жестким полицейским надзором.

Помимо успешной борьбы с административно-судебной анархией и тщетных, увы, попыток убедить МИД в целесообразности назначения нештатных консульских агентов в пограничные округа провинции, где, как предупреждает Введенский, российское влияние среди курдских племен «ничтожно», вице-консул крайне озабочен намерением Германии утвердиться в Персидском Азербайджане. Немецким «поползновениям» там он предлагает противопоставить инициативу и энергию в создании отечественных торговых, транспортных и промышленных предприятий и расширении площади русского земле-

владения и землепользования в целях закрепления за империей господствующего политического и экономического влияния в крае.⁴ Однако в последнем Введенский вовсе не оригинален, ибо к этому времени волна переселенчества уже хлынула в прикаспийскую Астрабадскую провинцию, где в образовавшихся перед войной хуторах и поселках — Александровском, Донском, Кара-Су, Крещенском, Михайловском, Молоканском, Немецком, Покровском, Рождественском, Саратовском и других — поселилось, зачастую самовольно, около трех тысяч российских колонистов. Всячески же поощрявший переселенчество астрабадский консул К.В. Иванов призывал МИД отбросить «неуместную щепетильность» в данном вопросе, ибо: «Если мы откажемся приобретать здесь земли, то наше место займут другие иностранцы...» С Ивановым был согласен и тогдашний поверенный в делах в Тегеране Е.В. Саблин, не без удовольствия констатировавший в июне 1913 г., что только в Астрабадской провинции уже 20 тыс. десятин земли перешли в руки подданных России. В секретной телеграмме от 10 января 1914 г. Саблин пояснял, что, хотя тегеранские власти всячески противятся расширению русского землепользования, запрещая продавать недвижимость иностранцам, и постановления Туркманчайского договора 1828 г. как бы склоняются в пользу Тегерана, — «единственный и естественный закон страны, шариат, весьма нам благоприятен, в особенности, если при совершении договоров все требуемые шариатом формальности будут соблюдены».⁵

Слухи о дешевизне и необъятных пространствах северной Персии приводили будущих колонистов и в Урмию, куда, например, в конце марта прибыли ходоки от группы «крестьян» Таврической и Ярославской губерний, которые, имея собственность в Терской области и занимаясь, помимо земледелия, разведением мериносовых овец, просили Введенского указать им несколько крупных имений, находящихся поблизости от Урмийского озера, с целью приобретения их в полную собственность. В итоге уже 2 мая подписывается купчая крепость на огромный по территории, площадью 20 тыс. десятин, Дештибельский район на границе с Турцией, который наследники местного помещика Ага-хана Мир-Пенджа соглашаются продать за 26 тыс. туманов, то есть приблизительно по 3 рубля за десятину. Расположенная по линии торгового пути Урмия-Ушну-Сулдуз и окруженная со всех сторон горными склонами с богатыми залежами великолепного зеленого мрамора, каменной соли и извести, прекрасно орошаемая дештибельская равнина давно уже привлекала внимание немцев, которые вели переговоры о предоставлении им монопольного права на скупку там шерсти, меньшая часть которой отправлялась на ковровые фабрики в Тавриз, а большая — в Москву и Марсель.

Получив в свою собственность расположенные в Дештибеле восемнадцать имений, включая все земли, горы, холмы, ущелья, постройки и арыки, и назначив временного управляющего, ходоки выехали в Россию для поиска новых капиталов, имея в виду приобрести участок земли на берегу озера, дабы, построив там пароходную пристань, связать ее затем шоссейной дорогой с Дештибелем. Уже в июле Введенский уведомлял МИД о том, что весьма надежная компания «чисто русских людей» готова приобрести и еще два пограничных округа — Тергевер и Мергевер, что вместе с Дештибелем составило бы свыше 100 тыс. десятин земли. Цена сделки, на которой остановились ее участники, составляла 147 тыс. туманов, и компания, имея в наличии лишь 100 тыс., просила русский Учетно-ссудный банк ссудить ей недостающую сумму под залог их земель на один-два года. Введенский горячо поддержал данное ходатайство ввиду, как подчеркивал он, огромного политического и экономического значения «сделки, отдающей в наши руки почти весь Урмийский район».⁶

Еще в феврале, узнав о приобретении немцами участка земли за городом с целью строительства там своих предприятий, Введенский решил опередить конкурентов и после долгих переговоров убедил взяться за это дело купца И.Б. Автандилова — российского подданного, который, получив от вице-консула рекомендательные письма на имя директора канцелярии императорского наместника на Кавказе и председателя тамошнего Биржевого комитета, выехал в Тифлис с целью заказать необходимое оборудование. Уже 15 апреля в присутствии почти всех офицерских чинов Урмийского отряда, персидской администрации и всей иностранной колонии, представителей духовенства и купечества состоялась торжественная, с молебном, закладка первых русских промышленных предприятий в Урмии — кирпичного завода, паровой лесопилки и мельницы. Введенский считал, что это событие знаменует собой определенную победу России в открытом соревновании с Германией. Еще через два месяца благодаря настойчивости вице-консула, убедившего одного из урмийских купцов, уступить по сходной цене, с рассрочкой на шесть лет и без уплаты процентов, принадлежащий ему большой, выходящий на Консульскую улицу, участок земли, состоялась закладка на нем четырех корпусов казарм для русского отряда с церковью и военным собранием, в котором предполагалось устроить театральный зал, комнаты для игры в бильярд и карты, фехтовальный и гимнастический залы, офицерскую столовую с буфетом и номера для приезжих. Указывая на непрерывный рост численности русской колонии, состоявшей, помимо военных трех родов оружия и православного духовенства, из служащих местного агентства Учетно-ссудного банка и ряда крупных

коммерческих фирм, вроде организовавшего пароходное сообщение на Урмийском озере «Торгового дома Будагьянца», Введенский с большим сожалением отмечал, что, в отличие от немцев, у его соотечественников отсутствует единство и спайка, и предлагал сделать все возможное для организации в Урмии необходимейших очагов российской культуры, а именно: клуба (по примеру тавризского, пользовавшегося большой популярностью даже у иностранцев), библиотеки-читальни, русско-персидских школ и больницы-амбулатории. При этом Введенский пенял духовной миссии, что та, издавая журнал «Православная Урмия» и обладая богатой библиотекой и огромным зданием под свое училище, преследует только «узкие цели насаждения православия среди айсор, не заботясь совершенно об общем образовании масс русско-подданных и подъеме их культурного уровня».

Посетивший вице-консульство 30 июля английский комиссар ту-рецко-персидской разграничительной комиссии капитан А. Вильсон с неподдельным интересом выпытывал у Введенского, чем объясняется такая оживленная застройка Урмии и внезапное умиротворение жителей всегда столь беспокойной пограничной провинции. Введенский ответил, что благодаря проведению Тавризской железной дороги к озеру урмийцы, видимо, прониклись сознанием грядущего переворота в их хозяйственной жизни, чему немало способствовал и «верный курс, взятый Императорским Вице-Консульством в деле административного управления краем, в тех советах, кои преподавались персидским властям по различным вопросам и, особенно, в устройстве суда, всегда составлявшего язву провинции и ведшего к расстройству гражданского правопорядка». Но, конечно, молчаливое присутствие стоящих на страже мира русских войск дает существеннейшую гарантию спокойной жизни населения, побуждая его к созидательной деятельности и укрощая воинственные настроения курдских племен.⁷

Однако всевластие России в северной Персии отнюдь не по душе тегеранскому правительству, и в июне 1914 г. министр иностранных дел Восуг-уд-Доуле вручает новому императорскому посланнику И.Я. Коростовцу пространную ноту, в которой, ссылаясь на предстоящую коронацию достигшего совершеннолетия Ахмед-шаха и необходимость устранения существующих недоразумений в отношениях между двумя государствами, настаивает на выводе русских войск с заменой их шведской жандармерией. Высказываются претензии и относительно взимания малиата, земельных податей, и других налогов при посредстве консульских учреждений России, приобретения ее подданными земли в собственность и недопустимого поведения Шоджа-уд-Доуле, который, нисколько не считаясь с центральной

властью, противится коронации молодого шаха и срывает в Азербайджане выборы в третий меджлис.⁸ В свою очередь шахское Министерство внутренних дел, расценивая новый порядок судопроизводства в Урмии как противозаконный, безуспешно добивается от Шоджи вызова тамошнего губернатора Этимад-уд-Доуле на расправу в Тегеран. В качестве доказательства агрессивных замыслов России по отношению к Персии лондонский журнал "The Near East" (№ 164 от 26 июня) также ссылается на созданную в Урмии апелляционную инстанцию для местных судов с участием русского вице-консула и сообщает, что, по оценке главного персидского казначея бельгийца Морнара, уже треть всей территории Азербайджана составляет русская собственность. Однако Введенский пренебрежительно отвергает упреки англичан, указывая на «чисто отеческое попечение России» за положением в соседних провинциях Персии и на воцарившийся там порядок, который, увы, не могут обеспечить тегеранские власти. Ссылаясь на публикации местных ассирийских газет, Введенский доказывает, что никто, кроме российского вице-консула, «не может внушить к себе доверия в Урмийской провинции, представляющей уже с давних времен арену борьбы и национальных и религиозных сил смешанного населения, усугубляемой разрушительной деятельностью миссионерских обществ». Именно поэтому урмийцам, испытывавшим на себе различные системы судоустройства, более-де всего пришлось по душе «правильно поставленный гласный консульский суд с участием присяжных заседателей и представителей персидской власти», хотя его функции и ограничиваются по преимуществу рассмотрением дел находящихся под покровительством России персидско-подданных. Что же касается земельных приобретений русско-подданных, то они осуществляются «на основании шариатных купчих крепостей, явленных у каргузара, а в большинстве — у губернатора и местного духовенства».⁹

Тем временем все, стоящие в оппозиции к персидскому правительству, с надеждой обращают свои взоры на известного противника конституции Шоджа-уд-Доуле, тайно уговаривая его явиться с военными силами под стены Тегерана. Убеденный, что вместе с новым меджлисом вернется и прежняя анархия, которая непременно захватит Азербайджан, Шоджа отдает приказ губернаторам подчиненных ему провинций позаботиться о скорейшей отправке в Тавриз оружия из городских арсеналов, но все еще колеблется, не желая идти против воли России, которая, как полагает он, согласилась на проведение выборов только под давлением англичан. Считаая, что созыв меджлиса станет концом его государственной службы, и разрешив выборы в Азербайджане, он пойдет против своих жизненных и политических принципов, Шоджа все больше склоняется к тому,

чтобы устранившись от дел и уехать в Россию. Однако хорошо изучивший генерал-губернатора Введенский предупреждает МИД о том, что не видит достойного кандидата для замены Шоджи, то есть «вполне послушного нам» и имеющего такую же силу воли, без которой фактически невозможно управлять столь «центробежным» краем при все еще продолжающейся упорной борьбе между державами за преобладание их влияния в Азербайджане. «Имея массу природных недостатков, — докладывает Введенский 27 июня, — но несомненно меньше, чем другие персы, и покрываемых положительными качествами твердого и прямодушного администратора, доказавшего не раз нам свою неподдельную преданность, Шоджа неуклонно, до настоящего года, исполнял все наши требования, отклоняя притязания представителей других иностранных держав — Англии, Германии и Турции. Не преувеличивая, можно сказать, что положение, занятое нами в Азербайджане, во многом обязано силам и умению Шоджи, никогда никого не боявшегося. Население Азербайджана, остающееся не приобщенным к благам европейской культуры, в большинстве еще не вышедшее из рамок племенного устройства, ценило в Шодже его твердость и силу, боялось его...» Хотя Введенский напоминал, что Азербайджан уже видел тип нового администратора, который «довел провинцию, своим преклонением перед гражданской зрелостью персов, до непоправимой анархии, а за сим — и памятной Декабрьской резни» 1911 г., Коростовец мало сочувствовал Шоджа-уд-Доуле, самоуправство которого обостряло взаимоотношения Миссии с тегеранским правительством и британским посланником. Поэтому предостережения Введенского проигнорировали и азербайджанскому сатрапу пришлось в конце концов покинуть родину.¹⁰

Уже в июле Введенский поддерживает почти фантастический проект нештатного драгомана вице-консульства Петроса Эллова об осуществлении территориальной связи между проживающими в Турции горными ассирийцами-несторианами и их соплеменниками в Персии с целью, как поясняет он, соединения тяготеющих к России, но разобщенных ветвей одного народа в «неразрывное целое, новый христианский оплот против возможного фанатизма мусульман, подогреваемых немецкой пропагандой». Предлагая переселить ассирийцев в пограничные округа Тергевер и Барадост, а тамошних курдов — в соседние Дештибель и Мергевер, Введенский считает также необходимым примирить национальные интересы не ушедших, по его мнению, «далеко друг от друга в культурном отношении сирийцев и курдов», преодолев их «слепую рознь» на религиозной основе, посредством воздействия христианских миссионеров на первых и привлечения вторых на сторону России за счет оказания «моральной

поддержки курдским главарям». Предложенное же Элловым вооружение ассирийцев Введенский находит преждевременным ввиду потери-де ими моральных ценностей, постоянного стремления разделиться на противоборствующие группы, «легкую подкупность и, в силу этого, быструю смену симпатий». Тем не менее, заверяет он МИД 9 июля, «рядом небольших и незаметных усилий, при благоразумной осторожности, избегая излишней суеты и шумихи, вполне возможно приступить с осени текущего года, до начала засева полей, к постепенному проведению в жизнь колонизации Тергевера и Барадоста сирийцами и переселению на их места в Мергевер и Дешт курдов и других мусульман». Но предложение вице-консульства запоздало, так как 18 июля в Урмию пришла телеграмма об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии: начиналась первая мировая война...¹¹

3. СРАЖЕНИЕ ЗА УРМИЮ

Уже первые мобилизационные приготовления русского отряда вызвали среди горожан легкую панику, а после того, как с раннего утра 19 июля по улицам Урмии потянулись обозы с имуществом офицеров, отправлявших свои семьи и вещи в Россию, в канцелярию вице-консульства стали являться представители разных национальных групп, которые умоляли открыто сказать о надвигающейся опасности. Так как поток депутатий не прекращался, Введенский предложил губернатору оповестить население, что русские войска остаются в Урмии, а семьи военных уезжают на родину по случаю жаркого времени, но это объяснение было воспринято с недоверием, и настроение в городе оставалось довольно нервным. На следующий день стало известно об объявлении Германией войны России, и собравшаяся на перекрестке Консульской, Стрелковой и Торговой улиц толпа армян и ассирийцев устроила Введенскому, направлявшемуся в экипаже в здание Православной миссии, шумную овацию. Появление командира 5-го Кавказского стрелкового полка, ехавшего из лагерного расположения Урмийского отряда в оставленную в городе для охраны порядка роту, еще более воодушевило сочувственную манифестацию, и в воздух полетели шапки, платки, появился портрет Николая II, раздалось нестройное пение «Боже царя храни», а затем несмолкаемый гул: «Ура! Да здравствует Россия!»

Утром 25 июля в Урмии состоялся торжественный молебен, на который явился в полном походном снаряжении весь русский отряд, выстроившийся шпалерами вдоль Консульской улицы; к нему примкнули персидские казаки. Крестный ход во главе с преосвященным Сергием, епископом Салмасским, и сонмом православного духовенства и звуки музыки «Коль славен наш Господь в Сионе» заставили десяти тысячную толпу обнажить головы. «Особенную торжественность минуте, — докладывал Введенский, — придало появление нескольких процессий с портретами Государя, украшенными живыми цветами и русскими флагами. В начале молебна на площадь прибыли в конном строю все англичане, участники турецко-персидской разграничительной комиссии, во главе с энергичным капитаном Вильсоном, ведшим за собой сипаев в полной парадной форме. Здесь же присутствовали все русские члены комиссии, персидские власти, духовенство и знать. Персидские члены комиссии, принявшие особый тон поведения, начиная с Ушну, и желая подчеркнуть свое отрицательное отношение к создававшемуся порядку вещей, отсутствовали на этом празднике единения населения с русским народом и его представителями. То же самое нужно сказать и о турецких чинах, искавших случая уклониться от непривычного зрелища слишком большого показателя настроения масс. Накануне молебна турецкий консул рассылал по всем кварталам кавасов, отбирая подписки от своих подданных и сторонников не появляться на площади даже из простого любопытства. Нет никакого сомнения, что в тегеранцах-персах и турках мы не могли искать сочувствия. Слово Владыки было выслушано с гробовым молчанием... После окончания молебна с коленопреклонением наши войска под звуки музыки тронулись по улицам города, разукрашенным коврами, лампами и зеркалами, увлекая за собой всю толпу. Пение „Боже царя храни“, „Славься, славься“, „Спаси Господи“ раздавалось по линии движения наших войск. Каждая улица, встречая их, манифестировала. Тепло встретили наши войска французские католические миссионеры. Урмия, можно сказать, за все время своего существования вряд ли видела такой подъем народных чувств»¹.

Однако, хотя тегеранское правительство объявит о нейтралитете страны, формально еще не вступившая в войну Турция рассчитывает использовать своих единоверцев-курдов, проживающих в пограничных округах Персии, и бывших федаев, по-прежнему тщетно мечтающих об освобождении родины от диктата России, для вытеснения русских войск с азербайджанской территории под зеленым знаменем «джихада» — священной войны с неверными. Надеясь на быстрое овладение Урмийской провинцией, турки рассматривают ее как базу для дальнейшего наступления на север в направлении Хой-

Дильман и, через русскую Джульфу, на Эривань. Поэтому в конце июля в пограничной полосе Турции объявляется всеобщая мобилизация, а нашедшие там убежище персидские конституционалисты-эмигранты начинают тайно возвращаться на родину, причем уже 4 августа Введенский сообщает, что «урмийский федай Машади Багир появился в Мергевере в доме Шейха Джалал-ед-Дина», а «известный организатор тавризской бойни Эмир Хишмет прибыл на границу в Баджирга, откуда ведет переговоры с подозрительными элементами Урмии, Хоя». Поскольку же российский МИД и императорский наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков требуют всемерно воспрепятствовать распространению деятельности революционеров, для чего «желательно их немедленно арестовать», уже 19 августа губернатором Урмии отправлен на виселицу федай Юсуф Юфи.²

Естественно, что десятки тысяч проживающих в Турции ассирийцев-несториан сочувствуют христианской России, и жители ее пограничных районов, не желая подчиняться мобилизации, стараются перебраться на персидскую территорию, что удается лишь тремстам из них, ибо основная часть беглецов, до 15 тыс. человек, задерживается курдами на границе. Обеспокоенные участием вызванного в Ван патриарха несториан, их духовного и светского главы, Мар-Шимуна Беньямина, нападением на дом митрополита Мар-Хнанишо с убийством его слуги и жестокими притеснениями, чинимыми турецкими властями в отношении местных ассирийцев, их урмийские соплеменники обращаются через Введенского к российскому правительству с просьбой вмешаться. Но им уже в пору самим думать о защите, ибо в преддверии войны и во избежание разгрома турками разбросанных по Азербайджану русских частей предполагается вывести их из прилегающих к границе пунктов и сосредоточить в Хое. Однако указанный план вызывает решительные возражения со стороны генерального консула в Азербайджане А.А. Орлова, урмийского вице-консула П.П. Введенского и управляющего хойским вице-консульством Н.М. Кирсанова, которые на совещании 17 августа сходятся в убеждении, что это приведет к неминувшему крушению влияния России в Персии, ибо прибегнуть для поддержания спокойствия и порядка «к неорганизованным бандам всадников Шоджа-уд-Доуле возможно было бы лишь при полном отказе нашем от непосредственного вмешательства в устройство Азербайджана». Настаивая на отзыве в Хой только Соуджбулагского отряда с сохранением неприкосновенным Урмийского и численным уменьшением Тавризского, совещание предлагает «озаботиться немедленным вооружением наших естественных сторонников-христиан и, прежде всего, доставить потребные для этого на первое время 3 000 трехлинейных винтовок». В свою очередь Введенский доказывает

МИД, что вывод отряда из Урмии перечеркнет все предыдущие усилия российской дипломатии на севере Персии, ибо дружественное мусульманское население моментально станет искать опору в турках, а лояльные еще курдские племена поднимут восстание и начнут резню христиан.

С этим в принципе согласен и министр иностранных дел С.Д. Сазонов, который 26 августа убеждает кавказского наместника: «Преждевременное очищение нами Урмии грозит не только умалением нашего престижа, а гораздо более серьезными последствиями, как вероятность возникновения беспорядков, коими турки неизбежно воспользуются для перехода границы, и, во всяком случае, утрата нами доверия элементов в Персии и Турции, в особенности христиан, на которых нам необходимо опираться в первую голову. Приветствую поэтому решение Вашего Сиятельства вывести из Урмии наш отряд лишь после того, как, по соглашению с азербайджанским генерал-губернатором, там будет установлена надежная администрация и достаточная персидская военная сила». Но, поскольку никто не верит в способность Шоджа-уд-Доуле защитить жизнь и имущество населения без опоры на русские войска, урмийские армяне принимают решение вывезти свои семьи на Кавказ и просят Введенского о выдаче или продаже им патронов для самообороны. Правление местного отделения Учетно-ссудного банка Персии также спешит переправить свои наличные средства в Тавриз. «Губернатор заявляет о полнейшем бессилии и отсутствии средств, — сокрушается Введенский в очередном донесении от 27 августа. — Граница абсолютно беззащитна. Сотня персидских всадников охраняет три пути на Ушну, Сулдуз и Салмас. 100 сарбазов и 100 безоружных персидских казаков составляют все силы. Уход отряда и наглядная беззащитность провинции сразу толкают беспокойный элемент на грабежи и беспорядки. Персидские федаи на границе ожидают удобного момента для выступления. Необходимы средства, оружие, патроны, хотя бы для самозащиты населения. Конвой в 50 человек не в силах дать защиту русским консульству, учреждениям, подданным и покровительствуемым лицам».

Ситуация усугубляется и полученным в тот же день сообщением об отставке Шоджа-уд-Доуле, обвиняемого политическими противниками в недостатке патриотизма и служении интересам России, что в сочетании с выводом русских войск будет, по мнению Введенского, способствовать усилению злонамеренной агитации «против преданного нам, но бессильного урмийского губернатора Этимад-уд-Доуле». 28 августа вице-консула снова посещает депутация встревоженных ассирийцев во главе с православным епископом Мар-Илией с мольбой, пока еще не поздно, снабдить их оружием и патронами для самообороны, ибо с ужо-

дом русского отряда они серьезно опасаются курдских зверств. «Нахожу просьбу их заслуживающей всякого внимания», — подчеркивает Введенский, хотя по-прежнему убежден, что вооружение христиан со сформированием из них добровольческих дружин будет иметь смысл лишь в случае оставления в Урмии русского отряда. «Армянские семьи выезжают массами, — телеграфирует Введенский в Тифлис, Тавриз и Тегеран в тот же день, — остаются только мужчины. Отъезд армян всполошил сирийцев. Последние пока переселяются в город, но, несомненно, с уходом отряда они последуют за ним... Беззащитность полная и несравненно хуже той, которая была в 1908 году. Все оружие урмийских складов стянуто Шоджа-уд-Доуле для борьбы с Тегераном. Бегство сирийцев вызывает смелость курдов, которые начали заниматься небольшими набегами. Сегодня с утра консульство осаждается толпами сирийцев, умоляющих оставить хотя бы небольшую часть отряда для защиты их семей и имущества. Представитель американской миссии мистер Шод, прося о том же, указывал на непоправимую ошибку с нашей стороны — увод отряда, отдающий беззащитное население дикой расправе курдов. Шод телеграфирует американскому консулу в Тавризе [о необходимости] содействовать оставлению части отряда для защиты европейцев и христиан. Русско-подданные просят вооружить их для самозащиты. Отряд готовится к выступлению. Принимаю все меры, чтобы успокоить население, остающееся без всякой защиты».³

Сыграла ли свою роль настойчивость Введенского или что-то другое, но уже 31 августа исполняющий обязанности дипломатического чиновника для пограничных сношений при императорском наместнике на Кавказе С.Н. Столица уведомляет вице-консула, что главнокомандующим Кавказской армией, пост которого номинально занимал тот же Воронцов-Дашков, сделано распоряжении об оставлении в Урмии сильного конного отряда в составе двух казачьих полков с артиллерией. Узнав об этом, Введенский немедленно берется за составление проекта организации партизанских дружин из урмийских ассирийцев и армян, задача которых, по его мнению, должна заключаться в защите местного населения от грабежей курдов, оказании сопротивления туркам и содействии русским войскам, включая разведку и боевые действия в тылу противника. Однако многие дипломаты, в том числе русский комиссар по турецко-персидскому разграничению надворный советник В.Ф. Минорский, полагают, что предложенные Введенским дружины не только не принесут никакой реальной военной помощи, но и обрушат на христиан «справедливую» месть турок. «Формируя банды», предупреждает Минорский, «мы принимаем на себя ответственность за начало войны», а также «оттолкнем массу курдов, гораздо более важных нам по всей Турции».

Тем временем появившиеся в пограничной полосе странствующие дервиши, под видом которых в Персию проникают и лазутчики, от имени главы Ванского вилайета и других представителей турецких властей призывают курдов к войне с неверными, обещая им оружие при условии активной военной поддержки в грядущей войне с Россией. Хотя, заполучив винтовки и патроны, курды все чаще обстреливают русские пограничные посты и начинают нападать на селения ассирийцев в округе Барадост, Введенский еще надеется локализовать беспорядки, поручая борьбу с восставшими лояльным губернатору курдским вождям и не вмешивая пока в дело войска. Вице-консул все еще допускает возможность нейтралитета части курдских племен «в случае материальной в том заинтересованности» и при условии, если они поверят в военную мощь России. Но после того, как в связи с прибытием в Урмию 13 сентября двух сотен Сунженского и шести сотен Кубанского казачьих полков с полубатареей охранявший границу 5-й Кавказский стрелковый полк снимает свои посты, оттуда вслед за ними уходят чины персидской таможни и семьи местных ассирийцев. Хотя Этимад, по настоянию Введенского, заявляет протест турецкому консулу в связи с проникновением вооруженных отрядов курдов и состоящих в запасе аскеров – «редифов» на территорию Урмийской провинции в районе Барадоста, 17 сентября последние обращают в бегство эскадрон шахской казачьей бригады.⁴

Принимая во внимание «угрожающее движение больших курдских масс, среди которых есть турецкие редифы», Введенский предлагает двинуть против них сильный отряд пехоты и казаков, но первая уходит в Хой, а введенный в город конный отряд настроен весьма нервно, ибо, не зная местности, имеет указание немедленно оставить Урмию в случае наступления турок. Однако 18 сентября курды совершают нападение на казачью сотню в Маване в округе Тергевер, и русский отряд выступает ей на помощь, оставив в городе лишь полусотню консульского конвоя и два орудия. Тогда же Введенский приходит и к весьма неутешительному выводу в отношении позиции недавних союзников России, заявляя: «На курдов у нас не должно быть никакой надежды в Урмийском районе и полагаться на так называемых наших сторонников положительно сейчас нельзя, так как турками движению придается характер священной войны и, с другой стороны, представляется полная свобода грабежей...» Хотя вторжение турецких курдов и паническое бегство из пограничных районов семейств христиан полностью перечеркивает план образования там очагов самообороны ассирийцев, которых так и не успели вооружить, 20 сентября русский отряд, активно используя свою артиллерию, отбрасывает противника за пределы персидской территории.

«Среди нападавших, — негодует вице-консул, — были, помимо турецких главарей аширетов [курдских племен — В.Г.], и персидские феодалы, повторившие тавризмские издевательства над нашими убитыми казаками. У одного отрезана голова, у другого разложен огонь на груди. Курды разграбили и сожгли несколько селений, в Маване зарезано 10 женщин и мужчин». На другой вечер тысячи беженцев-ассирийцев, по преимуществу женщин и детей, провожали в последний путь шестерых русских казаков. «Упоминание в речи священника об отрезанных головах., — писал Введенский, — потрясло многочисленную толпу горькими слезами. Похороны собрали весь отряд и всю русскую и иностранную колонии, запрудивших все улицы, ведущие к церкви. Крайне смущает то, что курды за свои зверства остались безнаказанными». На возмездии настаивает перед кавказским наместником и епископ Сергий.

Однако на совещании в Урмии начальник русских войск, ссылаясь на слабость своих сил и изношенность конского состава, указывает на невозможность отстоять Тергевер, занятие которого противником, негодует Введенский, явившись следствием «поспешной смены отряда, а равно несвоевременного перехода от гарнизонной охраны и поддержания порядка в провинции к частичным военным выступлениям из центра, открывает курдам доступ к ближайшим окрестностям Урмии». Вице-консул считает, что во избежание последнего «необходимо сильно реагировать на курдские выступления, чего не сделано ни в Барадосте, ни в Тергевере и от чего курды становятся все более дерзкими». Последнее подтверждается и нападением на возвращавшиеся из Маваны казачьи сотни, когда плотный ружейный огонь курдов, выбравших удобную позицию над крутым спуском, произвел смятение в задних рядах войск, которые в темноте стали напирать на передние ряды. Бегство русских казаков, потерявших двух человек убитыми и шестерых ранеными и даже бросивших свои походные кухни и лазаретную двуколку, породило многочисленные толки среди и без того возбужденного населения, начинавшего серьезно волноваться за свою участь. «Мне приходилось сегодня, — сетует Введенский в донесении от 22 сентября, — принимать репрессивные меры против некоторых лиц, вызывавших панику. Под предлогом курдского нашествия, которого якобы не сломить русскому отряду, турецкий консул начал требовать от губернатора снабжения его оружием для самозащиты, — на самом деле, для поощрения своих сторонников к враждебным выступлениям против нас. По сему поводу меня посетили миссионеры — англикане и пресвитериане, которых пришлось успокаивать. Нашим отрядом бомбардированы две курдские деревни...»⁵

Но положение продолжает стремительно ухудшаться, и из другого пограничного округа — Мергевер, где тоже появились турецкие аскеры, курды изгоняют местного вице-губернатора. В то же время по всей Урмии распространяются воззвания за подписью Эмира Хишмета, в прошлом — одного из видных деятелей конституционной революции, о командировании турецким султаном своих вооруженных сил в Персию для оказания-де содействия молодому Ахмед-шаху в борьбе с русскими и окончательного изгнания их из Азербайджана. Хотя последним адресовано ультимативное требование — покинуть Урмийский район в течении 48 часов, ибо в противном случае с ними расправятся как с разбойниками, Введенский игнорирует угрозы. «Не допускаю никакого бегства русско-подданных и состоящих под нашим покровительством персидско-подданных из Урмии для предотвращения паники среди населения, встревоженного нашим неудачным выступлением против курдов, — хладнокровно докладывает вице-консул 23 сентября. — Отказываю в составлении протоколов о наличии товаров и не выдаю разрешительных свидетельств на проезд через озеро. Предлагаю всем защищаться, оставаясь спокойно на местах, впредь до распоряжения по сему Императорской Миссии». Впрочем, посланник Коростовец, одобряя в целом распоряжения вице-консула, вовсе не горит желанием делить с ним ответственность за жизни российских подданных и лиц, находящихся под покровительством империи, советуя Введенскому применять необходимые меры для их защиты «по собственному усмотрению».

В секретной телеграмме от 25 сентября, которая доводится до сведения находящегося в Царском Селе императора, Введенский ходатайствует об усилении русского отряда в Урмии, предупреждая, что из-под влияния России уже фактически вышли пограничные округа Барадост, Тергевер, Мергевер и Дешт, из-за чего «наши протезе, платившие малиат и признававшие только наш суд, не видя защиты своих имущественных прав в названных областях, — на перепутье, опасаясь занятия турками всей провинции». Поскольку же вице-консул убежден, что вверенный в его попечение район находится «накануне явного вторжения турецких, федайских и курдских нафанатизированных банд», на донесении Введенского встревоженный Николай II оставляет 28 сентября свою высочайшую резолюцию: «Положение наших войск в Урмии продолжает меня беспокоить. Нужно сделать одно из двух — либо их отозвать, либо дать полную свободу действий ген[ералу] Воропанову — не допускать захвата турками или курдами персидской территории». Увы, Введенский оказывается провидцем, и ранним утром того же дня Урмия подвергается яростным атакам тысяч и тысяч вооруженных курдов, которые, наступая с трех

сторон, захватывают и сжигают расположенное в шести верстах от города ассирийское селение, где убивают священника и нескольких женщин.

«28-го сентября целый день шел бой между нашим отрядом и курдами, которым удалось занять несколько окрестных деревень, — описывал Введенский ход сражения за Урмию два дня спустя. — Артиллерия все время сдерживала быстрый натиск курдов на город. Население, в особенности мусульманское, видя наше сомнительное положение, начало серьезно готовиться ко всяким случайностям. Заметны были переговоры многих с турецким консулом. Дабы парализовать переход мусульманского населения на сторону курдов, я объехал днем всех духовных лиц и нотаблей, предупреждая о рискованности [такого] шага... Выпустил объявление к населению, угрожая репрессиями за попытку отдельных нападений на наши войска в черте города и за оказание тайного содействия федаям. Ночь на 29-е прошла весьма тревожно с опасениями внезапного прорыва в город... Сильный бой развился к часу ночи из-за обладания Иудейской горой. Весь отряд был наготове. Население в страхе перед курдской резней оккупывалось. Никто не спал. Всем было ясно, что город перейдет в руки курдов, но мужественная защита названной горы и наступившая темнота предотвратили бедствие. 29-го сентября к двум часам дня, несмотря на наш артиллерийский и ружейный огонь в помощь сирийцам, ...гора была сдана. Курды сожгли пригород Сенгер и заняли приступы к другому пригороду Чарбаш. К вечеру телефон и телеграф были прерваны, началось повальное бегство жителей. Убеждениями предупредил оставление города управляющим нашим банком, американскими миссионерами, губернатором и многими нашими подданными и протеже. Около пяти часов посетил преданного нам, но дрогнувшего перед страхом дикой расправы курдов, губернатора, у которого были собраны все персидское купечество, знать и духовенство. Заверив в нашей защите мирного населения до последней возможности, я, дабы разубедить их в инсинуациях здешнего турецкого консула (официально и частно пропагандировавшего на этих днях, что ислам в опасности, с целью восстановить против нас мусульманское население), указал документально, что движение курдов вызвано и поощряется турецкими властями в целях создания осложнений для русских в Азербайджане...»⁶

Хотя казалось, что удержать Урмию не удастся, подоспевший из Хоя около полуночи 5-й Кавказский стрелковый полк, зайдя курдам в тыл, вынудил их к беспорядочному отступлению, причем в числе оставленных ими на поле боя убитых оказались и трупы семи турецких аскеров, что подтверждалось найденными при них документами.

Уже в ноябре, ходатайствуя о награждении Введенского орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, один из руководителей обороны Урмии — наблюдавший за консульскими конвоями в Азербайджане полковник Генерального штаба Д.И. Андриевский — отмечал, что деятельность вице-консула, «всегда вообще отличающаяся выдающейся энергией и продуктивностью, достигла в то время высшей степени напряжения». Надо прямо сказать, указывал полковник, «что порядок в Урмии и удержание этого города в наших руках следует отнести главным образом к выдающемуся спокойствию Введенского и его энергии, которая в некоторых случаях представлялась местному Азербайджанскому военному начальству не вполне уместным вмешательством не в свое дело». Подчеркивая, что советы и требования вице-консула вызывались исключительностью обстоятельств и приносили лишь пользу, Андреевский далее писал: «Рискуя собственной семьей и имуществом, которые он не вывез из Урмии, дабы не подать повода к панике в то время, когда город с минуты на минуту мог попасть в руки озверелых курдов, вице-консул Введенский проявил положительно исключительный пример самоотверженности и мужества».⁷

Посетив 2 октября вместе с губернатором оставленные курдами окрестные ассирийские селения, Введенский сокрушенно докладывал: «Везде налицо результаты джихада. Христианские храмы, православные и католические, сожжены и обесчещены. Святые иконы изрублены. Все, что можно, похищено. В Ангаре видел трупы сожженных христиан с проткнутыми большими заостренными кольями животами, обесчещенную раздетую и замученную старуху-христианку. Все строения сирийцев сожжены и разрушены. Пожар окрестных селений продолжается, горят гумна и жилища». Уже на следующий день по дороге на Ангар выстроились виселицы, на которых, по приказу урмийского губернатора, были казнены одиннадцать человек, признанных виновными в учинении зверств. Но еще до этого пришедший в Урмию русский отряд выступает в карательную экспедицию в Тергевер, Мергевер и Дешт для исполнения сурового предписания Воронцова-Дашкова: «Наказать курдов беспощадно, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, особенно — в отношении главарей». Соглашаясь с целесообразностью устрашающей акции, Введенский также считает, что «ввиду полнейшего покровительства турок курдам необходимо означенное их наказание с нашей стороны, иначе экспедиция совершит свою задачу наполовину, и курды вновь появятся в районе более озлобленными». Хотя уже 6 октября вице-консул уведомляет Тегеран, что «карательный отряд, предав огню и разрушению курдские селения района Тергевера, Мергевера и Дешта и

отбросив с боем вооруженные силы курдов на турецкую сторону, вернулся в Урмию», — жестокость и кровь порождают ответную жестокость и кровь...

Предупреждая, что турки будут толкать враждебные племена на новые военные выступления, Введенский ходатайствует об оставлении на зиму в Урмии русской пехоты, «действующей сильно на курдов». Однако Воронцов-Дашков возражает против распыления сил и считает, что наступление турецких войск со стороны Вана отрезжет занимающие Урмию части от основной группировки в Хое. «Считаясь с этой возможностью, — информирует он 6 октября министра Сазонова, — я приказал образовать для занятия Урмии конный отряд, способный быстро с началом войны присоединиться к главным силам генерала Воропанова. Вероятность такого движения конного отряда надо признать почти неизбежной, и таким образом тот престиж, который мы тщательно охраняем в дни мира, будет разрушен в первые же дни войны с Турцией. Избежать этого, по моему мнению, возможно, приступив теперь же и при том безотлагательно к формированию в Урмии особого отряда из сирийцев и других преданных нам людей под руководством полковника Андриевского и вице-консула Введенского. Отряд этот должен быть настолько силен, чтобы быть в состоянии защищать вполне самостоятельно Урмию от набегов курдов». Но Сазонов сомневается в осуществимости плана наместника, ибо, как поясняет он 9 октября Николаю II, «партизаны из сирийцев и армян могут быть весьма полезными нашими пособниками, но значение их, как самостоятельного войска, безусловно, очень невелико». Поэтому министр поддерживает просьбу Введенского об оставлении войск, напоминая императору, что курдские вожди собирают свои расстроженные дружины, дабы вновь двинуть их на Урмию, и при таких условиях «казалось бы предпочтительным пока не отзывать отряда из Урмии, не предавая верной гибели преданное нам местное христианское население и не подрывая нашего престижа в глазах всей Персии». В тот же день следует высочайшая резолюция: «Согласен».⁸

Хотя 9 октября урмийским губернатором повешены еще два участника нападений на русские войска, посланные для разведки в усмиренные округа казачьи разъезды вновь подвергаются обстрелу со стороны неукротимых, озлобленных и жаждущих мести курдов, причем именно в тех деревнях, которые остались неразрушенными. Поэтому в район Тергевера, Мергевера и Дешта отправляется новая карательная экспедиция в составе 5-го Кавказского стрелкового полка, нескольких казачьих сотен и артиллерии под командованием генерал-майора С.А. Афросимова. Протест же турецкого консула Рагиббея по поводу казней Введенский решительно отклоняет, докладывая

в Тегеран: «Все повешенные — персидско-подданные. У губернатора имеются неоспоримые документы. Повешены губернатором по настоянию наших военных властей, как участники и пособники нападения курдов и турок на наши войска. Сведения, данные Рагиб-беем, — простой навет, сделанный с целью вызвать осложнения, а самое главное — удалить весьма преданного и полезного нам именно теперь Этимад-уд-Доуле. Необходимо всячески дать отпор незаконным притязаниям турок». Кроме того, уже 12 октября отряд Афросимова оказывается втянут в новое сражение с курдам и перешедшими персидскую границу регулярными турецкими частями, имеющими даже одну пушку, в ходе которого первые теряют свыше сотни человек убитыми.

Но страх перед вторжением турок по-прежнему гонит из Урмии христиан и российских подданных, а местное агентство Учетно-ссудного банка спешит переехать в Тавриз. «Город приводится на оборонительное положение, — сообщает Введенский 17 октября, — роют траншеи и окопы. Вводится военное положение. Во избежание нареканий, действует самостоятельно губернатор — по нашим секретным указаниям. Персидское правительство не в силах охранить свой нейтралитет, и турки, возможно, в течение одной недели откроют военные действия против нас на персидской территории, совместно с курдами». В тот же день Россия объявляет Турции войну, а 19 октября из Тифлиса следует предписание дипломатического чиновника С.Н. Столицы: «Вследствие невозможности Персии охранить свой нейтралитет и порученного приказания с ней не считаться, Главнокомандующим даны приказания генералу Воропанову арестовать всех германских, австрийских и турецких консулов и опасных нам подданных в Азербайджане. Благоволите сообщить это генералу Афросимову». На другой день, преодолев вооруженное сопротивление охранявших турецкое консульство жандармов, его замещавший уехавшего Рагиб-бея управляющий был арестован и отправлен в Тифлис как военнопленный.

Допуская возможность внезапного оставления Урмии, что может поставить ее христианское население в крайне тяжелое и опасное положение, Введенский пытается выяснить, будет ли оказана помощь русскому отряду в случае осады города. Сам вице-консул по-прежнему считает, что «отряд должен держаться, отстаивая Урмийский район за собой во что бы то ни стало до подхода подкреплений.., а не отступать на соединение с Хойским отрядом, что предрешено нашими военными в случае выдвижения со стороны Барадоста турецких войск». Но главнокомандующий отвечает, что военные операции в Азербайджане доверены генералу Н.Н. Воропанову, который в

принятии своих решений вполне самостоятелен. Поскольку же 19 октября вражеские редифы вновь проникают в округ Барадост, где, как сетовал Введенский, «к большому сожалению, наш отряд не успел отнять базу для действий курдов и турецких частей, как это сделано в Тергевере, Мергевере и Деште», вице-консул находит полезным ... «уничтожить» и тамошние курдские селения.

Тем временем русские войска переходят государственную границу и вторгаются в Турцию, в связи с чем для организации через Дильман военной экспедиции вглубь территории противника Воропанов отзывает из Урмии казачий полк и артиллерию. Вместе с войсками 30 октября в Хой отбывает и генерал Афросимов, который полтора месяца спустя, в рапорте от 11 декабря на имя нового начальника Азербайджанского отряда генерал-майора Ф.Г. Чернозубова, напишет: «В бытность мою в Урмии заведовавший консульскими конвоями полковник Генерального штаба Андриевский (на коем также лежала и разведочная, для штаба Кавказского военного округа, часть) и Российский Императорский вице-консул Введенский неустанно проявляли выдающуюся энергию по сбору сведений через своих агентов за пределами границ (в Турции) об общем положении дел, о предстоящих появлениях шаек курдов и турок в районе Урмийской провинции и об их намерениях, чем способствовали вверенному мне конному отряду для успешного разрешения боевых задач, закончившихся разгромом курдов с турками и полным очищением от них магалов Мергевера, Дешта и Тергевера. Получая от указанных лиц своевременно обстоятельные сведения, дополнявшие войсковую разведку, производившуюся в пределах Персии, я имел возможность своевременно предпринимать экспедиции, быстрота и неожиданность которых, как оказалось из донесений консула Введенского, разрушили план турецкого правительства по занятию Урмии и дальнейшему движению против России. Кроме того, в дни осады Урмии курдами и турками, а равно и при последовательных их набегах (в сентябре и октябре) полковник Андриевский и вице-консул Введенский проявили мужество и полное самообладание, способствовавшее в связи с действиями конного отряда полному успокоению населения всей Урмийской провинции».⁹ Увы, об «успокоении» приходилось лишь мечтать...

В середине 20-х чисел октября Урмию вновь заполняют толпы беженцев-ассирийцев из приграничных районов Турции, и несторианский митрополит, сообщая о готовящейся-де тамошними курдами кровавой резне, посылает к Введенскому своего посланца с просьбой о помощи. «Сегодня, — сообщает вице-консул 25 октября, — прибыло из Ноучи турецкой свыше 600 беженцев христиан-сирийцев, изгнанных оттуда турками и курдами. Занят распределением их по окрест-

ным селениям. Губернатор, по моим настояниям, оказывает посильное содействие». В то же время в городе продолжают оборонительные работы, на которых каждый день трудятся свыше тысячи человек, в основном — жители окрестных селений из числа христиан, и сформированы армянская дружина и две «роты» ассирийцев. Помимо организованных по решению их национального комитета и состоявших под началом русского штабс-капитана Кондратьева пешего и конного отрядов численностью соответственно в 250 и 100 дружинников, оружие выдается еще примерно 2 тыс. ассирийцам, которые, защищая свои селения от нападений курдских всадников, охраняют также караванные дороги, сопровождают русские транспорты и ведут разведку. Создается и возглавляемое женой Введенского урмийское общество Красного Креста, членами которого становятся многие ассирийские женщины, берущие на себя заботу о раненых.

Но, активно используя ассирийцев, прежде всего — беженцев, для обороны провинции, вице-консул убежден, что эвакуация в Россию их семейств, «по преимуществу бедноты, нищенствующей и теперь в Урмии», создаст большие осложнения кавказской администрации. «Нет никакого сомнения, — телеграфирует Введенский в Тифлис 5 ноября, — что сирийцы лягут тяжелым бременем на нас в смысле призрения их. Нахожу нежелательным разрешение сирийцам переселяться в Россию. Это равносильно их полному разорению здесь». Поскольку же точку зрения вице-консула вполне разделяет Воронцов-Дашков, который полагает, что ассирийцы «не только лягут тяжелым бременем на нас во все время войны, но и по окончании ее с ними нелегко будет разделаться», трагическая участь местных христиан в случае оставления русскими войсками Урмии фактически предрешена. Вместе с тем вице-консул уже давно настаивает на вооружении проживающих в Турции горных ассирийцев для организации партизанских действий в тылу противника. «Из трех разведчиков-сирийцев, отправленных мной к Мар-Шимуну, вернулись благополучно двое, — докладывает он 10 ноября, — третий ранен в перестрелке с турками на дороге. В письме на мое имя Мар-Шимун затрагивает вопрос о том, когда он может получить от нас необходимое оружие для открытых выступлений против турок. Вместе с сим он просит сделать выступление в сторону Башкалы или Дизы Геверской, дабы здесь получить оружие и начать восстание, и, во-вторых, вывести до начала военных действий в Урмию митрополита Мар-Хнанишо. Последнее берутся сделать вооруженные нами урмийские сирийцы». Хотя 19 ноября кавказский наместник разрешает, «в случае наличия свободных берданок, выдать их горным сирийцам», поддержать повстанцев из Урмии русские войска уже не имеют возможности...

Опираясь на содействие курдов, туркам удастся не только взять под контроль соседние Соуджбулаг, Сулдуз и пограничные округа Урмийской провинции, но и, как сообщает Введенский 7 декабря, «окончательно привлечь на свою сторону Кара-Эйни-Ага со всеми мамышами и Решид-ус-Салтане с карапапахами. Кара-Эйни-Ага, назначенный турками главой всех аширетов для действий против округа Ушну и Урмии, готовится выступить в поход. В настоящее время он располагает 2000 конных и пеших...» Узнав о прибытии бежавшего из Ушну тамошнего губернатора Кавам-ус-Салтане, Введенский требует арестовать его «в назидание другим персидским правительственным лицам, имеющим склонность разбежаться без видимой причины», ибо самовольное оставление города «предрешает вопрос о переходе [курдского племени] зерза на сторону турок и о поднятии в Ушну турецкого флага без единого выстрела». Под влиянием бегства губернатора и сосредоточения курдов в Сулдузе, персидские власти которого тоже вывешивают турецкий флаг, в Долском округе вспыхивает восстание сочувствующих туркам суннитов, а находившаяся в осаде крепость Решакан на берегу Урмийского озера капитулирует и ее губернатор сдается в плен. «Сегодня мной, — докладывает Введенский 15 декабря, — от наступающих курдов, шейха, дервишей и других борцов против неверных получено за подписью Кара-Эйни-Ага ультимативное требование принять Ислам или покинуть со всеми неверными священную территорию Персии. В противном случае наступающие грозят предать все огню и мечу, согласно заветам Пророка, совместно с турецкими войсками, пришедшими к ним на помощь. В письме говорится, что курды уверены в нашем бессилии и несомненном успехе Германии, Австрии и Турции».¹⁰

Несмотря на успешное отражение русскими стрелками начавшихся утром 15 декабря «бешеных» конных атак всадников Кара-Эйни-Ага, усилившихся за счет своих сородичей из Ушну и Сулдуза, — Введенский, ссылаясь на «озверение и нафанатизированность курдских масс благодаря присутствию среди них дервишей и зеленого знамени священной войны», ожидает нового штурма и предупреждает о лишь временном отходе дикой «орды» от Урмии ввиду понесенных ею больших потерь. Хотя положение окруженного со всех сторон города все более ухудшается, вице-консул готовится к его упорной обороне, по-прежнему стараясь предотвратить панику и поддержать бодрое настроение среди защитников Урмии. Но уже на следующий день помощник наместника по военной части генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский, взявший на себя командование войсками Кавказской армии, под влиянием разгрома ее Ольгинского отряда и выхода турок к Сарыкамышу отдает приказ об отступлении русского

Азербайджанского отряда, что подразумевает и эвакуацию Урмии, назначенную на 21 декабря. Вынужденный подчиниться, Введенский в отчаянии ходатайствует о приезде в город американского консула «для предотвращения вероятной резни христиан со стороны озверелых курдов», ибо, поясняет вице-консул, «преданный нам губернатор Этимад-уд-Доуле, отдавший столько сил русскому делу, из опасения быть повешенным или расстрелянным..., оставляет Урмию вместе с отрядом и консульством».

«В городе большая тревога, — с горечью отмечает Введенский в телеграмме от 20 декабря. — Массовое бегство христиан и преданных нам мусульман, душераздирающие сцены. Женщины, дети, за отсутствием перевозочных средств, идут пешком в Россию. Объехал сегодня все христианские кварталы, успокаивая несчастных жителей. Многим прихожу на помощь». В другой телеграмме, от 22 декабря, Введенский сообщает в Тифлис: «Из Урмии через Дильман-Хой-Джульфю в Россию двинется около 15 000 беженцев сирийцев-христиан, в большинстве женщин и детей всех состояний, но по преимуществу бедноты. От самой Урмии и до Кущей на протяжении 40 верст я лично наблюдал по пути, в ночь на 21-ое и весь день 21-го, нескончаемую вереницу беженцев, осаждавших меня просьбами о материальной помощи. Помогал, чем мог. Движение в Россию стихийно и непредотвратимо. Необходима помощь на российской стороне и образование специального комитета, а главное — размещение такой массы по пограничным христианским деревням Закавказья». 23 декабря Введенский прибыл в переполненный беженцами и войсками Хой, где федаи, по слухам, готовили террористические акты против русских. «Сегодня, — докладывал через день управляющий местным вице-консульством Кирсанов, — в одиннадцать часов утра, когда я с Введенским направлялся через базар в фаэтоне к генералу Чернозубову, при повороте из лавки был произведен в нас выстрел. Находившимися на базаре солдатами задержан в лавке перс, пытавшийся бежать. Ружье со следами только что сделанного выстрела найдено...» Намереваясь дожидаться уведомления генерального консула Орлова о дате его предстоящего отъезда из Тавриза и вместе с ним отправиться в Джульфю, Введенский 25 декабря неоправданно бодро извещает Тифлис: «Благодаря принятым мной и начальником отряда мерам эвакуация Урмии прошла совершенно спокойно при полном порядке и без всякой торопливости. Все имущество оставлено в Урмии за отсутствием перевозочных средств, сданных ранее нашим отрядам в Турции, сильно нуждавшимся в них».¹¹

При этом вице-консул ни словом не упоминает об участии тысяч беженцев-христиан («много детей и женщин умирает на дороге», —

сокрушался Кирсанов), которых своим жестоким, продиктованным соображениями «государственной целесообразности», запретом на эвакуацию в Россию обрек на муки и смерть. Ассирийцы так и не простили Введенского, и члены их национального комитета в Тифлисе горько жаловались наместнику, что русские войска отступили из Урмии, даже не оповестив об этом дружинников, продолжавших героически сдерживать натиск курдов. Мало того, «за два дня до отступления урмийский губернатор и консул Введенский послали двух человек во все ассирийские селения с приказанием, чтобы все спокойно оставались на своих местах и чтобы никто не смел оставлять своего дома и бежать со своей семьей в город Урмию, грозя слушникам смертью и конфискацией имущества». Оправдываясь, Введенский объяснял, что ради соблюдения тайны передвижения войск нельзя было объявлять населению об их отступлении и «особенно в Урмийском районе, где враждебные курды могли бы, узнав заблаговременно о движении отряда и всех учреждений к Хюю, открыть огонь в узком проходе Керимабада и тем поставить вообще весь Азербайджанский отряд в тяжелое положение». Кроме того, известие об отступлении могло окончательно лишить отряд перевозочных средств, которых и так катастрофически не хватало для вывоза раненых и больных... Последний и самый отчаянный бой курдам дружинники-ассирийцы дали в селении Гегтапа, где в двух церквях укрылось до 3 тыс. мирных беженцев из окрестных деревень, причем сражение закончилось лишь после того, как у обороняющихся кончились патроны, после чего началось жуткое избиение христиан. Рискуя собственной жизнью, но желая спасти укрывшихся в церквях людей, американский миссионер доктор Г. Пакард отправился в селение и, подняв государственный флаг Соединенных Штатов, увел большую часть ассирийцев в свою духовную миссию, однако, «курды не выдали ему двести человек и сожгли их живьем». Одновременно десятки селений были совершенно уничтожены: «мужское население в большом количестве вырезано, женщины и девицы увезены, имущество движимое разграблено, а недвижимое сожжено дотла».¹²

В ночь на 26 декабря генерал Чернозубов получает предписание из Тифлиса поспешно вывести весь Азербайджанский отряд из Хоя в Джульфу, куда в тот же день выезжает и Введенский. Прибыв на место, он 30 декабря телеграфирует Клемму, заведовавшему с июля Третьим Политическим (Среднеазиатским) отделом МИД: «Убедительно прошу, глубокоуважаемый Василий Оскарович, не откажите в Вашей мощной поддержке об оставлении меня на Кавказском фронте или на границе Азербайджана, где я могу быть полезным, и о поручении мне здесь каких-либо обязанностей. Остаться в данное

время без всякого дела невыносимо». Хотя Введенского предполагается использовать для оказания помощи дипломатическому чиновнику в Тифлисе, разгром турок под Сарыкамышем кардинально меняет положение на фронте, и, поскольку Кирсанов уехал в отпуск, 19 января 1915 г. Клемм уведомляет Столицу: «В случае необходимости вернуть консула в Хой туда надо будет отправиться Введенскому».¹³

Уже в Хое, назначенный управляющим местным вице-консульством, Введенский с болью узнает жуткие подробности постигшей урмийских ассирийцев трагедии. «Все селения христиан разорены, — передавал он 2 марта в Тегеран, Тифлис и Тавриз содержание записки американского миссионера, доставленной ему прорвавшимся в Дильман верным мусульманином. — Со дня отступления наших войск из Урмии вырезано 1 000 человек, умерло от болезней и голода 2 000 человек. Опасаются новой резни. За последнюю неделю вырезано 100 человек. В американской миссии скопилось около 15 000 человек. Турецкий консул Рагиб-бей свирепствует, натравливая курдов и персов-мусульман на христиан. Христиане просят скорой помощи». Ввиду нарушения нейтралитета Персии и соучастия новой администрации Урмии в допущенных зверствах Введенский посылает туда грозное письмо с ультимативным требованием о немедленном прекращении убийств христиан, которое вызывает переполох в лагере противника, и Рагиб-бей, опасаясь, что русские войска собираются отбить город, торопится его покинуть. Но, видя, что их наступление приостановлено, консул в сопровождении 70 турецких аскеров возвращается 4 марта в Урмию, куда также вступает до тысячи курдов Кара-Эйни-Ага. Напав на оказавшуюся спасительным пристанищем для христиан американскую миссию, курды выволакивают из нее трех священников и двух дьяконов и, таская их по улицам, беспощадно избивают и всячески издеваются. Истязаниям подвергается и епископ Мар-Илия, за освобождение которого курды требуют выкуп, причем в Православной миссии ими установлена виселица.

«Девяносто восемь селений сожжены и превращены в развалины, а жители разграблены до последней нитки, — телеграфировал 22 марта министру Сазонову член тифлисского комитета ассирийцев-беженцев Полус Шимун. — Мужчины, жители этих деревень, перебиты, а женщины, девицы и дети уведены в плен. Не поддаются описанию все те бедствия и мучения, коим они подвергались и подвергаются доселе. Около 20 000 мужчин, женщин и детей, убежав из разных селений, укрылись в стенах Американской и Французской миссий в городе Урмия, терпя голод, болезни и страшную тесноту в надежде, что, быть может, американский флаг спасет их от гибели, но, как мы слышим, и там им нет спасения, потому что и оттуда их вывозят кур-

ды, избивая и насилуя. Известия последних дней говорят, что православный епископ Мар-Илия со священниками и дьяконами вывезены из Американской миссии и повешены публично. Сообщают также, что около 500 человек убито и около 800 женщин и девиц уведены турками и курдами неведомо куда. Американская духовная миссия ежедневно посылает людей к русскому отряду, находящемуся в Салмасае на расстоянии восьми часов от Урмии, умоляя о помощи и спасении оставшихся в живых христиан, но ниоткуда пока им помощи не послано».

Поскольку все эти ужасы происходят совсем недалеко от расположения русских войск, дипломатические представители Англии, Франции и Соединенных Штатов просят Россию предпринять что-либо для вызволения урмийских христиан. Но Воронцов-Дашков отвечает 13 марта, что ввиду большой растянутости фронта Кавказской армии выдвигание к Урмии части военных сил лишит Хойскую группу ее последнего небольшого резерва, а наступление турок со стороны Котура опять заставит оставить город, что повлечет за собой новую резню и притеснения христианского населения в еще большем размере. Единственный выход наместник видит в разрешении вопроса дипломатическим путем, советуя предложить правительству Соединенных Штатов потребовать от Турции и Персии обеспечения безопасности американской миссии и принятых под ее покровительство христиан. В свою очередь Николай II, прочитав 15 марта доклад обер-прокурора Священного Синода В.К. Саблера о тяжелом положении православных ассирийцев в Урмии, растерянно помечает: «Положение действительно безвыходное». Урмию удастся освободить лишь в мае...¹⁴

4. В ХОЕ

Располагаясь недалеко от реки Котур на пересечении караванных путей из Салмаса, Урмии, Трапезунда, Джульфы и Тавриза, столица Хойской провинции считалась одним из самых красивых городов Персии, старая часть которого размещалась внутри крепостной стены с зубчатым парапетом и полувыступными башнями. Почти в центре крепости рядом с базаром, представлявшим собой широкую и прямую крытую улицу протяженностью в три четверти версты, находились дом губернатора с большим садом, арсенал и казарма. Новая часть Хоя, расположенная к западу от городской стены и заклю-

чавшая в себе до 11 тыс. домов, разделенных на пять кварталов, утопала в яркой зелени обширных садов, питавшихся живительной влагой прорезавших ее каналов. В городе проживало более 30 тыс. жителей, преимущественно персов, и имелось армянское предместье с двумя церквями.¹

31 января Введенский в сопровождении бывшего урмийского губернатора благополучно прибыл в Хой и открыл вице-консульство. Поскольку же местный правитель Саларе Хумаюн, скомпрометировавший себя поборами и опасавшийся гнева населения, не ответил на два приглашения Введенского вернуться в город, временное исполнение обязанностей хойского губернатора взял на себя Этимад-уд-Доуле. Однако в Тегеране были крайне недовольны его интервью, напечатанном 17 января в «Тифлисском листке», где, рассказывая о поспешном оставлении Урмии и ужасном пути беженцев до Джульфы, губернатор неосторожно заявил: «Наше правительства лицом обращено к России, а сердцем — к Турции». Еще совсем молодой, как описывала его газета, с опущенными вниз большими усами и яркими выразительными глазами на смуглом худощавом лице, одетый в черный сюртук с генеральскими погонами, Этимад-уд-Доуле не скрывал возмущения относительно «более чем подозрительного» поведения тегеранских властей и крайне сожалел по поводу вынужденного отъезда в Россию бывшего азербайджанского генерал-губернатора Шоджа-уд-Доуле, ибо «при нем курды не посмели бы восстать».² Но, так как Этимаду дали понять, что он поставил в крайне неудобное положение своих русских покровителей, вынужденных в условиях войны считаться с официальным Тегераном, уже 24 января в «Тифлисском листке» появилось опровержение, в котором говорилось, что слова урмийского губернатора были, мол, искажены дурным переводчиком. Тем не менее Клемм считал, что Этимад «своими несдержанными беседами с журналистами в Тифлисе сильно скомпрометировал себя перед шахским правительством, которое и раньше относилось к нему неблагоприятно», и не одобрял придания урмийскому губернатору официального статуса в Хое.³

Однако Введенский горячо оправдывал своего ставленника и 17 февраля откровенно пояснил Клемму: «Шахское правительство не могло, да и не может, быть довольным ни одним из наших ставленников в Азербайджане. Это вполне естественно. Получая инвестирующую из рук не персидских властей, а скорее нашего генерального консульства в Тавризе, персидские провинциальные губернаторы Азербайджанской области не считают себя вправе отойти хотя бы на один шаг от исполнения наших пожеланий в том или ином вопросе. Для современного персидского администратора малейшее неисполнение тре-

бований консула грозит тяжелыми последствиями, и он, пренебрегая порой законными, но идущими вразрез с требованиями русских, интересами шахского правительства, волей-неволей и прежде всего стремится выполнить предудказанное ему его ближайшим руководителем — консулом. Шахское правительство для такого лица является второстепенной величиной без всякого смысла и значения, как декорум бывшей власти, с которым губернатор поддерживает только номинальную связь, выражающуюся в посылке иной раз совершенно ничего не значащих рапортов. На каждого, по сему, нашего ставленника, прежде всего, падает общее нерасположение Тегерана, в котором такое лицо, в большинстве случаев, совершенно неповинно. Нерасположение Тегерана скорее должно бы обрушиваться на наших консульских представителей. В настоящее время трудно назвать какую-либо отрасль в административной деятельности персидского губернатора в Азербайджане, где он был бы вполне самостоятелен. Управление ведется консульскими учреждениями, для которых губернаторы-персы — простые исполнители». Введенский предлагал признать за Этимадом особое право на защиту и покровительство со стороны императорского МИД, считая, что малейшее послабление или уступка Тегерану в этом вопросе грозит пагубными последствиями для всего русского дела в Азербайджане и особенно в отношении степени преданности все режеющихся там за последнее время сторонников России. Особенно же возмущала его негласная инструкция, переданная Этимаду из Тегерана, — «не продавать родину», то есть обратить внимание на ее забытые интересы и создать противовес русскому натиску в политической и экономической сферах, освободив, наконец, из-под консульского надзора податную систему, суды и полицию северной Персии.

Занятие российскими войсками Дильмана и возвращение туда христиан-беженцев, спешивших в родные места для возмездия за разоренные хозяйства и «воздаяния око за око», заставляют Введенского отправиться 24 февраля в Салмасский округ для скорейшего водворения там персидской администрации. Испросив себе небольшой казачий конвой и пренебрегая предупреждениями генерала Чернузובה об опасности пути из-за все еще не рассеянных шаек курдов и отставших турецких аскеров, Введенский выехал в Дильман в сопровождении временно назначенного туда губернатором Саларе Хумаюна с его чиновниками, нештатного драгомана Эллова и двух дильманских агентов вице-консульства из числа местных жителей. Вся дорога носила еще следы тяжелого исхода христиан в Россию — сотни неубранных трупов животных, застрявшие в грязи брошенные повозки и скарб беженцев, свежие могилы, сожженные и разрушенные армянскими дружинниками окрестные мусульманские селения. Около двух

часов дня экспедиция прибыла в Дильман и, посетив начальника русского отряда полковника Нальгиева, Введенский и губернатор отправились в близлежащие христианские деревни, дабы лично убедиться в размерах постигших их бедствий. Однако на полдороге они столкнулись с вождем курдского племени шеккаков Исмаилом-ага Симко, для которого турки после понесенного ими поражения потеряли уже всякий практический интерес. Преклоняясь лишь перед силой и опасаясь за судьбу своих имений, беспринципный Симко торопился принести русским повинную, вновь заверяя их в своей готовности беззаветно служить интересам России и объясняя недавнюю измену происками местных армян. «Это была, в сущности, неправда, — отмечал Введенский, — и я, не желая дальше продолжать разговор на эту тему в присутствии тех же армян — караульных солдат, простившись, уехал дальше, послав предварительно в город казаков к полковнику с просьбой как можно вежливее принять Симко и его спутников, а самое главное — не допустить никаких эксцессов по отношению к нему со стороны христианского населения, знавшего уже, несмотря на свой недавний приезд из России, и об участии его людей в Салмасской резне».⁴

Кстати, еще в телеграмме от 3 февраля Клемм убеждал Введенского с большой осторожностью относиться к слухам об измене вождя шеккаков, которого, мол, турки всегда рассматривали как самого ненавистного своего врага, а Минорский характеризует «как единственного преданного нам курдского главаря».⁵ Но Введенский подтвердил, что сведения об измене вполне достоверны, ибо на двукратное приглашение прибыть в Хой Симко ответил 4 января категорическим отказом, указав, что ввиду перехода его на сторону турок лишен возможности поддерживать с Россией прежние отношения. Однако, поскольку данное им турецкому военачальнику Джевдет-паше самонадеянное обещание очистить Хой от русских войск так и не удалось выполнить, Введенский считал, что остается еще надежда на скорое возвращение Симко к бывшим союзникам, поэтому, уведомлял он МИД 5 февраля, пытаюсь установить с вождем связь. К Симко был отправлен разведчик-ассириец по имени Гавриил, которому поручалось передать тому секретное письмо с обещанием прежнего покровительства России, если он сумеет захватить в плен самого Джевдет-пашу и его офицеров. Введенский вспоминал, что ассириец, неоднократно переходивший по ночам линию фронта, на этот раз долго и упрямо отказывался выполнить задание штаба, ибо опасался вероломства Симко, но все-таки ...«деньги взяли свое, и Гавриил ушел». Поскольку же турки, предвидя русское наступление, установили тайное наблюдение за теми из своих новоявленных персидских союзников, которые считались ранее сторонниками России, то Симко,

желая подстраховаться, решил пожертвовать ничего не стоившей, по его мнению, жизнью ассирийца, являвшегося к тому же нежелательным свидетелем участия курдов в резне христиан. Не колеблясь долго, Симко явился к Дживдет-паше, остановившемуся тогда в селеении Хосрова, которому и выдал полученное им письмо русского штаба, а заодно и несчастного Гавриила. После допроса в здании католической миссии разведчика приговорили к смертной казни, которую поручили выполнить людям Симко, и в первом же полусожженном трупе, который Введенский увидел за оградой кладбища обезлюдившей и выглядевшей совершенно мертвой Хосровы, он не без труда узнал Гавриила. Пробитая каким-то тупым оружием голова и кровоподтеки в области шеи говорили о том, что перед смертью храбрый ассириец яростно боролся со своими палачами...

«За этим трупом, — докладывал Введенский, — валялись другие, в разных позах, говоривших о крайне тяжелых предсмертных страданиях. Все были сирийцы-старики, которые не могли двигаться в Россию. За кладбищем, в прилегающей улице, — целая груда тел с отрезанными головами и шапками их обладателей, расставленными рядышком, точно для счета, безграмотным палачом, получающим за свое ремесло поштучную плату. Здесь же глубокая яма, куда сбрасывались мертвые тела христиан». Тяжелый запах не позволял оставаться на кладбище долго, и Введенский, обойдя селение, где то тут, то там натыкался на многочисленные трупы, выехал в почти примыкавшее к Хосрове селение Гефтуван, ранее почти сплошь заселенное армянами. «Здесь был весь ужас, — писал Введенский, — центр резни христиан, как армян, так и сирийцев, собранных турками и курдами со всего округа. То, что здесь я увидел, превосходило всякое воображение. По всему селу, за селом, в домах, на порогах, под сводами крыш обрушенных зданий, в колодцах, просто на открытых пространствах, у бегущей воды, под стенами заборов, везде валялись трупы и трупы изувеченных донельзя людей. Из всего виденного наиболее запечатлелось в памяти и отмечены комиссией три места и три рода зверской расправы. 1. В одном из дворов — глубокий узкий колодезь, над колодцем — деревянная перекладина на двух высоких подпорках. К перекладине за голову привешивалось тело казненного, кинжалом отрезалась голова и тело падало в глубокий колодезь. 2. Полуразрушенная стена, отделявшая в селении два огорода. С одной стороны лицом к забору расположены двенадцать трупов... Казненные двух половин друг друга не видели. Удары сзади острой киркой со всего размаха раскраивали череп и жертвы валялись к основанию глиняной стены, кланяясь навеки друг другу. За сим разрушаемая стена прикрывает тела христиан-мучеников. В таком виде открыли

25 февраля эту группу. 3. Голову человека зажимали среди ног палача, отрезали как у барана и за сим тело бросалось в колодезь. Необходимо отметить во всех этих зверствах одну яркую особенность — ни один из христиан не погиб от пули. Действовали тупым и холодным оружием. Все колодцы, числом до 15, были полны трупов. Полны были и другие углубленные места, не требовавшие приложения труда для выкапывания могил. В тех местах деревни, где не было колодцев, поступали так: группу заводили в сарай, приканчивали и за сим обрушивали крышу».

Страшное зрелище результатов зверской расправы в Гефтуване и Хосрове, возбуждавшее к мести возвращавшихся из России беженцев, требовало, по мнению Введенского, «приятия экстренных мер для сокрытия видимых следов ужасной бойни ввиду возможного ответа тем же со стороны христиан мусульманам». Поэтому уже в восемь часов утра 25 февраля Введенский вновь приехал в Гефтуван, где лично возглавил работы по сбору трупов. Этим занялась сотня нанятых губернатором окрестных крестьян из числа мусульман, получивших гарантию личной безопасности. Часть из них приступила к рытью двух больших братских могил, часть — к очищению колодцев от трупов, а остальные переносили их на армянское кладбище. Но уже к двум часам дня выяснилось, что справиться с работой наличными силами не удастся. Сделанный накануне предварительный подсчет трупов оказался ошибочным, ибо открывались все новые и новые места гибели христиан. К шести часам вечера было перенесено до ста трупов армян и ассирийцев, большую часть которых разобрали опознавшие их родственники, а оставшиеся 43 трупа были торжественно погребены по православному обряду священником 1-го Полтавского казачьего полка в братской могиле. На похоронах присутствовала вся персидская администрация во главе с губернатором, небольшая дружина армян и родственники погибших. Последующие три дня были заняты тяжелой работой по извлечению из разных мест все новых и новых трупов, из которых около сотни тел забрали частные лица, а свыше двухсот похоронили в братских могилах.

В результате подробных опросов персидских властей всех оттенков и рангов, соприкасавшихся с турками за их почти двухмесячное пребывание в Салмасском районе, и представителей помещичьего, купеческого и других сословий, как сторонников, так и в душе симпатизировавших туркам, Введенский выяснил следующее. Узнав о письме Симко из штаба отряда в Хое, турки решили, что ожидается наступление русских войск в направлении Дильмана. Сознывая, что их силы недостаточны для борьбы с регулярными войсками противника, турецкое командование объявило всем местным ассирийцам и армянам о же-

лательности переселения их в селение Гефтуван под предлогом якобы бедственного их положения и желания помочь им материально устроиться. Поскольку же те не хотели ехать туда без жен и детей, то каймакам Тахсин-бей заявил, что, по имеющимся-де у него и Джевдет-паши сведениям, среди оставшихся в Дильмане христиан скрываются семь русских шпионов, которые должны быть выданы. А в ночь на 16 февраля, когда горожане уже спали, персидская полиция и турецкие аскеры начали врывать в дома и арестовывать всех армян и ассирийцев, отправляя их в Гефтуван, куда в ту же ночь были согнаны все мужчины-христиане из окрестных селений. По показаниям спасшихся от резни, отмечал Введенский, всего турки собрали в Гефтуване более 700 человек, причем в розыске христиан «особенное рвение проявили местные курды и люди Омар-хана Сомайского, Шукур Аги (родного брата Симко), самого Симко, Исмаил Аги Кардара и других вождей. Все они преследовали этим одну цель — скрыть от русских, имеющих прибыть сюда, и от армян и сирийцев, которые, безусловно, постараются свести с ними счеты, свои грабежи, набеги, убийства и жестокость, проявленную под покровом и при полном содействии турок». Введенский не смог установить точную дату резни салмасских христиан, предполагая, что она произошла 17–18 февраля, ибо после ареста и отправки несчастных в Гефтуван никто из местных жителей не допускался в этот район. Люди Симко и Шукур-ага тщательно охраняли все дороги в селение, а нескольких женщин-армянок, пытавшихся проникнуть туда, избили до потери сознания и прогнали. Никаких выстрелов слышно не было и потому окрестное население не могло знать о времени зверской расправы над христианами. При этом Введенский высказывал предположение, что гефтуванская резня являлась своеобразным «ответом на башкалинскую расправу армян с мусульманами и вообще на жестокость армянских дружинников в этой войне, повторяющих теперь турецкую систему расправы с армянами в Малой Азии, Анатолии и других местах».

27 февраля Введенский объехал еще полтора десятка христианских селений, застав и там «ту же картину разрушения и убийств», причем все оставшиеся в живых свидетельствовали о жестокостях и грабежах людей Симко и его братьев. Вернувшись поздно вечером в Дильман и взвесив, писал Введенский, всю «тяжесть предстоящей работы по умиротворению района, где национальные страсти и религиозные настроения вышли наружу, а равно по розыску и возвращению пострадавшим награбленного, и предвидя — в особенности, в случае непринятия с моей стороны каких-либо мер, — самосуд армян и сирийцев над мусульманским населением, новый грабеж и разорение, я немедленно решил учредить комиссию, в состав которой долж-

ны были войти два христианина, два мусульманина и один представитель Императорского Вице-Консульства. Этой мерой я имел в виду привлечь доверие обществ христиан и мусульман к предстоящим задачам комиссии и обезопасить их от несомненно своекорыстных стремлений персидской администрации, пытавшейся из дела розыска награбленного создать себе источник дохода. Выборное начало давало мне уверенность в том, что в состав комиссии войдут действительно совестливые представители, могущие справиться со сложной задачей». Введенский также потребовал, чтобы полковник Нальгиев принял строгие меры по обузданию прибывших в Дильман армянских дружинников, которые, врываясь в дома мусульман и грабя их, буквально затерроризировали население, подавая дурной пример российским «нижним чинам, по преимуществу, из нестроевых команд туземцев Кавказа, начавших было тоже выходить в город по ночам за добычей». Вице-консул железной рукой наводит порядок в Дильмане и его окрестностях, не давая спуску ни мусульманам, ни христианам. «25 февраля, — сообщал он в своем отчете, — при возвращении с похорон жертв Гефтуванской резни мной остановлен в этом же селении один сириец, ходивший по чужим дворам и показывавший солдатам обозной команды, где брать вино. Публичное наказание палочными ударами немного отрезвило разгульную массу сирийцев и заставило на время забыть свой местный национальный порок. Остановка в тот же и на следующий дни нижних чинов, возвращавшихся из окрестных селений с кувшинами вина, с уничтожением такового со стороны офицерских дозоров тоже имело должное влияние. Тем не менее, во избежание дальнейших прискорбных явлений на этой почве, я 26 февраля сего года обратился к полковнику Нальгиеву с официальным письмом, прося принять законные меры к недопущению ни населению, ни армянским дружинникам злоупотреблять вином, каковое, по моему мнению, нужно было бы уничтожить, если не представляется возможным обезопасить от появления на улицах и по дорогам в городе пьяных лиц, и без того возбужденных против мусульман».

Не желая допустить самосуда над Симко, которому народная молва приписывала массу зверств и жестокостей, Введенский отправил того в распоряжение генерала Чернозубова в Хой, где, выпросив караул для охраны себя и своей семьи, курдский вождь боялся даже выйти на улицу, ибо опасался мести армян и ассирийцев. Поскольку же в начале апреля были документально подтверждены его новые попытки связаться с наступающими турецкими войсками, Чернозубов приказал выслать Симко в Тифлис, где тот и жил на положении почетного пленника до осени, когда великий князь Николай Николае-

вич решил вернуть его в Салмас в призрачной надежде склонить курдов на сторону России. Но руки коварного вождя еще не раз обогрятся кровью христиан, и именно Симко, многократно предававший своих новых покровителей и союзников, станет убийцей легендарного Мар-Шимуна Беньямина, под началом которого десятки тысяч горных ассирийцев, подняв антитурецкое восстание, двинутся навстречу русским войскам. Весной 1918 г., пригласив Мар-Шимуна на мирные переговоры, Симко вероломно застрелит его, но впоследствии и сам погибнет от пули...⁶

Восстановив городское управление в Дильмане, где жители приступили к очистке улиц и исправлению дорог, началось взимание малиата и вновь открылась почта и таможня, Введенский вернулся в Хой, в котором уже распространились слухи о якобы скором и окончательном выводе русских войск из Азербайджана в связи с возвращением Валиагда в Тавриз. Выступление двух русских полков в сторону Джульфы еще более пугает население, которое, ожидая возобновление набегов курдов и наступление турок, вновь готовится к бегству. Одновременно из Тегерана приходят инструкции о составлении списков лиц, отказывающихся от уплаты малиата в персидское казначейство, и распространяются слухи о предстоящих в скором времени репрессиях по отношению к вносящим подати в российские консульские учреждения, что побуждает многих из их протееже спешно покинуть родину, отправившись на Кавказ и далее на обычное в таких случаях богомолье в Мешхед и Кум. Кроме того, вспыхивает эпидемия сыпного тифа, заставляющая вывести русские части из Дильмана и Хоя, охрана порядка в которых возлагается на вооруженных христиан. Хотя созданная Введенским комиссия несколько парализует «естественный самосуд», армянские дружинники совершают нападение на принадлежащее Симко курдское селение, где убивают шестерых жителей и угоняют скот, а голодные ассирийцы занимаются грабежами, вызывая недовольство местных мусульман. В Дильман начинают прибывать и беженцы из Ванского и Битлисского вилайетов, спасающиеся от начавшейся в Турции ужасающей резни армян.⁷

В такой сложной обстановке Введенский оказывается еще и перед реальной угрозой потери своего верного помощника, ибо 2 апреля Клемм телеграфирует новому управляющему генеральным консульством в Тавризе Д.Д. Беляеву: «Стороной до меня доходят неблагоприятные отзывы о бывшем урмийском губернаторе Этимад-уд-Доуле, находящемся ныне в Хое и пользующемся расположением Введенского. Ему вменяются в вину вымогательство и взяточничество». Клемм просит проверить эти сведения, предлагая во всяком случае не настаивать перед Валиагдом на оставлении неугодного ему

губернатора в Хое или возвращении его в Урмию при изгнании оттуда турок. «О деятельности Этимад-уд-Доуле, — отвечает Беляев, — у меня уже в бытность мою в Урмии установилось самое отрицательное мнение, каковое, когда Введенский просил о назначении его в Хой, я высказывал Ст[атскому] Сов[етнику] Орлову. Полагаю, что, поддерживая Этимад-уд-Доуле, мы уроним наш престиж, и потому я уже третьего дня дал понять Валиагду и Каргузару, что смене его противиться не буду...» Узнав об этом, Этимад присылает в вице-консульство уведомление о своей отставке, умоляя не оставить его без покровительства в случае желания Тегерана и Тавриза свести счеты с ним за его преданную службу России. По примеру бывшего генерал-губернатора Этимад собирается выехать на Кавказ, но 17 апреля, не выдержав напора превосходящих по численности турецких сил, русские войска оставляют Дильман, вследствие чего толпы перепуганных беженцев вновь заполняют Хой. «Потери у нас значительные, — сообщает Введенский. — Консульство отвел, за переполнением лазаретов и отсутствием помещений за городом, под госпиталь для раненных офицеров. Генерал Чернозубов не исключает возможности отступления наших сравнительно слабых сил, один против трех, к Хою и возможность, после принятия последнего боя, на Джульфу». Но, выдержав двенадцать кровопролитных атак, русские войска отбрасывают противника от Дильмана, и 20 апреля Введенский, по просьбе Чернозубова, выезжает на позиции с целью организовать очищение поля битвы от массы трупов, которые в течение двух дней собирают пятьсот нанятых им персов. Он также водворяет на место бежавшую из Дильмана администрацию во главе с губернатором, которого — в отличие от своего ставленника! — весьма порицает за взяточничество и недопустимые поборы.

Уже после отъезда Введенского в Россию фортуна вновь улыбнется Этимаду, о котором, как отмечал вступивший 29 апреля во временное управление вице-консульством В.Г. Елчанинов, «генерал Чернозубов отзывался с большой похвалой и, отлично сознавая его недостатки, категорически высказался за оставление в данное время этого преданного нам человека на посту губернатора Хоя». В свою очередь вернувшийся туда в мае и вновь принявший вице-консульство Кирсанов считал, что в противовес намерению Тегерана назначить в отбитую у турок Урмию своего ставленника «весьма желательно настаивать на придании, до окончания войны, Этимаду-уд-Доуле губернаторства в Урмии с резиденцией в Хое». В конце концов с этим, скрепя сердце, согласился и Беляев, добившийся в январе 1916 г. согласия Валиагда на назначение губернатором в Урмию «желательного для Чернозубова и Никитина [нового управляющего вице-консульством — В.Г.]

Этимад-уд-Доуле, который за это время вел себя прилично в Хое и оказал нашим военным массу услуг». ²⁸ Хотя местное население во главе со всем духовенством слезно просило оставить полюбившегося губернатора, В.П. Никитин доказывал, что в Урмии «для поддержания порядка среди 40-тысячной массы разоренных и, естественно, обремененных христиан нужен опытный администратор, могущий воссоздать обстановку спокойствия». Тогда хойское духовенство возбуждает ходатайство о предоставлении Этимаду прав генерал-губернатора Хоя, Салмаса и Урмии, которое поддерживает и сменивший Воронцова-Дашкова на посту императорского наместника на Кавказе великий князь Николай Николаевич, считающий справедливым отметить заслуги «крайне полезного и преданного России» губернатора «испрошением ему Все милостивейшего пожалования ордена Святого Станислава 1-й степени». Поскольку же министр Сазонов напоминает, что совсем недавно, в июне 1915 г., Этимада наградили орденом Станислава 2-й степени со звездой, а «слишком явное подчеркивание нашего к нему благоволения могло бы скорее повредить ему в глазах персов», великий князь одаривает полюбившегося ему губернатора золотым портсигаром со своим бриллиантовым вензелем. Генерал Чернозубов также считает желательным и полезным объединение под началом Этимада трех важных для России провинций, надеясь, что это позволит уменьшить их зависимость от Тегерана, не уязвляя самолюбие персидских властей. В результате уже в мае 1916 г. Этимад-уд-Доуле получает вождеденный приказ о подчинении ему Урмии, Салмаса и Хоя, а также шашку, осыпанную драгоценными камнями, как доказательство благожелательной оценки правительством его административных способностей. Хотя, посетив Урмию в ноябре, великий князь опять испрашивал орден для Этимада, до финала карьеры последнего оставались считанные месяцы... ⁸

В начале апреля 1915 г. Введенский вновь просит о предоставлении ему отпуска «по расстроенному здоровью и ввиду сильного утомления за шесть лет безвыездной тяжелой службы в Тавризе, Урмии и Хое». На этот раз Клемм не возражает, лаконично отвечая: «Разрешается отпуск с курьерской дачей с 1 мая». Но за неделю до указанной даты Введенский из Джульфы телеграфирует в МИД: «Жена при смерти. Доктора и родные срочно вызывают. Ходатайствую о срочном выезде...» Вице-консул спешит в Крым к тяжело больной чахоткой жене, не подозревая, что уже никогда не вернется в Персию. ⁹

Позже Введенский будет мучительно гадать, почему его не пускают в страну, которую он столь хорошо изучил, и лишь в июле 1916 г. в частном письме Клемму откровенно поделится с ним своими безрадостными размышлениями: «При Шуджа-уд-Довле, по поручению бывшего моего начальника Б.А. Преображенского, мне пришлось неустанно следить за недопущением пробуждения революционных вспышек и пресекать в корне всякую попытку Тегерана вмешаться в дела Азербайджана. Благодаря этой линии при посредстве Шуджи нами высланы были из Тавриза все главные сторонники Тегерана — с одобрения Министерства. В эпоху Шуджи при Б.А. Преображенском я был таким же ревностным исполнителем всех указаний его, как и при А.Я. Миллере. Но в 1915 г. назначается в Тавриз новое лицо [Д.Д. Беляев], меняется курс нашей политики, в Азербайджан въезжает Валиагд, а с ним буквально все те, кого мы выселяли раньше и ни под каким видом не допускали к участию во влиянии на дела. Для того, чтобы не быть голословным, назову несколько Вам известных лиц: Каргузар, сыновья Адм-оль-Мулька, брат Сиккет-уль-Ислама. Во главе дела становится Сердар Решид, которого Шуджа, не доверяя, положительно отстранил от всяких дел. В политике взяла верх тегеранская партия. Результатом смены получилось следующее: началась жестокая расправа с прошлым режимом. Пострадал имущественно большой, в это время — в России, Шуджа, его ставленники, наши протеже. С этими покончили. Оставалась одна угроза — прямой свидетель деятельности этих господ в 1908–1911 гг. В то время я управлял в Хое. Лица, ставшие во главе Ген [ерального] Консульства в Тавризе, также начали ломку прошлого и, дабы как можно скорее оправдать новый курс и установить контакт с персами, бросились искать причину всех зол в личном составе того же Генконсульства, бывшем при Шудже. Началась, по имеющимся у меня весьма достоверным сведениям, спекуляция за мой счет с целью скорее убрать меня из Азербайджана. Начались инсинуации, сплетни, привлечены были к делу военные, на что у меня имеются прямые доказательства, и меня без объяснения причин лишили места... Волю высшего начальства я всегда исполнял свято, работал не за страх, а за совесть, полагая все свои силы, дабы оправдать доверие Министерства, и в поручаемых мне делах я был неуязвимым. Для спекулянтов оставался один путь — клеветы и инсинуаций: здесь я был беззащитен».¹

Впрочем, слухи о мздоимстве Введенского распространялись еще до войны, и 12 июня 1914 г. российский посланник в Тегеране И.Я. Ко-

ростовец телеграфировал товарищу министра иностранных дел тайному советнику А.А. Нератову: «С прискорбием должен отметить негодование как персов, так и дипломатического корпуса, осведомленного английским и другими посланниками, получающими, по-видимому, подробные сведения от своих консулов, по поводу некрасивой деятельности вице-консула в Урмии Введенского, обвиняемого в лихоимстве и вымогательстве. Дальнейшее оставление его в Персии бросает тень на всех вообще наших консулов и ставит Миссию в щекотливое положение, вызывая подозрение в потворствах. Считаю всякие увещания и предупреждения названного чиновника бесполезными и могущими лишь повести к огласке. Не будет ли признано возможным, во избежание скандала, перевести его из Персии?» Однако, во исполнение поручения Нератова, Клемм запрашивает Коростовца, «имеются ли какие-нибудь конкретные факты против Введенского, а равно требуется ли немедленное его отозвание». При этом он добавляет от себя, что не придавал значения доходившим до него намекам на лихоимство упомянутого чиновника ввиду «самых восторженных отзывов о Введенском бывшего генерального консула в Тавризе Миллера». 21 июня Коростовец отвечает: «Конкретных фактов против Введенского пока не имеется, хотя, в общем, репутация его оставляет желать лучшего. Ввиду отсутствия подходящих заместителей считал бы возможным не настаивать на немедленном его отозвании».²

Вскоре разразилась мировая война, и вопрос о мнимом или реальном взяточничестве Введенского больше не поднимался до отъезда его в отпуск. Главным противником возвращения урмийского вице-консула в Персию стал новый управляющий генеральным консульством в Тавризе, который писал Клемму, что, «видя и чувствуя гнусные результаты деятельности гг. Введенских и убеждаясь, что целый народ Азербайджана, веривший шесть лет назад в светлое будущее от русской оккупации, ныне изуверился в России и не смеет даже открыто жаловаться, опасаясь клеветов разного рода русско-подданных кулаков, закупивших Консульство и Правителя», он, Д.Д. Беляев, считает своим долгом перед родиной довести до сведения МИД всю известную ему информацию об имевших место злоупотреблениях и взять на себя тяжкую роль обличителя сослуживцев.³ Однако еще 14 августа 1915 г. Клемм посылает Беляеву секретную телеграмму, с просьбой расшифровать ее лично, в которой говорится: «В Министерство продолжают поступать слухи о вопиющем лихоимстве Введенского. Товарищ Министра желает, чтобы произведено было формальное расследование. Я опасаюсь, что нелегко будет добыть достаточно веские улики и что тогда придется признать Введенского ни в чем неповинным, что может лишь ухудшить положение.

Прошу Вас тщательно обдумать этот вопрос и сообщить мне Ваше заключение».⁴

Отвечая Клемму 8 сентября, Беляев доверительно писал ему: «Слухи о лихоимстве Введенского общеизвестны во всем Азербайджане. О них открыто говорят наши военные, особенно побывавшие в Урмии. Один из них даже собирался опубликовать после войны собранные им материалы. Я лично наблюдал за деятельностью Введенского еще в Тавризе, когда он был драгоманом и не считал неприличным принимать от русско-подданных подарки коврами и кольцами. Он тщательно скрывал от своих сослуживцев движение сумм на своем текущем счету в банке и очень рьяно защищал в Каргузари явно неправые претензии русско-подданных так, что не раз я по приказу Д[ействительного] С[татского] С[оветника] Миллера должен был ездить на заседания и постановлять решения по справедливости, отклоняя домогательства русско-подданных. Затем уже в Ардебиле до меня доходили слухи, что В. забрал в руки безвольного и ленивого покойного Преображенского, который подписывал все, что писал В. Фактически делами ворочал В., который ежедневно посещал Шуджу и творил с его помощью все, что хотел. По слухам, русско-подданные под покровительством В. делали разные насилия над персами. Боясь Шуджи, никто не смел жаловаться. И главной причиной ненависти к нам в Азербайджане я считаю насилия и несправедливости наших подданных и протее, поддержанных В. и Шуджой, грабившим за это бесконтрольно своих персов. Этот кошмарный период закончился лишь с прибытием Ст[атского] Сов[етника] Орлова. Жалобщиков на В. со стороны дававших ему подарки нет, так как, по общему отзыву, он был добросовестный делец: деньги брал, но за то и делал то, за что ему платили, и все были довольны. Так что надеяться на раскрытие этих дел по жалобам дававших взятки трудно. В Урмии, по слухам, В. развернулся шире. Там у него был его ставленник Эттимад и работать с ним было легче. Сам В., говорят, не брал, а брал Эттимад и делился с ним. Специальным изобретением В. были суды по гражданским делам между персидско-подданными. Он очень любил эти суды. Судил сам с губернатором и, по общему отзыву, получал половину 10 %-го вознаграждения. Помимо этого есть ряд дел В. в Урмии, которые теперь раскрываются Никитиным. Как бы то ни было, я полагаю, что репутацию В. в Азербайджане надо считать прочно установившейся и возвращать его сюда было бы прямо вредно для нашего престижа. Между прочим, видимо, чувствуя что-то недоброе и боясь разоблачений, В. усиленно пишет своим знакомым в Азербайджан, что он скоро вернется в Урмию (дабы заткнуть рот возможным жалобщикам). Если признается желательным произвести расследование и

установить его лихоимство, необходимо: 1) официально, путем не командирования, а именно перевода его на другое место подальше от Азербайджана и, по возможности, от Персии, дать понять населению, что В. сюда больше не вернется, и 2) поручить тому же Никитину, который заявлял мне теперь в Урмии, что он готов просить Министерство предать его и В. суду чести, дабы обличить В., собрать на месте весь возможный материал, и 3) допросить лиц, служивших с В. или после В., известных своей порядочностью, как Кирсанов, Успенский, Гильдебранд, Лисовский, Блум, что они, служа в Тавризе, про В. слышали и какое у них о нем мнение, и 4) допросить такого тавризского старожила как Д[ействительный] С[татский] С[оветник] Трескинский. Если будет известно, что В. ни в коем случае в Азербайджан не возвратится, то надо надеяться, что его деятельность будет раскрыта».⁵

Хотя свои обвинения Беляев основывал только на слухах, МИД согласился с его предложениями, и в начале ноября 1915 г. было принято решение командировать Введенского в Бухарское ханство «для усиления личного состава Российского Императорского Политического Агентства в означенной стране», которое возглавлял тогда действительный статский советник А.К. Беляев. Помимо чисто дипломатических функций на агентство возлагались обязанности по управлению русскими поселениями, образовавшимися в пределах ханства вслед за установлением над ним протектората России в 80-х гг. XIX века. Наиболее значительными из этих поселений были города Чарджуй (12 тыс. жителей) и находившаяся примерно в тринадцати верстах от эмирской столицы Новая Бухара, где и располагалось Политическое агентство, с примыкавшей к ней станцией Каган Средне-Азиатской железной дороги (не менее 5 тыс. жителей), а также пограничные укрепления Керки и Термез. Неожиданное откомандирование Введенского в Бухару объяснялось якобы отсутствием вакансий в Персии и желанием военного командования оставить в Урмии хорошо ознакомившегося с положением тамошних дел титулярного советника Никитина. Впрочем, тогда же опальный вице-консул получил «за выслугу лет» очередной чин надворного советника.⁶

После удаления Введенского из Персии возбуждается так называемое Гергерское дело, расследование которого Беляев доверяет приехавшему в Тавриз отставному действительному статскому советнику А.Г. Тимофееву. Известный юрист, магистр уголовного права и приват-доцент столичного университета, написавший ряд научных трудов и состоявший также директором мужского коммерческого училища, Тимофеев в начале первой мировой войны решил круто изменить свою жизнь, оставить преподавательскую деятельность и на несколько лет уехать в Персию для ее изучения. Но, не желая на-

ходить там в качестве частного лица и получив летом 1915 г., при содействии Клемма, место нештатного консульского агента в Карадаге «без содержания», Тимофеев фактически возглавил судебную часть генерального консульства в Тавризе, заменяя Беляева во время его частых отлучек. Суть расследуемого Тимофеевым дела заключалась в насильственном захвате российскими подданными, братьями Мамедовыми, приграничного местечка Гергер в тысячу дворов, земли которого с незапамятных времен считались собственностью проживавших там свободных крестьян. Еще в апреле 1912 г. Мамедовы обратились в генконсульство с прошением, в котором обвиняли гергерцев в отказе признать подписанную-де ими еще пять лет назад купчую на две трети земель имения, в связи с чем потребовали взыскать с жителей недополученный помещиками доход. Однако вместо того, чтобы рассмотреть спорное дело в судебном порядке и проверить законность подложной купчей, тогдашний секретарь генерального консульства Введенский сообщил начальнику русского Тавризского отряда о якобы сосредоточении в Гергере революционных шаек, которые грозят безопасности всего округа и «терроризируют население, парализуют деятельность местных властей, отказывая владельцу во взносе доходов, уплате казенных повинностей, долгов по обязательствам и пр». В связи с этим Введенский предлагал отправить в Гергер войска с целью изъятия у населения оружия и ареста наиболее виновных лиц «для побуждения к уплате жителями своих повинностей».

Прибывшие вместе с казачьей полусотней и ротой пехоты в Гергер русский консульский агент В.Ф. Жарский, чиновник азербайджанского генерал-губернатора и мамедовский управляющий потребовали от жителей признания себя «крепостными» братьев, под гнетом которых, по выражению Беляева, «стонала вся полоса, прилегающая к шоссе Джульфа-Тавриз». Дабы заставить население подчиниться, жителей Гергера, по сведениям Тимофеева, «заперли в тесном помещении, били чем попало, не только кнутом, грозили солдатами и казаками». В свою очередь Шоджа-уд-Доуле, предвидя твердое намерение гергерцев отстаивать свои права, вызвал в Тавриз наиболее влиятельных жителей, а самого упрямого из них заключил в тюрьму. Туда к нему и явился посланец одного из братьев, Хасан Ага Мамедова, с требованием признать его своим помещиком, но узник упорствовал, в результате чего, как рассказывал он Тимофееву, «меня заковали в цепи. В течение шести дней меня мучили, били и заставляли голодать. Через шесть дней явился человек Мамедова и спросил: „Ну, что, устал и подпишешь теперь купчую?“ Я ответил, что лучше умру, но не подпишу». Посадили в тюрьму и муллу Гергера, а девяти местным старшинам, приехавшим в Тавриз в надежде найти защиту, Введенс-

кий якобы посоветовал исполнять приказания Мамедова, после чего их под конвоем из двух казаков и двух стражников отправили домой. В конце концов сопротивление гергерцев было сломлено: генеральное консульство ввело Мамедовых во владение не только двумя третями, но и всем имением, а жители признали себя их «крепостными». Расследовавший дело Тимофеев инкриминировал Введенскому «сообщение ложных сведений в официальной бумаге» и участие в преступных деяниях Хасан Ага Мамедова, а именно — в подлоге купчей и принуждении жителей к подписи обязательства, признающего права того на землю. Кроме того, имея «агентурные сведения о получении Введенским по Гергерскому делу 10 000 туманов и о других его незаконных действиях, а также агентурные указания на банки, через которые Введенский переводил до четырех раз в месяц суммы от 1000 до 3000 рублей», Тимофеев предлагал произвести расследование действий бывшего секретаря генерального консульства как в Азербайджане, так и в Урмии. Поэтому, посылая в Петроград рапорт по Гергерскому делу, Беляев в «совершенно доверительном» письме Клемму от 6 ноября 1915 г. предлагал поручить Тимофееву продолжить расследование, которое, подчеркивал он, «само собой разумеется, ...будет вестись без особой огласки, дабы не компрометировать генеральное консульство», ибо «с грустью должен сознаться, что гнусная деятельность Введенского стала притчей во языцах всего Азербайджана, если не всей Персии».⁷

В ответном послании от 15 декабря Клемм указывал, что с удовольствием осведомился, насколько осторожно подошел Беляев к порученному ему Нератовым крайне щекотливому вопросу о производстве негласного расследования злоупотреблений Введенского, однако представленные в МИД материалы не содержат вполне явных доказательств взяточничества означенного чиновника, достаточных для того, чтобы начать против него официальное преследование. «Наблюдаемое за последние годы, — продолжал Клемм, — стремление большинства наших консульских представителей в Персии насаждать в этой стране при всяком удобном случае, подчас даже вопреки справедливости, русское землевладение не могло не коснуться и крайне горячего и в высшей степени работоспособного г. Введенского, который в своих увлечениях, по-видимому, зашел слишком далеко. Деятельность его в этом направлении я признаю совершенно недопустимой, особенно принимая во внимание, что дело происходило в стране, где так легко возникают самые разнообразные толки и слухи и быстро распространяются в значительно преувеличенном уже виде, в высшей степени вредя имени и престижу России на Востоке, и где поэтому нашим чинам необходимо действовать всегда с особой

осторожностью. Со своей стороны, желая положить конец всякого рода неблагоприятным слухам, которые порождает неблагоприятная деятельность некоторых наших консульских представителей в Персии, я просил бы Вас продолжать начатое Вами столь успешно формальное расследование злоупотреблений г. Введенского, которое, быть может, даст более ощутительные, совершенно неоспоримые результаты его незаконной деятельности, а равно навести точные справки о суммах, переведенных г. Введенским в Россию».⁸

Результаты своих секретных изысканий вместе с соответствующими выводами Тимофеев изложил в особом докладе, изданном в виде 18-страничной брошюры и представленном в МИД лишь в августе 1916 г. На ее обложке значилось: «Не подлежит оглашению. Конфиденциально. Секретно. На правах рукописи. Доклад Д.С.С. Тимофеева по делу Вице-Консула Введенского. (Секретное расследование). 1916. Типография „Фарос“. Тавриз». Введенскому вновь инкриминировались многократные нарушения законов, как русских, так и персидских, с сообщением неверных сведений в официальных документах и превышением власти или, наоборот, преступным бездействием, что объяснялось полученными-де им взятками. Отвергая предположение о ложно патриотических побуждениях Введенского, следователь указывал, что в Урмии вице-консул открыто выступал против российских подданных и лишал их даже тех прав, которые они получили при его предшественниках, ибо, мол, тамошние «клиенты»-персы являлись очень богатыми людьми. В подтверждение взяточничества Тимофеев ссылался на текущие счета Введенского в петроградском Волжско-Камском и тифлисском Кавказском банках, в котором, как негодовал он, «и теперь еще состоят 1006 рублей ...и хранятся две его облигации от 1915 г. на 2000 рублей», — однако проштудировавший брошюру Клемм помечает на полях: «Слабое доказательство. Суммы слишком незначительны». Более того, весь доклад буквально испещрен язвительными пометками Клемма: «догадка», «опять догадка», «чем это подтвердить?», «можно ли считать бесспорным доказательство?», «именно, только предположение», «больше походит на сплетню», «из этого не видно мне, чтобы деньги были прикарманены Введенским», «причем же здесь консул?», «непроверенный донос» и т. д.⁹

Выгораживал ли Клемм своего подопечного, не желая бросать тень на ведомство, или действительно считал Введенского невиновным? Ведь еще в циркуляре МИД от 31 августа 1909 г. говорилось, что «всем без исключения Чиновникам Министерства, находящимся на государственной службе и занимающим места в Персии, Бухаре, Тифлисе, Ташкенте и Асхабаде, категорически воспрещается принимать впредь подарки и подношения в какой бы то ни было форме, как

для них лично, так и для членов их семейств, от туземных Принцев, Министров, чиновников всех рангов, купцов, частных лиц и вообще от кого бы то ни было из туземных жителей, а также от лиц, не принадлежащих к числу туземцев, но пребывающих в странах Среднего Востока и входящих в деловые отношения с нашими Агентами». Однако похоже, что руководство МИД не придавало чрезмерного значения доносам о традиционных «пишкешах» в славившейся беззастенчивой коррупцией властей шахской Персии и еще более снисходительно относилось к проделкам своих протеже из числа местных сатрапов. Так, сообщая 12 июля Клемму о крайне неблагоприятном впечатлении, произведенном на Этимад-уд-Доуле трехдневным пребыванием Тимофеева в Урмии (приехав для выяснения некоторых подробностей по следственным делам о селениях Кулхонджи и Балистан, тот очень интересовался деятельностью губернатора), управляющий вице-консульством Никитин между прочим писал: «Само по себе лихоимство персидских правителей не возбуждает удивления, так как мы везде в Персии имеем дело с явлением „кормления“. Вопрос сводится лишь к соблюдению известных пределов, после чего эксплуатируемое население начинает жаловаться на губернаторов и может вызвать наше вмешательство. Ко мне же до сих пор жалоб на него не поступает». В другом донесении, от 4 августа, Никитин возвращался к той же теме и откровенно заявлял: «По моему убеждению, поскольку деятельность персидских администраторов не вредит нашим интересам, мы не должны особенно интересоваться, в каких условиях она протекает, иначе это завело бы нашу деятельность слишком далеко и давало бы ей постоянно богатый материал для освещения с правовой точки зрения всего происходящего. С точки же зрения политической нам существенно важно знать только то, что Этимад-уд-Доуле — искренне нам преданный человек, опытный администратор, могущий справиться с управлением краем в теперешней тяжелой обстановке и исполняющий все пожелания консульства». Небезынтересно, что ответная телеграмма Клемма, от 24 сентября, гласила: «Ссылаясь на Ваше отношение от 4 августа сего года № 269, Третий Политический Отдел имеет честь уведомить Вас, что Министерство вполне разделяет Ваши соображения по поводу нашего отношения к персидским администраторам; в частности, что касается Этимад-уд-Доуле, то Отдел полагает, что никаких последствий для него не может быть от расследований Д.С.С. Тимофеева, производимых при исполнении данного ему особого поручения».

Но уже к осени 1916 г. к губернатору накопилось столько претензий со стороны как населения, так и тавризских властей, которых он, по примеру Шоджи, заносчиво игнорировал, что 19 ноября Клемм

пишет новому посланнику Н.С. Эттеру: «Высоко ценя преданность нам Этимад-уд-Доуле и его неизменное стремление служить нашим интересам, мы все же опасаемся, как бы отсутствие чувства меры при выборе средств к исполнению наших требований и пожеланий не вызвало бы справедливых жалоб местного населения на его поборы и притеснения и не возложило бы на нас нравственной ответственности за таковые. Население северной Персии привыкло видеть в лице наших консулов своих естественных защитников от произвола местных властей и нам кажется совершенно нежелательным давать повод думать, будто бы мы изменили своей традиционной политике и стали на сторону тех правителей, которые, сумев стать нам полезными, творят свои обычные беззакония, но уже нашим именем и опираясь на нашу силу. Вследствие этого казалось бы крайне желательным удерживать наиболее ретивых из наших сторонников от таких действий...» Инструктируя в указанном духе урмийского вице-консула Никитина, Эттер добавлял, что Этимад еще и «старается совершенно освободиться от опеки высшего персидского начальства и позволяет себе даже демонстративно грубые выходки, вызывающие сильные обиды в Тавризе и Тегеране». Поручая Никитину установить контроль над незаконными действиями Этимада, посланник подчеркивал, что нельзя «давать полную свободу расправы с кем и как угодно нашему ставленнику, для которого уздой служит лишь собственная его ненадежная совесть». В письме же в Тифлис посланник просил Столицу обратить внимание высших кавказских властей «на невозможность рассматривать Этимад-уд-Доуле лишь как удобное послушное орудие — независимо от средств, которыми он пользуется», ибо «нельзя отказать от лежащей на нас в Персии культурной обязанности водворения основ справедливости и облегчения тягот войны, падающих на забитое несчастное население».¹⁰

Но по сравнению с банальным взяточничеством гораздо серьезнее на взгляд непосвященного, но весьма легковесно для знакомых с тяжелой ситуацией в Урмии в начале войны, звучали другие обвинения в адрес Введенского. Тогда, заявлял Тимофеев в своем докладе, ставленник вице-консула, Этимад-уд-Доуле, приказал повесить семерых курдских «хаджи», проживавших в селении Балау и весьма почитавшихся окрестным населением, которых обвинили в пособничестве выступавшим на стороне Турции соплеменникам и продаже им патронов. Сторонники казненных сумели доставить в Курдистан их чалмы вместе со снимками трупов, остававшихся на виселице в течение суток, с призывом отомстить за невинно убиенных русскими святыми людьми, а губернатор тем временем занялся-де распродажей принадлежавших повешенным богатым запасов сабзы и табака «на

глазах у консульства и военных». Русские войска разорили и более ста деревень пограничных округов провинции, жители которых также обвинялись в сношениях с противником, а их имущество и скот распродали. В то же время вице-консул не возражал против выдачи оружия пока еще лояльным курдским вождям, выступившим затем против России, а во время оставления Урмии показал себя бездушным чиновником, запретив местным ассирийцам, которых вооружили и заставили драться с противником, возвращаться в город.

«По мнению членов айсорского комитета помощи беженцам, состоящего из самых влиятельных айсор, — отмечал Тимофеев, — население было бы спасено, если бы знало об эвакуации хотя бы на день раньше. Один из членов комитета рассказывал мне, что жена умоляла его бежать, но он отказал ей, говоря, что консул знает, что приказывает, а утром, проснувшись, он узнал, что консул уехал с губернатором. Православная миссия уехала вместе с ним. Покинутому русской и персидской властями населению пришлось спасаться как попало, полагаясь исключительно на Бога и на свои собственные силы. Тысячи бросились в американскую и французскую миссии. При громадной тесноте и появившихся болезнях там развилась высокая смертность. Говорят, умирало 60–70 человек в день. Другие бежали к русской границе. Лошадей и фургонов было слишком мало, фургонщику платили по туману с версты и человека. Многие, в том числе и богатые и знатные семьи, спасались пешком. Женщины и дети падали на дороге и умирали от изнеможения и голода. Но бежать успели не все. Тысячи христианских семейств оказались в руках курдов. Их было так много, что девочек продавали по 4 крана. Общее число погибших в это время доходило до 10 000 человек. В эти дни испытаний для местного населения тяжело сказались результаты деятельности г. Введенского и Этимад-уд-Доуле по захвату и распродаже курдских имуществ. Обычно курды ограничивались грабежом имений, но там, где появлялись балавцы или вообще местные курды, совершались неслыханные прежде зверства и кощунства. Передают, например, что курды положили на раскрытое Евангелие христианскую девушку и изнасиловали ее и убили, говоря: „Это вам за наших святых хаджи. Мы мстим за святых людей“. Родственники казненных покупали у турок захваченных девиц, купили также 60 пленных, в том числе несторианского епископа, отвели всех на Еврейскую гору и там их пытали и убивали, мстя за невинно погибших. Таких фактов было очень много. Такой кровавой трагедией кончилось приблизительно десятимесячное управление Урмией г. Введенского и Этимад-уд-Доуле, все принесших в жертву ненасытной и циничной жадности. Оба они уехали со всем своим имуществом и до сих пор еще оба состоят на службе».

Впрочем, Клемм, намного лучше осведомленный о деятельности Введенского в начале войны, оправдывал его и по вопросу об эвакуации Урмии, вновь пометив карандашом на полях брошюры: «В этом хаосе трудно разобрать, кто прав и кто виноват. Кажется, больше всего были виноваты военные власти наши». Подытоживая свой доклад, Тимофеев писал: «Я полагал бы, во избежание чрезвычайного количества дел, которое может возникнуть при процессе г. Введенского и которые могут коснуться и других чинов Министерства, что наилучшим исходом из создавшегося положения был бы уход г. Введенского из Министерства и пересмотр дел, решенных при его участии, если будут соответственные жалобы. Если Министерство признало бы этот исход недостаточным, то необходимо назначить официальное дознание в Тавризе и Урмии».¹¹ В свою очередь Беляев в сопроводительном письме, от 26 августа, к докладу Тимофеева указывал, что изложенные там сведения, «к сожалению, не составляют тайны для Азербайджана, так как обиженные и потерпевшие громко рассказывают всем о перенесенном». К этому Беляев добавлял, что его стараниями Гергерское дело давно уже перерешено в Каргузари в пользу крестьян, а по другому, так называемому Кулунджийскому, делу жалобы на губернатора и Введенского тоже «нашли себе полное подтверждение» в ходе судебного разбирательства.¹²

Тем не менее товарищи министра иностранных дел А.А. Нератов и В.А. Арцимович полагали, что дальнейший ход этому делу может быть дан лишь при условии, если управляющий тавризским генеральным консульством в официальном донесении лично подтвердит выдвинутые Тимофеевым обвинения против Введенского. «Сообщая Вам об этом, — предупреждал Клемм Беляева, — считаю долгом привлечь Ваше внимание на следующее обстоятельство. Обвинения... в высшей степени серьезны и нуждаются поэтому в самых точных и непреложных доказательствах. Между тем в докладе г. Тимофеева большая часть обвинений основана, по-видимому, на догадках, на заявлениях отдельных лиц, на ссылках на частные торговые книги и тому подобных данных, недостаточно проверенных. В частности, например, дело священника Сархоша (подвергшегося истязаниям по приказу урмийского губернатора — В.Г.) приведено в односторонней версии, в свое время не подтвердившейся. Все это заставляет предполагать, что г. Введенский легко может опровергнуть эти обвинения даже, если бы за некоторыми из них скрывалась горькая истина. Тем не менее, как сказано, если Вы возьмете на себя ответственность за означенные обвинения, Министерство даст им ход, прежде всего затребовав от г. Введенского объяснения по всем указанным Вами делам». Но Беляев медлит, не решаясь взять на себя столь тяжкую от-

ветственность, и 7 ноября Клемм напоминает ему: «Жду Вашего уведомления о том, намерены ли Вы лично от себя поддерживать обвинения, взведенные против Введенского в докладах Тимофеева. До решения так или иначе этого вопроса задерживается решение дальнейшей участи Введенского».¹³ Похоже, что Беляев так и не рискнул подтвердить обвинения против урмийского вице-консула, вследствие чего руководство МИД не сочло возможным дать ход официальному расследованию...

6. В БУХАРСКОЙ «ССЫЛКЕ»

Хотя в изданном в 1915 г. «Путеводителе по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской» указывалось, что в пределах Бухарского ханства насчитывается не более 35 тыс. российских подданных, включая военных, торговых и служащих людей, «живущих главным образом в Чарджуе, Керках, Термезе, Старой и Новой Бухаре, по границе с Афганистаном и по линии железной дороги», — мировая война увеличила население русских поселений, по меньшей мере, до 50 тыс. человек за счет хлынувшего туда потока беженцев. «Новая Бухара, — говорилось в путеводителе, — расположена в равнинной местности по обеим сторонам полотна дороги. Резиденция Российского Императорского Политического Агентства при Бухарском ханстве. Население — 3 500 душ обоего пола (2 550 мужского, 950 женского), которое состоит из самых разнообразных элементов. Русских до 1000 душ обоего пола. Домов 215, преимущественно кирпичных. Большинство домов, как и здания станции железной дороги, окружены посадками разнообразной растительности. Здесь выстроен красивой архитектуры, в персидском стиле, дворец Его Высочества Эмира». В городе также имелись православный храм, суннитская мусульманская мечеть и шиитский и еврейский «молитвенные дома»; Общественное собрание с библиотекой и кружком любителей драматического искусства; мужское и женское приходские училища и смешанное одноклассное железнодорожное училище с интернатом; частные типография, библиотека и фотоателье; больница на 20 коек, амбулаторная лечебница и аптека; гостиницы «Европа», «Гранд-Отель» и «Коммерческая», а также отделения Государственного, Московского международного и Московского торгового банков, таможня, бесчисленные торговые фирмы и транспортные конторы, шесть хлопкоочистительных, винодельный, кишечный и ов-

чинный заводы, спичечная и табачная фабрики и даже «заведение для приготовления минеральных вод».¹

Лишь 20 апреля 1916 г., то есть прослужив в Новой Бухаре почти полгода, Введенский решает напомнить о себе Клемму доверительным письмом: «Алексей Константинович Беляев, оценивший мой труд, уходит, и временно остается управлять мой товарищ Н.А. Шульга. Чувство служебной этики и желание не нарушить добрых отношений с ним побуждают меня прежде всего просить Вас о переводе меня на самостоятельное место из Бухары, где у меня нет определенных обязанностей и положения. Не меньшую роль играют материальные обстоятельства. При дороговизне жизни в Бухаре и скромном жаловании, гораздо меньшем, чем даже жалование 2-го драгомана Политического агентства, получающего с прочими штатными служащими добавочное содержание из паспортных сборов, я вынужден с семьей на стеснения и тяжелую жизнь. Обстановка квартиры [бывшего первого секретаря] В.А. Петрова, которой я пользовался, в скором времени будет продана ввиду выяснившейся безнадежности болезни В[иктора] А[ндреевича], и мое материальное положение еще больше ухудшится. Я лишился всего в Урмии с эвакуацией и второй раз обзаводиться для меня, при временной командировке в Бухару, не по средствам. Главной же причиной, побудившей меня обратиться к Вам, это мое неопределенное служебное положение, уже продолжающееся свыше года. Как мне стало известно из вполне достоверного источника, ссылка моя в Бухару явилась в результате каких-то неблагоприятных слухов и клеветы, брошенных против меня людьми, искавшими, очевидно, предлога лишить меня моих заслуг и удалить из Азербайджана. До сих пор ни Вы, глубокоуважаемый Василий Оскарович, ни г. Товарищ Министра Гофмейстер Нератов, которому я представлялся в прошлом году, об этих неблагоприятных сведениях ничего лично мне не сообщили и посему я лишен по настоящее время возможности должным образом реабилитировать себя. Я думаю, что Вы поймете всю тяжесть [положения] человека, которого наказывают, не говоря ему, за что... Счастлив был бы, Василий Оскарович, если бы Вы, зная хорошо от Ал[ександра] Як[овлевича] Миллера, Арк[адия] Ал[ександровича] Орлова и покойного Б.А. Преображенского и имея возможность теперь запросить Алексея Константиновича Беляева о моей беззаветной преданности делу, знании и опытности, дали бы мне возможность опровергнуть злостную клевету. Я покорно прошу Вас, Василий Оскарович, доложить мое скромное и законное ходатайство г. Товарищу Министра: предъявить мне все обвинения, подозрения и улики, имеющиеся против меня в Министерстве. Страдать, не зная, за что, и работать сверх сил для того, чтобы после двенадцати лет

службы попасть в Бухару на роль архивариуса, лишённого негласно даже права на некоторые отрасли консульской деятельности, я больше не в силах».²

Ознакомившись 9 мая с вышеприведенным письмом, Клемм пишет политическому агенту: «Введенскому надо пока оставаться в Бухаре, откуда сейчас его никак нельзя взять. Успокойте его: заслуги и хорошие качества его здесь учитываются». Но, не дождавшись ответа, Введенский 10 мая обращается к Клемму со вторым письмом, в котором, сетуя на то, что продолжает нести незаслуженное наказание, откровенно заявляет: «Мне сейчас известно содержание беседы г. Товарища Министра с Алексеем Константиновичем Беляевым в ноябре месяце прошлого года. Я знаю, что Министерство приняло на веру донос о моем взяточничестве, донос, который шел от людей, желавших избавиться от моего пребывания в Азербайджане, и, не предъявив мне обвинение прямо, сослало в Бухару. Этой ссылкой я поставлен не в одинаковое положение с товарищами по службе: Дим[итрием] Беляевым, Бор[исом] Долгополовым, Вас[илием] Антиповым, Ник[олаем] Бравиным, Рост[иславом] Лисовским, занимающими, все, самостоятельные посты. В прошлом письме я усердно просил Вас, глубокоуважаемый Василий Оскарович, доложить мою законную просьбу г-ну Товарищу Министра предъявить мне все имеющиеся в Министерстве против меня обвинения и назначить расследование. Теперь я решил перенести вопрос по обвинению меня во взяточничестве в суд чести при Министерстве...» Ходатайствуя о предоставлении ему самостоятельного места в Персии или назначении суда чести с вызовом обвиняемого и обвинителя в Петроград, Введенский сетовал, что в Бухаре он совершенно бесполезен: «На предложение Алексея Константиновича принять на себя ведение судебного отдела я категорически отказался, имея в виду негласное указание ему г-на Товарища Министра не поручать мне вообще судебных дел ввиду существующих подозрений, что мое якобы взяточничество развивалось именно на этой почве. Узнав вообще о своей опале, о причинах ее только теперь, я не считаю себя вправе прикасаться к делам до полной реабилитации меня в Министерстве и до восстановления в правах».³ Об этом же сообщал в Петроград и первый секретарь Политического агентства Н.А. Шульга, который, замещая уехавшего 23 мая из Бухары А.К. Беляева, писал Клемму: «Введенский — прекрасный работник, идеальный канцелярист, но в связи с некоторыми ставшими ему известными обстоятельствами он совершенно отказался от уголовных и гражданских дел и определенно уклоняется от обычной мелкой работы. По его словам, он чувствует себя крайне обиженным и не намерен относиться к делу так, как прежде, до того времени, пока он не

будет реабилитирован. Кроме того, ко всему этому примешивается, конечно, совершенно, определенное нежелание оставаться в Бухаре, где вполне отрешиться от общества никак нельзя, а общество склонно к увеселениям, обедам и т. п.»⁴

Еще более уверившись в невинности урмийского вице-консула, Клемм ответил ему 24 июня в том смысле, как пометил он карандашом на его письме, что, «хотя до Министерства и доходили с разных сторон слухи о Введенском, оно, однако, значение им не придало. Доказательство — то, что Введенский еще на службе и что у него даже не потребовали объяснений. Только на его счет могли отчасти возникнуть [нарекания] ввиду, быть может, слишком усердного покровительства им русским подданным и насаждением русского землевладения в Азербайджане. Быть может, еще и его подчиненные брали пишкеши». Более того, уже в начале лета Клемм предлагает Введенскому занять пост вице-консула в Сеистане, но тот отказывается, заявляя, что такое назначение «положительно не компенсирует Урмии, оставленной против воли, в служебном, моральном и материальном отношении». На указание же секретаря Среднеазиатского отдела МИД Б.В. Андреева о том, что в Сеистане ему «могло бы быть исходотайствовано личное звание консула», Введенский отвечает: «Сеистан положительно не устраивает меня ввиду туберкулеза легких у жены и ехать туда значит рисковать ее жизнью. Оставить в России семью негде. Усердно прошу поддержать мою просьбу [о предоставлении консульского поста] либо на севере Персии или устройстве в другом месте».⁵ Две недели спустя, 23 июня, Клемм извещает Введенского о том, что в скором времени может представиться возможность посылки его в Турбет-Хейдари в Хорасанскую провинцию, и просит телеграфировать, устраивает ли его это назначение, поскольку «другого ничего не предвидится». Однако Введенский снова отказывается: «В Турбет-Хейдари мне непосильно ехать с серьезно больной женой, для которой всякие тяжелые переезды грозят жизнью. Сердечно благодарю за Ваше всегдашнее благосклонное внимание. Усердно прошу войти в мое исключительно тяжелое семейное положение и поддержать мою покорную просьбу о командировании в Мазандеран, где я мог бы устроиться с семьей благодаря близости. В противном случае предпочитаю, как это ни тяжело, оставаться в Бухаре до открытия более устраивающего меня с семьей места».⁶ Увы, мог ли знать Введенский, на какие муки обреч он себя и своих близких, оставшись тогда в Бухаре?!

В очередном личном послании Клемму от 26 июля Введенский вновь категорически отвергал все обвинения в свой адрес и, между прочим, писал: «Совершенно верно, Василий Оскарович, что я всегда

ревностно защищал права русских подданных в гласном суде и настаивал на справедливости. Это был мой святой долг. И 12-летняя моя более чем обширная судебная практика в Тавризе при знании персидского языка как родного ...не знает дела о захвате Мамедовыми „на основании дутых документов“ персидских деревень в Азербайджане. Если в таком духе Вами получено донесение из Тавриза, то позвольте мне против этого протестовать всеми силами и доложить, что и это — клевета, созданная в тех же целях грязной спекуляции чужим именем ради своих личных интересов. Никаких дел я никогда самостоятельно и вне суда, предусмотренного законом, не решал, и я думаю, в вопросах правильности или неправильности того или иного судебного решения лучший язык — документы и подлинные акты суда. Все они должны быть налицо в архиве Генконсульства в Тавризе. Осмеливаюсь также доложить, Василий Оскарович, по совести, что при Шуджа-уд-Довле Генконсульству не было известно насаждения русского землевладения... Землевладение выросло там до 1912 года и отмечено изданной запиской Ал[ександра] Як[овлевича] Миллера (Изв[естия] Министерства Ин[остранных] Дел за 1913, кн. III). При Шудже увеличивалась только аренда, и сделки не касались Генконсульства. Сердечно благодарю Вас за совет — спокойно отнестись к мелким дрызгам жизни и всем инсинуациям. Как я могу отнестись спокойно ко всему этому и выполнить Ваш совет, когда я лишен своего места, наказан и не устроен? В Бухаре я временно, и чувство непостоянства пребывания здесь отражается на больной жене и ребенке, а также на самочувствии. Могу ли я спокойно работать здесь? Помимо того, что меня лишили места, меня также обошли награждением по обстоятельствам военного времени, вполне заслуженным мною за тяжелую урмийскую страду в сентябре-декабре 1914 г. и три тяжелых месяца 1915 г. в Хое. Все получили ордена, я остался один обойденным⁷.

Между тем еще 12 июня Шульга заявляет Клемму: «Введенский, полубойкотирующий работу, мне совершенно не нужен. У нас дорога каждая минута — выбирать дела, разделять вопросы на интересные и неинтересные не приходится. Архив в общем он закончил, постоянного чиновника для архива, совершенно необходимого, иметь все равно невозможно и посему возьмите и его из Бухары». Однако на полях письма — карандашная пометка Клемма: «Пусть остается хотя бы до приезда Миллера».⁸ Бывший генеральный консул в Тавризе, переведенный в Бухару из Урги, где он занимал до того пост дипломатического агента в Монголии, действительный статский советник А.Я. Миллер вступил в управление Политическим агентством только 6 октября, но, благоволя к Введенскому, сумел, видимо, изменить его отношение к новому месту службы. Вместе с тем финансовой положение семьи

«лихоимца» оставалось весьма плачевным, о чем свидетельствует, в частности, и рапорт Введенского, от 1 ноября, с просьбой поддержать его ходатайство об определении десятилетней дочери Нины в столичный Александровский институт благородных девиц или московское Училище ордена Святой Екатерины в связи «со стесненными материальными обстоятельствами по случаю воспитания за свой счет двух братьев в высших учебных заведениях в России и поддержки матери». Несмотря на интенсивную переписку, которую вел Миллер по данному вопросу, из затеи ничего не вышло, и уже 25 мая 1917 г. Клемм не без сожаления телеграфировал в Бухару, что «ввиду ликвидации Мариинского ведомства, неопределенности его дальнейшей судьбы, коренного изменения условий и порядка приема учащихся — ходатайство Министерства об определении дочери Введенского в институт остается пока безрезультатным».⁹

Стремясь поправить материальное положение сослуживца и исходатайствовать ему лично звание консула, Миллер 5 ноября запросил МИД, «не представится ли возможным назначить Введенского консулом в Астрабад с временным пребыванием в Бухаре для усиления штата и заведования продовольственным делом». Высоко оценивая способности коллеги, Миллер всегда лестно отзывался о нем и в декабре, представляя его к ордену Святого Станислава 2-й степени за «безвозмездную» работу в качестве секретаря Бухарского областного комитета по беженцам, писал в Ташкент: «При постоянных занятиях по приведению в порядок архива Политического агентства и по текущим делам, а равно и при командировках в Керки, Термез, Карши и Гузар со специальными поручениями, безвозмездная служба Надворного Советника Введенского по призрению беженцев потребовала от него крайнего напряжения сил и энергии. На нем лежало все ведение дел о беженцах по двум местным комитетам — Ново-Бухарскому и Чарджуйскому: регистрация, заботы о правильном распределении кредитов, упорядочение дела водворения беженцев, передвижения их в другие местности, устройство их дальнейшей судьбы, заботы об удовлетворении духовных нужд, устройство детей беженцев в школы, облегчение сношений беженцев с их родственниками...»

В другом представлении, от 23 февраля 1917 г., адресованном непосредственно туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину, Миллер хвалил Введенского за его работу в качестве председателя распорядительного комитета Бухарского продовольственного совещания, учрежденного при Политическом агентстве в связи с исключительными условиями, в которых оказалось ханство из-за войны с началом продовольственных затруднений в России и расстройством транспорта. Комитет взял на себя заботу по снабжению населения Бу-

хары и ее русских поселений основными продуктами питания и товарами первой необходимости, поставлявшимися туда всегда, ввиду условий местного хозяйства, из России. Поэтому, отмечал Миллер, потребовалось организовать их закупку «в непривычных, для хотя бы большой и специальной торговой организации, размерах» и развернуть сеть надежных складов, потребительских магазинов, хлебопекарен и мясных лавок. Вся эта сложная и ответственная работа легла на плечи Введенского, который составил в июне 1916 г. специальную записку по ее организации, послужившую основанием для начала деятельности Бухарского продовольственного совещания. По мнению Миллера, именно «благодаря исключительной работоспособности Надворного Советника Введенского, проявленным им способностям разбираться в сложном продовольственном деле и рвению» удалось за короткий период наладить закупку, доставку и распределение среди населения сахара, муки, мяса, спичек, саксауловых дров и прочих товаров первой необходимости, в результате чего оборот кассы продовольственной организации за период с сентября по декабрь 1916 г. составил почти восемь с половиной миллионов рублей, а Введенский был награжден бухарским орденом Золотой звезды 2-й степени. «Выдающиеся заслуги Надворного Советника Введенского, — писал Миллер Куропаткину, — отлично усердное и ревностное отправление им службы вообще и в особенности правильно поставленное и организованное им, благодаря настойчивому труду, дело снабжения русского и туземного населения Бухарского ханства главнейшими продуктами первой необходимости, в строгом соответствии с преподанными правилами и указаниями, побуждают меня усерднейше ходатайствовать пред Вашим Высокопревосходительством о представлении прикомандированного к вверенному мне Императорскому Политическому Агентству Вице-Консула в Урмии Надворного Советника Введенского за выдающееся по службе отличие по обстоятельствам военного времени к Высочайшей награде: производству в следующий чин Коллежского Советника...» Однако Куропаткин считает более правильным представить Введенского к очередному ордену, ибо он «имеет старшинство в настоящем чине надворного советника только с 18 сентября 1915 г». ¹⁰ Чины, впрочем, доживали уже последние дни...

Февральская революция 1917 г. превращает Россию в республику, и, стремясь направить проснувшееся сознание масс на «мирный эволюционный путь», предотвратить анархию и избежать возможные эксцессы на почве распространяющихся слухов о недостатке продуктов на складах, Миллер поручает Введенскому выступить с подробным докладом на эту тему на заседании Бухарского продовольственного совещания, созываемом вечером 7 марта в большом

зале Общественного собрания Новой Бухары. Как и ожидалось, назначенный для обсуждения вопрос оказался для горожан столь животрепещущим, что на заседание явились не только состоятельные люди, но и «простой рядовой обыватель» и многочисленная группа местных рабочих, с исключительным вниманием выслушавших доклад Введенского. Его выводы, подтверждавшиеся наглядным цифровым материалом, сводились к тому, что, несмотря на резкое сокращение поставок хлебных продуктов в Бухару (а в 1916 г. против довоенного времени, когда их туда ежемесячно доставлялось по 260 вагонов, ввоз уменьшился более чем вдвое, дойдя к марту 1917 г. всего до 25 вагонов муки!), стараниями распорядительного комитета удалось предотвратить голод, и русские поселения ханства, в отличие от других областей Туркестанского края, снабжались продуктами хотя и в ограниченном, но все же потребном для жизни количестве. Развеев слухи об отсутствии хлеба на складах, Введенский, говоря о видах на будущее, ссылаясь на успешно пока протекающую заготовку 150 тыс. пудов пшеницы в восточных бекствах Бухары, риса — в Шахрисябзском и Китабском бекствах, убойного скота — в Каршинском и Гузарском бекствах, на ожидаемое получение пшеницы из Семиречья и заготовках ее в Оренбуржье. Таким образом, подытоживал докладчик, есть надежда, что со всеми непредвиденными затруднениями, возрастающими по мере приближения к новому урожаю, продкомитету удастся справиться при непременно условии спокойствия, поддержки и доверия со стороны всего населения.

Доклад произвел должное впечатление, и в тот же вечер, сообщил Миллер, «вожаки масс» (падение самодержавия значительно обогатило словарь царских дипломатов!) решили созвать 8 марта народный митинг в более вместительном зале управления Бухарской железной дороги, бывшем дворце покойного эмира, и просить Введенского, если и не повторить там свой доклад со всеми цифровыми выкладками, то хотя бы осветить в доступной пониманию обывателя форме главнейшие этапы столь волнующего всех продовольственного вопроса. Поскольку же на митинг явилось чуть ли все русское население Новой Бухары и ближайших станций Средне-Азиатской и Бухарской железных дорог, проводить его пришлось на открытом воздухе. После речи Миллера, заклинавшего многотысячную аудиторию сохранять порядок и повиноваться организовавшемуся правительству «народных избранников», Введенский снова говорил о положении с продовольствием, вызвав, по словам Миллера, «одни одобрения» собравшихся, которые «шумными возгласами и аплодисментами поблагодарили оратора за его труды».

Взращенные в консервативной дипломатической среде и потрясенные неожиданным свержением монархии, чиновники Политичес-

кого агентства старались (впрочем, как и вся Россия!) приспособиться к новым политическим реалиям, что одним удавалось лучше, а другим — хуже. «С большим одушевлением и торжественно прошел первый праздник русской революции 10 марта, — докладывал Миллер Куропаткину. — К десяти часам утра улица и площадь перед церковью Политического Агентства были залиты народом с красными и черными флагами с надписями: „Вечная память павшим борцам за свободу“. Под открытым небом были отслужены молебен и панихида по павшим борцам за свободу России, затем тут же состоялся митинг. Первое слово было предоставлено мне. Я горячо призывал к единению, порядку и спокойствию. Почтив память павших борцов за свободу продолжительным молчанием, я предложил крикнуть громкое „ура“ за счастье, славу и мощь Великой России. Восторженные крики „ура“ слились с пением „Марсельезы“... Затем манифестанты прошли к еврейской синагоге, около которой были совершены соответствующие моления. Отец Михаил Омелюстый сказал блестящую речь об единении всех народностей России и уважении религии каждой. Все мои товарищи и я были на этом митинге. Около четырех часов дня огромная процессия с красными флагами и пением „Марсельезы“ пришла к Политическому Агентству. Я в сопровождении моих товарищей вышел на крыльцо и в конце горячей речи с призывом к неустанному труду, сообщил о полученной Его Высочеством Эмиром телеграмме Г. Министра Иностранных Дел с поздравлением по случаю Ноуруза и прочел ответную телеграмму Его Высочества... Речь моя часто прерывалась бурными аплодисментами. После этого процессия в стройном порядке прошла к казармам казачьего конвоя, где вместе с казаками громко кричала «ура» в честь обновленной России, нашей героической армии и славных казачьих войск. 11 марта прошло в подготовке выборов тридцати членов временного Ново-Бухарского Исполнительного Комитета. На состоявшихся 12 марта выборах огромным большинством прошел рабочий список...»

В последнем значилась и фамилия Введенского, который, имея репутацию «кормильца» Бухары, оказался на третьем месте по количеству поданных за него голосов — 4 211, уступив первенство лишь начальнику военного гарнизона поручику А.Н. Щеглову и председателю правления местного кооператива И.Д. Мирзаку — соответственно 4 227 и 4 220 голосов. Возглавляемый тремя комиссарами — Щегловым, мировым судьей 1-го Бухарского участка В.В. Залесским и рабочим И.П. Козлитиным, общегражданский Исполком состоял из четырех комиссий — хозяйственной, рабочей, здравоохранения, школьной — и продовольственного комитета, председателем которого уже 14 марта был единогласно избран Введенский. Помимо него, в состав

выборного продкома вошли упомянутые Козлитин, Мирзак и Щеглов, помощник начальника железнодорожной станции Каган П.И. Амбраже, управляющий отделением пароходного общества «Кавказ и Меркурий» Х.М. Баранов, маляр С.Л. Волжин, служащий таможни Н.К. Гегелашвили, «заводчик» Жирнов, присяжный поверенный А.В. Новгородский, наборщик типографии П.Г. Полторацкий, ветеринарный врач В.А. Салтыков, столяр С.Д. Трехлебов, управляющий отделением Московского Учетного банка М.К. Тысячников и солдат-«коммерсант» Н.А. Щетинин. «Счастлив донести, — извещал Миллер генерал-губернатора 15 марта, — о полном спокойствии и порядке как среди русского, так и туземного населения. Все заняты своей работой».¹¹

7. СОСЛУЖИВЕЦ БРАВИН

Увлеченный новой сферой деятельности, Введенский, естественно, и не подозревал, что хорошо известный ему по службе в Персии вице-консул в Хое надворный советник Н.З. Бравин еще 10 марта телеграфировал в Петроград, Тегеран, Тавриз и Урмию о поступающих-де к нему запросах о том, «будет ли произведено теперь расследование деяний вице-консула Введенского, до сих пор почему-то замалчивавшихся».¹ Отвечая Бравину, тогдашний поверенный в делах России в Персии В.Ф. Минорский не без раздражения отчитал его: «Обращаю Ваше внимание, что, если у Вас имеются достаточные данные о чьих-либо злоупотреблениях, Вы можете официально представлять [их] мне. Официально сообщите, о каких запросах идет речь. Выражение „почему-то замалчивались“ относится к разряду тех, на недопустимость которых обращалось Ваше внимание. Благоволите указать, кем и когда замалчивались». С Минорским был вполне солидарен и Клемм, который в лаконичной телеграмме Бравину от 13 марта сдержанно замечал: «Если у Вас имеется фактический материал для обвинения Введенского, сообщите таковой».² Поскольку же, по утверждению Бравина, о «мздоимстве» сослуживца он узнал от самого Клемма, последний не скрывает возмущения: «Приписываемые мне Вице-Консулом Бравиным в его записке, приложенной к донесению от 13 марта с. г., за № 1137, слова (стр. 3) [в архивном деле отсутствует — В.Г.] я никогда не говорил и говорить не мог, ибо если бы у меня была уверенность в том, что г. Введенский „сильно берет“, то я не только возразил бы против его перевода в Урмию, но и ходатайствовал бы о предании его суду.

В своих суждениях о Введенском, высказывавшихся мною неоднократно не только сослуживцам, но и начальствующим лицам, могущим это подтвердить, я высказывал всегда лишь следующее. На счет Введенского циркулируют весьма неблагоприятные слухи, но никаких фактических данных, подтверждающих эти слухи, налицо не имеется. Если возможно, что эти слухи основательны, то возможно и то, что они являются лишь следствием особой склонности Введенского защищать во что бы то ни стало интересы русско-подданных и насаждать в Азербайджане русское землевладение и всякие другие предприятия. В Персии ничего нет легче, как прослыть взяточником: сплошь да рядом при решении какого-либо дела в пользу одной стороны, другая кричит, что с противной стороны, очевидно, получена взятка. Поэтому к обвинениям такого рода следует относиться с большой осторожностью. Однако, когда вокруг какого-либо чиновника слагается легенда о его склонности к взяткам, его лучше не оставлять в данном месте, а переводить в другое, давая тем самым возможность лицам, так или иначе потерпевшим от неправильных действий этого чиновника, безбоязненно и открыто выступить с обвинениями против него с доказательствами в руках. Только в этом смысле я мог высказаться и перед г. Бравиным и мотивировать перевод Введенского... Но г. Бравин и в этом случае, как и во многих других (обвинения его против Кирсанова и Григорьева), к сожалению, дает делу неправильную окраску».³

Поскольку Бравин сыграл поистине зловещую роль в судьбе Введенского, о чем речь пойдет ниже, следует хотя бы вкратце рассказать об этом небесталанном, но завистливом, мстительном и склочном человеке, который всегда считал себя обделенным наградами и имел обыкновение весьма дурно отзываться о своих коллегах. Будучи на полгода моложе Введенского, Николай Бравин родился 13 мая 1881 г. в Симферополе в семье «шлиссельбургского мещанина» Захария Терентьевича и его супруги Марии Николаевны и, оказавшись на службе по ведомству МИД, по личному составу — преимущественно дворянскому, всегда ощущал некую свою ущербность, раздувавшую его честолюбие, но пагубно отражавшуюся на свойствах характера. Окончив факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом 1-й степени и Учебное отделение восточных языков при МИД, Бравин в декабре 1904 г. был определен на службу по ведомству Министерства с причислением к его Первому Департаменту, а в мае 1905 г., сдав дипломатический экзамен, назначен студентом Миссии в Тегеране, куда, задержанный в столице по делам службы, приехал лишь в самом конце августа. Назначенный в ноябре драгоманом генерального консульства в Мешхеде, начинающий дипломат при-

ступил к исполнению своих обязанностей в январе 1906 г. и служил под началом самого Клемма, искренне к нему тогда расположенного. Но и тот впоследствии признавался, что Бравин, «будучи человеком, не лишенным способностей и трудолюбия, почти на всех постах, которые занимал, навлекал на себя неудовольствие своих непосредственных начальников и Императорского Министерства из-за свойственных ему неуживчивости характера и несубординации». В июле 1907 г. Бравина повысили в должности, назначив секретарем консульства в Митровице, но вместо Косовского вилайета Албании отправили в Хусейнабад для временного управления вице-консульством в Сеистане, где 9 сентября он сменил уезжавшего в отпуск коллежского асессора В.И. Некрасова. Причем уже в начале следующего года Бравин весьма удивил начальство, ибо, получив шахский фирман о пожаловании ему персидского ордена Льва и Солнца 3-й степени, ...чрезвычайно обиделся, решив, что такая награда не соответствует его должности. «К крайнему моему огорчению, — жаловался он посланнику 17 января, — событие это вызвало и принесло мне здесь, кроме поздравлений, ряд разных предположений и намеков, которые все сводились к тому, что я, управляющий, приравнен персами к не прослужившему в Персии и двух лет писцу сего же Вице-Консульства Лахновичу, якобы получившему тот же орден...» Не зная даже точно, награжден ли Лахнович, Бравин, тем не менее, просил МИД разрешить ему отказаться от пожалованного ордена, дабы, как пояснял он, оградить себя «от крайне обидных насмешек и сравнений». В ответ посланник напоминал честолюбцу, что «представление чинов Императорского Министерства к персидским знакам отличия делается обычно с ведома Императорской Миссии, которая и указывает степень ордена, соответствующую должности, занимаемой данным лицом». Поскольку же орден Льва и Солнца 2-й степени жалуются обыкновенно лицам, занимающим должность не ниже секретаря генерального консульства, я, подытоживал Гартвиг, «не нахожу достаточных оснований к возбуждению ходатайства об изменении степени ордена, пожалованного Вам Его Величеством Шахом»...

В ноябре 1908 г. Бравин обратился к замещавшему Гартвига поверенному в делах Саблину с частным письмом, в котором просил отозвать его из Сеистана. «Хотя я попал сюда совершенно невзначай и неожиданно для себя, — объяснял он, — по существу, я вполне доволен своим настоящим положением. Сеистан мне нравится, я освоился с ним и, что теперь главное, у меня превосходные отношения со всеми здешними англичанами. При таких данных, казалось, мне ничего бы иного и не желать, как продолжать оставаться здесь. Между тем с недавнего времени обстоятельства, к сожалению, стали складываться

наперекор моему желанию. Я вдруг стал страдать зубами, заболел серьезным кишечным процессом и, кроме того, имея за собой почти четыре года безотлучного пребывания в Персии и скитаний по ее дебрям, не могу не считаться с тем, что совершенно утратил свой гардероб. Совокупность этих обстоятельств, принимая во внимание полное отсутствие здесь возможности и способов к их поправке, делает пребывание для меня здесь более чем на шесть еще примерно месяцев нестерпимым». Хотя МИД предполагал направить его в Митровицу, секретарем консульства в которой Бравин все еще числился, выехав в середине мая 1909 г. из Хусейнабада, он по дороге в Мешхед обратился в Первый Департамент с просьбой о зачислении его с осени вольнослушателем на ташкентские курсы «для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку индустани (урду)». Поддержав ходатайство Бравина, Клемм поручил Минорскому, исполнявшему тогда обязанности дипломатического чиновника в Ташкенте, снестись по этому вопросу с кем следует. «Генерал-губернатор и штаб согласны на допущение Бравина на курс в восемь месяцев... — ответил Минорский 21 октября. — Лично я сомневаюсь в пользе Бравина». Но поучиться на ташкентских курсах ему так не довелось, ибо уже 13 ноября МИД уведомил тегеранскую Миссию о том, что «вновь назначенный [с 17 октября] Драгоманом Генерального Консульства в Бендер-Бушире Тит. Сов. Бравин по приказанию г. Министра прикомандирован на некоторое время к Генеральному Консульству в Бомбее». Там, в Бомбее, откуда генеральное консульство в феврале 1910 г. переехало в Калькутту, с Бравиным успел пообщаться профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета Ф.И. Щербатской — известный специалист по буддизму и классической индийской философии, избранный в том же году членом-корреспондентом Академии наук. «Секретарь Бравин — идиот и хам, а сам консул к делам не прикасается», — с негодованием жаловался профессор секретарю Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Л.Я. Штернбергу 2 апреля. Уже полгода спустя, 10 октября, Щербатской подтвердил данную им уничтожающую характеристику в письме директору Музея антропологии и этнографии академику В.В. Радлову, замечая: «Секретарь консульства, некто Бравин, — просто хам!»⁴

Впрочем, тот лишь фактически исполнял обязанности секретаря, и еще в июне генеральный консул Б.К. Арсеньев уведомлял С.Д. Сазонова о том, что Бравин, «тяготясь неопределенностью и шаткостью нынешнего своего положения и стремясь к более самостоятельной и широкой деятельности», просит содействия в назначении его на имеющийся-де освободиться в ближайшем будущем пост вице-консула в Сеистане. «Дикий первобытный край, откуда большинство консульс-

ких чиновников наших стремится бежать как можно скорее, — писал Арсеньев, — для г. Бравина, на первое место ставящего посильное служение родине и возможность самостоятельно работать, представляется обетованной землей. Служба в Индии в качестве второстепенного исполнителя его не удовлетворяет. Всеми силами души он стремится в знойные глухие пустыни Персии, где при самых тяжелых жизненных условиях, в совершенно некультурной обстановке, он мог бы, благодаря своему знанию страны и людей, быть полезным отечеству. Истинное призвание к тому или другому роду деятельности явление столь же редкое, сколь драгоценное. И я смею думать, что Императорское Правительство может быть только заинтересовано в том, чтобы в тех глухих и отдаленных углах земного шара, где у него имеются серьезные интересы, его представляли люди, смотрящие на трудный свой подвиг не как на немилость или наказание, а как на счастливый жребий. Именно так посмотрел бы г. Бравин на назначение свое вице-консулом в Сеистане». Но из МИД сухо ответили, что, во-первых, слух об открытии упомянутой вакансии «лишен всякого основания», и, во-вторых, «при назначениях на должности вице-консулов принимается в соображение, помимо всего прочего, и старшинство по службе соответствующих кандидатов, а в этом отношении имеется немало лиц, пользующихся преимуществом перед г. Бравиным». Тем более, что он прибыл в Индию совсем недавно и должен продолжать усердное изучение туземного языка для успешного выполнения должности драгомана, на которую и имеется в виду его в последующем назначить.

Для мнительного Бравина это был страшный удар по самолюбию, усугубленный еще невольной и симпатизировавшим ему добрейшим Арсеньевым: узнав в декабре, что секретарем генерального консульства назначен титулярный советник Л.Х. Ревелиоти, Арсеньев обратился к Нератову с ходатайством о продлении командировки Бравина, который, как указывал он, «состоя с момента прибытия моего, почти год тому назад, в Индию единственным моим помощником..., был для меня в продолжении всего этого времени драгоценным, полным энергии и инициативы сотрудником, относившимся к делу с величайшим интересом и рвением и при исполнении своих обязанностей не щадившим ни сил своих, ни даже здоровья». Поскольку же буквально накануне, высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 29 ноября, Бравина «за выслугу лет» произвели в очередной чин, он, сетовал Ревелиоти, «с первых же дней моего приезда в Калькутту..., в присутствии Б.К. Арсеньева, неоднократно заявлял мне, что назначение мое секретарем Генерального Консульства в этом городе для него крайне обидно, так как, помимо других соображений, я —

всего лишь титулярный советник, тогда как он, Бравин, — уже коллежский ассессор». Бравина не могло не раздражать и то, что «выскачка» Ревелиоти, потомственный дворянин, окончил не факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, а юридический, да еще с дипломом 2-й степени, и к тому же никогда не служил на Востоке. Однако к упрекам сослуживца Ревелиоти, по его словам, относился «самым добродушным образом, не принимая их всерьез», и попытался приложить все зависевшие от него старания к тому, чтобы сердечным товарищеским отношением приобрести симпатии Бравина.

«Мне казалось, — делился Ревелиоти с Клеммом в доверительном письме от 5 июля 1911 г., — что я успел отчасти достичь своей цели: в минуты хорошего расположения духа г. Бравин делился со мной своими радостями и печалью и, часто бывая у меня в доме, держал себя совершенно по-товарищески. Но, к сожалению, с течением времени, под влиянием болезненного состояния и личных неудач, а также, быть может, вследствие врожденной склонности к ипохондрии, г. Бравин стал позволять себе поступки, ни для Б.К. Арсеньева, ни для меня непонятные. Не раз начинал он разговор о том, что совместная со мной работа в канцелярии Консульства для него невозможна, что с моим приездом в Индию роль его окончилась, а что, если он и остается еще здесь, то лишь как частное лицо для изучения языка индустани. Как мой начальник, имевший возможность основательно изучить за год характер г. Бравина, так и я сам, после обсуждения странного поведения его, пришли к заключению, что мы имеем дело с человеком не совсем нормальным, болезненно самолюбивым и обидчивым и что, принимая во внимание временный характер командировки его в Индию, нам не остается ничего более, как не обращать внимания на его странности и относиться к ним снисходительно. Частые припадки меланхолии и намеки на готовность покончить с собой еще более убедили меня в ненормальности душевного состояния Бравина. Если он примирялся, скрепя сердце, с моей ролью старшего, после генерального консула, чиновника в Генеральном Консульстве, то вступление мое в управление оным было для него фактом, с которым он никак не мог помириться. Не скрывая своего нежелания признавать мой временный авторитет, г. Бравин стал так странно относиться к своим обязанностям и ко мне лично, что я вынужден был сделать ему несколько замечаний и, после ряда бестактных выходов с его стороны, изменить тон моих писем. Принятая мной, не без колебания и с искренним сожалением, мера не замедлила вызывать последствия, окончательно убедившие меня в болезненном состоянии нервной системы моего сослуживца».

Заведую всеми делами из Симлы, куда перебиралась канцелярия генерального консульства в жаркое время года, Ревелиоти, по его словам, поручил Бравину «лишь визирование паспортов, прием немногочисленных просителей и водворение на родину русско-подданных бродяг, а также отправку проходящих изредка в Калькутту русских пароходов». Однако на пустячную просьбу узнать, почему в Симлу не поступают выписанные и оплаченные Арсеньевым газеты, Бравин ответил весьма нелюбезно, если не сказать грубо, предложив Ревелиоти самому обратиться в редакцию. Управляющий генеральным консульством посчитал это настолько «неуместным», что просил Бравина сноситься с ним впредь только официальными письмами, ибо, как пояснял Ревелиоти, «иного способа напомнить ему об его обязанностях у меня, к сожалению, в распоряжении уже более не имелось». Но, получив из Симлы два официальных письма, одно из которых было на бланке и за номером, Бравин тотчас же вернул их по почте Ревелиоти, перечеркнув номер и поставив вопросительный знак на полях, причем сопроводил их крайне неучтивым посланием от 28 июня: «Я неоднократно заявлял Вам лично и в Вашем присутствии о своем решительном нежелании быть с Вами в какой бы то ни было переписке. Необходимость заставляла, однако, меня иногда писать Вам, хотя все же я ни разу не писал Вам первый, а лишь, вынуждаемый обстоятельствами, отвечал на Ваши письма, причем ответы свои всегда редактировал в выражениях, буквально заимствованных из Ваших писем. Из последнего Вашего с радостью вижу, что, наконец, и Вы решились оставить меня в покое. Что касается переписки между нами „за №№“, то таковую, как не соответствующую с добрыми традициями нашего Министерства и практикуемую лишь между самодурами, считаю для нас обоих унижительной и совершенно неосуществимой. Готовый к услугам, Бравин».

Пересылая упомянутую переписку Клемму, Ревелиоти пояснял ему: «Я осмелился обратить Ваше внимание на эти подробности, глубокоуважаемый Василий Оскарович, единственно с целью обрисовать Вам то состояние нервного возбуждения, в котором, по-видимому, находится в настоящее время г. Бравин и которое я обнаружил у него как в прошлый приезд его в Симлу, так и в нынешний. Неоднократные слова его об участии и симпатии, с которыми Вы всегда изволили относиться к нему, дают мне надежду, что Вы не откажете и на этот раз войти в положение моего сослуживца, нравственное состояние которого внушает искреннее сожаление, и будете добры помочь ему получить давно ожидаемое повышение. Я уверен, что этот способный и энергичный чиновник страдает острым нервным расстройством, вызванным губительным калькуттским климатом и одиноче-

ством. Предположение это подтверждают, мне кажется, обморочные состояния, коим подвержен г. Бравин и свидетелем одного из которых я был. Отдохнув от постоянно гнетущих его мыслей, переменяв условия жизни, г. Бравин, я не сомневаюсь, делается опять тем же полезным работником, каким он был раньше».

Хотя Ревелиоти указывал, что по понятным причинам позволяет себе не информировать Министерство о тех основаниях служебного характера, которые, к его прискорбию, делают дальнейшее пребывание Бравина в Индии безусловно неудобным, в ответном послании от 17 августа Клемм заявлял: «Осведомившись, с сожалением, из Вашего частного письма от 5 мес[яца] Июля и приложенной к нему в копии переписке Вашей с Коллежским Ассессором Бравиным, что последний позволил себе серьезные нарушения служебной дисциплины по отношению к Вам, являющемуся, в качестве управляющего Генеральным Консульством в Калькутте, прямым его начальником, я счел нужным доложить Управляющему Министерством, что я не считаю возможным дальнейшее пребывание г. Бравина при означенном Генеральном Консульстве. Вследствие этого решено было предложить этому чиновнику отправиться в Абиссинию для исправления там должности драгомана, в которой имеется в виду его впоследствии утвердить. Вместе с тем, однако, г. Управляющий Министерством уполномочил меня поставить на вид г. Бравинову всю неуместность и недопустимость его поведения, которое выставляет его в весьма невыгодном для него же, в смысле дальнейшей его карьеры, свете. Прошу Вас объявить об этом от моего имени Коллежскому Ассессору Бравинову, выразив при этом мою надежду, что он впредь будет тщательно воздерживаться от подобных поступков и усердным соблюдением служебной дисциплины постарается изгладить произведенное им на Министерство дурное впечатление». Тем не менее уже 7 октября Ревелиоти жаловался в МИД, что уехавший в Абиссинию за пять дней до его прибытия в Калькутту Бравин, несмотря на просьбу о передаче ключей от вверенной ему канцелярии нештатному вице-консулу В.П. Ампену и предварительной проверке вместе с ним наличности имущества по списку и целости бомбейских архивов, в том числе секретных, не только не исполнил данное указание, но и оставил все на попечение слуги-индуса, которого сам же накануне предлагал уволить.⁵

Назначенный, наконец, в декабре 1913 г. на возделенную должность вице-консула и вступив 11 марта 1914 г. в управление вице-консульством в Казвине, Бравин затеял там тяжбу с русско-подданным жителем г. Казах Елисаветпольской губернии Н.А. Джагетянцем. Последний еще в 1908 г. привлекался к дознанию в качестве обвиняе-

мого по 102-й, «революционной», статье Уголовного Уложения и, находясь в Тифлисе под надзором полиции, бежал из России, но весной 1914 г., по амнистии, был помилован с правом беспрепятственного возвращения на родину. Однако, получив агрономическое образование в Лейпцигском университете, делец Джагетянц обосновался в Персии, где каким-то образом сумел получить в аренду 45 тыс. десятин земли в Казвинском, Тегеранском и Хамаданском округах. Тяжба, как пояснял Коростовец, началась с гражданского спора Джагетянца с персидским казначейством, некоторые из служащих которого, имея виды на доходное казвинское имение арендатора, стали чинить ему всяческие препятствия. Так как арендный контракт был в полном порядке, тегеранская Миссия сочла необходимым заступиться за притесняемого российского подданного, но Бравин встал на сторону местных чиновников и начал систематически преследовать Джагетянца, клеймя его хозяйство «темным кулаческим предприятием», что, впрочем, скорее всего не расходилось с истиной. Поскольку же Джагетянц подал официальную жалобу на Бравина, указывая, что тот, считая себя «всесильным и всемогущим», грозил выслать его в Россию, отобрал подписку о невыезде из Казвина, публично оскорблял и советовал передать арендные права некоему персидскому подданному, Коростовец обратился к вице-консулу за разъяснениями. Узнав о поданной на него жалобе, «правдолюбец» Бравин поспешил арестовать Джагетянца, и 9 декабря 1914 г. консульский суд под председательством самого вице-консула, выступавшего одновременно в роли обвинителя, свидетеля и потерпевшего, вынес, как возмущался посланник, «исключительное по незаконности постановление», приговорив законного арендатора к семи месяцам содержания под стражей, после чего его этапным порядком выслали в Россию и посадили в елисаветпольскую тюрьму. Неудивительно, что в заключении Юрисконсультской части МИД от 11 апреля 1915 г. указывалось на нарушение Бравиным основных принципов правосудия, ибо «никто не может быть судьей в собственном деле».⁶

Учитывая противозаконные действия, роняющие авторитет вице-консульства, и «неоднократные жалобы разных лиц на Коллежского Ассессора Бравина в превышении власти», Миссия ходатайствовала о замене его в Казвине более подходящим чиновником. Но из Петрограда ответили, что, «не желая на сей раз еще принимать против г. Бравина строгой карательной меры, Министерство решило перевести его консулом в Сеистан» и поручает новому тегеранскому посланнику Н.С. Эттеру строго предупредить провинившегося, что «в случае дальнейших каких-либо упущений с его стороны Министерство окажется вынужденным принять по отношению к нему более серьезные

меры». Сам же Бравин, видя, что его филиппики в адрес Джагетянца никого в МИД не трогают, изменил тактику и смиренно оправдывался перед Эттером: «За 11 лет службы и практики на Востоке в местах с консульской юрисдикцией мне нигде и ни разу не приходилось видеть, как устраивается консульский суд. Суд по делу Джагетянца был моим первым опытом, причем я не мог руководствоваться ни своей, ни чьей-либо другой одобренной практикой. Консульский устав, как известно, содержит по сему поводу указания неясные и неполные... Разобраться во всем этом я не смог, что и повело к известным уже последствиям». Так ему удалось разжалобить Эттера, который убеждал товарища министра иностранных дел Арцимовича, что «для четы Бравиных (он только недавно женился [на Л.А. Михайловской, дочери надворного советника — В.Г.] назначение в Сеистан явилось бы настоящим заточением».⁷

Тем не менее осенью Бравину все же пришлось отправиться к старому месту службы, но, еще не доехав до Бирджанда, он стал обличать своего предместника в финансовых злоупотреблениях, уверяя 4 ноября Клемма в том, что «за последние два года от самых почтенных сослуживцев и ряда русско-подданных непрерывно наслышан о беспримерном взяточничестве, нечестности и вымогательстве Романовского», а касса в Сеистане должна быть «до крайности запущена». В свою очередь В.С. Романовский запрашивал МИД, облечен ли Бравин какими-либо особыми полномочиями в отношении принятия вице-консульства, ибо, пояснял он, «телеграммы его из Мешеда, посылаемые клером, содержат угрозы по моему адресу и носят характер желаний вызвать меня на беспричинную ссору». И вновь рассерженный Клемм пытается внушить Бравину, что не следует так себя вести: «На одних словесных отзывах в подобных делах основываться нельзя, нужны факты и доказательства. Если будут недочеты в кассе Консульства в Сеистане, надо будет лишь отметить это в протоколе сдачи. Никаких резкостей при этом не должно быть». Однако, ввиду отсутствия в вице-консульстве установленных денежных книг, Бравин категорически отказывается принять кассу у Романовского, который, как уведомляет он МИД 5 января 1916 г., «имел обыкновение мешать деньги своего текущего счета и казенного». Кроме того, поясняет Бравин, «еще в Мешхеде казаки конвоя и Хорасанский отряд заявили мне на Романовского ряд личных жалоб — на его подозрительную неаккуратность в денежных делах». Но, выслушав доклад Романовского, Арцимович находит, что Бравин поступил неправильно, ибо, не составив обязательный протокол за двумя подписями, о необходимости которого его особо предупреждал Клемм, голословно «набрасывает тень» на своего предместника. «Я не в состоянии разоб-

раться в противоречиях между Вами и Романовским, — раздраженно замечает Арцимович в телеграмме от 13 января, — и ставлю это Вам в серьезный упрек».

Приняв 24 ноября 1915 г. некогда столь желанное вице-консульство в Сеистане, Бравин горько сетовал, что, заброшенный в самый дальний уголок Персии и оторванный от всего, терпит «истинное бедствие, жить не на что», а он должен еще оплачивать конвой, отправку телеграмм, прислугу и дом. Впрочем, не прошло и года, как его перевели в Хой, причем небезынтересно, что тогда же Клемм предупреждал генерального консула в Мешхеде Н.П. Никольского: «Некоторые донесения Бравина за последнее время представляются нам, по меньшей мере, странными. Если бы по проезде его через Мешхед Вы подметили в нем что-либо ненормальное, благоволите тотчас телеграфировать мне». Хотя Никольский ничего особенного не заметил, в Хое повторилась старая история, и уже 1 декабря 1916 г. Бравин жаловался Клемму, что беседа с помощником императорского наместника на Кавказе генералом Н.Н. Янушкевичем произвела на него весьма удручающее и даже «ошеломляющее впечатление», ибо тот не скрывал своего искреннего сожаления по поводу отзыва из Хоя бывшего управляющего вице-консульством и «особенно резко подчеркнул, что не только в Азербайджане, но, пожалуй, и во всем Министерстве иностранных дел только два как бы светоча и столпа — Беляев Дмитрий и Кирсанов». Восприняв слова генерала как «результат частных забеганий Кирсанова, желавшего получить Хой как самостоятельное место», Бравин воспылил к предместнику жгучей ненавистью и не пожалел сил для его дискредитации. «Удалое субу-тыльничество с нетрезвыми прапорщиками, — брызгливо заявлял он Клемму, — умелое подслуживание какому-нибудь чудаку-генералу дали возможность разным молодым людям из „ранних“ нахватать отличий, о которых при честной нормальной службе они не смели бы и мечтать. Вчерашний секретарь теперь хочет завтра уже быть генеральным консулом. Борьтся с такими выскочками нет возможности, и хорошая служба верой и правдой становится абсурдом». Неудивительно, что, вступив 8 декабря в обязанности вице-консула, Бравин принялся обличать Кирсанова в финансовых злоупотреблениях, включая неуплату местным извозчикам, одновременно сетуя, по привычке, на невнимание Министерства к собственным его заслугам. «Возможно ли подчиненному лицу, — выговаривал Бравину возмущенный Эттер 29 декабря, — официально выражать обиду на отсутствие наград со стороны начальства и этой обидой в свою очередь мотивировать непредставление к наградам своих подчиненных?» Тем более, что и сама жалоба Бравина на обделение его наградами лишена осно-

ваний, ибо в 1911 г. ему пожаловали орден Святого Станислава 3-й степени, а к Пасхе 1915 г., несмотря на нарушение законности в деле Джагетянца и отозвание из Казвина, — орден Святой Анны 3-й степени. Он имел также два иностранных ордена — Эфиопскую звезду и бухарскую Золотую звезду, обе — 2-й степени, полученные соответственно в 1913 и 1914 гг.

«Хой, — с тоской записывал Бравин в вице-консульском дневнике 5 марта 1917 г., — маленький глухой азербайджанский городок с полузажиточным населением. В военном отношении он считается промежуточным этапным пунктом. Состав его гарнизона непостоянен и то увеличивается, то уменьшается. От Хоя до русской границы (урочище Джульфа на Араксе, Эриванской губ.) по военному шоссе 87 верст. Торговли в Хое сейчас нет никакой. Все убила война. Коренных русско-подданных, то есть проживающих и торгующих в Хое, — 32 человека; из них, вероятно, половина — персы с подложными русскими паспортами. Общества в Хое, в каком угодно смысле, нет никакого, — нет поэтому и так называемого общественного мнения. Персы никаких выступлений никогда не делают, так как боятся русских войск». В дневнике Бравин уничтожающе характеризовал окружавших его людей и скрупулезно фиксировал любые сплетни, касавшиеся сослуживцев, что неизменно вызывало раздражение его дипломатического начальства, оставлявшего на полях пометки типа «Вздор!» или «Можно ли такие неверные слухи передавать!» Для характеристики Бравина нельзя не привести и телеграмму местного «уполномоченного по беженцам» некоего Бонч-Бруевича, который уже 24 июля предупреждал нового министра иностранных дел М.И. Терещенко: «Хойский вице-консул Бравин угрожал бомбардировкой Хоя. Дело слушалось в Исполнительном комитете, вынесено порицание. Бравин просил не уведомлять начальство, заявив о подаче в отставку. Бравин, нанеся губернатору оскорбление, письменно извинился. Бравин сделал неправильный донос на губернатора корпусному командиру. Добиваясь смещения губернатора и полицмейстера, Бравин развел вражду между национальностями. Бравин, желая избежать моего контроля незаконно израсходованных им беженских сумм, сделал на меня ряд доносов, но безрезультатно. Преследую Бравина по закону». Бонч-Бруевич, которого Бравин презрительно обозвал в своем дневнике «нервнобольным», ходатайствовал о проверке изложенных им сведений и отстранении хойского вице-консула от должности.⁸

Но МИД не мог разбрасываться знающими восточные языки чиновниками, которых для Персии как всегда, увы, не хватало. Поэтому, игнорируя обвинения в свой адрес и продолжая сетовать на причиняемые-де ему несправедливости, честолюбивый склочник продолжа-

ет войну против Кирсанова, который в конце сентября просит Министерство и Миссию оградить его от непрекращающихся нападков «г. Бравина, в неосновательности коих ему приходилось уже не в первый раз расписываться...»⁹ Начав еще весной кампанию и против другого хойского предместника — Введенского, свой новый демарш против него Бравин решается предпринять лишь в конце лета 1917 г., когда после вынужденной отставки Клемма во главе Среднеазиатского отдела МИД оказывается Некрасов, прославившийся непримиримовраждебным отношением к персидским конституционалистам во время службы консулом в Реште, а после свержения монархии в России неожиданно выдвинувшийся как рьяный поборник «демократизации» внешнеполитического ведомства. 24 июля Некрасов назначается советником Среднеазиатского отдела МИД, а уже 3 августа Бравин телеграфирует ему: «Имею честь просить поставить меня в известность, как решено дать ход моим заявлениям о вице-консуле Введенском».¹⁰

В итоге, рассмотрев всю имеющуюся на этот счет переписку, включая доклад Тимофеева, Некрасов счел «безусловно необходимым назначить такую же следственную комиссию для расследования взводимых обвинений на г. Введенского, какая существует уже по делам Левкиевского, Гауга и др.». Но в тогда же подготовленной секретной «Справке по делу П.П. Введенского» подчеркивалось, что «несмотря на обилие использованного материала, прямых данных о злоупотреблениях г. Введенского установить не удалось. Приведенные же в докладе примеры неблаговидной деятельности этого чиновника показали Отделу не вполне обоснованными, так как отмечаемое в них и инкриминируемое г. Введенскому особое усердие по защите интересов русско-подданных в их тяжбах с персами может быть до известной степени истолковано как бескорыстное, навеянное излишним усердием, стремление во что бы то ни стало давать русским подданным возможность насаждать в Персии русское землевладение и русскую промышленность». Вместе с тем в секретной справке указывалось, что, «во всяком случае, результаты произведенного г. Тимофеевым расследования нельзя признать исчерпывающими дело, почему возобновление его вполне отвечало бы интересам справедливости. Это являлось бы тем более желательным, что некоторое время тому назад положением дела г. Введенского заинтересовался вице-консул в Хое, который обратился по этому поводу с официальным запросом в Министерство; оставление же запроса без ответа казалось бы недопустимым».¹¹ Уже 27 августа Некрасов уведомил Бравина о том, что по возвращении назначенного временно исполняющим обязанности генерального консула в Тегеране А.Ф. Круглова, «на коего возложено поручение по расследованию заявлений и жа-

лоб на служащих в этой стране чинов Министерства Иностранных Дел, Отделом будут переданы ему для ознакомления все имеющиеся материалы о г. Введенском».¹² Однако в связи со сменой власти в России следствие так и не завершилось...

8. БОРЬБА ВОКРУГ РЕФОРМ В БУХАРЕ

Вслед за крушением российской монархии Политическое агентство, которое уже 17 марта переименовывается Временным правительством в Резидентство, возбуждает вопрос о проведении в ханстве либеральных реформ, но «постепенных», ни в коем случае не нарушающих его автономию и не противоречащих шариату, ибо, поясняет Миллер: «Наше активное вмешательство вплоть до присоединения Бухары незамедлительно и несомненно вызовет выступление Афганистана, твердо занявшего позицию защитника ислама против неверных, и ввиду крайней косности и фанатизма местного населения превратит нас в глазах почти всего населения во врагов ислама». При этом Миллер рассчитывает и на поддержку местных прогрессистов-джадидов, буквально — «сторонников нового», которые, начав с организации светских «новометодных» школ, в 1910 г. учредили тайное просветительское общество и позже, в подражание младотуркам, стали называть себя младобухарцами, мечтая о либерализации феодально-деспотического режима власти Его Высочества Эмира Бухарского, являвшегося также духовным главой страны и считавшегося «наместником Магомета — халифом, охраняющим чистоту мусульманского учения».¹

Генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества, почетный член Общества русских ориенталистов и Российского общества Красного Креста, Сеид Мир Алим-хан, которому 3 января 1917 г. исполнилось всего тридцать семь лет, вступил на престол 29 декабря 1910 г. после кончины своего отца Сеид Абдал-Ахад Бахадур-хана, самовластно правившего Бухарой в течение четверти века, но «питавшего отвращение к кровопролитиям» и считавшегося «самым жалостливым эмиром из всей Мангытской династии». В начале 1893 г. отец сам привез наследника в Санкт-Петербург, где и оставил, для получения европейского образования, под присмотром преданного воспитателя Осман-бека Караулбеги и инспектора классов Николаевского кадетского училища полковника И.С. Демина, который семь

лет спустя, будучи уже генерал-майором, рассказывал репортеру «Петербургской газеты»: «Сын Эмира был помещен у меня — в занимаемой мной казенной квартире. При нем состоял небольшой штат, но в общем он воспитывался в моей семье. Корпус Мир-Алим не посещал, так как мы решили поставить воспитание будущего Эмира совершенно вне условий закрытого учебного заведения. За трехлетний с лишним срок он прошел курс средних учебных заведений с купюрами, а также и курс военных наук — тоже, конечно, с сокращениями. Лекторами были по большей части преподаватели корпуса. Уклад всей окружающей моего высокого воспитанника обстановки был совершенно европейский, но Мир-Алим должен был строго держаться мусульманских обрядов и обычаев. К юноше ходили его однолетки-кадеты, что способствовало также быстрому усвоению русского языка». Уступая в своих познаниях сверстникам, «принц» значительно превосходил их физическим развитием, «понятием жизненных явлений» и крайне самолюбивым характером, что проявлялось даже при его играх с кадетами «в шахматы, домино, разные лото, постройки из кирпичей, взятие крепости, бой за позицию, солдатики...» Если Мир-Алим, замечал Демин, «не может быть первым или победителем, то он наотрез отказывается играть». По окончании недолгой учебы бухарский наследник был причислен к Терскому казачьему войску и, вернувшись в 1896 г. на родину, получил назначение беком в Карши, где проживал почти безвыездно, лишь изредка, по приглашению, навещая отца. В апреле 1902 г. эмир разрешил сыну вступить в брак с дочерью своего покойного старшего брата — бывшего байсунского бека. Свадьба состоялась в древней столице ханства — Кермине, откуда Мир-Алим с женой вернулся в Карши, но из-за тамошнего нездорового климата его первенец умер от лихорадки. В мае 1905 г. бухарский наследник был пожалован во флигель-адъютанты императора, а в декабре 1909 г. произведен «в наградном порядке» в полковники; благодаря царственному положению он будет и дальше получать придворные и военные чины и уже через шесть лет станет генерал-лейтенантом. Весной того же 1909 г. эмир поручил сыну управление Кермининским и Нуратинским бекствами и двумя «амлякствами», государственными землями, Канмих и Бакча-Калян, назначив местом его пребывания Кермине, куда, впрочем, еще в 1897 г. перенес и собственную резиденцию, жестоко рассорившись с влиятельным старо-бухарским духовенством.

«Эмир Сеид Алим был воспитан в духе беспрекословного повиновения отцу, хотя и относившемуся к своему наследнику с большой любовью, — информировал С.Д. Сазонова туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов в конфиденциальном письме от 8 марта 1911 г. —

Но, по обычаю, глубоко вкоренившемся в жизнь народа, деспотизм отца был беспределен. Воля покойного Эмира совершенно поглощала инициативу сына; даже в мелочах жизни Сеид-Алим не мог проявить самостоятельности. По имеющимся сведениям, с делами управления он был очень мало знаком; между тем, вкусивши начатки цивилизации, зная весьма удовлетворительно русский язык и кое-что читая из периодической русской печати, Сеид Алим сознавал некоторые бьющие в глаза неполадки в управлении Бухарой, чувствовал нелюбовь населения к отцу и, быть может, сам видел некоторые его недостатки. Доживши при таких условиях до тридцатилетнего возраста, Эмир Сеид Алим представляется ныне малоопытным безвольным правителем и, по природе, несколько вялым человеком, но вместе с тем проникнутым сознанием необходимости что-то сделать для народа. Он понимает, что должен слушаться русское правительство, передающее ему волю Государя Императора, и желает также заслужить расположение своего народа. Однако при безволии он в настоящее время легко может подпасть под влияние ближайших своих советников и сотрудников, Кушбеги [первого министра — В.Г.] и Парваначи-Зякетчи [одного из высших сановников — В.Г.], людей старого режима, хитрых и сильных духом, для которых всякие реформы в ханстве невыносимы; они, несомненно, будут в этом отношении его сдерживать. Будут утешать его и стараться обмануть Русское Правительство...» Даже младобухарец С. Айни, впоследствии — классик советской таджикской литературы, который, будучи зверски избит эмирскими слугами, относился к Сеид Мир Алим-хану с явной враждебностью, признавал, что тот не унаследовал жадность отца и также был «склонен к милосердию, но благодаря его нераспорядительности угнетенные не могли использовать этих качеств». Хотя, вступив на престол, эмир объявил амнистию и пообещал уменьшить размеры налогов и податей, урегулировать взимаемые казиями сборы и увеличить жалование солдатам, бесправная жизнь его подданных почти не изменилась, ибо, помимо противодействия робким начинаниям малоискушенного в государственных делах Сеид Мир Алим-хана со стороны его сановников, он не мог не считаться и с многотысячной корпорацией местного духовенства, которое, как отмечал современник, никогда не боялось заявлять эмирам свое властное *non possumus* («мы не можем»), нередко вынуждая их менять решения по важнейшим вопросам государственного управления.

Ведь священная для правоверных «благородная» Бухара, почтительно величавшаяся на Востоке «светочем» и «крышей» ислама, являлась своего рода среднеазиатской Меккой и крупнейшим теологическим центром, имевшим громадное влияние на всех мусульман

суннитского толка, а ее бесчисленные медресе — в которых под пристроимом видных богословов, выдающихся толкователей Корана и блестящих знатоков арабско-персидской культуры, готовились к получению духовного звания тысячи и тысячи юношей, включая российских башкир и татар, — славились своей религиозной ортодоксальностью. В изданном в 1915 г. путеводителе по Туркестану о древней столице ханства сообщалось, в частности, следующее: «Население в Бухаре — около 150 000 душ обоего пола; 360 узких улиц и переулков, 50 караван-сараев, свыше 50 крытых и некрытых базаров; 364 мечети, из которых 8 главных; 2 еврейские синагоги, 138 мектабов и медресе, в которых обучаются свыше 10 000 слушателей; 1 русско-туземная школа, 13 древних кладбищ, 1 русско-туземная лечебница и аптека. Жилые здания с низкими крышами, без окон на улицу». Основную часть города окаймляла мощная глинобитная стена протяженностью почти в двенадцать верст, высота которой достигала восьми с половиной, а толщина — четырех метров, со 131 башней из обожженного кирпича и 11 громадными окованными железом воротами. Дворец эмира укрывался внутри Арка — цитадели, построенной на высоком холме и окруженной такой же неприступной стеной длиной около полутора верст. Защищенный двумя башнями въезд в Арк тоже запирался массивными воротами, а на расположенной перед ним центральной городской площади — Регистане — располагалась самая большая мечеть, в которой эмир, когда он бывал в столице, совершал пятничный намаз. Поскольку же Бухара являлась еще и одним из крупнейших торговых центров Средней Азии и поддерживала оживленные коммерческие связи не только с Москвой, Лодзью, Нижним Новгородом и рядом других городов империи, но и с сопредельным Афганистаном, Индией и Персией, неудивительно, что несколько десятков европейских компаний держали здесь своих представителей, заключавших сделки по хлопку, каракулю, шерсти, коже, ситцам, сахару и прочим товарам. В городе функционировали разменная касса Государственного банка, отделения Русско-Азиатского и Сибирского торговых банков, конторы «Российского общества транспортирования кладей», «Восточного общества товарных складов» и пароходного общества «Кавказ и Меркурий»; имелась даже крошечная европейская гостиница с тремя номерами. В числе других крупных населенных пунктов Бухарского ханства тот же путеводитель называет Карши с населением примерно в 65 тыс. чел., Гузар — соответственно 45 тыс., Чарджуй и Шаар — по 30 тыс., Керки, Келиф и Ширабад — по 20 тыс., Кермине — 18 тыс., Гиссар — 15 тыс., Каракуль — 10 тыс. и Зиадин — 8 тыс.²

Уже 20 марта Миллер отправляет на утверждение в Петроград проект манифеста о реформах в Бухарском ханстве, подготовленный

в Резидентстве и согласованный с эмиром и его кушбеги Мирзой Насрулла Биём. Начинаясь словами: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного», манифест объявлял о решении эмира в точном соответствии с повелениями священного шариата «осветить Бухару светом прогресса и знания», заложить «незыблемые основания для справедливого отправления правосудия» и взимания налогов, установить контроль за чиновниками с определением размеров их содержания, учредить государственное казначейство, открыть типографию и даже предоставить возможность «избрать совет достойных уважаемых народом людей, каковые и озаботятся оздоровлением и благоустройством столицы ханства». Но пока российское Временное правительство медлит с согласованием манифеста, в Старой Бухаре под влиянием самых невероятных слухов, распространяемых как противниками, так и сторонниками нововведений, растет волнение среди консервативного духовенства, которое, по словам резидента, усматривает причину предстоящих реформ в интригах издавна проживавших в столице персов-шиитов и «происках весьма ничтожного по числу кружка местных либералов». В свою очередь не привлеченные к составлению манифеста младобухарцы бомбардируют Петроград телеграммами, настаивая на замене всего состава Резидентства, которым, мол, «глубоко обижены» и которое «всеми силами старается сохранить прежний режим и управление страной». Причем 30 марта Миллер предупреждает МИД о том, что «крайняя группа» прогрессистов вошла в сношения с самаркандскими мусульманами относительно попытки вырвать у эмира почин реформ и самим предъявить бухарскому правительству ряд радикальных требований. «В случае несогласия на таковые, — волнуется резидент, — решено сразу заменить Эмира, Кушбеги и всю администрацию выборными лицами и образовать из Бухары и Самарканда область и, если не самостоятельное, то автономное ханство без какого-либо участия в его управлении русских. Происходят оживленные сношения с Афганистаном. Усилились слухи о готовящемся избиении и изгнании русских. Вооруженной силы для защиты наших граждан в случае восстания мусульман у меня нет. Рассчитывать на таковую извне нельзя. Поэтому, ввиду одобрения министром [иностранн. дел П.Н. Миллюковым] программы реформ и условий их проведения в ханстве в жизнь и неимения со стороны генерал-губернатора каких-либо возражений против манифеста, считаю, в силу создавшегося положения вещей, необходимым немедленно же обнародовать таковой, дабы внести успокоение и избежать катастрофы».³

Наконец, МИД сообщает об утверждении Временным правительством проекта манифеста, и 7 апреля резидент и его ближайшие со-

трудники Введенский и Шульга приглашаются во дворец, где в древнем тронном зале, в присутствии сановников и представителей высшего духовенства, выборных от купечества, ремесленников, мусульман-шиитов и бухарских евреев, а также пяти членов Самаркандского Исполкома, новый кази-калян, верховный судья, торжественно возвещает о намерении Его Высочества Сеид Алима, Эмира Бухарского, «приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей нашего управления и к искоренению злоупотреблений и неправильностей оного на выборных началах согласно желанию народа». Но мирная манифестация в поддержку реформ, в которой, по свидетельству одного из лидеров радикального крыла младобухарцев Файзуллы Ходжаева, активно участвовали местные персы, евреи и лезгины, вызвала многотысячную контрдемонстрацию возбужденных духовенством религиозных фанатиков.⁴ Поскольку же младобухарцы будут держиваться версии, закрепленной позже советской историографией в качестве непререкаемой истины, о якобы устроенном против них злокозненном заговоре со стороны эмирского правительства, реакционных мулл и ... чиновников Резидентства, небезынтересно привести выдержку из доклада Миллера министру иностранных дел, от 12 апреля 1917 г., в котором подробно и, главное, по горячим следам, рассказывается о драматическом развитии событий в Старой Бухаре сразу же после оглашения манифеста.

«В девять часов вечера 7 апреля, — сообщал Миллер, — ко мне явилась делегация из членов Самаркандского Исполнительного Комитета Исахарова, Бехбуди — издателя закрытой при старом режиме газеты „Аинэ“ („Зеркало“), Абдуссеидбекова, представителя младобухарцев [Ф. Ходжаева — В.Г.], мне неизвестного, и некоего Фатхулла Ходжи; последний, как оказалось, служил в Охранном отделении. Эти лица обратились ко мне с просьбой разрешить им устроить, по случаю манифеста, манифестацию в Старой Бухаре. В течение получаса я убеждал их этого не делать ради успеха проведения реформ и во избежание серьезных беспорядков. Они обещали передать мой настойчивый совет и усерднейшую просьбу — ни под каким видом не устраивать манифестации — своим товарищам. Наш разговор происходил в присутствии первого секретаря Шульги и второго драгомана Умнякова. В восемь часов утра 8 апреля я выехал в Старую Бухару, чтобы следить за настроением. В десятом часу утра мне было дано знать о появившейся на улицах Бухары манифестации с тремя красными флагами с надписями по-арабски: «хурриэт и джемхурриэт» (т. е. свобода и республика). Одновременно меня спешно вызвали к Эмиру. У ворот его дворца недалеко от Арка (местный кремль, цитадель) я застал возбужденную толпу, кричавшую: «Не надо нам новой

веры, умрем за Эмира и шариат!» Как я потом узнал, один из организаторов манифестации поздравлял «обновленный народ» с «новой верой». Оратор был бухарский еврей, что в особенности раздражило толпу. Его Высочество я застал в полном одиночестве и очень взволнованным. «Ради Бога, — обратился ко мне Эмир, — уговорите манифестантов разойтись, а я приму меры против мулл». Так как при мне не было ни одного казака конвоя, то я спросил Эмира, сколько бухарских казаков находится в его распоряжении. «Не больше сорока», — получил я в ответ. При выходе из дворца я был окружен группой взволнованных мулл и возбужденной, кричащей и жестикулирующей толпой. Попросив мулл приказать прекратить шум, я вступил с ними в беседу, причем указал, что ни о какой новой вере и речи быть не может и что реформы будут проведены в строгой согласованности с шариатом и религиозными воззрениями населения. Я же сейчас пойду, разыщу манифестантов и прикажу им разойтись. Намерения этого мне не удалось исполнить. На площади пред Арком я попал в такую густую толпу, что лишь при помощи сопровождавших меня церемониймейстера Эмира и моего слуги-перса удалось направиться в Арк, куда за мной хлынула толпа, смяв караул бухарских солдат. Этим я отвлек крайне возбужденную толпу от кровавой расправы с манифестантами, которые успели разбежаться, попрятав свои флаги. В Арке я застал Кушбеги среди иступленной, буквально бесновавшейся толпы фанатиков, требовавших немедленной казни всех прогрессистов. Слуги Кушбеги были бессильны не только оттеснить толпу, но даже охранить своего почтенного начальника от натиска и грубого хватания за халат. Многие бросали свои чалмы на землю и вопили о своем непременном желании умереть за ислам, шариат и Эмира.

Мои попытки говорить с толпой, а равно пробиться обратно в город, чтобы разыскать манифестантов и уговорить их разойтись, были тщетны. Восемь дюжих прислужников Кушбеги и бухарский казачий урядник ничего не могли сделать, и мне пришлось вернуться обратно в небольшую комнату, куда я был осторожно и вежливо втащен с просьбой больше не показываться перед толпой. Я уселся в одном углу комнаты, а в другом ее углу лежал в полной протрации Кази-Калян Мухаммед Шериф, бывший свидетелем как иступленная толпа избивала, разорвав парчевый халат, недавно назначенного реисом [блюстителем мусульманской нравственности, выполнявшим функции полицмейстера — В.Г.] Абдуссамад Ходжу, имевшего смелость заявить толпе, что он — прогрессист, что не мешает ему быть строгим блюстителем священного шариата. Это ужасное положение рядом с беснующимися фанатиками, от которых меня отделяли лишь окна с открывающимися снаружи ставнями, продолжалось до трех

часов дня. В это время, когда возбужденное состояние толпы достигло высшей степени какой-то звериной иступленности и в комнату стали заглядывать разгоряченные лица, меня со слугой провели на женскую половину Кушбеги. Неотлучно бывший при мне состоящий при Резидентстве Ахрам Куль Мирахур не пустил, однако, туда Кази-Каляна. «Толпа, узнав о нахождении Кази-Каляна на женской половине, вломится туда, и вместе с Кази-Калянном можете пострадать и Вы», — спокойно объяснил мне Мирахур. Отсутствие каких-либо известий обо мне в связи со слухами о беспорядках в Бухаре поселили в моих товарищах тревогу, и Н.А. Шульга и П.П. Введенский спешно выехали из Новой Бухары с конвоем в 12 человек казаков на мою выручку. Конвой они благоразумно оставили у городских ворот, а сами при содействии бухарского чиновника с большим трудом пробились через толпу в Арк, где я с ними свиделся около четырех часов. Немедленно же мы приняли участие в совещании с главнейшими муфтиями (высшими духовными лицами и юристами), которым не без труда, путем телесного наказания, без нашего однако ведома, одного арестованного младобухарца, удалось к шести часам вечера очистить Арк и площадь перед Арком — Регистан — от толпы. В половине седьмого вечера мы все втроем выехали в Резидентство в Новую Бухару...»

Как выяснилось позже, жестокому наказанию подверглись, по меньшей мере, трое младобухарцев. В их числе оказался и С. Айни, который получил 75 ударов палками по голой спине и позже вспоминал, что при освобождении из тюрьмы Миллер долго рассматривал его кровавые раны, а потом сказал на фарси: «Ничего-ничего, бог даст — поправитесь». Вина за «излишнее потворство» организовавшим беспорядки муллам, призыв в город населения окрестных кишлаков и истязания схваченных фанатиками прогрессистов возлагалась ими на кушбеги Мирзу Насрулла Бия, но тот, оправдываясь перед Миллером, объяснял свой приказ о наказании джадидов ... «необходимостью спасти несчастных от разъяренной толпы, требовавшей их немедленной казни». Тем же вечером, по соглашению с комиссарами Ново-Бухарского Исполкома, резидент вызывает из Самарканда войска и, посетив на следующий день эмира, требует немедленного освобождения всех арестованных младобухарцев, строгого наказания лиц, посмевших оскорбить кази-каляна, и высылки из столицы его предшественника Бурхануддина, возбуждавшего духовенство против реформ. Настаивая на принятии срочных мер по успокоению населения и восстановлению должного порядка в городе, резидент возлагает на эмирское правительство всю ответственность за вред и убытки, причиненные не только российским, но и бухарским подданным из числа сторонников реформ.

«При оставлении Арка, — продолжал Миллер свой доклад, — наблюдал сцену отправления на железнодорожную станцию под конвоем бухарских казаков десяти освобожденных, по моему требованию, из тюрьмы младобухарцев. Настроение в городе было еще настолько нервное и передавались такие извращенные слухи, что живущая безвыездно в Бухаре пятнадцать лет женщина-врач Ракитская спросила меня, правда ли, что несколько десятков младобухарцев были наказаны в моем присутствии и посланы связанными в город. Намерения своего посетить Кази-Каляна не удалось выполнить, так как по дороге мне было спешно сообщено о готовящейся новой демонстрации с красными флагами. Я немедленно направился в привокзальный район, где убедился в ложности этого известия. Был лишь выкинут у здания милиции обычный красный флаг. Вскоре прибыла рота с делегатами Самаркандского Исполнительного Комитета Исахаровым, Чертовым и Ниязовым, начальником эшелона генералом Кулчановым, помощником самаркандского комиссара Вяткиным и делегатами совета рабочих и солдатских депутатов. На устроенном немедленно совещании их с членами Ново-Бухарского Исполнительного Комитета было решено немедленно же пройти с ротой к Арку, повидаться с Кушбеги и осмотреть все места заключения, дабы убедиться, что выпущены на свободу все младобухарцы (10 чел.) и что там нет других (260 чел.). Ввиду позднего часа (шесть с половиной часов вечера) улицы, по которым двигалась наша процессия, были пусты. Ворота Арка были уже закрыты, но, по моему требованию, немедленно же открыты. Свидание с Кушбеги прошло, благодаря такту всех его посетителей, прекрасно. Личным осмотром всех мест заключения гг. делегаты убедились в ложности слухов о сотнях арестованных прогрессистов. Темной ночью вернулись обратно в привокзальный район, где я передал всем гг. делегатам приглашение Его Высочества посетить его завтра, 10 апреля. В одиннадцать часов ночи я вернулся в Резидентство в Новую Бухару. Рота разместилась в привокзальном районе близ Каршинских ворот г. Бухары...»⁵

В ходе состоявшейся на следующий день аудиенции Сеид Алимхана искренне тронули прочитанная делегатом Ниязовым молитва на арабском языке и прочувствованные речи члена Ново-Бухарского Исполкома присяжного поверенного С.М. Розенгарта и известного самаркандского археолога В.Л. Вяткина, горячо убеждавшего эмира: «Да останется Ваше имя символом света и прогресса!». Весьма эмоционально оказалось и выступление солдата запасного полка Рябчукова, который заявил: «По первому зову Вашего Высочества десяти-тысячный гарнизон города Самарканда будет у Ваших ног!» Более всего обрадованный согласием визитеров удовлетворить его просьбу

о недопущении в Старой Бухаре еще каких-либо манифестаций прогрессистов (решение об этом принимается на совещании резидента и делегатов накануне их поездки в Арк), эмир подтверждает свою решимость провести возведенные им реформы и гарантирует младобухарцам личную и имущественную неприкосновенность, заверяя гостей: «Никто из моих подданных не будет преследоваться. Насилия повторяться не будут».⁶

По возвращении из Арка в привокзальный район Миллер проводит очередное совещание с делегатами, с которыми удается договориться о невмешательстве Ново-Бухарского и Самаркандского Исполкомов в сношения Резидентства с эмирским правительством. При этом самаркандец Исахаров делает признание, которое заносится в протокол, об организации им и двумя его товарищами Бехбуди и Абдуссеидбековым, вопреки запрету Миллера, злополучной манифестации в Старой Бухаре. Кстати, еще 9 апреля на заседании Ново-Бухарского Совдепа с аналогичным признанием выступил другой член Самаркандского Исполкома — присяжный поверенный эсер И.В. Чертов, который заявил, что «когда к нему обратились младо-сарты с вопросом, следует ли или нет устраивать манифестацию 8 апреля по поводу обнародования манифеста, то он ответил, что все равно, если они, обратившиеся к нему, не произведут манифестации, то это делают другие».⁷ В этой связи Миллер жаловался Милюкову, что преступная безответственность прибывших из Самарканда российско-подданных лишает его и эмира «возможности нести в полной мере возложенную за спокойствие в Бухаре ответственность».

Тем не менее, вернувшись в Резидентство, Миллер радовался, что день прошел относительно спокойно. Он еще не знал о начавшемся в помещении пустующего магазина бурном митинге, который продолжался с девяти часов вечера до двух часов ночи и на котором со стороны местных рабочих и бежавших в Новую Бухару младобухарцев уже раздавались призывы арестовать «царских дипломатов», покровительствующих реакционерам и якобы ничего не предпринявших для прекращения волнений в эмирской столице. Впрочем, на этот раз погасить страсти и опровергнуть необоснованные обвинения удалось вовремя подоспевшим членам Ново-Бухарского Исполкома (Введенский пользовался там большим влиянием) и одному из солидаризировавшихся с ними самаркандцев, убедившему собрание изменить вынесенное уже решение об аресте резидента. Тогда же, извещая МИД об «основанной на провокационных слухах агитации о замене нас новыми людьми», Миллер заявлял Милюкову: «Считая несение ответственной работы при таких условиях совершенно непосильным, я и Шульга ходатайствуем об отозвании нас из Буха-

ры». В другой телеграмме, от 11 апреля, Миллер разъясняет министру, что стремление чиновников Резидентства избежать кровопролития и возможного обращения фанатизма против населения русских поселений встречает нападки со стороны младобухарцев, нервность которых усиливается всевозможными провокационными слухами и влиянием российско-подданных мусульман — местных и самаркандских, считающих «настоятельно необходимым предъявление ряда самых категорических требований бухарскому правительству в уверенности, что невозможность для последнего выполнить таковые приведет к желательному для них нашему вооруженному вмешательству в дела Бухары».⁸

В тот же день ташкентская пресса сообщает о телеграмме, накануне отправленной в адрес министров иностранных дел и юстиции комиссарами по гражданскому управлению Туркестанским краем (заменившими смещенного генерал-губернатора) И.И. Бельковым, Ф.Н. Добкевичем и В.П. Наливкиным и временно командующим войсками округа полковником Л.Н. Черкесом: «В Бухаре возникло движение против эмира. Объявленный манифест не удовлетворяет народные требования. Резидент Миллер поддерживает реакционеров. Арестованы руководители младосартов, которым угрожает казнь. Полагая тесную связь сартов Бухарских с Туркестанскими и в видах предотвращения реакционного движения в Туркестане, комиссары гражданского управления краем совместно с командующим войсками края командировали в Бухару комиссаров для контроля над действиями Миллера и эмира. Эмиру Бухарскому и Миллеру послана телеграмма следующего содержания: „Обсудив положение в Бухаре, предлагаем немедленно освободить всех арестованных младосартов, прекратить дальнейшие аресты и не допускать казней, сместить представителей администрации, вызвавших беспорядки, принять самые решительные меры к устранению возможности дальнейших насилий. Вся ответственность за насилие и пролитие крови возлагается лично на эмира и резидента Миллера. В случае надобности требования будут поддержаны воинской силой...“»⁹

Однако, как информировал Клемма 12 апреля дипломатический чиновник в Ташкенте С.В. Чиркин, узнав из газет об упомянутой телеграмме, он во время своего визита к командующему войсками посетовал, что ознакомление с имеющимися у него материалами по делу о бухарских реформах могло бы предостеречь туркестанских комиссаров от столь поспешных выводов относительно деятельности Миллера. Оправдывая это упущение переменах в административной системе края, полковник предложил Чиркину поприисутствовать на докладе двух членов Ново-Бухарского Исполкома, прибывших в

Ташкент. Те же, описав известные события и сообщив о только что полученной ими телеграмме о наступившем-де успокоении в Старой Бухаре, просили Черкеса лишь о военной поддержке на случай возникновения какой-либо опасности для русского населения ханства, а краевых комиссаров — «о распоряжении Самаркандскому Исполнительному Комитету, осложнившему своим самостоятельным вмешательством в бухарские дела ликвидацию беспорядков, не выходить из пределов своей областной компетенции». Указанные просьбы совещание признало подлежащими удовлетворению, а необходимость командирования в Бухару «контролеров» — пока отпавшей. На предложение же Чиркина высказаться по поводу обвинений в оказываемом-де дипломатами содействии местным реакционерам оба докладчика единогласно заявили, что Ново-Бухарский Исполком «со времени своего образования находит поддержку во всех своих начинаниях со стороны г. Миллера и что помещенная в телеграмме оценка направления деятельности резидента явилась для них совершенно неожиданной».¹⁰

Критику в адрес Миллера отвергают и комиссары Ново-Бухарского Исполкома В.В. Залесский, Б.С. Рабинович и А.Н. Щеглов, которые в телеграмме членам Временного правительства, от 12 апреля, выражают глубокое возмущение по поводу «провокаторских» обвинений из Ташкента, «порочащих честь резидента, заслужившего своими действиями по проведению манифеста в Бухаре полное доверие и уважение со стороны всех граждан». Другая телеграмма от представителей местных финансовых и торгово-промышленных кругов гласит: «Весьма заинтересованные в спокойствии населения Бухарского ханства, считаем долгом заявить, что происшедшие беспорядки в Старой Бухаре после объявления Эмиром манифеста о реформах возникли исключительно вследствие бестактного вмешательства членов Самаркандского Исполнительного Комитета, организовавших в Старой Бухаре неуместную манифестацию вопреки протестам и просьбе резидента Миллера. Свидетельствуем, что только благодаря тактичным и мужественным действиям резидента Миллера и его сотрудников Шульги и Введенского были предотвращены кровавые столкновения между туземцами и выступления их против русского населения...»¹¹

В среду, 12 апреля, Вяткин, начальник-самаркандского отряда подпоручик Андреев и остальные делегаты приезжают в Резидентство, где Миллер в присутствии членов местного Исполкома вновь заверяет их, что все виновные в расправе с джадидами будут наказаны, и им уже составлено разъяснение к манифесту, который обнародуют в мечетях в пятницу. Предполагается также повсеместно расклеить объявление о том, «что бухарской властью будет оказано содействие

образованию Исполнительного Комитета из мусульман в Старой Бухаре и что он, Миллер, предоставит возможность младо-мусульманину Мансурову вести переговоры с Кушбеги относительно организации самоуправления в Старой Бухаре». Однако самаркандцы упрекают Миллера за «составление проекта манифеста единолично резидентом, без участия представителей из народа, хотя бы даже не выборных, почему манифест не имеет авторитетности и значения в глазах населения», тем более, что и объявление его состоялось «при обстановке почти конспиративной, отнюдь не соответствующей величию момента, во дворце эмира, в крепости, а не на площадях базара и в мечетях». Поскольку удовлетворительного ответа на критику в свой адрес Миллер дать не хочет или не может, его оппоненты выносят из беседы впечатление о неискренности резидента и бессистемности проводимой им политики. Тем не менее вечером, на обратном пути из Арка после своего визита к эмиру, Миллер заезжает к делегатам и вновь уверяет их, «что в дальнейшем никаких эксцессов со стороны противников реформ не будет, почему предполагается бежавших младо-мусульман доставить в Старую Бухару в пятницу с почетом и примирить их с реакционерами». В четверг, 13 апреля, все чиновники Резидентства присутствовали на состоявшихся в Новой Бухаре многолюдных похоронах умершего в больнице младобухарца, который так и не оправился после перенесенных истязаний, и, видимо, опять услышали немало критических слов в свой адрес, в связи с чем в пятницу Миллер вновь обращается к Милюкову: «Усердно ходатайствую о скорейшем приезде в Бухару правительственного комиссара; равно, во избежание трений и недоразумений между Ново-Бухарским комитетом и находящимися здесь делегатами из Самарканда, считаю настоятельно необходимым скорейший отъезд отсюда последних, иначе ни Эмир, ни я не в состоянии нести лежащей на нас ответственности за порядок и спокойствие и настойчивое, без применения силы и кровопролития, проведение реформ в ханстве».

Утром 14 апреля Миллер встретился с кази-каляном и райсом, а в полдень вместе с Шульгой прибыл на железнодорожный вокзал Старой Бухары для встречи двенадцати членов младобухарского комитета во главе с его тогдашним председателем — богатым купцом Мирзой Мухитдином Мансуровым. Самаркандцы полагали, что прежде чем отправиться во дворец Миллер заглянет к ним, но, как жаловались они в Ташкент, «резидент проехал, не останавливаясь, мимо помещения наших делегатов».¹² Миллер был так уверен в успехе задуманного им примирения старо- и младобухарцев! Тем более, что на вокзале все приехавшие «обнялись и поцеловались» со встречавшим их коварным Ходжой Низам-уд-Дином Диванбеги, вызванным из

Карши по настоянию Миллера и назначенным эмиром «полномочным комендантом» столицы и ее окрестностей. В придворных экипажах, в сопровождении казачьего конвоя Резидентства и бухарских чиновников, процессия направилась к Арку, где на Регистане, как вспоминал Ф. Ходжаев, их уже поджидала пятитысячная толпа разъяренных фанатиков, которые, осыпая джадидов бранью, стали бросать в них камни. По договоренности с резидентом Введенский вместе с четырьмя членами Ново-Бухарского Исполкома также приезжает во дворец, дабы присутствовать при обращении кушбеги к сановникам и выборным от мулл мударрисам о необходимости выполнения намеченных манифестом реформ и беспрекословном подчинении воле повелителя ханства. Для большей убедительности к собравшимся обращается сам эмир, но, перебив его, один из мударрисов начинает возбужденно говорить о шариате и исламе, после чего вся аудитория приходит в сильное волнение. Кстати, Ф. Ходжаев утверждал, что первое слово предоставили Мансурову, но едва тот заговорил, «как все повскакали с мест, начали махать руками, ругать нас изменниками, предателями, неверными, а кое-кого и бить». Так или иначе, но эмир поспешил выйти из зала «при плаче» и заверениях присутствующих в их верноподданических чувствах, а попытка резидента убедить аудиторию в том, что манифест не противоречит нормам шариата и их вера останется неприкосновенной, оказалась малоудачной. Возбуждение все нарастало...

«В Арке, — докладывал Миллер, — появились ученики четырех мударрисов, и образовался митинг, в котором деятельное участие принял Введенский, объяснивший собранию манифест. Многие, этого акта не читавшие, горячо говорили о предстоящей замене ислама и шариата какой-то новой верой. На площади перед Арком появилась толпа. Все усилия Диванбеги успокоить толпу, требовавшую казни младо-бухарцев как вероотступников, были тщетны. Введенский, Шульга и я разъяснили муллам отсутствие каких-либо противоречий манифеста шариату. С нами согласились, но затем другие лица подымали шум о том же. После долгих переговоров Введенскому удалось получить от четырех мударрисов подписку в признании ими манифеста и в непротивлении с их стороны расклейке такового. После закрытия в 7 часов вечера ворот Арка толпа не расходилась и на приказ разойтись отвечала бранью и криками: „Не разойдемся, умрем за шариат, казним вероотступников-«джадидов»-младо-бухарцев!“ Толпа начала ломиться в ворота. Наши казаки без применения оружия попробовали оттеснить толпу. Ножамы были ранены три лошади, а один казак получил удар камнем в спину».¹³

Единственной надеждой Миллера остается расквартированная на станции рота, и, поборов гордость, он связывается по телефону с делегатами, которые, однако, вовсе не торопятся помочь резиденту, исполняя лишь его просьбу о вызове из Самарканда еще двух рот. «Вечером, — сообщали на другой день в Ташкент Андреев и Вяткин, — после заката солнца, нам стали сообщать о том, что толпа перед цитаделью, не расхившаяся после пятничного намаза, увеличивается... Раздавались возгласы: „Требуем выдачи Мужитдина [Мансурова], мы убьем его!“ Из толпы отделилось человек полтора мulla, которые стали пробиваться к воротам, но безуспешно. Между прочим сообщали, что из ворот цитадели выходили мulla, которые кричали, чтобы толпа требовала старый порядок и выдачи „новаторов“ для расправы. Ночью, около девяти часов, резидент сообщил, что положение сидящих в цитадели критическое и необходимо оказать сопротивление вооруженной силой, для чего передвинуть войско к цитадели. На совете офицеров и самаркандских делегатов признано было крайне рискованным темной ночью по неосвещенным узким коридорам вместо улиц, местами крытым, проводить войсковую часть. Несколько позднее стало известно, что резидент и остальные, бывшие с ним, благополучно выехали из цитадели». Проезжая мимо помещения делегатов, Миллер и на этот раз не остановился и не зашел к ним, что, естественно, еще более настроило самаркандцев против резидента.¹⁴

«Лишь в половине одиннадцатого ночи нам удалось в экипажах покинуть Арк, — докладывал Миллер Миллюкову 15 апреля. — Все младо-бухарцы и члены Исполнительного Комитета были благополучно доставлены в Новую Бухару... Вчерашний день доказал полную растерянность бухарских властей и явное попустительство и потворство Насрулла-бия кушбеги реакционному движению». Хотя чиновники Резидентства спасли младобухарцев от верной смерти, позже Ф. Ходжаев, развивая версию о злонамеренной «предательской» роли дипломатов, напишет в своей книге: «Миллер и Введенский изо всех сил старались казаться честными маклерами в затеянной ими, совместно с эмиром, нечестной игре. Они то приходили к нам, то уходили к эмиру, выходили к толпе якобы затем, чтобы ее успокоить, а на деле вождельно ждали нашей крови, ибо их аппетиты еще не были удовлетворены резней революционеров в Персии».¹⁵ Выводя эти мало соответствовавшие правде строки о фактически спасших его жизнь людях, влиятельный Ходжаев, который в сентябре 1920 г. возглавит правительство Бухарской республики, а в 1924 г. — Совнарком Узбекской ССР, конечно, хорошо понимал, насколько усложнит и без того бесправную жизнь уже многократно арестовывав-

шегося и почти привыкшего к тюремной жизни бывшего дипломата Введенского...

В ночь на 15 апреля русское население Старой Бухары, опасаясь новых беспорядков и кровопролития, начало собираться на железнодорожной станции, куда из Новой Бухары, по требованию Андреева и Вяткина, был вызван паровоз, простоявший всю ночь под парами; желающие уехать размещались в товарных вагонах. «Завтра начнется анархия!», — едва сдерживая отчаяние, заявил резидент самаркандцам, когда они связались с ним по телефону. В очередной секретной телеграмме Милюкову, от 15 апреля, Миллер оправдывался, что волнения и агитация мулл в Бухаре «подстроены и инсценированы» кушбеги, безразличное и якобы беспомощное отношение которого к минувшим событиям ясно доказало недоброжелательное отношение его к реформам, в связи с чем он, по предложению эмира, будет немедленно заменен. Вновь указывая на «невозможность быстрого и решительного проведения реформ, как того желают еще находящиеся здесь безответственные самаркандские делегаты», резидент в который раз просил об их удалении из пределов ханства «во избежание кровопролития». Еще более уверившись в том, что противниками нововведений являются «все классы бухарского населения», Миллер предупреждал МИД, что «без наличия значительной силы — до дивизии — быстрое проведение реформ невозможно и может вызвать антирусское движение Бухары, Туркестана и Кавказа на почве защиты ислама с весьма возможным вмешательством Афганистана». Поэтому, подытоживал резидент, «с точки зрения наших интересов представляется желательным поддерживать спокойствие в Бухаре, для чего четырех рот с казачьей полусотней пока достаточно, и не ослаблять нашей армии отвлечением от нее значительных сил».¹⁶ Но, как вспоминал член Ново-Бухарского Исполкома и редактор его печатного органа социал-демократ А.Я. Гальперин, с прибытием 15 апреля еще нескольких рот из Самарканда оказалось, что главная их задача состоит отнюдь не в защите русского населения и младобухарцев, оказавшихся в роли политических беженцев, а в революционизировании эмирской Бухары, хотя бы и силой оружия, с провозглашением республики. Причем не успевают приехавшие части высадиться из вагонов, как их приветствуют самаркандские делегаты Чертов и Рябчуков, заявляющие, что «ввиду слабости революционной демократии Новой Бухары и преступного бездействия» ее Исполкома солдаты должны помочь младобухарцам совершить переворот в ханстве.¹⁷

В тот же день Введенский объехал Старую Бухару, успокаивая ее русских жителей и, по поручению резидента, посетил эмира, кото-

рый, оказавшись, по сути, заложником реакционного духовенства, тем не менее опять говорил о своем желании провести реформы. Однако город уже полнится слухами о начавшейся якобы резне русских, что объясняется появлением у его ворот вооруженных кривыми саблями и кремневыми ружьями жителей близлежащих кишлаков, которые благодаря развернутой муллами агитации за объявление «священной войны против неверных» стекаются в столицу для защиты ислама и своего повелителя. В связи с этим 16 апреля Миллер, Введенский, Шульга и члены Ново-Бухарского Исполкома вновь объехали Старую Бухару и, посетив Сеид Алим-хана и временно назначенного на должность кушбеги Низам-уд-Дина, категорически потребовали от них принятия мер к недопущению кишлачников в город. Но, поскольку, как писала газета «Вестник Ново-Бухарского Исполнительного Комитета», в воздухе уже «пахнет порохом», вся европейская колония в панике устремляется в Новую Бухару, а жители привокзального района и служащие железнодорожной станции торопятся переселиться в вагоны. Лишь после двукратной аудиенции у эмира, горячо заверявшего членов Исполкома и чиновников Резидентства в том, что его правительство берет на себя ответственность за спокойствие русско-подданных граждан, страсти несколько поулеглись и население вернулось к мирному труду, возобновилась деятельность банков и торговых фирм.

Но, обжегшись, как писал Гальперин, на введении республики в ханстве, самаркандские делегаты занялись искоренением новобухарской «контрреволюции», направив свой гнев против резидента — «царского чиновника и при том немца, разумеете — германского шпиона, что особенно было модно в первые дни после переворота».¹⁸ Явившись 15 апреля в Общественное собрание на доклад Введенского о событиях в Старой Бухаре, самаркандцы вступили в «резкие пререкания» с членами Ново-Бухарского Исполкома, требуя арестовать Миллера и Шульгу и опечатать секретную переписку Резидентства. Поэтому, как указывалось в переданной на другой день корреспонденции Петроградского телеграфного агентства из Новой Бухары, «после бурного заседания, закончившегося в пятом часу утра, Исполнительный Комитет вынужден был сложить свои полномочия». Извещая об этом Ташкент, председательствовавший на заседании Розенгарт ссылался на допущенные самаркандцами «крайне резкие выступления против Ново-Бухарского Исполнительного Комитета» и, указывая на создавшееся «тяжелое положение для города», с отчаянием взывал к комиссару Временного правительства П.И. Преображенскому: «Умоляем Вас немедленно выехать в Бухару».¹⁹

Но самаркандцы не желают дожидаться его прибытия, и Миллер, предвидя свой арест, в тот же день, 16 апреля, обращается к Миллю-

кову от имени всех чиновников Резидентства: «Агитация против меня и Шульги усиливается. Ради престижа Министерства и безопасности русских граждан, ввиду неустойчивого положения в Бухаре, ходатайствуем о немедленном отчислении нас, а именно: Миллера, Шульги, Введенского, Умнякова, от должностей...» Тем же вечером состоялось очередное собрание граждан, созванное оргкомитетом партии социалистов-революционеров для учреждения ее постоянного отделения в Новой Бухаре. Однако после приветствий в адрес членов оргкомитета — вернувшихся с каторги эсеров А.В. Гранова, Н.В. Шванского (некогда прославившегося ограблением Чарджуйского казначейства) и С.Г. Федорова — и доклада председателя Кокандского комитета партии отставного подполковника Н.И. Черневского, устраивается перерыв, во время которого присутствующие члены Совдепа приглашаются на особое совещание по вопросу о целесообразности ареста Миллера и об отношении к сложившемуся полномочию Исполкому. «После перерыва, — значит в протоколе, — по желанию общего собрания были сделаны внеочередные сообщения о положении дел в Старой Бухаре членом комитета Мельниковым, Котенко и другими. Общее собрание начало сильно волноваться, настаивая на немедленном исполнении состоявшегося еще накануне решения об аресте Миллера. В это время от Совета солдатских и рабочих депутатов поступило заявление с просьбой к общему собранию не выносить никаких резолюций, пока не будет закончено совещание». Вновь объявляется перерыв, после которого слово предоставляется только что прибывшему в Новую Бухару для командования войсками генералу Ф.А. Кургановичу. Он сообщает собранию, что пригласившим его на свое заседание Совдепом уже вынесена резолюция о том, чтобы «с арестом резидента Миллера подождать до приезда представителя Временного правительства Преображенского, которого ожидают через три часа». Принятие указанной резолюции подтверждают и два члена Совдепа. Тем не менее, говорится далее в протоколе, «после недолгих прений общее собрание начало высказывать требование о немедленном аресте г. Миллера. Голосованием прения были прекращены и приступлено к баллотировке. Первый вопрос, „арестовать резидента Миллера или нет“, был решен подавляющим большинством в положительном смысле. Второй вопрос, „арестовать немедленно или же подождать три часа до прихода поезда, с которым ждут приезда Преображенского“, решен „арестовать немедленно“ громадным большинством».²⁰

В записке, которую Миллер передал при своем аресте Чертову и Черневскому для отправки ее телеграфом в Петроград и Ташкент, чего те, естественно, не сделали, резидент сообщал: «Сего 16 апреля в

11 часов ночи ко мне пришли прапорщик прибывшей вчера роты из Самарканда Березний, самаркандский делегат Чертов, прибывший в Новую Бухару из Ташкента и вступивший в должность 13 сего апреля начальник Ново-Бухарской милиции Федоров, прибывший того же числа из Коканда гражданин Черневский и комиссары Ново-Бухарского Исполнительного Комитета Залесский, Рабинович и поручик Щеглов, причем прапорщик Березний объявил мне, что по постановлению собрания граждан в Новой Бухаре я отстранен от должности и подвергнут домашнему аресту впредь до приезда в Новую Бухару комиссара Преображенского. Граждане Чертов и Черневский отобрали у меня дела о реформах в Бухаре и об Афганистане. Упомянутое собрание граждан происходило, согласно заявлению Федорова, при председателе Черневском и секретаре Шванском. Последний приехал из Ташкента в Новую Бухару 13 сего апреля и того же числа вступил в исполнение обязанностей секретаря Ново-Бухарского Комиссариата. Президиум собрания состоял из вышеупомянутого Федорова и приехавшего вместе с ним из Ташкента Гранова, вступившего того же числа в исполнение обязанностей старшего милиционера Новой Бухары. Граждан Федорова, Черневского, Шванского и Гранова я раньше никогда не видел и их не знаю».²¹

Впоследствии, поясняя причину ареста Миллера, газета «Бухарские ведомости» отмечала, что приехавшие вместе с войсками общественные деятели, которые в поисках широкой популярности, ускользнувшей от них в Самарканде, возомнили себя «устроителями судеб в Бухаре, благо Русь все может», с первых же шагов ополчились на резидента-«немца». Тот же, как человек старой школы, «вместо того, чтобы указать деятелям на сущность своей роли — роли исполнителя предначертаний Временного правительства, стал на иной путь — путь доказательства своей служебной безупречности в деле введения реформ и, хотя ни в делах Резидентства, ни в его дипломатических шагах пред Бухарским правительством ничего предосудительного найдено не было, тем не менее имя Миллера оказалось пущено в оборот». Пользуясь доверием одной из прибывших в Бухару рот, Чертов, которому «лавры Миллера не давали спать», игнорируя точку зрения местных общественных организаций, добился отстранения резидента от должности и его ареста. Он же, Чертов, при участии Черневского и прапорщика Березнего взялся принять дела Резидентства.²²

Однако уже 17 апреля на совместном заседании 19 членов Ново-Бухарского Исполкома и 29 депутатов Совдепа (в президиуме — А. Гальперин, С. Розенгарт, И. Беркович, секретарь — Б. Барский) принимается резолюция, в которой лишение Миллера свободы, без достаточных к тому оснований, признается отнюдь «не арестом, а

беззаконным действием со стороны группы лиц, нарушивших лозунг „неприкосновенности и свободы личности“, противостоять каковым действиям Исполнительный Комитет и Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, не имея за собой реальной силы, не имели возможности». В связи с этим приглашенному в Бухару правительственному комиссару предлагается «привлечь насильников к ответственности», а также во избежание ведущего к анархии двоевластия воспрепятствовать вмешательству в дела управления Старой и Новой Бухарой и ее пригородом Эмирабадом «со стороны всех общественных организаций и отдельных их членов из других городов». Представители русских финансовых и торгово-промышленных кругов также выражают «свой протест против вмешательства члена комитета другого города в дела Бухары, тем более опирающегося на военную силу», и просят Временное правительство назначить по этому поводу расследование.²³

В то же время Шульга, чудом избежавший ареста несмотря на инкриминируемое ему письмо на имя прежнего кази-каляна, в котором он «доносит на двух младобухарцев и советует принять против них решительные меры», ходатайствует перед МИД о предоставлении ему четырехмесячного отпуска «по расстроенному здоровью». Но, ознакомившись с телеграммой об аресте резидента, Милюков считает, что «Шульге, Введенскому и Умнякову не следует покидать Бухары», и просит главу Туркестанского комитета Н.Н. Щепкина «дать чинам Резидентства указания сообразно с местной обстановкой» и поторопить комиссара Преображенского.²⁴ Не поддержав обвинение в «реакционности» дипломатов, приехавшие 18 апреля в Новую Бухару члены Туркестанского комитета, П.И. Преображенский и генерал-майор А.А. Давлетшин, решили все же попросить Миллера и Шульгу «принести себя в жертву и сложить свои обязанности», в связи с чем в ночь на 21-е те выехали в Ташкент, а оттуда — в Петроград. Временное управление Резидентством предполагается возложить на вызванного из Ташкента дипломатического чиновника С.В. Чиркина (до последнего назначения служившего секретарем генеральных консульств в Исфагане, Бомбее и Сеуле), а обязанности первого секретаря — на Введенского, хотя и его, с точки зрения Преображенского и Давлетшина, «также лучше перевести в другое место». Тем не менее именно Введенскому поручено принять на себя управление Резидентством до приезда Чиркина.

«Поддерживаю ежедневные сношения с бухарским правительством и стараюсь держаться в курсе всего происходящего, — извещает Введенский МИД 21 апреля. — Тревога среди мусульман улеглась, порядок ничем не нарушался ни в Старой Бухаре, ни в провинции.

Консервативное течение настаивает на уходе наших войск, опасаясь каких-либо эксцессов. Либеральное, весьма незначительное, будирует и мусульманское и русское население на оставлении. Лично полагал бы возможным начать теперь же постепенный уход наших войсковых частей, оставив одну роту в Новой Бухаре. Лучшим исходом из создавшегося ненормального положения признавал бы скорейшее назначение и присылку советников, без коих никакие реформы, никакое, даже частичное, осуществление начал манифеста немислимо». Ссылаясь на «полнейшую невозможность и доказанную неспособность бухарцев самим стать на путь реформ», Введенский считает, что «только русские руководители смогут сдвинуть манифест с мертвой точки, примирить вышеназванные течения в Бухарском ханстве и не допустить слишком прямолинейного и часто малоосторожного давления общественного мнения как России, так и здесь, на месте».²⁵

Первоначально Милюков высказывается против командирования в Бухару российских советников, о чем Клемм еще 16 апреля сообщает резиденту: «Предлагаем считать, что сейчас, по крайней мере, надобности в этом нет. Надо предоставить бухарцам самим разобраться и устроить дела по-своему. Чрезмерное вмешательство наше переложит на нас ответственность за почти неизбежные в подобных случаях недочеты и ошибки». Но уже 28 апреля под влиянием информации Преображенского, убежденного Введенским и Чиркиным в нереальности, по сути, проведения реформ силами одних бухарцев, Милюков уведомляет Ташкент: «Не встречаем препятствий к приглашению в Бухару русских советников по разным отраслям управления согласно проекту Миллера». Вместе с тем Клемм предупреждает, что подбор советников потребует значительного времени и «необходимо сделать что-либо безотлагательно в духе манифеста эмира» — например, «составить выборный муниципалитет Старой Бухары, который мог бы явиться совещательным органом и опорой Бухарского правительства», и «туземные выборные комиссии» по отраслям управления. Однако чиновники Резидентства и члены Туркестанского Комитета полагают, что организация их возможна лишь с помощью русских специалистов, ибо в противном случае эти учреждения, «составленные сплошь из консервативного элемента, так как кучка младобухарцев ничтожна, только усилили бы партийную рознь и осложнили бы дело реформ».²⁶

Тем временем радикальное крыло младобухарцев, рассчитывая на поддержку революционно настроенных русских войск и вынашивая идею свержения с их помощью эмирского правительства, устраивает манифестации под красными знаменами в Керках и Чарджуе. «На устроенном митинге с участием вооруженных солдат, — описы-

вал Чиркин происходившее в Чарджуе в телеграмме от 26 апреля, — вытребовали престарелого бека, казия и райса. Опасаясь насилий толпы, последние уклонились от явки, и тогда Фатхулла Ходжа пригрозил удалением беку. События взволновали и поставили на ноги консервативную часть. Бек едва сдерживает протест...» Указывая, что действия младобухарцев могут спровоцировать возобновление беспорядков, власти ханства просят Резидентство принять меры против агитаторов, возбуждающих население и натравливающих русские войска на бухарское правительство. Пропаганду вооруженного переворота, которую активно ведет Фатхулла Ходжа, представляющийся товарищем председателя младобухарского комитета, подтверждает и посетивший Чиркина Мансуров, дистанцировавшийся от партии из-за несогласия с ее радикальным курсом. Тем же вечером управляющего Резидентством посещают шесть младобухарцев с переводчиком, которые жалуются на отсутствие продвижения в реализации эмирского манифеста. «Я перебил их, — докладывал Чиркин 27 апреля, — заявив, что проведение реформ, как они знают из разъяснений комиссара Преображенского, лежит на ответственности Резидентства и Эмира. Просил их не вмешиваться и не осложнять своими выступлениями дело, которое будет неуклонно осуществляться с надлежащей осторожностью и постепенностью. Присутствовавший при беседе Введенский сообщил младобухарцам, что имеются заслуживающие доверия слухи о подготовке партией вооруженного восстания, и советовал им озаботиться изъятием из своей среды недостойных лиц, компрометирующих их партию, которой обещано русское покровительство». Резидентство намеревалось выяснить истинную физиономию Фатхуллы Ходжи по материалам «охранки».

В тот же день Чиркин обращается в Петроград с просьбой о скорейшем усилении состава вверенного ему Резидентства, ибо «при наличии только трех человек штатных чинов, из которых Введенский поглощен продовольственным делом, ответственная работа невозможна». Замещая Чиркина во время очередной его отлучки в Ташкент, Введенский 28 апреля также ходатайствует перед МИД о пополнении штата Резидентства тремя сотрудниками, ибо, поясняет он, «работа стоит, и усиливаются нарекания». В итоге три недели спустя, 18 мая, в Бухару приезжает ...китаист К.С. Роздольский. «Больше сейчас послать никого не можем», — оправдывается Клемм.²⁷ Пока же дипломаты захлебываются в повседневной текучке неотложных забот, все более подрывая авторитет Резидентства и среди русского и среди коренного населения, мусульманские консервативные партии из разных городов Туркестана ищут себе опору в ортодоксально-религиозной Бухаре и стараются, как докладывает 8 мая Введенский,

«восстановить здешнее сильное и организованное большинство духовенства против новых порядков». Из Ташкента в Старую Бухару является реакционный мулла Халмурад, который хочет заполучить от местных казиев «ревайет», объявляющий всех джадидов врагами веры. С прямо противоположной целью — содействовать усвоению бухарцами идей обновленной России — приезжает казанский мулла Алимджан Галеев, который встречается с кази-каляном и собирается в сопровождении Введенского посетить кушбеги. Хотя татарский прогрессист и Резидентство сходятся «на необходимости осторожных действий и прежде всего примирения сторон путем воздействия на наиболее влиятельных представителей старо-бухарского духовенства и разъяснений манифеста эмира», консервативная партия твердо стоит на своем, и, не завершив посреднической миссии, разочарованный Галеев покидает Бухару.

Замещая часто отлучающегося в Ташкент управляющего Резидентством, Введенский делает все возможное, дабы не допустить новых кровавых эксцессов, и, например, 11 мая извещает Петроград: «Благодаря принятым мной решительным мерам ожидавшийся вчера погром младобухарцев и сильнейшая демонстрация консервативной партии не прошли». Сдерживая панику, он в поисках компромисса всячески старается, по его словам, воздействовать «на младо- и старо-бухарцев совместно с бессильным бухарским правительством», но первые, сокрушается Введенский, как и прежде, прилагают все усилия к тому, чтобы «втянуть наших солдат в борьбу со старо-бухарцами». Со стороны же консервативной партии начинают раздаваться пока еще робкие требования о низложении Сеид Алимхана за его уступчивость перед джадидами в вопросе о реформах и возведении на престол его дяди, занимающего должность гузарского бека. «Полагаю, что реакция в дальнейшем усилится, — предупреждает Введенский. — Необходимо предотвратить заблаговременно сорганизованность реакции, для чего нужно положить начало предварительной работе по проведению реформ и [желателен] скорейший приезд резидента и советников. Это спасет положение: 1) поднимающая голову реакция будет значительно сломлена, 2) остановленными будут удары безответственных мусульманских групп России, [рассчитывающих на] переворот в Бухаре по образцу нашей революции, не считаясь ни с какими местными условиями, 3) укреплен будет значительно авторитет бухарских властей, и нам не нужно будет войск».²⁸

9. ОБЛАСТНОЙ КОМИССАР

Съезд Исполнительных Комитетов русских поселений Бухарского ханства, на котором присутствовали делегаты Новой и Старой Бухары, Чарджуя, Керков, Термеза, Карши, Зиадина и Кизил-Тепе, решил 9 мая, что в отношении провозглашенных в эмирском манифесте реформ «русские граждане являются индифферентными постольку, поскольку это касается одних бухарских подданных; в случае же явлений явно насильных над младобухарцами со стороны кого бы то ни было, местные Исполнительные Комитеты противодействуют насилиям в той или другой степени, а в более серьезных случаях сообщают Областному Исполнительному Комитету».¹ Областным комиссаром русских поселений съезд избирает Введенского, который дает принципиальное согласие принять этот пост лишь при условии прикомандирования к Резидентству трех недостающих по штату чиновников для исполнения текущей работы. Сообщая об этом Туркестанскому комитету, делегаты предлагают ему немедленно ходатайствовать перед Временным правительством об удовлетворении данного требования, «дабы Введенский смог возможно скорее вступить в обязанности областного комиссара, причем съезд просит оставить за Введенским и должность в Резидентстве».²

Но местные леворадикальные элементы явно не одобряют выбор Исполкомов, и 19 мая на аудиенции с проезжавшим через Каган в Асхабад председателем Туркестанского комитета Н.Н. Щепкиным члены Областного Совета солдатских и рабочих депутатов П.Г. Полторацкий и М.А. Преображенский заявляют протест против кандидатуры Введенского в связи с избранием его без согласования с местными Совдепами. Настаивая на проведении новых выборов, депутаты предлагают распределить пока обязанности комиссара между четырьмя представителями крупнейших русских поселений, избранными на местах. Однако Щепкин отвергает идею коллективного руководства и, как обиженно указывалось в протоколе, составленном в тот же день членами Областного и Ново-Бухарского Совдепов, убедительно просит их, «если они желают поддерживать Временное правительство, проагитировать между Советами области за гражданина Введенского», ибо та в противном случае лишится кредитов.³ Аргументы Щепкина оказываются, видимо, достаточно убедительными, и Краевой Совдеп в Ташкенте, заслушав 23 мая «телеграмму Областного Совета о том, что кандидатуру Введенского поддерживают Советы Керков, Чарджуя и Бухары; ответа из Термеза нет», — принимает решение: «Довести до сведения Туркестанского комитета

Временного правительства, что препятствий к утверждению Введенского не встречается...» В результате, приказом от 11 июня, «прикомандированный к Российскому Резидентству в Бухаре вице-консул в Урмии П.П. Введенский утверждается в должности областного комиссара русских поселений в Бухарском Ханстве», что подразумевает возложение на него ответственности по гражданскому управлению последними.⁴

Одновременно Введенский становится и главной мишенью для всех тех, кто не доволен развитием дела бухарских реформ. Уже 14 июня «Туркестанские ведомости» публикуют письмо военного врача из Термеза и члена Областного Совдепа, «молодо-сарта», в будущем — видного большевика, С. Асфендиарова под заголовком «Реакция в Бухаре». Автор требовал срочного и кардинального обновления штата Резидентства, обвиняя его в проведении все той же, вызывающей «страх перед Россией и даже ненависть к ее представителям», колониальной политики, «вдохновителем» которой является «один из ближайших помощников г. Миллера еще по Тавризу, „последний из могикан“, г. Введенский». Возмущаясь тем, что «люди, душившие персидскую свободу, настоявшие на казни федаев в Тавризе, должны стать реформаторами Бухары», Асфендиаров заявлял, что вся их служба — это опыт царских чиновников, «проводивших в течение долгого времени политику захватов и поддержки деспотических восточных правительств против их народов», а затем скомпрометировавших дело бухарской свободы своими неудачными действиями, когда, не спросив мнения ни молодо-бухарцев, ни старо-бухарцев, они составили проект одобренного Временным правительством манифеста, который «в неудачном переводе» был представлен эмиру на подпись. Далее Асфендиаров сообщал, что на открывшемся в конце апреля 1-м областном съезде Советов депутатов его Бухарская секция предложила ряд резолюций, предусматривавших «гарантии спокойной работы младобухарцев в деле подготовки бухарского народа к восприятию реформ», необходимость устранения реакционеров из состава эмирского правительства и введение депутатского контроля над деятельностью Резидентства. Но Введенский, которого пригласили на съезд для выступлений с докладами по продовольственному и бухарскому вопросам, категорически возражал против вмешательства российских общественных организаций в дело реформ в ханстве, ссылаясь на косность и фанатизм бухарцев, их готовность идти на «газават» и возможную реакцию соседнего Афганистана, что, по его мнению, могло создать новый фронт для России. Кстати, Туркестанский Краевой Совдеп, заслушав 11 мая «протокол областного съезда Бухары, в частности, протокол от 30 апреля, № 4, Бухарская секция, п.п. 3 и 4», постановил «указать Бухарскому областному Совету, что контроль над

резидентом не входит в его компетенцию», а «контроль по проведению реформ в Бухаре не по силам и не в компетенции съезда»...

«Касаясь деятельности младобухарцев, — продолжал Асфендиаров, — г. Введенский указывал на нежелательность их выступлений. Во всей его речи сквозило явное недоброжелательство к младобухарцам. Что же касается реакционеров, то г. Введенский этого вопроса предпочел совершенно не касаться. Г. Введенский говорил и теперь повторяет: „Не мешайте!“ Не мешайте, общественные организации, не мешайте, младобухарцы, терпите и ждите! Съезд согласился с г. Введенским только в вопросе о необходимости крайней осторожности в деле проведения реформ в Бухаре». В принятой депутатами резолюции говорилось, что, заслушав «прения по бухарскому вопросу, объяснения от представителя младобухарцев Каримова и представителя Резидентства Введенского, областной съезд обращается к краевому Совету с сообщением о тяжелом положении в Бухарском ханстве, о том, что данный эмиром манифест в жизнь не проводится, что Бухарское правительство не отстраняет реакционных чинов, а дает им высшие назначения и ставит младобухарцам всевозможные препятствия в их деятельности по пропаганде манифеста». Асфендиаров утверждал, что деятельность Введенского направлена против младобухарцев и в качестве подтверждения этого напоминал его нежелание добиваться возвращения конфискованного у Мансурова имущества под предлогом невозможности для Резидентства вмешиваться во внутренние дела Бухарского ханства. К тому же, добавлял Асфендиаров, эмирское правительство никогда не осмелилось бы на явно реакционную пропаганду без попустительства Резидентства, которое, «загоняя младобухарцев в подполье», вселяет в их умы убеждение, что дело реформ в Бухаре должно идти снизу, и тем самым провоцирует «беспорядочные народные возмущения», которые как раз и могут «создать у нас новый фронт».⁵

Аналогичной точки зрения придерживался и автор другого «письма из Бухары», опубликованного в том же номере «Туркестанских ведомостей» под символическим заголовком «Не мешайте», — М.А. Преображенский. Его же большая статья «К бухарскому вопросу» появилась в газете 25 июня. Преображенский писал, что на съезде он и его товарищи, настаивавшие на вмешательстве российской демократии в реформирование деспотической Бухары, «остались тогда, как говорят, при пиковом интересе и, главным образом, благодаря представителю от Резидентства Введенскому, который своими речами загипнотизировал большинство членов съезда и публику. Он выставил бухарский вопрос пугалом, рисовал результат вмешательства в виде нового фронта. Эффект был полный, и нас готовы были назвать чуть ли не

врагами России». Ссылаясь на признание областного комиссара, что, лишь стоя-де «с кулаком» над головой кушбеги, ему удалось обеспечить русские поселения трехмесячным запасом хлеба, Преображенский указывал, что, мол, эмирское правительство в свою очередь «все надавливало и надавливало на туземное население, которое с ропотом несло свое зерно», и вот результат — поезда на Бухарской железной дороге «переполнены бегущими из обезжелебленных мест туземцами» и поступают известия о начавшемся брожении в ряде бекств. При этом Преображенский, естественно, не пояснял читателю, что только благодаря энергичной деятельности Введенского удалось несколько смягчить тяжелейшие последствия катастрофического сокращения подвоза из России хлеба и поразившей Бухару многолетней засухи. «На урожай этого года положительно нет надежд, — жаловался Чиркин 27 апреля. — Все выгорело. Отсутствие воды ухудшает положение, близкое до отчаяния».⁶

Уже 15 июля Введенский докладывал в Ташкент, что Бухарский продкомитет «получал в три раза урезанную норму только для русских поселений, а обязан был питать двух с половиной миллионное население ханства, которое с закрытием всех границ и, в частности, с воспрещением свободной закупки в России хлеба, коим это население исключительно жило, очутилось в критическом положении». Указывая, что в поисках пропитания голодная масса бухарцев по весне обычно устремляется в русские поселения, имеющие свои весьма ограниченные запасы хлеба, Введенский предупреждал, что начинается очередная кампания заготовок продовольствия, причем: «В самом ханстве вышли все запасы. Урожай этого года за небывалой засухой, бездождем и безводьем (последнее — благодаря насильственным захватам воды в Самаркандской области, нарушившей существующий договор по распределению воды [реки Зеравшан] и не давшей всего положенного) погиб. В некоторых весьма отдаленных бекствах горной Бухары урожай будет собран [в размере] 25 % обычного урожая. Голод несомненно обозначается, и в этом году Бухарскому областному продовольственному комитету не под силу будет при прежнем отношении краевого продовольственного комитета справиться со своей задачей». Введенский настаивал на возобновлении снабжения Бухары хлебом из России и пересмотре вопроса о норме его отпуска для областного комитета, «ведущего не только русскими поселениями, но и, по преимуществу, распределением продуктов среди бухарского населения, давно уже через Бухарское правительство официально согласившегося следовать всем указаниям общегосударственных продовольственных органов и образовавшего порайонные продкомитеты в доступных местах, введшего карточную систему и проч».

Однако критиков Введенского мало интересовало истинное положение дел, и намекая в «Туркестанских ведомостях» на причастность его к имеющим место злоупотреблениям в продовольственном деле и выдаче разрешений на «бесконтрольные» закупки зерна, Преображенский ядовито подытоживал свое письмо: «И встает над этой грудой фактов фигура уполномоченного, который прежде всего заявляет: „не мешайте“. И льется дальше медоточивая речь, конец которой покрывается аплодисментами публики-ребенка, не способной или не желающей понять, что поднесенное яблоко — искусственный, умело состряпанный плод старой, а не новой жизни». Заслуженное уважение, которым пользовался Введенский среди жителей русских поселений, немало бесило его завистливого оппонента.

К дружному хору «левых» критиков Резидентства подключился и директор правления общества Бухарской железной дороги эсер И.М. Слуцкий, который еще 28 мая выступил на собрании, устроенном культурно-просветительной комиссией при Ново-Бухарском Совдепе, с докладом «Россия и Бухара», текст которого, с некоторыми купюрами, опубликовала ташкентская газета «Туркестанский курьер» в двух номерах за 6 и 7 июля. Обличая старую дипломатию и страстно призывая к активному вмешательству российской демократии в жизнь Бухарского ханства для освобождения его населения от ига бесправия и деспотизма, докладчик, в частности, говорил: «Как явствует из всех фактов истории Бухары за последние три месяца, 3-е отделение МИД ведет двойственную политику: явную в смысле поддержания стремлений эмира дать своему народу реформы и тайную — в противодействии этим реформам путем соответственных советов и инсценирования реакционных выступлений мулл, бухарских чиновников и купеческого сословия. Лучшим доказательством является то, что все высшие должности в Бухаре с согласия Резидентства быстро замещены ныне исключительно реакционным элементом. Эта официальная политика невмешательства во внутренние дела Бухары, а тайная — именно вмешательства в усиление реакционного направления и с обречением возведенных эмиром реформ на преждевременную смерть, привела уже к убиению младобухарцев и вызывает у всех русских сознательных элементов в Бухаре опасение о неминуемости серьезных эксцессов; является даже боязнь общего восстания в Бухаре — сначала против своего правительства, а потом среди туркмен Закаспия и, наконец, всего десятиmillionного населения Туркестана против русских. Агитация в этом смысле широко ведется и в самой Бухаре наезжающими сюда реакционерами-мусульманами из русского Туркестана. Имена некоторых из них известны всем, в том числе и местному Резидентству, но мер против них не принима-

ется никаких — все в тех же целях удержать старый русский режим в Бухаре и всем Туркестане. Это обвинение не голословно. Я тщательно изучил всю официальную и большинство секретной переписки Резидентства с 3-м отделением [Третьим отделом МИД — В.Г.] и на основании положительных фактов пришел к заключению, что все обвинения младобухарцев и русского общественного мнения против Резидентства в тайном реакционном воздействии на Бухарское правительство зиждется на твердых основаниях».

Полемизуя со Слуцким, Введенский отвергал его обвинения в адрес чиновников Резидентства, повторяя, что младобухарцы, надеясь на поддержку со стороны коренного населения Бухарского ханства, рассчитывают придти к власти с помощью российских штыков, однако любые неосторожные действия могут спровоцировать новые беспорядки, в результате которых начнется кровавая резня русских. Увы, грядущие события подтверждают этот прогноз! По-прежнему считая своей главной задачей поддержание в Бухаре спокойствия и порядка, «для какой-либо цели возможен только путь компромисса», Резидентство безуспешно пыталось разъяснить свою позицию в публичных выступлениях и на страницах «Вестника Ново-Бухарского Исполнительного Комитета» и «Бухарских ведомостей». В первом издании еще 18 июня появилась статья «Бухара и Россия», в которой доказывалось, что в отличие от тех безответственных «реформаторов», которые предлагают решить вопрос «явочным путем», дипломаты обязаны действовать в тесном контакте с российским правительством, информируя его о всех происходящих событиях, намечая пути разрешения назревших проблем и всецело подчиняясь его директивам, в точном соответствии с договором о дружбе с Бухарой и в интересах обеих сторон. «Само собой понятно, — говорилось далее в статье, — что в этом случае довольно сильно попадает 3-му Политическому отделу Министерства иностранных дел, который благодаря своей старой привычке „медленно спешить“, действительно, обостряет отношение к Резидентству, ибо местное население всегда будет искать непосредственного виновника своих бед и злоключений в лице Резидентства. О Резидентстве говорить не приходится, ему вообще попадает по всякому поводу и без всякого повода. Попадает потому, что „раз оно представляет Великую Россию“, то... подавайте сюда Ляпкина-Тяпкина — сиречь реформы для Бухары и все прочее. И если, с одной стороны, реформаторы не хотят считаться с тем, что центр тяжести по проведению тех или иных мероприятий правительства находится не в Бухаре, а в Петрограде, несмотря на желание реформаторов перенести этот центр сюда созданием „дипломатической автономии“ для Бухарской области, то тем тяжелее положение Рези-

дентства, которому приходится весьма часто считаться с такими резолюциями, проведение которых в жизнь выходит далеко за пределы компетенции Резидентства».

Впрочем, сам Введенский прекрасно осознавал, что российская общественность предъявляет свои права на участие в бухарских реформах, не видя активных шагов Резидентства, которое в свою очередь бессильно справиться с этой задачей, не имея даже необходимого штата работников. Пока же Петроград тянет с назначением нового резидента и приездом советников в Бухару, противоборствующие стороны обвиняют дипломатов в служении интересам своих противников, и наряду с усилением реакции растет сопротивление ей, организуются крайние элементы, пополняемые приезжими мусульманами, в результате чего столкновение сил неизбежно. Докладывая 9 июня в МИД, что «третьего дня отстоял предполагавшийся муллами разгром устанавливаемой в Старой Бухаре первой бухарской типографии», Введенский сообщает: «Достаточно верно осведомился о выплате теперешним Кушбегием казенных сумм духовенству на поддержание и развитие реакционного движения. Это истина. Муллы начинают дерзко вмешиваться во все отрасли управления. [...] 6 июня, энергично и не скрывая правды, сказал Эмиру, к каким печальным результатам может привести безумная политика теперешнего Кушбеги. Советовал порвать явную связь с духовенством, отстранив его от влияния на дела управления. Кушбеги неизбежно должен уйти. Его Высочеству я дважды указывал на всю желательность решительных действий в этом вопросе. На почве острого недостатка продуктов в некоторых частях ханства заметно частичное недовольство, коим пользуется противная партия. Еле успеваю улаживать повсеместно вопросы продовольствия. Много времени уходит на борьбу за положение Резидентства. Необходимы энергия, люди, скорейшая присылка советников, немедленный приступ к неотложным реформам, иначе мы накануне новых беспорядков, в которых не устоять Резидентству, предоставленному собственной участи и лишенному физической возможности стать органом проведения реформ без предварительного освобождения от массы других обязанностей. Наличный состав перегружен работой и не может нести никакой ответственности за назревающие не по его вине события».⁹ Однако, предлагая «избегать горячности и крайних мер», МИД явно не одобряет советы, данные Введенским эмиру, и Клемм в телеграмме от 22 июня напоминает Резидентству, что «с духовенством, за которым стоит, вероятно, 99 % населения, неизбежно приходится считаться, дабы не довести дело до кровавых столкновений». Тем более, что, по мнению генерала Давлетшина, «подозрения на Кушбеги неосновательны: в нача-

ле Уразы духовенству всегда уплачивается известная сумма на моления».¹⁰

Между тем собравшийся в конце июня очередной съезд Советов солдатских и рабочих депутатов русских поселений, отметив, что дело проведения реформ «не только не продвинулось вперед, но даже ширится и растет реакционное движение, принимая порой характер беззастенчивого издевательства над стремлениями прогрессивной части бухарского общества», требует немедленной реорганизации бессильного Резидентства на демократических началах и создания комиссии по расследованию его деятельности. Однако чем сильнее критика слева, тем все больший крен вправо происходит в политике эмирского правительства, и уже в середине июля встревоженный Сеид Алим-хан умоляет Чиркина не возражать против назначения на прежний пост весьма популярного среди учащихся медресе бывшего кази-каляна Бурхануддина, на чем настаивают грозящие новыми волнениями муллы. Хотя возвращение к власти одного из вдохновителей реакции обуславливалось увольнением «неавторитетного и слишком пассивного перед духовенством» Низам-уд-Дина, эмир ограничивается введением должности «нижнего кушбеги», к которому переходит финансовая часть управления ханством.¹¹ Причем, уже 18 июля обвинявшийся впоследствии в потворстве бухарским реакционерам Клемм выговаривает Чиркину: «Относительно назначения прежнего кази-каляна следовало Вам переговорить с младобухарцами, дабы предотвратить новые с их стороны выступления. Лично думаю, что как бывший Кази-Калян, так и бывший Кушбеги Насрулла-бий были напрасно удалены, будучи оба наиболее дельные и вместе с тем порядочные люди».¹²

Несмотря на тщетные призывы Резидентства поторопиться с присылкой советников, только 10 августа в Петрограде открылось совещание по бухарским реформам под председательством члена Турккомитета В.С. Елпатьевского при участии сменившего отправленного в отставку В.О. Клемма нового советника Третьего Политического отдела МИД В.И. Некрасова, старшего секретаря того же отдела М.М. Гирса и представителя ташкентских мусульман М. Чокаева. Однако в подготовленном ими «Представлении Министерства Иностранных Дел по вопросу о реформах в Бухарском ханстве» перечислялись лишь наименования «туземных» комиссий — административная, судебная, финансовая, народного образования, государственного хозяйства и земледелия, торгово-промышленная, врачебно-санитарная, которые предполагалось учредить в Бухаре под председательством кушбеги, и намечались кандидатуры некоторых российских советников, коим предстояло в них трудиться.¹³ Вся подготовительная

работа поручалась недавнему помощнику самаркандского военного губернатора статскому советнику А.А. Семенову, впоследствии — известному советскому востоковеду, который приглашался в качестве «организатора управления центрального правительства» в Бухаре. Хотя, обсудив 25 августа представленные совещанием предложения, Временное правительство поручило министру иностранных дел М.И. Терещенко «озаботиться» принятием мер к незамедлительному их осуществлению, все откладывается из-за мятежа генерала Л.Г. Корнилова и сентябрьских событий в Ташкенте.¹⁴

10. «ПОЛЬЗУЮЩИЙСЯ ДОВЕРИЕМ ВСЕХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ...»

Корниловский мятеж отвлекает русские поселения от бухарских реформ, и Введенский участвует в создании местного «Комитета спасения революции», который берется за формирование вооруженной дружины. «Настроение пока спокойно, — докладывает Введенский в Турккомитет 30 августа. — Действую в полном согласии с демократическими организациями и Советом солдат и рабочих».¹ Вместе с тем областной комиссар категорически против намерения леворадикальных элементов принудительно обложить состоятельных жителей русских поселений неким особым налогом на борьбу с контрреволюцией. «Мера эта в случае проведения ее в жизнь, — телеграфирует Введенский в Ташкент 2 сентября, — вызовет, при полном спокойствии в настоящее время, недовольство, возможно, озлобление, одной части населения против другой. Вчера Исполнительный общегражданский комитет высказался против этой предполагаемой меры. Необходимо срочное указание местному Совдепу на нежелательность проектируемой Комитетом [спасения революции] меры...»

Защита Введенским буржуазии вызывает понятное раздражение со стороны его политических недругов. В напечатанной 6 сентября в «Туркестанских ведомостях» корреспонденции «Борьба с контрреволюцией в Новой Бухаре» неизвестный автор (возможно, Преображенский?), не без язвительности сообщая о том, что на заседании Исполкома областной комиссар говорил депутатам Совдепа: «Эх, вы не знаете, где взять оружие, обратились бы ко мне, я вам достал бы...», — гневно упрекал Введенского: «Так говорил представитель Временного правительства, говорил в то время, когда нельзя было медлить ни

часа, ни минуты, когда, если Совет не догадался о том, кто может ему достать оружие, он должен был сам придти, принять участие в деле обеспечения гражданам спокойствия и безопасности». Но именно последнее и заботило Введенского, который уже 8 сентября запрашивает Турккомитет: «Прошу разъяснения, допустимо ли в настоящее время, когда мятеж Корнилова ликвидирован и завоеваниям революции, особенно в Бухаре, не грозит никакой опасности, вооружение и стояние под оружием боевой дружины? Запрашиваю указания, ибо организованная в Новой Бухаре „Комитетом спасения революции“ дружина вызывает нежелательные для нас толки среди мусульман-бухарцев, видящих в том начало против них агрессивных действий нашей демократии. Вчера исчерпывающе разъяснял бухарцам, что наши демократические организации не имеют никаких замыслов в отношении мусульман».²

Между тем еще 29 августа товарищ министра иностранных дел Нератов телеграфирует Чиркину: «Передайте Введенскому, что ввиду фактического пребывания его в Бухаре, необходимости нахождения в Урмии вице-консула и получаемого им в качестве областного комиссара вполне достаточного содержания его предполагается причислить к ведомству». В другой телеграмме Нератов указывает, что в случае отлучек Чиркина из Бухары его должен замещать отнюдь не Введенский, а Роздольский. Узнав об этом, Введенский заявляет, что, поскольку он обусловливал принятие должности облкомиссара, размер вознаграждения которого, кстати, еще даже не установлен, сохранением за собой содержания вице-консула, он, ввиду невыполнения данного условия, готов отказаться от общественной должности. «Ходатайствую о сохранении за ним прежнего положения», — телеграфирует Чиркин Нератову 31 августа, но тот отвечает, что Введенскому «будет предоставлено другое заграничное место, которое определится на днях».³

Однако к ходатайству управляющего Резидентством присоединяется и Ново-Бухарский Исполком, в постановлении которого, переданном в Петроград по телеграфу поручиком Щегловым, говорится: «Просить министра иностранных дел об оставлении Введенского в должности консула в Урмии с сохранением содержания и с уходом его с должности областного комиссара и о разрешении ему занимать должность уполномоченного по продовольствию ввиду трудности замещения его по продовольственной организации и как наиболее близко знакомого с положением дел в Бухаре». Поскольку же Нератов считает недопустимым совмещение дипломатической и продовольственной работы, члены Бухарского продкомитета — Амбраже, Беркович, Киракосян, Мирзак, Петросов, Полторацкий, Старокожко,

Тысячников, Щеглов и другие — апеллируют 6 сентября непосредственно к главе Временного правительства А.Ф. Керенскому: «Закулисными интригами настоящий состав чинов Бухарского Резидентства добился перевода из Бухары неутомимого и энергичного общественно-го деятеля, председателя Бухарского продовольственного комитета, прикомандированного к Резидентству вице-консула в Урмии Введенского. Пользующийся доверием всех слоев населения, общественных и политических организаций, Введенский спас русское население Бухарского ханства от продовольственной разрухи. Перевод Введенского из Бухары создаст непоправимо тяжелое положение, столь нежелательное в данный момент. Не сомневаясь, что правительство не будет нарушать мирного течения нашей жизни, и веря, что общественная работа нашего Комитета Вами будет оценена выше недостойных интриг отдельных лиц, Областной Комитет постановил просить Вас об оставлении Введенского на занимаемых им должностях в Бухарском Резидентстве и продовольственном комитете. В противном случае продовольственный комитет слагает с себя ответственность за могущие произойти события». В тот же день к Керенскому, министру иностранных дел Терещенко и министру продовольствия А.В. Пешехонову обращается и исполком Областного Совдепа, указывающий правительству на «опасную деятельность» и несоответствие Чиркина своему назначению управляющим Резидентством в связи с развивающимся среди бухарцев антирусским движением. Настаивая «на немедленном отзывании Чиркина и замене его вице-консулом Введенским, знакомым с местными условиями и бытом, со знанием языка, пользующимся доверием Совета и всех общественных организаций», Совдеп просит оставить Введенского и во главе Бухарской продкомитета, так как именно это «обеспечивает благополучие продовольственного дела области».⁴

Данной телеграмме предшествовал визит, нанесенный 30 августа Чиркину представителями Ново-Бухарского Совдепа, которые предъявили удостоверение, подписанное большевиком Полторацким и гласившее, что депутаты Городецкий, Козлитин и Амбраже избраны исполкомом «для получения от резидента в Бухаре государственного телеграфного шифра на предмет контролирования поступающих в Резидентство телеграмм». Прибывшие уверяли, что эта мера вызвана корниловским мятежом и продиктована исключительно необходимостью «спасения революции», а не недоверием лично к Чиркину, и в конце концов удовлетворились его компромиссным предложением регулярно знакомить «тройку» с содержанием зашифрованных телеграмм. Вслед за этим Чиркин выехал для доклада в Ташкент, где Турккомитет Временного правительства, обсудив произошедший инци-

дент с председателем Краевого Совета доктором М.Я. Фитерманом, признал требование Ново-Бухарского Совдепа о шифре противозаконным и телеграфировал в этом смысле областному комиссару Введенскому, предупреждая, что инициаторы подобных самочинных действий будут впредь привлекаться к уголовной ответственности. В свою очередь Фитерман пообещал Чиркину предпринять все возможное для установления благожелательного отношения к Резидентству со стороны местных депутатов и обстоятельно поговорить на сей счет с находящимся в Ташкенте председателем Областного Совдепа русских поселений в Бухарском ханстве М.А. Преображенским.

Таким образом инцидент казался Чиркину исчерпанным, тем более что Керенский отдал распоряжение о прекращении действия всех чрезвычайных мер, принятых на местах в связи с корниловским мятежом. Однако, вернувшись из Ташкента, Чиркин узнал, что на состоявшемся 4 сентября заседании президиума исполкома Ново-Бухарского Совдепа, на котором присутствовали Роздольский и Введенский, деятельность управляющего Резидентством вновь подвергалась жесточайшей критике. Причем днем раньше Роздольскому вручили постановление президиума исполкома Совдепа за подписью Полторацкого и секретаря Залесского с предложением ежедневно предоставлять сведения о положении дел в Бухаре тем же Городецкому, Козлитину и Амбраже и, помимо того, «при поездках к эмиру... брать с собой вице-консула П.П. Введенского». Тот же, как свидетельствовал Роздольский, «держал себя на указанном заседании безучастно, очевидно, дав согласие заранее на принятие под свою опеку Резидентства». Сам Введенский смущенно-де объяснял, что поездка Чиркина в Ташкент произвела крайне неблагоприятное впечатление на депутатов, следствием чего и явилось выраженное Совдепом недоверие, хотя, помимо обычных разглаговльствований о «бездеятельности, неосведомленности Резидентства и т. п.», никаких конкретных обвинений не выставлялось. На вопрос разгневанного Чиркина, как мог Введенский, будучи чиновником МИД, согласиться принять на себя обязанности контролера в отношении своих же товарищей-сослуживцев, тот, «со свойственной ему беззастенчивостью», заявил, что на предложение Совдепа «ответил молчанием». Впрочем, он будто бы сообщил о выраженном им на это согласии Роздольскому, и Чиркин считал, что кампания против него развязана именно Введенским, «безосновательно» заподозрившим чиновников Резидентства в намерении не только исключить его из своей среды, но даже и совсем удалить из Бухары.

«Совместная четырехмесячная служба, — не скрывал своего раздражения Чиркин в доверительном письме Некрасову от 23 сентября, — дала мне полную возможность, отдавая должное деловитости и

работоспособности Введенского, изучить природные свойства его, не ускользнувшие и от некоторых представителей здешнего Областного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, — неискренность и не слишком строгую разборчивость при изыскании путей для достижения поставленных себе целей. Тем не менее, пока корректность его в отношении меня и моих товарищей не переходила границ допустимого, мы мирились с нахождением его в Резидентстве и, вероятно, долго еще мирились бы, не желая выносить сора из избы. Однако последний его выпад в отношении меня и моих товарищей, в нарушение самых снисходительных требований служебной и товарищеской этики, побуждают меня лично и от имени гг. Роздольского и Умнякова просить Вас о принятии мер к отчислению г. Введенского от состава Резидентства, признавая какое-либо сотрудничество с ним для нас невозможным. К сказанному считаю долгом присовокупить, что фактически г. Введенский никаких обязанностей по Резидентству не несет, информируя меня от времени до времени о происходящем в Бухаре, в чем, однако, не встречается надобности ввиду получения мною сведений о текущих событиях из других источников. Сверх того мне казалось бы необходимым указание г. Введенскому, буде он сохранит за собой должности Областного Комиссара и Председателя Бухарской Продовольственной Управы, что права прямых сношений с Бухарским Правительством, а тем паче Эмиром, он по первой должности не имеет, по второй же, ввиду тесной связи продовольственного дела русских поселений в Бухаре с Ханством, пользуется правом непосредственных сношений с Кушбеги при условии держания в курсе таковых Резидентства».⁵

Однако новый председатель Турккомитета В.П. Наливкин в телеграмме министру иностранных дел, от 8 сентября, указывает, что «в устранение происходящих в Новой Бухаре нежелательных осложнений полагал бы желательным Чиркина отозвать в Ташкент, а исполнение обязанностей резидента временно возложить на [бывшего] управляющего канцелярией генерал-губернатора действительного статского советника Ефремова», причем присовокупляет к этому свою «убедительную просьбу оставить Введенского в Резидентстве». Но уже 12 сентября Терещенко уведомляет Ново-Бухарский Совдеп о том, что, поскольку «закон запрещает совместительство», МИД все же не считает допустимым сохранить за Введенским возможность исполнения сразу двух должностей, и поэтому новым резидентом назначен бывший член Турккомитета В.С. Елпатьевский. Впрочем, и в Новой, и в Старой Бухаре таким решением Петрограда явно недовольны. «Ввиду только что полученного извещения о назначении Российским Резидентом в Бухаре Елпатьевского, — обращается 18 сен-

тября к Терещенко сам Сеид Мир Алим-хан, Эмир Бухарский, — убедительно прошу Вас, господин Министр, об оставлении при Резидентстве Введенского, до настоящего времени принесшего столько пользы обоим дружественным народам, мне и моему правительству знанием и опытом, улаживающего мирно все неизбежные трудности переходного времени и пользующегося моим и моего народа доверием». Но, горячо рекомендуя эмиру «первого представителя в Бухаре обновленной России» Елпатьевского, «просвещенное сотрудничество» которого значительно-де облегчит Его Высочеству проведение возведенных им реформ, Терещенко заявляет, что «Введенскому предоставлена возможность, если он того пожелает, продолжать работать в Бухаре в качестве областного комиссара и заведывающего продовольственной частью; совмещение же этих обязанностей с работой в Резидентстве с точки зрения пользы дела совершенно недопустимо». И в тот же день, 20 сентября, товарищ министра Нератов уведомляет Чиркина о том, что «Введенский назначен в Коломбо», но недель на шесть может задержаться в Бухаре для сдачи дел.⁷

Телеграмма Нератова вызывает настоящий взрыв негодования среди жителей русских поселений, и, как сообщали «Бухарские ведомости», на заседании Областного Совдепа 22 сентября представители общественных организаций резко протестовали против распоряжения МИД отозвать из Бухары «такого ценного и незаменимого работника как Введенский, который пользуется симпатиями всех слоев населения». Негодуя по поводу того, что Терещенко, «ставя свои кабинетные распоряжения выше неотложных нужд населения», игнорирует единодушное пожелание общественных организаций, их представители и «объединенный» Совет солдатских и рабочих депутатов решили потребовать от Временного правительства однозначного предписания об оставлении Введенского на занимаемых им должностях и в Резидентстве, и в Продкомитете. Более того, правительству предъявлялся ультиматум: если распоряжение о переводе Введенского не будет отменено, то «местные общественные организации принуждены будут остановиться на более решительных мерах, одной из которых явится сложение полномочий всех членов комитета и управы и отказ делегировать новых кандидатов». Указанную телеграмму Керенский препровождает на распоряжение Терещенко, и тот, взбешенный ее тоном, 26 сентября предписывает Чиркину указать Совдепу на его недопустимое вмешательство в распоряжения МИД и вновь разъяснить, что никто не мешает Введенскому занимать должности областного комиссара и главы продкомитета, которые, однако, никак нельзя совместить с обязанностями по дипломатическому ведомству. «Таким образом, — подытоживал министр, — разрешение

вопроса о дальнейшем оставлении в Бухаре зависит лишь от самого Введенского, которому надлежит решить, где он полезнее для Республики и своих сограждан — на поприще административном или на консульской службе».

Но вслед за Совдепом к Керенскому и Терещенко повторно обращается глава Турккомитета Наливкин: «Из телеграммы Нератова на имя Резидентства узнал, что Введенский назначен в Коломбо. Положение русского населения Бухарского ханства, продовольственное дело и желание избежать постоянных конфликтов населения с Резидентством заставляют вновь настоятельно просить оставления Введенского при Резидентстве. В случае его ухода несомненно возникнут осложнения». Керкинский и Чарджуйский Совдепы также считают Введенского «незаменимым и весьма ценным в Резидентстве» и настаивают на оставлении его на дипломатической должности с правом исполнения обязанностей председателя продкомитета. Наконец, к единодушному хору защитников Введенского присоединяет свой голос и местный Торгово-промышленный союз, в резолюции которого, от 3 октября, переданной в столицу по телеграфу председателем его исполнительного комитета, управляющим Ново-Бухарским отделением Русского для внешней торговли банка Е.Г. Соловьевым, между прочим, говорится: «Работая по продовольственному делу с начала возникновения его еще при старом режиме и со времени переворота, Введенский, благодаря своей энергичной деятельности, сумел поставить продовольственное дело настолько высоко, что продовольственный кризис, носивший всюду и везде повальный характер, нам незнаком, и возникающие повсеместно в России, в частности в Туркестане, на почве продовольствия погромы и эксцессы, принимавшие порой особенно острый характер, у нас места не имели. Деятельность Введенского как областного комиссара и общественного деятеля явилась соединяющим звеном между цензовыми и демократическими группами, примиряющим их на почве реального понимания общественных задач. Этим именно объясняется та популярность, которой Введенский пользуется одинаково как в цензовых, так и в демократических слоях общества. Не менее ценна его деятельность как члена Резидентства, сумевшего в нынешнее, столь тяжелое для родины, время создать и поддерживать ровные отношения между бухарским и русским населением, не говоря уже о том огромном влиянии, которым Введенский пользуется при дворе Эмира Бухарского. А потому Торгово-промышленный союз находит, что уход Введенского из общественных организаций или оставление его в таковых, но с уходом из Резидентства, нанесет трудно поправимый ущерб той общественной спайке, которая создалась благодаря ему, и, в частности, продовольственному

делу, и убедительно просит оставить Введенского в Бухаре с сохранением должности по Резидентству и в общественных организациях».⁸

Прибывший в Бухару 30 сентября новый резидент Елпатьевский в отправленном четыре дня спустя личном письме Некрасову с пометкой «совершенно конфиденциально», подтверждал, что расхождение Введенского с остальными чиновниками Резидентства является установленным фактом: «При этом приходится признать, что популярность и влияние — на стороне Введенского как в Новой, так и в Старой Бухаре. Это объясняется тем, что Введенский является из состава Резидентства наиболее осведомленным в бухарских делах и языке. Вместе с тем он — очень деятельный человек и, в частности, в деле продовольствия сделал много, что и создало ему положение. Пользуясь своими личными связями в Старой Бухаре, он стремится отодвинуть Резидентство на второй план, стараясь по возможности проводить через себя лично не только дела продовольствия и Комиссариата, но и политические дела Резидентства. В этом ему помогает и малая связанность остальных чинов Резидентства с Бухарским правительством. С.В. Чиркин был в Резидентстве на положении человека временного — так на него и смотрели. К.С. Роздольский — всего четыре месяца в Бухаре, китаист и вовсе не знает местного языка. Умняков — полезный работник, но еще совсем молодой человек, без достаточного и жизненного и служебного опыта, чтобы заменить Введенского. При таком положении становится необходимым или признать официально фактическое положение Введенского и назначить его первым секретарем, с оставлением им остальных должностей, или без всякого отлагательства назначить первого секретаря, причем таковой должен быть человеком осведомленным в бухарских делах, обычаях и языке. Таким человеком мне представляется, кроме г. Шульги, возвращение которого сопряжено с известными затруднениями, приглашенный в качестве советника А.А. Семенов, хорошо знающий язык, литературу, а по прежней своей службе — и историю отношений с Бухарой».

По поводу же общей ситуации в ханстве Елпатьевский, описывая впечатления от своего первого официального визита в Старую Бухару, извещал 4 октября Нератова, что «события в России, в частности — продовольственная разруха и такие проявления дезорганизованности как ташкентский захват власти [организация 12 сентября самочинного Ревкома из представителей левых эсеров, большевиков, анархистов и социал-демократов интернационалистов, отстранившего от должности командующего войсками округа Л.Н. Черкеса — В.Г.] сильно тревожат и Эмира и сановников. По отзыву чинов Резидентства, включая гг. Чиркина и Введенского, у которых на многое различ-

ные точки зрения, положение в отношении реформ серьезно осложнилось ввиду значительного запоздания с ними. Настроение заметно ухудшилось по сравнению с весной, и консервативные круги населения, значительные вообще, теперь все более поднимают голову, почерпая опору в предполагаемой слабости России, в недисциплинированности войск, которую они видят собственными глазами, и в печальном, как они полагают, примере России, показывающем, как опасно чрезмерное реформаторство». Разложение войск подтверждали и произошедшие накануне кровавые столкновения в Термезе между русскими солдатами и местными торговцами, в числе которых оказались убитые и много раненых, в связи с чем Елпатьевскому в сопровождении Введенского и эмирского чиновника пришлось 4 октября выехать на место событий для ликвидации конфликта. Неудивительно, что, касаясь перспектив осуществления бухарских реформ в конфиденциальном письме Некрасову от 21 октября, резидент не скрывал своего глубокого пессимизма.

«При всем моем стремлении, — сокрушался Елпатьевский, — считаться с требованиями русского общественного мнения, которое вполне совпадает с моими личными пожеланиями, мне приходится, однако, настойчиво советовать не форсировать в настоящее время реформ в Бухаре. Обстоятельства в Бухаре складываются исключительно неблагоприятно. Под влиянием внутренних русских событий бухарцы утратили веру в твердость государственной власти и, в связи с падением международного престижа России и военной разрухой, у них нет прежнего страха перед русской военной мощью. С этим, очевидно, приходится считаться. Все русское в значительной степени потеряло престиж — и не только в Бухаре, но и среди туземцев Туркестана вообще. В некоторых местах Туркестана, особенно в Фергане, ведется прямая агитация за изгнание русских из края. В Самаркандской Городской Думе было официально заявлено мусульманами, что если солдаты и „товарищи“ позволят себе впредь какие-нибудь насилия над туземцами — вроде продовольственных обысков, имевших место, то мусульмане дадут им „вооруженный отпор“. Подобное же заявление было сделано и ташкентскими туземцами. Характерна в этом отношении и резолюция земледельцев... По многим отзывам, сейчас в крае идет как самостоятельная агитация отдельных мусульманских групп, так и агитация, руководимая нашими военными врагами. Последнюю турецкую прокламацию сообщил телеграммой № 7718. И население не остается глухим к антирусской агитации. Но, пожалуй, больше всякой агитации повредил русскому делу военный мятеж в Ташкенте и выбор командного состава вроде Перфильева в качестве командующего войсками. Прапорщик Перфильев ездил в

туземную часть Ташкента показать населению в качестве командующего, но встретил очень презрительное отношение, и туземцы окрестили его таким неприличным словом, которое нельзя повторить в официальной бумаге.

К этому нужно добавить, что недостаток и дороговизна продуктов, при повышенной требовательности русского населения по отношению к туземцам, создают постоянную почву для конфликтов. А при распушенности солдат эти конфликты каждую минуту могут принять форму кровавых событий, как это было в Термезе. И хотя термезские события по внешности ликвидированы удовлетворительно при моем личном участии и содействии Бека, но теперь из поступающих секретных сведений видно, что термезское кровопролитие значительно ухудшило отношение бухарцев к русским в ближайших бекствах и даже перенеслось в Афганистан; в Мазари-Шарифе состоялось специальное по этому поводу совещание при участии германского и турецкого офицеров и выпущены прокламации под заглавием „Братья мусульмане в опасности“. Прокламация обещает бухарцам защиту, если повторится нападение на них со стороны русских. При этом нужно иметь в виду, что русские войска в Туркестане, за исключением казаков, далеко не могут похвалиться дисциплинированностью и, хотя признают Временное правительство, но лишь постольку, поскольку те или другие приказания соответствуют решениям той или другой военной части или Совета. Генералу Коровиченко, Генеральному Комиссару [Временного правительства по управлению Туркестанским краем], далеко еще не удалось установить твердого порядка ни в гор. Ташкенте, ни в войсках, ни в крае и, когда удастся этого достигнуть, еще совсем неясно. Эту нетвердость положения правительственной власти отлично учитывают и бухарцы.

Огромное большинство бухарцев искренне боится реформ как по соображениям религии и косности, так и потому, что пример русской разрухи как бы подтверждает гибельность всяких новшеств. Эмир сейчас очень напуган событиями в России (в частности, председателем Ташкентского Революционного Комитета оказался тот самый Черневский, который в апреле призывал в Бухаре к низложению Эмира) и находится под влиянием придворной консервативной партии, которая всецело поддерживает теперешнего Кушбеги — несомненного противника реформ. Лично Эмир больше всего жаждет покоя и, мне думается, не стал бы противодействовать умеренным реформам, если бы был уверен в их спокойном осуществлении. А сейчас можно быть уверенным как раз в обратном. Реформы встречают организованное противодействие сильных консервативных кругов, младобухарцы совсем ничтожны и по числу, и по влиянию и даже те

купеческие круги, которые весной как будто сочувствовали обновлению, теперь охладели к реформам. Таким образом, Эмир может проводить сейчас реформы, только опираясь на русскую силу (это признали в разговоре со мной и младобухарцы). А в этой то силе и не уверен Эмир. Вместе с тем я думаю, что выступать сейчас Русскому Правительству с насильственным навязыванием реформ, вопреки желанию, если не всего народа, то всех влиятельных его слоев, было бы очень рискованно, потому что это может вызвать, при умелой агитации мулл и реакционеров, широкое народное антирусское движение, что при изложенном выше положении края грозит серьезными опасностями. Свои соображения о приостановлении реформ в Бухаре я изложил в заседании Туркестанского Комитета Временного правительства при участии генерала Коровиченко, и Комитет единогласно разделил мою точку зрения. Крайнюю осторожность по отношению к Бухаре в настоящее время рекомендовал и член Туркестанского Комитета Чокаев — председатель Туркестанского Краевого Совета прогрессивных мусульман, который прежде был сторонником энергичного проведения реформ. Что касается советников, то вторая же беседа с Эмиром убедила меня, что Эмир, соглашаясь на ассигнование денег для советников, страшно боится не только какой-либо их активной работы, но даже официальное проживание в Бухаре в качестве советников, по мнению Эмира, может вызвать серьезные осложнения. Так что приезд сейчас советников, по-моему, не дал бы ничего, кроме опасного и враждебного возбуждения. Действительная работа советников сейчас, пока не исправится положение в России, невозможна».⁹

Увы, положение не исправилось: свержение Временного правительства и произошедшие весной 1918 г. кровавые события в Бухаре надолго похоронили всякие надежды на проведение там либеральных реформ...

Несмотря на внешне корректные отношения между Резидентством и областным комиссаром, Елпатьевский, ссылаясь на совершенно достоверные источники, докладывает 22 октября Некрасову о том, что Введенский якобы уже «давно состоит негласным сотрудником фирмы Стахеевых, ее посредником в сношениях с Эмиром, привлеченным Введенским к участию в делах фирмы».¹⁰ Так ли это на самом деле или недоброжелатели пытаются оговорить Введенского, Елпатьевскому уже не удастся выяснить в связи с большевистским переворотом.

11. ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Свержение российского Временного правительства предопределило и разгон его комиссариата в Бухаре. Но у «законника» Введенского, как недовольно сетовал Преображенский, оказалась «очень сильна закваска старого чиновника, и при всех личных способностях, в которых ему нельзя отказать, он не обнаружил гибкости в том смысле, чтобы всей душой принять новый строй со всеми его последствиями, когда во главу угла должна стать не мертвая буква закона...» Проявив «поразительное упрямство», Введенский заявил протест по поводу намерения лишить его прав комиссара и встал на путь саботажа: распустил служащих, заплатив им жалование за четыре месяца вперед, и, несмотря на свое обещание ходатайствовать перед эмиром об оставлении помещения, обстановки и финансовых средств комиссариата за Областным Совдепом, «не успели мы с ним расстаться, — негодовал Преображенский, — как уже приехали чиновники бухарского правительства, которых вызвал, конечно, Введенский, чтобы все принять от него».¹ Поскольку же областной комиссар еще и апеллирует к демократии русских поселений и, циркулярной телеграммой от 27 ноября, приглашает их делегатов прибыть на съезд в Новую Бухару, ибо в условиях произвола не может более оставаться на своем посту, новоиспеченный Ревком, не долго думая, арестовывает саботажника и под конвоем высылает его в Ташкент. Одновременно, писал Гальперин, принимаются все меры к тому, чтобы опорочить имя человека, «вся деятельность которого в Бухаре и ханстве проходит на глазах у населения, вызывая чувства самой горячей признательности за умелую постановку продовольственного дела»: несмотря на окончательное прекращение подвоза хлеба из России, поселения «не испытывали не только голода, но и продовольственного затруднения вообще в то время, когда край голодал и когда в Фергане, например, перешли на рацион в одну четверть фунта хлеба в день».²

Но и ревкомовцы, и члены учрежденного в начале декабря 1917 г. Совета народных комиссаров русских поселений считают Введенского противником новой власти и приписывают ему тайное контрреволюционное влияние на эмира, который, действительно, упорно игнорирует советских правителей, считая их лишь самозванными временщиками. Эмир упрямо отказывает в аудиенции и утвержденной туркестанским Совнаркомом «Коллегии по Бухарским делам» в составе М.А. Преображенского, В.П. Уткина и Б.М. Баржанова: именно им поручено заменить старорежимных дипломатов и овладеть Резидентством, управление которым оставивший свой пост Елпатьевс-

кий уже 6 декабря сдал Роздольскому. «Вся работа по сношению с Бухарой, — отмечал Преображенский, — в общем сводилась к канцелярской переписке, и даже здесь бухарское правительство было мелочно: адресовало ее не Коллегии, а Резидентству, в котором еще жил старый душок в лице трех чиновников — Роздольского, Умнякова и Семенова». В свою очередь Введенский пояснял, что после отъезда Елпатьевского из Бухары, «когда вступила в управление делами политического характера выборная коллегия из трех лиц Каганского Совдепа, заменившая Резидентство, эмир, привыкший следовать указаниям резидентов, как представителей центральной власти и Петрограда, растерялся. Коллегия не могла заменить резидента: у ее членов не было абсолютно никаких знаний ни языка, ни страны. Эмир и Коллегия не понимали друг друга...» В то же время воинственные лозунги Советской власти пугают эмирское правительство, и, чувствуя надвигающуюся опасность, но совершенно не имея сил противостоять ей, Бухара, по определению Гальперина, «вся уходит в себя, напоминая собой человека, который закрыл лицо и уши, дабы не видеть и не слышать о том, что совершается вокруг».

Преображенский и его товарищи рассчитывают, что устранение областного комиссара заставит эмира считаться с ними, но съехавшиеся на продовольственный съезд делегаты поселений выражают категорический протест в связи с насильственным «изъятием таких общественных деятелей как Введенский». Хотя на заседании съезда 12 декабря член Ревкома большевик Уткин, в прошлом — товарищ председателя профсоюза банковских служащих, уверяет делегатов, что экс-комиссар свергнутого правительства арестован «как вредный политический деятель, принадлежащий к партии кадетов», по личному распоряжению предсовнаркома Туркестанского края Ф.И. Колесова, уже на следующий день докладчика уличают во лжи оглашением телеграммы Введенского из Ташкента: «Просите Городецкого [член исполкома Областного Совета и председатель проходившего в начале декабря съезда совдепов русских поселений — В.Г.] выслать скорее Колесову обвинительный материал по моему аресту. Неполучение материала задерживает обратное возвращение. Не откажите». Тогда находчивый Уткин объясняет, что Введенский арестован «за вредную политическую деятельность в области сношений с бухарским правительством», в преследовании которым младобухарцев ему приписывается активная роль. Правда, обвинительный материал «еще не собран и будет разработан в полной мере лишь после аудиенции у Эмира Бухарского, которая 13 декабря по техническим причинам состояться не могла». В итоге съезд командирует в Ташкент делегацию в составе двух представителей от Новой Бухары — Галь-

перина и Давыдова, Керков — солдата Золотарева, Термеза — солдата Шекина и Чарджуя — Петрова, которых 15 декабря принимает краевой комиссар труда П.Г. Полторацкий, заявляющий им, что «гражданин Введенский может быть доставлен в Новую Бухару, если этого потребует Ревком или Областной Совет». Неудовлетворенные таким ответом, делегаты вызывают самого Колесова — бывшего железнодорожного конторщика, оказавшегося, по воле случая, вершителем судеб многомиллионного туркестанского населения, — который подтверждает, что «гражданин Введенский арестован им, но что он ...совершенно свободен!»³

Кстати, позже Введенский будет всячески подчеркивать своеобразие первого ареста, о котором расскажет и на «персональной чистке», устроенной ему в марте 1931 г. в Госплане Узбекской ССР, где он тогда работал: «Меня посадили в вагон и увезли в Ташкент, привезли в Белый дом и поместили в специальной комнате (между комнатой тов. Колесова с одной стороны и [военного комиссара] Перфильева с другой) и я в этом положении провел два дня. В то время тов. Колесов был болен. На третий день, когда здоровье его улучшилось, он меня вызывает к себе, усаживает и прямо заявляет: „Я не надеялся, что Вы добровольно приедете ко мне в Ташкент и потому прибегнул к такому способу. Я Вас вызвал для одной важной комиссии“. Я спросил: „Чем могу служить?“ Он ответил, что хочет знать мое мнение относительно некоторых вопросов. Он получил сведения из Бухары от младобухарской партии, и она настаивает на том, чтобы произвести революцию в Бухаре, что уже настало время низвергнуть бухарского эмира и установить тот строй, который установился в Туркестане — в Туркеспублике, причем он предупредил меня, что просит высказать мое чистосердечное мнение по этому вопросу, так как я хорошо знаю Бухару. Я на это ему ответил, что... младобухарская партия представляет еще очень маленький островок, опираться на который преждевременно. Он мне задал вопрос: „Почему?“ Я ответил: „Потому, что восемнадцать или семнадцать членов младобухарской партии сами произвести сейчас революцию не смогут. Нужны большие силы для того, чтобы расшибить этот одряхлевший организм. Для того, чтобы он пал, нужна большая работа“».

Хотя Колесов недоверчиво заметил, что располагает иными сведениями, после состоявшейся беседы он как будто не возражал против освобождения арестованного и возвращения его в Новую Бухару, чему напротив всячески сопротивлялись местные ревкомовцы. Поскольку же 16 декабря в Ташкент, наконец, доставляют написанный Преображенским «объемистый и проверенный» обличительный «Материал по делу гр. Введенского», приехавших за ним делегатов про-

сят дожидаться рассмотрения вопроса в Совнарком. Но даже самое поверхностное ознакомление с содержанием «компромата» заставляет Колесова и других комиссаров — левых эсеров Н.Ф. Баранкина, П.А. Домогатского, Ф.С. Котельникова и К.Я. Успенского — признать отсутствие каких-либо веских оснований для продолжения ареста. Между тем в своем докладе Преображенский писал, что Введенский, будучи по политическим убеждениям правым кадетом, а по характеру энергичным, работоспособным и властолюбивым человеком, сумел, как искусный политик, сосредоточить в своих руках громадную власть в Бухаре, являясь одновременно «и драгоманом Резидентства, и уполномоченным по продовольственному делу, и областным комиссаром, и управляющим фирмой Стахеева». Поэтому к его голосу «с трепетом» прислушивались эмирские сановники, и даже сам кушбеги слезно-де жаловался Преображенскому и Асфендиарову, что «хозяином» в Бухаре является Введенский. Клеймя его «ненавистником свободы», стоявшим всегда в оппозиции как к русским демократическим организациям, так и к младобухарцам, Преображенский гневно обличал Введенского в восстановлении в должности кази-каляна «палача бухарского народа» Бурхануддина, противодействии деятельности Совдепа и «вероломстве» при передаче тому власти, когда эмирское правительство «было старательно уверено, что ему грозит опасность со стороны ново-бухарских большевиков, которые хотят ограбить банки Старой Бухары». Искренне досадуя, что Введенский «сплотил капиталистов Бухары, мобилизовал всех своих сторонников и всех привыкших ползать и пресмыкаться пред капиталом», и даже «теперь еще есть обманутые и загнипнотизированные им в среде демократии, которые кричат о его пользе», автор обвинительного материала подытоживал его патетическим, но малоубедительным восклицанием о том, что «маска сорвана, и истинное лицо предателя и отъявленного контрреволюционера предстало перед демократией во всей ее наглости и циничности».⁴

Тем не менее Совнарком решил освободить Введенского, хотя и взял с него, по настоянию Полторацкого, подписку с клятвенным обещанием «никогда и ни при каких условиях не вмешиваться в политическую жизнь Бухары» и вообще в политику. После этого делегация увозит Введенского в Новую Бухару, однако исполком Областного Совдепа предлагает ему «убраться» оттуда в недельный срок, и высылки, как считал Гальперин, удалось избежать только потому, что новоявленные правители еще испытывали некоторую неловкость перед населением и раздумывали, не слишком ли зарвались. Но уже 30 декабря в ташкентской «Нашей газете» появилась злобная статейка «Гнездо хищников», в которой ее автор, тот же Преображенский,

не лишил себя удовольствия вдоволь поиздеваться над низвергнутым кумиром русских поселений. Заявляя, что укрывшиеся в Старой Бухаре русские капиталисты, лелея тщетную надежду во что бы то ни стало остановить докатившуюся до них волну революции и спасти свои богатства, сплотились вокруг пользующегося большим влиянием у эмира и его окружения «дельца» Введенского, Преображенский уничижительно писал о нем: «И после ареста Введенский просил только об одном — это оставить его в Бухаре. „Я буду заниматься только коммерческими делами“, — невинно говорил он. „Уйду от всякой общественной работы и не буду мешать демократическим организациям...“ И Совет Рабочих и Солдатских Депутатов внял слезной просьбе Введенского. Жаль. Человек пришел с повинной, плакал. Да, когда ставится на карту достояние, когда рушится главная цель — нажива, то капиталист пойдет на все! Поплакать? Извольте. „Я — глубоко верующий, даю клятвенное обещание во всем подчиняться Совету“... И это тронуло благородные сердца. Но на днях открывается Русский Бухарский банк, в организации которого деятельное участие принимает Введенский. Банк этот будет в г. Бухаре, и учредителями его являются все те же Стахеевы и эмир. Оторванные от тела русского народа пиявки начинают присасываться к телу другого народа». Увы, Введенский не мог ответить на лживые эскапады своего заклятого недруга...⁵

Вместе с тем на фоне всеобщей сумятицы и анархии, связанной со сменой власти в России, устранение Введенского отнюдь не способствует улучшению дела продовольственного снабжения в Бухарском ханстве, что усугубляется неурожаем, вызывающим острый голод в ряде бекств. «На востоке, — информировал ташкентцев новобухарский агроном И. Шумков, — в Дарвазе, хлеб и за деньги нельзя достать. Там, по сообщению очевидцев, жители питаются уже корнями дикорастущих растений. Население из-за нужды в хлебе насущном покидает селения и бежит, кто куда: много народу переселяется в Афганистан, где в этом году тоже был неурожаем, но зато есть запасы хлеба прежних лет, так как в Афганистане и пшеница и ячмень уже много лет к вывозу запрещены. Много народу бежит в города: так, в Старую Бухару приехало только 30 ноября семьсот человек мужчин, женщин и детей из Каршинского и соседних бекств. Население из оседлого превращается в бродячее в поисках хлеба и работы и, не находя их, вырезает и продает скот — рабочий и гулевой. Продает последний скарб и даже жен и детей. Число голодающих растет с каждым днем, и через несколько месяцев их будет половина ханства». Готовясь к самому худшему, продовольственный съезд в Новой Бухаре постановляет 24 декабря «не

отпускать за пределы области хлеб на сторону без разрешения съезда», что тут же вызывает очередной конфликт с соседями. Узнав, что бухарские продкомитетчики не допускают вывоза обещанных самаркандцам восьми вагонов с хлебом, тамошний Совдеп принимает 12 января жесткую резолюцию, предписывающую закрыть границу «и все железнодорожные грузы, направляющиеся в Бухару, задерживать на станции Самарканд..., а также весной не пропускать воду из реки Зеравшан в Бухару». В ответ новобухарцы заявляют, что Самаркандский Совдеп «становится на скользкий путь, и, если угроза будет приведена в исполнение, то это может встретить самый категорический отпор, так как брошенный вызов может считаться призывом к активной борьбе». На исходе запасы муки и у частей русской пограничной стражи, где для размола идет уже гречневая крупа, а хлеб выпекается из равной смеси гречихи и ржи, что вместе с продолжающимся разложением войск также не ведет к теплым отношениям с коренным населением, вызывая все новые и новые вооруженные стычки.⁶

«По приезде моем на станцию Каган, — рассказывал вернувшийся из Бухары исполняющий обязанности комиссара по землеводопользованию Туркестанского края А.Л. Гудович, — мне донесли, что в Керках солдаты пограничной стражи напали на туземный базар, разграбили несколько лавок и при перестрелке ранили несколько человек туземцев. Я немедленно распорядился составить специальный поезд и совместно с комиссаром иностранных дел Баржановым поехал в Керки. Мерами, принятыми Керкинским Советом солдатских и рабочих депутатов, виновники были арестованы и образована следственная комиссия. В туземной части города было сильное возбуждение. Приехав туда, я застал огромные толпы мусульман, бухарских подданных и персов, местных торговцев. При содействии бухарских властей мне удалось собрать многочисленный митинг, на котором я успокоил население, указав, что виновники грабежа будут преданы суду и местным Советом будут приняты срочные меры к предотвращению возможности подобных явлений в Керках. Подобное же заявление было мной сделано и местному беку». Хотя Гудович считал, что керкинское население «удовлетворено и успокоилось», кровавые события в Коканде — разгон возглавляемого М. Чокаевым туркестанского «автономистского» правительства, сопровождающийся ужасающим разгромом мусульманской части города и массовыми насилиями и грабежами, — окончательно приводят бухарцев в панику, и они уже везде и всюду говорят о близком нашествии большевиков, вина младобухарцев в возможных в будущем осложнениях с Россией.⁷

12. СОВЕТСКИЙ ПАРЛАМЕНТЕР

Заявляя в своей статье о намерении Советской власти защитить бухарский народ от «посягательств русских хищников», Преображенский прозрачно намекал, что «теплое гнездышко» контрреволюции в Старой Бухаре будет вскоре разворошено красногвардейским штыком. Он имел на это все основания, ибо накануне, приехав в Ташкент вместе с лидером младобухарцев Ф. Ходжаевым, уговорил опьяненного кокандской победой Колесова организовать совместное военное выступление против эмирского режима. Конечно, предсовнаркома не прислушался к предостережениям Введенского, который, как вспоминал сын Мансурова — Мирза Амин Мухитдинов, вернувшись из Ташкента, «поступил на службу в Торговый дом „Иван Стахеев“ и учредил „Русско-Бухарское Акционерное Общество“ между бухарским правительством и Стахеевым», где заведовал Каганским отделом и вообще был «во главе дела». Поскольку же жителей русских поселений объединяет надвигающаяся с каждым днем и уже всеми осязаемая опасность грядущих событий, созданный в Новой Бухаре съезд городских самоуправлений предупреждает «Коллегию по Бухарским делам», что ее военные приготовления не являются ни для кого секретом. «Каковы бы ни были ваши побуждения, — предостерегает съезд, — имейте в виду, что мы находимся на вулкане, и малейшая ошибка с вашей стороны повлечет за собой неисчислимые беды. Все результаты наших культурных приобретений, наше влияние и, наконец, наше государственное достояние погибнут в огне, которые Вы, по злой ли воле или по недомыслию, пытаетесь зажечь». Но приглашенный на съезд Преображенский не находит ничего лучшего как обвинить делегатов в «обывательской трусости»...

Направляясь в Закаспий и проезжая через пределы Бухары, Колесов 5 февраля из Кизил-Тепе начальнически телеграфирует эмиру: «Прошу пожаловать в Каган к шести часам петроградского времени». Столь необычная форма приглашения вызывает немедленную реакцию со стороны правительства ханства, которое всех солдат Старой Бухары (по оценке Гальперина, около двух батальонов сарбазов «времен Очакова и покорения Крыма») выставляет на пути к эмирской столице, прекращая доступ туда неизвестных лиц. Вернувшись 1 марта в Каган вместе с комиссаром Полторацким и небольшим красногвардейским отрядом, Колесов уже не ограничивается приглашением эмира на аудиенцию, а посылает ему два экземпляра составленного младобухарцами манифеста, высокомерно предлагая подписать их в течение двадцати четырех часов, по истечении кото-

рых, грозит он, «мы будем считать требования наши отвергнутыми и оставляем за собой свободу действий». Эмиру ультимативно предписывается распустить свое правительство и передать власть «Центральному Исполнительному Комитету младобухарской партии, которая объявляет свою диктатуру».¹ Но в ответном послании Сеид Мир Алим-хан привычно ссылается на темноту и фанатизм своего народа и, сетуя на то, что влиятельное духовенство воспротивится любым нововведениям младобухарцев, просит — по установившейся уже традиции! — согласиться с его обещанием постепенно удовлетворить все их требования. Конечно, горячий Колесов считает это недостаточным и приказывает начать военные действия, ибо, по словам Гальперина, вполне убежден младобухарцами и Преображенским, что «стоит лишь „нос показать“ около Бухары, как все пойдет по-писанному». Тогда же Преображенский назначен комендантом Новой Бухары, а Введенский, как отмечала его жена, «арестован вторично по подозрению в том, что сдал пятнадцать винтовок бухарцам», но четыре часа спустя нашли расписку, по которой оказалось, что винтовки наоборот сданы ему как областному комиссару — впрочем, уже бывшему!² Сам Введенский описывал этот инцидент так: «В день прихода Колесова с армией в Бухару младобухарская группа меня арестовала... Я полагаю, что, если бы не вмешательство т. Колесова, то меня могли и расстрелять. Обстановка ареста была удручающая. Стерегающий меня караул был вооружен и держал револьвер все время непосредственно против меня. В то время, по распоряжению младобухарской группы, было много расстреляно мулл и бухарских чиновников».

Однако, как и следовало ожидать, попытка овладеть «священной» Бухарой встретила ожесточенное сопротивление ее жителей, которые не только пассивно оборонялись, но и с самоотверженностью религиозных фанатиков бесстрашно штурмовали позиции красногвардейцев. «На пулеметы, — вспоминал Колесов, — лезли с кинжалами в зубах разъяренные бородатые фигуры, лезли и падали. Сзади лезли еще. Тоже падали. Перед пулеметом вырастала гряда живых и мертвых тел». Несмотря на первоначальный успех наступления и вынужденное принятие эмиром предъявленного ему ультиматума, уже вскоре победители и побежденные поменялись местами. Хотя Колесов отвел свои войска в Каган, члены отправившейся в Старую Бухару советской делегации во главе с Уткиным были растерзаны толпой фанатиков, которых духовенство легко подняло на борьбу с неверными. «Я слышал, — показывал Введенский на допросе в ОГПУ 8 декабря 1931 г., — что делегация эта была убита бухарскими чиновниками. Почему она была убита? Со слов Абрама Яковлевича Галь-

перина, живущего теперь в Сталинабаде, а в то время бывшего городским головой Новой Бухары, я отвечаю: делегацию не захотел принять эмир, делегация нарушила существовавшие правила приема ко двору. Мое личное мнение, что Гальперин прав».³

Попытка завоевать Бухару вызвала стихийный, невероятный по силе, взрыв патриотизма, религиозной исступленности и ненависти к «изменникам»-джадидам, продавшим родину «неверным», — тем более, что, как свидетельствовал Гальперин, посещая близлежащие кишлаки, колесовская армия «нещадно грабит население, убивает стариков, насилует женщин. Аксакалы семи ближайших кишлаков, видя, что от Старой Бухары они отрезаны, решаются обратиться к „большому господину“ (Колесову) с просьбой отдать приказ своим солдатам не грабить их кишлаки. Не успели они появиться на вокзале, как их прикладами начали избивать и в полумертвом состоянии, как шпионов, отправили к коменданту (Преображенскому). Там их в упор расстреляли. Стреляли с расстояния трех-четырёх шагов и выпустили около сорока пуль. Трупы, еще с признаками жизни, навалили на арбу и отправили за город». С 3 по 5 марта колесовский отряд при поддержке мобилизованных рабочих Новой Бухары и Эмирабада с трудом сдерживает ожесточенные атаки все прибывающих и прибывающих защитников эмирской столицы, но взятые с собой запасы снарядов и патронов стремительно тают, а жители кишлаков, вручную разобрав железнодорожное полотно, отрезают красногвардейцев от Чарджуя и Самарканда. Желая остановить кровопролитие и спасти от резни русское население ханства, тогдашний заместитель городского головы Новой Бухары А.Я. Гальперин и товарищ председателя ее городской думы присяжный поверенный А.В. Новгородский уговаривают почетного мирового судью мусульманина Мир-Хайдара Ходжа Мирбадалева, бывшего начальника эмирской канцелярии при Политическом агентстве, взять на себя инициативу по прекращению военных действий. С сообщением об этом Гальперин и Новгородский едут к Колесову, но он не принимает их: идет заседание военного совета.⁴

Второй раз в ставку отправляется один Новгородский, которому удастся добиться согласия Колесова на поездку Мирбадалева, но тот готов стать парламентаром лишь при условии, если вместе с ним пошлют кого-либо из русских. По вопросу о втором делегате идут долгие споры, так как все названные Мирбадалевым кандидаты, в том числе бывший управляющий Политическим агентством И.И. Решетов и инженер И.Р. Сакович, категорически отказываются ехать в Старую Бухару, и только Введенского, несмотря на его подписку об отказе от политической деятельности, «заставляют», по выражению Гальперина, взять на себя эту работу. «Я был вызван, — пояснял Вве-

денский, — мне предложили ехать, и я должен был ехать, чтобы спасти свою семью...» Во время обсуждения его участия в мирных переговорах с эмиром в квартиру Мирбадалева буквально врывается Городецкий, который, узнав о желании парламентаров получить гарантии Колесова о снятии с них ответственности за возможную неудачу дипломатической миссии, взрывается: «О каких гарантиях для себя вы говорите? Разве вы не видите нашего положения? Теперь одна задача — спасайте!» Датированный 6 декабря мандат недавнего арестанта гласил: «Дан сей гражданину Российской Республики Павлу Петровичу Введенскому в том, что он уполномочен председателем Совета народных комиссаров и комиссаром по иностранным делам Федором Ивановичем Колесовым для ведения мирных переговоров с Бухарским правительством, что подписью и приложением печати удостоверяется». Хотя Ходжаев впоследствии утверждал, что, опасаясь вероломства эмира, Колесов специально-де назначил в мирную делегацию «не своих людей, а старых чиновников царского правительства», на самом деле именно эти два человека, пользовавшиеся доверием и уважением Сеид Алим-хана, только и могли спасти жизни самого предсовнаркома, его красногвардейцев и вообще всех русских жителей ханства, ибо, как и предупреждал Введенский, озлобленные бухарцы вымещают свой гнев уже не только на джадидах, но и на ни в чем неповинном европейском населении. «Толпа, — отмечал Ходжаев, — начала громить поселки мелких станций и убивать всех иноверцев, даже десятки лет живших в Бухаре. Число этих жертв, точно не установленное, было очень велико, во всяком случае, не менее 1500–1600 человек». Как пояснял современник, военные действия колесовского отряда и «то, что ранее русские солдаты „охотились“ на бухарских жителей, пристреливая их из простого любопытства, настолько озлобили бухарцев, что последние вырезали целые русские поселения».⁵

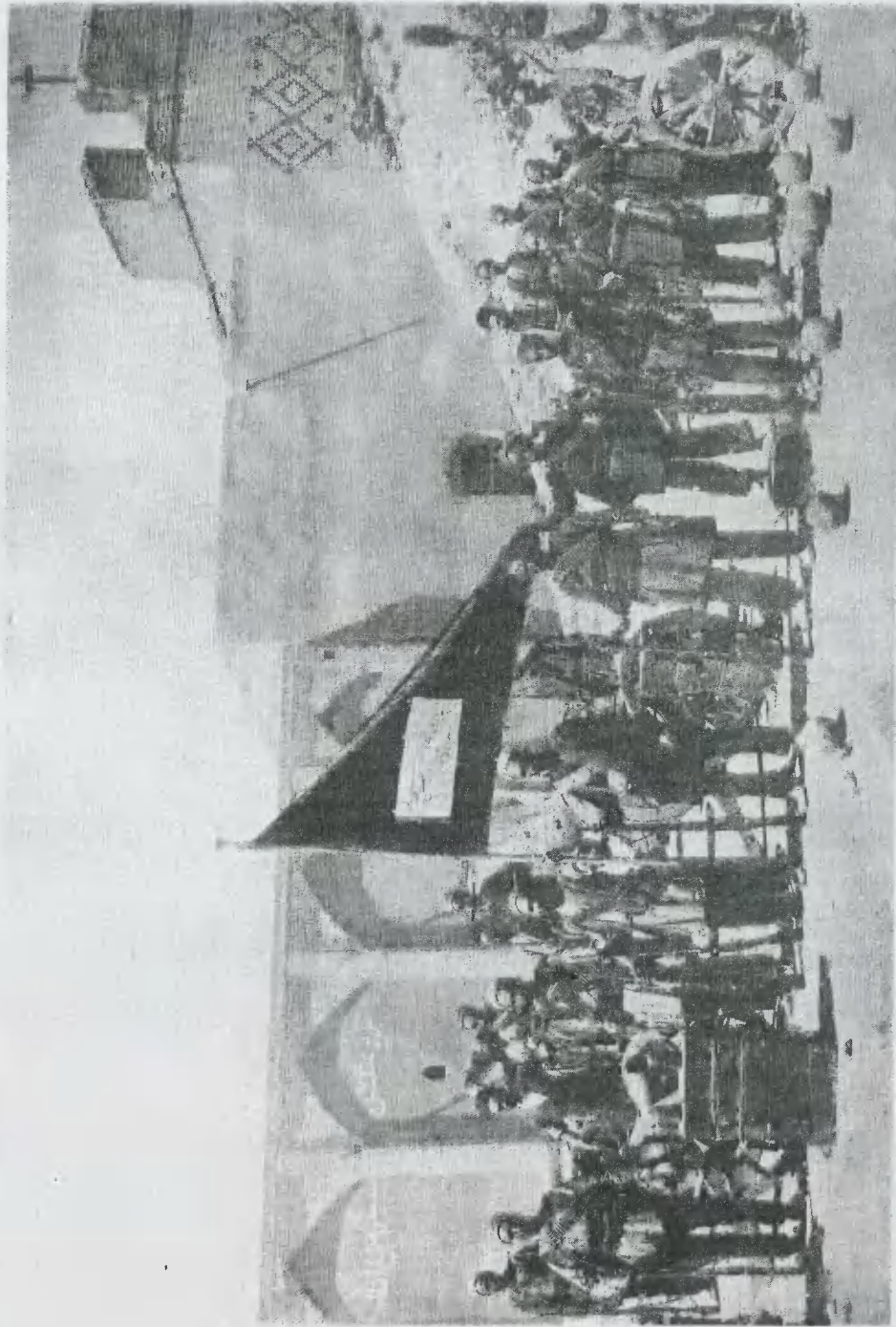
Одними из первых приняли на себя удар посты русской пограничной стражи, еще охранявшей границу с Афганистаном: некоторым из них удалось пробиться в осажденные бухарцами русские крепости в Термезе и Керки, другие переправились на афганскую территорию, а третьи наивно поверили, что их может спасти только добровольное разоружение. «Келифский отряд, — докладывал 6 апреля командир 1-го отдела 3-й Аму-Дарьинской пограничной бригады, — успели собрать на посту Келиф, но после выдачи оружия узбекам все погибли, в том числе и командир отряда Кравц. О 4-м отделе точных сведений нет; говорят, что по сдаче оружия все были вырезаны в Кулябе или на местах. Женщин, как в Келифе, так и в других местах, поразбирали туземцы. Чиновники Келифской таможни спасались тем, что

приняли мусульманство, равно как и жены их и г-жа Кравц, вышедшая тут же замуж за чиновника, дабы не попасть в руки узбеков».⁶ О происходивших тогда кровавых ужасах рассказывал и Гальперин, по словам которого из оставшихся в Старой Бухаре русских уцелели лишь те, кто смог добраться до Арка, хотя и там некоторых «прикончили прежде, чем власть узнала о них», или успел укрыться в городской больнице, а, например, около полусотни человек, пытавшихся спрятаться в помещении милиции, были безжалостно вырезаны. Грабежи, поджоги, насилия и убийства происходили и в Термезе, где все, находившиеся вне крепости, русские попали в плен, из которого уже мало кто освободился. Крепость в Керках тоже оказалась в осаде вооруженных туркмен, которые разграбили европейскую часть поселения, разорили христианское кладбище и разрушили вокруг железную дорогу. Бухарцы разгромили и все промежуточные станции между Керками, Термезом и Карши. В то самое время, когда русские жители уверяли каршинского бека, что Россия вовсе не собирается воевать с Бухарой, до их слуха донесся гул орудийных выстрелов, произведенных из приближавшегося к городу военного эшелона, после чего, как с горечью замечал Гальперин, «несчастные жертвы долго не мучились: они все приняли мученический венец». Не уцелел и ни один из служащих железнодорожной ветки Карши-Китаб протяженностью в 115 километров, а их жены и дети, как оправдывался позже местный бек, были все «разобраны сартами».⁷

Но, во имя объективности, нельзя не отметить, что и вторгшаяся в пределы Бухарского ханства солдатская вольница вела себя не менее кроважно, о чем свидетельствует рассказ некоего К. Студетова об увиденном им в ходе эвакуации русского населения станции Кермине, которое, пережив в ночь на 4 марта нападение конных сартов, было вывезено оттуда вовремя подоспевшим отрядом левого эсера М.И. Мураева. Первое «грехопадение» красногвардейцев совершилось еще в Кермине, где они реквизировали все, что только смогли, из дворца эмира, а далее, повествовал очевидец, «начались грабежи, разбой и грубое издевательство над мирными жителями. Путь от Кермине до Зиадина был Голгофой, на которой раздирались на части и поганились души людей, еще не совсем потерявших честь и совесть... На глазах ошеломленных граждан Кермине красногвардейцы, помещавшиеся на блиндированных платформах поезда, расстреляли сарта-пахаря, понукавшего своих кормильцев-быков. Бедняга до последней минуты, также как и его быки, недоумевающе смотрел на то, как десятки людей шлют ему смерть. Наконец, его сразила пуля... Не успело забыться это кровавое преступление, как совершилось новое, заставившее радостно гоготать красноармейцев. Вдали от

П.П. Введенский. (Фото из следственного дела. 1938 г.)

Тавризские феодалы. На знамени надпись: «Да здравствует конституция!» (1908 г.)

Вожак тавризских феодалов Саттар-хан (в центре) в окружении соратников. (1908 г.)

Повстанцы у здания телеграфной конторы в Тавризе. (1908 г.)

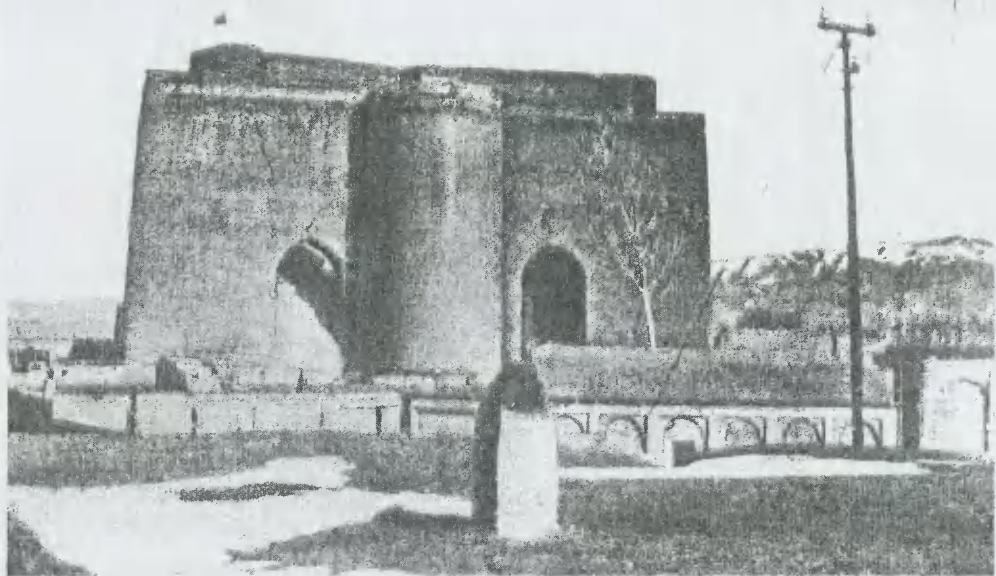
Группа тавризских федаев. (1908 г.)

Прибытие в Тавриз русских войск. (1909 г.)

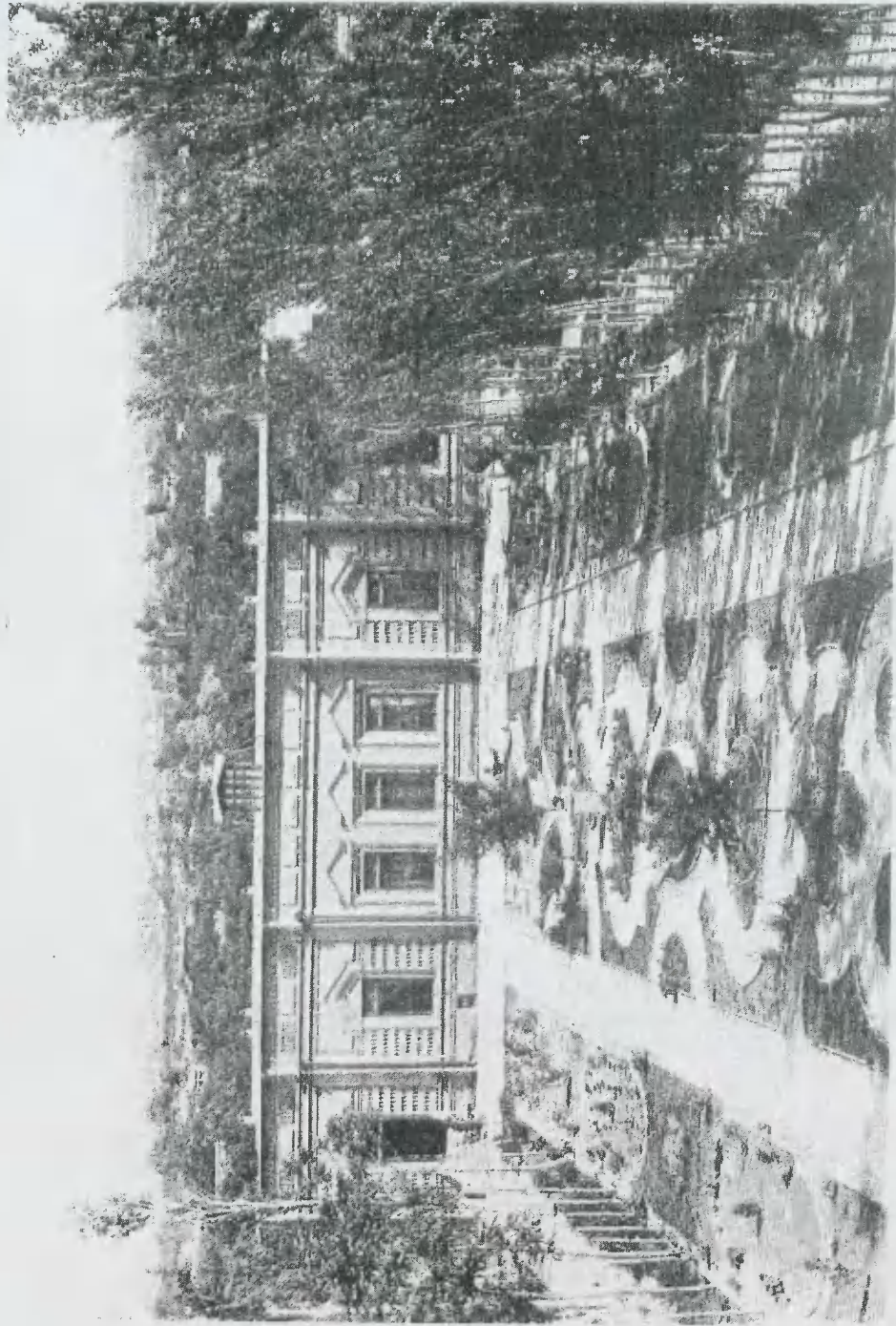
Мохаммед-Али шах и его юный наследник Султан-Ахмед.

Таврицкая цитадель, взорванная русскими войсками. (Декабрь 1911 г.)

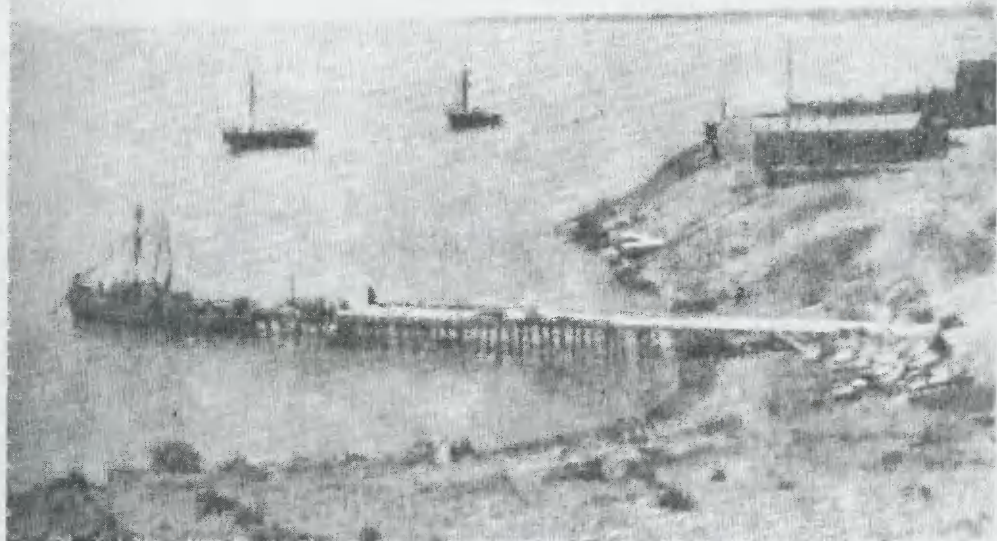
Дом секретаря и начальника конвоя генерального консульства. (1913 г.)

Новое здание генерального консульства в Тавризе. (1913 г.)

В день коронации шаха у дома губернатора Урмии. В центре — губернатор Этимад-уд-Доуле и вице-консул П. П. Введенский, третий справа — нештатный драгоман вице-консульства П. Эллов. (8 июля 1914 г.)

Озеро Урмия. (1915 г.)

На базаре Урмии. (1915 г.)

Кавказский наместник граф
И.И. Воронцов-Дашков. (1915 г.)

Морской министр и один из лидеров
младотурок Джемаль-паша. (1915 г.)

На Кавказском фронте: 1) Экзарх Грузии Питирим, 2) Генерал-лейтенант
Н.Н. Баратов, 3) Генерал-майор Н.Н. Воропанов. (1915 г.)

Курдский вождь Симко (в центре) и его братья (1914 г.)

Вооруженные курды. (1915 г.)

Типы мирных курдов. (1915 г.)

Курдское селение. (1915 г.)

Старая Бухара. Регистан.

Сеид Абдал-Ахад. (1887 г.)

Будущий эмир в Николаевском кадетском училище. (1893 г.)

Бухарский эмир Сеид Абдал-Ахад с наследником престола и свитой
в Зимнем дворце. (Санкт-Петербург, 1893 г.)

Сеид Мир Алим-хан. (1911 г.)

Митинг в Ташкенте в день открытия 5-го краевого съезда Советов.
На машине — председатель Совнаркома Ф.И. Колесов. (20 апреля 1918 г.)

Ж
Л
П
с
П
о
г
э
Н
р
б
Е
н
о
в
л
к
г
б
к
у
м
н
д
Г
В
с
о
у
к
д

железнодорожного полотна показался сарт с ослом, нагруженным колючками. Очевидно, он возвращался с гор и не ведал о происходящем. Поезд с красногвардейцами остановился, и какой-то „доброволец“ смело направился к старику-погонщику, ничего не подозревавшему. Приблизившись, красногвардеец нанес старику два удара штыком и, отерев с него кровь, вернулся. Агония старика, упавшего и пытавшегося встать, вызвала в зрителях-красногвардейцах взрыв бурного восторга и разного рода замечания, вроде: „прыгает, собака“ и т. д. Едва эшелон дошел до Зиадина как началась какая-то вакханалия грабежа. Не разбирали уже, кому принадлежит имущество — туземцам или русским. „Реквизировали“ (слово, придающее грабежу законность) буквально все без разбору, но больше просто портили и уничтожали. В короткое время все магазины оказались разбитыми и разграбленными. Та же участь постигла и дома обывателей. Когда станция была ограблена дочиста, банды грабителей начали отправляться на „разведку“ в окрестные кишлаки. Деятельность разведчиков ограничивалась тем, что они грабили беспощадно в домах, оставленных в паническом страхе сартами, бежавшими в горы. Густо населенные кишлаки превратились в пустыню, наполненную ревом умирающего с голоду беспризорного скота. Ночью зарево пожаров от домов, подожженных красногвардейцами, освещало страшную картину разрушения... Жутким кошмаром веяло от распухших трупов убитых у своих домов туземцев, не успевших уйти вместе со своими. Даже эти трупы невинных ни в чем людей не останавливали убийц перед насилием — даже над старухами».⁸

При отъезде в Старую Бухару парламентарам Введенскому и Мирбадалеву вручается адресованное эмиру послание Колесова, выражающего желание прекратить военные действия, ибо выяснилось, что «с младобухарцами совершенно нет широких масс», и соответственно «жертвы, которые сейчас приносятся, теряют свою логику и смысл». Однако первая попытка связаться с эмиром кончается неудачей, так как бухарские власти умышленно не пропускают парламентаров, не зная, видимо, еще о том, что вызванные на помощь Колесову советские отряды «вдребезги разнесли» старый Чарджуй и сожгли Каракуль, где на железнодорожной станции обнаружили 43 изуродованных трупа местных русских жителей. «Мы простояли ночь в двух верстах [от Кагана], так как дальше двигаться было невозможно, — рассказывал Введенский в 1931 г. — Войска, собранные по зову эмира, нападали на население и на нас. За ночь пережили четыре атаки. На следующий день я решил вызвать разведчика со стороны эмира (по поручению Колесова) для переговоров. Посланный мной погиб в полутора верстах, был разорван в клочки. Погибло и мое письмо. На

следующий день со стороны Бухары началось наступление, и мы были вынуждены вернуться в Каган. Тов. Колесов попал в ловушку, нужно было пробиваться. Я снова двинулся, на этот раз — ползком, на то место, где был... Колесов выпустил из-под ареста бальджанского кази, и этот седобородый старик дал возможность передать эмиру письмо, в котором было обращение к эмиру обуздать банды и [разрешить] пробраться к нему для переговоров. За мной и Мирбадалевым приехал экипаж, и мы выехали в Бухару. Здесь нас встретили бухарские власти. Я предъявил свой мандат, дающий мне право на заключение мира на основаниях, предложенных Колесовым. Но, желая, по-видимому, оттянуть время, окружающие эмира чиновники не допускали меня к эмиру с двух часов дня до одиннадцати часов ночи».

Поскольку же наэлектризованная духовенством толпа была уже готова разорвать советских парламентариев, а эмир отнюдь не желал им гибели, сознавая, что «нужно как-нибудь остановить разбушевавшуюся стихию», Введенского и Мирбадалева поспешили вывезти из столицы и окружным путем доставить в Каган. «Мы сами, — вспоминал Введенский, — еле выбрались из этой каши приблизительно часов около 11 ночи, потому что толпа, которая нас тогда окружала, она была страшна именно тем, что фанатики-муллы постоянно натравливали народ». Объявив, что все младобухарцы подлежат смертной казни, духовенство спровоцировало кровавую волну самосудов, превратив Регистан, по определению Амина Мужитдинова, в место «бойни» людей, причем родственникам казненных не разрешали носить траур и по подозрению в сочувствии к джадидам был зверски убит даже экс-кушбеги Мирза Насрулла Бий.. Хотя общение парламентариев с представителями эмира завершилось обещанием дать его ответ «завтра», Колесов, не надеясь на положительный результат, торопится отдать команду об эвакуации Новой Бухары, и уже в десять часов вечера всех ее жителей приглашают срочно грузиться в вагоны. Охватившая население паника была столь велика, что даже Мирбадалев, не будучи уверенным в благоприятном исходе мирных переговоров, отправляет свою семью с Колесовым. Но, поскольку из города не желают или не могут уехать еще почти четыре с половиной тысячи жителей, в числе которых старики, женщины с детьми и больные, штаб охраны Новой Бухары во главе с Гальпериным пытается собрать их в здании местного отделения Госбанка, превращенного в некое подобие крепости. Поэтому пока одни горожане спешат на железнодорожную станцию, другие несут свои пожитки в банк, во дворе и помещениях которого толпятся сотни и сотни испуганных людей, надеющихся спасти себя и своих близких за его крепкими стенами.

Задействовав все триста имевшихся в Кагане и Эмирабаде вагонов, отряд Колесова уезжает, в мстительном бессилии предавая огню окрестные кишлаки, после чего в Новую Бухару вступает сотня бухарских казаков. «На следующий день, — вспоминал Гальперин, — наукаеры осаждают банк, требуя выдачи им джадидов. В банке никого из них не было. Оставшиеся в городе Мирза Шамс Шарафов и сын его Мирза Махди были убиты. Уступая силе, [члены штаба] решают впустить в банк двух человек для осмотра беженцев. В результате из банка уводят трех бухарских евреев: Якуба Юнусова, Моше Пинхасова и третьего, фамилия коего неизвестна. Судьба их такова: Юнусов убит, Пинхасов освобожден, третий от ужаса сошел с ума». Но уже ранним утром 10 марта в Новой Бухаре появляется гонец из Арка, который, уведомляя Введенского и Мирбадалева о том, что «Его Высочество Эмир Бухарский берет мирное население города под свою защиту», вручает им официальное послание Сеид Алим-хана с условиями мирного соглашения. Ознакомившись на другой день в Кизил-Тепе с привезенным ему Новгородским посланием эмира, Колесов соглашается со всеми его требованиями — вплоть до оставления «неприкосновенными» всех правил и порядков, существующих в ханстве согласно шариату, и исключения бухарско-подданных джадидов из-под покровительства России, то есть перечеркивая даже то небольшое, чего добились чиновники Резидентства в 1917 г. Единственное же, о чем Колесов просит Сеид Алим-хана, — это принять все необходимые меры «к оказанию содействия беспрепятственности нашего проезда за пределы Ваших территорий».⁹ На встречное требование эмира о том, чтобы Колесов приказал советским отрядам прекратить военные действия и покинуть пределы ханства, предсовнаркома просит Его Высочество предоставить ему бухарских гонцов, которые доставят распоряжение на сей счет всем русским гарнизонам. Сеид Алим-хан согласен, и Колесов извещает его: «Уполномоченным моим для сношения с Бухарским Правительством и с Вами назначается г. Введенский». Именно ему вручаются два затребованных эмиром экземпляра манифеста, еще недавно навязывавшегося тому младобухарцами, и девять приказов для советских отрядов о прекращении военных действий с целью отсылки, как пишет Колесов, «Вашиими средствами по назначению немедленно по получении моим уполномоченным таких же приказов на имя бухарских воинских частей». Предсовнаркома также сообщает о назначении им Введенского председателем смешанной комиссии для выяснения убытков, понесенных населением Новой Бухары и Эмирабада.

Тем временем, узнав, что эмир берет их под свое покровительство, некоторые из горожан кинулись проверять целостность своих жи-

лиц, но к десяти часам утра Новую Бухару осадили многотысячные толпы воинственно настроенных кишлачников, и ушедших из банка в «полумертвом», по выражению Гальперина, состоянии втащили обратно. Оттесненные от города с подходом эмирской артиллерии, кишлачники расположились вокруг города и в редкие моменты тревожили его, беспощадно убивая всех русских, осмелившихся покинуть свое убежище. На требование бухарских чиновников выдать имеющиеся в банке винтовки, штаб обороны ответил категорическим отказом, указав, что они предназначены только для самозащиты, и поэтому: «Оружие вы возьмете, когда перешагнете через наши трупы». Ввиду же успешного наступлениядвигающихся на помощь Колесову советских войск жители Новой Бухары фактически оказываются на положении заложников, и, как вспоминал Гальперин, после того, как красногвардейцы разнесли Кермине, один из чиновников эмира «прилетел форменным образом на квартиру Мирбадалева и пристал к нему и Введенскому с упреком такого рода: „Мы спасли вас и население, а вы теперь грабите нас“. Он долго кричал и, если помнится, после длинных препирательств, ему заявили, что не Каган разграбил Кермине...» Бухарцы определенно обвиняли парламентариев в том, что они подвели и обманули их, позволив Колесову выиграть время до подхода эшелонов с подкреплениями. Поэтому в послании от 16 марта, адресованном командирам советских отрядов, Введенский и Мирбадалев убеждали их немедленно остановить кровопролитие «ввиду достигнутого полного соглашения и приостановления военных действий повсюду в ханстве, о чем гарнизонам посланы приказы председателя Совета [народных комиссаров] через бухарских гонцов, а равно... во избежание начатия военных действий против нас со стороны бухарцев, чем наше несчастное положение мирных граждан будет ухудшено до неопишуемых размеров». Это письмо Гальперин доставил «командующему Юго-Западным фронтом» левому эсеру Б. Тузину, после чего бои на чарджуйском направлении прекратились.¹⁰

Вместе с тем первая попытка насильственной советизации Бухары привела к огромному количеству человеческих жертв, исчислившихся более 10 тыс. убитых с обеих сторон, причем уже 22 марта исполком Ташкентского Совдепа заслушал доклад о прибытии в туркестанскую столицу «около 11 тыс. беженцев с Бухарского фронта», в большинстве случаев — «полураздетых и истощенных». Кроме того, печальным итогом колесовской авантюры оказались разрушение всех гражданских сооружений по проходящей через пределы ханства Средне-Азиатской железной дороге и почтовому тракту Самарканд-Термез, полное разрушение Бухарской железной дороги по

линии Каган-Термез и Каган-Китаб на протяжении соответственно 750 и 350 верст, усиление враждебного отношения к России, гибель или бегство окончательно скомпрометировавших себя младобухарцев и образование крайне реакционного состава эмирского правительства. Хотя за несколько часов до начала военных действий Сеид Алим-хан уволил прежнего главу своего кабинета Низам-уд-Дина, временно исполняющим должность кушбеги стал еще более консервативно настроенный Осман-бек Бий Инак Калян, опекавший будущего эмира во время его учебы в Санкт-Петербурге.¹¹

Соединившись в Кизил-Тепе с посланными ему на помощь войсками, Колесов спешно уезжает в Ташкент, и 22 марта эмир извещает заменившего предсовнаркома командующего Туркестанским военным округом левого эсера П.А. Домогатского о том, что завтра к нему в ставку выезжают члены бухарской делегации — Мирза Салим Парваначи, Хаджи Абдурауф Бий Караванбаши Азизов и Мир-Баба Мирахур, «а также бывшие уполномоченные Хайдар Ходжа Мирбадалев, Мехди Ходжа Бий и П.П. Введенский, как лично знающие мою страну и мой народ, язык нашей страны, как устно, так и письменно, — в качестве совещательного голоса и для облегчения составления необходимых протоколов и успешного и скорейшего завершения, на обоюдную добрососедскую пользу, переговоров». В привезенной бухарцами верительной грамоте от 23 марта Сеид Алим-хан подтверждал, что Введенский, Мирбадалев и Мехди Ходжа Бий, который много лет состоял эмирским представителем при Политическом агентстве, посланы им в Кизил-Тепе для ускорения заключения мирного соглашения с Россией «в качестве советников, ...пользующихся нашим доверием».¹² Оказавшись таким образом связующим звеном между обеими договаривающимися сторонами, Введенский в ходе переговоров выступал также в роли официального переводчика и члена российской делегации, в которую, помимо него, ввиду болезни Домогатского входили: комиссар отрядов анархист В.Я. Шмидт (председатель мирной конференции), члены «Военной коллегии» левые эсеры Г.А. Колузаев, А.Г. Степанов и В.Р. Копылов, товарищ краевого комиссара путей сообщения большевик А.Ф. Солькин (секретарь), городской голова Новой Бухары социал-демократ интернационалист А.Я. Гальперин и второй колесовский «уполномоченный» Х.Х. Мирбадалев. В итоге 25 марта подписывается «Протокол дополнительного соглашения между русскими и бухарскими уполномоченными», ибо последние считают, что основное соглашение было заключено еще 11 марта с Колесовым. Тот же в своих воспоминаниях будет утверждать, что, выехав в Ташкент, предполагал-де «добиться изменения постановления Совнаркома о заключении мира с Бухарой», но,

заболев, «никакого влияния на ход дела оказать не мог, принужденный впоследствии от имени Совнаркома утвердить состоявшееся приглашение...» Тогда, жаловался Колесов, «в борьбе с Советской властью и младобухарцами объединились ханская Бухара, левые эсеры, меньшевики, кадеты, агаповская контрреволюционная организация [замещавший предсовнаркома в Ташкенте комиссар по гражданским делам старый большевик В.Е. Агапов позже вышел из состава правительства и в январе 1919 г. оказался причастным к антисоветскому восстанию — В.Г.], бывшие агенты царского правительства и всякий сброд, вроде Шмидта».¹³ Тем не менее, приказом по Туркестанскому краю от 12 апреля, «комиссаром при Бухарском правительстве» (скомпрометировавшая себя «Коллегия по Бухарским делам» упраздняясь) Колесов назначил именно Шмидта, который, по оценке тогдашнего члена ТурЦИК левого эсера З.И. Печатникова, не был политиком и «лишь с помощью Введенского занимался примирением населения».¹⁴

Между тем жуткие рассказы беженцев об ужасах пережитого ими, зверствах бухарцев и бесчинствах красногвардейцев не могли не отразиться на отношении туркестанского населения к власти. Ташкент бурлил стихийными митингами и собраниями, участники которых требовали немедленного переизбрания Совдепа и расследования обстоятельств организованного им кровавого похода на Бухару. Так, в «Протоколе общего собрания мастерских и рабочих Ср[едне]-Аз[иатских] и Ташк[ентских] мастерских и представителей Красной Армии, Перовских эшелонов, Кушкинского отряда и Революц[ионного] Комитета [станции Ташкент]» говорилось: «Возмущениям нашим нет границ! Мобилизуемся все до одного против учинивших насилие и грабеж над мирными жителями и ультимативно требуем от всех отрядов, действующих против Бухары, немедленно сдать все имущество, захваченное в боях, особо избранной комиссии для возврата такового пострадавшему мирному населению. Кроме того требуем, чтобы все попустители грабежа и насилия и утаившие награбленное имущество были бы преданы беспощадному правдивому революционному народному суду, ибо рабочему, запятнавшему себя в грабеже и насилии, нет места среди нас, трудового пролетариата. Обращаемся с настоящим призывом ко всем рабочим, демократическим организациям и народной Красной Армии всего Туркестанского края [и предлагаем] поддержать наше постановление: для выяснения и проверки на местах преступных действий со стороны некоторых участников в событиях под Бухарой послать особую следственную комиссию, для чего избрать от каждого цеха по одному представителю и предложить избрать представителей в комиссию и всем остальным рабочим, де-

мократическим организациям и Красной Армии г. Ташкента...» Другая, принятая на этом же собрании, резолюция гласила: «Мы, мастера-вые и рабочие Средне-Азиатских и Ташкентских железнодорожных мастерских, требуем от Совета Народных Комиссаров немедленно назначить краевой съезд Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и требуем немедленно переизбрать Ташкентский Совет...»

Собравшийся 26 марта выборный совет Перовского боевого отряда Красной Гвардии также заявляет, что его бойцы останутся на позициях в Бухаре лишь в случае, если учинившие «разграбление туземцев» части сдадут трофеи специальной «комиссии, которая должна все награбленное возвратить туда, откуда все это взято». В тот же день собрание еще почти двухсот «солдат Красной Рабоче-Крестьянской Армии» требует «немедленного переизбрания всего Совета» и отчета о его деятельности, для чего, указывалось в резолюции, «мы входим в тесный контакт с рабочими Ташкентских и Средне-Азиатских железнодорожных главных мастерских, а также с Центральным бюро профессиональных союзов». Уже 31 марта общее собрание Ташкентского учительского союза выражает свое удовлетворение по поводу решения рабочих, заявивших о «резко отрицательном отношении к вакханалии, творящейся в Бухаре», а 1 апреля аналогичную резолюцию принимает собрание Союза мастеровых и рабочих ташкентского трамвая: «Не будучи совершенно осведомлено о причинах последних бухарских событий, результатом которых явились только массовые жертвы и бедствия, обрушившиеся на головы всего населения Туркестанского края, не предусматривая в этом никаких сколько-нибудь положительных целей и намерений, кроме явно причиненного ими зла, и видя в этом только самовольные действия Ташкентского Комиссариата, не имевшего на то никаких полномочий от самого народа, общее собрание постановило потребовать разъяснений от Исполнительного Комитета Совдепа...»

Вернувшийся в столицу Колесов не рисковал показываться на таких собраниях и митингах, а его, встречавшиеся на них шиком и свистом, коллеги по Совнаркому лишь вяло оправдывались, что произошедшее кровопролитие является-де результатом деятельности вездесущих контрреволюционеров, проявляющих себя то в Оренбурге, то в Коканде, то в Бухаре. На состоявшемся 13 марта общем собрании демократических организаций Ташкента левый эсер К.Я. Успенский прямо попытался дезинформировать аудиторию, уверяя ее, будто эмиру помогали русские офицеры и, «хотя в Бухаре происходило движение младобухарцев (вроде наших кадетов), но Комиссариат никакого участия в этом движении не принимал, отказавшись от политики вмешательства во внутренние дела Бухары», — однако, «когда

взрывают мосты, портятся железные дороги, нельзя не реагировать на это должным образом». Впрочем, Успенский получил достойную отповедь со стороны представителя Бухарского продовольственного комитета и гласного Ново-Бухарской городской думы Г.И. Ашкинази, который, как сообщила пресса, осудив «в резких выражениях» авантюризм Совнаркома и напомнив о колесовском ультиматуме эмиру, заметил, что нельзя обвинять защищавших себя бухарцев за разрушение железной дороги. «Офицеров там нет, контрреволюционеров тоже», — опровергал оратор демагогию Успенского, но тот, не желая оказаться загнанным в угол, сам перешел в наступление: «Я должен сделать существенную поправку к только что сказанному здесь. Когда наш отряд стоял в Кагане, эмир объявил всеобщую мобилизацию. Вы об этом или не знаете или просто соврали... Колесов ехал, отнюдь не имея агрессивные цели... Ваш продовольственный комитет не дал хлеба нашему отряду. Каких-нибудь триста пудов! Вы работали для эмира, но не для русского населения».

Учитывая большое волнение горожан, Колесов, согласился, наконец, выступить с докладом об общем положении дел в связи с событиями в Бухаре на созванном 31 марта общедоступном митинге в театре «Колизей», но собравшиеся так и не дождались от предсовнаркома ни объяснений, ни раскаяния. Весь полемический пыл своей речи Колесов направил против «милых», как он называл их, социал-демократов интернационалистов во главе с Е.Л. Вайнштейном, которые несут-де раскол в единую пролетарскую семью, дискредитируя святой принцип Советской власти, однако, грозил докладчик: «Все должны согнуться под красным знаменем рабочего класса, и это будет так! Вся интеллигенция будет с нами. Мы заставим ее работать, хотя бы силой, если она не пойдет добровольно. И она пойдет, потому что захочет есть». Повторяя, что эмирская Бухара превратилась в убежище «капиталистов и контрреволюционных банд», а также в хранилище громадного запаса всякого рода товаров и продуктов питания, «свезенных туда, лишь бы они не послужили на пользу творящих революцию», Колесов уверял, что благодаря предпринятому им походу реакционной Бухаре нанесен удар, «сгубивший ее самостоятельность»: «Военная мобилизация не успела пройти, контрреволюционные банды разбиты, остатки их будут выданы нам и мы привезем их на показ в Ташкент. Русские товары не будут свозиться туда, не будут храниться там запасы хлеба, которые сделаются достоянием голодных масс, и, наконец, теперь, когда расшифровалось положение в крае, контрреволюционные замыслы останутся в умах только детей и больших бюрократов. Вот вам реализация бухарского похода. Относительно темной стороны дела, о которой здесь задавались опре-

деленные вопросы, я должен заявить лишь одно: не может вся армия отвечать за каких-нибудь 15 человек, позволивших себе пойти на грабеж. Для меня вполне понятно это явление в связи с тем порядком, при котором развертывались события и в связи с той психологией, которая создалась в такой атмосфере. Это явление мы не оправдываем, но предотвратить его нельзя было».¹⁵

Колесову вторил и комиссар по особым поручениям К.Я. Успенский, который в привычном для него стиле яростно обрушился на оппонентов Совнаркома: «Здесь возмущались грабежами, имевшими место в Бухаре, здесь говорили, что на фронте этого никогда не было. А Бельгия? Разве она не была разграблена? И это сделали дисциплинированные немецкие солдаты! Кто же мешает, наконец, вам самим пойти в Бухару и устыдить тех, кто позволяет себе там неблагоприятные поступки?» Далее оратор опровергал обвинения аудитории по поводу того, что для беженцев из Бухары ничего не делается, доказывая, что им выделено лучшее здание в Ташкенте и их кормят. Тем не менее три дня спустя газеты сообщили о выделении Совнаркомом 5 млн. рублей «для выдачи единовременного пособия беженцам из Новой Бухары, а также и уплаты суточного довольствия участникам похода на Бухару», причем 4 апреля, опасаясь возможных эксцессов в столице, Колесов и Успенский отдали приказ «отрядам Колузаева и Степанова немедленно выехать в Ташкент». Однако на упомянутом митинге в «Колизее» снова выступил Ашкинази, который, назвав речь предсовнаркома «бредом больного», смело заявил: «Из доклада я узнал только, что Колесову очень не по нутру интернационалисты, и больше ничего. О фактической стороне своей бухарской авантюры он умалчивает, и я вполне его понимаю: она говорила бы не в пользу оратора, а в упрек ему. Нет, товарищи, не интернационалисты виноваты, а виноваты вы, комиссары, когда творите зло без ведома народа. Помнится, на демократическом совещании [13 марта] комиссар Успенский сказал, что война объявлена Бухарой. Оказывается комиссар солгал, война была объявлена Колесовым. Бухарский народ боялся войны, не хотел ее. Никакой мобилизации в Бухаре не было, и если часть мусульман действительно организовалась, то только для самозащиты уже по приезде Колесова. Что касается богатства хлебом, то оно преувеличено, хотя хлеб имелся по причине заботливости эмира, отпустившего продкомитету на дело продовольствия три с половиной миллиона рублей. Но дело не в товарах и странно одно обстоятельство: как можно из-за них объявлять войну и творить самые возмутительные ужасы? У нас ведь разграблено имущество, расхищено все, изнасилованы женщины. И вы после всего этого смеете говорить о том, что сделали. Никакого оправдания! Вы разорили бедно-

ту и именно бедноту мусульманскую (богачи подобру-поздорову убрались раньше), и вам этого она никогда не простит!»

На рассмотрение аудиторией были вынесены две резолюции, в одной из которых говорилось, что митинг граждан Ташкента «находит объяснения Колесова настоящим бредом большой фантазии и вынужден заявить, что невинная кровь, пролитая в Бухаре, грабежи и насилия, произведенные под лозунгом социализма, лягут позорным несмываемым пятном на русскую революцию в лице ее нынешних руководителей, приведших всю Россию на край гибели и уничтоживших все завоевания рабочего класса». Однако большинством голосов прошла резолюция, выдержанная в менее резких тонах, которая гласила: «Собрание граждан в „Колизее“ 31 марта, обсудив информационное сообщение председателя Совета народных комиссаров т. Колесова, находит, что сообщение это не дает необходимых сведений и, ограничиваясь общими фразами, не может служить оправданием совершенного и удовлетворением встревоженной совести трудового населения. Собрание протестует против ничем не вызванного жестокого нападения на Бухару и того ужасного погрома, какому она подверглась. Собрание находит, что подобные жестокие и самовластные действия имеют объяснение в том, что Совет народных комиссаров не чувствует себя ответственным перед всем народом, как им не избранный. Поэтому собрание считает, что единственным исходом из настоящего положения и спасением России должно быть образование власти на основе всеобщего избирательного права — от самых мелких ячеек и до Всероссийского Учредительного Собрания».¹⁶

Опасаясь за свою власть и не желая допустить критику в адрес Совнаркома на открывающемся 20 апреля 5-м краевом съезде Советов, Колесов принимает жесткие предупредительные меры и, как вспоминал Гальперин, «в помещение военного собрания, где происходил съезд, вводится вооруженная сила — „на всякий случай“. Все наиболее оппозиционные элементы преследуются. Интернационалисты, которые вместе с коммунистами и левыми эсерами сражались на баррикадах Ташкента против войск Временного правительства, объявляются чуть ли не вне закона. Лидер интернационалистов Вайнштейн, неоднократно арестованный Коровиченко и вместе с красными войсками Ташкента бывший на баррикадах, вынужден бежать от преследования власти. На съезде правом голоса пользуются только правительственные партии — большевики и левые эсеры. При такой обстановке делегату Гальперину — интернационалисту нет возможности выступить на съезде с обличающим материалом, ибо отдельных выступлений, не фракционных, а единичных, наказ съезда не допускает».

В своем полуторачасовом отчетном докладе, Колесов, говоря о политике Совнаркома в отношении Бухарского ханства, был весьма лаконичен и, пройдясь по «революционной власти» в русских поселениях, которую презрительно назвал «фикцией», и тамошним «уважаемым» предателям-меньшевикам, поддерживающим-де политику эмира во всех ее контрреволюционных проявлениях, далее заявил: «Для сношения с бухарским правительством существовала Коллегия из представителей всех областей, но с ней очень мало считался бухарский эмир, как не считался он и с мусульманским населением, которое толкалось к реформам. Между тем в Бухаре еще задолго до событий была объявлена мобилизация, и эмир Бухарский отверг сношения с Советской властью. Таковы принудительные соображения и условия похода на Бухару, который себе поставил задачей Совет народных комиссаров. События в Бухаре стали достоянием гласности, и докладчик считает лишним останавливаться на них подробно». Заканчивая свою речь, сообщала «Наша газета», «тов. Колесов не отрицает того, что и Советом народных комиссаров в этом деле были допущены некоторые ошибки, главным образом, вследствие недостаточной выясненности бухарского вопроса и положения в самой Бухаре. Были ошибки и со стороны Бухарского правительства, которое ныне признало их и изъявило готовность допустить вмешательство Советской власти во все внутренние дела Бухары. Мусульманство же Бухары мечтает, когда красное знамя разовьется над полями Бухары. Указывая на ошибки, допущенные Коллегией по Бухарским и Хивинским делам, докладчик не находит возможным осуждать всю Коллегию, хотя и не отрицает возможности [привлечения к] ответственности отдельных лиц».

Более искренним оказался Полторацкий (через три месяца по пути в Асхабад он будет схвачен белогвардейцами и расстрелян), который честно признался, что произошедшие события «были вызваны не наступлением на нас, а нашим походом», и диалог с Бухарой «велся на языке приказов: так разговаривает сильнейший деспот со слабым». Но и Полторацкий оправдывал колесовскую авантюру, ибо, пояснял он, «брожение бухарского населения не получило еще реальной силы, чтобы была возможна внутренняя революция», а эмирское правительство «перестало даже считаться с представителями Советской власти. В Бухаре происходило братание эмира с русской буржуазией, которое выразилось в закрытии ворот в [Старую] Бухару для представителей Советской власти. Бухарское правительство шло в полном контакте с русской буржуазией и производило в течение двух месяцев мобилизацию лошадей (! — В.Г.) для войск эмира. Мобилизация эта имела вполне определенную цель — выступление

против Советской власти. Вопрос для нас стал ребром: если мы не разобьем Бухару, она разобьет нас. Промедление в данном случае для нас было смерти подобно». Впрочем, сокрушался Полторацкий, так как «в первый момент тов. Колесов имел отряд в 46 человек с одним орудием и одним пулеметом», и его войско увеличилось лишь в ходе развития событий, — «не имея крупной силы, мы не могли одним ударом разрешить бухарский вопрос». О походе на Бухару рассказывали также Домогатский и командир 1-го Ташкентского революционного боевого отряда Колузаев, который между прочим заметил: «Здесь говорили, что отряды, посланные в Бухару, действовали недемократично, похабно относились к женщинам. Этого нельзя отрицать...» Однако бесчинства красногвардейцев Колузаев рассматривал как ответную реакцию на зверства бухарцев по отношению к русскому населению, ибо, пояснил он, требовалось поистине «железное сердце, чтобы отнестись ко всему этому равнодушно».¹⁷

13. НА БУХАРСКОЙ СЛУЖБЕ

Но еще 3 апреля в официозной «Нашей газете» появилась очередная статья Преображенского «События в Бухаре», в которой всючину за произошедшую бойню автор переключивал на Сеид Алим-хана, давшего-де «предлог Колесову говорить с ним другим языком». Едва ли не главный виновник кровавой авантюры, сбежавший из Новой Бухары, по свидетельству Гальперина, «одним из первых», Преображенский и на этот раз не упустил возможности очернить бывшего областного комиссара, заявляя, что якобы «все гарантии безопасности в отношении младобухарцев были смяты Миллером и впоследствии притоптаны вице-консулом Введенским» (а отнюдь не Колесовым!), который даже на переговорах в Кизил-Тепе был на стороне ...эмира. «Все зиждилось на какой-то личной вражде Преображенского», — сокрушенно недоумевала жена Введенского. Гальперин же открыто заявлял, что, прибегая к излюбленному методу — клевете, Преображенский «построил свою карьеру на Введенском», ибо еще в 1917 г. «долго и неумолчно твердил», будто тот вымогает хлеб у бедняков Восточной Бухары, и приписывал ему «всякую грязь, какую только можно было бы прицепить к имени этого общественного деятеля».¹

Возмущаясь намерением оправдать инициаторов преступного похода и желая опровергнуть возводимую на Введенского клевету,

Гальперин пишет контр-статью, опубликованную 9 апреля оппозиционной газетой «Новый Туркестан», «органом независимой социалистической мысли», под таким же, как и у Преображенского, заголовком — «События в Бухаре». Раскрывая их подоплеку, автор негодовал, что «вместо того тернистого пути, который должен быть пройден любимым народом на пути к освобождению от старых устоев, вместо подготовительной работы в самом народе и только через народ, группа младобухарцев, при помощи господ Преображенских и, главным образом, по инициативе тех же Преображенских, решает устроить революцию при помощи наших шттыков», что и приводит в конечном счете к ужасающей бойне и многочисленным жертвам с обеих сторон. Констатируя, что в советской прессе проводится определенная линия по обелению тех, кто спровоцировал недавнее кровопролитие, Гальперин предупреждал о намерении Преображенского во что бы то ни стало «утопить в затеянной им и присными авантюре ни в чем неповинного общественного деятеля — самоотверженного гражданина Введенского, спасшего вместе с Мирбадалевым мирное население Новой Бухары от верной гибели, и на гибели Введенского построить себе путь к оправданию, а может быть, и к дальнейшей карьере». Но, несмотря на многочисленные требования о проведении следствия по делу о бухарском походе и привлечении к суду его организаторов, приехавший в Ташкент чрезвычайный комиссар Совнаркома РСФСР П.А. Кобозев берет Колесова под свою защиту, победно извещая Москву о том, что предпринятая-де бухарскими контрреволюционерами попытка организовать восстание (!) не удалась. Утверждая, что меньшевики и эсеры «подняли целую бурю клеветы и вылили ушаты грязи на наши отряды, подавившие восстание в Бухаре», Кобозев негодуяюще заявлял: «Они клеветуют на местный Совдеп и Совнарком и на все российское советское правительство. На улицах Бухары собирались бурные митинги, выступали провокаторы в роли якобы очевидцев насилий наших красногвардейцев в Бухаре. Ташкентцам сообщали, что эти красногвардейцы, вернувшись, будут громить ташкентцев, а тем сообщали обратное, что против них мобилизуются ташкентские рабочие. Словом, провокация кипит всюду при посредстве местного органа печати „Новый Туркестан“. Вчера я объявил на осадном положении Ташкентскую дорогу, военное положение в Ташкенте остается. Провокаторов „Нового Туркестана“ подвергаем аресту, все имущество газеты конфискуем».²

Год спустя, вспоминая этот период, Введенский показывал на допросе: «После бухарских событий, когда я очутился без места, я обратился к кушбеги, в руках которого сосредоточены были хлопкоочистительные заводы, дать мне в управление Ново-Бухарский завод,

управляющий коего, бухарец Мирза Мустафа, был убит. На этом заводе, кстати, все были русские служащие и можно было кое-что привести в порядок. Я получил завод в управление на жалование в одну тысячу рублей в месяц при казенной квартире. Служба на заводе — частная (управляющие двумя другими заводами Бухарского правительства в Зирабулаке и Керки — русские: в Зирабулаке — Иконников, во втором — Моначкович), а не правительственная. Вообще все русские на службе у бухарского правительства считаются на частной службе, как-то: инженер Сакович, все русские ветеринарные врачи в Бухарском ханстве (в Карши, Чарджуе, Новой Бухаре, Керки), русский врач при Старо-Бухарской туземной больнице, управляющий бухарской телефонной сетью Старокожко. Я был приглашен администратором всех трех хлопкоочистительных заводов бухарского правительства при условии поставить коммерческую часть заводов на должную высоту, ибо до того времени заводы давали убытки. Я отдался серьезно этой работе. От всякой общественной деятельности я начал уходить, ибо от меня Совдепы, менявшиеся довольно часто, начали отказываться. Помимо этой работы, с согласия бывшего председателя Совета народных комиссаров гр. Колесова, переданного мне через бывшего командующего войсками гр. Стасикова, на меня и Мирбадалева эмир возложил контроль по расходованию сумм, ассигнуемых Бухарским Правительством, согласно Кизил-Тепинскому договору, на восстановление железных дорог в ханстве, разрушенных во время бухарских событий. Кроме нас и русских инженеров Маргулиса, Эрдмана и техника путей сообщения Мирзака, у Бухарского Правительства не было ни одного человека, знающего и русский и мусульманский языки и смогшего бы контролировать весьма обширную отчетность по восстановлению путей».

Введенскому вторила и его жена, отмечавшая, что в поступлении мужа на бухарскую службу никто не нашел ничего предосудительного, ибо на ней уже давно состояли многие из жителей русских поселений, в том числе персонал четырех мукомольных мельниц и двух больниц, четыре ветеринара, все инженеры и техники, агроном и т. д. Поэтому все только радовались, что Введенский получил, наконец, достойное место, и хотя, как припоминала его жена, наркомпрод А. А. Казаков, назначенный 15 июня председателем Продовольственной дирекции Туркеспублики, затребовал мужа из Новой Бухары в Ташкент, Шмидт ответил, что тот ему «крайне нужен и отпустить его он не может». Тем более, добавляла Татьяна Павловна, что «мы в те дни хоронили единственного сына, и Введенскому было ни до Ташкента, ни до Бухары. Он только поклялся в семье своей при возможности бросить совсем Туркестан и вообще Восток, взявший у нас столько жертв». Впрочем, выполнить свое обещание ему так и не удалось...³

Как не без иронии отзывался комиссар Ново-Бухарского отделения Народного банка Большаков о Шмидте, «анархист по убеждению, недурной пропагандист, он и в политике тоже оказывается, к глубокому сожалению, только пропагандистом, без определенной программы, без определенного курса». Поэтому, не чувствуя твердости власти и не желая искушать судьбу вторично, чудом уцелевшие в Бухаре русские жители, численность которых после колесовского похода сократилась и так более чем наполовину, все чаще бросают свое имущество и разъезжаются, что называется, куда глаза глядят. Поскольку же, писал Гальперин, «ни на съезде, ни на заседании Совнаркома официальный материал о виновниках бухарских событий заслушан не был, это дало повод Бухаре вновь насторожиться в отношении нас и не верить нашим официальным заверениям. Видя, что советский Туркестан не собирается установить искреннюю политику в отношении Бухарского ханства, бухарцы временно задерживают мобилизованных ими наукеров и оставляют у себя на службе афганцев, от которых бухарцы страдали больше, чем русские. Не предание суду Колесова, что было им категорически обещано, заставляет их серьезно взяться за создание регулярной армии. В армию бухарцы верят больше, чем в наши обманчивые, по их мнению, обещания. Отсутствие декларации о невмешательстве в дела Бухары дает им основание еще меньше верить всяким заверениям нашей краевой, а потом республиканской, власти. Бухарцы лихорадочно готовятся к созданию внушительной армии, что дает повод Шмидту думать о готовящемся якобы походе мусульман на нас. Бухара благодаря этому окончательно перестает верить нам. Тон официальных переговоров со Шмидтом становится холоднее, его авторитет окончательно падает в глазах бухарцев, убедившихся, что ни одно свое обещание он не привел в исполнение». На проходящем при закрытых дверях очередном съезде Совдепов русских поселений Шмидт варьирует на разные лады кажущуюся ему бухарскую опасность, в связи с чем европейское население вновь охватывает паника, и оно форменным образом бежит из пределов ханства.⁴

Поскольку же «чрезвычайный комиссар по Бухарским делам», как называется с 1 июня должность Шмидта, рассчитывает тем не менее, по его собственному признанию, завершить все то, что Колесов «не сумел сделать с Бухарой», не отошедшее еще от кровавого шока руководство Туркеспублики не может не отреагировать на посланную из Новой Бухары в Ташкент телеграмму: «Дружески, по совести, предупреждаем против выводов Шмидта о готовящемся выступлении в Бухаре. Здесь все нормально и никаких агрессивных намерений нет. Будирование это вызывает панику среди служащих ли-

ний [железной дороги], сбитых с толку. Представитель ваш, Введенский, сообщая о сем, просит товарищей железнодорожников в пределах Бухарского ханства оставаться на своих местах и продолжать работу. Ваше бегство создает еще более паническое состояние и может, естественно, вызвать бегство мирного населения из ханства. Тогда неминуемы последствия для всех нас».⁵

В результате уже 12 июля на заседании Центрального Комитета Туркестанской республики, как именовался ТуркЦИК с 17 мая, его председатель, старый большевик И.О. Тоболин, заявил, что «Шмидт не соответствует своему назначению как анархист и противогосударственный». Речь же о чрезвычайном комиссаре зашла в связи с информацией Тоболина о вручении ему верительной грамоты прибывшим в Ташкент бухарским послом Мир-Баба Токсаба. «Самый церемониал приема посла, — рассказывал Тоболин, — ничем особенным не отличался... Я долгое время вскрывал конверт без надписи, снабженный личной печатью эмира. Послы стояли, затем я передал грамоту нашему товарищу секретарю и сам сел, послы — тоже. Секретарь огласил грамоту, стоя. Грамота была адресована в Совет народных комиссаров, и я объяснил послу, что сувереном Республики и ее господином является Центральный Комитет, почему и прием посла был сделан в первую голову мной, председателем ЦК и главой Республики. Послам я заявил, что с нашей стороны будет сделано все, чтобы достигнуть добрососедских отношений между Бухарой и Республикой, причем никаких завоевательных целей мы не имеем и надеемся жить дружно, так как население Республики и Бухары родственно по языку и религии». Но всего три дня спустя, 15 июля, членам ТуркЦИК пришлось обсуждать вопрос о необходимости срочной посылки специальной комиссии в Керки и Термез с целью, как объяснял представитель Военного комиссариата, «расследования действий наших отрядов, на которые поступали неоднократные жалобы со стороны населения». Однако левый эсер З.И. Печатников возразил докладчику, что комиссия там ничего не сделает, и речь может идти лишь об отзывании отрядов и замене их другими, а его однопартиец В.А. Александров подтвердил, что «в Керки и Термез сплавлен худший элемент», и «отряды держат себя вызывающе по отношению к бухарцам», создавая угрозу нового военного конфликта. Ввиду серьезности вопроса оратор предлагал вообще обсудить проблему урегулирования отношений с населением Бухарского ханства.

На этом же заседании глава ТуркЦИК огласил зашифрованную телеграмму Шмидта по поводу изменившегося отношения к нему со стороны Ташкента. «Шмидт, — заметил Тоболин, — в приезд его сюда прежде, в своем докладе просил отозвать его из Бухары, а по

нашему докладу это явствует само собой. Принимая во внимание дискредитирующее власть поведение Шмидта в целом ряде его поступков в связи с усиленным прокучиванием денег после передачи ему 6 миллионов рублей, Шмидта необходимо отозвать и послать его заместителя в Бухару...» Тоболина поддержал и Печатников: «Из телеграммы [Введенского? — В.Г.] ясно видно, какие действия Шмидт подготовил в Бухаре, и можно думать, что наш посол в Бухаре не будет иметь поддержки. Нужно послать ревизионную комиссию о 6 миллионах рублей. Больше почти нечем объяснить разгул Шмидта. Он был лишь обывателем, а не политиком, и лишь с помощью Введенского занимался примирением населения. Теперь же после Самарканда он сможет издать бутаду, почему посылка от нас вполне верного лица необходима, причем посланному необходимо принять все меры, чтобы расположить к себе население, ныне усиленно покидающее Бухару». О безотлагательности назначения туда «партийного товарища, твердого, честного, могущего вполне защищать интересы трудящихся», говорил и Александров, заявивший: «Шмидт собрал около себя лиц, не пользующихся хорошей репутацией, и в Бухаре положение таково, что Введенский диктаторствует в бухарском дворце, а Шмидт — в Бухаре, с Мирбадалевым. В настоящее время Бухара наполнена какой угодно публикой буржуазного полета, и в этой своре подлипал Введенский и Мирбадалев в Бухаре — все». Временно исполнявший должность комиссара иностранных дел Туркеспублики левый эсер Х.Э. Крымов также признал, что «Шмидт на своем посту не оказался продуктивным», ибо «пленные женщины и дети из русских поселений до сего времени в бекствах не возвращены», и «если до сего времени нашего представителя окружали личности вроде Введенского, то контрреволюция всегда будет иметь место в Бухаре».

В итоге, приказом по Комиссариату иностранных дел от 19 июля, Шмидта освободили от упраздняемой должности чрезвычайного комиссара, а «полномоченным ответственным представителем при Бухарском правительстве» назначили бывшего офицера А.К. Есьмана, о котором члены большевистской фракции ТуркЦИК отзывались как о «выдержанном, честном и знающем международное дело», «умном, распорядительном и твердом партийном товарище», причем, что немаловажно, «безусловно трезвом» — в отличие от «пьяницы» Шмидта! Последний же будет называть своего преемника «гнусным жандармом», ибо выяснится, что «твердый партийный товарищ» служил некогда в Оренбурге ...околоточным надзирателем.⁶

24 июля Есьман был принят эмиром и высшими сановниками ханства, просившими его, чтобы Ташкент воздействовал на власти Самарканда в отношении справедливого распределения воды реки Зе-

равшан и принял меры, «дабы асхабадские военные действия не были перенесены на территорию Бухары в связи с сильными брожениями мусульманства в Чарджуйском бекстве». Напоминая впоследствии результаты своей деятельности на посту полпреда, Есьман утверждал, что организовал отсутствовавший в Новой Бухаре коммунистический комитет и новый Совдеп из партийных товарищей — 14 большевиков и 1 левого эсера; восстановил телеграфную связь и железнодорожное сообщение со Старой Бухарой и Керками и пароходное сообщение между Чарджуем и Термезом; добился разрешения на беспрепятственный въезд граждан республики в эмирскую столицу, куда также вернул и все эвакуированные из-за колесовского похода коммерческие банки; увеличил военный гарнизон в Новой Бухаре и, вопреки Кизил-Тепинскому мирному договору, установил на железнодорожных станциях «военно-народную охрану» численностью в триста человек для защиты тыла Асхабадского фронта. В своем «Воззвании», от 27 августа, к жителям русских поселений и железнодорожных станций Есьман призывал людей не покидать Бухару, а тех, кто уже уехал, «возвратиться, приняться за свои работы и не верить никаким слухам», ибо, уверял он, «в настоящее время дружба с бухарским правительством и его народом вполне определенно выяснилась и никакой опасности со стороны бухарцев никому не грозит». Но, так как до трех тысяч собравшихся в Старой Бухаре вооруженных афганцев третируют местное население и даже угрожают разграбить дворец самого эмира, Есьман, узнав, что один из наемников оскорбил русского гражданина, выставляет Бухаре ультиматум: «в 24 часа убрать эти шайки», что, как свидетельствовал Большаков, было исполнено — «к великой радости бухарцев и русских».

Однако преемник Есьмана на посту полпреда инкриминировал ему именно содействие в разоружении «безусловно революционных афганских наемных войск», которые, мол, «открыто стали грозить бухарскому правительству переворотом, свержением власти эмира и его чиновничества, приставляли к стенке бухарских генералов, — но тут вмешался в дело „советский“ дипломат, и эти революционеры-афганцы были направлены на родину, предварительно разоруженные». Обвиненный в «диктаторских действиях» в Бухаре, которой якобы угрожал войной, и одновременно в выдаче ее правительству укрывшихся в русских поселениях двух бухарских дезертиров, принятии от эмира драгоценного перстня и вообще в несоответствии своей деятельности «советским заданиям и положениям», Есьман был арестован и выслан в Ташкент, где многие месяцы провел в тюрьме, причем уговорил поместить его в одну камеру со вскоре оказавшимся там же Введенским. Вызванный на допрос 30 октября 1919 г. в каче-

стве свидетеля по делу сокамерника Есьман заявил, что всегда считал его «политическим советником» эмирского правительства, в дипломатических нотах которого даже «проскальзывали своеобразные выражения Введенского». Хотя с просьбами убрать того из Бухары Есьман якобы неоднократно обращался в Ташкент, ни на один из своих запросов на эту тему он так и не получил ответа, а сам не рискнул арестовать Введенского, дабы, как пояснял экс-полпред, «не вызвать со стороны бухарского правительства неудовольствия против меня». Даже сообщение Введенского о прибытии в Бухару туркменской делегации из белогвардейского Закаспия Есьман расценивал как подтверждение своих догадок, ибо, доверительно делился он со следователем, такая секретная информация могла быть известна только самым близким к эмиру лицам.⁷

Новым полпредом в Бухаре стал накануне переметнувшийся к большевикам старший товарищ председателя ТуркЦИК З.И. Печатников, который утверждал тогда, что якобы с 1904 г. находился в рядах партии эсеров, хотя во всех последующих автобиографиях указывал о своей принадлежности в 1900–1917 гг. к Бунду. «Вся моя деятельность первое время, — указывал Печатников в мартовском докладе 7-му съезду Советов Туркеспублики и ТуркЦИК, — была направлена, главным образом, на улаживание взаимоотношений с Бухарой, которые были испорчены донельзя. Достаточно сказать, что Бухара совершенно нас, то есть Туркестанскую республику, не хотела признавать как власть и на глазах у нас бряцала на каждом шагу оружием, превратив Новую Бухару в военный лагерь. Сартовские казаки, вооруженные днем и ночью, сновали по городу, держа себя победителями, а каждое воскресенье устраивались нарочно вооруженные прогулки бухарских войск по Новой Бухаре, русскому городу, и, как нарочно, останавливаясь перед Исполкомом, на площади производили воинские учения. Были даже случаи примерных атак на казармы, где квартирует ново-бухарский наш советский гарнизон. По-видимому, вся деятельность моего предшественника сводилась к умалению прав и значения рабоче-крестьянской власти Туркестанской республики и возвеличиванию мощи деспотической Бухары во вред нам... Советская власть в русских поселениях ханства представляла собой нечто бесформенное, несмотря на то, что в Новой Бухаре была одна группа коммунистов-большевиков, без левых эсеров. На собраниях и заседаниях, устраиваемых Ново-Бухарским Исполкомом, все время говорилось о гражданах, о которых сильно заботилась Советская власть, а надо отметить, что в число этих „граждан“ входило только 30 процентов рабочих; остальные — наша милая отечественная буржуазия, кормлением коей усердно занимались здесь со-

ветские работники... В Народном доме, бывшем Общественном собрании г. Новой Бухары, устраивались балы-маскарады, пошлые фарсы, танцы, где все «граждане» весело проводили время...» Узнав, что местный кооператив тратит деньги на приобретение хлеба и мяса с целью снабжения всего населения Новой Бухары, Печатников решил немедленно положить конец этому «безобразию», после чего кормить стали только рабочих, а буржуазию, по его выражению, «предоставили самой себе». Естественно, что новый полпред возненавидел Введенского и позже, выступая 16 мая с докладом на объединенном заседании ТуркЦИК, Крайкома РКП(б), Реввоенсовета республики и президиума исполкома Ташкентского Совдепа, между прочим заявил: «Касаясь прежнего нашего Резидентства, я должен сказать, что, попавши как-то на одно из заседаний бухарских купцов, беков и др., я увидел там Введенского, игравшего среди них первую скрипку, имевшего на них громадное влияние. Фактическим резидентом в Бухаре, не в нашу пользу, при Шмидте и Есьмане был Введенский. В общем там была теплая компания, ловко делившая туркестанскую шкуру. Введенский, как более умный, оставался в тени, в одно и то же время являясь министром Бухарского правительства, для которого его слово было законом. Таким образом Введенский, пользуясь своим громадным влиянием, всегда выказывал против нас антипатию».

Вскоре после назначения Печатникова вспыхнул ташкентский мятеж, которым руководил комиссар по военным делам Туркеспублики «большевик» К.П. Осипов и к которому оказался причастен вышедший из партии видный деятель первого краевого Совнаркома В.Е. Агапов, председательствовавший тогда в совете Главных железнодорожных мастерских. После подавления восстания Осипову удалось бежать в Фергану, а оттуда, через Бухару, в Персию, а Агапова осудили «к заключению в тюрьму на пять лет с применением общественных работ». Как показывал один из его ближайших сподвижников — бывший секретарь бюджетно-финансовой комиссии при ТуркЦИК А.М. Тишковский, приговоренный к расстрелу лишь 21 июля 1920 г., участие в антисоветском заговоре «лучших представителей» рабочего класса и трудовой интеллигенции, наивно рассчитывавших совершить «бескровный переворот... и заменить тех, кто волю народа в своем лице превратил в привилегию к беззаконию, произволу, пьянству, грабёжам, созданию собственного благополучия», объяснялось всеобщим негативным отношением к существующей власти, потерявшей всякий авторитет, разлагавшейся и абсолютно неспособной к какой-либо творческой деятельности. «Власть, — пояснял Тишковский, — совершенно не желала подойти к мусульманам. Частная торговля начала закрываться, но совершенно не планомерно; распреде-

лительный аппарат не налаживался; на базарах, в лавках и магазинах реквизировалось все, что могло быть взятым; спекуляция, часто под покровительством, праздновала вакханалию. Благодаря всем этим неразумным и преступным мерам продукты с рынка и мануфактура исчезли, жизнь становилась с каждым днем все труднее и труднее. При разговорах с отдельными лицами, с тем же Печатниковым, мне иногда приходилось указывать и на ненормальность положения и на неразумность их распоряжений, но с бюрократическим самомнением и, пожалуй, даже нахальством мне или ничего не отвечали или отвечали, что так и надо строить новую жизнь и уничтожать буржуазию. Когда я указывал в разговорах, что от всех этих мероприятий пока страдает только пролетариат, мне отвечали: это не ваше дело. Я болел душой, видя все происходящее, возмущался действиями лиц, которые на реквизициях и конфискациях начали устривать свою личную жизнь и создавать новый тип буржуазии, так называемой советской буржуазии». Предполагая (но не в угоду ли сменившемуся руководству Туркеспублики?), что «авантюристы белые» во главе с бывшим офицером Осиповым, решившим использовать недовольство рабочих для установления военной диктатуры, чего-то не поделили с «авантюристами красными», то есть левыми эсерами, также задавшимися целью захватить власть в свои руки, Тишковский не без горечи признавался, что все окончилось расстрелом, ради сведения личных счетов, десятка видных коммунистов и кровавым террором, обрушившимся вслед за ликвидацией мятежа на мирных, в большинстве совершенно невинных, граждан.⁸

«Осиповское» восстание, отмечал впоследствии председатель Реввоен трибунала Туркфронта И.Р. Фонштейн, «поддержанное некоторыми стоящими у власти; всем, почти без исключения, офицерством; цветом так называемой интеллигенции; кулацкими группировками, руководимыми эсерами, и встреченное крайним сочувствием всей местной буржуазии и мусульманского байства (богачей), повело к захвату власти на два с половиной дня [19–21 января 1919 г.], в течение которых было расстреляно более десяти самых ответственных работников коммунистов и комиссаров. Когда силами железнодорожных рабочих в Ташкенте восстание было подавлено, началась расправа со всеми, кто хотя бы и идейно мог иметь касательство к восстанию. Расправа носила неорганизованный характер, и в эти дни была расстреляна не одна тысяча народа. При разборе Реввоен трибуналом Туркфронта разных дел о незаконных и нецелесообразных репрессиях сплошь да рядом приходилось слышать ссылки на „январские дни“». В Новой Бухаре также свирепствовал Военно-полевой суд, в финансовой отчетности которого сохранился и такой жут-

коватый документ: «Израсходовано мной, Соровым, в разное время, с 25 января по 5 февраля, во время расстрелов контрреволюционеров — в количестве всего десяти человек — на угощения шести работников, участвовавших при казни и уборке, шестьсот рублей». В числе невинных жертв оказался и присяжный поверенный Новгородский. Об отношении к казням советских «власть предержащих» свидетельствует запись разговора по прямому проводу между председателем Военно-полевого суда Соровым и выехавшим в Ташкент для сопровождения «смертников» Печатниковым: «Военно-полевой суд спрашивает, утверждены ли его приговоры и приведены ли в исполнение? — Все приговоры от первого до последнего утверждены и приведены к исполнению. — У нас есть еще оставленные [в живых], о которых вы знаете. Опрос их безрезультатен. Мы сегодня приводим к исполнению. Будет ли протест со стороны Центра? — Если оставленные, о которых говорится, не выполнили своего обещания [не отдали „скрытые богатства“ — В.Г.], то ясно, что церемониться с ними нечего, и никакого протеста не получится. — Возможно ли обложить контрибуцией скрывающуюся в Старую Бухару буржуазию под каким бы то ни было условием, ибо они согласны дать, сколько попросим, лишь бы не трогать их голов? Не будет ли протеста Центра на это? — Никакого протеста Центра не будет. После ташкентского события издан приказ всем Советам республики обложить всех [буржуев] контрибуцией...»⁹

Расправиться с Введенским, находившимся на территории завода под охраной бухарских казаков и даже не рисковавшим теперь покидать свое убежище, Печатников не решался, но, видимо, очень хотел. «После январских убийств, — вспоминала жена Введенского, — в Бухаре были взяты все, кто только не состоял на службе Советской власти. Многие бежали, убито было 28 человек. Из Резидентства Введенского предупредили, что возьмут и его, чтобы убить. После этого он, по возможности, перестал выходить из дома и решил поскорее сдать отчетность, закончить дела по заводу, сдать все и уехать с семьей вообще из этого края на родину, в Малороссию. Работа на заводе кончалась приблизительно через месяц. На Пасху приехал Бравин, товарищ Введенского по институту [С.-Петербургскому университету — В.Г.], приходил к нам три дня [и сидел] подолгу. Были все время поздравители — визитеры к пасхальному столу. Бравин же сам жаловался, что из Персии он изгнан англичанами и теперь хочет спастись через Афганистан куда-либо. Но он был предупрежден, что если хочет идти по этой дороге [получить дипломатическое назначение в Кабул — В.Г.], то необходимо убрать Введенского, влияние которого здесь сильно. И вот Бравин доносит, что у Введенского целый штаб в доме, и на четвертый день Введенского арестовывают. У нас в

доме всегда была мирная семейная обстановка, а не клуб и не штаб. У нас даже в карты не могли играть, так как не играл сам хозяин, и только скромный чай семейных знакомых...»¹⁰

И на этот раз завистливый честолюбец Бравин, сделавший поистине головокружительную карьеру после Октябрьского переворота, когда, перейдя на советскую службу, стал первым дипломатическим представителем РСФСР в Тегеране (впрочем, уже в июне 1918 г. его отозвали в Москву ввиду поступившего в НКВД «доноса» ...Джагетянца!), не удержался от того, чтобы не «подставить ножку» бывшему сослуживцу, который гостеприимно принял его в Новой Бухаре и помогал всем, чем мог. «Будучи на Пасху у нас дома, — писала жена Введенского, — Бравин сам рассказывал, как пострадал он в Персии от всех своих прежних товарищей, не подававших даже ему руки, как был изгнан из Тегерана. Товарищ Введенского по Институту, он был предупрежден о его влиянии в Бухаре и, как карьерист, избравший ту же дорогу, на которой ему мешал Введенский, не задумался убрать его. Он зашел в этом деле так далеко, что отступить ему было уже рискованно, и он настаивал на расстреле Введенского». Это подтверждал и Печатников, который, выступая 16 мая с докладом о Бухаре перед ответственными работниками Туркеспублики, указывал, что Бравин и Введенский служили вместе в Персии и «у них существуют какие-то старые счеты, благодаря которым Бравин все время настаивал на убийстве Введенского».¹¹

Кобозев, вызванный в октябре в ТуркЧК в качестве свидетеля по делу Введенского, рассказывал следователю, что, возвращаясь вместе с новым председателем ТуркЦИК А.А. Казаковым с Закаспийского фронта, они остановились в Новой Бухаре, где к ним и обратился Бравин. Заявляя, что «если Введенский не будет арестован, он, Бравин, сам Введенского застрелит», показывал Кобозев, «т. Бравин дал нам вполне исчерпывающие сведения о вражеской контрреволюционной и шпионской деятельности Введенского, указав, что в его доме, в ста сажнях от станции Новой Бухары, находится английский штаб (это было в присутствии тт. Печатникова, Казакова, Брегадзе и других), и даже заявил, что, пока Введенский будет так сидеть прочно на своем месте как сейчас, — он, Бравин, никак не согласится принять на себя обязанность ехать в Афганистан в качестве посла, ибо вся его деятельность будет парализована Введенским, и из работы Бравина в Афганистане ничего не выйдет. Дальше рассказал нам Бравин, что представляет из себя дом Введенского. Это форменная крепость из двух концентрических дворов, окруженная вооруженными солдатами; по наведенным справкам, Введенского дом охраняется ротой казаков (бухарских). Бравину как-то раз удалось пробраться в дом Вве-

денского. Здесь во время посещения являлись к Введенскому несколько бухарских офицеров и чиновников и русских офицеров, прибывших с донесениями с белогвардейского Асхабадского фронта, пробравшись через Керки, и долго о чем-то разговаривали. Введенский являлся самым видным и деятельным лицом в этом разговоре и отдавал им распоряжения». В свою очередь Казаков заявил ТуркЧК, что знал о Введенском «только из рассказов» Бравина и Печатникова, уверявших, будто бы он есть «элемент для Советской власти вредный и опасный и его следует во что бы то ни стало как-нибудь изолировать». Имея такие доводы, пояснял Казаков, на заседании мы долго спорили, арестовывать Введенского или нет, так как опасались военного столкновения с эмирской Бухарой, но все-таки сошлись на первом, — «тем более, что т. Бравин заявил, что если мы его не арестуем, то он, Бравин, сам Введенского застрелит».

Последний же показывал на допросе, что Бравин, которого в первый день Пасхи довел до его квартиры ни кто иной как Печатников, пришел к нему примерно в десять часов утра и просидел до полудня, будучи единственным гостем, не считая некогда служившего в Резидентстве доктора В.А. Доброхотова, зашедшего осмотреть по-прежнему страдавшую болезнью легких Татьяну Павловну. Кстати, Есьман, передавая следователю ТуркЧК содержание своего доверительного разговора с Введенским в тюремной камере, сообщал с его слов, что Бравин, войдя в дом, первым делом спросил хозяина, «нет ли у него кого-либо из посторонних, и получив отрицательный ответ, стал просить совета, ехать ли ему в Афганистан или нет».¹² На другой день гость явился снова и пробыл у Введенского с девяти часов утра до половины первого дня, имея полную возможность наблюдать всех визитеров, заходивших на несколько минут с официальными поздравлениями по поводу Пасхи, в том числе — Мирзака, Мирбадалева, бывшего аптекаря Рейнгардта с женой, местного «батюшку», служащих завода и других знакомых, а из бухарцев — по-прежнему состоявшего при Резидентстве эмирского чиновника Межди Ходжа Бия, его родного брата Мирза-бека Токсаба и командира расквартированной в городе бухарской казачьей части. На третий день около одиннадцати часов утра Бравин снова посетил Введенского и, пояснив, что, дабы переправиться в Керках на афганскую сторону, ему придется нанять там лодки, просил оказать содействие в этом вопросе, после чего получил необходимые рекомендательные письма на имя местного бухарского чиновника Мирзы Нуретдин Мирахура и управляющего хлопкоочистительным заводом Монакровича.¹³

Уже в октябре, не без гордости рассказывая следователю о том, как «хитрым образом удалось Введенского поймать», Кобозев с со-

жалением добавлял, что в Бухаре осталась еще одна «приблизительно такая же личность — Мирбадалев», захватить которого тогда не удалось, ибо Казаков возражал даже против ареста Введенского и согласился на это лишь под влиянием чрезвычайной убедительности доводов Бравина, Печатникова и самого Кобозева. Причем, подчеркивал он, «для ареста Введенского, зная все его взаимоотношения и всю его ценность для Англии и Бухары, нам пришлось продвинуть к Новой Бухаре бронированный поезд». Кстати, в написанной в октябре 1936 г. рецензии на сборник воспоминаний по истории гражданской войны в Средней Азии «Война в песках» Кобозев, называя Введенского «умным царским дипломатом-миллюковцем-англофилом, одним из организаторов Южного Русско-Английского Союза», уверял, что якобы «эмир держал его в своем дворце, в третьем внутреннем дворе, за чрезвычайной охраной». Но, продолжал Кобозев, «мы с Преображенским (мемуариста подвела память?! — В.Г.) условились похитить Введенского; это дерзкое предприятие было осуществлено группой товарищей, пробравшихся через высокий забор по перекидным веревочным лестницам, а Введенский был доставлен в мой вагон и увезен в Ташкент».¹⁴

Один из непосредственных организаторов упомянутой операции — комендант поезда председателя ТуркЦИК М.К. Шкарупа, прозванный за свою жестокость «Малютой Скуратовым», чем весьма гордился, — выступая 13 февраля 1932 г. на слете «красных партизан» в Ашхабаде, вспоминал: «Правой рукой эмира Бухарского был уполномоченный давно свергнутого Временного правительства Введенский. Он находился в Кагане. Комиссия имела сведения об его контрреволюционной деятельности и в связи с ашхабадской белогвардейщиной необходимо было захватить Введенского. Приехали в Каган, собрали всех рабочих, осветили положение на фронтах. Рабочих предупредили, чтобы они были начеку. Представителем в Бухаре от Туркеспублики был Печатников, левый эсер. На секретном совещании в железнодорожном клубе ему было сказано, что сегодня ночью нужно взять Введенского. Предупредили об опасности, связанной с этой операцией, и о возможных жертвах. Был подтянут боевой поезд Ревякина. Захват Введенского назначили в ночь на 24 апреля. Ревякину было приказано взять свою конную разведку в 25 человек. В стороне от завода находилась резиденция Введенского. Решили обмануть охрану. Ревякин приказал кавалеристам выехать в степь, подобраться к стене, переброситься через нее, выломать дверь и захватить Введенского. Ревякинский поезд был наготове. О готовящемся нападении никто с бухарской стороны не догадывался, так как до вечера нами был устроен парад. В десять часов вечера разведка отправилась: шесть крас-

ноармейцев перескочили через стену, подбежали к дверям, стукнули в нее. Часовой за воротами ничего не услышал. Введенский подошел к двери, взялся за скобу и из двух маузеров прорешетил дверь (явная ложь! — В.Г.). Разведчики выломали дверь. Когда прибежала стража, то кавалеристы с Введенским уже были за стеной. По ним стреляли, но никого не ранили. Наши не отвечали. Ревякин привез Введенского к нам, и мы посадили его в вагон...»

На самом же деле все кобозевские «хитрости» в отношении Введенского оказались излишними, ибо, как указывал он в своих показаниях, во дворе его квартиры, совершенно отделенном от территории завода, не было даже ночного сторожа. Старый слуга татарин Мамаджан спал на террасе со стороны черного хода, а в запертом на ночь доме находилась только семья Введенского. «Обвиняют, что окружил себя караулом, — недоумевала его жена. — Завод всегда имел и теперь, без Введенского, имеет казачий караул, который никого не впускает. Наша квартира находилась за заводом, там ни одного казака никогда не было и, когда пришли арестовывать к дому с другой стороны, то не встретили ни одной души. Здесь было просто — „на муху с обухом“!» Об этом же писал в показаниях и сам Введенский: «Меня арестовали без единого выстрела. Револьвер мой, „лилипут“, лежал даже не в спальне, а в телефонной комнате. Его взяли без меня. Я сам указывал товарищам красноармейцам ближайший и лучший путь перелеза через забор завода Ярославской мануфактуры. Когда все товарищи красноармейцы перелезли, со стороны отставшего на моем дворе красноармейца дан был при перелезе (очевидно, для того, чтобы убедиться в личной безопасности) один выстрел в сторону завода. Оттуда, далеко у ворот или, может быть, за воротами, раздались в ответ четыре-пять выстрелов в воздух. Кто стрелял, я не мог знать, так как кругом были расставлены патрули русского гарнизона. Я просил военного комиссара Каганского Совдепа Дмитриенко не стрелять, уверяя в безопасности».¹⁵

Рассказывая об успешном завершении операции, Шкарупа отмечал, что по прибытии поезда с пленником в Самарканд «поднялась буза: эмир Бухарский прислал кушбеги с просьбой возвратить Введенского. Казаков ответил, что мы взяли только своего, нужного нам, человека, стрельбы не открывали и разговоров о возвращении Введенского быть не может. О результатах переговоров кушбеги сообщил эмиру Бухарскому по аппарату, и предложение эмира отпустить Введенского за выкуп было отвергнуто». В свою очередь Кобозев указывал, что «важность личности» похищенного оказалась «настолько велика, что бухарское правительство немедленно после ареста Введенского предъявило Туркестану необоснованный ультима-

тум и объявило Бухару в состоянии войны с Туркестаном, хотя выполнить этого ультиматума не смогло». Сам же Введенский на вопрос следователя, почему бухарские власти так упорно требовали его освобождения, ответил просто: «На моих руках находились три завода бухарского правительства с товаром и оборотами более чем на 30 миллионов рублей. Год упорной моей работы, показал бухарцам, что распутать хаотичность заводского хозяйства могу я. К 1 мая и не позднее 20-го предстояло сдать отчетность. Опасение не получить отчет и страх за то, что начнется расхищение товара и капиталов при содействии бухарских чиновников, — вот, что, по моему мнению, толкало бухарское правительство на просьбу освободить меня».

С таким объяснением вполне соглашался и полпред Печатников, который, выступая 16 мая на совместном заседании ответственных работников Туркеспублики, говорил: «После ареста Введенского бухарское правительство просило нас освободить его, хотя бы временно, мотивируя свою просьбу тем, что на руках у Введенского осталась большая сумма, в которой он должен отчитаться. Но, как Вам уже известно, бухарскому правительству в этой просьбе было отказано, после чего один из членов правительства заявил, что в таком случае Бухара оставляет за собой полную свободу действий, иначе говоря — будет находиться на положении войны с нами. Я, желая выяснить этот вопрос окончательно, просил у эмира подтверждения вышесказанного заявления, но он постарался всяким образом заменить эти неосторожные слова, ссылаясь на то, что сказавший это является лицом безответственным...» Касаясь далее перспектив отношений с эмирским правительством, Печатников заявил: «О войне с Бухарой в настоящее время не может быть и речи, и мы всеми силами должны сдерживать Бухару; когда же будет возможность и сила, мы сможем и должны объявить ей войну». Впрочем, республика и так уже балансировала на грани нового кровопролития, вызванного, правда, не столько похищением Введенского, сколько инцидентом в Керках, где местные советские части разгромили и разграбили старый город и, пленив бека и его чиновников, водрузили над бухарской крепостью красное знамя. Вслед за этим окрестные туркмены осадили Керки и в течение следующих двух месяцев, до прибытия специальной комиссии из Ташкента и заключения ею мирного соглашения, тщетно пытались отвоевать город, потеряв под его стенами не одну сотню соплеменников.

Кстати, на упомянутом заседании ответственных работников Туркеспублики, продолжавшемся пять с половиной часов и посвященном обсуждению исключительно бухарского вопроса, заместитель председателя ТуркЦИК Успенский предупреждал коллег о

том, что «двойная игра», которая ведется в отношении ханства, может завершиться весьма печально: «Шаги, предпринимаемые Бравиним, определенно ведут к открытию бухарского фронта. В Бухаре сейчас идет брожение и ставить ей ультиматумы ни в коем случае нельзя, иначе мы попадем в такое же положение, в какое попал и Колесов». Хотя Успенский призывал «не увлекаться техническими силами», а послать в Бухару «определенных революционеров», член Крайкома РКП(б) Солькин возразил ему, что и для агитации там нет никакой почвы. Поэтому, считал он, «остается только лавировать», используя «специалистов-дипломатов для оттяжки момента столкновения. С Бухарой нельзя вести политику дергания нервов, которая нами ведется с ней сейчас. Это — будирование массы и приближение момента, которого так жаждет Закаспийское правительство. Бухаре можно послать ноту, что воды мы не дадим ей только в том случае, если она начнет с нами войну». Однако с Солькиным был категорически не согласен комиссар внутренних дел М.И. Зибаров: «Политика дипломатов-востоковедов стоила нам слишком дорого. Перед нами только один путь — это развитие революционной заразы в Бухаре. Бравин должен быть отозван, чтобы не будировать массы».

Но вмешавшийся в ход дискуссии председатель ТуркЦИК Казаков предложил вернуться к обсуждению главной темы: «Никто не коснулся того, что на днях Бухара может объявить нам войну. Для нас не секрет, что Бухара наполнена контрреволюционерами, и с прибытием туда Осипова ясно, что Бухара выступит против нас. На этом авторитетном заседании мы должны решить этот вопрос всесторонне. Нам надо решить, как поступить в последнем случае. Я полагаю — оттянуть все силы и раз и навсегда, силой оружия, покончить с Бухарой». Хотя Казаков доказывал, что «выжидательная политика может привести нас к худшему», командующий вооруженными силами республики И.П. Белов считал основной их задачей не войну с эмиром, а «сохранение железных дорог и тыла Асхабадского фронта», устойчивость которого, по его мнению, только и удерживала Бухару от агрессии. В свою очередь член Реввоенсовета Ф.Л. Железов призывал готовиться к открытию нового, Бухарского, фронта, ибо ясно, «что, сколько бы мы не оттягивали этот момент, все равно он придет», хотя главную опасность представляет «темная мусульманская фанатическая масса, которая может выступить против нас, объявив нам священную войну». Подытоживая дебаты, Печатников говорил, что, конечно, о выжидательной политике речи быть не может и Реввоенсовету следует немедленно рассмотреть военную сторону вопроса: «Будет момент, когда мы сосчитаемся, и сосчитаемся не с трудящейся Бухарой, а с бухарским правительством». Принятое

заседанием постановление гласило: «С Бухарой продолжать вести политику дружественную. Во главе Резидентства должно стоять лицо партийное — революционер. Предоставить тов. Печатникову в помощь несколько партийных работников. Все военные мероприятия, необходимые для проведения в жизнь в отношении Бухары, поручить Реввоенсовету».¹⁶

14. «ДОКЛАДЫВАЮ ПО СОВЕСТИ...»

Помещенный в тюрьму Особотдела и вызванный 27 апреля на первый допрос Введенский заявил следователю, что против новой власти никогда не шел и ни в каких антисоветских организациях не участвовал. По вопросу же «о сношениях с Закаспийским фронтом», что особенно интересовало Особотдел, арестованный в своих собственноручных показаниях написал следующее:

«По имеющимся у меня сведениям, сношения Бухары с Закаспием начались сравнительно недавно. На эти сношения Бухару толкнула неправильная и недальновидная политика советских представителей, в частности — колесовский поход, и страх перед новым разгромом Бухары со стороны Туркестана. В ноябре или декабре Бухарой был послан в Закаспий секретно (об этом я узнал уже после возвращения посланца) бухарский чиновник Мирза Сафар, воспитатель наследника бухарского престола. Он установил только связь с туркменами, присылавшими несколько делегаций в ответ и заверявшими в дружбе. Когда положение начало ухудшаться и советские представители в Бухаре грозили ей явно новым разгромом, Бухара выслала второй раз (по моим сведениям, в конце января) того же Мирзу Сафара, но на этот раз к англичанам. Поездка не дала никаких осязательных результатов, кроме обмена дружественными письмами. В третий раз Мирза Сафар выехал в Мерв в начале марта и неизвестно, где он сейчас. За две недели до Пасхи, приблизительно, в Бухару в старый город, по сведениям, доставленным мне Мирбадалевым, приходившим ко мне на завод, прибыл из Закаспия офицер Иванов, привезший какие-то письма Эмиру. Он был переодет, говорят, в туркменский костюм, смененный на сартовский в Бухаре. То, что он был у Эмира, что говорил, — никто ничего не знает, как заверил меня Мирбадалев. Иванов, по тем же сведениям, посетил русских эмигрантов дважды — в доме Белицкого [бывшего члена коллегии полпредства

при Есьмане — В.Г.] и в доме Тысячникова. Там он передал следующее: на фронте у Байрам-Али и дальше до Уч-Аджи — русские отряды генерала Ласточкина численностью до 20 тыс. человек. Помощник ген. Ласточкина — ген. Лазарев, начальник штаба — Слинко, бывший областной комиссар Самаркандской области. Англичане стоят, с приходом русских войск, в тылу, занимая линию Асхабад-Красноводск, Асхабад-Гоудан-Мешед. Ген. Ласточкин ожидает прибытия Кубанской казачьей бригады. По словам Иванова, сказанным русским эмигрантам и переданным мне Мирбадалевым, у Закаспия имеется связь с Колчаком. В Бухаре Иванов оставался 4–6 дней. Дальше он, по словам Мирбадалева, выехал в Фергану для установления связи Закаспия с Иргашом.

На второй или третий день приезда Иванова меня, сидевшего, никуда не выходя с завода, начиная с осиповских событий, вызвал по телефону из Старой Бухары Гальперин, за сим, неоднократно, — Белицкий. Звали в Бухару для свидания с прибывшим интересным человеком. Я уже из сведений Мирбадалева знал, что это был Иванов и сознательно уклонился от поездки, не желая, чтобы мое имя когда-либо могли присоединить к сношениям с Закаспием. Иванов виделся со всеми русскими эмигрантами и стремился поднять их дух. Около страстной седмицы прокламации, по всей вероятности [написанные] рукой Иванова, присланы были в Новую Бухару всем организациям с призывом восстать против советской власти. Один экземпляр мне прислал Мирбадалев для прочтения. Прокламация извращала военные успехи советских войск и никакого успеха не произвела. Вообще все сведения о Закаспийском фронте политического характера я получал через Мирбадалева, бывающего один-два раза в неделю в Старой Бухаре. За сим у него в Закаспии на фронте — сын его Оскар, выехавший туда против воли отца добровольцем. Сведения коммерческого характера получались в Старой Бухаре из Мерва бухарскими евреями очень часто, почти еженедельно, главным образом — Пинхасовым, Боруховым, Тилляевым, конторой Вадьяева, и за сим нерегулярно, но довольно часто, от проезжих коммерсантов — туркмен, персов и афганцев. Сведения коммерческого характера неизменно указывали на прочность порядка в Закаспии и на начавшиеся сделки на каракуль, хлопок и шерсть, вывозимые через Батум в Марсель. Туркестанский коммерсант Рафаил Потеляхов, находящийся в настоящее время в Байрам-Али, писал, как говорят, Пинхасову, что фронт откроется после Пасхи и просил его организовать по всей Бухаре комиссионные конторы по покупке хлопка и шерсти. Бухарские евреи начали закупать хлопок... Товарообмен между Бухарой и Закаспием увеличился. Туда идет, через Керки, каракуль, чай, сахар, мануфактура, оттуда —

керосин, нефть. Как говорят, прибывшие с Ивановым провожатые туркмены доставили Эмиру 200 винтовок, патроны, оружейные снаряды. Об этом я также слышал от Мирбадалева.

Я лично никогда не сносился и не пытался сноситься с кем-либо из членов Закасп[ийского] правительства, а тем более с военным фронтом в Закаспии. Я там никого не знал и старался все время, со времени Октябрьского переворота, стать подальше от политики. Признаю все же, что ко мне обращались неоднократно русские эмигранты с просьбой исходатайствовать для них перед Бух[арским] Правительством открытые листы для проезда по бухарской территории во избежание неприятностей в пути до границы (доктор Рабинович, Киракосян, Лангер), но я все время отклонял, кроме Бравина, их просьбы, зная, что Бух[арское] Пр[авительство] принципиально не выдавало таких пропусков, но не стесняло проезда всех русских по своей территории в любом направлении. Не отрицаю также и того, что бежавшие из Н[овой] Бухары в Старую от разных притеснений советских властей на почве реквизиций русские граждане, как попадавшие в положение беззащитных, ибо Резидентство их не защищало на бухарской территории, все время обращались с просьбами ко мне по телефону, открыто, помочь им и защитить их от произвола бухарских чиновников. И я защищал их, как мог, перед Бухарским Правительством — и простых рабочих, и интеллигентных людей, считая это долгом русского человека.

Из Закаспия я получил за целый год закрытия фронта два открытых письма от председателя Русско-Бухарского Акц[ионерного] Общест[ва] г. Нератова: одну открытку я получил по почте из Чарджуй (ее, очевидно, кто-то бросил из прибывших из Асхабада в Чарджуй), другую через бухарского коммерсанта — человека Борухова, бухарского еврея. Нератов писал, что ждет открытия фронта в Асхабаде, дабы прибыть в Бухару для ликвидации дел Общества. Вот все мои сношения оттуда. Из Бухары я писал в сентябре прошлого года письмо Нератову в Асхабад через керкинского чиновника Мирзу Нуретдин Мирахура и просил его выслать деньги для расчета с бедствовавшими его служащими. Я не знаю, дошло ли это письмо по назначению. Вот все, что я писал туда.

С Эмиром я не видался уже больше года. Это подтвердят резидент, бухарская церемониальная часть и бухарский токсаба в Кагане, а также Мирбадалев. В последний раз я ездил с резидентом Есьманом, дабы помочь уговорить Эмира дать разрешение на отпуск в Туркестан хлеба, мануфактуры и других товаров (просьба Есьмана, Ляпина, Савченко и других советских представителей). Не ездил я к Эмиру потому, что мое влияние пало в глазах бухарского духовен-

ства, сильного при дворе в данное время из-за бухарских событий [1918 г.], когда пришлось для мирного окончания событий в пользу Советской Республики пойти против духовенства. Все русские в Кагане подтвердят также, что я больше года не видел Эмира. Посему я отрицаю правильность того заявления, что я присутствовал при приеме Эмиром Иванова. Это чистейший вымысел. По сему делу я прошу опросить всех служащих на заводе Бухарского Правительства русских граждан. Они знают о всех моих поездках в Ст[арую] Бухару к Эмиру.

Резюме: Бухарское Правительство под влиянием нелояльной политики советских политических представителей, получая явные угрозы нового нападения на Бухару по всяким, даже мелочным, поводам, **самостоятельно**, без какого-либо давления с моей стороны или со стороны кого-либо другого, **нелегально**, скрывая это от всех, даже высших представителей бухарской власти, начало сношения с Закаспием на случай вышеназванного нападения туркестанской власти на Бухару, но не для агрессивного нападения на Туркестан, что явный абсурд. Дабы не скрыть ничего, скажу, что из Туркестана, Самарканда, Бухары идет эмиграция русских граждан в Закаспий и дальше в Россию и на Кавказ. Едут в небольшом количестве семейные рабочие хлопковых предприятий; служащие, оставшиеся без места; интеллигенция; конечно, буржуазный класс; беглое офицерство, скрывающееся от разных фронтов. Все только проезжают через Бухару, задерживаясь лишь для найма караванов, которых не хватает. Никто, кроме бухарских русских граждан, не остается в Бухаре: все опасаются новых бухарских событий и мусульманских зверств».

По второму, интересовавшему следователя, вопросу — «о подготовке Бухары к вооруженному выступлению» — Введенский сообщал:

«Бухара, располагавшая до бухарских событий незначительным количеством огнестрельного и пригодного для современного боя оружия (два новейших орудия, подаренных Бухаре бывшим Российским Правительством, и 400 пятизарядных винтовок с соответствующим количеством патронов, не считая частных приобретений оружия по всему ханству из России до войны, что составляло в год незначительную величину — до 300–400 винтовок и револьверов), со времени колесовского похода, подвергшись частичному разгрому и увидев, что Россия не может защищать Бухару как раньше, начала вооружаться. Прежде всего Бухара закупила всю ветошь и старье в Афганистане (по приблизительному подсчету, 2000–3000 винтовок системы Врендла). За сим русские воинские части, демобилизованные в Термезе, Керки, Чарджуе, Новой Бухаре, начали открыто продавать оружие бухарцам. Продавались даже пулеметы — в Термезе, в Керки. Когда

демобилизованные ушли, бухарцы начали скупать оружие по линии Средне-Азиатской ж[елезной] д[ороги] от проходивших воинских частей. Ввиду дорогой платы за винтовку (от 800 рублей первое время и до 4 000 рублей в последнее время) бухарцам легко и без всякой помощи с чьей-либо стороны удавалось скупать оружие, тем более, что российская советская власть на местах не принимала никаких мер воздействия. Главными продавцами оружия за последнее время являлись чины железнодорожной охраны, за сим красноармейцы-мусульмане, убегающие иной раз получастями с винтовками в руках в Бухару из-за выгоды поступления на службу, и армяне-красноармейцы (в Кагане — Ахназаров, бежавший в конце концов после раскрытия его продаж; известный кокандский деятель армянин Рубен), грузины-красноармейцы (Топуридзе), австрийцы. Недавно в Керки армянами-красноармейцами и австрийцами проданы негласно бухарскому чиновнику Хаджи Латиф Диван-беги четыре пулемета за 300 тыс. рублей. Об этом все открыто говорят в Бухаре. Бухарское Правительство неоднократно посылало своих агентов в Самарканд для закупки оружия, покупало там и вывозило в Бухару. Я неоднократно заявлял об этом Чрезвычайному Комиссару по Бухарским делам Шмидту и Есьману, прося обратить на это серьезное внимание. Помню, и тот и другой телеграфировали в Самарканд, но — всеобщая разруха и распад власти. Ловили единицы, а целые партии по 50–60 винтовок пропускались через самаркандскую границу без досмотра. У советских властей не было единства взгляда и действий. Военный атташе Резидентства при Есьмане гр. Степанов, не зная ни языка, ни возможности проникнуть в толщу мусульман и чиновничества ограничивался только сведениями по Новой Бухаре. Границы Самарканда, Афганистана, Закаспия и Хивы были вне сферы его досягаемости. Бухара таким путем совершенно свободно при благоприятных для нее обстоятельствах, известных всем, совершала свое вооружение. В настоящее время никто, конечно, не знает количество ее оружия. Насколько я могу судить безошибочно, она располагает не более 12 тыс. винтовок разных систем, из коих пятизарядных имеется до 6–7 тыс., остальное — Берданки, Врендля; до 10 пулеметов и до 4–6 новейших орудий. Все эти сведения, полагаю, имеются в Резидентстве: я давал их своевременно военному атташе Резидентства гр. Степанову в письменной форме, помню, на отрывном блокноте в четвертушку карандашом. На это вооружение Бухарское Правительство вынуждено было обложить бухарских евреев на 4 миллиона рублей в два приема (это тоже известно Резидентству и я лично докладывал в первые дни приезда Печатникову), за сим обложить мусульман на полтора миллиона. Деньги эти, правда, не все собраны, ибо эта сумма оказа-

лась не по силам населению. Из Закаспия, как я уже сказал раньше, по сведениям, доставленным мне Мирбадалевым, прислано только 200 винтовок.

Лично я, как неспециалист в военной области и как горячий противник вооружения мусульман (против этого вооружения я боролся в Персии, боролся и здесь), никогда не мог давать Бухарскому Правительству никаких советов, а тем более руководить им. Вооружение происходило помимо воздействия со стороны — единоличным распоряжением Бухарского Правительства. Главными пособниками вооружения и оборудования явились после бухарских событий пленные австрийцы, бежавшие со всех разоренных станций Бухарской ж[елезной] д[ороги] и Китабской ветки. Бухарцы им платили очень хорошее содержание, и австрийцы охотно шли к Правительству на службу. Они готовили бухарцам снаряды, поправляли старые орудия. Все это делалось секретно. Когда во время бухарских событий после отступления Колесова от Новой Бухары мне, Мирбадалеву и начальнику города гр. Гальперину стало известно, что Бухарское Правительство требует австрийцев к себе на службу, австрийцев, спасшихся в Новой Бухаре, я письменно дважды протестовал против этого насилия над личностью иностранно-подданных и с большой неприятностью для себя от Эмира не допустил взять австрийцев. Против этого я боролся до последней минуты своего ареста, не допуская австрийцев поступать на службу к Эмиру, зная, что эта служба идет вразрез с русскими интересами.

Русские офицеры еще со времени демобилизации армии... пытались поступать на службу к Эмиру. Приезжали иной раз целыми группами. Когда происходило их обращение ко мне, я всякий раз неизменно направлял их в Резидентство и докладывал лично резиденту. Шмидту я докладывал о таких случаях до восьми раз (о Попове, Граббе, Ионине, — не помню сейчас других фамилий). Шмидт частью их выселял, частью снабжал деньгами или устраивал на разных местах в Новой Бухаре. Докладывал Есьману. Бухарское Правительство никогда не принимало на службу русских офицеров по религиозным соображениям, а главное — по соображениям того, что русские являются в настоящее время элементом непорядка и постоянно ссорятся между собой. Бухарцы все время искали офицеров-мусульман, но их не было. Когда явились турецкие офицеры из Афганистана, бухарцы ухватились за них, и двое из них сейчас действительно инструктируют бухарскую пехоту. Есть афганцы-инструктора, есть татары — бывшие низшие чины, но в общем немного, до 25–30 человек. Англичан-инструкторов, о чем долгое время ходили слухи, нет при Эмире. Как характерный пример укажу на случай с бывшим русским офи-

цером Оренбристером (самаркандским), служившим в качестве переводчика при бухарской туземной лечебнице в Старой Бухаре. Он неоднократно и самостоятельно подавал прошения Эмиру о принятии его на службу по инструктированию бухарской армии. Он излагал всю биографию свою, указывал на любовь к военному делу, на прекрасное знание мусульманского языка. Эмир все же отказал, хотя за Оренбристера просили у Эмира такие влиятельные бухарские сановники как Имам Кул, главный казначей, и Карши-бек. Не принимает Эмир и сейчас на службу русских офицеров по тем же соображениям полной неуверенности в них. Сейчас предложений от русских офицеров почти не поступает.

Главное военное, если так можно выразиться, внимание бухарцев обращено на защиту собственно Старой Бухары, дачи Эмира возле Сеттарей Мохасса, за сим Чарджуя, полосы вдоль Аму-Дарьи и самаркандской границы в Хатырчи. Главные силы бухарцы держат в Сеттарей Мохасса и в окрестных кишлаках. Больше же внимание бухарцев на случай нападения со стороны Туркестана обращено на разрушение железнодорожных линий на своей территории, это — 300 верст. Бухарцы полным разрушением линии надеются отвести удар на Ст[арую] Бухару — священное место в глазах мусульман. Для этого Бухарское Правительство снабдило после бухарских событий свои войска и бекства вдоль Средне-Азиатской железнодорожной линии шанцевым инструментом, скупленным по преимуществу в Термезе у демобилизованных русских воинских частей, и другими материалами для растаскивания рельс и шпал. На это обстоятельство я обращал внимание бывшего члена коллегии по бухарским делам гр. Сорокина и всех резидентов».

Сообщая известные ему сведения о численности и расположении бухарских войск, Введенский в который уже раз убежденно заявлял: «Ни для каких выступлений агрессивного характера Бухара не готовится и не готова. Главная задача ее вооружений — обезопасить себя на случай нового нападения и разорения. Бухара не выступит с оружием в руках до тех пор, пока ее не затронут». Отвечая на другой, весьма интересовавший следствие, вопрос о его «личном отношении к Эмиру и к Бухарскому Правительству», Введенский писал: «Все резиденты чувствовали необходимость помощи знающего человека и обращались ко мне. При всех трудных обстоятельствах я находил способы удовлетворения и примирения интересов обеих сторон. Пока меня звали на помощь резиденты, звал и Эмир. Отказались от меня резиденты, отказался и Эмир. Мое падение началось фактически при резиденте Есьмане, когда он решил опереться на свои силы. Тогда же и мое влияние пало при Эмире. [...] Я не был ни тайным

агентом, ни руководителем Эмира и Бухарского Правительства. Пока меня просили и Эмир, и резиденты, и вообще все российские власти в Туркестанском крае и прибегали ко мне по самым разнообразным делам, на которые Бухарское Правительство или Советская власть почему-либо не соглашались, я был только честным посредником с обоюдного согласия сторон. Экономический отдел при Резидентстве до самой последней минуты обращался ко мне за посредничеством, и я его выполнял не за страх, а по совести. Советский представитель при Афганском Эмире также при проезде обращался ко мне за содействием по разным вопросам, связанным с его переездом на афганскую сторону. Не я был при Эмире, а меня посылали к нему резиденты и все российские власти по всем делам, ибо там у них не было знаний и такта, как добиться того, что нужно было. Я, напрягая все силы и труд, насколько можно, добивался и спасал положение. Если Бухара удержалась в русской орбите и не бросилась политически в сторону Афганистана, как географической и сильной соседки, и не подпала под влияние иностранной державы, в этом много обязаны мне, русскому человеку, воспитанному в решимости защищать русские интересы». С негодованием отвергая предъявленное ему обвинение в шпионаже в пользу эмирской Бухары, Введенский обратился 30 апреля к начособотдела Воскину с заявлением, в котором, подробно освещая известные ему данные о постановке бухарцами дела разведки, твердо заявлял: «Докладываю по совести, что никогда ни при каких обстоятельствах, воспитанный прошлой службой на Востоке в преданности русским интересам, никаких сведений Бухарскому Правительству не давал и с этой стороны не служил никогда Бухарскому Правительству».

Хотя Введенский просил устроить ему очную ставку с клеветником Бравиным, тот постарался уклониться от встречи с бывшим сослуживцем, который, даже находясь в тюремной камере, взялся за выполнение задания Комиссариата иностранных дел Туркеспублики — составление проекта нового мирного соглашения с Бухарским ханством. «Когда я волновалась, — вспоминала уже в сентябре жена Введенского, — что Бравин уедет и мужу не удастся оправдаться, меня успокоили буквально следующими словами: „Вашему мужу не надо и оправдываться. Следствие и обстоятельства уже оправдали Вашего мужа. Не надо же очной ставкой позорить Бравина, раз, быть может, им еще придется служить на одном поприще“. Мне было этого достаточно, но, когда уехала миссия [в Афганистан], отношение к арестованному, уже сдавшему написанный им договор с Бухарой, стало хуже. Раньше обещали освободить его по окончании договора, так как на самом строгом следствии, где, конечно, все обвинения про-

тив Введенского рассматривались в увеличительные стекла, все-таки все обвинения рассеялись. Теперь же не только и речи не было об освобождении, но во всем самый жестокий отпор. По пять дней по два раза, утром и вечером, заставляли выжидать в отделе часы, назначая прием и снова откладывая, в то время, когда я, по удостоверению доктора, была больна воспалением легких, с температурой 39 и выше, и ютилась с дочерью в углу на полу, не имея ни квартиры, ни кровати и вообще ничего. Да, уж никак нельзя упрекнуть Особый отдел в мягком отношении к Введенскому. И все-таки, несмотря на то, что нас вымучивали, пугали и даже наказывали (не тем же, конечно!), после следствия и бесконечных доследований должны были сознаться, что тут просто недоразумение, раздутое недоверие и целая легенда. Нам этого, конечно, не говорили, держа все время под угрозой тюрьмы и наказания. Но отношение и безнадежность положения заставили меня найти возможность узнавать, что начальство само недоумевает, как из такого простака создали преступника, находит возможным освободить Введенского и привлечь к работе, но Кобозев под влиянием наветов Бравина упорно считает Введенского достойным наказания».¹

Кстати, находившиеся по другую линию фронта коллеги-дипломаты пытались выяснить его судьбу, и, например, в политической сводке деникинской Российской Миссии в Тегеране за август 1919 г. сообщалось, что «Введенский, бывший негласным советником Эмира, похищен большевиками». В связи с этим исполняющий обязанности первого секретаря Миссии С.В. Жуковский обратился с запросом к генеральному консулу в Мешхеде Н.П. Никольскому: «Не может ли офицер из Бухары дать сведения о судьбе Введенского и инженера Саковича? Цело ли их имущество? Вообще желательно собрать от него все данные о Бухаре, Эмире и работавших в Резидентстве Умнякове и Семенове». Из Мешхеда ответили лишь в середине декабря: «По сообщениям офицеров, прибывших из Бухары, Введенский находится в Ташкенте, а инженер Сакович — в Кагане; оба под угрозой смерти поступили на службу к большевикам. Об имуществе Саковича сведений не имеют; имущество же Введенского продано его женой, выехавшей в Ташкент с детьми к мужу. Умняков и Ульянов (так в тексте — В.Г.) работают в большевистском Резидентстве, во главе которого стоит Печатников».²

А что же Бравин? Еще 29 апреля возглавляемая им дипломатическая миссия пересекает афганскую границу, но местные пограничные власти не пропускают ее дальше и, продержав под стражей больше недели в тщетном ожидании распоряжений из Кабула, 7 мая предлагают покинуть территорию страны. Поэтому после двухднев-

ного пребывания в Керках миссия возвращается в Новую Бухару, где Бравин временно замещает уехавшего в Ташкент полпреда Печатникова, который, однако, выступая 16 мая на заседании высших органов Турккеспублики, с возмущением заявляет: «Я не могу допустить, чтобы в Бухаре полномочным представителем стояло такое лицо как Бравин, назначенный туда временно ввиду моей болезни. Ничего общего с Советским правительством он не имеет и служит только за деньги. Бравин может продать нас также, как и Введенский». Отзыву Бравина в Ташкент помешало доставленное в Новую Бухару послание губернатора провинции Мазари-Шариф, подтверждавшего согласие официального Кабула принять советскую миссию. Но пароход, на котором она отплывает из Чарджуя, не доезжая до Керки, подвергается жестокому обстрелу со стороны возбужденных произошедшими там событиями воинственных туркмен, из-за чего приходится повернуть назад. Тогда принимается решение ехать на лошадях через крепость Кушку, и, перейдя там 1 июля афганскую границу, Бравин лишь 21 августа достигает Кабула, где оказывается, как жалуется он в Ташкент, «в почетном заточении», будучи всегда и всюду окруженным и сопровождаемым стражей. «Я, — сетовал Бравин, — сношусь только с двумя лицами: враждебным нам и далеко неумным Эмиром и совершенно безличным министром иностранных дел. Установить связь с Вами совершенно невозможно, так как афганцы не всю вашу почту доставляют нам, а то, что доставили, носит грубые следы перлюстрации. Эмир и его министр до сих пор не дали мне ни одного серьезного ответа на мои деловые сношения. Эмир — фантазер и мечтатель, грезящий о создании сильного мусульманского государства почему-то за наш счет. Он хочет, чтобы мы отдали ему Термез, Керки и Кушку. Он мечтает о присоединении к Афганистану Закаспийской области, Хивы, Бухары и Ферганы. Около него всегда трется свора выходцев и беженцев-мусульман из Туркестана, туманящих ему голову заманчивыми планами. Я решительно утверждаю, что Афганистан уже не друг нам. Мне дано понять, что Афганистан заключил с Англией прочный мир и вновь воевать с ней не намерен. В довершение всего следует обратить внимание на то, что Эмир собирается тайно послать Бухаре военную помощь под видом инструкторов на случай действий против нас».³

Впрочем, тем же летом «Чрезвычайным и Полномочным представителем РСФСР в странах Центральной Азии», включая и Афганистан, назначается «центровик» Я.З. Суриц, который 24 октября выезжает из Ташкента в Кабул. Поскольку же у Бравина, как нетрудно об этом догадаться, абсолютно не складываются отношения с другими членами дипмиссии, передающими его слова, будто он возглавил ее с

целью «удрать в Персию из Советской России», прибывшие 4 ноября в Ташкент члены Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР во главе с Ш.З. Элиавой, обсудив 7 ноября доклад вернувшегося из Афганистана военного атташе Б.Н. Иванова, предлагают Сурицу «немедленно по приезде в Кабул передать Бравину категорический приказ приехать в Ташкент для личного доклада Комиссии о положении дел». В свою очередь заведующий ее Отделом внешних сношений Г.И. Бройдо инструктирует Сурица: «Поведение Бравина чрезвычайно подозрительно. На это наводят и доклады всех членов Миссии, его собственные сообщения, крайне противоречивые, и доклады политкома Зибарова [бывшего комиссара внутренних дел Турккеспублики], очевидно, находящегося под его влиянием. Бравина и Зибарова необходимо немедленно выслать, как только приедете, оставив его личного секретаря, барышню из Комиссариата иностранных дел, в составе Вашего посольства. Вчера получено длинное радио от Зибарова, посвященное исключительно отрицательной характеристике афганского министра иностранных дел Махмуда Тарзи — единственного, кажется, члена Министерства, определенно настроенного против англичан и ими не закупленного. Нам известно, между прочим, что Бравин списывается с Персией по личным делам и вообще собирается в Персию. Будьте осторожны к его характеристикам лиц и положений...»⁴

Уже 23 января 1920 г., ссылаясь на радиограмму из Москвы, управляющий делами Отдела внешних сношений предлагает его Секретному подотделу «при сношениях, как с Центром, так и с организациями, ни в коем случае не пользоваться шифром Бравина», а 10 февраля Элиава и Бройдо телеграфируют в НКВД: «О Бравине можем сообщить следующее. По сообщениям всех членов миссии, на официальной аудиенции у эмира он отмежевался от нас, заявив, что он не разделяет программу. По докладу Иванова и Куликова, он выдвинул перед эмиром вопрос об удалении из миссии военного атташе, несмотря на заявление эмира, что этот вопрос безразличен для него. По сведениям Введенского из Бухары, он заявил там, что едет в Афганистан, чтобы уехать из Советской России и скрыться в Персии. По докладу Куликова, он истребовал себе в Кабуле заграничный паспорт, вел сношения с Персией, не ставя нас в известность. Он согласился, по словам афганской миссии, на открытие сети консульских пунктов в Фергане и выдал сопроводительные письма бывшим [в Кабуле] потомкам кокандских ханов в качестве консулов в Фергане. По официальному заявлению афганской миссии, заметка об аресте тов. Ленина, помещенная в афганской газете, была сообщена Бравиным. По докладу консула в Маймене, он взял с собой жену некоего белогвардейца Чер-

невского, именующего себя представителем правительства Кол [?]

В ответной телеграмме от 19 февраля заместитель наркоминдела РСФСР Л.М. Карахан предписывал Турккомиссии поручить Сурицу, прибывшему в афганскую столицу 24 декабря, предложить Бравину немедленно выехать в Ташкент якобы «ввиду важных новых предложений о переводе его в Персию».⁵

Но, хотя Бравин, оскорбленный недоверием Москвы и не желавший подчиняться Сурицу, сложил с себя официальные полномочия, выпроводить его из Афганистана так и не удалось, и уже 20 марта управделами Турккомиссии Ф.Я. Рабинович информировал Элиаву: «Большие осложнения возникли у Сурица с Бравиным, который натворил много чудес в вопросе о своей персоне. Суриц сообщает, что Бравин пытался использовать свое влияние у эмира для получения помощи для отъезда в Индию. В письмах, адресованных на имя Кобозева и [заведующего Отделом Востока НКВД РСФСР] Вознесенского по адресу Сурица, Карахана и „советской дипломатии“, как он выражается, вообще имеется масса самых пикантных выражений. Между прочим, он пишет, что в Москву он поедет ему одному известными дорогами, минуя Ташкент. Мы предложили Сурицу сделать все от него зависящее, чтобы Бравин был доставлен в Кушку». Но упрямец продолжает оставаться в Кабуле, и 18 августа Суриц докладывает в НКВД: «Тарзи передал, что Бравин забрасывает афганское правительство прошениями о разрешении выехать через Индию в Крым, и справлялся о нашем отношении к такому разрешению. Я категорически протестовал, указав, что: 1) сомневаюсь в его желании ехать в Крым и полагаю, что, по предварительному сговору с ними, [он намерен] остаться в Англии, 2) несомненно, Индийское правительство не бескорыстно дает ему такое разрешение, 3) „услуги“, которые Бравин окажет англичанам, одинаково вредны как для нас, так и для Афганистана, 4) настаиваю на его возвращении в Советскую Россию, от имени которой он сюда приехал». Наконец, уже 15 января 1921 г. Суриц извещает НКВД (телеграмма частично не расшифрована): «Бравин, подозреваемый в сношениях с англичанами, удален из Кабула. Первоначальное предположение разрешить ему въезд в Индию изменено после его протеста, при содействии Джемала в тех пунктах., агенты уже подобраны».⁶

Скорее всего, речь шла о физическом устанении первого советского «невозвращенца», что косвенно подтверждал и Кобозев в своих крайне путаных, с явным перевираанием дат и фамилий, набросках воспоминаний о работе в Туркестане, в которых, в частности, писал: «С Бравиным был послан в Афганистан, как политрук, эсер Б. Иванов, пристреливший там Бравина. Куда делись деньги афганского по-

сла Бравина (свыше 1 милл. рублей) знать должен именно Б. Иванов...» Но военный атташе Иванов уехал из Афганистана еще в ноябре 1919 г., а убийство произошло в январе 1921 г. Тогда в Кабул приехала британская дипломатическая миссия, и намерение Бравина вступить с ней в контакт вызвала раздражение афганских властей, предложивших ему покинуть страну. Об обстоятельствах гибели Бравина пишет сибирский историк С.Б. Панин в своей интересной книге по истории российско-афганских отношений: «В январе 1921 г., взяв с собой большое количество имевшихся у него документов, Бравин отправился в Индию. Для сопровождения бывшего советского дипломата до границы афганские власти выделили караул из семи вооруженных человек во главе с неким Асламом. Во время остановки в Газни, когда Бравин вечером вышел на прогулку, он был убит Асламом или одним из сопровождавших его солдат. По свидетельству М.Р. Шивана, в смерти Бравина был обвинен человек, не имевший к этому никакого отношения, — преступник, сидевший в газнийской тюрьме и ожидавший смертного приговора. Ему пообещали, что его семья получит крупную сумму денег, если он заявит, что убил Бравина якобы за оскорбление религиозных чувств. Этот преступник и был казнен как убийца Бравина».⁷

15. АРЕСТАНТ КАМЕРЫ № 29

Хотя уже в конце мая начальник Особотдела возбудил вопрос об освобождении Введенского, против этого восстал Кобозев. Дальнейшие мытарства арестованного горестно описывала его жена в своем заявлении в Турккомиссию от 28 октября 1919 г.: «Особый отдел трижды посылал своих агентов в Бухару, где Введенский был арестован, для отыскания материала по обвинению; в четвертый раз ездил туда инспектор Особого отдела Герман Левин. Ничего абсолютно не нашли. Через три месяца после ареста начальником Особого отдела Воскиным было заявлено в ТуркЦИК, что за Введенским нет обвинений. Но Кобозев, член Крайкома, заявил, что у него от Бравина имеется серьезный материал против Введенского, что даже сам Ленин знает о нем худое и что об освобождении не может быть и речи. Снова Воскин усилил строгости и снова послал разыскивать материалы. Через три месяца повторилось то же. Между тем, так как бухарское правительство доверило Введенскому большие суммы на продовольствие,

на хлопковые заводы и на восстановление испорченной при Колесове железной дороги, и Введенский был внезапно вырван [со службы], не сдал отчетности, — бухарское правительство все конфисковало у нас. Семья Введенского осталась без всякой поддержки и со стороны русских и со стороны бухарцев. Я заболела воспалением легких, потом, так как лечить не пришлось, плевритом. Мы перебивались кое-как из одолжения у знакомых, надеясь на скорое освобождение. Но прошло лето. Где перебиться нам зимой? Я подала прошение в ТуркЦИК об освобождении мужа. ТуркЦИК созвал президиум, Воскин сделал доклад, что обвинительного материала нет. Вынесли решение освободить Введенского и дать ему место в Продовольственной директории. Но Кобозев снова сделал протест, настаивая на высылке в Москву...»¹

Увы, вопрос об освобождении Введенского тормозился жестокой внутренней борьбой, которая разделила правящую верхушку республики на две враждующие группировки, во главе одной из которых стоял председатель ТуркЦИК А.А. Казаков, а во главе другой — властолюбивый и игравший «первую скрипку» в Крайкоме РКП(б) П.А. Кобозев. Первый обвинял второго в интриганстве, вмешательстве в дела военного командования и даже попытке ...«государственного переворота» — намерении арестовать не подчинявшихся ему членов Президиума ТурЦИК во главе с Казаковым и Успенским, за что, впрочем, сам Кобозев оказался под домашним арестом. Он же в свою очередь инкриминировал Казакову «самодержавие», многократные нарушения партийной дисциплины и участие в «чайной панаме» — финансовой афере с поставкой в Бухару чая, которую еще в 1918 г. провернул-де вместе со Шмидтом. Каждая из сторон жаловалась на другую в Москву, но на проходивших в сентябре-октябре 1919 г. 4-м партийном и 8-м советском съездах победу одержал более искусственный в политических интригах Кобозев, который, сумев заручиться поддержкой делегатов-мусульман, составлявших на съездах большинство, провел в Крайкоме постановление об исключении Казакова и его ближайших сподвижников из партии. Впрочем, обоих антагонистов выслали из Ташкента почти сразу же после приезда туда 4 ноября членов Турккомиссии — Ш.З. Элиавы, Ф.И. Голощекина, В.В. Куйбышева и Я.Э. Рудзутака, к которым в январе-феврале 1920 г. присоединились задержавшиеся в Самаре Г.И. Бокий и М.В. Фрунзе. Но еще 11 сентября, выступая на 8-м съезде Советов Турккеспублики, Кобозев, который впоследствии очень гордился тем, что «выкрал царского посла Введенского из Бухары», не постеснялся использовать имена томившихся в тюрьме арестантов для обвинения Казакова в покровительстве «контрреволюционерам», заявив: «Агапов жив,

Введенский еще жив и, даже говорят, что и вины за ним никакой нет. Нет ли и в составе правительства Агаповых и Введенских?»²

Кстати, жена Введенского отмечала, что в качестве просительницы «была у Кобозева в разное время семь раз и после этой речи, но он уклонился [от встречи] и ответил только через жену, что скоро придет Верховная комиссия, которая и решит дело». Результатом же прошения Татьяны Павловны, от 20 сентября, на имя председателя 8-го съезда Советов оказалась передача арестованного из ведения Особого отдела в ТуркЧК, коллегия которой, рассмотрев 15 октября «дело по обвинению Павла Введенского в агитации среди Бухарского правительства», постановила подтвердить прежнюю меру пресечения — «заключение под стражу» — и начать предварительное следствие, то есть после шестимесячного заключения все начиналось сначала! «Муж мой всю жизнь свою бился на работе для пользы родины, — потерянню недоумевала жена Введенского в очередном прошении. — Он оказал большие услуги Советской республике: спас, по поручению председателя Совнаркома Колесова, тяжелое положение Советской республики в Бухаре во время событий 1918 г., спас все население от неминуемой резни. Он неизменно все время оказывал своими знаниями помощь Резидентству и Экономическому отделу. Он даже здесь, в тюрьме, уже по предложению ТурЦИК составил проект нового мирного договора с Бухарой — целый труд, и очень ценный. Он искренно готов работать для Советской России. Мои слова подтверждают советские деятели старого состава: Колесов, Успенский, Колузаев, Домогатский, Богоявленский, Сидоров и, сверх того, все мирное население русской Бухары, которая считает чуть ли не спасителем Введенского в 1918 г. Бога ради, взгляните на все это! Как измучены мы без вины, сколько ушло времени...»³

Однако никто, конечно, не прислушался к словам несчастной жены, тщетно напоминавшей, что «если направление бухарской политики было худо при Введенском, о чем, говорят, предупрежден даже Ленин, живущий далеко-далеко, то уж здесь, на месте, каждый обыватель скажет, да и власть сознается, что без Введенского Бухара ведет себя еще в десять раз, в двадцать раз хуже и враждебнее. Введенский все-таки многое улаживал, многого добивался, а теперь каково?» Впрочем, о том, как складывались отношения с Бухарой, пока Введенский находился в тюрьме, доложил 23 сентября на закрытом заседании съезда полпред Печатников, который, не заостряя внимания на керкинском инциденте, едва не ставшим поводом для новой кровопролитной войны с ханством, уверял делегатов, что, сколько республика ни шла навстречу эмирскому правительству, сколько ни делала ему уступок с целью установления дружественных взаимоотноше-

ний, ей это так и не удалось. Столь возмутительное поведение бухарцев Печатников объяснял всевластием старого кушбеги — человека крайне невежественного, упрямого и «фанатика до мозга костей», который после колесовского похода почти единолично решал все вопросы как внутренней, так и внешней политики страны, опираясь на поддержку консервативного духовенства и имея безграничное влияние на своего бывшего воспитанника Сеид Мир Алим-хана.

«Как мы ни старались, — рассказывал полпред, — как усиленно ни агитировали и ни хлопотали у Эмира за проведение того или иного положения, ничего не выходило из этого, и воля Эмира на самом деле значится только на бумаге... Эмир — безвольное существо, обессиленное теми недугами, которыми страдают все восточные деспоты. Он ничего не знает в делах, и ему докладывает обо всем кушбег, [убеждает], что в его ханстве все процветает. И это делают все. Даже мне, когда я поехал к Эмиру, чиновник говорит: „Вы Эмиру ничего не рассказывайте, ничего не говорите относительно того, что теперь всемирный капитал дерется с Россией, — это его опечалит“. ...Я делал попытки осветить ему положение международное и, когда я предложил присылать выдержки из разных радиogramм, он согласился. Я стал ему их посылать, но думаете, он их получал? Ничего подобного, потому что все сведения государственной важности ...не попадают в руки Его Высочества Эмира непосредственно, а идут все через фильтр того же кушбеги, и он накладывает на все это свою лапу, и если ему угодно, то пропускает, а если нет, бросает в корзину, а мне отвечает, что все сделано... Когда я прихожу к Эмиру на аудиенцию и спрашиваю его относительно моих посланий, он ширит свои зрачки и говорит, что он ничего не может ответить. И когда я убедился, что до Эмира не доходят важные государственные вопросы, которые мы хотели разрешить, то я начинаю ему говорить о неудобствах такого порядка и такого главы страны, что он ведет страну к гибели, что Советская Республика не сможет долго терпеть этого, потому что мы связаны экономическим положением, что есть много вопросов, которые необходимо разрешить и имеется много национализированных товаров стоимостью около 10 миллионов рублей, которые лежат там, так как против вывоза стоит правительство Эмира. И таким образом Республике придется прибегнуть к другим мерам и, наконец, решить все вопросы с правительством ханства, фактически состоящим из одного кушбеги. Потому что мы, объявив вам автономию, думали, что вы воспользуетесь этим не во вред Республике, а для того, чтобы у вас получилась своя туземная власть и чтобы народ трудовой мог пользоваться плодами своих рук и быть хозяином тех благ, которые он создает, но у вас этого ничего не видно. И, конечно, на все

это Эмир отвечает соболезнующе: „Да-да, действительно, так оно и есть“. Но все-таки результатов никаких не будет, потому что он окружен классом, сильным сейчас в Бухаре...»

Победы Красной Армии, отмечал Печатников, это единственное, что влияет на политику Бухары, и, узнав, например, об успешном соединении войск Туркеспублики и Туркфронта и раскупоривании оренбургской «пробки», эмирское правительство тут же устроило грандиозную манифестацию, направив полпреду поздравление от имени Его Высочества с наилучшими пожеланиями. Кроме того, сокращался полпред, Бухара по-прежнему является центром, куда стекались и стекаются все контрреволюционеры из Ташкента и Закаспия: «Они там все благополучно живут, потому что мы имели глупость объявить автономию Бухары, и мы это сделали не для угнетенных, не для бедноты Бухары, а для генералов, для кушбеги и других, которые придавили эту бедноту. И вот, благодаря этой автономии, они все время гордо заявляют: „Мы — самостоятельное государство и разрешите этим политическим эмигрантам жить у нас. Вы же не высылаете из ваших владений наших эмигрантов, поэтому разрешите и этим жить здесь“. Более того, негодовал Печатников, в Старой Бухаре действует «штаб белой гвардии», причем на требование выселить контрреволюционеров эмирское правительство «имело нахальство, когда наши дела были плохи, сказать: „дайте нам одного младобухарца, а мы выдадим вам десять белогвардейцев“. В этом штабе, с сожалением признавался докладчик, „сидят умные головы“, советами которых пользуется даже кушбеги, и, например, недавно полпредство получило от него послание, в котором говорится примерно следующее: „Так как русская революция в лице своих вождей объявила автономию и провозгласила самоопределение наций и также аннулировало все договора и дарственные записи и концессии старого правительства другим нациям как Бухаре, Персии, Хиве и т. п., то мы тоже заявляем, что все договора, заключенные Бухарой с царским правительством, также аннулируются, что все старые договора мы не признаем“. Отсюда вытекает, что железная дорога, построенная царским правительством, должна перейти в руки Бухары, что все наши учреждения и ценности, все концессии в Ширабаде и орудия, которые очень помогли бы Республике, все они, по их мнению, должны тоже отойти к ним. Бухара, Керки, Термез, как подаренные царскому правительству, тоже должны отойти Бухаре. Мы будем там только гостями...»

20 октября Введенский обращается к новому председателю ТуркЦИК И.А. Апинову с прошением, в котором пишет, что из бесед с бывшим и нынешним начальниками Особого отдела, Воскиным и Верши-

ниным, узнал о намерении выслать его в Москву. Напоминая, что пошел уже седьмой месяц лишения его свободы без предъявления какого-либо обвинения, Введенский подчеркивал, что никогда не противодействовал существующей власти и за более чем полтора десятка лет честной службы вполне доказал свою преданность России и русскому делу. «Все слухи обо мне, — писал он, — это только легенды людей, не знающих меня... Я все время прошу власть только об одном: выслушать меня, дабы объяснениями своими и докладами по бухарским делам, весьма туго поддающимся развязке при отсутствии у Советской власти в Бухаре опытных людей, снять с себя легендарные обвинения и прекратить несправедливое преследование человека, который не один раз спас в Бухаре положение русских как во время бухарских событий, так и после — вплоть до ареста». Введенский просил дать ему, наконец, возможность «для объяснений и опровержения на основании документальных данных всех тех легенд, которые сложили люди на личной и политической почве, и принять или лично или в заседании Президиума или Пленума ТуркЦИК», а затем уж решать, наказывать или освободить его как несправедливо заключенного.

На прошении — резолюция Апина от 23 октября: «В Т.Ч.К. для срочного доклада о положении дела». Поскольку же в деле Введенского, как оказывается, вообще отсутствуют какие-либо обвинительные показания, Апин поручает ТуркЧК снять их с Кобозева, Казакова и Печатникова. Вызванный 29 октября на допрос в качестве свидетеля, Кобозев отстаивает свою прежнюю версию о Введенском как об опасном английском, бухарском и белогвардейском шпионе, дополняя ее следующим пассажем: «Когда я был в 1918 г. в Бухаре, там наши правящие круги указали мне на Введенского как на лицо, парализующее всю нашу работу относительно привлечения к социальной революции Бухары, Афганистана и т. д. Введенский был одним из тех, которые пользовались крупным доверием у бухарского правительства и лично у Эмира. Обращаясь одновременно среди наших работников, он хорошо знал все наши недочеты, наше настроение и обо всем спешил ставить сейчас же в известность бухарское правительство. Совсем определенно наши работники в Бухаре высказывались о Введенском как о яром контрреволюционере, мало того, шпионе в пользу Бухары, а дальше — асхабадского правительства. Отстранить Введенского как-нибудь или арестовать не оказывалось технически возможности. От приезда в Ташкент, несмотря на обвинения, тяготевшие над ним, он уклонялся, считая себя послем Временного правительства Керенского. Когда я после уехал в Центр, там меня спросили (т. Ленин и т. Карахан), что с Введенским, и заявили, что Туркестан, пока в Бухаре сидит Введенский, никогда не притянет на свою сторону Бу-

хару, не присоединит к себе Восток, так как Введенский настолько влиятельное лицо у бухарского правительства, что оно пойдет туда, куда хочет Введенский». Казаков, в отличие от Кобозева, был лаконичен и на допросе 30 октября заявил, что знает о подследственном лишь со слов Бравина и Печатникова. «Прямых указаний, обвиняющих Введенского, у меня лично нет», — подытожил бывший глава республики.

Показания Печатникова в деле отсутствуют, но еще 28 октября председатель ТуркЧК обратился к нему с просьбой срочно выслать обвинительные материалы по делу Введенского, если таковые в Новой Бухаре имеются. Во исполнение запроса Ташкента принимается решение просмотреть протоколы всех общих партсобраний и заседаний комитета Ново-Бухарской организации РКП(б), но никаких упоминаний о подследственном там не оказывается. «Можем сказать только одно, — телеграфирует 10 ноября в Ташкент глава местного парткома П.П. Советкин (один из героев керкинских событий, смещенный вскоре со своей должности за пьянство и избиения евреев), — что Введенский был врагом Советской власти уже по одному тому, что служил у Бухарского правительства и шел всегда вразрез с задачами советского строительства... На вызовы представителей следственной комиссии не являлся, скрываясь под охраной Бухарского правительства. Все это вместе взятое говорит, что он не считался с существующей властью и ей не подчинялся». Единственный «компрометирующий» документ, который удается найти чекистам в Новой Бухаре, — это письмо Введенского управляющему Зирабулакским хлопкоочистительным заводом Иконникову с инструкцией: «Никаких сведений никому о находящемся у нас на заводе хлопке, в особенности — товарищам, не выдавать». И все...⁴

Тем временем, узнав об ожидающемся прибытии «Верховной Комиссии» из Москвы, Введенский адресует ей свое прошение от 30 октября, указывая, что после полугодичного заключения в тюремном Особого отдела переведен в ташкентский «Исправительный рабочий дом» и зачислен за ТуркЧК, которая тоже не предъявляет ему никаких обвинений. Причем, хотя, в связи с опротестованием Кобозевым постановления ТурЦИК об освобождении Введенского, Москва так и не подтвердила наличие у нее каких-либо дополнительных обвинительных материалов, принято решение выслать его из Туркестана вместе с семьей, лишенной каких-либо средств к существованию и, главное, зимней одежды, в связи с чем он умоляет Комиссию восстановить справедливость — освободить его из заточения и предоставить работу в Ташкенте. Но прошение задерживается политическим комиссаром тюрьмы членом ТуркЦИК С.С. Дорожкиным — бывшим

цирковым артистом, переквалифицировавшимся в чекиста, который позже, оправдываясь, ссылался на свою большую занятость и уверял Турккомиссию, что сумел-де выяснить ее адрес лишь к ...23 ноября.⁵

Хотя об участии своего положенного «под сукно» прошения Введенский ничего не знал, в день приезда Турккомиссии в Ташкент он обратился к ней с повторным заявлением, адресовав отдельное послание одному из самых влиятельных ее сотрудников — Г.И. Бройдо, полагая, что тот вспомнит их встречу в Бухаре весной 1917 г. «Узнав, что Вы приехали из Москвы, — взывает к Бройдо „арестант камеры № 29“, — обращаюсь к Вам с глубокой просьбой, как к знающему меня человеку. Ради Бога и во имя справедливости, выслушайте меня, вызвав обязательно в Верховную Комиссию. По делам бухарским, где накопилось столько непоправимого благодаря неумелым работникам, столько грязи и преступлений, что, дабы Верховной Комиссии уладить все, необходимо ознакомиться со сведениями человека, которого загнали в тюрьму, но который всю жизнь и, в частности, несчастную жизнь в Бухаре отдал России. Меня не судят — материала нет, но держат как опасного человека, ни разу не выслушав...» Однако Бройдо, сделав выговор тюремной администрации за задержку с передачей прошения арестанта, вовсе не торопится с освобождением его из тюрьмы, намереваясь лишь, по примеру прежних туркестанских властей, воспользоваться его знаниями и опытом, о чем свидетельствует и очередное письмо Введенского в Турккомиссию от 24 ноября: «Ввиду спешности порученной работы и необходимости произвести четыре выкопировки плана пограничной полосы между Афганистаном и Туркестаном (проекты русский, англо-афганский, согласительный проект — настоящая граница — и проект новой границы) прошу о командировании топографа для соответствующих указаний. За сим прошу о присылке книги „Туркестан“, изд. Девриена, с картами туркменских поселений в районе между Герирудом и Мургабом, и 15 листов белой писчей бумаги для работы. Вместе с сим прошу отдать распоряжение администрации о предоставлении мне свиданий с женой, так как вчера я был лишен свидания по неизвестным причинам. Я восьмой месяц сижу без предъявления обвинения».⁶

Кстати, нельзя не упомянуть и об условиях заключения в «Исправительном рабочем доме», который встречал своих вынужденных постояльцев бодрым лозунгом: «Преступность искореняется трудом, образованием и разумным воспитанием». Как признавался репортер ташкентских «Известий» Е. Черский, намеревавшийся показать читателям, как выгодно отличается советское исправительное учреждение от буржуазного узилища, в тюрьме, рассчитанной на 340–350 человек, содержалось тогда свыше 500 заключенных (в числе

которых оказались бывший полпред Есьман и недавние члены Совнаркома — Черневский с тремя сыновьями и Успенский), и, помимо невероятной тесноты, их редкие свидания с родными превращались в сущее мучение или, скорее, изощренную пытку: «Каждый из пришедших посетителей начинает говорить сначала обычным голосом, но разговор тут же рядом стоящих заглушает его, и каждый, все повышая свой голос, доводит его в конце концов до крика... Свидания бывают раз в неделю, и в течение короткого промежутка времени (15–20 минут) так много нужно сказать. Но расстояние между барьерами, вернее, выкрики соседей справа, слева и сзади, наконец, собственный крик, все это сливается в какой-то общий вопль, не дающий возможности что-либо разобрать. Речь армянская, русская, еврейская, киргизская, татарская и сартовская — все это сливается в один общий крик, крик отчаяния [от невозможности] сказать что-либо близкому и вместе с тем такому далекому человеку. Головы говорящих вытягиваются, мускулы лица и шеи напрягаются, лицо делается красным от натуги и вряд ли эти „свидания“ достигают своей цели. И когда кончается срок свидания, все какие-то сразу обмякшие после нервного и физического напряжения, с чувством усталости и разочарования на лице, медленно, как после тяжелой работы, расходятся».⁷

Ознакомившись с письмом Введенского, Элиава отдает распоряжение Реввоенсовету Турквойск: «Для выполнения срочных работ по выкопировке плана пограничной полосы между Афганистаном и Туркестаном, порученной находящемуся в заключении гр. Введенскому, Турккомиссия предлагает Вам временно откомандировать в ее распоряжение одного топографа». В тот же день Отдел внешних сношений Турккомиссии, которым заведует Бройдо, предлагает администрации тюрьмы «предоставить гражд. Введенскому все необходимые условия для исполнения возложенной на него Отделом работы». Таким образом ценный узник приступает к выполнению нового поручения своих тюремщиков, а его жена, безнадежно взывая к совести власть предержащих, обращается 30 ноября к Элиаве с очередным, полным отчаяния, прошением об освобождении мужа:

«Осмеливаюсь беспокоить Вас лично потому, что потеряла всякую надежду на скорое окончание дела. К кому ни обращаешься, всегда получаешь успокоительный ответ: „через неделю“, „через 5 дней“, „когда придет тот“, „когда придет этот“. Ждешь по всем этим обещаниям, проходят все назначенные сроки и приезды, а перемены никакой. С первого месяца ареста с нами поступали так, назначая даже числа и дни освобождения, и до сих пор все то же. Это еще тяжелее, чем если б был осужден человек на долгий, но определенный срок. Здесь же во всех этих бесконечных обещаниях, все новых и новых, капля по

капле сочится жизнь наша. Между тем положение семьи Введенского так безвыходно и невыносимо тяжело, что еле-еле тянешь не месяцы, не дни, а часы. Каждый час — не жизнь, а агония. Жена Введенского больна, лежит — если есть возможность никуда не идти за обещанным освобождением. Прав никаких нет, обедать негде. Всю работу по уборке и готовке обеда несет ребенок — девочка 11 лет. Уже декабрь, холодно и сыро, а у нас ни дров, ни печки, ни разу еще и не топили, приходится спать, не раздеваясь, а не то, что лечиться. Теперь требуется освобождать дом для афганской миссии. Силы мои все ушли и помощи никакой. Средства к жизни для всей семьи я искала в Бухаре у знакомых на 2–3 недели и снова надо ехать просить. Здесь мне негде найти средства, так как здесь мы совершенно чужие и без знакомств. Между тем за это время десятки и серьезных и неожиданных освобождений. Некоторых освобождают досрочно, под стражу. Освободили Есьмана, Успенского под стражу. О Введенском же все говорят хорошее, относятся хорошо, дают прекрасные обещания, а в результате — закрытая глухая безвыходная могила, никакого снисхождения, никакой жалости к человеку, которому даже работу дают в тюрьме и у которого тут же рядом погибает бессильная семья, тогда как он, здоровый и сильный, мог бы устроить свою семью и помочь ей. Мы выбились из сил... Из последних сил. Восемь месяцев непрерывной борьбы за кусок хлеба, за устройство семьи, хлопот за мужа наряду с серьезной болезнями взяли все. Моей голове уже не хватает изыскивать источники питания и работать в лихорадке до 39 градусов, а кормилец семьи, вся наша опора уже хотя бы здоровьем своим, бьется там за стенами, бессильный взять на себя наш труд. Кто же поймет это? Неужели для Вас Введенский только машина, нужная или ненужная Вам, вредная или полезная, которую пустят в ход в удобный момент, совершенно не видя в нем человека, у которого, уже довольно пострадавшего, погибает последнее, что он имеет, — семья, или даже вернее — остаток семьи, так как сын уже умер. Простите, что беспокою, отрываю Ваше время от более важных, как Вы сказали мне, дел, но, может быть, Вы услышите меня, что мы так придавлены, что ждать нам нельзя. Освободите мужа под самую строгую стражу досрочно или под залог или другие гарантии, чтобы он мог помочь своей семье, совершенно изнуренной, обессиленной, да и голодной. Если этого Вы не сделаете, то отпустите его хоть на 1–2 дня помочь нам в хоть самом тяжелом мужском труде, который падает на больную и на ребенка. Услышите меня, поймите меня! Нам нужна помощь».⁸

Письмо отчаявшейся женщины произвело впечатление даже на Бройдо, вообще мало интересовавшегося бытовым устройством своих сотрудников, и он накладывает резолюцию: «Оказать содействие

делу». Хотя Введенский продолжает оставаться за решеткой, он получает некоторые послабления: 4 декабря Рудзутак приказывает заведующему Исправительным домом освободить арестанта от канцелярских работ и «предоставить ему достаточное освещение для успешного выполнения возложенной на него Комиссией работы». А пять дней спустя Введенскому доставляют в тюрьму целую библиотеку дополнительно заказанной им справочной литературы: «Афганистан» А. Гамильтона, «Военно-географический очерк Афганского театра военных действий», «Вооруженные силы Афганистана», «Вооруженные силы Афганистана и Индии», сборники действующих трактатов и изданные до 1885 г. географические карты Афганистана. Более того, Введенскому разрешено заниматься в ташкентской Публичной библиотеке, но он упрямо не желает ходить туда под конвоем, стесняющим его работу своим присутствием. «Я прошу Комиссию, — заявляет Введенский 8 декабря, — сделать зависящие распоряжения заведующему Исправительным Рабочим Домом о предоставлении мне права посещения библиотеки без конвоя под товарищескую поруку всех заключенных, находящихся со мной в камере, что применяется на практике в отношении других заключенных при отпуске их в город». Но Бройдо соглашается лишь на то, чтобы «конвой не сидел в той комнате, в которой будет работать Введенский». Между тем проходят дни, а обещанное ему освобождение все откладывается и откладывается. Нервы у Введенского на пределе, и объявленное ему постановление ТуркЧК от 6 декабря о передаче его дела в партийный краевой суд (!) заставляет узника пойти на крайнюю меру.

«8 месяцев, — с горечью напоминает он Турккомиссии, — я сижу без предъявления обвинения. Особый отдел, продержав почти 6 месяцев в заключении, истратив огромные суммы на подыскание обвинения и не найдя никакого обвинения, заявив об этом дважды ТуркЦИК, спихнул с себя это вопиющее по несправедливости дело в ЧЕКА. ЧЕКА два месяца усиленно занималась розыском обвинительного материала, но не нашла, несмотря на посылку особого следователя в Бухару, обвинения и передала дело, не найдя обвинения, в Краевой Партийный Суд. Теперь мне предстоят новые месяцы сидения в ожидании, пока это учреждение, коему я неподсуден, ибо я — непартийный, отыщет обвинение. Закон ко мне не применяется. Мои протесты на это комиссару юстиции не имеют никакого отзвука. Я вижу, что я поставлен ВНЕ ЗАКОНА БЕЗ ВИНЫ. Обращения в ТуркЦИК, в Крайком — с мольбой о милости не мучить меня и заставить кого следует предъявить мне обвинение, судить — не имеют успеха. Следственная часть ясно и определенно говорит: нет обвинения. На обращение в Комиссию по делам Туркестана с просьбой обратить на мое дело

внимание и побудить кого следует предъявить обвинение или отпустить — я получил заверение, что в течение 10 дней это будет сделано. Прошло уже около трех недель. Поистине семья умирает с голода — выселена из квартиры, кухни нет, в столовую доступа нет как неимеющая профессиональной карточки, горячей пищи не принимает, ибо негде получить и приготовить. Никому дела до нее нет, кроме меня, а меня держат без вины и обвинения. Обращаюсь к социалистической совести Верховной комиссии в последний раз. Перенести такую жизнь — гибель семьи и пребывание 8 месяцев вне закона — я не в силах. Последние остатки нервов я отдал работе на пользу России. Не чувствуя себя, я, молча, работаю над порученным мне Верх[овной] Комиссией делом. Это не слова: я еще раз прошу Верх[овную] комиссию применить ко мне ЗАКОН и предъявить мне обвинение или отпустить меня. Если до 15 декабря мне не будет предъявлено обвинение или я не буду выпущен на свободу, как незаконно задержанный [на] 8 месяцев, я объявляю голодовку, решившись заморить себя голодом также, как умирает с голоду одинокая и брошенная семья. Пишу спокойно, обдуманно, не имея сил перенести позора, издевательства над личностью, отсутствия применения ко мне общего закона и неимения дальше сил искать справедливость и защиту. Добавляю, что против Советской России никогда ни в чем не шел, никогда контрреволюционером, белогвардейцем не был, никогда в жизни не изменял России, служа ей всеми фибрами души».⁹

На аналогичном по содержанию заявлении, которое Введенский тогда же отправляет в Центральное бюро жалоб, Бройдо 12 декабря пишет: «ТурЧеКа. Затребовать д[ело] Введенского и объяснение по поводу решения передать Партсуду Крайкома». Но уже 17 декабря Турккомиссия принимает решение «возвратить дело в ТурЧеКа с указанием, что Комиссия не нашла в деле данных, чтобы оставить такое за собой», а два дня спустя извещает ТуркЦИК, что, поскольку ни у нее, ни у находящегося в Бухаре следователя М.М. Михалевского «никаких материалов, уличающих Введенского в каком-либо преступлении, не имеется», и арест произведен еще до приезда Комиссии в Ташкент, она возвращает дело на предмет его «дальнейшего направления». Таким образом Введенский продолжает томиться в заключении, а его жена 18 декабря вновь скорбно пеняет Бройдо: «Неужели у Вас нет возможности помочь нам? Посмотрите, что выходит. Отец — в тюрьме, мать — в больнице, а девочка двенадцати лет живет одиноко и самостоятельно. Время идет, а нам все хуже. Неужели и Новый год мы так встретим? В третий раз уж я сбилась совсем с ног, а кормилец там, за стенами, доходит до истерик. Вы видите его здоровым и спокойным перед Вами и не знаете, до каких диких

выходок доходит он там, потерявши уже волю и власть над собой. Рано или поздно, конечно, вы освободите его, но не было бы поздно для нас. Вы знаете, в какой мы крайности. Зачем же так обострять, озлоблять, если хотите, чтобы он от души служил Вам? Что хорошего, если начнется эта позорная голодовка, а с ним уже никто не может справиться, он минутами безумеет совсем. Не опоздайте помочь, ведь и крайность не может длиться без конца.

На письме — очередная резолюция Бройдо от 23 декабря: «Поговорить с т. Апиным о скор[ейшем] освобожд[ении]. Он нужен для работы в Отд[еле]». Тогда же заместитель Бройдо, М.А. Старец, передает его телефонограмму председателю ТуркЧК: «Ознакомившись с делом арестованного Введенского, т. Бройдо пришел к заключению, что оснований для дальнейшего содержания его под арестом нет. Ввиду того, что председатель ТурЦИК т. Апин в свое время высказался за освобождение Введенского, т. Бройдо просит немедленно освободить его, так как Отдел внешних сношений нуждается в услугах его как востоковеда. В случае, если бы ЧК по тем или иным причинам не сочла возможным совершенно освободить Введенского, прекратив его дело, т. Бройдо просит во всяком случае изменить в отношении арестованного меру пресечения, взяв с него подписку о невыезде».¹⁰ На этом переписка по делу Введенского завершается, что могло означать лишь одно — освобождение его из тюрьмы, и уже 28 декабря Бройдо извещает Чрезвычайную следственную комиссию: «Настоящим доводится до Вашего сведения, что гр. Введенский отправляется, согласно распоряжению Турккомиссии, совместно со мной в Бухару на недельный срок». В тот же день недавнему арестанту выписывают удостоверение, которое гласит: «Дано сие гр. П.П. Введенскому в том, что он является сотрудником Турккомиссии и командирован в Бухару. Гр. Введенский имеет право посадки в вагон т. Бройдо № ..., прикрепленный к поезду председателя Турккомиссии т. Элиавы».¹¹

16. ДЕЛО О «БУХАРСКОМ ШПИОНАЖЕ»

Учитывая неустойчивое военное положение республики и присутствие в соседней Персии британских войск, Турккомиссии, по словам Фрунзе, приходилось строить свою политику исходя «из стремления добиться, ценой всяческих уступок, искренне добрососедских отношений с эмиратом». Поэтому в публичных речах Элиава

и Бройдо резко осуждали авантюристическую попытку Колесова навязать советский строй насильственным военным путем и активно прокламировали лозунги «самоопределения» Бухары и невмешательства России в ее внутренние дела. Более того, уже 26 ноября Элиава телеграфировал в Москву: «Собранные на месте особой комиссией материалы устанавливают виновность Колесова, требующую его ареста. С другой стороны этот арест является необходимой предпосылкой для установления нормальных взаимоотношений с Бухарой. Материалы для предъявления обвинения будут нами высланы...» В свою очередь побывавший в Новой Бухаре Куйбышев, хотя и иронизировал, в письме коллегам от 30 ноября, по поводу «пошлой и бессодержательной „восточной политики“, над которой мы все так много смеялись» и которая ограничивается — де «расшаркиванием, низкопоклонством, ведением туманных разговоров, и высшим достижением такого рода дипломатии считается пышный и любезный прием у эмира и его приближенных», — вместе с тем давал весьма нелестную характеристику младобухарцам, пользуясь, как он подчеркивал, «нашим покровительством и мальчишески, ни к чему, хулигански, ведущим себя и обостряющим этим наши взаимоотношения с Бухарой». Деятельность младобухарцев, писал Куйбышев, «должна быть согласована с нашей политикой или мы должны *urbi et orbi* заявить об отрицательном отношении к их выступлениям, часто носящим просто грабительский характер под нашим прикрытием и с нашим оружием. В Чарджуе, говорят (я это проверю), с их стороны было нападение на отряд бухарского чиновника на бухарской территории и в результате — убийство этого чиновника и еще нескольких солдат. В ответ на это чарджуйский бей предъявил чарджуйскому исполкому требование о выдаче младобухарцев, грозя в противном случае резней. Эмир послал бею вооруженную помощь. Младобухарцы не осмеливаются бороться внутри страны, очевидно, не имея там поддержки, а, выступая с нашей территории, они портят нашу политику».¹

Для реализации новой внешнеполитической линии на сближение с Бухарой новым резидентом, вместо отставленного Печатникова, Турккомиссия назначает 15 ноября экс-руководителя упраздненного ею Комиссариата по иностранным делам С. Турсун-Ходжаева, которому 26 ноября разрешает даже «подарить Эмиру Бухарскому две вазы из дворца бывшего князя» Николая Константиновича Романова. Кроме того, еще 17 ноября принято решение командировать в Новую Бухару — с целью «обревизования Полномочной Резиденции Туркестанской Республики при Бухарском ханстве» — Ревизионно-следственную комиссию в составе «особоуполномоченного» Турккомис-

сии, недавнего члена Малого Совнаркома и коллегии Наркомфина РСФСР, старого большевика А.Е. Аксельрода и двух его помощников — военного следователя М.М. Михалевского и продовольственника А.Я. Левитаса. Но так как НКВД тянет с утверждением кандидатуры Турсун-Ходжаева, которую в конце концов отвергает, о чем Карахан сообщает в Ташкент лишь 4 декабря, Турккомиссия поручает Аксельроду временно исполнять должность резидента, причем в разговоре по прямому проводу с Куйбышевым, находившимся тогда в Новой Бухаре, Бройдо интересуется: «Каков Аксельрод в новой роли?», на что член Турккомиссии лаконично отвечает: «В новой роли т. Аксельрода я еще не видал, однако с вашим назначением его и [сполняющим] д[олжность] резидента согласен». Аксельрод стоял в аппаратной, дожидаясь своей очереди поговорить с Ташкентом, и Куйбышев, естественно, постеснялся сказать при нем то, о чем написал коллегам по Турккомиссии 30 ноября, а именно: «Он неудачно для Бухары выбрал своих родителей и национальность». Указывая, что в стране, где «евреи ходят перепоясанными веревочкой для того, чтобы благородные бухарцы знали, куда нужно бросать подозрительные кивки, а иногда и плевки», еврей в роли резидента не будет «импонировать» местным сановникам, Куйбышев добавлял, что у Аксельрода «нет и внешних данных для представителя сильной могущественной России...»²

Тогда Бройдо предлагает кандидатуру одного из московских сотрудников Аксельрода — старшего инспектора Наркомфина РСФСР, с 23 ноября — военкома штаба Туркфронта, С.М. Измайлова (Гуревича), которого, несмотря на его тоже «неудачную» национальность, Турккомиссия, так и не дождавшись ответа НКВД, назначает 17 декабря резидентом в Бухаре. В тот же день Бройдо телеграфирует Чичерину: «Отсутствие утверждения Измайлова полномочным представителем в Бухаре тормозит дело. Все готово к его отъезду, задерживаемому отсутствием Вашего приказа о назначении. Просим срочно прислать просимую телеграмму».³ Но и новая кандидатура Ташкента не удовлетворяет НКВД, в связи с чем, узнав о «невозможности назначить Измайлова», Элиава и Бройдо взывают 9 января к Москве: «Сейчас мы переживаем перелом в наших отношениях с Бухарой. Аксельрод, как мы убедились на месте, вполне справляется с осуществлением наших задач в Бухаре. Он и его помощник Михалевский пользуются большим доверием у Эмира и правительства, установили благожелательное к нам отношение. Оборвать их работу значит затянуть на месяца два, если [не больше, осуществление] предварительных мероприятий. Поэтому мы переводим Измайлова немедленно на работу по организации финансов, Аксельрода оставляем полномочным представителем, Михалевского — его помощни-

ком. Просим спешно утвердить обоих, причем повторяю, что назначение новых лиц, кто бы они ни были, приведет к крупным, для дела сближения, осложнениям». Таким образом Аксельрод, которого Турккомиссия намечала на пост главы Комиссариата финансов Туркеспублики и 27 декабря включила в состав его коллегии, был вынужден уступить предназначавшееся ему место Измайлову, назначенному 9 января 1920 г. наркомфином, и сосредоточиться на дипломатической работе в Бухарском ханстве.⁴

Но, еще только приехав туда, Аксельрод с неудовольствием обнаружил, что на местном рынке царит безудержная конкуренция различных советских учреждений — военных и гражданских, которые, стараясь перехватить друг у друга дефицитное сырье и продовольствие, способствуют не только спекулятивному росту цен, но и возбуждению враждебной агитации против «опустошающей» Бухару и ничего не дающей ей взамен большевистской России. «Нахождение здесь различных отделов Центросовнархоза, отсутствие общего руководства и плана наносит большой вред, — сетовал Аксельрод в разговоре с Бройдо 29 ноября. — По моему мнению, их необходимо объединить под руководством одного лица. Сепаратные действия [отдельных] лиц и неумелая закупка нервирует рынок, и сегодня хлопок вскочил до 300 руб. Таким образом, за последние две недели цена поднялась [на] 180 руб. Каракуль повысился до 72 руб. Полагаю, что объединение принесет большую пользу. Кроме того, [Продовольственная] директория и Центросовнархоз сносятся с Экономическим отделом нешифрованными депешами, и каждое сказанное слово действует на чувствительный аппарат базара. Я сегодня, по соглашению с Левитасом, отдал распоряжение прекратить всякие закупки. Необходимо, чтобы Вы и т. Рудзутак подтвердили мое распоряжение». В ответ Бройдо заверяет Аксельрода, что тот уполномочен «запретить все закупочные операции, произвести ревизии всех закупочных аппаратов и выслать из Бухары всех вредных и негодных работников». Хотя уже 1 декабря Турккомиссия принимает постановление на сей счет: «а) категорически запретить всякие закупки в Бухаре, б) объединить все закупочные аппараты под руководством резидента...», — возникает новая проблема. «Отсутствие каких-либо товаров в нашем предложении, — жалуется Аксельрод в очередном разговоре с Ташкентом по прямому проводу, — [при условии] крайнейшей нужды их в Бухаре, неразумная деятельность наших закупочных органов, положение бухарского рынка, [сброс] — как нами, так и афганцами — „керенок“ по 20–40 руб., отсутствие крупных купюр „думских“, то есть [по] 1000 и 250 руб., а также мелких „николаевских“, и распускаемые находящимися в Бухаре контрреволюционными элементами и

нашими недрузьями [слухи] среди бухарцев, вызвали сильнейшую панику, которая в конце концов вылилась в отказе брать на базаре „керенки“ и в возвращении обратно задатков. Вчера у нас было по этому поводу, по инициативе бухарских купцов, созвано совещание; были приняты кое-какие меры, но они вряд ли помогут делу, если Ташкент не пришлет нам сейчас, хотя бы из запасов Проддиректории, мануфактуры, хлопкового масла и шелка-сырца, который идет в Бухару из Ферганы контрабандой. Передайте Бройдо, что необходимо также прислать ценные вещи для подарков; если они не прибыли из Москвы, то можно взять из кладовых Нарбанка в Ташкенте». Рассмотрев 17 декабря вопрос о посылке товаров в Бухару, Турккомиссия разрешила своему Отделу внешней торговли отпустить в распоряжение Аксельрода три цистерны хлопкового масла, три вагона риса и один вагон мануфактуры.⁵

Считая, что, подчинив Бухару экономически, можно «постепенно внедрить в население доверие к Советской власти и подчинить ее себе политически, получив таким образом более легкий способ влияния на остальной мусульманский мир», энергичный Аксельрод, помимо мер по урегулированию торгового обмена, организовал в Кагане, как раз накануне приезда туда Элиавы и Бройдо, невиданный «праздник единения великой Бухары и Советской России» — с братанием эмирских солдат и русских красноармейцев, торжественными речами о дружбе, угощением и совместным просмотром кинематографа. А 28 декабря в здании Резидентства состоялся затянувшийся до полуночи «парадный банкет» с участием представителей бухарского правительства и купечества и персидского и афганского консулов. Тогда же, в декабре, эмирский кушбеги уведомил Ташкент о намерении Его Высочества послать в Москву официальную делегацию «для выяснения положения товаров, находившихся на складах бывших концессионеров и фабрикантов и принадлежащих бухарским подданным». В ответном послании Бройдо заверил кушбеги, что те не потеряют никаких убытков, и правительство РСФСР «с удовлетворением встретит миссию дружественной Бухары», ибо установление правильных торговых отношений на основе закрепления дружбы между двумя соседними странами «приведет к прочному союзу и взаимной пользе».⁶

Еще в своем «особом мнении» к постановлению Турккомиссии, от 26 ноября, об организации ее Отдела внешней торговли Бройдо доказывал, что «единственная форма реального внедрения в бухарский, афганский, персидский и другие рынки — это сделки с правительствами и политически влиятельными лицами, фиксирующие цены на более или менее продолжительный срок, могущие заинтересовать

в установлении надлежащего курса наших денег», что в свою очередь «проложит дорогу» и для решения политических задач большевиков в странах Востока. Поэтому Бройдо предлагал «связать» бухарское правительство участием в получении доходов от торговых сделок с республикой и даже передать эмиру крупную сумму советских денег, обладая которыми, тот будет-де заинтересован в повышении их курса. Для проведения этой комбинации был привлечен освобожденный Элиавой еще весной из тюрьмы ВЧК и выехавший 9 ноября, по его вызову, из Москвы в Ташкент бывший крупный хлопководчик-миллионер бухарский подданный Н.Ш. Потеляхов, которому, считаясь с его связями при дворе и среди местного купечества, предполагалось поручить закупку необходимых товаров в пределах ханства, но осуществлять ее не самому, а «привлечь к исполнению сделки эмира». Решив 19 декабря командировать Потеляхова в Бухару, с выдачей ему аванса в полмиллиона рублей, в качестве коммерческого агента, Турккомиссия уже пять дней спустя согласилась оставить его там своим «контрагентом», но с обязательством заключать сделки вместе с Отделом внешней торговли. Впрочем, негодовал Аксельрод, оказалось, что «Потеляхов был неофициально и моим дублером по дипломатической работе. Еще во время его пребывания в Ташкенте он, по поручению тов. Бройдо, вел переговоры с представителем бухарского правительства по политическим вопросам, преподнес ему от имени Советской власти подарок стоимостью около двух с половиной миллионов рублей и просил его устроить тов. Элиаве и тов. Бройдо аудиенцию эмира. По приезде Потеляхова в Бухару он, с благословения тов. Бройдо, несмотря на мои протесты, продолжал свою дипломатическую работу, надавал целый ряд обещаний от имени Советской власти и преподнес подарки эмиру и целому ряду сановников как будто бы от своего имени; бухарцы же великолепно знали, что он состоит нашим контрагентом».⁷

Но и сам Аксельрод привлек на советскую службу укрывавшихся в Старой Бухаре от репрессий и пользовавшихся там немалым влиянием русских «эмигрантов» А.Я. Гальперина и М.К. Тысячникова, которые получили не только амнистию, но и руководящие должности в Бухарском отделении Отдела внешней торговли — соответственно управляющего делами и заведующего его Старо-Бухарской контрой. Руководство же важнейшим заготовительным отделом Аксельрод поручил еще одному известному бухарцам «спецу» — Е.Г. Соловьеву, который после национализации в июне 1918 г. возглавлявшегося им отделения Русского для внешней торговли банка согласился работать на Советскую власть и, будучи назначенным контролером 3-го Бухарского отделения Народного банка, фактически по-прежнему им

управлял. «Отозвать их [из Бухары], — оправдывался Аксельрод перед Ташкентом, — это значит дезорганизовать работу, так как эти люди, хотя и [ведут ее] не совсем честно с нашей точки зрения, но знают рынок великолепно; с их мнениями приходится считаться, к ним прислушиваться и у них учиться». Хотя Бройдо позже утверждал, что не одобрял использование эмигрантов, к которым приписывал и Соловьева, считая их активными врагами большевиков, «лицами определенной английской ориентации и при том с весом», в результате совместных усилий полпредства и его «агентов» русофильская партия при эмирском дворе воспрянула духом, и появилась хрупкая надежда на восстановление добрососедских отношений между двумя странами. Тем более, как не без цинизма делился Бройдо с Сурицем, поскольку эмир явно побаивается афганцев из-за их агрессивных поползновений отхватить Термез и Керки, «мы постараемся в нашу поездку в Бухару (едем 29-го сего месяца) использовать эти обстоятельства в сторону сближения и организации „добровольной покорности“ Бухары нам».⁸

1 января Элиава, Куйбышев, Бройдо и числившийся консультантом-экономистом при Отделе внешних сношений Введенский прибыли в Новую Бухару, где на созванном на другой день совещании «центровики» убеждали местных работников в безусловной необходимости во что бы то ни стало «загладить» грехи 1918 г., когда развязанные Колесовым военные действия не только привели к «ссоре» с населением ханства, но и поставили республику в условия «невыгодные для разговора с Бухарой», решившей, что «Советская власть в смысле подавления и вмешательства не лучше царской». Как отмечал Бройдо, Турккомиссия видела свою задачу в «преодолении страха вторжения, страха перед русскими» со стороны Бухары и «изоляции ее от английского и российского контрреволюционного влияния». 3 января Элиава и Бройдо вместе с ближайшими сотрудниками, в числе которых наверняка был и Введенский, выехали на поезде в Старую Бухару, где их торжественно встречал почетный караул в составе двух кавалерийских эскадронов и батальона пехоты эмирской армии. Приветствуемые выстроенными шпалерами по пути их следования бухарскими войсками, глава Турккомиссии и его спутники отправились в Арк, где, как свидетельствовал Бройдо, «при свидании т. Элиавы с Эмиром и моем с отдельными представителями правительства заметно было, как общее настроение, стремление убедиться, что опасность вторжения и оккупации не угрожает, что наше резкое осуждение колесовского похода соответствует действительным нашим намерениям. Робкие запросы о железнодорожной ветке, об орудиях, захваченных Колесовым, скорее надо было расценивать как способ

удостовериться в наших намерениях, чем непосредственное желание их получить. Было ясно, что нейтралитет по отношению к нам и Англии и Афганистану — позиция наиболее соответствующая даже эмирскому правительству...»⁹

После аудиенции Элиава выехал в Закаспий, куда в разговоре по прямому проводу Бройдо сообщает о достигнутых им в Бухаре успехах: «Сегодня был у кушбеги, кази-каляна, райса и выступал в собрании бухарских купцов во главе с Караван-баши. Результаты вполне удовлетворительные. Линия сановников за нас и против нас выясняется. Завтра, вероятно, буду у Эмира для реального разрешения основных вопросов». Но Сеид Алим-хан вовсе не торопится принять Бройдо, который в тот же день с раздражением жалуется Элиаве: «Сейчас выяснилось, что по причине болезни Эмира прием завтра не состоится. Болезнь явно дипломатическая, под давлением резко настроенного против России кушбеги, что выявилось даже в сегодняшнем визите. Давление оказывается кушбеги через мать и жену Эмира. Уехать без того, чтобы сломить это сопротивление, недопустимо. Я завтра пошлю письмо, в котором извещу о нашем отъезде в субботу и необходимости по весьма важному делу свидеться. В субботу мы сможем побывать вместе. Определенно выяснилось, что дворцовая клика использовала отсутствие с нашей стороны подарка, что истолковано как нежелание реализовать слова о дружбе. Необходимо до отъезда парализовать это впечатление. Обсудив, мы решили предложить тебе привезти [арт] батарею с упряжкой и ящиками и небольшим комплектом снарядов. Этот подарок разрушит сразу все недоверие...»

Элиава отвечает, что в принципе не возражает против «подарка», но к пятнице совершенно невозможно найти и оборудовать батарею и, дабы не раздражать афганцев, лучше преподнести ее под видом возвращения захваченных Колесовым бухарских орудий. Однако Бройдо настаивает на необходимости срочно, не позднее пятницы, 9 января, предпринять что-либо в этом направлении, предлагая уведомить эмира о принятом-де Турккомиссией решении возвратить отнятые орудия. «Если возражений из Ташкента не будет, — сдается Элиава, — пошли извещение Эмиру о нашем постановлении. Я же отдам приказ военным властям подготовить батарею. Было бы недурно, если бы ты написал Эмиру, что его сановники явно преступны перед ним и перед бухарским народом и что такое мнение сложилось у нас. Конечно, об этом писать надо весьма дипломатично». Но Бройдо указывает Элиаве, что выражение негативного отношения к кушбеги допустимо лишь в словесной форме, ибо в противном случае будет расцениваться как вмешательство во внутренние дела Бухары. «Между прочим, — выдает, наконец, Бройдо причину отказа эмира

принять его, — у нас есть инцидент с кушбеги. Распоряжением Аксельрода бухвластями был арестован в Старой Бухаре русско-подданный спекулянт [Гильман, обвиненный Ревизионно-следственной комиссией в „провокационной агитации в среде бухарского купечества с целью подорвать в нем доверие к денежному знаку Республики“ — В.Г.]. На требование Аксельрода выслать арестованного Резидентству кушбеги письменно сообщил отказ, ссылаясь на возражение афганского консула. За завтраком я заявил кушбеги, что если к девяти часам утра завтра Резидентству не будет доставлен арестованный, то это обстоятельство будет сообщено мной Эмиру. Я полагаю, что это является причиной завтрашной болезни Эмира...»¹⁰

Письмо о намерении Ташкента вернуть отнятые Колесовым пушки предполагалось отдать состоявшему при Резидентстве бухарскому чиновнику Межди Ходжа Бию, но, припоминал Аксельрод, «после того, как Эмир отказал тов. Бройдо в просимой им аудиенции, от которой я и мой заместитель тов. Михалевский его отговаривали, письмо было взято обратно и вручено мне для передачи Эмиру при первом выгодном для нас случае». Таковой представился лишь месяц спустя, когда стало известно, что афганцы, опередив большевиков, отправили в Бухару «семь пушек со слонами», в связи с чем 14 февраля Турккомиссия поспешила распорядиться о выдаче эмирскому правительству тринадцати орудий. В беседе с прибывшими за ними послами, Мир-Баба Токсаба и Хаджи Карши-беком Мирахуром, Бройдо подчеркивал, что вместо захваченных Колесовым старинных пушек «очаковских времен» Бухаре передаются отличные современные орудия. «Даем мы их потому, — объяснял Бройдо, — что уверены: наши пушки и ваши пушки будут стрелять в одном и том же направлении». Сообщая о «грандиозном» торжестве в эмирской столице 27 февраля в связи с прибытием туда первых шести орудий, ново-бухарские «Известия» писали, что Его Высочество горячо благодарил полпреда Аксельрода за неожиданный «подарок» и «указал, что Бухара убеждается в действительной дружбе и миролюбивом отношении Советской России к бухарскому народу». Однако эмир и его окружение все еще колебались, не зная, что выбрать — прежнюю линию зыбкого нейтралитета или даже заключение формально дружественного соглашения с опасным соседом.¹¹

«Приезд в начале января Турккомиссии в Бухару, наш либеральный политический курс вообще и победы на всех фронтах повернули внимание бухарцев в сторону России, — констатировал в своем донесении от 20 января военный атташе полпредства, бывший начальник разведотдела штаба Туркфронта, С.О. Луцевич-Заремба. — Предпринятые ныне нами в Бухаре шаги, клонящие последнюю к заклю-

чению экономического и пассивно военного для нее соглашения с нами, дали уже возможность определенно установить из бухарских официальных источников, что эмир и его правительство принципиально не против переговоров в этой плоскости и готовы вступить в таковые, но выжидательная осторожность, твердое намерение продолжать, на всякий случай, увеличение военной своей силы и предпочтительное желание остаться нейтральными зрителями в предстоящем столкновении на Среднем Востоке наших и английских стремлений безусловно исключают пока надежду на возможность скорого фиксированного военного союза с нами. Как максимум возможного на данный момент успеха для нас, названные источники определяют эвентуальное право свободного прохода советских войск по бухарской территории и снабжение их продовольствием. С нашей стороны ожидается: 1) возврат захваченных Колесовым пушек, 2) уступка Бухарской железной дороги, главным акционером которой является эмир, 3) пересмотр бухарских границ со стороны Самарканда — в частности, передача города Самарканда, 4) отказ от всякой большевистской пропаганды в Бухаре, 5) по вопросу покрытия задолженности ожидается предложение, в котором должны быть приняты интересы населения и правительства, якобы, однако, по словам эмира, в русских деньгах в данное время не нуждающегося». Вместе с тем военный атташе сообщал, что уже 11 января Сеид Алим-хан отправил в Афганистан посольство во главе со своим шталмейстером, а еще несколько дней спустя в Старую Бухару прибыли из Мешхеда три русских офицера, находившихся на британской службе, с письмом к эмиру неизвестного содержания. И, хотя распространяются слухи о предстоящем увольнении в отставку считающегося главой русофобской партии при бухарском дворе престарелого кушбеги, на место которого «прочат Низамуддина Ходжу или хатырчинского бека Астанакул-бия, держащихся русской ориентации», визит, который нанес эмир Осман-беку в связи с семейным торжеством и формальное присвоение ему титула «полного кушбеги» спутало все карты.

Тем не менее полпредство с оптимизмом смотрело на перспективы развития российско-бухарских отношений, и Михалевский, сообщая 25 января Элиаве о своем приватном разговоре с влиятельным бухарским чиновником Карши-беком, который заявил, что эмир хочет попросить у большевиков пулеметы, а «Бухара, в крайнем случае, и без «ситца обойдется» на худой конец», видел в этом добрый признак «того, что военно-политический договор можно будет заключить — с гарантиями с их стороны и посулами с нашей». Неудивительно, что Введенский, как опытный дипломат и знаток бухарской политической элиты, вновь становится одним из ценнейших сотруд-

ников полпредства, что подтверждается, в частности, и отправленной в НКИД информационной сводкой Бройдо от 10 февраля с указанием, что она составлена «на основании донесения Аксельрода и Введенского», и содержанием недатированного разговора по прямому проводу между полпредом и его находившимся тогда в Ташкенте заместителем. «Третьего дня вечером, — сообщал Аксельрод, — виделся с Карши-беком и Юсуф-баем. Разговор продолжался больше трех часов. Вчера утром они обстоятельно доложили об этом [главному казначею] Имам-Кулу. Доклад Карши-бека был предварительно просмотрен Введенским. Днем эмиром был принят, в присутствии Имам-Кула, Потеляхов. Беседа продолжалась сорок минут. Вечером ко мне звонил Карши-бек и сообщил, что его доклад произвел сильное впечатление на Имам-Кула, который вчера же должен был делать доклад эмиру. Сегодня рано утром мне сообщили по телефону, что эмир неожиданно переехал в Арк. Сейчас по телефону звонил из старого города Введенский, который настоятельно просит и настаивает на моем приезде в старый город для совещания и директив по поводу этих событий». В ответ Михалевский советует Аксельроду немедленно отправляться в Старую Бухару, но не для совещания с Введенским, а с целью визита в Арк, ибо переезд туда эмира означает либо его уступку полпредству в отношении увольнения кушбеги, либо, наоборот, «укрепление старого осла». Кстати, тогда же Аксельрод просит Михалевского передать в Москву поручение своему бывшему секретарю в контакте с Наркоминделом «выбрать для эмира лучшую мебель, золотом отделанную, для гостиной, столовой и кабинета, а также полный комплект столового чайного и кофейного серебряных приборов».¹²

Уже летом Бройдо выражал недовольство своеобразным *сoup d'état*, затеянным и проведенным Аксельродом с целью смещения старого кушбеги — «ничтожной фигуры, физической и политической развалины», которого, после долгих настояний полпреда и отчасти благодаря деятельности его русских агентов в Бухаре, вынудили поделиться властью со вновь назначенным на должность нижнего кушбеги Низам-уд-Дином, являвшимся, по мнению заведующего Отделом внешних сношений, одним из деятельнейших и опаснейших реакционеров. Но в ответ на упреки в свой адрес Аксельрод язвительно напоминал, что они совместно обсуждали вопрос о будущей кампании против кушбеги, и при рассмотрении желательных для России кандидатур на эту должность Бройдо показал ему привезенный из Ташкента список, в котором на одном из первых мест значился именно Низам-уд-Дин. «Всесильный диктатор Бухары, — возмущался уже осенью новый заведующий Отделом внешних сношений

Д.Ю. Гопнер, — самая выдающаяся и независимая фигура в ханстве, вождь военной партии и духовенства, нижний кушбеги Незамутдин-Ходжа был выдвинут на свой пост после опалы, в которой он находился, вследствие настойчивого давления со стороны нашего резидента. По старинке, как это было при царе, наше представительство в лице Аксельрода и окружавших его Тысячникова, Потеляхова и других принимало активное участие в борьбе различных групп и лиц, пробиравшихся к власти. Когда эмир Сеид Алим-хан правил еще ханством через воспитателя своего — немощного старика Осман-Бек-Куль-Кушбеги, политика Бухары шла под знаком национализма с претензией на внешнюю независимость от всех соседей и была, по существу, пассивной, выжидательной. Бухара исподтишка покупала или принимала в виде подарков легкое и тяжелое оружие у англичан из Мешеда, у афганцев и у Аксельрода (без разрешения Центра им и Бройдо были возвращены Бухаре вместо захваченных Колесовым медных пушек 9 новых орудий), но держала себя в отношении нас лояльно. Пример: посланцы Джунаид-хана [из Хивы] (в начале восстания против него) были возвращены эмиром бухарским с пустыми руками и обещаниями помолиться за него вместо оказания ему военной помощи. Недовольные слишком большой пассивностью Осман-Бека, улемисты, подогреваемые англичанами, афганцами и нашими белогвардейцами, особенно после переворота в Хиве, подняли аллармистскую кампанию и привели в движение все подземные силы, чтобы поставить у власти диктатора, который бы действовал с необходимой решительностью и вполне независимо от эмира. Выбор улемистов и военной партии пал на Незамутдин Ходжу. А так как эмир долго сопротивлялся возвращению в состав правительства этого властного человека, то на него, эмира, решено было произвести давление со стороны, с которой он, по традиции, все же привык считаться. Вмешательство Резидентства покончило с колебаниями эмира, и Незамутдин Ходжа был назначен нижним кушбеги вместо Осман Бека, который занял более почетный, но совершенно фиктивный пост верхнего кушбеги. В этом деле назначения Незамутдин Ходжа, опрокинувшего сразу пассивную и выжидательную политику и призвавшего Бухару к «газавату» против России, — в этом назначении при нашем содействии сыграл, очевидно, роль посредника между улемистами и Резидентством небезызвестный гр. Введенский, в свое время освобожденный ВЧК по требованию Элиавы и в качестве специалиста-консультанта руководивший Аксельродом». ¹³

Однако полпред считал явными передержками указания своих оппонентов, будто последствием назначения нижнего кушбеги стали лихорадочные мобилизации и формирование новых частей эмирской

армии, ибо, напоминал Аксельрод, организация ее начинается именно «после Ферганской и Колесовской авантюры», а в последующем «насильственное установление Советской власти в Хиве, сопровождаемое грабежами и убийствами, бросает Бухару в объятия Афганистана». Тем более, что еще 21 января Турккомиссия принимает постановление об усилении там революционной работы с целью «довести Бухару до разложения государственного организма», а три дня спустя предписывает «обложить Бухару значительными гарнизонами в русских городах» и опять-таки всячески добиваться ее «разложения». В телеграмме Чичерину, Ленину и Троцкому, полученной в Москве 4 февраля, Элиава и Бройдо заявляли, что немедленное прокламирование независимости Бухары и отказ от вассальных отношений, с аннулированием земельных концессий и передачей эмирскому правительству железнодорожных линий на Каган и Термез, бесспорно вызовут среди бухарцев намечающуюся ориентацию на сближение с Советской Россией. «Одновременно с этим, — указывали руководители Турккомиссии, — поддерживая коммунистическую партию Бухары, образовавшуюся на последнем съезде младобухарцев, и работой по отторжению туркмен, наиболее организованной в военном отношении части населения Бухары, мы достигнем разложения существующей власти».¹⁴ Вместе с тем уже 30 марта, вторично посетив Старую Бухару на обратном пути из Красноводска в Ташкент, Элиава и сопровождавший его комфронта Фрунзе лицемерно заверяли эмира, будто Советская Россия «в величайшей степени заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары и сохранении в ней существующего режима». Однако, надеясь на скорое его «разложение», Турккомиссия пока еще не будировала вопрос о военной акции с целью свержения эмирского правительства и, подтвердив 9 апреля, что отношения с ним «должны быть построены на основе признания Бухары самостоятельным и независимым государством», постановила сообщить Ленину о необходимости отъезда в ханство мануфактуры и открытия бухарского посольства в Москве, а также поручила Рудзутаку организовать комиссию «для окончательного разрешения торгового договора».

В тот же день Михалевский и Введенский просят выехавшего в Ташкент полпреда истребовать в Отделе внешних сношений выработанные ими тезисы мирного соглашения с ханством (в основу которых легли, видимо, «Схематический очерк договора Бухары» и «Записка Введенского по бухарскому вопросу с проектом нового договора»), напоминая вкратце по памяти, «на случай их утери», содержание этого документа: «1) Военно-политический отдел: пересмотр границ ханства, охрана внешних границ Бухары, военно-политический союз, международная защита обоюдных интересов, дипломатическое и во-

енное представительство за границей; способы защиты обоюдных интересов; реформы Бухармии и внутри страны как базис союза; наши советники. 2) Экономический и финансовый отделы — полный и неразрывный [союз] в этой области, условия союза: единство монеты, единый внутренний и внешний товарообмен, единство путей развития технических сил и промышленности; единый продовольственный аппарат, агрокультура, поднятие ее; водораздел, орошение; реформы податной системы, финансов, организация бухарского национального банка и торговых отделов; наши советники. 3) Социально-юридический отдел: положение русских в ханстве; свобода перемещения в ханстве лиц, вещей, идей; правовое положение русских поселков в настоящем и будущем; юридические взаимоотношения: смешанный консульский суд; положение русских в чисто бухарских поселках.; пересмотр, уничтожение в ханстве законов, стесняющих личность; реформы в еврейском вопросе; реформа тюрем». В конце телеграммы — напоминание Аксельроду «не забыть вещи Введенского»...¹⁵

Но примирительная линия в отношении Бухары с самого начала подвергается резкой критике со стороны ее многочисленных оппонентов, и, например, глава Совнархоза Туркеспублики А.М. Кактынь еще 16 января конфиденциально уведомляет Москву о том, что «Комиссия, запутавшаяся в дипломатических хитросплетениях Бройдо, вынуждена идти на уступки», а ее внешняя политика характеризуется «неуверенностью в своей силе», «боязнью всяких более или менее агрессивных шагов хотя бы в Бухаре, слишком большим заигрыванием с буржуазией сопредельных стран, развившейся вовсю закулисной дипломатической игрой». Жалуясь председателю ВСНХ А.И. Рыкову на то, что в политике Турккомиссии «имеется налицо одностороннее увлечение дипломатией», Кактынь заявляет: «Главный столп этого направления — Бройдо, под сильным влиянием которого находится Элиава, не имеющий своего собственного определенного подхода к вопросу. Определенную оппозицию держит Рудзутак, но, конечно, его ораторские и тактические способности уступают Бройдо. Он не в состоянии организовать сплоченной оппозиции. Куйбышев и Голощекин колеблются: первый больше в сторону Рудзутака, второй — Элиавы, но оба подпадают под влияние председательского авторитета. Единственный выход — убрать поскорее Бройдо...» Оппозиция последнему еще более усилилась после того, как в Ташкент перебрались комфронта Фрунзе и начособотдела Бокий, которые вместе с Куйбышевым, временно назначенным 5 мая председателем Турккомиссии (три дня спустя Элиава и Рудзутак выехали в Москву), по сути, и возглавили «партию войны» с эмирской Бухарой. Все они уже твердо уверились в том, что, несмотря на оказание полити-

ческой, финансовой и иной помощи младобухарцам и бухарским коммунистам, потребуется не один год для того, чтобы «довести Бухару до разложения государственного организма», который, как им казалось, намного проще разрушить военным путем — с помощью штыков российской Красной Армии.

Как язвительно отмечал Гопнер, линия Бройдо-Элиавы, основанная «на идее изоляции Бухары (способами безнадежными и опасными) от возраставшего влияния Афганистана и на вполне утопичном методе борьбы с английской ориентацией эмира и улемы путем политической поддержки эмирата, удовлетворения всевозможных капризов свирепейшего из азиатских тиранов и подкупа влиятельных сановников», привела лишь к падению-де престижа Советской России и толкнула бывшего царского вассала «на провокационную и шантажистскую политику». Поэтому буквально накануне отъезда Элиавы, 7 мая, Турккомиссия объявляет Бройдо ... «политическим авантюристом», а всю его работу в Туркестане «абсолютно вредной». В тот же самый день принимается решение и об отзыве из Бухары обвиняемого в слишком «мягкой политике» по отношению к эмирским властям Аксельрода и временной передаче его полномочий военному атташе Луцевичу-Зарембе, который в своем донесении от 19 мая спешит заверить Ташкент, что «прежняя линия поведения с бухправительством, как не соответствующая достоинству Республики, роняющая ее престиж и создавшая у Бухары впечатление страха с нашей стороны перед ханством, должна быть оставлена».¹⁶

Так Введенский теряет своих высокопоставленных советских покровителей, причем в тот самый момент, когда возглавляемый Вокием Особый отдел Туркфронта развивает бурную деятельность по поиску якобы вездесущих агентов эмира и фабрикует «дело» о связанной с бухарским консульством в Ташкенте крупной шпионской организации. Она, как утверждалось в секретном информбюллетене Особотдела за период с 8 по 22 мая 1920 г., занималась-де систематической отправкой караванов с золотом и оружием в Бухару и имела свою агентуру чуть ли во всех важнейших советских учреждениях, включая Реввоен трибунал, Отдел внешней торговли, Отдел внешних сношений, Областной военной комиссариат и даже Особый отдел. «За всеми членами организации, — указывалось в бюллетене, — ведется наблюдение, и агентам Особотдела удалось завести знакомства с наиболее видными из них». Волна раздувавшейся туркестанскими властями шпиономании не могла не коснуться и Введенского, и побывавший в Новой Бухаре активный участник персидской конституционной революции Гейдар-хан Ами оглы торопится предупредить Особый отдел: «В Резидентстве служит некто Введенский, который состоял по-

мощником Миллера, царского консула в Тавризе, и который, как и Миллер, принимал участие в расстреле персидских революционеров, а в настоящее время все наши тайны, которые может разузнать, передает Бухаре и оттуда — англичанам». Тогда же, 10 мая, направляющийся в Москву Элиава телеграфирует Куйбышеву: «Необходимо с надежным товарищем в Новой Бухаре произвести операцию: арестовать, с препровождением в Ташкент к Бокию, Тысячников с женой, Мирбадалева, старшего Гальперина и Соловьева... Введенского телеграфно вызвать в распоряжение Гопнера. Переговоры с Фрунзе, Бокием о ...способах проведения этой операции».¹⁷

Агентурная разработка «Бухарской шпионской организации» завершилась произведенными 11 июня массовыми арестами, причем в числе задержанных оказались А.Я. Гальперин, Н.Ш. Потеляхов, М.К. Тысячников, заведующий Общей канцелярией Отдела внешних сношений И.Ф. Абрамов, заведующий Бюро пропусков Особого отдела Туркфронта Ф. Саводеров, «правозаступник» Реввоентрибунала Туркфронта Н.В. Болотин («президент Самаркандской республики», как называли его в период первой русской революции, когда он руководил леворадикальной газетой «Самарканд»), бывший управляющий Политическим агентством в Бухаре И.И. Решетов, некий сапожник Иванов (в прошлом — уголовный каторжанин, уверявший, что спал-де в ссылке «на одной койке» с самим Лениным), парикмахерша Мамонтова (названная в деле «проституткой» за связь с афганским консулом и многими ответственными советскими работниками, включая «одного из членов Турккомиссии») и т. д. При этом в информбюллетене указывалось, что Введенский, «по дипломатическим соображениям, пока не арестован», хотя и прославился-де, будучи царским чиновником, «своей провокационной деятельностью, выдавая революционеров и партийных работников бухарскому правительству», причем «постоянно был в самых дружелюбных отношениях с Тысячковым, Потеляховым и шпионами эмира».¹⁸

Дипломатические соображения, на которые ссылался Особый отдел, заключались в том, что еще 18 апреля эмир потребовал отозвания Михалевского и Введенского из состава полпредства РСФСР в Бухарском ханстве, в связи с чем 11 мая Турккомиссия обратилась к «Его Высочеству» с протестующей нотой, в которой, в частности, говорилось: «Это заявление, само по себе идущее вразрез с теми дружественными отношениями, которые установились между обоими государствами, не может не вызвать нашего крайнего удивления еще и потому, что в Вашем письме не содержится указаний на факты и ясные мотивы, которые могли бы обосновать столь неожиданную просьбу, так плохо вяжущуюся с представлением о взаимной друж-

бе. Не может не вызвать, наконец, недоумения и то обстоятельство, что Вы просите отозвания одновременно как нашего официального представителя, заместителя Уполномоченного Михалевского, так и гр. Введенского, лица неофициального, состоящего на службе нашего Уполномоченного. Мы, представители Советской России, как и до сих пор, так и впредь, будем видеть, согласно принципам Советской власти, нашу задачу во всемерном содействии к поддержанию дружественных отношений со всеми государствами и, в частности, с Бухарой. Мы всегда будем рады выполнить всякое желание Бухарского Правительства, вытекающее из стремлений к укреплению добрососедских и дружественных отношений, если оно обосновано и совместимо с достоинством обоих государств». В ответной ноте от 24 мая, адресованной «председателю Комиссии ВЦИК по делам Туркестана гр. Куйбышеву и командующему Туркестанским фронтом гр. Фрунзе-Михайлову», Сеид Алим-хан пояснял, что политика российских дипломатических представителей должна согласовываться с принципами, провозглашенными правительством РСФСР: «Но действия Михалевского, в противоположность нашего понятия в отношении Советской власти, напоминали нам стремления к тому, чтобы уничтожить независимость и самостоятельность Бухары и держать ее в состоянии подчиненности. Во всех его выражениях проглядывала несогласованность с основными положениями Советской власти, признающими за отдельным народом и отдельной страной право самоопределяться и жить на основе полной самостоятельности и независимости. Просьба же об отозвании Введенского вызвана была тем, что он, как воспитанный в духе чиновника старого режима, никак не может смириться с самостоятельностью Бухарского государства, а потому всеми своими усилиями способствует тому, чтобы Бухара находилась в состоянии вассальной страны. А такое стремление его не может быть одобрено Правительством Российской Республики, признавшим самостоятельность Бухарского государства».

Обвинять Введенского в шпионаже в пользу эмира, который сам же требовал отозвать его из Бухары, было не очень логично. Тем более, что Луцевич-Заремба еще 19 мая писал в Ташкент: «Требование об удалении Михалевского и Введенского без достаточных оснований вызвано желанием создать в остающемся составе Полномочного Представительства послушное бухарскому правительству течение, при котором бухарское правительство явилось бы диктатором, а мы — послушным его орудием. Такое требование — результат великодержавной болезни Бухары, привитой нашими врагами». Поэтому, направляясь 23 мая с первым официальным визитом в Арк, Луцевич-Заремба не преминул захватить с собой и «консультанта Полномочного

Представительства, хорошо знакомого со всеми вопросами национализированного хлопка, гр. Введенского», которого, как и все его предшественники, стал активно использовать в качестве посредника для переговоров с бухарскими чиновниками. Например, 6 июня Луцевич-Заремба докладывал в Ташкент о санкционированной им конфиденциальной беседе между Введенским и отправлявшимся в Москву во главе бухарского посольства Мехди Ходжа Бием, который указывал на необходимость для советской стороны оказать давление на эмира с целью увольнения верхнего кушбеги, «как реакционера до мозга костей и врага России». Введенский же советовал Луцевичу-Зарембе предоставить решение вопроса о смене главы эмирского правительства «самому бухарскому населению» и, в частности, той группе сановников, которая осознала весь вред пребывания кушбеги у власти. Однако очередная рокировка в правящей верхушке Бухарского ханства уже не могла спасти его от гибели...¹⁹

В июле отношения между двумя странами окончательно испортились, чему немало способствовали развернутая в советской прессе кампания по дискредитации бухарского правительства и, особенно, захват вооруженными красноармейцами в Новой Бухаре дворца эмира, таможни, хлопкоперерабатывающего завода и ведавшей сбором налогов закетханы. Это вызвало настоящий взрыв негодования среди бухарцев, и духовенство фактически вынудило Сеид Алимхана призвать своих подданных к «священной войне» с неверными во имя защиты ислама. Однако, несмотря на отзыв Михалевского, который, отправившись вместе с Элиавой в Персию, вскоре там погиб, — Введенского было решено оставить в Бухаре, и Луцевич-Заремба даже доверил ему временное исполнение должности управляющего делами полпредства. Впрочем, воинственность Луцевича-Зарембы к этому времени уже несколько поослабла, и он напоминал Ташкенту, что «первая пуля должна быть с бухарской стороны, а не с нашей», так как: «От того, кто первый выступит, зависит вся наша среднеазиатская политика. На это смотрят все мусульмане края — афганцы, персы, индусы и турки. Полномочное представительство это сознает больше, чем кто-либо, но не видит себе поддержки со стороны военных наших представителей». Но все предупреждения бесполезны, поскольку в Ташкенте уже принято окончательное и бесповоротное решение о насильственной советизации ханства путем «внезапного занятия Старой Бухары военными силами» Туркфронта, ибо, как оправдывается нетерпеливый Фрунзе, «чтобы создать в Бухаре внутренний революционный подъем, необходимо ожидать не месяцы, а годы».²⁰

При этом, желая выиграть побольше времени, усыпить бдительность противника и лучше подготовиться к операции, Ташкент идет

на мнимые уступки Бухаре, куда с целью мирных переговоров выезжает Гопнер. «Четырнадцатого, — сообщалось в информсводке Отдела внешних сношений от 18 августа, — состоялась аудиенция Гопнера с эмиром, верхним и нижним кушбеги, кази-каляном и раисом. Наиболее уступчив был эмир, дававший, однако, расплывчатые обещания. Оба кушбеги по существу непримиримы и выявили упорную враждебность правительственных кругов в отношении России... Краеугольные вопросы: выведение наших военных сил и упразднение джадидов в русских поселках Бухары, без условного обещания прикрытия которых переговоры не могли продолжаться и цель поездки Гопнера оказалась бы невыполненной. При условии полного прекращения агитации против России, за священную войну, и демобилизации бухарской армии Гопнером обещано принять меры к удалению джадидов с территории русских поселков Кагана и Чарджуя, вернуть бухарскому правительству закетхану, хлопзавод и каганский дворец эмира с правом бухарцев иметь там свои караулы от 25 до 15 человек, прекратить полеты над Старой Бухарой и ряд экономических уступок... Вопросы о наших военных силах и совместной охране железной дороги обещано разрешить в Ташкенте с командующим. Бухарцами дана понять желательность смены нашего каганского представительства». Удовлетворяя последнее требование, Турккомиссия уже 17 августа принимает постановление об отзыве Луцевича-Зарембы ввиду якобы его болезни, причем Гопнер забирает из Бухары в Ташкент не только экс-полпреда, но и Введенского. Однако, как сообщает 20 августа временно исполняющий должность военного атташе Н.В. Филиппов, «отъезд Гопнера, не побывавшего в Бухаре перед отъездом, произвел неблагоприятное впечатление на бухарское правительство, особенно на кази-каляна. На базаре виновниками создавшегося конфликта считают гг. Зарембу и Введенского. Отъездом их довольны». Увы, бухарцы не знали, что участь их давно уже решена...²¹

В ходе растянувшегося с 29 августа по 2 сентября кровопролитного штурма Старая Бухара подверглась варварским артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с аэропланов, а затем, горящая и полуразрушенная, стала ареной «грандиозных», по определению современника, грабежей; сокровища эмира победители эшелонами вывозили в Ташкент. Уже 19 октября были расстреляны захваченные в плен верхний кушбеги, кази-калян, раис и ряд других высших сановников, включая и приехавшего в Ташкент за подаренными орудиями Карши-бека, а самому Сеид Алим-хану с небольшой свитой и жалкими остатками разгромленной армии удалось спастись, проравшись в горную Восточную Бухару. Некоторое время сопровождавший эмира бухарский чиновник Мухаммед Таги-бек Джанмирза-

ев поведал Введенскому, что свергнутый повелитель «молчалив, с блуждающими глазами, все время вздыхает, часто слышатся слова «Аллах Акбар», нетерпеливо наводит справки, где русские; вызывает к себе то своего казначея Имам Кула, то следующего с ним бывшего афганского генерального консула в Ташкенте Мохаммед Асламхана; ест мало, жалуется на усталость в области легких и пояснице». Передавая рассказ чиновника, Введенский сообщал, что отряд деморализован, грабит окрестное население и имеет «против заправил из свиты эмира и, в частности, против Имам Кула большое скрытое озлобление. До Гузара Имам Кулу удавалось переносить гнев озлобленных солдат и эмира на Низамутдина Ходжу, который, по мнению Мухаммед Таги Бека, растерзан солдатами в степи. По крайней мере, докладчик указывал, что он лично видел вещи, принадлежащие Низамутдину Ходже у эмирских солдат». В марте 1921 г. Сеид Алим-хану пришлось оставить пределы Бухары и перебраться в Афганистан, куда за ним последовали и свыше 200 тыс. его приверженцев и просто беженцев, не примирившихся с новой властью. Впоследствии он жил в подаренном ему загородном дворце под Кабулом, лелея призрачную надежду вернуться на родину. Обедневший, у него осталось лишь десять слуг, и почти ослепший эмир скончался 30 апреля 1944 г.²²

Незадолго до переворота Введенский вернулся в Новую Бухару, где его, на всякий случай, тут же арестовали. «Когда начался бой.., — оправдывался он много лет спустя на «персональной чистке», — было арестовано все Резидентство. Военные власти не хотели, чтобы Резидентство выполняло свои функции. Это была простая изоляция во время наступления т. Фрунзе». Но уже 14 сентября в Бухару приехал новый полпред... Куйбышев, замененный на посту председателя Турккомиссии присланным из Москвы и назначенным также командующим войсками Туркестанского фронта Г.Я. Сокольниковым. Куйбышев, как и все его предшественники, не смог обойтись без помощи Введенского и 19 сентября извещал Турккомиссию: «Управделами Полномочного Представительства мною временно оставлен Введенский до приведения в порядок дел, перехода в новое помещение, сокращения штатов и вообще налаживания аппарата, после чего я обещал направить его в Ташкент. Думаю, что можно будет сделать [это] через неделю. Ему мною даны следующие поручения: 1) сократить штаты на 50 процентов, 2) разместить канцелярию Представительства в Старой Бухаре в помещении бывшей почтовой конторы». Введенскому также доверено переводить на русский язык захваченные в эмирской столице бухарские и афганские документы, которые затем пересылаются в Реввоенсовет Туркфронта.

Но Куйбышев так и не выполнил своего обещания: в информационной сводке Отдела внешних сношений, по данным на 26 сентября,

говорилось, что «Введенский арестован в Бухаре по обвинению в сношениях с афган [ским] послом», за которым, согласно донесению полпредства, был установлен «негласный надзор, фактически препятствующий сношениям с внешним миром». Впрочем, в справке Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации говорится, что Введенского арестовали лишь 5 октября (скорее всего речь идет о нескольких следовавших друг за другом кратковременных арестах!) по обвинению ...«в политической неблагонадежности», что, по крайней мере, в отношении даты подтверждается сохранившимся протоколом допроса. Но проводивший его следователь Особотдела Туркфронта Богомоллов зафиксировал лишь биографические данные подследственного, не указав причину ареста, причем, как подчеркивается в упомянутой справке, «на допросе Введенский виновным себя не признал». Тогда же, в октябре, Гопнер докладывал в Наркоминдел, что «руководивший Аксельродом» Введенский «арестован в Бухаре по обвинению в продолжении шпионской деятельности уже после освобождения его [из тюрьмы в декабре 1919 г.] т. Элиавой, а другие сотрудники нашего Резидентства, английские шпионы под видом спекулянтов, Потеляхов, Тысячников и др. были захвачены еще ранее в связи с раскрытием шпионской организации в Ташкенте»». Кстати, тогдашняя жена Гопнера, заведующая Информчастью Отдела внешних сношений А.З. Виноградова, тоже намекала на причастность Аксельрода к делу о «бухарском шпионаже» и 6 октября уведомляла НКВД: «Допрос Карши-бека подтвердил самую тесную связь Тысячникова и Мирбадалева со шпионскими организациями в Ташкенте и Персии. Посредником между ними и Эмиром был Незамутдин. Аксельрод поддерживал теснейшие личные отношения с Тысячниковым и считался другом бухправительства».²³

Но, поскольку Бокий и Фрунзе, получив новые назначения, давно уже покинули Ташкент, в ноябре 1920 г. дело о бухарской шпионской организации было закрыто, и Особотдел Туркфронта признавался, что «следствием фактического шпионажа не установлено, а есть только намеки, которые не выявлены благодаря слабой агентурной работе и преждевременной ее ликвидации». При этом отмечалось, что некоторые из фигурировавших в деле лиц (Мирбадалев) укрылись в сопредельных государствах, а другие (Введенский, Гальперин, Потеляхов, Тысячников и прочие), являясь скорее «идейными противниками» и занимая ответственные должности в советских учреждениях, «сносились с Бухарским правительством и изменнически наносили более глубокий вред, не оставляя, конечно, своей мысли о побеге». Что же касается лиц, составлявших ташкентскую часть «шпионской» организации, то, как указывалось в информбюллетене

Особотдела, все они группируются вокруг бухарского консульства, связанные с ним «как своими ценными пожитками, которые хранят у консула, так и спекулятивными операциями», и здесь собирается «теплая» компания, ведутся разговоры на различные, большей частью служебного характера, темы, а тот «мотает на ус» и передает все в Бухару. «Обе группы, — говорилось далее в бюллетене, — по своей профессиональной и политической окраске являют полную пестроту, начиная с монархистов и включая социал-демократов меньшевиков, просто белогвардейцев, лиц без всякой политической окраски, юристов, заводчиков, торговцев, вплоть до мелких приспешников буржуазии. Большинство из участников знает более или менее друг друга, давно проживает в крае, знает нравы и обычаи и, как настоящие и умелые колонизаторы (в буквальном смысле слова), они сумели «выкрасть» у туземцев доверие и уважение к себе. Они в совокупности не составляют какой-либо шпионской организации или вообще организации, как это освещалось ранее и что подтверждали агентурные сводки, а представляют тот элемент советских учреждений, который тормозит работу и подготавливает почву любой контрреволюционной и шпионской авантюры...»

В итоге по делу фигурировали всего 65 человек, из которых 13, в том числе Гальперина, приговорили к заключению «в концентрационный лагерь на все время гражданской войны», но в связи с амнистией срок их заключения «сократили» до пяти лет. Остальных подсудимых, включая «проститутку бухарского консульства», выслали в Россию или вовсе освободили, а дело Потеляхова, который обвинялся в сотрудничестве с «английским шпионом» Пинхасом Алишаевым, выделили в особое производство и передали в ТуркЧК. В отношении Введенского в бюллетене говорилось следующее: «Опасен на Востоке. Может вести кабинетную ученую работу. Хороший востоковед, но ярый контрреволюционер, что умело скрывает. Не уличен, передан в распоряжение Отдела Внешноша для посылки в Москву на работу по специальности. Дело прекращено». Вердикт коллегии Особотдела Туркфронта от 8 ноября гласил, что хотя Введенский, «по характеру преступления, а затем и по рангу своего дореволюционного служебного положения, несомненно подлежал бы серьезной мере наказания, но учитывая его чрезвычайную остроумность и ту пользу, которую он может принести республике, работая в ее органах и, в особенности, в чисто дипломатической сфере, ...решено: отправить его в Отдел внешних сношений Туркеспублики... для использования как ученую редкостную силу».²⁴

Примечательно, что это решение вызвало категорический протест Куйбышева, который в своем письме с грифом «совершенно секретно», от 17 ноября, сердито выговаривал Сокольникову: «По до-

шедшим до меня сведениям, гр. Введенский (бывший управдел Представительства в Бухаре) освобожден и работает в Отделе Внешнош. Даже в том случае, если не найдено никаких данных для его обвинения, работа его на Востоке абсолютно недопустима. Вся Бухара — и революционеры, и бывшие эмирские чиновники, и торговцы, и рабочие, и русские, и бухарцы, все абсолютно убеждены в его двойной предательской игре во время колесовских событий. Этого не вытравить из общего сознания, тем более, что, по правде сказать, это более, чем вероятно. Я знаю ценность Введенского, как ориенталиста, и согласен, что он не должен быть расстрелян, а наоборот должен быть использован. Но это должно быть вдали от места его предательской деятельности и исключительно в кабинетной научной работе. Я полагаю, что гр. Введенский должен быть отправлен в Москву, где его использует Наркоминдел. Здесь он будет компрометировать Отдел Внешних Сношений и Туркомиссию в глазах реорганизаций Востока». На письме Куйбышева — пометка В.М. Цукермана, временно исполнявшего обязанности полпреда в Бухарском ханстве после отъезда оттуда Луцевича-Зарембы, а потом назначенного заместителем Гопнера по Отделу внешних сношений: «Слухи преувеличены. В Внешноше гр. Введенский остановился по дороге в Москву».²⁵

Но он так и не уехал из Ташкента, где продолжал служить научным консультантом в Отделе внешних сношений Туркомиссии, а с января 1921 г. даже исполнял должность заведующего Отделом импорта и экспорта Туркестанского управления Наркомвнешторга РСФСР. С утверждением нэпа Введенский перешел в акционерное общество «Хлебопродукт» и в качестве его представителя приезжал в Бухару, где, как сообщала 13 декабря 1922 г. газета «Известия ВсебужЦИК и Центрального Комитета Бухарской Коммунистической партии», заключил соглашение с местным Совнархозом о поставке «партии рабочего скота в обмен на каракуль». После девятимесячной службы в «Хлебопродукте», прерванной очередным — будем считать, что пятым по счету, — арестом, общество ликвидировалось и на его место заступили «Туркхлеб», потом «Средазхлеб», «Союзхлеб» и «Азияхлеб». В этот период Введенскому пришлось, видимо, немало поколесить по краю, результатом чего стала законченная в феврале 1924 г. рукопись «Материальные предпосылки басмачества в Восточной Бухаре (по данным 1923–24 г.)», оставшаяся, увы, не опубликованной. Тогда же Введенский в шестой раз оказывается за решеткой, причем снова предполагается выслать его из Туркестана. «Шли массовые аресты всех, кто не был на службе, — пояснял он впоследствии, — но меня скоро освободили». В дальнейшем, согласно той же архивной справке ФСБ РФ, Введенский работал в плановых органах

Средней Азии, но в 1927 г., находясь на отдыхе в Пятигорске, вновь подвергся аресту по требованию некоего «работника из Баку» — видимо, одного из участников персидской конституционной революции...

С образованием в октябре 1924 г. Таджикской АССР Введенский получил место нештатного консультанта-экономиста в представительстве новорожденной республики в Ташкенте, где в 1925 г. ему удается издать отдельной брошюрой свою работу «Иностранные товары на рынках Таджикистана (по материалам 1923–24 г.)», ранее опубликованную в № 4–8 «Бюллетеня Средне-Азиатского Отделения Российско-Восточной Торговой Палаты». Следом выходит и его книга «Денежное обращение в Таджикистане. 1923–1925 гг.», основанная на большом фактическом и статистическом материале и не утратившая научной ценности. С лета 1926 г. Введенский трудится экономистом в Научно-исследовательском институте по хлопку, и изданный тогда же сборник «Материалы по изучению Таджикистана. Хлопководство в Таджикистане» включает четыре написанные им статьи: «Исторические данные о возделывании хлопчатника в Таджикистане до занятия Туркестана русскими», «Состояние хлопководства в Таджикистане за период Бухарского эмирата», «Современное состояние хлопководства в Таджикистане. 1924–25 г.», «Посевная хлопковая компания в Курган-Тюбинском районе в 1925–26 г.». Еще две статьи Введенского — «Сельское хозяйство в Таджикистане за 1924–25 г. и посевная компания 1925–26 г.», «Землеустройство Шах-Мансурского кента Дюшамбинского тумана и вилайета» — опубликованы в «Трудах Комиссии Средне-Азиатского Экономического Бюро по делам Таджикистана». Наконец, для справочника «Вся Средняя Азия» на 1926 г. Введенский готовит раздел «Весь Таджикистан», включающий его статьи — «Состояние сельского хозяйства ТАССР на 1924–25 г.» и «Хозяйство ТАССР в прошлом и настоящем. Восточно-Бухарские вилайеты». Вступительной статьей Введенского открывается и вышедшая в 1926 г. в Ташкенте брошюра «Библиография Таджикистана», в которой ее составитель, П.П. Иванов, писал: «Считаю приятным долгом выразить здесь искреннюю признательность... П.П. Введенскому, который с полной готовностью делился со мной своими сведениями по библиографии и некоторым вопросам экономики Таджикистана».²⁶

Введенский также участвует в работе научного кружка при Восточном факультете Средне-Азиатского государственного университета, на заседаниях которого выступает с докладами: «Адинэ [«Одина» С. Айни — В.Г.], как образец новейшей таджикской литературы», «Административное деление Таджикистана за время первых мангитов», «Современные поэты и писатели Персии (поэт-лирик Абдуль-Касым Ареф Казвини)».²⁷ Кроме того, еще в 1926 г. «Общество для

изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» издает в переводе с персидского, выполненного бывшими царскими дипломатами П.П. Введенским, Б.И. Долгополовым и Е.В. Левкиевским, под редакцией, с предисловием и примечаниями А.А. Семенова фундаментальный труд Бурхан-уд-Дин-хана-и-Кушкеки «Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения». В 1929 г. в переводе Введенского с таджикского выходит и столь понравившаяся ему повесть «Одина», причем, ирония судьбы, он становится первым русским переводчиком С. Айни.²⁸

А ведь в написанных тем еще в 1921 г. и пять лет спустя изданных в Москве на узбекском языке «Материалах к истории Бухарской революции» во всеуслышание объявлялось, что резидент Миллер и его ближайшие помощники Введенский и Шульга прославились своей «жестокостью и злонамеренностью не только в Бухаре, но и во всем мире». В том же 1926 г. выходят в свет и воспоминания Ф. Ходжаева «К истории революции в Бухаре», в которой почти всеильный тогда предсовнаркома Узбекской ССР не поскупился на черную краску в отношении «известного царско-эмирского чиновника Введенского». Ходжаеву вторил и снова оказавшийся в фаворе властей Колесов, отзывавшийся о своем «уполномоченном» как о заклятом враге Советской власти, который якобы «возглавлял всю белогвардейщину Бухары».²⁹ Соответственно во всех последующих работах, посвященных истории революционного движения в Бухарском ханстве, заклеймить Введенского считалось уже обязательным.

На «персональной чистке», устроенной ему 17 марта 1931 г. в узбекском Госплане, где Введенский работал тогда экономистом по садоводству и виноградарству, присутствовало более 180 человек, включая и специально явившуюся группу бывших младобухарцев, которые вновь клеймили его как эмирского советника и чуть ли не «одного из главных виновников резни» бухарских революционеров. Все объяснения игнорировались, но, хотя Введенского, естественно, «вычистили» из Госплана, апелляционная комиссия разрешила ему работать в советских учреждениях, после чего, как значится в его анкете, он преподавал экономическую географию. Но уже в ночь на 24 ноября Введенского арестовали в восьмой раз за якобы «участие в контрреволюционной вредительской организации, организованной работниками системы плановых органов в Средней Азии, а также в активных действиях против революционного движения в б[ывшем] Бухарском эмирате в бытность его сотрудником Полит[ического] агентства царского правительства...» Формальным поводом к аресту Введенского стали показания его сослуживца по Главхлопкому

Б.Х. Шлегеля, в прошлом — профессора и члена Совета Средне-Азиатского государственного университета, еще 23 июля осужденного Особым Совещанием по делу о «вредительстве» в ирригации. Заключение в Средне-Азиатский исправительный трудовой лагерь, он дал там вдруг показания, что будто бы еще в середине двадцатых годов Введенский «в качестве экономиста Госплана по хлопководческой секции на предложение Шлегеля участвовать в [контрреволюционной] организации изъявил согласие и в дальнейшем проводил мероприятия, предлагаемые организацией по линии Главхлопкома». Вредительство выражалось — де в укреплении «частного сектора в ущерб обобществленному», ослаблении мероприятий, содействующих развитию колхозного движения, и «задержке развития технических культур за счет расширения хлопкового клина» с целью «дискредитировать Советскую власть, заставить ее изменить методы своей работы или уйти от власти».

Впрочем, даже для несведущего человека показания Шлегеля выглядели, мягко говоря, неправдоподобными, ибо он заявлял буквально следующее: «По хлопку после долгих поисков был приглашен Введенский, с которым я только что познакомился... Мы решили, что он несомненно войдет в контрреволюционную организацию. Когда однажды утром, идя на службу, я нагнал Введенского и изложил ему задачи организации и роль, которая ему предстоит, он не возражал против участия в ней и в дальнейшем поддерживал мероприятия, предложенные Главхлопкомом». В центре внимания, пояснял Шлегель, обычно находилась хлопковая посевная кампания, так как верная оценка будущего урожая играла существенную роль для развития текстильной промышленности СССР. Урожайность же по ряду областей республики определялась именно Шлегелем и его коллегами — «вредителями», поэтому, указывал тот, «до заседания весь вопрос прорабатывался Введенским, а после заседание шло под моим или Введенского председательством... Введенский принимал участие в составлении и просмотре планов Главхлопкома и вел непосредственно работу по основным заданиям, сделанным мной, Шлегелем». Хотя при обыске на квартире Введенского никаких вещественных доказательств его вины обнаружить не удалось, он вновь оказался в Ташкентском доме предварительного заключения. Но следователь, оперуполномоченный 3-го отделения Секретно-политического отдела Полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии Шмелев, так и не смог добыть каких-либо серьезных компрометирующих материалов по линии вредительства, ибо при всем своем желании угодить чекистам исполнявший должность председателя Госплана УзССР Гончаров смог указать лишь на две «серьезные» ошибки под-

следственного: «1) по установлению кормовых ресурсов по шелку и 2) по проектировке максимального развития садоводства в хлопководческих районах». Речь шла о составлении якобы «преувеличенного плана по разведению коконов» и неверных расчетах по расширению садоводства, следствием чего стало бы сокращение хлопковых площадей.

Поэтому следователю пришлось сосредоточиться на деятельности Введенского в Бухаре в 1917–1918 гг., для чего он снял показания с Гальперина, Левкиевского, Соловьева и Умнякова. Привлеченные к делу в качестве свидетелей, последние думали теперь лишь о собственном спасении и клеймили бывшего сослуживца не хуже его заклятых врагов. Даже Гальперин показал, что Введенский вел «провокационную» политику в отношении младобухарского движения и находился в столь хороших отношениях с эмиром, что тот подарил ему «дом и выезд (фаэтон и рысака)». Принимая этот «щедрый дар», язвительно добавлял Умняков, Введенский, «видимо, не рассчитывал на такое близкое крушение эмирата». Левкиевский же, который вообще служил в 1917 г. в Персии и о событиях в Бухарском ханстве знал только с чужих слов, тем не менее утверждал, что Шульга и Введенский были «активными советниками эмира и притеснителями бухарского народа, ярыми врагами младобухарской партии». Что же оставалось говорить о показаниях ее бывших членов — Баки Закирова, Ибада Ходжаева (брата Файзуллы), Сафара Ходжаева и других, которые по привычке яростно обличали «двуручническую и провокационную» роль бывшего вице-консула. Опираясь на их филиппики в его адрес, книгу Ф. Ходжаева «К истории революции в Бухаре» и статью Умнякова «К истории новометодной школы в Бухаре», следователь уже к середине января 1932 г. подготовил обвинительное заключение, суть которого сводилась к одной единственной, но весьма символической фразе: «История жизни Введенского связана с историей Бухары». Указывая на негативное отношение последнего к младобухарской группе, роль и значение его в Резидентстве и «при эмирате», мнимое участие в «контрреволюционной вредительской организации 1925–1926 гг.» и использование на советской службе как «выполняющего работу не по своей специальности», Шмелев посчитал предъявленные Введенскому обвинения вполне доказанными. «Полагаю, — писал он, — настоящее дело (по согласованию его с помощником прокурора, наблюдающим за органами ОГПУ) направить на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ, за которым с сегодняшнего дня перечислить обвиняемого...»

После этого Введенского отправляют в Москву, где в связи с отсутствием каких-либо доказательств о его вредительской деятель-

ности, 13 июля Коллегией ОГПУ выносится решение: «Введенского П.П. из-под стражи освободить под подписку о невыезде из г. Москвы, дело следствием продолжить». А через некоторое время начальник Секретно-политического отдела ОГПУ выносит на рассмотрение Коллегии следующее заключение: «Принимая во внимание, что в процессе дальнейшего следствия по делу инкриминируемое Введенскому П.П. обвинение не подтвердилось, следствие по делу Введенского П.П. дальнейшим производством прекратить, дело сдать в архив. Отобранную от обвиняемого Введенского П.П. 13 июля 1932 г. подписку о невыезде из Москвы аннулировать, разрешив Введенскому свободное проживание по СССР». Коллегия ОГПУ не возражала и, согласно ее постановлению от 14 мая 1933 г., дело было закрыто.

Поселившись вместе с женой и дочерью на окраине Москвы — в доме № 38 по 2-й улице Измайловского Зверинца, Введенский преподавал персидский и арабский языки в Институте востоковедения им. Н. Нариманова, бывшем Лазаревском, и Академии внешней торговли, но от судьбы, увы, не уйдешь. Последний раз его арестовали 10 апреля 1938 г. Следователи не нашли ничего более оригинального, как инкриминировать Введенскому то, что он «продолжал оставаться в Бухаре вплоть до Бухарской революции (сентябрь 1920 г.), имея тесную связь с эмиром и его правительством», хотя подследственный уже с января находился на советской службе, а эмир, наоборот, требовал высылки его из пределов ханства! В обвинительном заключении также указывалось, что якобы еще с 1918 г. Введенский осуществлял «активную разведывательную работу» в пользу французской, английской, афганской и иранской разведок, регулярно передавая им «шпионские сведения об экономическом и политическом положении Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР». 15 сентября Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Введенского к расстрелу и в тот же день его не стало...³⁰

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ ЧИНОВНИКАХ МИД РОССИИ, СЛУЖИВШИХ В ПЕРСИИ И БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Знаком «*» помечены фамилии дипломатов, «формулярные списки» о службе которых не обнаружены (см.: *Архив внешней политики Российской Империи [далее — АВПРИ], ф. 159 [Департамент личного состава и хозяйственных дел], оп. 464 [Формулярные списки чиновников МИД]*). При подготовке биографических справок использовались «Дела чиновников МИД» в Персии и Бухаре (ф. 144 [*Персидский стол*], оп. 489; ф. 147 [*Среднеазиатский стол*], оп. 485, 486), «Циркуляры по ведомству МИД» (ф. 159, оп. 25; комплекты сохранились не полностью и за некоторые годы отсутствуют), дела «Об определении на службу в МИД» (ф. 159, оп. 749/1, 749/2, 749/3), сб. «*Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997*» (Т. 1-3. М., 1999-2002), справочник Л.Н.Карской «*Аннотированная библиография отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии 1818-1917 гг.*» (М., 2000) и др. источники, указанные в примечаниях, включая материалы «Российской Миссии в Персии. 1917-1921 гг.» (*Государственный архив Российской Федерации [далее — ГАРФ], ф. Р-4738, оп. 1, 2*). Приведены биографические справки о 40 чиновниках, служивших по ведомству МИД или выполнявших дипломатические поручения.

АНТИПОВ Василий Константинович*. Род. 24 февраля 1879 г. в С.-Петербурге в семье потомственного почетного гражданина. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом 1-й ст. и Учебное отделение восточных языков при МИД, 22 апреля 1906 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 20 июня назначен драгоманом консульства в Реште, где с 11 апреля 1907 г. исполнял обязанности секретаря и драгомана и 9 января 1910 г. утверждён в означенной должности. С 28 ноября 1911 г. — секретарь генерального консульства в Иерусалиме (см. его донесение: Пути сообщения и экономическое положение Иерусалимского округа // *Донесения Императорских консульских представителей за границей*. СПб., 1913. № 29. С. 1-46). 22 мая 1915 г. назначен вице-консулом в Казвине, где не сработался с командиром Экспедиционного кавалерийского корпуса Н.Н. Баратовым, на которого 18 января 1916 г. жаловался начальству: «Являлся сегодня к Генералу Баратову, который не мог меня принять, так как в это время обедал. Нахожу, что подобное отношение к консульскому представителю может только подорвать престиж Вице-Консульства». Но посланник

Н.С. Эттер, исключая возможность предъявления Баратову каких-либо претензий, посчитал, что «совместное пребывание Антипова с ним в Казвине в интересах общего дела едва ли желательно», и, поскольку за вице-консулом «нельзя признать какой-либо вины», целесообразно перевести его на другое место, «одинаковое по положению и без уменьшения жалования». Хотя товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов еще надеялся на примирение сторон, полагая, что, если Баратов и «погорячился», то Антипов «проявил, по-видимому, слишком большую обидчивость», уже 1 октября Эттер вновь предложил МИД, «сославшись на неудовлетворительное здоровье» вице-консула, удалить его из Казвина, дабы «избежать дальнейших недоразумений с уже предубежденными против Антипова военными». Сдав 22 октября управление вице-консульством Г.Г. Гильдебранду, выехал в Петроград, где 17 ноября назначен «причисленным к Министерству, с возложением на него исполнения консульских обязанностей в Турбети-Хейдари». Надворный советник (1914). Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст. (1912). Прибыв 22 марта 1917 г. вместе с женой Анной Павловной и дочерью Верой в Турбети-Хейдари, получил в августе предписание сдать пост Б.И. Долгополову и выехать в Россию в связи с назначением консулом в Басру, а 1 октября уведомлен о своем прикомандировании к Третьему Политическому (Среднеазиатскому) отделу МИД. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 9896 [Антипов. 1906–1917 гг.], л. 35, 39–41, 47, 61, 67, 76).

БЕЛЯЕВ (Беляев 2-й) Алексей Константинович*. Род. 13 мая 1870 г. в Москве в семье штабс-капитана, служившего в Московском интендантском складе. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета с дипломом 1-й ст., причислен к Азиатскому Департаменту МИД и с 23 мая 1894 г. определен студентом посольства в Константинополе. 11 февраля 1895 г. назначен секретарем консульства в Ускюбе, затем — секретарем и драгоманом генерального консульства в Эрзеруме, 17 мая 1899 г. — вице-консулом в Призрене, позже — консулом в Ускюбе, 18 ноября 1906 г. — генеральным консулом в Смирне, с 6 июля 1910 г. — в Салониках. В мае 1913 г., в связи с ходатайством политического агента в Бухаре А.С. Сомова об увольнении «по домашним обстоятельствам», выдвинут на означенный пост заведующим Отделом Среднего Востока МИД В.О. Клеммом, который указывал, что Беляев, обладая большим опытом и необходимым тактом и твердостью, заслужил на Ближнем Востоке «репутацию одного из самых выдающихся консульских представителей», но крайне нуждается в отдыхе «после тяжелых трудов, понесенных им за время Балканской войны». После двухмесячного отпус-

ка задержан МИД в Петербурге: с 6 декабря состоял причисленным к Первому Департаменту. Прибыв в Новую Бухару 15 февраля 1914 г. и вступив 22-го в должность политического агента, посоветовал эмиру «безотлагательно принять все меры к устранению злоупотреблений местной администрации и облегчению участи бухарского населения», во исполнение чего в отмену прежде существовавшей «системы отдачи провинций на откуп» Сеид Мир Алим-хан назначил формальное жалование бекам и финансовым чиновникам и ассигновал 200 тыс. рублей на осушение малярийных болот около Старой Бухары. Указывал на «нежелательную деятельность» казначея Имам-Кула и некоторых других сановников, которые «приносят существенный вред как стране, так и престижу Его Высочества, пользуясь своим положением и милостями Эмира для разных злоупотреблений». Не найдя общего языка с временным туркестанским генерал-губернатором Ф.В. Мартсоном и сетуя на «травлю из Ташкента», 18 декабря жаловался Клемму: «Если так будет продолжаться, меня хватит не надолго. Я ничего не ем и не сплю, у меня возобновилось сильное сердцебиение, и я не раз спрашиваю себя, что такое дурное сделал я в своей предшествующей службе, что именно я обречен на такую каторжную работу, за которую в награду получаю одни „заушения“». Поскольку доктор В.А. Доброхотов рекомендовал ему взять отпуск для лечения больных легких и вообще избрать «для жительства местность с лучшими климатическими условиями, так как летний зной, пыль, малярия и эпидемические желудочно-кишечные заболевания... могут губительно отразиться на здоровье», в мае 1915 г. сдал управление Политическим агентством временно командированному в Бухару секретарю VI класса Третьего Политического (Среднеазиатского) отдела МИД коллежскому асессору Б.В. Андрееву.

Вернувшись поздней осенью в Бухару, но по-прежнему мечтая «спастись» оттуда, в телеграмме Клемму, от 20 февраля 1916 г., просил не выставлять его кандидатуру на консульский пост в Албании, ибо «был уже Генеральным Консулом семь лет и больше двух Политическим Агентом в должности 4-го класса в ужасном климате и каторжных условиях работы». Но в тот же день Клемм уведомляет его о своем разговоре с товарищем министра А.А. Нератовым: «Он опасается, что болезнь Ваша может сделать Ваше дальнейшее пребывание в Бухаре невозможным и так может случиться, что за отсутствием каких-либо маломальски стоящих вакансий Вам придется отчислиться в ведомство. Что касается Албании, то он считает пост этот чрезвычайно важным и отнюдь не закрывающим путь к дальнейшей карьере. В ближайшее время Вы могли бы, проживая в Швейцарии, заняться укреплением Вашего здоровья». Назначенный 26 апреля генеральным консулом в Албании,

21 мая передал управление агентством Н.А. Шульге и 23-го покинул Бухару. 25 сентября удостоен «высочайшей» благодарности «за труды, понесенные при условиях военного времени». Действительный статский советник (1913). Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст. (1910), Св. Владимира 3-й ст. (1916) и многих иностранных. 20 мая 1917 г. командирован для усиления личного состава Миссии в Христиании, но уже 23 июня назначен советником Второго Политического (Ближневосточного) отдела МИД. (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3506 [Беляев А.К. Назначение его Политическим Агентом в Бухаре. 1913–1916 гг.], л. 5, 18, 39, 47, 49; ф. 144, оп. 489, д. 10036 [Беляев А.К. 1916 г.], л. 2–3). После большевистского переворота «за отказ от подчинения Совнаркому» уволен от должности без права на пенсию. Уехав из Петрограда, уже летом 1918 г. оказался в Персии. «Из разговора с Беляевым, — докладывал 3 июля управляющий консульством в Реште Н.Н. Григорьев, — вынес убеждение, что он с радостью согласился бы на любую деятельность, лишь бы она не была связана с длительным и утомительным путешествием, каковое ему ныне не позволяет состояние здоровья». 12 мая 1919 г. принял от Н.С. Эттера управление Миссией в Тегеране. Награжденный в декабре персидским орденом Льва и Солнца 1-й ст., устроил большой новогодний прием, на котором в последний раз собралась вся русская колония. Отбывая в Париж, 31 мая 1920 г. оповестил соотечественников: «Сим довожу до сведения проживающих в Тегеране гг. российских граждан, что, уезжая по делам службы согласно полученным указаниям, я передал временно управление Миссией первому драгоману Герману Густавовичу Гильдебранду со званием Поверенного в Делах». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 26, л. 13, 53). Впоследствии поселился в Белграде, где служил в Министерстве иностранных дел Югославии. Скончался 30 ноября 1934 г. (Никольский А. Незабвенному Алексею Константиновичу Беляеву // Русский голос [Белград], 09.12.1934. № 192).

БЕЛЯЕВ (Беляев 3-й) Дмитрий Дмитриевич. Род. 6 августа 1882 г. в Казани в семье профессора местного университета; из потомственных дворян. Окончив С.-Петербургский Археологический институт и факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом 2-й ст., 10 июня 1904 г. определен на службу по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту. Назначенный 6 ноября студентом Миссии в Тегеране, 18 февраля 1905 г. командирован в Керман для временного исполнения обязанностей секретаря консульства. 14 июля того же года назначен состоящим в ведомстве МИД с возложением исполнения обязанностей секретаря консульства в Бендер-Аббасе; с

15 января по 11 мая 1906 г. управлял консульством в Кермане (см. его работы: От Асхабада до Мешеда // Исторический вестник. СПб., 1904. Т. 96. Май. С. 557–574; Июнь. С. 946–959; Отчет о поездке по Персии СПб. Императорского университета Факультета восточных языков студента Дмитрия Беляева в 1903 году. Тифлис, 1906. Ч. 1–2; Отчет о поездке из Тегерана в Керман весной 1905 г. Тифлис, 1906; Отчет о поездке из Кермана в Хапис осенью 1905 года Дмитрия Беляева 3-го. Тифлис, 1907; Очерк Кермана // Сборник консульских донесений (далее — СКД). СПб., 1907. Вып. 1. С. 54–59; Отчет о поездке из Кермана в Бендер-Аббас через Гоук, Бам, Джирuft и Тенг-и-Нивергу в июне и июле 1906 года состоящего в ведомстве Императорского Министерства Иностранных Дел Дмитрия Беляева 3-го // Материалы по изучению Востока. СПб., 1909. Вып. 1. С. 197–297; То же. Тифлис, 1908).

С 3 марта 1908 г. по 2 февраля 1909 г. управлял консульством в Джедде. Выдержав 10 апреля дипломатический экзамен, 24-го утверждён в исправляемой им должности секретаря консульства в Бендер-Аббасе и командирован в Тавриз на усиление состава генерального консульства, о чем В.О. Клемм телеграфировал 25 апреля А.Я. Миллеру: «Помимо Введенского, помощью которого Вы, конечно, можете пользоваться, когда его услуги не будут требоваться Снарским, в Тавриз командируется на все время, пока там будет усиленная работа, Дмитрий Беляев, который выезжает завтра». Исправляя с 1 августа должность секретаря генерального консульства, сопровождал русский отряд в Карадаг, а с 25 сентября по 6 декабря находился в командировке в северном Курдистане «для устройства дел русских подданных и переговоров с принцем Имам Кули Мирзой» (см.: Очерк северо-восточной части Персидского Курдистана. Отчет о командировке в Соучбулак секретаря Российской Императорского Консульства в Бендер-Аббасе Дмитрия Беляева 3-го // Известия Штаба Кавказского военного округа. Тифлис, 1910. № 29. С. 1–33; № 30. С. 26–43). Назначенный 13 июля 1910 г. секретарем генерального консульства в Тавризе, 8 октября принял управление вице-консульством в Ардебиле. 24 декабря 1912 г. назначен секретарем генерального консульства в Эрзеруме с откомандированием в Барфруш «для исполнения возложенного на него особого поручения», а 29 апреля 1913 г. — секретарем генерального консульства в Бендер-Бушире с предоставлением ему «звания лично вице-консула в означенном городе», куда, сдав 22 марта пост в Ардебиле, прибыл 1 августа. Именным высочайшим указом от 19 октября «пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами за проявленный им подвиг мужества в бою 22 мая 1912 г. у сел. Консулкенды с шахсевенами и воздаяние трудов, понесенных им во время похода в составе Ардебильского отряда». 5 нояб-

ря 1913 г. назначен помощником русского комиссара по персидско-турецкому разграничению В.Ф. Минорского, который уже год спустя, 18 октября, жаловался на Беляева: «Он считает себя свободным от меня как комиссара, требует моего визита и не отвечает на деловые запросы. Наша касса оказывается крайне запущенной, счета не записаны с апреля, не исполнялись мои прямые указания. Беляев принимает ответственность за имеющиеся у него просчеты, но от сдачи и проверки кассы уклонился». 25 сентября 1914 г. избран почетным членом Археологического института, действительным членом которого состоял с 8 мая 1903 г., — в ознаменование «особых заслуг, выразившихся в пожертвовании им Музеем Института исключительной по редкости и ценности коллекции Эламских древностей».

Являясь с декабря уполномоченным Красного Креста при Кавказской армии, 8 февраля 1915 г. вступил во временное управление генеральным консульством в Азербайджане, числясь также с 27 июля первым драгоманом Миссии в Тегеране. Доказывал МИД, что «благожелательная к персам политика много рациональнее, чем казни Шоджа-уд-Доуле». По отзыву командира 4-го Кавказского корпуса генерала П.И. Огановского, просившего оставить Беляева на весь период войны в Тавризе, «сумел стяжать себе среди местного населения доверие и уважение и своим тактом и корректным обращением с персидскими властями способствовал установлению наилучших отношений между последними и нашими войсками». Собираясь в октябре 1915 г. вступить в брак с разведенной женой статского советника Юлией Павловной Марьяновой, урожд. Смоличевой, и зная о тавризском обычае одаривать новобрачных, заранее, как сообщал Клемму, «предупредил всех, что никаких подарков принимать не буду и, когда все же делались подобные попытки, их отверг и даже некоторым из наших протеже сделал строгое внушение». В марте 1916 г. за труды, понесенные при условиях военного времени произведен «за отличие» в коллежские советники. Несмотря на назначение в мае С.Н. Столицы генеральным консулом в Азербайджане, продолжал управлять консульством и в ноябре принимал в Тавризе главнокомандующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича, подарившего ему свой портрет с надписью: «Д.Д. Беляеву — сердечное спасибо». Но посланник Н.С. Этгер выражал недовольство его частыми отлучками из Тавриза и жаловался, что от Беляева «не поступает совершенно донесений политического характера». Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1904), Св. Владимира 4-й ст. (1910), Св. Анны 3-й ст. (1910) и 2-й ст. с мечами (1913), а также французского знака «академических пальм» 2-й ст. (1913) и персидского ордена Льва и Солнца 2-й ст. (1916). 28 января 1917 г. предупрежден товарищем министра А.А. Нератовым о

«предстоящем в скором времени, по желанию Наместника, вступлении в должность генерального консула в Тавризе Столицы», в связи с чем глава шахского кабинета министров Восуг-уд-Доуле просил Миссию уведомить МИД о глубоком удовлетворении деятельностью Беляева, сумевшего «любезностью и внимательным отношением к персидским интересам заручиться расположением Его Высочества Валиагда и установить наилучшие отношения с каргужаром Азербайджана Шериф-уд-Доуле». Из-за трений с леворадикальной частью русской колонии, не дожидаясь прибытия Столицы, 8 апреля покинул Тавриз, передав управление консульством И.А. Успенскому. Проведя отпуск в Ессентуках, вновь командирован в Персию, где с августа состоял при штабе командующего Кавказским кавалерийским корпусом генерала Н.Н. Баратова. В октябре, по доносу бывшего консульского агента в Карадаге М.А. Штайера, обвинен в государственной измене — «укрывательстве германских шпионов»; дело расследовалось контрразведкой, что вызвало протест Нератова. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10056 [Беляев Дмитрий Дмитриевич. 1907–1917 гг.], л. 6, 149, 163, 183, 185, 239, 246, 252; ф. 159, оп. 464, д. 286). В 1920–1922 гг. жил в Константинополе, затем — в эмиграции. Скончался 22 апреля 1960 г. в Бельгии. (Часовой. Париж-Брюссель, 1960. № 411).

БЛУМ (Блюм) Борис Эдуардович*. Род. в 1884 г. в Москве в семье врача, предки которого, выходцы из Шотландии, поселились в России еще в петровские времена. Окончив Лазаревский институт восточных языков (представил сочинение на тему: «Фольклорные и филологические материалы из Сирии») и Учебное отделение восточных языков при МИД, в мае 1903 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. Назначенный в сентябре исполняющим обязанности секретаря и драгомана консульства в Астрабаде, в течение двух месяцев состоял его управляющим и около года служил в генеральном консульстве в Мешхеде, пережив там эпидемию холеры и вызванные ей беспорядки. Находясь с ноября 1906 г. в отпуске, в марте 1907 г. обратился в МИД с ходатайством о переводе его из Персии в климатически более благоприятную местность, ибо заболел тяжелой формой болотной лихорадки, «осложненной уже легочными и гастрическими расстройствами». Назначен драгоманом генерального консульства в Эрзеруме, где исполнял обязанности секретаря и драгомана, а в ноябре 1911 г. — драгоманом Политического агентства в Бухаре, но уже в декабре командирован на усиление личного штата генерального консульства в Тавризе. В мае 1913 г. предложено выехать в Бухару для исполнения обязанностей

секретаря Политического агентства, в связи с чем, вернувшись из командировки в Маку, 5 июля покинул Тавриз. В начале первой мировой войны, числясь вице-консулом в Коломбо, жил вместе с семьей в Лозанне, откуда 13 сентября 1914 г. вызван В.О. Клеммом в Россию. Назначенный 26 мая 1915 г. вице-консулом в Ардебиле с предоставлением ему лично звания консула, вступил в должность 10 июля. Но уже 23 декабря главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич потребовал его «незамедлительного отзыва», ибо вице-консул «не только не идет навстречу нуждам военных представителей, но явно подчеркивает неподобающее к ним отношение». Блум, пояснял фактически командовавший армией генерал Н.Н. Юденич, встав на сторону персидской администрации Ардебиле и местных помещиков, по сути, «оттолкнул» шахсевен от России и не оказывает должного содействия пограничному комиссару Мамедову, на которого «августейшим главнокомандующим возложена специальная задача». Но за Блума вступился министр С.Д. Сазонов, и в справке, подготовленной исполняющим обязанности дипломатического чиновника при императорском наместнике на Кавказе С.Н. Столицей, говорилось, что успешная деятельность «одного из опытейших наших консулов» ставила целью разъединение воинственных племен шахсевен на две враждующие группы, чем достигнуто «отвлечение их от внешней политики и разбоев, ослабление и обезвреживание». В феврале 1916 г. в Ардебиль для разбора конфликта выезжали бывший генеральный консул в Тавризе А.А. Орлов и генерал-майор Р.И. Термен, по рассмотрении доклада которых великий князь приказал немедленно освободить Мамедова от занимаемой должности, но одновременно просить МИД и об отзывании Блума. «Результаты расследования.., — успокаивал его 3 апреля Клемм, — с очевидностью показали, что на Вас не падает никакой вины. Это признано не только Министерством, но и Кавказским начальством...» 11 мая назначен консулом в Решт, куда прибыл в июле. Коллежский советник (1916). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1912) и Св. Анны 3-й ст. (1916).

После Февральской революции 1917 г. не избежал участи многих сослуживцев, отзыва которых, как «царских» дипломатов, повсеместно требовали исполнительные комитеты русских колоний. Уже 4 апреля поверенный в делах В.Ф. Минорский докладывал МИД, что рештский комитет «вотировал недоверие Блumu», а 16 апреля, указывая на желание последнего выставить свою кандидатуру на место первого драгомана Миссии, добавлял: «Горячо поддерживаю. Знаю его как крайне честного, трудолюбивого и знающего человека». Расследовавший конфликт в Реште бывший генеральный консул в Иерусалиме А.Ф. Круглов уведомлял МИД, что не видит никаких пре-

ступных действий Блума, враждебность к которому «объясняется его английской холодностью и долей бюрократизма». В другой телеграмме, от 19 июня, Круглов сообщал: «Из частных переговоров выяснилось, что большинство признает Блума знающим работником и честным, но считают его холодным бюрократом, не сумевшим вначале показать искреннее отношение к новому строю. Некоторые вменяют ему в преступление, что он запоздал с объявлением переворота., гордо держал русско-подданных часами в передней, другие обвиняют его в жандармских действиях, сказавшихся в аресте и конфискации оружия, принудительной подписке на военный заем, формировании отрядов против Кучук Хана, притеснении персидского свободного народа и т. п. актах прошлого». 29 июня приехал в Тегеран вместе с Кругловым, назначенным туда временно управляющим генеральным консульством, и позже состоял в его распоряжении. С 14 августа числился консулом в Кермане, продолжая оставаться в Тегеране. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10066 [Блум. 1906–1917 гг.], л. 3, 6, 20, 39, 41, 43, 60, 84, 94, 120). После свержения Временного правительства убеждал Н.С. Эттера покинуть Персию и «таким образом предоставить Минорскому возможность естественным и законным путем вступить в управление Миссией», за что обвинялся в недопустимом «образе действий, направленном к принудительному отъезду гг. Посланника и Первого Драгомана и к принятию управления Миссией г. Минорским». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1 д. 27, л. 1). В связи с кончиной от тифа генерального консула в Азербайджане С.Н. Столицы командирован для управления консульством в Тавриз, куда выехал в июне 1918 г. в сопровождении жены Ксении Николаевны, сестры композитора А.Н. Скрябина, и четырехлетнего сына Андрея, впоследствии — участника французского Сопротивления и видного религиозного проповедника, возведенного в 1966 г. в сан Митрополита и до 1974 г. состоявшего Экзархом Московского Патриарха в Западной Европе. Проживая с 1923 г. в Париже, считал, что несет тяжкую ответственность за случившееся с Россией и не имеет права на преимущества, которые дают его сословие, воспитание и образование. Как вспоминал сын, «он не стал искать никакой работы, где мог бы использовать знание восточных языков, свое университетское образование, западные языки, и стал чернорабочим. И в течение довольно короткого времени подорвал свои силы...» Почти отказавшись от общения с людьми, жил совсем «один, в крайнем убожестве; молился, молчал, читал аскетическую литературу». Скончался в ночь на 3 мая 1937 г. (Антоний, Митрополит Сурожский. Без записок // Новый мир. 1991. № 1; Скорбный листок // Последние новости [Париж], 05.05.1937. № 5884).

ГАРТВИГ Николай Генрихович. Род. 16 декабря 1853 г. в Гори в семье штаб-лекаря Горийского военного госпиталя, с 1869 г. — главного врача Пятигорского военного госпиталя, статского советника; из дворян. Окончив частную гимназию в Одессе, в 1871–1874 гг. учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета и, защитив диссертацию на тему: «Оноре Габриель Мирабо», удостоился степени кандидата. 25 апреля 1875 г. определен на службу по ведомству МИД чиновником его Азиатского Департамента сверх штата. 1 декабря 1878 г. назначен исправляющим должность вице-консула в Бургасе, в каковой утвержден 1 ноября 1879 г. С 28 июля 1884 г. — делопроизводитель VI класса, с 28 октября 1887 г. — V класса в Азиатском Департаменте. 18 февраля 1897 г. назначен генеральным консулом в Бейруте, 24 августа того же года — вице-директором Азиатского Департамента, 15 августа 1900 г. — директором Первого (быв. Азиатского) Департамента. В сентябре 1905 г. заслужил «высочайшую благодарность за проявленные им чрезвычайное усердие и выдающиеся услуги как при подготовительной работе, так равно и во время переговоров о заключении мира с Японией». 28 февраля 1906 г. «именным Высочайшим Указом, данным Правительствующему Сенату, Всемилостивейше повелено быть чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском дворе».

Прибыв в Тегеран 23 мая, стал «первым, нарушившим традиции тюремной затворнической жизни русских посланников в Персии и широко раскрывшим двери дворца Миссии для представителей местного общества, духовенства и парламентских кругов». (С.-Петербургские ведомости, 31.10.1907, № 241). Но появление в немецкой „Koelnische Zeitung“ (28.08/10.09.1907, № 946) сообщения о предъявленной-де им меджлису и отвергнутой ноте с угрозой русской оккупации севера Персии вызвало бурную полемику в прессе и, в частности, резкий отклик петербургской газеты «Слово» (04.09.1910, № 248), возмущавшейся тем, «как можно, хотя бы на один лишний день, удерживать на месте дипломата», допустившего столь бесцеремонную выходку в отношении парламента соседнего государства и получившего в ответ «вполне заслуженный щелчок». Отвергая инсинуации в свой адрес, оправдывался перед МИД, что с целью опровержения слухов о реакционной политике России составил 25 июля «памятную записку» для председателя меджлиса (с предоставлением ему возможности использовать ее, «как и когда он найдет полезным»), в которой между прочим говорилось, что продолжение насилий в Персии в отношении русских граждан может вызвать необходимость принятия со стороны России «серьезных мер для ограждения интересов своих подданных»; поскольку же данная фраза показалась адресату несколько резкой, он,

через первого драгомана Миссии, попросил смягчить ее, что и было исполнено. В условиях распространения в Персии анархии, сокрушался Гартвиг, «всякое происшествие (а таковые учащались не по дням, а по часам), в которых являлись страдающими русско-подданные либо русские учреждения, ставило вверенную мне Миссию в крайне щекотливое, тяжелое положение: мне приходилось для улаживания дела искать благодетельную середину, чтобы с одной стороны не дать повода к обвинениям, будто мы пользуемся случаем, чтобы вмешаться во внутренние дела и с этой именно целью призываем то военное судно, то казачью сотню; с другой — рассеять, быть может более опасную для интересов наших, уверенность персов, что они могут безнаказанно и без всякого отпора со стороны России совершать насилия над ее подданными». Возмущался «поражающим недомыслием» прессы, которая «проводит параллель между Великой Державой и находящейся под ее вековым влиянием мусульманской страной» и, «создав какой-то инцидент», о котором здесь никто не знал, ибо такового не было», внушает персам «мысль, что они могут домогаться равноправности». Но уже 15 декабря министр А.П. Извольский предупреждает его: «Опасаемся, как бы единоличные настояния Ваши, после бывших уже неудач в переговорах с Меджлисом, не были истолкованы в превратном смысле и даже в ущерб нашему решению ограничиться дружественным и совместным с Англией содействием Персии...» Как утверждала газета «Голос Москвы» (05.11.1908, № 277364), отозван из Тегерана «за вмешательство во внутренние дела Персии», ибо, «по-видимому, не пропускал случая оказывать на шаха давление». 12 ноября 1908 г. вернулся в Петербург и 17 июня 1909 г. назначен «чрезвычайным посланником и полномочным министром при Дворе Его Величества Короля Сербии». Действительный статский советник (1896). Гофмейстер Двора Его Императорского Величества (1901). Кавалер орденов Св. Анны трех степеней (1881, 1891, 1908), Св. Владимира 4-й (1894), 3-й (1899) и 2-й (1911) ст., Св. Станислава 1-й ст. (1902) и Белого Орла (1913), а также свыше тридцати иностранных, в том числе командорских крестов французского Почетного Легиона (1897) и бельгийского ордена Леопольда (1900), бухарской Золотой Звезды 1-й ст. (1898), персидского Льва и Солнца 1-й ст. (1900), турецкого Меджидие 1-й ст. (1900) и т. д. Был женат вторым браком на разведенной Александре Павловне Фонвизиной, урожд. Карцовой, имея от первого брака дочь Людмилу. Скоропостижно скончался 27 июня 1914 г. во время беседы с австрийским посланником в его кабинете. Похоронен в Белграде. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 836, л. 1-2; ф. 144, оп. 488, д. 2246 [Гартвиг Н.Г. Гофмейстер. Посланник в Тегеране. 1906 г.], л. 57, 67-68, 71, 91-92, 98, 105; см. также: Писа-

ГАУГ (Гаук) Эрнст (Константин) Яковлевич*. Род. 8 декабря 1892 г. в колонии Георгиевское Елисаветпольской губ. в семье немецкого колониста. В сентябре 1909 г. окончил тифлисские Коммерческие классы, где, изучив «счетоводство винокуренной промышленности», показал «отличные успехи» по бухгалтерии, коммерции, торговым законам, банковскому делу, арифметике на счетах, технологии, товароведению и каллиграфии. Позже служил бухгалтером в Асхабадском отделении Госбанка, а с лета 1912 г. — исполняющим должность письмоводителя в генеральном консульстве в Тегеране. Уже 4 апреля 1913 г. генеральный консул А.Н. Штриттер обратился в МИД с ходатайством «не отказать в благосклонном содействии по зачислению г. Гауга в канцелярские служители Департамента Личного Состава и Хозяйственных Дел», ибо «за свою почти годовую службу в Канцелярии Генерального Консульства г. Гауг зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, отличаясь исполнительностью, аккуратностью и самым внимательным отношением к своему делу». 17 декабря определен на службу по ведомству Министерства, с откомандированием для занятий в генеральном консульстве в Тегеране, в качестве канцелярского служителя 2-го разряда в Первом Департаменте, с июля 1914 г. — Третьем Политическом (Среднеазиатском) отделе МИД. (АВПРИ, ф. 159, оп. 749/3, д. 170 [Об определении на службу в Министерство иностранных дел. 1913 г.], л. 139–151).

«Деятельность Гауга в качестве письмоводителя тегеранского консульства была у меня все время на виду, — рассказывал бывший агент Министерства торговли и промышленности статский советник А.А. Косминский на допросе в Особом отделе Персидской Красной Армии 29 июня 1920 г. — Как служащий, Гауг всегда отличался большим усердием, трудоспособностью и услужливостью. Эти качества побудили меня в 1915 г. рекомендовать его в качестве управляющего именьями одного богатого перса. Назначение это не состоялось только потому, что бывший тогда консул в Тегеране Штриттер уговорил Гауга остаться на службе в консульстве, обещая ему повышение и увеличение содержания. Первые три года его службы, с 1912 по 1915 гг., он казался нравственно безупречным, но, начиная с 1916 г., занялся вывозом из России товаров, запрещенных к вывозу ввиду военного времени, пользуясь для этой цели подложными ходатайствами консульства... Для этой цели он составил компанию с некоторыми местными спекулянтами и таким путем в течение полутора лет составил значительное состояние. Деяния его были обнаружены осо-

бым следствием, которое велось по поручению Министерства иностранных дел специально командированным чиновником Министерства Кругловым. Весь материал по этому делу был передан в октябре 1917 г. прокурору Петроградской судебной палаты». По показаниям других опрошенных, Гауг, уволенный 30 сентября «от службы, согласно прошению, по болезни», стал посредником между действовавшими в Персии германскими агентами и вожаком гилианских повстанцев-дженгелийцев Мирзой Кучек-ханом, но, занимаясь снабжением партизан оружием и военными инструкторами, был арестован как «германский шпион». (Российский государственный архив социально-политической истории [далее — РГАСПИ], ф. 80 [Киров С.М.], оп. 4, д. 75 [Дело Особого отдела при Революционном Военном Совете Персидской армии — Гаука], л. 11). Первый секретарь Миссии в Тегеране В.Ф. Минорский сообщал 10 мая 1918 г., что «Гауг арестован в Казвине «англо-бичераховскими» властями и выслан в Багдад», причем «найденно письмо русских офицеров, Савича и др., на имя Гауга с просьбой принять их на службу к Кучек-хану». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 2, д. 25, л. 2). Сам же Гауг объяснял свой арест так: «Я был командирован в г. Тегеран для подготовки переворота совместно с тегеранскими политическими организациями и низвержения шахской власти, но был схвачен, благодаря предательству, англичанами, которые сильно были озлоблены неудачными переговорами с тов. Мирзой Кучеком и сослали меня в Индию, где я пробыл до 4 апреля 1920 г., отпущенный с условием более не принимать участия в антианглийских политических организациях в Персии». (РГАСПИ, ф. 80, оп. 4, д. 74 [Материалы Чрезвычайной миссии Совнаркома Персидской республики], л. 107).

После почти двухлетнего заключения в одном из лагерей для военнопленных приехал в Решт, где жила его жена Анна, с намерением при содействии своего обосновавшегося в Австрии брата открыть в городе мануфактуру. Но высадка в мае в Энзели десанта Волжско-Каспийской военной флотилии и провозглашение в июне в Реште «Персидской советской республики» привели к тому, что Гауг, под псевдонимом «Гушенг», получил должность управделами Временного революционного правительства и в начале августа в составе его чрезвычайной дипломатической миссии выехал в Москву, где вел переговоры с Г.В. Чичериным, Л.М. Караханом и Ш.З. Элиавой. После коммунистического переворота, свергнувшего власть Кучек-хана, отправлен назад в Персию, ибо, по свидетельству Чичерина, находился под подозрением как «английский шпион». На обратном пути принял участие в Первом съезде народов Востока в Баку, где встретился с одним из лидеров младотурок Энвер-пашой, передавшим ему свое послание Кучек-хану. Заполняя 1 сентября съездовскую анкету, ответил на ее вопросы так: «1. *Имя и фамилия:*

Гушенг. 2. *Возраст*: 39 [? — В.Г.] лет. 3. *Национальность*: персидского (так в тексте — В.Г.). 3а. *На каком языке говорите, кроме родного*: русский, немецкий, французский, английский, турецкий. 4. *Религия*: магометанская. 5. *Семейное положение*: женат. 6. *Образование*: посещение высших учебных заведений за границей. 6а. *Из какой страны*: Персии. 7. *В какой губернии родились*: Елисаветпольской (проездом родителей). 7а. *В деревне или городе*: городе. 8. *В какой губернии живете или работаете*: Решт. 9. *К какому сословию или классу принадлежите*: крестьянству. 10. *Чем занимаетесь*: [в] революционном правительстве. 11. *Служили ли в армии и в какой*: нет. 12. *Принимали ли вы участие в революционном движении*: в персидском революционном движении... [в] гор. Реште. 13. *К какой партии принадлежите*: Красной Персидской Революции (Комитет Ингелабе Сорх)». (РГАСПИ, ф. 544, оп. 2 [Съезд народов Востока], д. 35, л. 199). Арестованный сразу по прибытии в Энзели, 4 сентября, начальником Особого отдела Персидской Красной Армии А.Г. Брегадзе, освобожден из тюрьмы лишь после четырехмесячного заключения. В дальнейшем оставался ближайшим сотрудником Кучек-хана и состоял членом Реввоенсовета его «армии». По некоторым сведениям, собственноручно убил плененного дженгелийцами Гейдар-хана Ами оглы — лидера ЦК Иранской компартии (Адалет) и члена объединенного Персревкома. После разгрома отряда Кучек-хана оставался с ним до самого последнего дня и погиб, замерзнув в горах. (Подробнее см.: *Генис В.Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000).

ГИЛЬДЕБРАНД (Гильдебрандт) Герман Густовович*. Род. 10 декабря 1885 г. в Пензе в семье преподавателя реального училища, дослужившегося до чина статского советника. Окончив Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при МИД, 2 июня 1909 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. Командированный в июле в качестве дипломатического курьера в генеральное консульство в Тавризе, задержан там и после своего назначения в июле 1910 г. студентом Миссии. Получив в сентябре должность второго драгомана генерального консульства в Тегеране и выехав туда 24 ноября, исполнял обязанности секретаря и зарекомендовал себя, как указывал генеральный консул И.Ф. Похитонов, «человеком во всех отношениях порядочным и весьма способным». С марта 1912 г. — исправляющий должность секретаря и драгомана консульства в Кермане, с декабря 1913 г. — первый драгоман генерального консульства в Тегеране, где с мая 1914 г. замещал генерального консула А.Н. Штриттера. В сентябре командирован в Исфаган для временного управления консуль-

ством, но служба там свелась, по его признанию, «к простой регистрации бесчинств в округе германских агентов». С 15 апреля 1915 г. числился секретарем генерального консульства в Тегеране и, вернувшись туда в сентябре, продолжал вести текущие дела по Исфагану; в ноябре награжден орденом Св. Анны 3-й ст. С февраля 1916 г. состоял при штабе командира 1-го Кавказского кавалерийского корпуса Н.Н. Баратова, уже 21 сентября сожалевавшего, что вынужден расстаться со столь «деятельным помощником по дипломатической части», ибо «Гильдебранд, по состоянию своего здоровья, ездить, особенно верхом, более не может». Баратов, сообщал посланник Гильдебранду, «просит от его имени выразить Вам сердечную благодарность», ссылается «на успешное выполнение Вами ряда поручений военно-политического и разведывательного характера в Куме, Кашане, Султанабаде, Исфагане, Луристане и Зенджанской области... и отмечает, что при занятии нашими войсками с боем Исфагана Вы принимали участие в боевых действиях, проявив личную храбрость при исполнении под огнем противника различных поручений...»

Вступив 22 октября в управление вице-консульством в Казвине (17 ноября назначен вице-консулом, а днем раньше награжден орденом Св. Станислава 2-й ст.), после Февральской революции 1917 г. подвергался травле со стороны местного солдатского комитета, грозившего «разобраться» с царским дипломатом. «Не зная за собой никакой вины, — докладывал Гильдебранд 27 мая, — и поняв отчасти психологию здешних демагогов, я, считаясь с создавшимся положением и уступая, где можно и должно, проявлял в то же время в отношении как Гражданского, так и Военного комитетов известную твердость...» В результате комитеты согласились прекратить враждебные выпады в местной русской газете и отказались от мысли о привлечении его к суду и об установлении контроля над деятельностью вице-консульства. Подозревался в соучастии в «мошеннической организации» по вывозу из России контрабандных товаров и обвинялся русско-подданным Н.А. Джагетянцем в присвоении 8 тыс. пудов пшеницы и ячменя. Отвергая это обвинение, настаивал на привлечении «авантюриста» к уголовной ответственности, ибо поводом для клеветнической деятельности Джагетянца послужил-де «решительный отказ подписать составленный им же самим судебный приговор по делу об арендуемых им имениях» и запрещение «заниматься шантажом и вымогательством». В сентябре 1917 г. ходатайствовал перед МИД о разрешении «прожить хотя бы некоторое время в другой обстановке, более нормальной, чем в Казвине», ибо, сетовал он, «я очень устал и не по средствам истратился». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10316 [Гильдебранд. Дело чиновников МИД в Персии. 1909–1917 гг.], л. 12, 25, 49, 56, 60, 87, 90, 97, 101–104, 109–111).

После большевистского переворота служил первым драгоманом Миссии в Тегеране, где в ночь на 3 ноября 1918 г. руководил нападением на Представительство РСФСР, членов которого, по утверждению советских авторов, «собственноручно избивал» и «своими руками отрывал от груди отца перепуганных на смерть детей». (*Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался Наркоминдел. М., 1984. С. 229; *Иранский.* Страница из истории красной дипломатии. [Памяти т. И.И. Коломийцева.] // Новый Восток. М., 1925. № 8–9. С. 155). Назначенный, в связи с отъездом А.К. Беляева, поверенным в делах России в Персии, 31 мая 1920 г. принял управление Миссией. (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 26, л. 53). В апреле 1921 г. отклонил просьбу представителей русской колонии передать защиту ее интересов американцам: несмотря на ожидавшееся прибытие в Тегеран советского полпреда, Гильдебранд, вспоминал ротмистр Н.М. Верба, «имел вид строго официальный, хотя был с нами со всеми знаком давно, на столах гостинной стояли портреты Особ Царской Семьи... «Я, господа, флаг опустить не могу, это значит закрыть Миссию...» Лишь за несколько часов до приезда большевиков спустил флаг и в тот же вечер явился представиться Ф.А. Ротштейну, который, «говорят, благодарил Гильдебранда за порядок оставленного посольства, за передачу всего имущества, архивов и канцелярии». С приколотым на груди красным бантом присутствовал на приеме в полпредстве, но, так и не получив там места, «остался жить в Тегеране и нашел себе какую-то частную службу». (Там же, ф. Р-5881 [Коллекция отдельных документов эмигрантов], оп. 2, д. 288 [Верба Н. Мои скитания по Персии, Месопотамии и Сирии. 1928 г.], л. 44).

ГИРС (Гирс 4-й) Михаил Михайлович. Род. 10 ноября 1877 г. в С.-Петербурге в семье отставного коллежского советника; из дворян. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому отделу с дипломом 1-й ст. и Учебное отделение восточных языков при МИД, 22 мая 1902 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 8 января 1903 г. назначен драгоманом, 15 ноября 1905 г. — секретарем и драгоманом генерального консульства в Мешхеде, которым управлял со 2 января по 10 августа 1906 г. и с 20 ноября 1907 г. по 25 сентября 1908 г. Числясь с 20 апреля 1909 г. вице-консулом в Кони, направлен в Ардебиль, прибыв куда 20 июня, уже 21 августа получил пост вице-консула в означенном городе. 29 января 1911 г. командирован в Тегеран для исполнения обязанностей первого драгомана Миссии, в каковой должности утвержден 16 мая. С 3 июля 1913 г. по 2 марта 1914 г. — управляющий Политическим агентством

в Бухаре. Откомандированный 4 октября в распоряжение Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, с 27 июля 1915 г. состоял чиновником МИД для пограничных сношений при Наместнике Его Императорского Величества на Кавказе. В марте 1916 г. произведен «за отличие» в статские советники, а 10 октября назначен старшим секретарем Третьего Политического (Среднеазиатского) отдела МИД. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1906) и 2-й (1910) ст., Св. Анны 2-й ст. (1914), Св. Владимира 4-й ст. (1915), а также бухарского Золотой Звезды 3-й (1903) и 2-й (1916) ст., персидского Льва и Солнца 2-й ст. (1907), французского знака отличия «Officier d'Academie» (1908). Был женат на дочери статского советника Вере Ивановне Остроумовой. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 906, л. 1–6). В 1917 г. вступил в Республиканско-демократическую партию и, став активным сподвижником нового заведующего Среднеазиатским отделом В.И. Некрасова по «демократизации» ведомства, состоял зам. председателя комитета Общества служащих МИД. Отличался смелостью и, как вспоминал Г.Н. Михайловский, «слушая страстную речь на каком-то митинге, где оратор говорил о том, что «царских дипломатов надо вешать», вдруг выступил со словами: «Вешайте меня, я — царский дипломат». Назначенный 14 сентября 1917 г. советником Миссии в Тегеране, после Октябрьского переворота — один из руководителей «саботажного» движения в Петрограде. (Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 2. С. 271).

ГРИГОРЬЕВ Николай Николаевич. Род. 19 июля 1881 г. в Швейцарии в семье капитана 148-го пехотного Каспийского полка, дослужившегося до чина генерал-майора; из потомственных дворян С.-Петербургской губернии. По окончании факультета восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом 1-й ст. и Учебного отделения восточных языков при МИД, 18 мая 1904 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 6 ноября назначен студентом Миссии в Тегеране, 14 июля 1905 г. — секретарем и драгоманом консульства в Исфагане, которым недолгое время управлял; с 9 апреля по 22 сентября находился в командировке в Мешхеде. 4 мая 1909 г. назначен драгоманом генерального консульства в Бушире, 3 ноября — секретарем и драгоманом генерального консульства в Мешхеде, куда прибыл 30 мая 1910 г. и которым управлял с 9 августа 1912 г. Командированный 7 июня 1913 г. в Казвин для временного исполнения обязанностей консула, 9 октября назначен вице-консулом в Соуджбулаге. Хотя как поверенный в делах в Персии, так и русская колония ходатайствовали об оставлении его в Казвине, 3 декабря ко-

мандирован в Турбети-Хейдари для исполнения обязанностей консула, а 17 марта 1915 г. — в Астрабад для временного управления консульством. Прибыв туда в мае, лишь 5 сентября принял дела у своего предместника К.В. Иванова и тогда же утвержден в должности консула. Надворный советник (1913). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1908), Св. Анны 3-й ст. (1913), персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1906), бухарской Золотой звезды 3-й (1906) и 2-й (1916) ст. Назначенный 17 октября 1916 г. секретарем VI класса в Третьем Политическом (Среднеазиатском) отделе МИД, 31 января 1917 г. выехал в Петроград. Уже 16 августа получил предписание вернуться в Персию для временного управления консульством в Гиляне с целью окончательной ликвидации имевших там место «недоразумений» между его предместником Б.Э. Блумом и общественными организациями. В Реште, вспоминал сослуживец, «своей кроткой невозмутимостью не только отразил начавшиеся, было, против него нападки, но буквально покорила своей незлобливостью разбушевавшиеся страсти». Прослужив в Персии почти семнадцать лет, впоследствии жил в Париже, где работал в эмигрантских благотворительных учреждениях. Скоропостижно скончался 9 марта 1933 г. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10426 [Григорьев Н.Н. Дела чиновников МИД в Персии. 1906–1917 гг.]; ф. 159, оп. 464, д. 1022, л. 1–6; *Григоров А. Н.Н.* Григорьев // Возрождение [Париж], 18.03.1933, № 2846; Последние новости, 12.03.1933, № 4372).

ДОБРОХОТОВ Владимир Аркадьевич. Род. 1 января 1872 г. в семье чиновника; уроженец Владимирской губ. Окончив Военно-медицинскую академию с отличием, в декабре 1895 г. определен на службу младшим врачом в Асхабадский лазарет, куда прибыл в мае 1896 г. Находясь с января 1898 г. в командировке в Персии, в июне 1899 г. прикомандирован к Асхабадской городской больнице, где, заведя глазным отделением, заразился трахомой и в октябре 1901 г. получил «полную потерю зрения на правый глаз и ослабление его на левый». 15 сентября 1903 г. переведен на службу по ведомству МИД с назначением врачом генерального консульства в Мешхеде. 13 июля 1910 г. назначен врачом Миссии в Тегеране, куда прибыл 12 ноября. Причисленный 28 мая 1914 г., согласно желанию, в качестве врача сверх штата к Политическому агентству в Бухаре, заведовал «Русской лечебницей Эмира Бухарского» в Старой Бухаре. Летом 1914 г. мобилизован в армию и направлен в Кушкинский лазарет для исправления обязанностей младшего ординатора, в связи с чем управляющий Политическим агентством В.А. Петров жаловался, что «многотысячное русское население, не говоря уже про туземное, при сильной малярии этого года, осталось без медицинской помощи». В сентябре освобожден

ден от призыва военным министром, удовлетворившим ходатайство МИД об оставлении Доброхотова в Бухаре. Ссылаясь на тяжелейшие условия его работы там в письме В.О. Клемму от 16 ноября 1915 г., политический агент А.К. Беляев указывал, что «в страшную жару персонал наших лечебниц, постоянно принимая хинин, все же систематически болеет малярией и, не взирая на собственное недомогание, оказывает медицинскую помощь десяткам больных, переполняющим не только комнаты, но и коридоры наших лечебниц». 24 сентября 1916 г. уволен со службы, согласно прошению, по болезни с мундиром последней занимаемой им должности врача Миссии в Тегеране. Коллежский советник (1907). Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. (1912), Св. Анны 3-й (1907) и 2-й (1916) ст. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 1194а, л. 1–6; ф. 147, оп. 485, д. 324 [Врачи Политического Агентства в Бухаре. Разная переписка о них], л. 32, 34, 60).

ДОЛГОПОЛОВ Борис Иванович. Род. 13 февраля 1882 г. в Гомеле в семье титулярного советника — преподавателя технического железнодорожного училища. Окончив Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при МИД, 22 апреля 1906 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 23 июня назначен студентом Миссии в Тегеране, 28 июня 1907 г. — состоящим в ведомстве Министерства с возложением исполнения обязанностей секретаря и драгомана консульства в Астрабаде, куда прибыл 15 сентября; 19 мая 1908 г. временно утвержден консулом. Числясь с 29 апреля 1909 г. исполняющим обязанности секретаря-драгомана консульства в Исфагане, 10 марта 1911 г. назначен исправлять означенную должность и с 20 апреля временно управлял консульством (см. его донесение: Экономическое положение Исфагана // Донесения Имп. российских консульских представителей за границей. 1912. № 12. С. 21–43). 6 марта 1912 г. назначен вторым драгоманом Миссии в Тегеране, но, направляясь туда, сорвался вместе с лошадью с обрыва и серьезно повредил ногу, после чего долго лечился. Назначенный 29 января 1914 г. исправляющим должность секретаря генерального консульства в Тегеране, а 15 апреля 1915 г. — вице-консула в Хое, до июня того же года управлял консульством в Керманшахе. С февраля 1916 г. исправлял должность вице-консула в Хое, откуда 26 мая перемещен в Ардебиль. На поддержанное Н.С. Эттером ходатайство о присвоении ему лично звания консула, В.О. Клемм ответил, что считает Долгополова «одним из лучших наших консульских представителей» в Персии, но среди его сверстников-сослуживцев (П.П. Введенский, Н.З. Бравин, В.К. Антипов, Р.А. Лисовский), «заявивших себя отлично-усердной и ревностной

службой, по степени не уступающей усердию г. Долгополова», нет ни одного имеющего это звание. В ноябре 1916 г. произведен «за отличие» в коллежские советники. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1911), Св. Анны 3-й ст. (1915) и персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1907). Был женат на француженке Виргинии Коллен.

В марте 1917 г. горько жаловался на способную «вывести из равновесия самого мирного человека» травлю, организованную против него начальником русского Азербайджанского отряда генералом А.П. Фидаровым, но поверенный в делах В.Ф. Минорский не одобрял «рассчитанный на сенсацию» тон депеш Долгополова, считая, что «называть Фидарова в открытой телеграмме «реакционным сторонником старого режима» есть сведение личных счетов». Однако Клемм, сообщая 5 апреля Долгополову о жалобе ардебильцев на его притеснения («обращается грубо, служащие берут громадные взятки», «народ сильно раздражен»), интересовался, «каково участие во всем этом Фидарова». Последний же, обвиняя вице-консула во «вредной агитации среди солдат», вызвавшей-де объединение всех шахсевен против русских и «принудившей Азербайджанский Военный Комитет приступить к арестам активных разжигателей страстей», включая и консульского переводчика, предупреждал, что «дело грозит разрешиться оружием» и «можно ожидать выступления и лично против Долгополова». Но, полагая недопустимым его отозвание до расследования конфликта специальной комиссией, член Особого Закавказского Комитета М.И. Пападжанов убедил главнокомандующего Кавказским фронтом Н.Н. Юденича послать в Ардебиль телеграмму о том, что «безопасность Долгополова возлагается на личную ответственность самого Фидарова». Выезжавший в Ардебиль С.Н. Столица посчитал необходимым отозвание как Фидарова, так и Долгополова, который «не в состоянии восстановить подорванный престиж и нормальную работу Консульства». В то же время, писал Столица, «отдавая должное Долгополову, отличающемуся исключительной работоспособностью, знанием Персии и вполне правильно понимающему роль представителя свободной демократической России, комиссия в своем заключении высказала пожелание об использовании Долгополова в другом районе и при других условиях. Со своей стороны свидетельствую, что Долгополов, будучи жертвой обстановки и интриг, находится в состоянии затравленного зверя». Об этом же докладывал 17 июля посланник Н.С. Эттер, указывавший, что «Долгополов умоляет о переводе», ибо «не в силах больше оставаться в Ардебиле». 14 августа назначен причисленным к Министерству с возложением на него исполнения консульских обязанностей в Турбети-Хейдари, а 30 сентября командирован в Астрабад для временного управления кон-

сульством в этом городе. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10496 [Долгополов Б.И. Чиновник МИД в Персии. 1906–1917 гг.], л. 16, 101, 124, 146–147, 151–152, 166–168, 177; оп. 490, д. 56ж [О назначениях и командировках чинов МИД. 1917 г.], л. 4; ф. 159, оп. 464, д. 1201, л. 1–4).

Прослужив в Астрабаде почти весь период гражданской войны в России, 19 апреля 1920 г. телеграфировал в Тегеран А.К. Беляеву: «Раз Миссия предложила мне официально передать по ликвидации Консульства здания его гг. военным инструкторам Персидской казачьей дивизии, я должен буду покинуть Астрабад». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 308, л. 1, 3, 10). Уже летом объявился в Ташкенте, причем в посвященном ему впоследствии некрологе утверждалось, что «после Октябрьской революции Б[орис] И[ванович] не раз подвергался преследованиям со стороны английских агентов за свои симпатии к Советской России», а в 1920 г. был даже «арестован английскими эмиссарами и ему грозил расстрел. Тем не менее Б.И. удалось пробраться обратно в Советскую Россию, куда он вернулся 1 июня 1920 г. вместе с уполномоченным Реввоенсовета 1-й армии тов. Немченко». (Торговля Среднего Востока. Таш., 1925. № 9–12. С. 37). Служил в Научно-справочном отделении Отдела внешних сношений при Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, а в мае 1921 г. включен в список «незаменимых сотрудников» Отдела как заведующий Историко-дипломатическим отделением Консульской части. Позже работал в управлении уполномоченного Наркомвнешторга в Средней Азии, в качестве представителя которого в 1924 г. командирован в распоряжение полпредства СССР в Кабуле для участия в переговорах о заключении торгового договора с Афганистаном. В 1925 г. исполнял должность начальника экономического отдела представительства Наркомвнешторга СССР в Средней Азии; активно сотрудничал в «Бюллетене Средне-Азиатского Отделения Российско-Восточной Торговой Палаты» (с № 6 — «Торговля Среднего Востока»), где опубликовал статьи: «Иностранные торговые фирмы в Афганистане» (№ 1. С. 8–15), «Афганский таможенный тариф» (№ 2–3. С. 23–28), «Торговля СССР с Илийским краем (Кульджой)» (№ 4–5. С. 28–34), «Торговля с сопредельными странами в 1924–25 году» (№ 9–12. С. 4–14). Вместе с бывшими сослуживцами П.П. Введенским и Е.В. Левкиевским перевел книгу Бурхануд-Дин-хана-и-Кушкеки «Каттаган и Бадахшан», в предисловии к которой редактировавший ее А.А. Семенов приносил благодарность за оказанную ему «помощь в разных объяснениях и указаниях по поводу значения тех или иных терминов... так трагически погибшему Б.И. Долгополову, совершившему не так давно поездку в Афганистан». Сообщая о его смерти, ташкентский официоз писал: «4 января утром автомобиль исполкома, мчавшийся по Пушкинской ул.,

не уменьшая скорости при повороте на Гоголевскую ул., наско-чил на проезжавшего на велосипеде ответственного сотрудника представительства Наркомвнешторга т. Долгополова. Долгополов был убит наповал...» (Смерть от автомобиля // Правда Востока, 06.01.1926, № 5).

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ Владимир Сергеевич*. Род. в 1877 г. в Москве в семье близкого к революционным народникам врача, общественного деятеля и писателя С.Я. Елпатьевского, избранного в июне 1917 г. членом ЦК Трудовой народно-социалистической партии. Получив юридическое образование, состоял помощником присяжного поверенного Н.Н. Шнитникова — члена ЦК той же партии, назначенного Временным правительством комиссаром по делам Туркестанского края. До Февральской революции 1917 г. — присяжный поверенный, председатель «сиротского суда» в Петрограде. Постановлением Временного правительства от 7 апреля включен в состав тогда же учрежденного Туркестанского комитета и в июне-июле исполнял обязанности его председателя. Командированный в Петроград на съезд губернских комиссаров, 31 августа назначен помощником генерального комиссара Временного правительства по управлению Туркестанским краем по гражданской части, а 14 сентября — резидентом в Бухаре. Подчеркивая, что, будучи близко знаком с другом своего отца А.Ф. Керенским и находясь «в наилучших отношениях» со Шнитниковым, Елпатьевский никогда не имел ни малейшего отношения к дипломатическому ведомству, однако В.И. Некрасов считал его энергичным человеком, Г.Н. Михайловский вспоминал анекдотический эпизод, определенно характеризовавший новоявленных «вершителей судеб» Бухары: «После аудиенции у министра Шнитников и Елпатьевский пришли ко мне в наш Международно-правовой отдел и шутя сказали, что они все втроем никак не могли вспомнить название главного источника мусульманского права, начинающегося на букву «ш». Я воскликнул: «Шариат?», и они ответили: «Вот именно!» Елпатьевский, продолжал Михайловский, «успел приехать в Бухару и там даже принять участие в очередном русско-бухарском конфликте, явившись сам на место происшествия. Этот слишком необычный для положения посланника в Бухаре поступок Елпатьевского вызвал восторг Некрасова, нашего, что это «ново и смело», и недоумение Нератова, по-старому смотревшего на дело и считавшего, что Елпатьевский, действуя так, скоро потеряет престиж посланника». По мнению наблюдавшего его в Бухаре А.Я. Гальперина, отличался «редкой бездарностью». (РГАСПИ, ф. 122 [Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана], оп. 2, д. 31, л. 21). Покинул Резидентство вскоре после сверже-

ния Временного правительства, о чем сообщалось в приказе Совнаркома Туркестанского края за № 298 от 12 декабря 1917 г.: «Управляющий российским резидентством в Бухаре В.С. Елпатьевский оставил свой пост, передав заведование текущими делами первому секретарю резидентства К.С. Роздольскому с 6 декабря. Справка: Сношение российского резидента на имя Бухарского областного Совета солдатских и рабочих депутатов от 6 декабря 1917 г. за № 8386. Подлинный подписал: Комиссар по гражданско-административной части Агапов». (Наша газета [Ташкент], 16.12.1917, № 153). С 1918 г. жил в доме отца в Ялте, где состоял городским головой, но летом 1920 г. сообщил Михайловскому о своем желании вернуться на дипломатическую службу, ибо не верит в успех Врангеля и ждет к зиме всеобщего краха. «Его пророчество, — констатировал Михайловский, — сбылось в точности, но удивительно, что именно Елпатьевский, который уже в июле предвидел крушение врангелевской армии и думал о бегстве за границу тогда, когда все остальные еще жили спокойно, ни о чем не заботясь, именно он остался в Крыму и перенес при Советской власти весьма тяжелые бедствия». (Михайловский Г.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 494–496; Кн. 2. С. 611–614). Последнее место работы — «Москоопдревсоюз», где служил юрисконсультом. Арестованный 9 октября 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, уже 26 октября приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу и в тот же день казнен. Реабилитирован в 1956 г.

ЖУКОВСКИЙ (Жуковский 3-й) Сергей Валентинович*. Род. 29 августа 1883 г. в Воронеже в семье магистра персидской словесности В.А. Жуковского — будущего профессора и декана факультета восточных языков С.-Петербургского университета, заведовавшего с декабря 1905 г. Учебным отделением восточных языков при Первом Департаменте МИД. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому отделу с дипломом 1-й ст., оставлен при университете по кафедре истории Востока для приготовления к профессорско-преподавательской деятельности. 28 февраля 1906 г. определен на службу по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту. В 1910 г., разбирая архивы Персидского стола, «заразился» архивной пылью и перенес «две операции на правой щеке». Назначенный в апреле 1911 г. старшим делопроизводителем VIII класса, состоял при Хане Хивинском во время его пребывания в мае в С.-Петербурге, а в феврале 1913 г. — при Эмире Бухарском, приглашенном на празднование 300-летия династии Романовых. Для связи МИД с находившимся в Одессе при персидском экс-шахе лицом составил шифр, которым с 1913 г. наби-

рались почти все телеграммы консульских представителей и тегеранской Миссии. Секретарь «Общества русских ориенталистов» (см. его работы: Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Труды Общества русских ориенталистов. Пг., 1915. № 2. С. 215; Сейид Ислам Ходжа // Восточный сборник. Издание Общества русских ориенталистов. Пг., 1913. Кн. 1. С. 205–209; К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII века. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году // Там же. 1916. Кн. 2. С. 273–340). Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. (1914), бухарского Золотой звезды 3-й ст. (1906), персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1908), черногорского Князя Даниила Первого 3-й ст. (1912). С мая 1915 г. по декабрь 1916 г. исполнял обязанности секретаря Учебного отделения восточных языков при Политических отделах МИД. В апреле 1916 г. прикомандирован также к Канцелярии МИД для выполнения специально возложенной на него секретной работы по изучению захваченной в Персии шифрованной переписки на немецком языке; 19 ноября В.О. Клемм извещал тегеранскую Миссию, что Жуковскому «удалось разобрать несколько вражеских ключей». Расшифровкой немецких криптограмм продолжал заниматься и в Асхабаде, куда 17 октября 1916 г. назначен чиновником МИД для пограничных сношений при Начальнике Закаспийской области. Вступив в должность 20 декабря и произведенный накануне в надворные советники, в апреле 1917 г. вызывался в Бухару комиссаром Временного правительства П.И. Преображенским, но товарищ министра А.А. Наратов ответил, что Жуковского нечем заменить в Асхабаде. Впрочем, уже 1 октября В.И. Некрасов запрашивает его: «Хотите ли быть назначенным Первым Секретарем в Бухару, где для Вас откроется более интересная деятельность? Елпатьевский очень этого желает...» Извещая 14 октября резидента В.С. Елпатьевского о том, что «на днях выйдет приказ об этом назначении и командировании в Асхабад Роздольского», Некрасов пояснял, что Жуковский, «давно интересовавшийся Бухарой и прошедший известную дипломатическую школу, на должности Секретаря найдет лучшее применение своей трудоспособности, энергии, настойчивости и познаниям, как специалист-ориенталист». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10586 [Жуковский С.В. Дела чиновников МИД в Персии. 1906–1917 гг.], л. 3, 14, 18–19, 31–34, 50; д. 10596 [Назначение чиновника для пограничных сношений при Начальнике Закаспийской области. 1916–1917 гг.], л. 11, 30, 54). Из-за большевистского переворота оказался не в Бухаре, а в Тегеране, где исполнял обязанности первого секретаря Миссии. Впоследствии, став эмигрантом, состоял в Париже секретарем Центрального офиса по делам русских беженцев и Общества служащих МИД, последним

председателем которого являлся. После второй мировой войны вернулся в СССР (см.: Жуковский С.В. Мой отец // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. V. Памяти В.А. Жуковского. М., 1960. С. 125–130).

ИВАНОВ (Иванов 4-й) Константин Васильевич*. Род. 28 октября 1869 г. в С.-Петербурге. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета с дипломом 1-й ст., 7 марта 1894 г. определен канцелярским служителем в С.-Петербургскую Контрольную Палату, откуда уволен 25 августа того же года. Перейдя 1 сентября на службу по ведомству МИД, 20 марта 1896 г. назначен студентом Миссии в Тегеране. С 5 июля 1897 г. — драгоман генерального консульства в Мешхеде, с 6 ноября 1898 г. — секретарь и драгоман консульства в Астрабаде, с 19 ноября 1899 г. — секретарь и драгоман Политического агентства в Бухаре, где стал героем на шумевшего скандала. Замечая уехавшего в отпуск В.И. Игнатъева, 20 июля 1901 г. телеграфировал в МИД: «Сегодня в шесть часов, получив оскорбление действием от Управляющего Бухарским отделением Государственного банка Тарновского, выстрелом револьвера ранил его (по-видимому, смертельно) в грудь; сдаю кассу, шифры барону Черкасову». Последний, оказавшись свидетелем инцидента, докладывал, что коллежский советник Г.В. Тарновский, признанный затем «буйно-помешанным», рассвирепев из-за отказа Иванова приехать к нему на обед, «осыпал его площадной бранью, сел в экипаж, но снова вышел, подзывая Иванова. Тот подошел, — Тарновский ударил его в грудь и по лицу. Иванов отступил, вынимая револьвер, а Тарновский бросился на него с поднятой палкой. Иванов выстрелил три раза, ранил Тарновского в грудь, кучера в бедро». Раны, к счастью, оказались не опасными, и 23 января 1902 г. император «всемилоостивейше повелеть соизволил: возбужденное против коллежского асессора Константина Васильева Иванова уголовное преследование по обвинению его в покушении на убийство в состоянии раздражения дальнейшим производством прекратить и отменить принятую против него меру пресечения ему способных уклоняться от следствия и суда». (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 532 [Дело о назначении Тит. Сов. Иванова Секретарем и Драгоманом Политического агентства в Бухаре. 1900 г.], л. 2, 20, 53). 20 марта 1902 г. назначен секретарем генерального консульства в Тавризе, 27 сентября 1903 г. — секретарем и драгоманом генерального консульства в Эрзеруме, 22 января 1904 г. — вице-консулом в Баязиде, 8 ноября 1905 г. — консулом в Басре (см. его донесения: Торговля Баязидского санджака с Россией // СКД. 1906. Вып. 1. С. 38–53; Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока // Материалы по изуче-

нию Востока. 1909. Вып. 1. С. 63–118). 20 ноября 1909 г. переведен консулом в Астрабад, где, будучи рьяным поборником колонизации прикаспийских провинций Персии, при содействии местного губернатора добился перехода 20 тыс. десятин земли в пользование российских подданных, причем не скрывал, что ему первому удалось приобрести имение «в семи верстах от Астрабада, имеющее до 100 десятин ровной земли и, на глаз, свыше 500 лесистых склонов». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 4956 [Материалы о русском землевладении в Персии. 1910–1917 гг.], л. 19–20, 54). Отозванный из Персии одновременно с посланником И.Я. Коростовцом за свое «чрезмерное русофильство», уже 3 августа 1915 г. назначен генеральным консулом в Бушире. Уволен от должности 10 октября 1916 г., с назначением состоять в ведомстве МИД Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1901) и 2-й (1909) ст., Св. Анны 2-й ст. (1912), а также — бухарского Золотой звезды 3-й ст. (1901), персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1901) и др.

КИРСАНОВ Николай Михайлович*. Род. 5 сентября 1888 г. в Рязани в семье дворянина Войска Донского, состоявшего с 1894 г. товарищем прокурора Пензенского окружного суда. Окончив Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при МИД, определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту и 13 декабря 1911 г. назначен драгоманом консульства в Гиляне, 26 октября 1912 г. — исправляющим должность секретаря и драгомана консульства в Астрабаде. С февраля 1913 г. — драгоман генерального консульства в Тавризе, с июля 1914 г. — управляющий вице-консульством в Хое. Получив в январе 1915 г. отпуск в связи с болезнью жены, 10 июля снова командирован в Хой для временного управления вице-консульством. В декабре за «высокополезную, совместно с военными властями, деятельность» представлен главнокомандующим Кавказской армией великим князем Николаем Николаевичем к ордену Св. Анны 3-й ст. Но, по выражению товарища министра А.А. Нератова, допустил «крупную оплошность» при расследовании дела бывшего переводчика вице-консульства Гусейна Ага Алиева, обвинявшегося в предумышленном убийстве русского казака: в протоколе допроса свидетелей, проводившегося хойским губернатором в присутствии канцелярского служителя 2-го разряда Л.Я. Питюшина, суд нашел «указания на производство дознания с пристрастием и истязаниями». Учитывая, писал Нератов, что Кирсанов «прекрасно исполняет свои обязанности» и, «переобремененный громадной, а иногда и непосильной работой, выпадающей на его долю в связи с военными действиями», положился на «полуинтеллигентного письмоводителя», Министерство «посоветовало ему

изыскать способы покончить как-нибудь дело миром» с оправданным судом и требовавшим материальной компенсации Алиевым. Но Кирсанов заявил, что, «ценя собственное достоинство», не считает возможным вступать в какие-либо мирные переговоры с человеком, построившим свое благосостояние на выдаче полиции своих же бывших товарищей—федаев, всевозможных беззакониях и поборах. «Как же я после этого, — убеждал Кирсанов В.О. Клемма, — буду смотреть здесь всем в глаза, принимая во внимание, что убийство казака все-таки осталось неотомщенным, и все и вся убеждены в причастности Алиева к убийству. Темная личность, бывший федай, вымогатель и чуть ли не разбойник с большой дороги протянет свою грязную руку русскому представителю, а население Хоя и духовенство, которое, как мне много раз заявляли, до сих пор молится за меня и благодарит за то, что я избавил их от Алиева, будут свидетелями этого унижительного перемирия». Хотя Юрисконсультская часть МИД высказывалась за предание Кирсанова суду, великий князь настоял на оставлении его в Хое до окончания войны; в феврале-июне 1916 г. исполнял также обязанности консула в Дильмане. Произведенный в титулярные советники и назначенный 17 ноября исправляющим должность секретаря генерального консульства в Тегеране, тогда же получил предписание отправиться в Соуджбулаг для «восстановления и затем управления вице-консульством», но из-за болезни отбыл в краткосрочный отпуск. В феврале 1917 г. вызван из Пензы в Петроград, где, как сообщал Клемм, «задержан для выяснения жалоб на него Бравина», который, сменив Кирсанова в Хое, обвинял его в финансовых махинациях и злоупотреблениях. В апреле выехал в Тегеран для вступления в должность секретаря генерального консульства, в каковой оставался почти три года. В докладной записке от 14 февраля 1920 г. уведомлял А.К. Беляева, что в соответствии с полученным циркуляром готов «покинуть службу в Российской Миссии впредь до восстановления ее нормальной деятельности». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10856 [Кирсанов Н.М. 1911–1917 гг.], л. 36, 45, 81, 99, 104, 129, 140, 172, 174, 192, 227; ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 2, д. 31, л. 1–2).

КЛЕММ (фон Клемм) Вильям (Василий) Оскарович*. Род. 21 мая 1861 г. в семье офицера, в будущем — генерала от инфантерии, О.К. Клемма, состоявшего первым комендантом Ковенской крепости и помощником командующего войсками Виленского военного округа. Названный родителями Алексеем-Вильямом в честь прадеда-англичанина, утверждал, что в его жилах течет также немецкая и датская кровь. По окончании гимназических классов с серебряной медалью и специальных классов Лазаревского института восточных

языков (представил сочинение на тему: «История халифа Аль-Ма-муна по арабским и европейским источникам») и Учебного отделения восточных языков при МИД, 15 июля 1885 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Азиатскому Департаменту. 26 мая 1886 г. назначен драгоманом, 1 марта 1888 г. — секретарем и драгоманом Политического агентства в Бухаре (см. его работу: Современное состояние торговли в Бухарском ханстве. 1887 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии [далее — СМА]. СПб., 1888. Вып. 33. С. 1–7). Состоял управляющим Политическим агентством в Бухаре, с 19 октября 1893 г. — чиновником МИД для пограничных сношений при Начальнике Закаспийской области. Уволенный от должности 5 марта 1899 г. «по случаю возложения на него особого поручения» с оставлением в ведомстве МИД, 14 февраля 1900 г. назначен генеральным консулом в Бомбее (подробнее см.: Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сб. архивных документов и материалов. М., 1999). 15 ноября 1905 г. перемещен генеральным консулом в Мешед. С 24 апреля 1908 г. — чиновник особых поручений V класса при министре иностранных дел, с 23 мая 1911 г. — неперменный член Совета МИД; состоял заведующим Отделом Среднего Востока, с 1 июля 1914 г. — советником Третьего Политического (Среднеазиатского) отдела. Действительный статский советник (1906). Кавалер многих русских и иностранных орденов, включая Св. Владимира 4-й (1903) и 3-й (1910) ст., Св. Станислава 1-й ст. (1913), бухарских Золотой звезды 1-й ст. (1900) и с алмазами (1906), офицерских крестов ордена Итальянской Короны (1891) и французского Почетного Легиона (1908), персидского Льва и Солнца 1-й ст. с зеленой лентой (1909). Во время первой мировой войны подвергался в прессе нападка как «немец» (Наша дипломатия вчера и сегодня // Вечернее Время [Пг.], 17.08.1915, № 1211). По утверждению служившего в Юрисконсультской части МИД Г.Н. Михайловского, являясь германофилом и «автором знаменитого Потсдамского соглашения 1911 г., по которому Германии предоставлялись равные права с Россией в Северной Персии», вел политику, отличавшуюся «завуалированным антибританским характером», — но на его место «уже с самого начала Февральской революции имелся готовый кандидат в лице В.И. Некрасова, бывшего к моменту прихода Милюкова в числе опальных консулов не у дел». (Михайловский Г.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 373–374). Имел пятерых детей: сын Орест, окончив в 1914 г. Александровский лицей, служил во Втором Политическом (Ближневосточном) отделе МИД и в марте 1916 г. был прикомандирован к Дипломатическому агентству в Каире. Отправив в мае 1917 г. семью в Сеул, 19 июля телеграфировал ей туда: «Сегодня, по переданному мне Лопухиным

предложению министра, я подал в отставку». Указом Временного правительства от 20 июля 1917 г. «уволен от службы, согласно прошению, по болезни». 2 сентября Некрасов обратился в Канцелярию МИД с просьбой «изготовить заграничный паспорт на имя бывшего советника по 3-му Политическому Отделу и Председателя Общества Русских Ориенталистов Вильяма Оскаровича Клемма, отправляющегося отсюда в Японию и возвращающегося затем обратно в Россию в сопровождении дочери Елены 12 лет». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10876 [Клемм В.О. 1916–1917 гг.] л. 324, 352). Прибыв в Сеул накануне свержения Временного правительства в Петрограде, во время гражданской войны в России являлся дипломатическим представителем А.В. Колчака во Владивостоке. Впоследствии жил в Китае, где состоял при «высоком советнике КВЖД» Д.Л. Хорвате, с которым дружил, но в 1924 г. был уволен из правления дороги «по несоответствию» в связи с ее передачей в совместное советско-китайское управление. (Подробнее см.: *Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае [первая половина XX в.]. Минск, 1999*). Председатель Русского эмигрантского комитета в Пекине. Приехав в Берлин, скончался после тяжелой болезни 16 сентября 1938 г. (В.О. фон Клемм // *Последние новости*, 22.09.1938, № 6388).

КОРОСТОВЕЦ Иван Яковлевич. Род. 25 авг. 1862 г. в семье капитан-лейтенанта, уволившегося в том же году со службы «для определения к статским делам» и произведенного в 1877 г. в действительные статские советники; из дворян Полтавской губ. Окончив Александровский лицей, 13 июня 1884 г. определен на службу в МИД с причислением к Азиатскому Департаменту, в котором с 31 декабря 1887 г. занимал должность делопроизводителя VIII класса. С 1 мая 1890 г. — второй секретарь Миссии в Пекине, с 28 июля 1894 г. — секретарь Миссии в Рио-де-Жанейро, с 11 июля 1896 г. — в Лиссабоне. 29 августа 1899 г. назначен чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области и удостоен «высочайшего благоволения» как состоявший в комиссии по выработке временного положения об управлении ею. Прибыв 14 декабря к месту службы, 20 июня 1900 г. включен в состав походного штаба, который сопровождал русские войска, действовавшие под Тяньцзином; с 5 августа по 7 сентября временно управлял там консульством. 24 апреля 1902 г. назначен генеральным консулом в Бушире, 8 июня — делопроизводителем V класса в Первом (быв. Азиатском) Департаменте МИД. В качестве секретаря участвовал летом 1905 г. в Портсмутской конференции по заключению мира с Японией, заслужив в августе «высочайшую благодарность за проявленные им чрезвычайное усердие и выдающиеся

услуги как при подготовительной работе, так равно и во время переговоров». С 10 марта 1906 г. — вице-директор Первого Департамента МИД. Назначенный 9 мая 1908 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине, куда прибыл 18 августа, в мае 1909 г. заслужил вторую «высочайшую благодарность за особые заслуги, оказанные им при подписании соглашения с Китайским правительством относительно управления полосой отчуждения Китайской восточной железной дороги». В марте 1911 г. объявлено «высочайшее благоволение за успешное выполнение возложенного на него особого поручения» в деле ведения переговоров «о некоторых частичных изменениях в Санкт-Петербургском договоре 1881 г. между Россией и Китаем» (см. его работы, посвященные службе на Дальнем Востоке: Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896, 1898; Донесения Миссии в Пекине о государственном перевороте в Китае. 1911–1912 гг. // Известия Министерства Иностранных Дел [далее — Известия МИД]. СПб., 1912. Кн. V–VI; Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922; Страницы из истории русской дипломатии: Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник. Пекин, 1923; То же [на англ. яз.]. Лондон, 1920; Накануне... Записки русского дипломата // Международная жизнь. М., 1994. № 4. С. 113–122; После Портсмутского мира // Там же. 1994. № 9. С. 136–144). Назначенный 28 февраля 1912 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром в Марокко, 15 августа командирован в Ургу, где «за заслуги его по заключению соглашения с Монголией 21 октября» получил в ноябре третью «высочайшую благодарность». 13 августа 1913 г. «уволен, согласно прошению, от занимаемой должности, с оставлением в ведомстве МИД», что, по объяснению Г.Н. Михайловского, являлось следствием его «романтического заскока»: «похищением» 18-летней Ангелины Пири (дочери французского начальника почт в Пекине), родившей ему в ноябре 1912 г. сына Иакова; от первого брака имел сыновей Флавия и Вадима и дочь Ольгу. (Михайловский Г.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 127–128, 249). Несмотря на нашумевший в дипломатическом мире «романтический союз», 30 октября 1913 г. назначен «чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском Дворе».

Прибыв в Тегеран 14 января 1914 г., не сработался со своим британским коллегой, сетовавшим на то, что Коростовец, будучи «слишком русским», не считается с английскими правами и нарушает суверенитет Персии. Отвечая 17 июля на упреки министра С.Д. Сазонова, указывал, что в угоду своему оппоненту «совершенно не вмешивается во внутренние дела, избегая участия в разных бюрократических и придворных интригах на почве смены министров и генерал-губернаторов». Но его коллеге не нравится, что Миссия «менее покорно сле-

дует английским указаниям», и при любом разногласии он встает на сторону персов. «Между тем, — подчеркивал Коростовец, — было бы обидно не довершить начатого, например, взноса налогов в Русский Банк, признания русского землевладения и иных второстепенных вопросов, другими словами — восстановления нашего влияния в северной Персии, по-моему, сильно скомпрометированного. Ведь без нажима, при нынешней обстановке, ничего не добиться. Нажим сделан, нужно лишь уметь удержаться и не отдавать позиций. Чтобы от меня избавиться, борются всяким оружием, но, верьте, борются не столько со мной, сколько с новой твердой политикой, желая заставить нас вернуться к прежней пассивности и непротивлению злу. Если Вы меня бросите или отзовете, то боюсь, что небольшое достигнутое пропадет». Но уже 15 января 1915 г. Сазонов телеграфирует посланнику: «Ввиду доказанного недружелюбного отношения к нам Таунлея и желательности замены его другим лицом мы вошли в соответствующие переговоры с лондонским кабинетом. При этом выяснилось, что наша цель может быть достигнута лишь путем одновременного обновления обоюдного дипломатического представительства в Тегеране. Так как вопрос этот приобрел серьезное политическое значение, мы имеем в виду предоставить Вам продолжительный отпуск и временно командировать в Тегеран Эттера». 7 апреля покинул Тегеран, отозванный одновременно с британским посланником. «По возвращении в Петроград, — вспоминал Коростовец, — я явился к Сазонову, который принял меня очень сухо и разразился упреками, обвинив меня в неудачной и бесплодной политике, в превышении власти и неумении ладить с коллегами. Я, по его словам, будто бы не оправдал его надежд, чуть не поссорился с англичанами и вызвал раздражение персов, не достигнув положительных результатов». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10896 [Коростовец И. Я., Д.С.С., Имп. Посланник при Шахском дворе. 1913–1915 гг.], л. 67; д. 10906 [Коростовец И.Я. 1914 г.], л. 13–15; ф. 340 [Коллекция документальных материалов чиновников МИД], оп. 839 [Личный архив И.Я. Коростовца], д. 13 [«Персидские арабески». Не ранее 1927 г.], л. 156). С 24 июля 1915 г. — член Совета МИД; уволен, «согласно прошению, от должности с 1 июня 1917 г. по случаю назначения состоящим в ведомстве Министерства Иностранных Дел». С 22 января 1916 г. являлся также председателем правления Учетно-ссудного банка Персии. Тайный советник (1915). Кавалер орденов Св. Владимира 4-й ст. (1902), Св. Станислава трех степеней (1890, 1897, 1910) и Св. Анны трех степеней (1893, 1901, 1913), а также многих иностранных: офицерского креста Почетного легиона (1903), бухарского Золотой звезды 2-й (1902) и 1-й (1906)

ст., двух китайских и персидских, датского, монгольского, португальского, румынского, сербского, турецкого, черногорского, шведского и японского. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 1794а, л. 1–6).

После большевистского переворота участвовал в «саботажном» движении чиновников МИД, а затем уехал в Финляндию. Вернувшись в Петроград в феврале 1918 г., отверг предложение наркоминдела Г.В. Чичерина и заведующего отделом Востока НКВД, бывшего вице-консула в Шанхае, А.Н. Вознесенского перейти на советскую службу, указывая на «расхождения во взглядах и отсутствие взаимного доверия», после чего отбыл на Украину, где фактически занял пост товарища министра иностранных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. Своеобразной мстью НКВД стала помещенная 19 октября в московских «Известиях» заметка «Китайца» (псевдоним Вознесенского) «Оживший труп»: «Телеграмма из Киева принесла известие о том, что небезызвестный царский дипломат Коростовец назначен украинским послом в Америку. Имя этого лица — лучший показатель, услугами каких лиц пользуется правительство Украины. Коростовец — представитель самой мрачной эпохи царского империализма. В качестве посланника в Пекине и потом в Тегеране он не оставил по себе на Востоке ничего, кроме ненависти восточных народов. Деятельный участник по захвату Порт-Артура в 1897 г., Коростовец принимал участие в усмирении Боксерского восстания 1900 г. По его предложению в Порт-Артуре было введено для китайцев телесное наказание. Это предложение было так неожиданно, что даже царские судьи протестовали против этого, но Коростовец убедил тогдашнего наместника адмирала Алексеева, что «так практикуется даже в английских колониях». Впоследствии, в 1911 г. в начале китайской революции, по указанию Коростовца, китайскому правительству были выданы южнокитайские революционеры, укрывавшиеся на русской концессии в Ханькоу, которые после невероятных пыток были казнены. Коростовец известен на Дальнем Востоке своим знаменитым циркуляром консулам, предписывавшим «считать южнокитайских революционеров разбойниками». Коростовцу пришлось покинуть Пекин вследствие крупного скандала (он растлил несовершеннолетнюю девочку). Долгое время он скрывался, не смея показаться. Несмотря на это, через несколько лет он оказался на должности посланника в Персии! После Октябрьской революции, в феврале 1918 г., он явился к народному комиссару по иностранным делам и предложил свои услуги Советскому Правительству. Коростовец с притворными слезами на глазах заявил в Народном Комиссариате по иностранным делам, что он, достигнув 60-летнего возраста, «раскаялся в прежних своих заблуждениях», уверовал, что спасение России в

советской власти, сделался социалистом и просил вернуть на посланнический пост. Разумеется, он был выгнан вон. К сожалению, тогда же он не был расстрелян. Вскоре ему удалось бежать на Украину. Теперь он, позабыв свои слезы и раскаяние, поступил на службу украинских черносотенцев. Интересно, как встретит «пуриланское» общество американских янки этого проходимца». После свержения власти Скоропадского поселился в Лондоне, где, по свидетельству навестившего его в 1919 г. Михайловского, «служил в каком-то частном предприятии... и через год, во время эвакуации Врангеля из Крыма, уехал по поручению одного крупного коммерческого английского общества на Дальний Восток». (*Михайловский Г.Н.* Ук. соч. Кн. 2. С. 438). Автор неопубликованных воспоминаний «Персидские арабски», «Доброе старое время», «Из прошлого русской дипломатии» и др. Скончался в Париже 1 января 1933 г. (Последние новости, 21.01.1933, № 4322).

ЛЕВКИЕВСКИЙ Евгений Вячеславович. Род. 28 апреля 1888 г. в Москве в семье потомственного почетного гражданина, служившего псаломщиком Борисоглебской, на Поварской, церкви. По аттестату зрелости частной гимназии Ф.И. Фреймана в сентябре 1908 г. принят в Лазаревский институт восточных языков, по окончании которого и Учебного отделения восточных языков при МИД определен 7 июня 1913 г. на службу по ведомству Министерства с назначением исправляющим должность второго драгомана генерального консульства в Тегеране, в каковой утвержден 21 сентября. Прибыв к месту службы 4 января 1914 г., назначен 7 марта исправляющим должность секретаря консульства в Кермане, но временно задержан в Тегеране. Титулярный советник (1915). Совместно с канцелярским служителем генерального консульства Э.Я. Гаугом, коммерсантом А. Горфинкелем и персидско-подданным А. Микаэльянцем составил «мошенническую организацию», использовавшую дипломатическую почту для переправки запрещенных к вывозу из России товаров. «Найден договор, — докладывал в МИД поверенный в делах В.Ф. Минорский 20 марта 1917 г., — за подписями Левкиевского, Гаука, русско-подданного Горфинкеля и поручика армянской дружины Микаэльянца. Первые двое «берут на себя все хлопоты по исходатайствованию и поддержанию перед Генеральным Консульством» прошений Горфинкеля и «обязуются давать сим прошениям наиболее выгодное направление». Микаэльянцу предоставлен сбыв с правом «давать подарки как военным, так и гражданским властям». Горфинкель дает деньги. Чистая прибыль делится на четыре части». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 2, д. 25, л. 105). Будучи прикомандированным к передовому отряду корпуса генера-

ла Н.Н. Баратова, узнав о своем разоблачении, немедленно телеграфировал Минорскому: «Винюсь. Прошу ходатайствовать о помиловании. Надеюсь упорным честным трудом заслужить прощение народа». Хотя Минорский настаивал на скорейшем предании виновных суду, 10 июня он уведомлял МИД: «Левкиевский очень подавлен; заявляет о раскаянии и желании до суда выйти в отставку, чтобы не компрометировать Министерство. Считаю своим долгом подтвердить, что на фронте он безвыездно находился в крайне тяжелом климатически Касри-Ширина и работал очень толково, судя по его донесениям. Военные телеграфно засвидетельствовали его полезную деятельность». В свою очередь посланник Н.С. Эттер, извещая 6 июля товарища министра А.А. Наратова о том, что вступивший во временное управление генеральным консульством в Тегеране А.Ф. Круглов приступил к производству порученного ему МИД следствия по делу мошенников, замечал: «Левкиевский чистосердечно кается в своих проступках и просится на фронт. Не знаю, возможен ли такой оборот дела, хотя я был бы ему рад, принимая во внимание бесхарактерность и малодушие весьма наивного Левкиевского, по глупости позволившего хитрым дельцам втянуть себя в грязное дело». Сам Левкиевский в личном письме В.О. Клемму от 20 июля заявлял: «Я не в силах перенести того позора, который выпадет на мою долю, если я буду отдан под суд и дело мое будет передано прокурору. Я и так с большим трудом сдерживаю в себе мысль покончить счеты со столь неудачно сложившейся жизнью, и от этого шага удерживает меня лишь сия смутная надежда на то, что люди, облеченные властью, не отнесутся ко мне официально, а сердечным отношением к моему делу дадут мне возможность на фронте или окончить жизнь, честно защищая дорогую родину, или по возвращении рассчитывать на прощение моих проступков. Если загасят во мне эту надежду, то с ней вместе угаснет и моя жизнь». 30 сентября «уволен от службы, согласно прошению, по болезни». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д.10966 [Левкиевский: судебное дело. 1917 г.], л.45, 49, 89; д. 10066 [Блум. 1906–1917 гг.], л. 131; ф. 159, оп. 464, д. 1984, л. 2). Уже в 1920 г. состоял «для поручений» при Реввоенсовете 1-й армии Туркфронта и, будучи временно прикомандированным к полпредству РСФСР в Бухарской республике, переводил захваченные при «советизации» ханства афганские и бухарские документы. В 1925 г. — управделами Средне-Азиатского отделения Российско-Восточной Торговой Палаты, в «Бюллетене» (с № 6 — «Торговля Среднего Востока») которого опубликованы его статьи: «Перспективы железнодорожного строительства в Персии» (№ 4–5. С. 43–45), «Спичечный

рынок в Персии» (№ 6–8. С. 18–22), «Торговый баланс Персии», «Обзор Хорасанского рынка за период времени с августа по ноябрь м-ц 1925 г». (№ 9–12, С. 33–35; С. 39–41). Вместе с Б.И. Долгополовым и П.П. Введенским перевел книгу Бурхан-уд-Дин-хана-и-Кушкеки «Каттаган и Бадахшан», изданную в Ташкенте в 1926 г. В апреле того же года выступил с докладом «Секта ахмедийцев» на заседании секции 1-й конференции по изучению производительных сил Средней Азии. (Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 453). В 1931 г. привлекался в качестве свидетеля по делу П.П. Введенского.

ЛИСОВСКИЙ Ростислав Александрович*. Род. 13 декабря 1881 г. в семье статского советника; из дворян Уфимской губ. Окончив Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при МИД, 22 апреля 1906 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. Назначенный 20 июня студентом Миссии в Тегеране, исправлял обязанности драгомана консульства в Бендер-Бушире. 14 февраля 1908 г. назначен состоять в ведомстве Министерства с возложением исполнения обязанностей секретаря консульства в Керманшахе, затем — второго драгомана Миссии в Тегеране. В мае 1909 г. заслужил благодарность МИД «за отлично-усердную деятельность», ибо, как свидетельствовал поверенный в делах Е.В. Саблин, «в течение трех месяцев ревностно, с отличным знанием языка и не предпринимая ни одного шага без ведома своего ответственного начальника, исполнял обязанности первого драгомана». Прикомандированный в марте 1911 г. к генеральному консульству в Азербайджане, 7 ноября назначен драгоманом генерального консульства в Бендер-Бушире, но задержан в Тавризе. «Драгоман Лисовский, — писал А.Я. Миллер в представлении о его награждении, — с первого дня осады и обстрела Генерального Консульства, воодушевленный общим подъемом духа горсточки защитников Консульства, первым из чинов заявил, что он станет в ряды защитников, что блестяще доказал, принимая самое деятельное и живое участие под выстрелами федаев в работах по укреплению Консульства, дежуря совместно с другими чинами по ночам, занятый в то же время своей специальной работой по шифровке и переписке получаемых и посылаемых в этот период в большом количестве телеграмм. Отлично знакомый с бытом жителей, зная прекрасно их язык, Драгоман Лисовский неоднократно способствовал открытию и задержанию виновников федайского восстания и в деле заседания Полевого Суда заседал в нем в качестве переводчика. Помимо всего этого, заваленный специальной работой и моими поручениями, Драгоман Лисовский охотно, быстро, дельно и толково

исполнял даваемые ему поручения по конфискации и описи имущества главарей федайского восстания, по указанию домов, подлежащих взрыву, и по расквартированию частей войск Тавризского гарнизона... Все это, а также лихо и толково с опасностью для жизни исполненное им мое приказание в июне сего года по освобождению губернаторского дома Рашид-уль-Мулька, противника революции и сторонника русских, которого энджумен решил повесить, заставляет меня покорнейше просить ходатайствовать о награждении Драгомана Лисовского...» Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами (1912) и персидского Льва и Солнца 2-й ст. (1909). 10 августа 1912 г. командирован в Тифлис для временного исполнения обязанностей чиновника для пограничных сношений при императорском наместнике на Кавказе, а 1 декабря — в Тегеран для усиления личного состава Миссии. Исполняя обязанности ее первого драгомана, 29 января 1914 г. назначен вторым драгоманом Миссии, 10 октября 1915 г. — вице-консулом в Соуджбулаге с командированием в Калькутту «для занятий при Генеральном Консульстве», причем В.О. Клемм ссылался на «выдающееся усердие и рвение, которые означенный весьма способный чиновник проявлял», и его «прекрасную репутацию». Надворный советник (1914). (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10976 [Лисовский Р.А. Дела чиновников МИД в Персии.], л. 13, 21, 41, 61, 81; ф. 147, оп. 486, д. 3566 [Лисовский Р.А. (назначение в Индию)], л. 3). Во время гражданской войны в России занимал пост вице-консула в генеральном консульстве в Калькутте.

МИЛЛЕР (Миллер 1-й) Александр Яковлевич*. Род. 9 июля 1868 г. в С.-Петербурге в семье доктора Мариинской больницы для бедных, состоявшего с 1862 г. лекарем при Правительствующем Сенате, с 1875 г. — врачом при Государственной канцелярии и вышедшего в отставку в 1889 г. в чине действительного статского советника. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому отделению с дипломом 1-й ст. (за сочинение «О христианстве в Средней Азии» удостоился золотой медали) и Учебное отделение восточных языков при МИД, 7 августа 1893 г. определен на службу по ведомству Министерства. Назначенный 17 сентября студентом Миссии в Тегеране, в январе 1894 г. откомандирован в распоряжение Политического агентства в Бухаре, где с 28 октября служил драгоманом, а с 30 мая 1897 г. — секретарем и драгоманом. 2 июля 1899 г. назначен вице-консулом, 6 апреля 1902 г. — консулом в Сеистане (см.: Маршрут Вице-Консула в Сеистане Миллера от г. Мешеда до г. Насирабада, административного пункта Сеистана. 21 декабря 1899 г.—2 февраля 1900 г.; Отчет о поездке по Сеистану вице-консула в Сеистане Миллера. 24–28 марта

1900 г., 20–24 апреля 1900 г. // СМА. 1902. Вып. 76. С. 30–87; Караванные пути из Мешеда в Сеистан // СМА. 1904. Вып. 77. С. 143–170 и др. работы). Хваля его отчет об экспедиции в Керман, тегеранский посланник К.Э. Аргиропуло писал Н.Г. Гартвигу, что это «ценный источник.., сборник всяческих статистических, исторических и политических данных об одной из значительнейших провинций Персии» (см.: Отчет о командировке в Керман [11 сентября–19 декабря 1901 года] // СМА. 1904. Вып. 77. С. 171–302). С 15 февраля 1903 г. — консул в Кермане (см. его донесения: К вопросу о русской торговле в Персии // СКД. 1905. Вып. 1. С. 49–55; Торговля Бахрамабада // СКД. 1907. Вып. 1. С. 3–15; Политическое значение Кермана и Персидского Белуджистана // СМА. 1907. Вып. 80. С. 75–94; Малиат Керманской области 1905 года // Материалы по изучению Востока. 1909. Вып. 1. С. 119–160). С 5 января 1906 г. назначен первым драгоманом Миссии в Тегеране, куда прибыл в марте, а 12 января 1907 г. — консулом в Ливерпуле (см.: Эмиграция через Ливерпуль // СКД. 1907. Вып. 5. С. 377–382; Русская торговля в Ливерпуле и Ирландии // СКД. 1908. Вып. 1. С. 184–200). Перемещенный 1 ноября 1908 г. консулом в Астрабад, командирован в Тавриз для временного замещения генерального консула в Азербайджане И.Ф. Похитонова. Приехав к новому месту службы 18 февраля 1909 г., с 19 марта состоял управляющим генеральным консульством, одновременно числясь с 20 ноября консулом в Реште. С 9 октября 1910 г. по 12 марта 1912 г. — генеральный консул в Азербайджане (см. его работы: Торговля и промышленность Азербайджана // Известия МИД. 1912. Кн. IV. С. 91–112; То же // Донесения Имп. российских консульских представителей за границей. 1912. Вып. 12. С. 1–15; Русское землевладение в Азербайджане. Записка Генерального Консула в Тавризе Ст. Сов. Миллера // Известия МИД. 1913. Кн. III. С. 147–168). В феврале 1912 г. жаловался в МИД: «У меня полное переутомление, глаза ухудшаются». Получив отпуск, свое негативное отношение к персидской революции выразил в рецензии на кн.: *The Strangling of Persia. A Record of European Diplomacy and Oriental Intrigue* by W. Morgan-Shuster. London, 1912 (Известия МИД. 1913. Кн. II. С. 198–202).

Прикомандированный к Первому Департаменту МИД, назначен с 1 августа генеральным консулом в Монголии, с предоставлением ему лично звания дипломатического агента и генерального консула в означенной стране. 27 мая 1915 г. заслужил «высочайшую» благодарность «за успешные труды по заключению Тройного соглашения об Автономной Внешней Монголии». Утвержденный 13 июня 1916 г. российским политическим агентом в Бухаре, 10 августа выехал из Урги в Петроград и уже 5 октября уведомлял МИД: «Прибыл в Бухару. Торжественно встречен русскими и бухарскими властями. Предста-

вители Эмира на границе Ханства передали мне пожалованную Его Высочеством звезду с бриллиантами». Действительный статский советник (1912). Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. (1899), Св. Анны 2-й ст. (1902), Св. Владимира 4-й (1908) с мечами (1912) и 3-й (1914) ст., а также иностранных — бухарского Золотой звезды 2-й ст. (1899), офицерского креста бельгийского ордена Леопольда (1906), персидского Льва и Солнца 1-й ст. (1910), французских знаков отличия «Officier de l'Instruction Publique» и «Palme Academiques» (1912) и др. В связи с падением монархии в России обратился 13 марта 1917 г. в МИД с запросом, признается ли его «дальнейшее нахождение в Бухаре желательным или нет», и нельзя ли предоставить ему право именоваться российским резидентом в Бухаре, «принимая во внимание неверное толкование массой русского населения титула «политический агент» и вызываемое этим недоверие, а равно и в виду предстоящего в ближайшем будущем перехода административных функций к организациям». Уговорив эмира издать манифест о проведении либеральных реформ в Бухарском ханстве, потерпел неудачу в их осуществлении и 16 апреля, по решению «общего собрания граждан» Новой Бухары, подвергнут домашнему аресту. Освобожденный из заточения комиссаром Временного правительства П.И. Преображенским, в ночь на 21 апреля выехал через Ташкент в Петроград, откуда в конце июня командирован МИД в Лондон в качестве «дипломатического курьера с депешами». В указе Временного правительства от 15 июля сообщалось, что «русский резидент в Бухаре Александр Миллер уволен, согласно прошению, по болезни от службы». (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 527 [По поводу командирования в распоряжение Политического агента в Бухаре Студента Миссии в Тегеране Александра Миллера. 1894 г.], л. 1–2; д. 706 [Миллер, Надв. Сов. Консул в Сеистане. 1902 г.], л. 1; ф. 144, оп. 489, д. 11086 [Миллер А.Я. 1906–1913 гг.], л. 3, 27, 38, 49; ф. 147, оп. 486, д. 3576 [Миллер А.Я. 1916–1917 гг.], л. 20, 27, 31, 52; д. 3446 [Государственный переворот 1917 года...], л. 115). В 1918 г. состоял лондонским представителем Торгово-Промышленного Товарищества «Иван Стахеев и Ко». (О его переписке с Сеид Алим-ханом, Эмиром Бухарским, см.: *Yaroshevski Dov B. How Rich was the Last Bukharan Emir? // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien, 1995. P. 304–315*). Впоследствии жил в Париже, где скончался 16 марта 1940 г. (Последние новости, 17.03.1940, № 6929).

МИНОРСКИЙ Владимир Федорович*. Род. 24 января 1877 г. в Корчеве Тверской губ. в семье судебного пристава Тверского окружного

суда: отец, происходивший из семьи обер-офицера, начинал карьеру с должности полицейского надзирателя Осташкова и, прослужив более двадцати лет судебным приставом, в 1890 г. был переведен в Московское отделение Государственного Дворянского Земельного банка «членом-оценщиком»; мать — дворянка. В 1900 г. окончил юридический факультет Московского университета с дипломом 1-й ст., в 1903 г. — Лазаревский институт восточных языков. «Широко образованный человек, чрезвычайно талантливый и богато одаренный от природы, — вспоминал А.Е. Крымский, — он по окончании юридического факультета намечен был Гамбаровым для оставления по его кафедре; у нас, в Лазаревском институте, покойный академик Корш оставил его по персидской кафедре и много раз вместе со мной уговаривал его отделиться от научной деятельности. Минорский, по живости темперамента, предпочел службу на Востоке, хотя в то же время издал несколько ученых работ». (Диаспора. Новые материалы. СПб.-Париж, 2000. Т. 1. С. 606). Определенный 3 сентября 1903 г. на службу по ведомству МИД, назначен студентом Миссии в Тегеране, а 14 апреля 1904 г. — драгоманом генерального консульства в Тавризе. Позже исполнял обязанности второго драгомана Миссии, в какой должности утвержден 20 июня 1906 г. (см. его донесения: Движение персидских рабочих на промыслы Закавказья // СКД. 1905. Вып. 3. С. 204–211; Сведения, собранные драгоманом Ген. Консульства в Тавризе Минорским во время поездки в Марагу и район рек Джагату и Татаву в начале августа 1906 г. // Известия Штаба Кавказского военного округа. 1907. № 20. С. 34–55; Отчет о поездке в Макинское ханство; Казвин-Хамаданская дорога // Материалы по истории Востока. 1909. Вып. 1. С. 1–62, 161–196). Исполняя с 24 июня 1909 г. обязанности чиновника по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе, с 15 сентября по 17 октября находился в командировке в Хивинском ханстве и в своем отчете призывал к «прекращению обособленности ничтожного в общей массе клочка территории, до сих пор сохраняющего автономию, чуждую по своим стремлениям общему духу культуры и цивилизации». (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3285 [Дело о Тиг. Сов. В.Ф. Минорском. Командировка его в Ташкент и Хиву.], л. 6, 85–86).

Летом 1911 г. вместе с британским консулом в Тавризе Х.С. Шипле объехал захваченные Турцией пограничные округа Персии. Назначенный 16 февраля 1912 г. вторым секретарем Посольства в Константинополе, за участие в переговорах по вопросу о демаркации турецко-персидской границы, которую решили провести «на местах» с участием представителей Англии и России, заслужил «монаршее благоволение». В ноябре 1913 г. утвержден комиссаром по турецко-персидскому разграничению (см. его работы: Объезд оккупированных

Турцией персидских округов 8-го июня — 16-го сентября 1911 года; Турецко-персидская граница, донесения Российского Императорского комиссара по турецко-персидскому разграничению; Сведения о населении некоторых пограничных округов // Материалы по изучению Востока. Пг., 1915. Вып. 2. С. 1–131, 219–480; Турецко-персидское разграничение // Известия Императорского Русского географического общества. Пг., 1916. Т. 52. С. 351–392; Курды. Заметки и впечатления // Известия МИД. 1915. Кн. III. С. 189–231). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1907) и 2-й (1912) ст. Надворный советник (1913). Назначенный 16 ноября 1915 г. первым секретарем Миссии в Персии, прибыл в Тегеран лишь в апреле 1916 г., но уже в августе начальник штаба Кавказского фронта, выражая недовольство «большой нервностью» посланника Н.С. Эттера из-за его планов по эвакуации шаха из Тегерана, указывал, что «из всех членов Миссии самый хладнокровный, рассудительный, знающий и мужественный — это 1-й секретарь Минорский». 16 февраля 1917 г., в связи с отъездом Эттера в Россию, вступил в управление Миссией в качестве поверенного в делах. В мае выдвинут на пост резидента в Бухаре, ибо, как пояснял советник Третьего Политического (Среднеазиатского) отдела МИД В.О. Клемм, будучи «одним из лучших знатоков мусульманского Востока», уже «имел возможность ознакомиться со Средней Азией и, в частности, с ханствами Бухарским и Хивинским, а за истекшие четыре месяца, заведая, на правах Поверенного в Делах, Российской Миссией в Тегеране, проявил выдающийся такт и умение налаживать отношения с возникшими повсеместно среди русских колоний в Персии организациями». Не желая покидать Тегеран, 29 июня ответил Клемму: «За любезное внимание очень признателен, но всячески прошу помочь в избавлении от Бухары. Семейные и другие соображения добавляются к принципиальным. Вы знаете все трудности, с которыми я добился Тегерана, которым очень дорожу». Поскольку об этом же ходатайствовал исполком местной русской колонии, ссылавшийся на «безупречную честность» Минорского и считавший его вполне способным представлять «взгляды обновленной России на политические задачи, не поступаясь национальным достоинством», оставлен в Тегеране. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1113 [Минорский. 1908–1917 гг.], л. 13, 37–38, 92–93, 118, 154, 159, 180–181; ф. 147, оп. 486, д. 3586 [Минорский В.Ф. Вопрос о назначении его Резидентом в Бухару. 1917 г.], л. 1–4).

После свержения Временного правительства отказался подчиниться Советской власти и продолжал служить в Миссии. Выехав в конце лета 1918 г. в Баку, а оттуда 19 сентября — в Петровск-Порт для свидания с генералом Л.П. Бичераховым и далее — в Оренбург, вернулся в Тегеран лишь в начале зимы. Но уже 30 декабря Эттер

телеграфирует руководителям дипломатического ведомства в Екатериноударе, Омске и Лондоне: «Деятельность Минорского в Закавказье и Оренбурге вызвала недоверие к нему со стороны английского командования, и ныне Великобританский Посланник устно, а затем и частным письмом, уведомил меня, что его правительство, если Минорский останется в составе Миссии, изменит свое благожелательное к Миссии отношение. Передавая впечатление английских военных властей, что Минорский относится к английской политике враждебно, Кокс указывает, что политика эта установлена союзниками. Не считаю для себя вправе отчислить Минорского. Одновременно, полагая невозможным и недопустимым для себя работать без поддержки союзников и особенно англичан в Персии, предполагаю в ближайшем времени покинуть Тегеран. Ввиду невозможности передать при создавшихся условиях управление Минорскому полагаю возможным поручить управление текущими делами Советнику Министерства Алексею Беляеву, находящемуся ныне в Реште».

На следующий день Эттер отсылает по тем же адресам и объяснения самого Минорского: «Британский Посланник подтвердил мне отсутствие жалоб на меня по Персии, где я столько лет работал с англичанами. Английские военные миссии в России «подозревают», что я держусь «взглядов» враждебных их политике в России. Ни в германофильстве, ни в большевизме нельзя меня обвинить. Значит для предвзятости к англичанам, действующим от имени союзников, почвы нет. Некорректных поступков моих не указано. Разномыслия же естественны и не преступны, раз сама политика и решения союзников на местах постоянно меняются. Взгляды мои доложены в телеграммах из Оренбурга и в письме С.Д. Сазонову. На Кавказе — борьба национальностей и пропаганда сепаратизма. Все, что напоминает единство России, подозрительно. Англо-индийские офицеры в Баку мало знают Россию и опираются на местные элементы, которые стараются представить русскую ориентацию как противоречащую англичанам, 28 декабря признавшим Азербайджанское Правительство законной местной властью. В Париж выехал Американский Посланник Колдвелл, который видел мои старания помочь устранить недоразумения, вызвавшие в Баку общую политическую забастовку. Я работал совместно с генералом Бичераховым, получившим от англичан благодарность. В Закаспии я пробыл три дня и должен был сообщить в Тегеран копию официального письма тамошней военной миссии на имя местного Правительства с предложением не давать субсидии нашей Миссии и Консульствам как «контрреволюционерам». Других военных миссий я не встречал. Оставляя в стороне тяжелые личные вопросы, прошу лишь обсудить последствия моего изгнания из Пер-

сии для русского имени. Однако, если бы Посланник вынужден был уехать, прошу меня одновременно отозвать». Уже 29 января (11 февраля) 1919 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов и посол в Париже В.А. Маклаков телеграфировали А.А. Нератову в Екатеринодар, копия — в Омск: «В предупреждение обострения отношений с англичанами, полагал [и] бы желательным, чтобы Вы вызвали Минорского по делам службы временно в Екатеринодар, где он может быть Вам весьма полезен». Оставался в Тегеране до мая 1919 г., когда в связи с отъездом Эттера во Францию был вынужден покинуть Персию, ибо принявший управление Миссией А.К. Беляев еще 19 апреля предупредил своего предместника: «Я отнюдь не мог бы взять на себя ответственность за создавшееся для Минорского положение и начать службу в Тегеране с недоразумений из-за него с англичанами и нахожу, что мой приезд в Тегеран до выезда оттуда Минорского поставил бы всех нас в ложное положение». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 26, л. 14–17, 25–33).

В Париже преподавал в лицеях, с 1923 г. читал лекции по персидской литературе и истории ислама в Национальной школе живых восточных языков. Перебравшись в 1932 г. в Англию, преподавал в Лондонском университете, профессором которого избран в 1937 г., и в 1939–1944 гг. в Кембридже. Действительный член Британской и Французской академий наук, Азиатских обществ Франции и Германии, почетный доктор Кембриджского и Брюссельского университетов. В 1960 г., как участник XXV международного конгресса востоковедов, посетил Москву, где в 1963 г. вышла его книга «История Ширвана и Дербенда X–XI веков». Скончался 25 марта 1966 г. в Кембридже и, согласно завещанию, похоронен на московском Новодевичьем кладбище. (См. также: *Кузнецова Н.А.* Владимир Федорович Минорский. [Памяти ученого] // Народы Азии и Африки. М., 1966. № 6. С. 150–153; *Базиянц А.П.* Параллели, которые сходятся на родной земле [Гордлевский и Минорский] // Народы Азии и Африки. 1990. № 6. С. 102–110).

МИРБАДАЛЕВ Мир-Хайдар Касымович*. Род. в Оренбурге в семье бухарского подданного. По сведениям политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова, окончил уездное училище в Оренбурге и с 1880 г. «служил переводчиком по вольному найму в Управлении Начальника Самаркандского отдела, в Канцелярии Начальника Зеравшанского округа, в Управлении Начальника Катта-Курганского отдела и при Начальнике Зеравшанского округа, причем имел три командировки в Бухарские пределы, в том числе одну... по случаю смерти Эмира Сеид-Музафара». В 1886 г. направлен в распоряжение военного инженера капитана И.Т. Пославского для участия в работах «по отчуждению земель в Бухарском ханстве под линию Закаспийской желез-

ной дороги». Со времени фактического открытия в августе Политического агентства в Бухаре исполнял обязанности вольнонаемного старшего письменного переводчика русских документов на туземные языки и в октябре 1891 г. принят в российское подданство. Поддержав в декабре ходатайство политического агента П.М. Лессара о причислении Мирбадалева к личному дворянству, туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский подчеркивал, что тот, «будучи вполне русским по воспитанию и образу мыслей», не имел, по сути, «никаких связей с Бухарским ханством, как и родной брат его Гидаятулла Ходжа Мирбадалев, подполковник русской службы (ныне воинский начальник гор. Перовска), а, поступив на службу в Политическое агентство, порвал и последнюю формальную связь с Бухарой, приняв русское подданство». Назначенный «письменным переводчиком Его Светлости Эмира по сношениям Бухарского Правительства с Политическим Агентством», заведовал состоявшей при последнем «Русской канцелярией Эмира Бухарского».

«Величайшая преданность г. Мирбадалева русскому делу в Средней Азии, — докладывал политический агент Я.Я. Лютш 27 января 1904 г., — вместе с официальным положением его на бухарской службе, превосходное знание дел, рассматриваемых в Политическом агентстве, местных обычаев, особенностей бухарской административной системы и экономического положения страны создали в лице его незаменимого во многих случаях помощника Политического агентства. Кроме того, проживая в Новой Бухаре со дня основания этого русского поселения, г. Мирбадалев бессменно состоит депутатом в городском управлении и оказывает большую помощь заведующему Административно-полицейской частью в делах, имеющих отношение к домовладельцам из числа бухарско-подданных». С 14 мая 1908 г. — почетный мировой судья Самаркандского окружного суда. В 1890 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст., в 1897 г. — Св. Анны 3-й ст., в 1904 г. — Св. Станислава 2-й ст. Представляя его 5 апреля 1910 г. к очередной награде, управляющий Политическим агентством И.И. Решетов отмечал «выдающиеся заслуги» Мирбадалева «в деле умиротворения враждовавших последователей двух толков ислама», суннитов и шиитов, — заслуги, которые «были по достоинству оценены и местным бухарским населением в лице его высшего духовенства, купечества и горожан, поднесших ему благодарственный адрес». Несмотря на возражения генерал-губернатора А.В. Самсонова, удостоен ордена Св. Анны 2-й ст. В 1912 г. состоял ответственным редактором издававшейся джадидами газеты «Бухара-и-шариф» («Священная Бухара»). Хотя управляющий Политическим агентством В.А. Петров подозревал Мирбадалева в нелояльности, о чем 10 ноября информи-

ровал МИД, в ответном послании, от 9 января 1913 г., В.О. Клемм успокоил его: «Мирбадалев связан с Политическим Агентством с самого основания этого учреждения, и почти 30-летняя деятельность его протекала на глазах у целого ряда политических агентов и их помощников и заместителей, причем господ Чарыков, Лессар, Игнатъев, Лютш и все прочие (в том числе Д.С.С. Миллер и я сам) неизменно давали о нем самые лестные отзывы как о человеке весьма полезном, высоко честном и безусловно нам преданном. На этом основании г. Мирбадалев удостоился многих Высочайших наград до ордена Св. Анны 2-й ст. включительно. Независимо от этого, благодаря известности и уважению, которыми он пользуется среди лучших элементов русской колонии в Бухаре и в наших судебных и административных сферах в Туркестане, г. Мирбадалев удостоился назначения на должность Почетного Мирового Судьи. При таких условиях едва ли было бы справедливо безо всяких веских к тому данных возводить на это лицо какие-либо обвинения или хотя бы только подозрения». Награжденный в 1916 г. орденом Св. Владимира 3-й ст., весной 1917 г. отправлен эмиром в отставку, но уже 29 июня Клемм телеграфировал управляющему Резидентством в Бухаре С.В. Чиркину: «Очень прошу Вас отстоять квартиру за Мирбадалевым, который, по всей вероятности, будет восстановлен со временем в прежней должности». (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 309 [О всемилостивейшем пожаловании вольно-наемному письменному переводчику при Политическом Агентстве в Бухаре Мир-Хайдер-Ходжа-Мир-Абуль-Касым-Мир-Бадалеву ордена... 1910–1915 гг.], л. 1, 14, 60, 67, 77; д. 317 [Мирбадалев Мир-Хайдар-Ходжа (награждение его русским орденом). Разная переписка о нем. 1910 г.], л. 49).

Уполномоченный 6 марта 1918 г. предсовнаркома и комиссаром иностранных дел Туркестанского края Ф.И. Колесовым «для ведения мирных переговоров с Бухарским правительством», вместе с П.П. Введенским участвовал «со стороны России» в подписании 25 марта «Протокола дополнительного соглашения, заключенного между русскими и бухарскими уполномоченными в Кизил-Тепе». Позже, опасаясь репрессий, воспользовался покровительством эмира и переехал в Старую Бухару. В подготовленной Информационным отделом Реввоенсовета Туркфронта «Агентурной сводке № 3 к 10 час. 4 августа 1920 г». сообщалось: «8 июля из Бухары через Келиф в Мазари-Шериф проследовало русское семейство бывшего царского чиновника при консульстве в Бухаре Мирбадалева — с женой, дочерью и сыном; при них же находится русский молодой человек, вроде слуги. По прибытии в Мазари-Шериф Мирбадалев посетил войска лагерей Дейдади, с какой целью — неизвестно. Последнее время Мирбадалев состоял на пенсии Бухарского правительства. В открытом дорожном листе

указано, что... едет через Кабул в Англию». Но уже в агентурной сводке «№ 16 к 10 час. 18 августа 1920 г». указывалось, что Мирбадалев вернулся из Афганистана в Бухару и «находится сейчас при нижнем кушбеги». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 46, л. 154, 178). После свержения власти эмира бежал вместе с ним в Восточную Бухару, а оттуда — в Афганистан. А.-З. Валидов вспоминал, что осенью 1923 г. в Пешаваре виделся с Мирбадалевым, который «ведал финансовыми делами эмира, но жаловался на него». (*Тоган Заки Валиди*. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 413–414). В эмиграции, как указывалось в посвященном ему некрологе, «отдал все свои силы и крупные личные денежные средства на дело помощи беженцам. Его усилиями было создано общежитие, оказавшее за годы своего существования помощь кровом, пищей и работой тысячам обездоленных людей». Умер 22 января 1938 г. в Мешхеде. Называя его крупным общественным деятелем и «верным сыном России», парижская эмигрантская газета писала: «Русское население Новой Бухары будет всегда с благодарностью вспоминать имя Хайдар Ходжи, спасшего своим заступничеством перед эмиром жизни сотен мирных русских людей в дни кровавого налета на Бухару комиссара Колесова». (*Туркестанец*. Х.Х. Мирбадалев // Возрождение, 11.03.1938, № 4122).

НЕКРАСОВ Владимир Иванович*. Род. 19 января 1873 г. в Одессе в семье доцента Новороссийского университета И.С. Некрасова, который, защитив в том же году диссертацию на тему: «Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского «Домостроя», удостоился степени доктора русской словесности и с октября 1874 г. состоял деканом историко-филологического факультета, с июня 1890 г. — ректором, имея чин действительного статского советника. (АВПРИ, ф. 159, оп. 749/1, д. 1169 [Об определении на службу в МИД. 1897 г.], л. 241–244). Окончив гимназию в Одессе и факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому отделу с дипломом 2-й степени, 4 октября 1897 г. определен на службу по ведомству МИД с причислением к Азиатскому Департаменту. 26 марта 1901 г. назначен драгоманом генерального консульства в Тавризе, 8 января 1903 г. — секретарем генерального консульства в Бомбее (см. его донесение: Торговля Индии с Афганистаном // СКД. 1904. Вып. 6. С. 448–456). Замещая с 7 апреля по 6 ноября 1904 г. генерального консула В.О. Клемма, отправил в Россию запрещенные к вывозу из Индии семена хинного дерева, а также «фотографии и описания известного подземного индусского храма на ост. Элефант», за что получил благодарность С.-Петербург-

ского Археологического института. (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3288 [Некрасов В.И., его служба и предложение ехать в Асхабад], л. 7–8, 12). 14 июля 1905 г. назначен вице-консулом, 25 августа — исполняющим обязанности консула в Сеистане, где пережил эпидемию чумы. Поверенный в делах А.С. Сомов докладывал 19 мая 1906 г., что «поведением Консула нашего в Сеистане могут гордиться все русские в Персии», ибо тот «сохранил полное присутствие духа и мужественно, в страшную минуту беспорядков во время чумы, сумел защитить не только своих, но и иностранцев». Ознакомившись с донесением о «чумных беспорядках», император Николай II написал: «Одобрю деятельность Некрасова». Прикомандированный к Миссии для усиления ее личного состава, 23 июня 1909 г. прибыл в Тегеран, откуда затем сопровождал в Россию свергнутого с престола и покидавшего родину экс-шаха.

С 21 марта 1910 г. служил управляющим консульством, с 20 сентября — консулом в Реште, где жестоко враждовал с местными конституционалистами. Некрасов, жаловался тегеранский посланник С.А. Поклевский-Козелл 2 сентября 1911 г., «является ныне единственным нашим консулом, который не желает себе отдать полного отчета как относительно положения в Персии, так и задач, преследуемых здесь Императорским Правительством. В других провинциях тоже имеются свои Керим-ханы [одним из вожаков гилянских федаев являлся Мирза Керим-хан Решти — В.Г.], однако консулам нашим все же удастся, не обостряя отношений, добиваться решения многих дел. Большинство предлагаемых Некрасовым мер мне представляются несостоятельными, и они неминуемо поведут к нашей оккупации и вступлению в управление Гиляном. Возможность такого исхода, конечно, не исключена, но покамест нет для этого достаточных оснований». Вместе с тем, негодовал посланник, «тон некоторых телеграмм Некрасова мне кажется недопустимым со стороны подведомственного мне Консула, что и ставится мною ныне ему на вид...» В другом донесении, от 24 февраля 1912 г., Поклевский-Козелл вновь подчеркивал, что Некрасов продолжает самовольничать, «затемняя все дело недомолвками и неправильными указаниями», сваливая свою вину на военных, в связи с чем ходатайствовал о наложении на него «вполне ясного и определенного дисциплинарного взыскания». Однако В.П. Никитин, начинавший дипломатическую службу в Реште, оправдывал Некрасова, считая, что его жестокие действия не позволили разрастись «антирусскому» движению в Гиляне: «Тяжелые потери русского отряда, понесенные им в то же время в Тавризе, показывают, что в решающий момент господином положения является тот, кто во избежание более серьезных жертв не останавливается перед крутыми мерами. В.И. Некрасов, подвергая лично свою жизнь

опасности, под пулями с горстью казаков конвоя пресек в корне восстание в Реше и провинции». (*Никитин В.П.* В.И. Некрасов. [Некролог] // Последние новости, 24.04.1923, № 923). 21 мая 1913 г. перемещен консулом в Исфаган; получив трехмесячный отпуск, 24 июля выехал в Россию, а 22 октября подал прошение об отставке. 4 ноября 1913 г. уволен, согласно прошению, от службы, но через три года вернулся в МИД и с 7 ноября 1916 г. состоял причисленным к его Отделу печати. Коллежский советник (1913). Кавалер орденов Св. Анны 3-й (1907) и 2-й (1912) ст., персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1901), кавалерского креста Почетного Легиона (1908). (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11176 [Чиновники МИД. Некрасов. 1910–1917 гг.], л. 18–19, 36–37, 66, 68–69, 99).

«С первых же дней революции, — желчно вспоминал Г.Н. Михайловский, — он появился в Министерстве и принял самое решительное участие, даже чрезмерное по своей горячности, в образовании Общества служащих и при выборах попал от Среднеазиатского отдела в состав комитета. Из этой должности Некрасов сделал базу для своей карьеры. Не имея в сущности никаких обязанностей в Министерстве, Некрасов был из числа тех немногих, кто «выборным» путем завоевал себе в МИД крупное положение. Несмотря на свой добродушно-толстый, чисто русский, даже купеческий вид, Некрасов оказался ловким мальм и, афишируя свои левые убеждения и критикуя беспощадно старые порядки, он из опальных царских консулов стал *der commende mensch* (человеком с будущим)». Причисленный 5 июня 1917 г. ко Второму Политическому Отделу МИД, который возглавлял его приятель А.М. Петряев (уже 23 июня назначенный товарищем министра иностранных дел), стал одним из его ближайших помощников по «демократизации» ведомства и инициатором введения нового образца служебного формуляра, где «вместо прежнего обязательного перечисления сословного состояния служащих и родовых поместий отмечались ученые степени, труды и научные командировки». Сменив 24 июля В.О. Клемма на посту советника Третьего Политического (Среднеазиатского) отдела МИД, намеревался, по словам Михайловского, «создать из Туркестана, Бухары, Хивы и Северной Персии одно экономическое, а в будущем — и политическое, целое». После большевистского переворота уволен от должности без права на пенсию за отказ от подчинения Совнаркому. Покинув Россию, с 1920 г. жил в Константинополе, где отклонил предложение А.А. Нератова занять пост советника Посольства в Турции. Не сомневаясь в крахе белого движения ввиду нереальности его цели — реставрации монархии, готовил почву для устранения П.Н. Врангеля и создания правительства «демократического образа мыслей», в котором рассчитывал занять пост главы внешнеполитического ведомства. (*Михайловский Г.Н.*

Ук. соч. Кн. 1. С. 374; Кн. 2. С. 556, 558). Умер в Константинополе 23 марта 1923 г.

НИКИТИН (Никитин 3-й) Василий Петрович*. Род. 1 января 1885 г. в польском Сосновце, где его отец, происходивший из дворян Псковской губернии, служил помощником пакгаузного надзирателя на таможене. Окончив гимназию в Варшаве, Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при МИД, определен на службу по ведомству Министерства с прикомандированием к Первому Департаменту. С февраля 1912 г. служил в Реше секретарем, с августа 1913 г. — временным управляющим консульством, формально числясь с 29 января 1914 г. секретарем генерального консульства в Тавризе. С 31 мая 1915 г. управлял вице-консульством в Урмии, куда официально командирован 10 июля. Будучи составителем изданного там же «Краткого русско-курдского военного переводчика», в телеграмме от 20 ноября заявлял, что «лучшее и единственное средство замирить курдов — это вселить в них ужас, вполне для них реальное понятие, — верить же им нельзя». Коллежский ассессор (1916). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1914) и Св. Анны 3-й ст. (1916), сербского Св. Саввы 4-й ст. (1912), персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1913). (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11196 [Никитин Василий Петрович, чиновник 2-го отдела 1-го Департамента МИД. 1911–1917 гг.], л. 3, 6–7, 82, 134, 145). В.Ф. Минорский свидетельствовал его «добросовестность, истинное понимание русских интересов и особенно ценный просвещенный интерес к делу». Назначенный 30 сентября 1917 г. вице-консулом в Урмию на место П.П. Введенского, с апреля 1918 г. «работал при полковнике Бичерахове и английском командовании», участвуя в переговорах с вожаком партизан-дженгелийцев М. Кучек-ханом о проезде через Гилян в Баку русско-британского военного отряда. С июля исполнял обязанности второго драгомана Миссии в Тегеране, откуда в мае 1919 г., получив отпуск, выехал во Францию. В течение последующих тридцати лет, до 1951 г., служил в Париже в Banque Nationale Francaise du Commerce Exterieur, заведующим отделом Etudes Economiques и издавая бюллетени по вопросам внешней торговли. В 1920-е гг. активно сотрудничал в евразийских изданиях. Член Азиатского общества Франции и парижского Русского общества изучения Востока, Польского ориенталистического общества. Автор монографии «Les Kurdes et le Kurdistan» (Париж, 1956), переведенной на русский и изданной в СССР в 1964 г. без указания происхождения автора, и воспоминаний «Иран, который я знаю» (Тегеран, 1951). Умер в 1960 г. (Подробнее см.: *Василий Никитин*. Свидетельские показания в деле о русской эмиграции. Публикация М.Ю. Сорокиной // Диаспора. Т. 1. С. 587–644).

НИКОЛЬСКИЙ (Никольский 2-й) Николай Петрович*. Род. 28 ноября 1868 г. в Новгороде в семье священника местного Знаменского собора, впоследствии — протоиерея, служившего в С.-Петербурге. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом 1-й степени, в сентябре 1893 г. «определен в службу в ведомство Министерства юстиции с причислением к сему Министерству и откомандированием для занятий в Канцелярию Межевого Департамента Правительствующего Сената», переименованного в апреле 1894 г. в 3-й Департамент. (АВПРИ, ф. 159, оп. 749/1, д. 1123 [Об определении на службу в МИД. 1896 г.], л. 333, 340). Перемещенный в 1896 г. на службу по ведомству МИД, с 8 мая 1897 г. — секретарь и драгоман консульства в Реште, с 15 декабря — в Астрабаде, со 2 мая 1898 г. — второй драгоман Миссии в Тегеране, с 15 февраля 1903 г. — консул в Керманшахе. 21 апреля 1914 г. командирован в Мешхед для временного управления генеральным консульством, а 6 апреля 1915 г. утвержден в должности генерального консула. Статский советник. Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. (1906), Св. Анны 3-й (1901) и 2-й (1912) ст., Св. Владимира 4-й ст. (1916). Не найдя общего языка с составом русского Хорасанского отряда, 24 июля 1916 г. жаловался в МИД на «постоянную оппозицию» офицеров и просил о переводе в Тавриз, ссылаясь на больную жену, нуждающуюся в постоянном лечении, и трех детей, двое из которых достигли школьного возраста. В свою очередь В.О. Клемм уведомлял дипломатического чиновника С.В. Чиркина, что казачий сотник Хорасанского отряда А.П. Шебалин в присутствии многих лиц «позволил себе говорить, что консула — пешки, которых можно выгонять, а посланник Эттер — немец, изменник и взяточник, и он удивлен, почему ген. Баратов не арестовал его». Однако, считая «крайне несвоевременным обострять отношения с военными», товарищ министра А.А. Наратов предложил ограничиться строгим внушением офицерам и требованием удалить Шебалина. Впрочем, уже в октябре 1917 г. командование Хорасанского отряда обратилось в МИД с просьбой не отзывать Никольского из Мешхеда, ибо «в настоящее тяжелое переходное время спокойная плодотворная единодушная с отрядом работа Консула, пользующегося большим влиянием на персидские власти и население, крайне необходима для войск...» Указывая на «добрые отношения между Консульством, колонией и местным населением, не нарушенные государственным переворотом, вызвавшим в других провинциях Персии недоразумения и эксцессы, которые избегнуты здесь благодаря умелому управлению генерального консула», исполком русской колонии Мешхеда также просил оставить Никольского на занимаемом им посту. Хотя в

ответной телеграмме В.И. Некрасов сообщал о уже состоявшемся 5 октября «назначении Генерального Консула Никольского в Тегеран», из-за свержения Временного правительства продолжал службу в Мешхеде, где оставался в течение всей гражданской войны в России. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11216 [Никольский Н.П. Дела чиновников МИД в Персии. 1907–1917 гг.], л. 12, 23, 109, 112, 120, 124–125).

ОРЛОВ АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ*. Род. 12 мая 1870 г. в Кутаиси; из мещан. Окончив гимназию в Кронштадте, факультет восточных языков С.-Петербургского университета с дипломом 1-й ст. и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, в 1896 г. определен на службу по ведомству Министерства и назначен студентом Посольства в Турции, 15 декабря 1897 г. — первым драгоманом генерального консульства в Константинополе. С 20 марта 1902 г. — секретарь Миссии в Абиссинии. 20 января 1903 г. назначен вице-консулом в Скутари, в октябре — консулом в Митровице, 25 ноября 1906 г. — в Ускубе, в июле 1911 г. — генеральным консулом в Багдаде. В мае 1913 г. получил «секретное поручение изучить положение дел на турецко-персидской границе в пределах от Мендели до Банэ по Курдистану, каковую поездку совершил без конвоя» и «при переходе с персидской на турецкую территорию на р. Сирван подвергся обстрелу курдов Джаф, с которыми, однако, сумел затем установить дружественные сношения». Во время экспедиции собрал ценные географические и статистические материалы о совершенно до него не исследованной области Зохаб, являвшейся главным объектом спора между Турцией и Персией, что позволило разграничительной комиссии в Константинополе установить принципиальное согласие о направлении границы. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11276 [Дело чиновника Орлова. 1913–1917 гг.], л. 1; см. также: Путевые дневники генерального консула в Багдаде Ст. Сов. Орлова, объезжавшего турецко-персидскую границу летом 1913 года // Материалы по изучению Востока. 1915. Вып. 2. С. 133–218). Назначенный в сентябре 1913 г. генеральным консулом в Азербайджане, 31 января 1914 г. прибыл в Тавриз и 4 февраля вступил в должность. Но, по утверждению командированного в сентябре для усиления личного состава генерального консульства подполковника запаса В.Г. Елчанинова, отличаясь дурным характером, распускал «сплетни и грязь» о своих подчиненных и их женах, а П.П. Введенского характеризовал «прямо недопустимо». Особенно возмущали русскую колонию манеры жены Орлова — Евдокии Ефимовны, которая не стеснялась сквернословить, в присутствии говорившего по-русски каргузара ругала персов «грязными животными», офицерам заглядывала в рукава для проверки чистоты

их манжет, а доставленный в канцелярию сургуч, не доверяя секретарям, прятала под замок у себя на квартире. «Я только что вернулся из Персии и сообщаю Вам, что там совсем неладно, — пенял В.О. Клемму некто П. Федоров. — Черт знает, что там делается. Особенно — в Тавризе. Нельзя же посылать туда таких консулов как Орлов с его супругой-девкой. Ведь это — срам. Нас, русских, отдавать на посмеяние иностранцам и персам... Неужели у Вас в Министерстве нет воспитанных дам, а только горничные!» В результате уже 23 января 1915 г. Клемм телеграфировал Орлову: «Ваш приезд сюда желателен. Выясните, может ли [Д. Д.] Беляев временно вступить в управление Консульством...» Сообщая 9 февраля посланнику И.Я. Коростовцу об отъезде генерального консула в Петроград, Клемм пояснял: «Орлов отозван из Тавриза ввиду обнаружения, что он женился на бывшей горничной, которая вела себя совершенно недопустимым образом. Преемник его еще не намечен. Временное управление поручено Беляеву». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11286 [А.А. Орлов. 1915 г.], л. 1–5, 9).

Тем не менее в подготовленной МИД «Справке для бюджетной комиссии Государственной Думы», от 10 декабря 1915 г., об Орлове говорилось следующее: «По известным причинам вызван был в Петроград, где пребывает в ожидании подходящей вакансии. Работает при III Политическом Отделе, где на него возложены очень важные нам экономические вопросы, возникшие в связи с войной (ввоз и вывоз товаров, курс, рабочий вопрос и т. п.), а равно составление материала для «Оранжевой книги» с 1913 г. Чрезвычайно дельный и трудолюбивый человек, которым нельзя не дорожить при общем недостатке у нас в людях». В феврале 1916 г. по настоянию великого князя Николая Николаевича командирован в Ардебиль для расследования деятельности вице-консула Б.Э. Блума. Статский советник (1912). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1900), Св. Анны 3-й (1903) и 2-й (1908) ст., Св. Владимира 4-й ст. (1915), а также иностранных — Эфиопской звезды 2-й ст. (1899, 1903), бухарского Золотой звезды 1-й ст. с алмазами (1903), персидского Льва и Солнца 1-й ст. (1903), турецкого Османя 3-й ст. (1904), австрийского Железной короны 3-й ст. (1907). (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11276, л.25, 27, 142-143; ф. 159, оп. 464, д. 2485а, л. 1). Подарил библиотеке Учебного отделения восточных языков при Политических Отделах МИД собрание книг из 111 томов по истории, географии и этнографии Абиссинии и сопредельных ей стран. 13 июня 1916 г. «всемилоостивейше повелено быть генеральным консулом в Монголии, с предоставлением ему лично звания дипломатического агента и генерального консула в означенной стране». Прибыл к месту службы 21 сентября, но уже летом 1917 г. исполком местной русской колонии потребовал отозвать его из Урги. (АВПРИ, ф. 143

[Китайский стол], оп. 491, д. 1915 [А.А. Орлов. Дипломатический агент в Урге. 1916 г.], л. 15, 25, 60).

ПЕТРОВ (Петров 2-й) Виктор Андреевич*. Род. 20 февраля 1882 г.; из потомственных дворян. Окончив Императорское Училище правоведения с серебряной медалью, удостоен чина титулярного советника и в мае 1902 г. причислен к Министерству юстиции, откуда с 17 июня переведен на службу по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту. Назначенный 20 января 1903 г. студентом Миссии в Тегеране, с 3 сентября исполнял обязанности секретаря консульства в Кермане. 28 февраля 1906 г. назначен секретарем консульства в Галаце, с 12 апреля по 23 ноября 1910 г. управлял вице-консульством в Сулине. 27 мая 1911 г. назначен секретарем и драгоманом Политического агентства в Бухаре, куда прибыл в ноябре и которым временно управлял. Однако туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов, сетуя в письме министру С.Д. Сазонову, от 17 апреля 1913 г., на отсутствие известий о дате возвращения политического агента А.С. Сомова к месту службы, замечал, что, «хотя замещающий его Надв[орный] Сов[етник] Петров при своем трудолюбии и старательности вполне успешно, несмотря на отсутствие половины личного состава Политического агентства, справляется с текущими делами, однако все же ни в глазах Эмира, ни в глазах других ведомств, имеющих отношение к Бухаре, у него, конечно, не может быть должного авторитета, да и при том, при присущей его возрасту и характеру горячности, он не чужд иногда нежелательной резкости в сношениях с обращающимися к нему должностными лицами». (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3506, л. 2). С 1 июля 1914 г. — первый секретарь Политического агентства в Бухаре. Коллежский советник (1915). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1908) и 2-й (1914) ст., Св. Анны 3-й ст. (1913), бухарского Золотой звезды 2-й ст. (?) и офицерского креста румынского ордена Звезды (1912). Признанный в январе 1916 г. «неизлечимо больным на почве прогрессивного паралича», скончался в октябре. Похоронен в Москве. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11346 [Петров В.А. Дела чиновников МИД в Персии. 1905–1906 гг.]).

ПОХИТОНОВ Иван Федорович. Род. 22 июля 1853 г.; из крестьян Херсонской губ. Окончив Николаевскую реальную гимназию и Учебное отделение восточных языков при Азиатском Департаменте МИД, 24 октября 1875 г. определен на службу по ведомству МИД с назначением сверхштатным студентом Миссии в Тегеране. С 1 мая 1881 г. — исправляющий должность секретаря и драгомана консульства в Реште, в каковой утвержден 3 августа. Получив в мае 1882 г. пятимесячный отпуск, по прибытии в Петербург оставлен для занятий при

Азиатском Департаменте. В апреле 1883 г. командирован в Астрахань для встречи персидского принца, при котором состоял во время его пребывания в Москве и сопровождал обратно, после чего представлял МИД в Комиссии по разграничению между Закаспийской областью и Персией. С 1 января 1886 г. — вице-консул в Варне. Отчисленный 15 июня 1887 г. в ведомство МИД, 9 ноября 1888 г. назначен консулом в Реште, где, вступив в должность 1 января 1889 г., прослужил около двенадцати лет. В 1899 г. обвинялся во взяточничестве, но посланник К.Э. Аргиропуло убедил МИД, что жалоба на Похитонова «не заслуживает никакого дальнейшего хода», ибо «твердая защита консулом русских интересов не по сердцу многим персам и способна вызвать даже личное против него раздражение». С 19 июля 1900 г. — генеральный консул, но 16 января 1901 г. перемещен из Решта в Бушир, а 19 октября — в Тавриз, куда прибыл 2 февраля 1902 г. и где оставался до 19 марта 1909 г. В связи с намечавшимся МИД совещанием по персидским делам вызван, «как знаток местных условий», в Петербург, однако приехавший для его замещения А.Я. Миллер, сетуя на то, что предместник не торопится сдать свои полномочия, жаловался поверенному в делах Е.В. Саблину: «Больно и тяжело мне писать, но, к сожалению, это так: абсолютное безделье, полнейшая изолированность, общая антипатия. Никто не желает иметь какие-либо сношения с Генеральным Консульством, утратившим всякое доверие. С ужасом наблюдаю, как портится и без того уже испорченное дело». Задержан МИД в Петербурге. Несмотря на сопротивление нового правительства Персии, считавшего его сторонником экс-шаха, 20 сентября 1910 г. назначен генеральным консулом в Тегеране, куда прибыл 28 ноября и где прослужил до июня 1912 г. Действительный статский советник (1906). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1881) и 2-й (1891) ст., Св. Владимира 4-й (1886) и 3-й (1911) ст., а также иностранных — кавалерских крестов бельгийского ордена Леопольда (1898) и французского Почетного Легиона (1899), персидского Льва и Солнца 1-й ст. (1906) и др. Был женат на дочери статского советника Александре Степановне, урожд. Бажлевской, от которой имел пятерых детей; после расторжения брака в 1897 г. вторично женился на француженке Валентине Готье. Скончался 13 августа 1913 г., находясь на лечении в Алушке. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2760, л. 1–8; ф. 144, оп. 489, д. 11426 [О службе Похитонова. 1898–1915 гг.], л. 17, 22, 38, 44, 51; д. 11436 [Похитонов. 1909–1910 гг.], л. 1).

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Борис Александрович. Род. 27 апреля 1870 г. в семье протоиерея. Окончив в 1896 г. Лазаревский институт восточных языков (представил сочинение «Летопись Ат-Табари: Халифат

Абу-Исхака Мутасыма Мухаммеда, сына Харуна ар-Рашида») и Учебное отделение восточных языков при МИД, 17 мая 1899 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 11 января 1900 г. назначен студентом Миссии в Тегеране, 1 апреля 1902 г. — секретарем и драгоманом консульства в Реште, 27 сентября 1903 г. — секретарем генерального консульства в Тавризе, которым управлял с 21 января 1906 г. (см. его донесение: Астара-Ардебильский караванный путь // СКД. 1907. Вып. 4. С. 286–290). 22 января 1908 г. назначен вице-консулом в Ване, куда прибыл 28 июля. С 20 апреля 1909 г. — вице-консул в Урмии, где находился с 31 августа по 7 ноября 1910 г. Назначенный 27 сентября 1911 г. «причисленным к Министерству по случаю возложения на него особого поручения», состоял членом «междуведомственной комиссии по освидетельствованию работ по постройке Энзелийского порта». С 13 марта 1912 г. управлял генеральным консульством в Тавризе. Коллежский советник (1913). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1906) и Св. Анны 3-й ст. (1912), персидского Льва и Солнца 2-й ст. (1908). 28 октября 1913 г. назначен вице-консулом в Казвине с предоставлением ему лично звания консула, а 3 декабря — консулом в Исфагане, куда прибыл 31 мая 1914 г. вместе с женой — «купеческой дочерью» Серафимой Павловной, урожд. Аксаковой. «Вследствие страшной здешней высоты, — жаловался Преображенский в частном письме С.М. Шапшалу, — мое больное сердце (оно больно с детства) ужасно страдает. Ежедневно, по крайней мере — один раз, у меня бывает припадок и очень мучительный, а иногда и по два, по три раза в день. Если это так будет продолжаться, то возможна и весьма вероятна катастрофа, то есть мне всегда угрожает судьба бедного А[ндрея] Я[ковлевича] Миллера [чиновника МИД для пограничных сношений при императорском наместнике на Кавказе, скончавшегося 7 июня 1914 г. — В.Г.]. Вы понимаете, как тяжело жить под таким дамокловым мечом. Ночи здесь я еще ни одной не спал. Утомлен поэтому страшно... Работаю я в Исфагане много, но порядка у меня мало, что объясняется отсутствием секретаря. Ненавидят здесь нас все — и персы, и англичане, и немцы, и даже шведы. Тяжело жить при таких условиях». 8 сентября обратился в МИД с ходатайством перевести его из Исфагана в другое место или предоставить продолжительный отпуск по болезни. «Страдаю невыносимо, — напоминал он МИД 20 сентября. — Слабею с каждым днем. Работаю лишь с большим трудом. Необходим немедленный отъезд из Исфагана...» Скоропостижно скончался в ночь на 23 сентября 1914 г. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2766, л. 1–4; ф. 144, оп. 489, д. 11446 [Преображенский Б.А. 1906–1914 гг.], л. 116, 118, 140–142, 145).

РЕШЕТОВ Иван Иванович*. Род. 29 апреля 1872 г. в Твери в семье потомственного почетного гражданина. Окончив тверскую гимназию, Лазаревский институт восточных языков (представил перевод романа Юсуфа Зайдана «Торжество любви») и Учебное отделение восточных языков при МИД, 24 июня 1898 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 4 июня 1899 г. назначен студентом Миссии в Тегеране, 11 января 1900 г. — секретарем и драгоманом консульства в Астрабаде, 3 сентября 1903 г. — драгоманом Политического агентства в Бухаре, 14 апреля 1904 г. — секретарем и драгоманом генерального консульства в Мешхеде. Перемещенный 15 ноября 1905 г. на ту же должность в Бухару, в 1910–1911 гг. состоял там управляющим Политическим агентством. Однако в письме С.Д. Сазонову, от 8 марта 1911 г., туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов, ссылаясь на необходимость «сильного благотворного влияния» на молодого эмира, ибо «потерянный в настоящее время момент будет невозвратим», считал, что Решетов «едва ли справится с этим делом; у него не хватит характера, надлежащей серьезности, а главное — нет надлежащего государственного взгляда на дело». В мае сопровождал эмира в Петербург, но уже 14 декабря Самсонов возбудил ходатайство «о передаче теперь же управления Политическим Агентством вновь назначенному секретарю оного Колл. Асс. Петрову», ибо, как пояснял генерал-губернатор, «взгляд мой на нынешнего управляющего Агентством Надв. Сов. Решетова и на полную непригодность его для исправляемой им ныне должности достаточно известен...» Числясь консулом в Ардебиле, в апреле 1912 г. вступил в исполнение обязанностей чиновника МИД для пограничных сношений при Начальнике Закаспийской области в Асхабаде, в каковой должности утвержден 17 декабря. «Командирование Решетова в Бухару невозможно ввиду его личных отношений к Генерал-Губернатору», — с сожалением телеграфировал В.О. Клемм управляющему Политическим агентством В.А. Петрову 8 июня 1913 г. Отказавшись от предложенной ему должности секретаря VI класса в Третьем Политическом (Среднеазиатском) отделе МИД «за неимением личных сбережений», писал Клемму: «Я с трудом свожу концы с концами и изворачиваюсь лишь благодаря открытому мне повсюду кредиту, о каковом в Петрограде речи и быть не может...» Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1902) и 2-й (1910) ст., Св. Анны 3-й (1906) и 2-й (1913) ст., персидского Льва и Солнца 3-й ст. (1901), бухарского Золотой Звезды 3-й (1902), 2-й (1906) и 1-й (1912) ст. Статский советник (1915).

Назначенный 17 октября 1916 г. генеральным консулом в Бушире с временным командированием в Астрабад для управления консульством, 20 декабря сдал пост С.В. Жуковскому и 13 января 1917 г. вые-

хал через Красноводск к месту службы. На посланное ему 5 сентября предписание товарища министра А.А. Нератова отправиться из Астрабада в Бушир, ответил отказом, указав, что это «неосуществимо, как по семейным обстоятельствам, так и по состоянию здоровья», однако новый советник Среднеазиатского отдела В.И. Некрасов порекомендовал ему «срочно телеграфировать или о немедленном предоставлении отпуска или о согласии немедленно выехать в Бушир, иначе грозит отчисление в ведомство». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11506 [Решетов И.И. Чиновник в Персии. 1916–1917 гг.], л. 1–2, 5, 9, 13; д. 11516 [Решетов И.И. Дипломатический чиновник в Асхабаде. 1911–1916 гг.], л. 8, 10; ф. 147, оп. 486, д. 7756, л. 80). Сдав управление консульством Б.И. Долгополову, после свержения Временного правительства поселился в Новой Бухаре, ибо еще 29 ноября 1916 г. сообщал Клемму: «Семья моя решила переехать в Бухару, где у нас есть родственники». Весной 1918 г. в период «колесовского похода» отказался принять на себя роль советского парламентаря. В июне 1920 г. арестован Особым отделом Туркфронта по делу о «Бухарской шпионской организации», причем уже в ноябре в особотдельском информбюллетене сообщалось: «Решетов Иван. Убеденный контрреволюционер, бывший консул в Персии, перешел на сторону Советской власти по необходимости, подписал антисоветский документ, направленный эмиру. В подписи отказался, но уличен следствием, сознался и приговорен по амнистии к 5 годам концентрационного лагеря». (РГАСПИ, ф. 670 [Сокольников Г.Я.], оп. 1, д. 53, л. 60).

РОЗДОЛЬСКИЙ (Роздольский 1-й) Казимир-Валериан Станиславович. Род. 26 мая 1879 г., сын коллежского советника. Окончив в 1901 г. факультет восточных языков С.-Петербургского университета с дипломом 1-й ст. по китайско-маньчжурскому отделению, оставлен при кафедре истории Востока и одновременно определен на службу в Правление Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). В сентябре 1902 г. допущен к исполнению обязанностей чиновника особых поручений IX класса Управления калмыцким народом, в каковой должности утвержден в мае 1903 г. С сентября 1904 г. — попечитель Малодербетевского уезда Астраханской губ., с октября 1905 г. — чиновник особых поручений при губернаторе Курской губ. Обратившись в декабре с прошением на высочайшее имя о разрешении ему продолжить службу по ведомству МИД, 16 января 1906 г. причислен к его Первому Департаменту и 20 июня назначен студентом Миссии в Пекине, куда прибыл 11 октября. С 30 марта по 29 сентября 1907 г. исполнял обязанности секретаря консульства в Ханькоу, а в июле 1908 г. командирован в Харбин для усиления состава генерального

консульства. С 21 февраля по 28 декабря 1909 г. исполнял обязанности консульского агента по Восточной линии КВЖД, числясь также с 14 сентября драгоманом консульства в Кульдже. Выдержав 5 апреля 1910 г. дипломатический экзамен, 8-го назначен секретарем консульства в Урумчи, которым управлял с 26 мая 1911 г. по 26 июля 1912 г. Командированный еще 26 апреля в Кобдо для временного управления консульством, вступил в должность 10 декабря. 21 августа 1913 г. назначен секретарем консульства в Цицикаре, а 31 декабря, согласно желанию, — причисленным к Первому Департаменту, с 1 июля 1914 г. — Четвертому Политическому (Дальневосточному) отделу МИД. Назначенный 16 августа того же года секретарем и драгоманом консульства в Нючжуане, тогда же командирован в Кашгар для усиления личного состава консульства. Прибыв к месту службы 31 октября, с 1 августа 1915 г. состоял секретарем консульства в Кашгаре, а с 13 сентября 1916 г. — в Куанценцзы. Надворный советник (1912). Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. (1909). Назначенный 9 мая 1917 г., согласно желанию, кандидатом для занятия штатных должностей в Третьем Политическом (Среднеазиатском) отделе МИД, в тот же день командирован в распоряжение Резидентства в Бухаре, первым секретарем которого затем состоял. (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2889, л. 1-4). 6 декабря 1917 г. принял управление Резидентством от уезжавшего из Бухары резидента В.С. Елпатьевского.

РОМАНОВСКИЙ (Романовский 2-й) Вадим Сергеевич*. Род. 7 августа 1885 г. в семье инженера путей сообщения, с 1901 г. — начальника Днестровского отделения Киевского округа путей сообщения; из потомственных дворян. Окончив Лазаревский институт восточных языков, 12 февраля 1909 г. определен на службу по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту, а в августе 1910 г. командирован в Бухару для усиления штата Политического Агентства. Назначенный 7 ноября 1911 г. исправляющим должность секретаря консульства в Керманшахе, направлен в Решт для усиления личного состава консульства «впредь до дальнейших распоряжений», а 1 сентября 1912 г. с той же целью — в Мешхед, где через год женился на дочери генерального консула князя А.М. Дабижа — Евгении Аристовне. Но уже 23 мая 1914 г. В.О. Клемм сообщает, что «взамен покидающего Сеистан 1 июля Выгорницкого для управления Консульством командировается из Мешеда Вадим Романовский, коего заменит его брат Юрий» (Романовский 1-й, род. 23 января 1883 г., в 1917-1924 гг. — консул в Сан-Франциско, умер в 1933 г. в Лос-Анджелесе). Выехав 17 мая в Бирдженд, 15 июля принял временное управление вице-консульством, но, по утверждению сменившего его Н.З. Брави-

на, отличался «подозрительной неаккуратностью в денежных делах». С 17 мая 1916 г. — секретарь консульства в Керманшахе, причем исполнявший должность первого секретаря Политического агентства в Бухаре Н.А. Шульга 12 июня писал Клемму: «Убедительная просьба не присылать кого-либо из братьев Р. Бывший тут с совершенно определенной точки зрения известен бухарским властям и ужасно характеризуется теперешними асхабадскими разговорами». Коллежский секретарь (1911). Накануне Февральской революции 1917 г. командирован в Барселону. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11566 [Романовский Ю.С. Дела чиновников МИД в Персии. 1908–1917 гг.], л. 45, 51, 58, 60; ф. 147, оп. 485, д. 3292 [Романовский 2-ой Вадим Сергеевич. Командировка его в Бухару. 1910 г.], л. 2, 6–7; оп. 486, д. 3736, л. 36.).

САБЛИН Евгений Васильевич*. Род. 20 октября 1875 г. в Новочеркасске в семье ротмистра, произведенного в 1879 г. в полковники; из дворян Войска Донского. Окончив гимназию в С.-Петербурге и Императорский Александровский Лицей, 11 августа 1898 г. определен на службу по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту. 11 ноября 1899 г. назначен состоять сверх штата при Миссии в Белграде, где с 20 января 1903 г. служил вторым секретарем. С 31 января 1905 г. — секретарь генерального консульства в Танжере, за «отлично-усердные труды» по управлению которым заслужил в январе 1908 г. «высочайшую» благодарность. Назначенный 4 октября того же года первым секретарем Миссии в Тегеране, в связи с отъездом посланника Н.Г. Гартвига вступил 2 ноября в управление Миссией. Признавался, что искренне желал победы Мохаммед-Али-шаху, дабы тот, «одной рукой достаточно энергично подавив слишком либеральные тенденции тавризовских революционеров, другой рукой дал бы своему народу необходимые реформы». Угрожая «иностранным вмешательством», пытался остановить военное наступление гиланских феодалов и бахтиар на Тегеран, а после занятия ими столицы призывал шаха защищаться и даже «бомбардировать город», хотя германскому посланнику заявил, что «подобных советов из Миссии исходить не могло». Позже, отвергая утверждения, будто Миссия не поддержала шаха, жаловался В.О. Клемму: «...Я прилагал все усилия, чтобы удержать сего несчастного человека на троне. Его недалекость, его упрямство, его неумение находить советников, легкость, с которой он подпал под влияние порочных царедворцев, и упорное нежелание слушать наши советы — вот, где надо искать объяснения июльского переворота». Считал, что России лучше «опираться на свою силу», нежели на «ничтожного» шаха. В сентябре 1909 г., сдав управление Миссией новому посланнику С.А. Поклевскому-Козеллу, удостоился

очередной «высочайшей» благодарности «за примерное исполнение обязанностей поверенного в делах в Персии в исключительных по тяжести своей условиях». Вторично состоял там поверенным с 11 февраля 1913 г. до приезда 14 января 1914 г. сменившего его И.Я. Коростовца; покинул Тегеран 25 февраля. Командированный в Лондон, 13 ноября 1915 г. назначен первым секретарем посольства. Камер-юнкер Высочайшего Двора (1906), статский советник (1916). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (1906), Св. Анны 2-й ст. (1914), Св. Владимира 4-й ст. (1915), а также Офицерского (1908) и Командорского (1914) крестов Почетного Легиона, бухарской Золотой звезды 1-й ст. (1909), персидского Тимсаля (1914) и др. иностранных наград. С сентября 1919 г. управлял посольством в Лондоне, а с 1924 г. возглавлял местную эмигрантскую колонию. Скончался 2 мая 1949 г. после продолжительной болезни. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11586 [Саблин Е.В. Дела чиновников МИД в Персии. 1908–1916 гг.], л. 5, 46, 82, 93, 100; д. 11596 [Саблин. 1909–1913 гг.], л. 2–5. См. также: *Казнина О.А.* Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // *Россия в США: Сб. ст. [Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. VII.]* Ред. А.В. Попов. М., 2001. С. 161–185).

СЕМЕНОВ Александр Александрович*. Род. 16 сентября 1873 г. в с. Полное-Конобеево Тамбовской губ. в купеческой семье. Окончив учительский институт в Тамбове, в 1892–1895 гг. заведовал Конобеевским двухклассным училищем. В 1895–1900 гг. учился в Лазаревском институте восточных языков, в которое представил в качестве дипломной работы сочинение на тему: «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии». С мая 1901 г. служил в Туркестанском крае, занимая различные административные должности в Асхабаде и Ташкенте. Надеюсь перетянуть его на службу по ведомству МИД, В.О. Клемм в частном письме от 5 июня 1913 г. запрашивал чиновника по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе А.Р. Барановского: «Весьма был бы Вам обязан за сообщение мне возможных подробностей о заменяющем Вас во время Ваших отпусков чиновнике — Надв. Сов. Семенове и о его службе, именно: когда таковая началась, где протекала и какие он занимал должности. Равным образом желательно было бы осведомиться, каково нынешнее его служебное положение и каков получаемый им оклад содержания». В ответном послании от 14 июня Барановский писал: «Спешу сообщить затребованные Вашим Превосходительством сведения касательно Надв. Сов. Семенова, которому вторично предстоит исправлять обязанности дипломатического чиновника на время моего предстоящего отсутствия из Ташкента. Александр Александрович Семенов, занимающий ныне (нештатную) должность помощни-

ка управляющего Канцелярией Туркестанского Генерал-Губернатора, окончил Лазаревский институт восточных языков и с 1901 г. поступил на службу помощником делопроизводителя Канцелярии Начальника Закаспийской области. В 1906 г. он перешел на службу в Ташкент делопроизводителем Канцелярии Туркестанского Генерал-Губернатора, а с [июля] 1908 г. занимает свою нынешнюю должность. С 1910 г. он состоит Почетным Мировым Судьей Округа Ташкентского Окружного Суда. Состоит он и членом целого ряда комитетов и комиссий, разрабатывающих разного рода местные вопросы. Он известен также своими научными трудами по изучению наших среднеазиатских владений, и еще в 1903 г. ему Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии присуждена была золотая медаль за весьма ценный труд по этнографии Центральной Азии, в коем он собрал материалы по изучению наречий Центральной Азии и представил этнографические очерки Заряфшанских гор, Каратегина и Дерваза. В последнее время он принимал самое деятельное участие в составлении т. наз. Кауфманского сборника, изданного в память первого Туркестанского Генерал-Губернатора и представляющего собрание весьма ценных исторических материалов по завоеванию и организации наших среднеазиатских владений. Должность помощника управляющего Канцелярией Туркестанского Генерал-Губернатора считается VI класса и ей присвоен оклад в 5 000 рублей. Согласно проекту новых штатов Управления Туркестанского края должность эта будет штатной, оклад будет повышен до 6 000 рублей и этому чиновнику отведена будет казенная квартира. Что же касается до личных свойств Надв. Сов. Семенова, то лично могу засвидетельствовать о его огромном служебном опыте, приобретенном им за 13 лет непрерывной службы в Туркестане при частых разъездах по краю в свите Генерал-Губернатора, и большом такте в личных отношениях... В настоящее время Надв. Сов. Семенов командирован на Аму-Дарью в целях изучения положения русских поселений в Бухаре, обратившихся теперь чуть ли не в города и весьма стесняемых в своем развитии архаическим своим управлением...» Ознакомившись 29 августа с информацией Барановского, Клемм с сожалением поместил на его письме: «При таких условиях едва ли возможно будет привлечь Семенова на службу по нашему ведомству и эту мысль надо пока похоронить». (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3294 [Семенов. Временно исполняющий обязанности Дипломатического Чиновника при Туркестанском Генерал-Губернаторе. 1913 г.], л. 1-3).

В январе 1916 г., являясь «временно управляющим Канцелярией Туркестанского Генерал-Губернатора», посетил Бухару вместе с дипломатическим чиновником С.В. Чиркиным и лично вручил эмиру

Сеид Мир Алим-хану «высочайший рескрипт» о пожаловании ему чина генерал-лейтенанта с назначением генералом-адъютантом свиты Его Императорского Величества. Произведенный в чин статского советника, в августе назначен помощником военного губернатора Самаркандской области, должность которого исполнял весной 1917 г. В письме Туркестанского комитета Временного правительства А.Ф. Керенскому, от 7 июня, упомянут в числе лиц, удаленных с должностей административного управления краем как признанных населением по прежней их деятельности «нежелательными к дальнейшему оставлению», с указанием, что «находится в отпуску». (Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Ташкент, 1963. Т. 1, с. 129). В автобиографии писал: «...Утвержден Временным правительством заведующим продовольствием в Самаркандской области. В конце 1917 г. получил четырехмесячный отпуск, во время которого назначен советником при Российском резидентстве в Бухаре... Я фактически исполнял дела заведующего туземной канцелярией при российском Резидентстве и обязанности первого драгомана... После назначения в Бухару советского комиссара мне было предложено помочь в организации и налаживании работы по восстановлению нормальных отношений с Бухарой, состоя при комиссаре, на что я охотно согласился». В апреле 1918 г. для решения вопросов, связанных с деятельностью Туркестанского народного университета, командирован в Москву, откуда вернулся лишь через два года. Позже — на научной и преподавательской работе в Ташкенте, прерванной в 1931 г. арестом, с последующей трехлетней ссылкой в январе 1932 г., по делу о группе профессоров и доцентов Восточного факультета Средне-Азиатского государственного университета. Доктор исторических наук (1942), член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР (1943) и директор Института по изучению восточных рукописей АН УзССР (1943–1948), действительный член Академии наук Таджикской ССР (1951) и директор Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (1951–1958). Автор ряда ценных работ об эмирской Бухаре: Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Таш., 1929; Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад, 1954; К прошлому Бухары // *Айни С.* Воспоминания. М.-Л., 1960. С. 581–1015). Умер 16 ноября 1958 г. (Подробнее см.: *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов. Научно-биографический очерк. М., 1971).

ТИМОФЕЕВ Александр Георгиевич*. Род. в 1867 г. Окончив юридический факультет С.-Петербургского университета, с 1894 г. состоял там приват-доцентом по кафедре уголовного права. Защитив диссер-

тацию: «История телесных наказаний в русском праве» (СПб., 1897; 2-е изд., перераб и доп. СПб., 1904), вызвавшую бурную полемику и имевшую, как указывалось в одном из отзывов, «такой успех, который не всегда выпадает на долю ученых трудов», удостоен степени магистра уголовного права. (см.: Мнение ординарного профессора П.Е. Казанского о диссертации А.Г. Тимофеева... Одесса, 1905; Тимофеев А.Г. Ответ моим критикам. СПб., 1905). Автор работ: «Речи сторон в уголовном процессе. Практическое руководство» (1897), «Очерки по истории красноречия» (1898), «Судебное красноречие в России. Критические очерки» (1900), «Конспект лекций по законоведению» (1901), «История С.-Петербургского Коммерческого Училища» (в 2-х т., 1901–1902), «История С.-Петербургской биржи» (1903), «Самоуправление и автономия» (1906), «Государство и государственная власть» (1906), «История государственной власти в России» (1907), «Исторический очерк Ярославской биржевой артели в Санкт-Петербурге» (1914). Сотрудничал в «Журнале Юридического Общества», «Северном вестнике», «Тюремном вестнике», «Журнале Министерства юстиции» и др. изданиях, в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (ст.: «Следствие», «Судебное красноречие», «Судебная реформа в России», «Телесные наказания», «Уголовная статистика» и т. д.; см. о нем там же: Т. XXXIII, с. 189) и «Большой энциклопедии сельского хозяйства» (ст.: «Самовольное пользование», «Сберегательные кассы», «Синдикаты», «Собственность»). Одновременно преподавал в С.-Петербургском Императорском коммерческом училище и Интендантской академии, где читал лекции по законоведению, политической экономии и финансовому праву, и состоял директором мужского коммерческого училища. Выйдя в отставку в чине действительного статского советника, выразил желание поступить на службу по ведомству МИД и, назначенный 28 июля 1915 г. нештатным консульским агентом в Карадаге, фактически возглавил судебную часть генерального консульства в Азербайджане, замещая, как старший по чину, Д.Д. Беляева во время его отлучек из Тавриза.

Ходатайствуя перед МИД о назначении Тимофеева управляющим вице-консульством в Соуджбулаге, Беляев в письме В.О. Клемму, от 12 августа 1916 г., пояснял: «Эта комбинация дала бы Д.С.С. Тимофееву известное материальное обеспечение. Как известно Вашему Превосходительству, названный Тимофеев никакого содержания не получает и не пользуется ни квартирой, ни отоплением, ни освещением, ни казенной прислугой. Работает он для Генерального Консульства весьма много и весьма продуктивно. Помимо взятого им на себя ведения судебных дел, которые, думаю, ни в одном Консульстве не решаются так быстро, как теперь в Тавризе, Д.С.С. Тимофеев с

необычайным интересом, энергией и светлым умом работает по ряду вопросов: школьному, малиатному, организации бухгалтерии Консульства и т. п. Словом, нет той отрасли консульского дела, в которую охотно бы не входил названный Д.С.С. Тимофеев и в которой он быстро бы не осваивался. Прямо совестно становится эксплуатировать его искреннее желание работать на пользу нашего дела. Как щепетильно он относится к вопросам о посторонних заработках, Ваше Превосходительство можете судить по тому, что после смерти юрисконсульта Тавризской железной дороги ему было предложено стать юрисконсультом дороги; он принял, было, это место, но, занявшись судебными делами в Генеральном Консульстве, решил отказаться от этого места с окладом в 3000 рублей... только для того, чтобы быть вполне независимым в своих судебных решениях. Между тем самое большее, что я мог бы ему предложить, это жалование Карадагского Агента, то есть какие-нибудь 125 рублей, равные 40 туманам». Но Клемм ответил Беляеву, что «г. Тимофеев не обладает нужным опытом в консульских делах и достаточными знаниями местных языков, не говоря уже о том, что лично о нем имеются отзывы Минорского как о человеке с некоторыми странностями и даже как будто не совсем нормальном». Узнав, что МИД отказал ему в праве подписи решений консульского суда, а новый посланник Н.С. Эттер распорядился провести ревизию «дела Мамедовых», обиженный недоверием Тимофеев обратился 23 августа к Беляеву с просьбой освободить его от исполняемых обязанностей, ибо, заявлял он, «я не могу работать дальше без определенных полномочий, власти и хотя бы самой маленькой канцелярии (2–3 служащих и писцов), не имея возможности установить правильное движение дел, причем ответственность за эти дела формально лежит на консуле, что еще более затрудняет мое положение, так как Министерство делает замечания по поводу моих ошибок (к счастью, в действительности не существующих) консулу...» Считая, что он уже достаточно поднял «престиж русского суда» в Азербайджане, Тимофеев просил оставить за ним место юрисконсульта генерального консульства, хотя бы и без содержания, но Эттер и товарищ министра В.А. Арцимович высказались против предоставления ему какого-либо официального статуса.

Вернувшись на должность юрисконсульта Тавризской железной дороги, весной 1917 г. арестован «Русским комитетом» в связи с доносом, что «генерал», как величали его в Персии, «выражал крайнее негодование» свержением в России монархии. «Ввиду протеста начальника дороги и служащих, — говорилось в полученном шахским правительством донесении, — комитет назначил собрание в Русском клубе для выяснения этого дела. Присутствовало большое число пер-

сов. Высказывались в пользу генерала ввиду его любезного обращения со всеми. При рассмотрении дела выяснилось, что большинство присутствующих мусульман, армян и русских, свыше 1000 человек, на стороне Тимофеева. Об Эмире Нуяне [авторе доноса — В.Г.] слышались неодобрительные отзывы. Собрание отнесло Тимофеева на руках». Уже 16 апреля поверенный в делах В.Ф. Минорский, ссылаясь на сведения из «верного источника», уведомлял МИД, что «в Тавризе Тимофеев ведет сильную борьбу с Консульством, агитируя будто бы против Столицы». Последний же, комментируя 23 июня вынужденную отставку азербайджанского пищика Сердар Решиды и отмечая, что в числе центральных фигур местного либерального движения выступает ...«известный Миссии «генерал» Тимофеев», далее замечал: «Профессор А.Г. Тимофеев, как человек юридически образованный и обладающий известным жизненным опытом, является для персидских партий ценным приобретением. Помимо лица, направляющего деятельность партий, последние нашли в А.Г. Тимофееве вдохновителя и составителя всех тех проектов преобразований, которые предполагается ввести в различные сферы управления краем. Если бы А.Г. Тимофеев обладал более уравновешенным характером и менее пылким юношески-увлекающимся темпераментом, его участие в персидском движении можно было бы только горячо приветствовать. Тем не менее думаю, что и ныне при известных отношениях, основанных на полной с его стороны искренности, он, быть может, и не будет вреден для русского дела в Азербайджане. Мне известен составленный г. Тимофеевым проект учреждения хлебной комиссии и передачи в ее руки всего дела снабжения хлебом населения Азербайджана». Позже, 6 августа, Столица докладывал, что «советником и идеальным вдохновителем» Персидской демократической партии «Мутеракиун Ираниан» состоит «г. Тимофеев, игравший в начале ее зарождения большую роль благодаря своим демагогическим приемам, но теперь слегка стушевавшийся, будучи поставлен самой партией на положение, которое он и должен занимать по своей роли советника». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11706 [Д.С.С. Тимофеев, Прикомандированный к Генеральному Консульству в Тавриз. 1915–1917 гг.], л. 48; д. 11276, л. 2; д. 476 [Тавриз. Донесения генерального консула. 1917 г.], л. 58–59, 72; д. 486 [Тавриз. Входящие телеграммы. 1917 г.], л. 63).

В августе 1918 г. в связи с отъездом управляющего Тавризской железной дорогой И.Х. Мамацева назначен его заместителем. Не желая, по мнению временно управлявшего генконсульством А.Ф. Гарейзе, сдать полномочия А.И. Трескинскому, решил устранить соперника «путем передачи дороги и флотилии в полное ведение персов». Перейдя на персидскую службу и будучи назначенным 15 мая 1919 г.

Правительство Туркестанской советской республики, избранное на 7-м Чрезвычайном съезде Советов. Во втором ряду сидят: 5-й слева — председатель Совнаркома К.Е. Сорокин, за ним — председатель ТуркЦИК А.А. Казаков и его заместители Г.А. Темлянцева (?) и К.Я. Успенский, выше стоят: комиссар просвещения С. Абдусаттаров и заместитель председателя ТуркЦИК Т. Рыскулов. (Апрель 1919 г.)

Празднование второй годовщины Октябрьского переворота в Ташкенте. Верхний ряд (справа налево) — нарком просвещения С. Абдусаттаров, экс-председатель ТуркЦИК А.А. Казаков, 5-й — М.П. Кафанов. (1919 г.)

У ворот ташкентского «Исправительного Рабочего Дома». 4-й слева — военный комиссар Туркеспублики Н.Я. Федермессер, в центре — глава ТуркЦИК И.А. Апин, справа от него — член Исполбюро Крайкома РКП(б) П.А. Кобозев. (Ноябрь 1919 г.)

Ф.И. Колесов, туркестанский пред-
совнаркома в 1917–1918 гг. (1918 г.)

К.Я. Успенский, зам. предсовнаркома
и председателя ТуркЦИК в 1918–1919 гг.
(Фото из следственного дела. 1938 г.)

З.И. Печатников, старший товарищ
председателя ТуркЦИК в 1918 г., пол-
пред в Бухаре в 1919 г. (1930–е гг.)

А.А. Казаков, председатель ТуркЦИК
в апреле-октябре 1919 г. (1930-е гг.)

И.А. Апин, председатель ТуркЦИК
в октябре-декабре 1919 г. (1930-е гг.)

И.Р. Фонштейн, председатель
Реввоентрибунала Туркфронта
в 1919–1920 гг. (1930-е гг.)

Ш.З. Элиава, председатель
Турккомиссии ВЦИК
и Совнаркома РСФСР. (1919 г.)

В.В. Куйбышев и М.В. Фрунзе,
члены Турккомиссии ВЦИК
и Совнаркома РСФСР. (1920 г.)

Г.И. Бройдо, глава Отдела внешних сношений при Турккомиссии. (1920 г.)

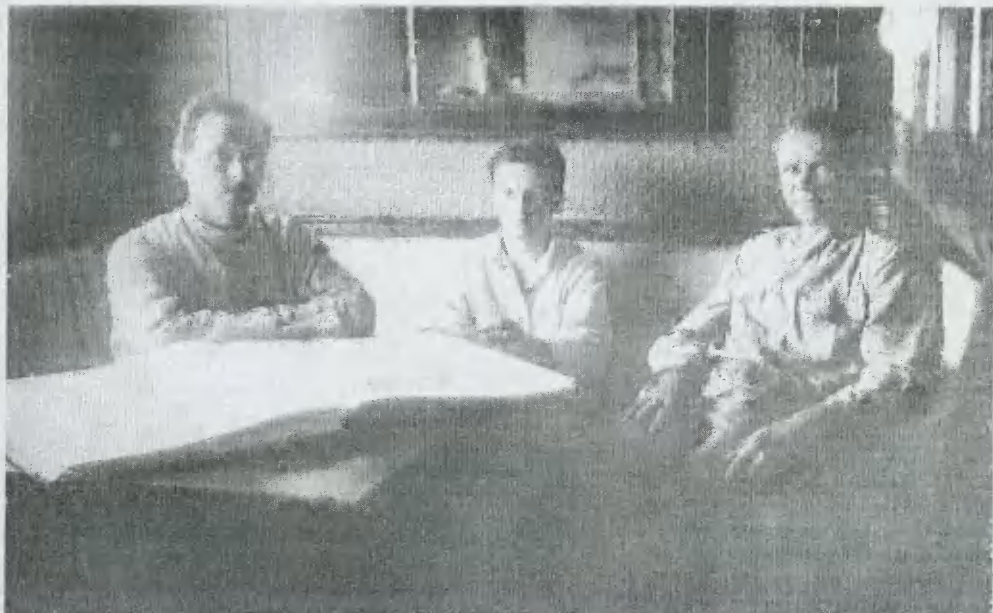
Д.Ю. Гопнер, уполномоченный НКВД в Туркестане в 1920-1921 гг. (1917 г.)

Г.И. Бройдо. (1920-е гг.)

А.Е. Аксельрод, полпред РСФСР в Бухаре в 1920 г. (1930-е гг.)

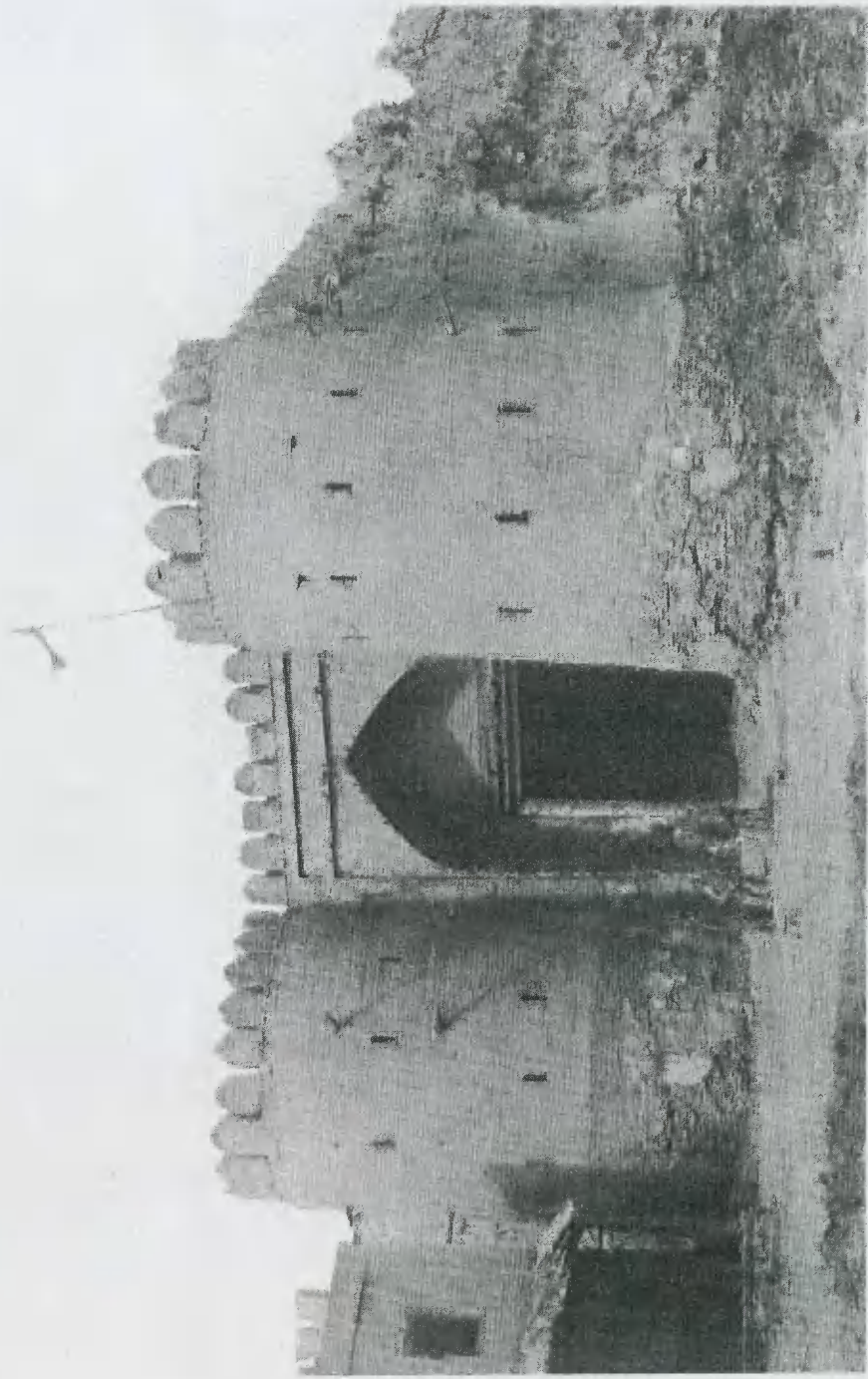
Председатель Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б) Г.Я. Сокольников со своими коллегами Г.И. Сафаровым и Я.Х. Петерсом в штабном вагоне. (1920 г.)

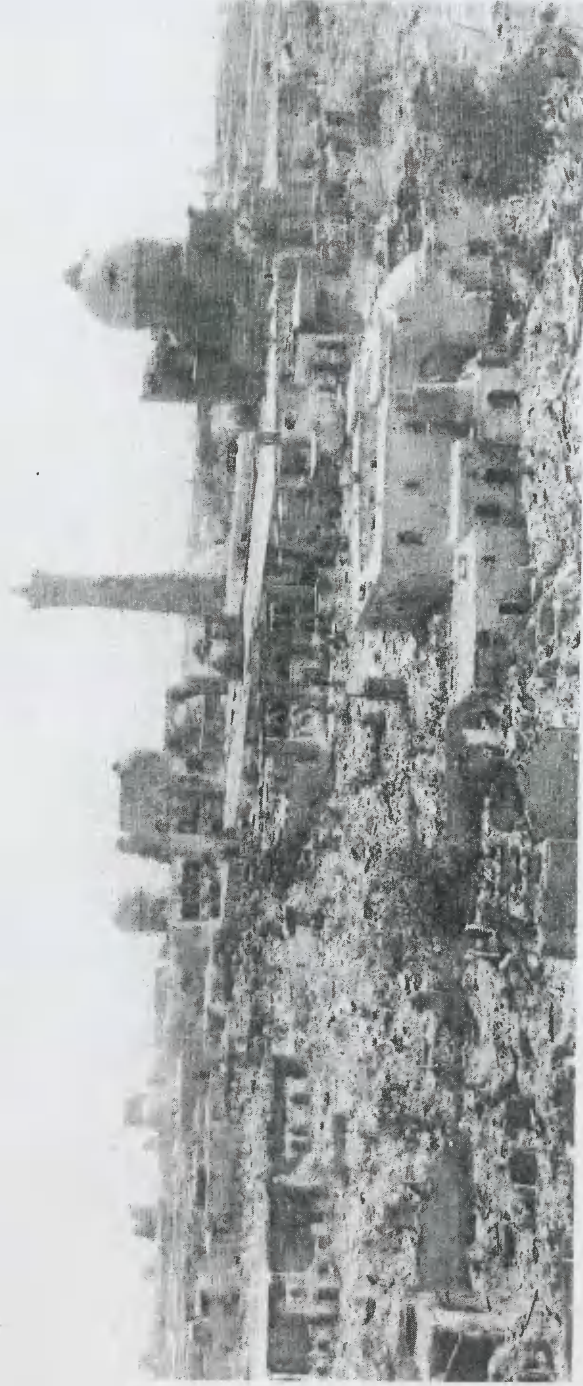
Члены нового и старого составов Турккомиссии: Г.И. Сафаров, Г.Я. Сокольников, Я.Х. Петерс, Г.И. Бокий, М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышев. (1920 г.)

Бухарские повстанцы. (1920 г.)

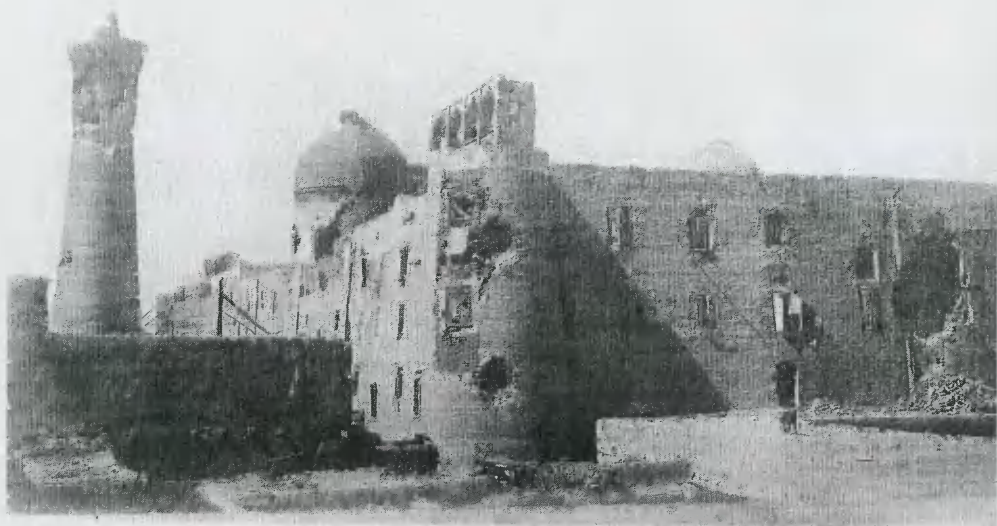
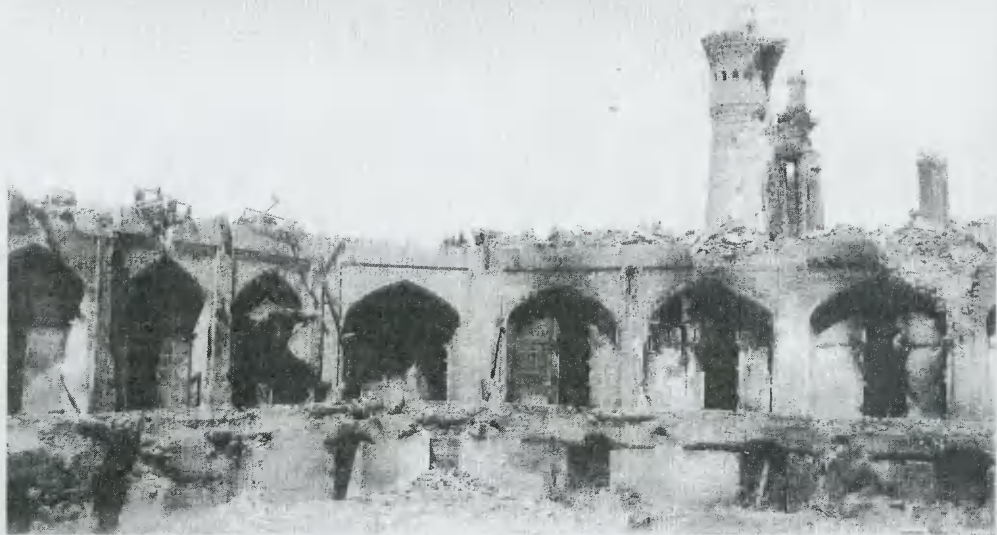
Красное знамя над Салаханскими воротами. Старая Бухара. (1920 г.)

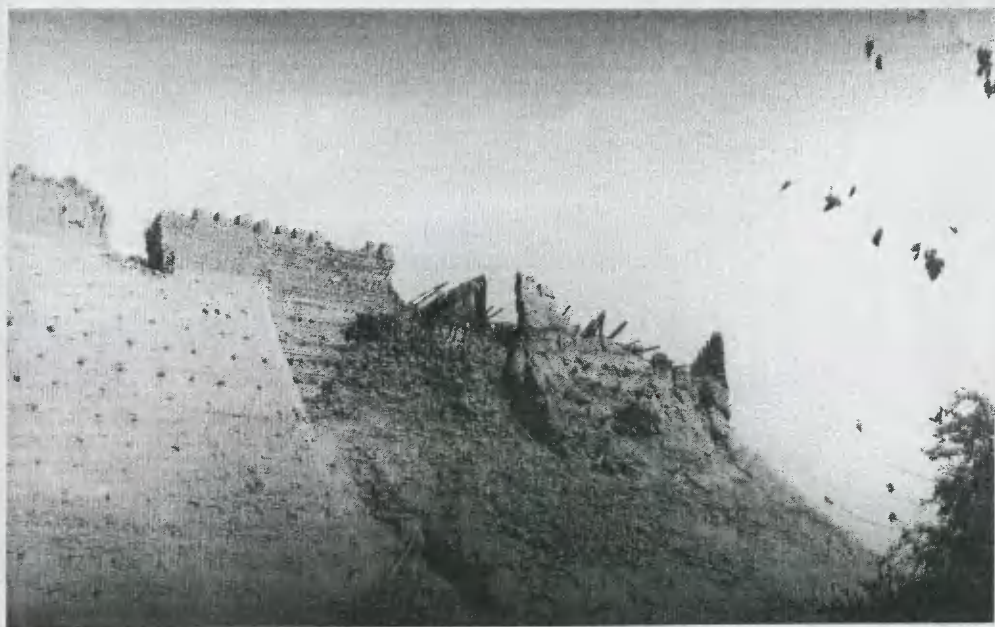
Панорама бухарской столицы после взятия ее советскими войсками. (1920 г.)

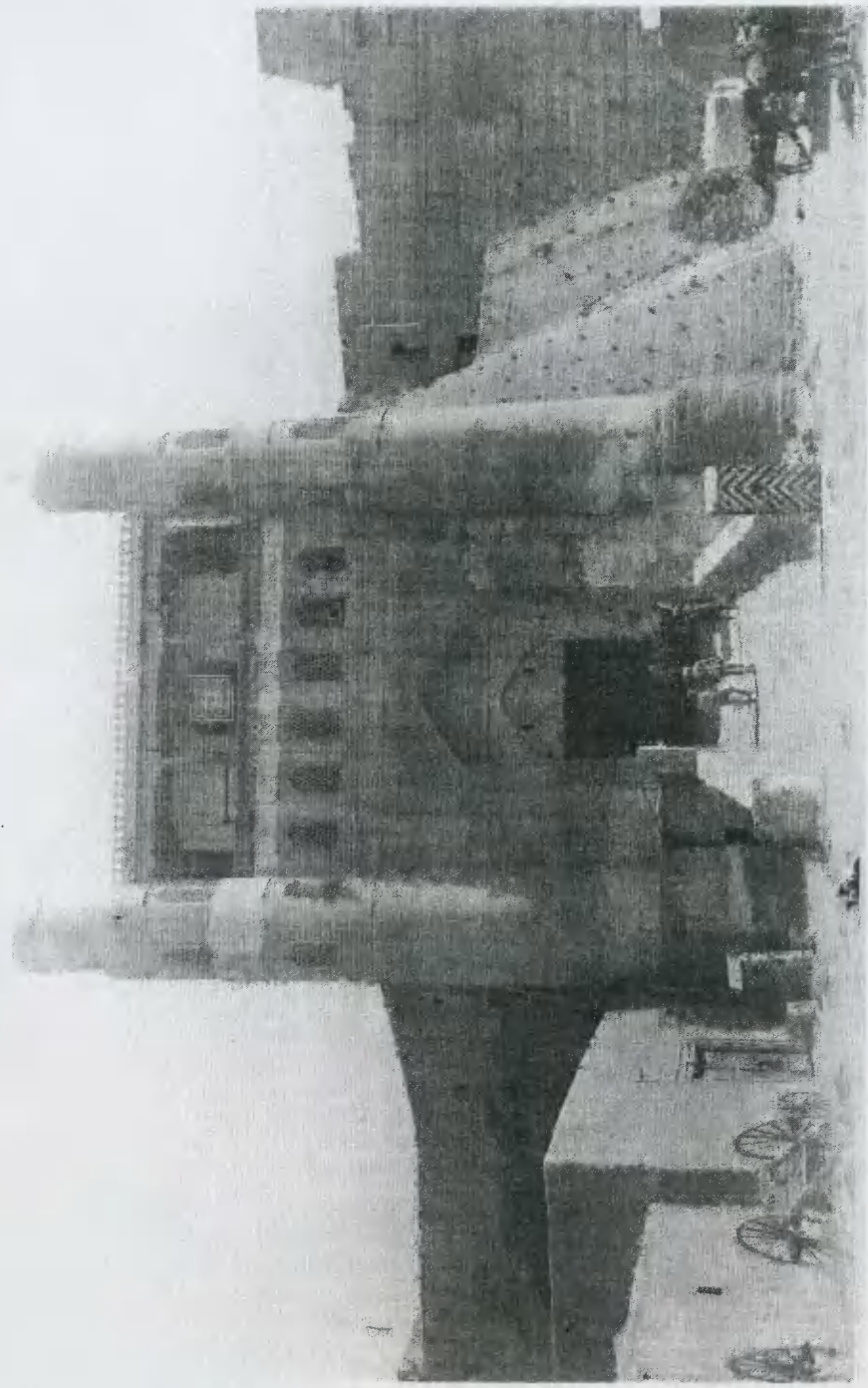
Вид поверженной Бухары. (1920 г.)

Виды поверженной Бухары. (1920 г.)

Виды поверженной Бухары. (1920 г.)

Старая Бухара. Въезд в Арк. (1920 г.)

Глава Совета назиров Ф. Ходжаев (слева) с членами Реввоенсовета Бухарской республики. (1920 г.)

1943
3-47

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Введенский

2. Имя и отчество Павлы Петрович

3. Год рождения 1880

4. Место рождения с. Мухоморова Слуцк. район. Зернол. обл.

5. Местоожительство (адрес) Москва, 2-я ул. Измайл. зав. д. №38

6. Специальность случайный

7. Место последней работы, занимаемая должность, звание преподаватель
Акад. Вн. торговли

8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (в группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культа) случайный

9. Паспорт Омск. рай. Омск. милиции г. Москва
(когда и каким органом милиции выдан, № паспорта и где прописан)

10. Партийность (в прошлом и настоящем) Бель/н
(указать стаж, когда исключен)

11. Национальность Рос. грамот. русский

12. Гражданство (подданство) СССР

13. Каким репрессиям подвергался при Совласти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что) не судим, под арестом в Ст. Аким. Бю. в 1938 году

14. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) Жена
Марьяна Павловна Введенская доц. раб. Вн. тор.
ноч. уч. издательства, Москва 2-я ул. Измайл. зав. д. №38
и дочь замужняя Анна Введенская

Подпись арестованного А. Введенский

1. Кем и когда арестован 10/IV-38г.

2. Квитанция № _____
Подпись сотрудника, заполнившего анкету Дворов

193 г.
ПРИМЕЧАНИЕ. Анкета заполняется четко, разборчиво и предоставляется до документа

«Анкета арестованного», заполненная П.П. Введенским. (1938 г.)

временным управляющим Джульфа-Таврической и Урмийской железными дорогами, обязался сдать все доходы от них и флотилии в генерал-губернаторство Азербайджана. Гарейзе настаивал на немедленной высылке Тимофеева из Персии, считая, что тот руководствуется «исключительно личными побуждениями и готов принять любые предложения и комбинации персов, не считаясь с русскими интересами и часто наперекор им». Хотя поверенный в делах А.К. Беляев санкционировал высылку, ее отложили в связи с ожидавшимся возвращением Мамацева. Но уже 23 ноября губернатор отрядил на озеро вооруженных сарбазов для овладения кассой флотилии и выставления на судах охраны, а в ночь на 2 декабря Тимофеев и один из русских офицеров шахской казачьей дивизии остановили, под угрозой обстрела, катер «Адмирал» с двумя баржами зерна и объявили их арестованными. «В настоящее время, — сообщал 8 декабря вернувшийся в управление консульством Б.Э. Блум, — суда, пристань и имущество флотилии арестованы. Тимофеев распоряжается навигацией, предъявляет насильственные требования служащим флотилии, вывесил на пристани персидские флаги». Хотя Беляев советовал пригрозить Тимофееву высылкой и предложить добровольно уехать из Персии, Блум опасался, что это может вынудить того «скрыться в германском консульстве или ином месте, сесть в персидский бест, обратиться к демократам, принять мусульманство и тому подобными способами обеспечить себе возможность новых выступлений». Предупреждая, что появление его в Закавказье может оказаться «политически вредным», Блум просил разрешить, «по увольнению Тимофеева с персидской службы, выслать его в Петровск без предупреждения». Но тот поспешил оставить Тавриз, объясняя свой отъезд тем, что его, «как большевика, собирались отправить под казачьим конвоем в Петровск для повешения». Узнав, что с целью «переговоров о товарообмене» Тимофеев выехал в Нахичевань, Блум обратился к тамошней американской миссии с просьбой не допустить возвращения «смутьяна» в Тавриз. Но, хотя 28 января 1920 г. Беляев телеграфировал Блуму: «Наше правительство уволило совершенно Тимофеева со службы и запретило ему возвращение в Персию», через два дня выяснилось, что тот — в Тавризе, хотя «в русском подданстве не регистрировался». Уже 1 марта Блум сообщал, что Тимофеев «занят, с согласия Макинского Сердара, сделкой по поставке 100 тыс. пудов пшеницы из Маку в Эривань», а на требование представить финансовую отчетность по дороге ответил категорическим отказом, поскольку, мол, затребовавший документы Трескинский является лицом, «фактически располагающим управлением при помощи английской железнодорожной миссии, посольства и других учрежде-

ний», и потому не имеет «ни малейшего права требовать отчетов от таких же управляющих, как он сам». В апреле снова уехал в Нахичевань, откуда, видимо, перебрался в Баку — столицу накануне провозглашенной Азербайджанской советской республики. (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 182, л. 1-4, 15-19, 23, 29-34, 36-40).

Привлеченный к работе в информационном отделе Совета пропаганды и действия народов Востока — бакинского филиала Коминтерна, в своем докладе «Значение современной Персии в освободительном движении на Востоке», от 5 апреля 1921 г., указывал, что деятельность большевиков в Гиляне не соответствовала провозглашенным ими принципам, давая повод говорить, «что Советская Россия превзошла в империализме во много раз старую Россию; что в Персии прежде русские действовали насилием, намеревались произвести политические и экономические захваты, но не касались ни уклада жизни, ни имущества народа, ни веры, а Советская Россия хочет, захватив Персию, а затем и Восток, военной силой, отнять имущество, уничтожить установившиеся порядки жизни и Ислам; что агенты Советской России совершенно не считаются с желаниями и стремлениями восточных народов, а кровью и железом диктуют им свою волю, и что для достижения своих целей они хотят вызвать анархию, развал и разрушение в Персии». (РГАСПИ, ф. 495 [Исполнительный комитет Коминтерна], оп. 90 [Иранская коммунистическая партия], д. 50, л. 62-63). Тогда же в отзыве на представленный Тимофеевым план по организации сбора информации в Персии указывалось на «полную невыясненность и, пожалуй, даже сомнительность политической физиономии автора», вследствие чего предлагалось отказаться от его услуг. (РГАСПИ, ф. 544, оп. 3 [Совет пропаганды и действия народов Востока], д. 45, л. 71, 74-75). Сотрудничая в советской прессе, рецензировал зарубежную литературу и писал на внешнеполитические и экономические темы, в частности: Среднеазиатский Банк, его торговые и промышленные перспективы // Жизнь национальностей. 1922. № 18. С. 2-4; Империалистическое «мирное» завоевание Персии // Новый Восток. 1922. № 2. С. 254-271 и др.; последняя из упомянутых работ вышла в 1923 г. в виде отдельной брошюры с приложением «исторических документов о действиях и замыслах международных хищников на Ближнем Востоке». Командированный на работу в Среднюю Азию, приказом президиума ВсебухЦИК от 11 декабря 1922 г. назначен членом Совета Труда БНСР, в связи с чем местные «Известия» писали: «Банковое дело, организация кредитного аппарата страны, обследование уже существующих кредитных учреждений и установление правильной финансовой политики поручено профессору А.Г. Тимофееву. Профессор Тимофеев — человек новый в Бухаре, но прекрасное знание

Востока, старый и продолжительный стаж в области экономики и финансов указывают на то, что Совет Труда поручил столь важное дело надежному исполнителю». (*Гальперин А.Я. Задачи Совета Труда // Известия ВсебухЦИК и Центрального Комитета Бухарской Коммунистической Партии, 23.12.1922, № 130*). Заведовал отделом финансов и кредита при Совете Труда и состоял заместителем начальника Финансового управления, Назирата финансов и членом Малого Совета народных назиров. Постановлением 1-й сессии Всебухарского курултая от 18 октября 1923 г. вновь утвержден замназира финансов, хотя заместитель председателя Совета Труда коммунист И.П. Кампенус еще весной жаловался на него: «Профессор Тимофеев — самовлюбленная бездарность как организатор, но талантливый интриган против всех начинаний РСФСР; этим он дорог сердцу бухарцев. Этот спец, ненавидевший все советское, нашел в Бухаре идеальную обстановку для хозяйственной контрреволюции. Он мнит себя в безопасности...» (РГАСПИ, ф. 17 [ЦК КПСС], оп. 86 [Бюро Секретариата ЦК], д. 135, л. 34).

УМНЯКОВ Иван Иванович*. Род. 23 июля 1890 г. в Петрозаводске в семье офицера, дослужившегося до чина полковника; из дворян. Окончил факультет восточных языков Петроградского университета с дипломом 1-й ст. (удостоился золотой медали за сочинение на тему: «Сопоставить известия Наршаки и арабских географов о топографии Бухары с данными о современном городе») и Учебное отделение восточных языков при МИД, после чего 26 мая 1916 г. определен на службу по ведомству Министерства с назначением исправляющим должность студента Миссии в Пекине. Задержан в Петрограде, где под руководством секретаря VII класса Среднеазиатского отдела МИД С.В. Жуковского «занимался разбором четырех турецких и одного персидского буквенных ключей». Командированный в Бухару на усиление штата Политического агентства, 26 октября прибыл к месту службы и 17 ноября назначен исправляющим должность второго драгомана, причем два дня спустя В.О. Клемм сообщил Н.С. Эттеру, что «лицо, зарекомендовавшее себя в последнее время в Министерстве по разбору криптограмм на восточных языках, ныне находится в Бухаре...» Коллежский секретарь (1916). (АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 206, л. 4; ф. 147, оп. 486, д. 3696 [Умняков И.И.: командирование его в Бухару. 1916 г.], л. 1, 8). После свержения Временного правительства перешел на советскую службу и заведовал канцелярией полпредства в Бухаре. С октября 1920 г. — научный сотрудник Ташкентского университета по кафедре истории мусульманского Востока, с февраля 1921 г. — преподаватель Туркестанского Восточного института. Командированный летом в Петроградский университет для научной

стажировки, зачислен сотрудником его Исторического института. Вернувшись в Ташкент осенью 1923 г., продолжал преподавательскую работу и состоял ученым секретарем и заведующим секцией охраны памятников Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. С 1929 г. работал в Центроархиве и Средне-Азиатской государственной библиотеке. Автор научных работ: К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары // Сборник Туркестанского Восточного Института в честь проф. А.Э. Шмидта. Таш., 1923. С. 148–157; Бартольд В.В. По поводу 30-летия профессорской деятельности // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Таш., 1926. Вып. 14. С. 175–202; К истории новометодной школы в Бухаре // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Таш., 1927. Вып. 16. С. 81–100; Рабат-и-Малик // Сборник в честь В.В. Бартольда. Таш., 1927. С. 179–192; Изучение культуры и быта Средней Азии в 1920–1927 гг. // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 341–349; «Абдулла-намэ» Хафизы Таныша и его исследователи // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930. Т. V. С. 307–328 и др. Арестованный 7 мая 1931 г. в числе одиннадцати профессоров и доцентов Восточного факультета САГУ, впоследствии писал: «Мне и моим коллегам по факультету было предъявлено обвинение по ст. 58 УК РСФСР. 25 октября того же года я был из-под ареста освобожден и продолжал работать в Средне-Азиатской государственной библиотеке. Затем, по постановлению коллегии ОГПУ, в конце января 1932 г. я в числе других моих коллег должен был покинуть Ташкент. Местом административной высылки (сроком на 2 года 3 месяца) мне был определен г. Архангельск. Не имея возможности работать в этом городе по своей прямой специальности, я переключился на амплуа плановика-экономиста...» В 1932–1934 гг. служил на ремонтно-механическом заводе «Лесосудомашстроя», в рыбтресте и энергокомбинате «Северолеса». (Германов В. «Восточный фронт» // Восток. 1996. № 3. С. 119). Вернувшись в Среднюю Азию, с 1939 г. преподавал в Педагогическом учительском институте им. А.М. Горького и Узбекском государственном университете им. А. Навои в Самарканде. Кандидат исторических наук (1942), доцент (1943), профессор (1956), заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1958). Соавтор многократно переиздававшейся кн.: «Самарканд. Справочник-путеводитель» (Таш., 1956, 1958, 1962, 1967; М., 1972 — на англ. яз.; М., 1973 — на фр. яз). В 1961 г. награжден орденом Ленина. Скончался 21 февраля 1976 г. (См.: Лукин Б.В. Иван Иванович Умняков как ученый-востоковед и общественный деятель // История материальной культуры Узбекистана. Таш., 1962. Вып. 3. С. 158–168).

УСПЕНСКИЙ Иван Александрович*. Род. 13 мая 1883 г. во Владимире в семье учителя мужской гимназии; из потомственных дворян. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом 1-й ст. и Учебное отделение восточных языков при МИД, 2 июня 1909 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. Назначенный студентом Миссии в Тегеране, в течение долгого времени не мог продвинуться по служебной лестнице из-за чрезмерного пристрастия к спиртным напиткам. Уже 28 августа 1910 г. посланник С.А. Поклевский-Козелл предупредил МИД: «Командирование в Урмию алкоголика, хотя бы находящегося на пути к выздоровлению, считаю совершенно невозможным». Откомандированный в ноябре на усиление личного состава генерального консульства в Тавризе, в марте 1911 г. возвращен в Тегеран. Лишь в феврале 1912 г. приступил к исполнению обязанностей секретаря вице-консульства в Хое, где с 1 июля служил секретарем и драгоманом, однако уже в марте 1913 г. вице-консул Г.В. Чирков ходатайствовал «о разрешении Успенскому отпуска — для врачебной помощи». Сменив уехавшего в отпуск С.П. Голубинова, 29 августа вступил в управление вице-консульством в Урмии, но, как сообщал заведовавший разведкой Азербайджанского отряда капитан Котович, на торжественном обеде в «день Тезоименитства Государя Императора», 6 декабря, произнес тост за турецкого консула «в столь повышенном и неуместно воинственном тоне», что вызвал всеобщее замешательство. Объясняя инцидент «опьянением г. Успенского, который вообще быстро поддается влиянию винных паров, против чего давно, но безуспешно борется», Котович подчеркивал, что «временный управляющий Вице-Консульством ни по знанию местных условий, ни по личным качествам не может быть признан деятелем, соответствующим этому труднейшему из районов Азербайджана». Пересылая рапорт капитана в МИД, начальник отряда выражал сожаление, что «воздействия г. Чиркова не принесли желаемого отречения г. Успенского от его пагубной привычки к вину, которой он, по видимому, неизлечимо болен». На письме — пометка В.О. Клемма: «Очень печально! Надо убрать Успенского. Можно было бы тотчас по приезде Орлова временно перевести его в Тавриз для исправления обязанностей Секретаря Генерального Консульства...» Сдав 7 февраля 1914 г. управление вице-консульством П.П. Введенскому, выехал в Тавриз, где оставлен для усиления личного состава генерального консульства (несмотря на последовавшее еще 29 января назначение его драгоманом в Бушир), но 12 сентября обратился к генеральному консулу А.А. Орлову с просьбой исходатайствовать ему краткосрочный

отпуск «для поправления своего расстроенного здоровья». Командированный в феврале 1915 г. «с особым поручением в Москву для занятий при Московском Главном Архиве МИД», вернулся в Тавриз только в ноябре. С 8 апреля до 8 июня 1917 г. временно управлял генконсульством, приняв его у Д.Д. Беляева, но новый генеральный консул С.Н. Столица писал 15 июля Клемму, что Успенский «в ожидании получения какого-либо самостоятельного поста или управления работает уже не с достаточным рвением и охотой. Кроме того, отъезд Успенского отсюда был бы даже желателен по той причине, что чересчур долгое его здесь пребывание создало у него слишком тесные связи с некоторыми кругами здешнего общества, от которых ему трудно отделаться и в служебных делах». Вслед за этим, 4 августа, посланник Н.С. Эттер известил МИД, что Успенский «ходатайствует об отпуске по болезни и для устройства дел после смерти отца. Столица не видит препятствий...» (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11746 [Успенский И.А. Дела чиновников МИД. 1910–1917 гг.], л. 2–5, 17, 25, 27, 36, 41, 46, 72, 74; д. 11676 [Столица С.Н. 1915–1917 гг.], л. 69).

ЧИРКИН Сергей Виссарионович*. Род. 1 апреля 1875 г. в Твери в семье коллежского советника, служившего начальником Удельной конторы Московского округа. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому отделу с дипломом 1-й ст. и Учебное отделение восточных языков при МИД, 22 мая 1902 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. 8 января 1903 г. назначен студентом Миссии в Тегеране, 25 апреля — секретарем и драгоманом консульства в Исфагане, где пробыл до января 1906 г. (см. его донесения: Буширо-Ширазский караванный путь // СКД. 1905. Вып. 2. С. 109–137; Хлопководство в Исфаганском округе // Там же. 1905. Вып. 6. С. 438–441; Производство опиума и кальянного табака в округе Исфагани // Там же. 1906. Вып. 6. С. 482–492). С марта 1906 г. работал секретарем генерального консульства в Бомбее, куда был назначен еще 14 июля 1905 г.; в 1907–1910 гг. — управляющий генеральным консульством (см. его донесение: Торговля Индии // СКД. 1910. Вып. 4. С. 269–278). Встречавшийся с ним в Бомбее профессор Ф.И. Щербатской в письме В.А. Жуковскому, от 4 февраля 1910 г., указывал, что «и [сполняющий] о [бязанности] консула Чиркин — очень обязательный и хороший человек». (Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 254). С 23 ноября 1910 г. — секретарь генерального консульства в Сеуле. Командированный 28 мая 1914 г. в Ташкент «для временного исполнения обязанностей Чиновника Министерства по дипломатической части при Туркестанском Генерал-Губернаторе», 24 января 1915 г. назначен «причисленным к Министер-

ству» с возложением обязанностей означенного чиновника. «Чиркин, находясь ближе к солнцу, то есть к генерал-губернатору, берет во всем его сторону, — жаловался В.О. Клемму политический агент в Бухаре А.К. Беляев 18 декабря 1914 г. — Вероятно, ему, как новичку, неизвестно, что отрицательное отношение к Агентству составляет для ташкентских властей традицию, объясняющуюся очень просто, а именно — желанием заставить Министерство Иностранных Дел уступить место политического агента для назначения на эту должность военного. Это, конечно, не резон, чтобы отравлять существование чином Политического Агентства (в мое отсутствие из Ташкента присылали Петрову «на отзыв» разные анонимные грязные доносы про него и Шульгу, которые всякий порядочный человек бросает в корзину, а не присылает "на отзыв")». Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1909) и 2-й (1916) ст., Св. Анны 3-й ст. (1913), кавалерского креста Почетного Легиона (1909), бухарского Золотой звезды 2-й ст. (1909). Коллежский советник (1914). (АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 558 [Разрозненные документы по Бухаре], л. 29; ф. 144, оп. 489, д. 11886 [Чиркин. 1903–1917 гг.], л. 14).

Во исполнение поручения Туркестанского комитета Временного правительства 20 апреля 1917 г. выехал в Бухару, где два дня спустя вступил в управление Резидентством, но в телеграмме от 14 июня убеждал МИД предоставить ему «возможность безотлагательно вернуться к месту служения в Ташкенте», ибо, пояснял он, «никакого другого назначения до конца войны не ищущу». По мнению А.Я. Гальперина, «будучи недурным чиновником, быть может, — оказался весьма слабым на посту дипломатического представителя России». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 21). 6 сентября Областной Совдеп ультимативно потребовал отозвания Чиркина из-за его «опасной и несоответствующей своему назначению» деятельности с передачей управления Резидентством П.П. Введенскому. В связи с этим ходатайствовал перед МИД о командировании в Бухару компетентного лица для расследования основательности инкриминируемых ему обвинений. Однако новый резидент В.С. Елпатьевский предпочел занять позицию нейтралитета, ибо, сетовал Чиркин 3 октября, «в интересах предстоящей ему в Бухаре работы он считает безусловно неудобным взяться за расследование дела, могущего поставить его в положение судьи между мной и общественными организациями и, в частности, Введенским. Туркестанский Комитет, видимо, лишен возможности командировать какое-либо авторитетное лицо для этой цели. При таких условиях я считал бы возможным признать себя удовлетворенным, если бы Министерство открытой телеграммой высказало, что, вопреки данной Бухарским Исполнительным Комитетом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов характеристике моей

деятельности, не находит в таковой за время моего пятимесячного управления Резидентством ничего опасного и предосудительного...» В ответной телеграмме от 5 октября А.А. Нератов уведомлял Елпатьевского: «В поступивших данных о деятельности Чиркина в Бухаре не усматривается ничего предосудительного или опасного, а напротив — признаем последнюю соответственной указаниям Правительства. К отъезду Чиркина в Ташкент не встречаем препятствий». Десять дней спустя В.И. Некрасов сообщил о намерении выставить его кандидатуру на пост генерального консула в Калькутте. (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3726, л. 422, 424, 450, 412).

ШУЛЬГА Николай Андреевич*. Род. 13 мая 1883 г. в Овруче Во-лынской губ. в семье врача. Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому отделу с дипломом 1-й ст. и Учебное отделение восточных языков при МИД, 6 июня 1908 г. определен на службу по ведомству Министерства с причислением к Первому Департаменту. Командированный 23 июня 1909 г. в Бухару на усиление личного состава Политического агентства, 13 июля 1910 г. назначен студентом Миссии в Тегеране с временным оставлением в Бухаре. С 27 сентября 1911 г. — драгоман Политического агентства, с 1 июля 1914 г. — его первый драгоман, с апреля 1916 г. — исполняющий обязанности первого секретаря, в каковой должности утвержден с 15 октября. Несмотря на сложившийся в литературе, под влиянием сочинений С. Айни и Ф. Ходжаева, негативный образ Шульги, дипломатическое начальство высоко ценило его «полезную и ревностную деятельность», и политический агент А.К. Беляев, ходатайствуя в ноябре 1914 г. о награждении драгомана орденом Св. Анны 3-й ст., писал министру С.Д. Сазонову: «Прекрасно владея местным языком и зная до тонкости бухарские обычаи и весь уклад туземной жизни, г. Шульга является тем более ценным сотрудником, что благодаря упомянутым качествам, соединенным с отменным тактом и выдержкой, он пользуется большими симпатиями и доверием у бухарских властей и местного населения». В свою очередь временно управлявший Политическим агентством Б.В. Андреев в телеграмме в МИД от 21 августа 1915 г. указывал, что «Шульга находится со всеми в идеальных отношениях и весьма популярен». В связи с отъездом Беляева принял 21 мая 1916 г. временное управление агентством, которое в октябре сдал А.Я. Миллеру. В донесении от 17 марта 1917 г. новый политический агент также хвалил Шульгу за прекрасное знание местных условий и «неизменный удивительный такт». (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 149). Надворный советник (1916). Кавалер орденов Св. Станислава 3-й (1911) и 2-й (1916) ст., Св. Анны 3-й ст. (1915) и бухарского Золотой звезды 2-й ст.

(1912). По утверждению Ф. Ходжаева, являлся «сочинителем» эмирского манифеста о реформах в Бухарском ханстве. (Ходжаев Ф. Избр. труды: В 3-х т. Таш., 1970. Т. 1. С. 102). После их провала отозван в Петроград, куда выехал вместе с резидентом А.Я. Миллером в ночь на 21 апреля. В октябре 1917 г. назначен секретарем VI класса в Третьем Политическом (Среднеазиатском) отделе МИД. (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3736 [Шульга, коллежский секретарь, прикомандированный к 1 Департаменту: командировка его в Бухару. 1909–1917 гг.], л. 5; ф. 144, оп. 489, д. 11986 [Шульга Н.А. Дела чиновников МИД в Персии. 1909–1917 гг.], л. 8).

ЭТТЕР (фон Эттер) Николай Севастианович*. Род. 13 августа 1865 г. в С.–Петербурге в семье командира батальона Лейб-гвардии Семеновского полка полковника С.П. Эттера, который в том же году назначен флигель-адъютантом императора, в 1869 г. произведен в генерал-майоры, в 1874–1877 гг. командовал Семеновским полком и со времени русско-турецкой войны — бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии, а в 1881 г. дослужился до звания генерал-лейтенанта и должности начальника 1-й Гренадерской дивизии; из дворян Велико-го Княжества Финляндского. Окончив Пажеский Его Императорского Величества Корпус, 17 ноября 1886 г. определен на службу по ведомству МИД с причислением ко II-й Экспедиции при Канцелярии Министерства. 15 августа 1892 г. назначен третьим секретарем Канцелярии МИД, 14 июля 1893 г. — вторым секретарем Миссии в Копенгагене, откуда 21 февраля 1897 г. перемещен на должность второго секретаря Посольства в Париже. С 29 августа 1899 г. — секретарь Дипломатического агентства в Болгарии. 29 октября 1901 г. назначен генеральным консулом в Канее, 12 марта 1904 г. — первым секретарем Посольства в Мадриде, 21 июля 1906 г. — в Париже, 27 июня 1909 г. — советником Посольства в Лондоне. Камергер Двора Его Императорского Величества (1907), действительный статский советник. Получив 20 января 1915 г. «лично звание чрезвычайного посланника и полномочного министра», командирован в Тегеран, куда прибыл 19 апреля, для управления тамошней Миссией; 1 августа «всемилоостивейше повелено быть чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском Дворе». Как язвительно отмечал его предместник И.Я. Коростовец, будучи «чистокровным финляндцем», которого трудно было заподозрить в русофильстве, «пленил персов мягкостью обращения и обворожил тегеранских дипломатов, называвших его «европейцем». (АВПРИ, ф. 340, оп. 839, д. 13, л. 153). Пользуясь поддержкой двора великой княгини Марии Павловны и министра С.Д. Сазонова, добился усиления русских войск в Казвине и в ноябре уговорил Ахмедшаха, собиравшегося выехать в Кум вслед за депутатами меджлиса, не

оставлять столицу, благодаря чему удалось сохранить нейтралитет Персии и предотвратить ее присоединение к германо-турецкому блоку. В августе 1916 г., опасаясь, что Тегеран будет оставлен, разрабатывал планы эвакуации шаха, чем вызвал неудовольствие главнокомандующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича, требовавшего от МИД воздействовать на Миссию, дабы «она не теряла головы», ибо, как пояснял начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, «в настоящей великой войне Персия и ее дела стоят едва ли даже на третьем месте, и неудачи там имеют лишь временное значение». Но МИД выступил в защиту Эттера, и товарищ министра А.А. Нератов заверял его 13 сентября: «Министерство вполне одобряет Ваш образ действий и не преминуло в свое время засвидетельствовать перед Ставкой, что оно не видит оснований упрекать Вас в излишней нервности и поспешности». Кавалер орденов Св. Анны 2-й ст. (1906), Св. Владимира 3-й ст. (1914), Св. Станислава 1-й ст. (1916) и многих иностранных — Кавалерского (1897) и Офицерского (1903) крестов Почетного легиона, персидского Тимсаля 1-й ст. (1916) и др.

В феврале 1917 г. вызван в Петроград министром иностранных дел Н.Н. Покровским для подготовки визита Валиагда в Россию и участия в совещании по персидским делам, вследствие чего передал управление Миссией ее первому секретарю В.Ф. Минорскому. Хотя в связи с падением монархии А.Е. Крымский убеждал нового главу ведомства П.Н. Милюкова окончательно убрать Эттера из Персии, ибо «этот бездарно-невежественный человек, вредный и при старом режиме, еще более непригоден теперь», 27 июня вернулся в Тегеран. Накануне свержения Временного правительства назначен посланником в Португалию (в Персии его должен был сменить М.С. Щекин), куда так и не выехал. (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 12026 [Эттер. Управляющий Миссией в Тегеране. 1915–1917 гг.], л. 78, 81, 92, 108, 114). Отказавшись дать «немедленный ответ о согласии работать под руководством Советской власти», приказом наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого от 26 ноября (9 декабря) 1917 г. уволен со службы «без права на пенсию и на какие-либо государственные должности». (Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 43). Продолжал возглавлять Миссию в Тегеране, игнорируя советских представителей Н.З. Бравина и И.И. Коломийцева, до своего отъезда в Париж 12 мая 1919 г. Поскольку на проходившей там мирной конференции ожидалось рассмотрение персидских вопросов, Сазонов еще 15 марта телеграфировал Эттеру: «Считая полезным Ваше участие в наших работах, прошу Вас прибыть в Париж, передав временное управление Миссией А.К. Беляеву». (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 411, л. 32, 37, 46). Впоследствии жил в Финляндии, где и скончался в своем имении Борго 1 ноября 1935 г. (Возрождение, 03.11.1935, № 3805).

**КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ
ИЗ УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ ТУРКЕСТАНСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ,
ИМЕВШИХ ОТНОШЕНИЕ К СОБЫТИЯМ В БУХАРЕ В 1917–1920 гг.**

ГАЛЬПЕРИН **Абрам Яковлевич**. Род. в 1884 г. в м. Золотоноша Полтавской губ., из мещан. Получив домашнее образование, служил бухгалтером в банках; в 1905 г. отбывал воинскую повинность. Участник первой русской революции, член РСДРП; после свержения монархии — социал-демократ интернационалист. Избранный в марте 1917 г. в состав Ново-Бухарского Исполкома, состоял редактором его «Вестника» и органа Областного комиссариата русских поселений — газеты «Бухарские ведомости», в № 2 которой, от 12 июля, сообщалось, что последний «не мог выйти своевременно по причине призыва редактора А. Гальперина в действующую армию». Председатель профсоюза банковских служащих русских поселений. Делегированный от Новой Бухары на краевой съезд представителей городских самоуправлений, избран в президиум и, выступая 13 ноября, призывал добиваться освобождения всех арестованных в дни Октябрьского переворота в Ташкенте, ибо обе противоборствующие стороны, убежденные, что «защищают истинную идею свободы, ...прибегали к старым самодержавным средствам». (Туркестанские ведомости [Ташкент], 14/27.11.1917, № 177; 16/29.11.1917, № 179). В начале 1918 г. — зам. городского головы, в период «колесовского похода» — городской голова и начальник охраны Новой Бухары. В качестве члена советской делегации подписал 25 марта «Протокол дополнительного соглашения, заключенного между русскими и бухарскими уполномоченными в Кизил-Тепе». Перед отъездом на мирные переговоры заявил на красногвардейском митинге: «Колесов и другие, которых следствие, вероятно, обнаружит, захотели по заказу устроить бухарскую революцию. Колесов сам должен был потом сознаться, что широкие массы, в интересах которых он якобы действовал, не на его стороне. К несчастью, он убедился в этом слишком поздно. Тысячи невинных жертв на всем протяжении ханства, разбитые кишлаки, изнасилованные и изуродованные женщины посылают Колесову полный горя и слез вопрос: «За что?» Я не виню одного Колесова. Он — главный исполнитель заветного плана, но есть другие, которые прикрывались его именем и полагают остаться безнаказанными. Товарищи, закончив самую главную работу, не забывайте о второй, не менее важной. Когда вы разъедетесь по домам, Вы, свободные граждане Советской России, требуйте предания суду тех, по вине которых обогрилась кровью территория Бухары». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 86).

Делегированный на 5-й краевой съезд Советов, написал разоблачающую Ф.И. Колесова и его сподвижников статью «События в Бухаре», после опубликования которой в оппозиционной ташкентской газете «Новый Туркестан» (08.04.1918, № 41) власти опечатали ее типографию, а весь состав редакции подвергли аресту. Вернувшись из Ташкента в Новую Бухару, принимал активное участие в хозяйственной жизни русских поселений (см.: Экономическое влияние на Бухарском и Хивинском рынках (из доклада председателя Ново-Бухарского учетно-распределительного отдела А.Я. Гальперина Совету народного производства) // Советский Туркестан [Ташкент], 19.07.1918, № 29). Позже, опасаясь ареста, перебрался в Старую Бухару, где пользовался покровительством эмира. После прибытия Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР в Ташкент представил ей свой доклад: «Поход Колесов на Бухару в марте 1918 года. Составлено на основании официальных документов, относящихся к бухарским событиям», в сопроводительной записке к которому, от 4 декабря 1919 г., заявлял: «Поручая себя Вашему благосклонному вниманию, покорнейше прошу принять уверение в моей всегдашней готовности отдать себя и все свои силы святому делу Революции». Амнистированный, с 15 января 1920 г. служил в Бухарском отделении Отдела внешней торговли при Турккомиссии в качестве управделами, позже — заведующего статистическим отделом, но в июне был арестован по делу «Бухарской шпионской организации». В информбюллетене Особотдела Туркфронта за период с 16 по 23 ноября 1920 г. говорилось: «Гальперин Абрам. Заядлый меньшевик, действовавший против Совета и утверждения революции в Турккрае. Бежал в момент укрепления Соввласти в Старую Бухару к белогвардейцам и собирался на Кавказ в Тифлис к своим братьям как Киракосьянц (бывший управляющий отделением Сибирского торгового банка в Бухаре — В.Г.) и другие, дабы противодействовать советскому строительству. Сносился с белогвардейцами на Кавказе, имел сведения об англичанах и приглашение бежать в Англию, подписал антибольшевистский документ, направленный эмиру. Уличен документально и признался. Приговорен по амнистии к 5 летам концентрационного лагеря». (РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, д. 53, л. 60).

С 1922 г. играл видную роль в общественной и экономической жизни Бухары и состоял зам. управляющего Госбанком БНСР, членом правления контрагентства «Бухкооперативпечатъ», членом Биржевого комитета Бухарской товаро-фондовой биржи и Комитета по делам 1-го государственного 5 %-го внутреннего займа БНСР (в последний также входили «виднейшие представители купечества Бухары — Хаджи Абдурауф Караванбаш Азизов и Мирза Мухитдин Мансуров»). Постановлением Совета Народных Назиров от 12 августа включен в со-

став возглавляемой председателем Всебухарского Совнархоза М. Аминовым «Комиссии по проведению в жизнь и разработке штатов, положений и инструкций в новых учреждениях БНСР и реорганизации старых». Наряду с предсовназиром Ф. Ходжаевым, назиром просвещения А. Фитратом, секретарем президиума ВсебухЦИК А. Абусаидовым и др. избран 4 января 1923 г. в старостат первого бухарского общественно-политического клуба им. Ф. Ходжаева. На кооперативном курултае выступил 13 февраля «с обстоятельным докладом по вопросам развития кооперации», сущность которого, как сообщал местный официоз, была «зафиксирована в резолюции курултая»; избран членом правления Бухцентросоюза и назначен его консультантом. В 1922–1923 гг. сотрудничал в «Известиях ВсебухЦИК и Центрального Комитета Бухарской Коммунистической Партии» (зам. редактора газеты состоял его брат — С.Я. Гальперин), где регулярно публиковал свои статьи, в частности: «Путь кооперативного строительства в Бухаре» (26.01.1922, № 9), «БЕПО. Ново-Бухарское Единое Потребительское Общество» (09.03.1922, № 26), «Назарат финансов перед курултаем» (22.07.1922, № 82), «Деловая работа Назарата торговли и промышленности» (21, 25.07.1922, № 81, 83), «Экономические центры Бухары (Чарджуй, Кермине)» (29.11.1922, 02 и 06.12.1922, № 123–125), «Задачи Совета Труда» (20, 23 и 27.12.1922, № 129–131), «Бухарская товаро-фондовая биржа» (13.01.1923, № 2), «Леса Бухары» (22, 27.01.1923, № 6–7), «Наши хлопковые перспективы» (31.01.1923, № 8), «Туркестан, Бухара и Хорезм» (28.03.1923, № 22), «Экономическое объединение трех республик» (01.04.1923, № 23), «Советская чистка» (23.05.1923, № 33) и т. д.

Стал жертвой чистки госаппарата БНСР, начавшейся летом 1923 г. в связи с требованием Москвы о советизации правительства республики путем включения в него представителей декхан и рабочих. Следствием этого стало, в частности, смещение со всех постов Аминова, Фитрата, назира финансов С. Ходжаева и некоторых других бухарских руководителей, которым инкриминировались финансовые злоупотребления и моральное разложение. Проверявшая Госбанк БНСР комиссия пришла к выводу, что тот управлялся одним лицом — Гальпериним — и не стал проводником политики Советской власти, ибо существовал «как самодовлеющая банкирская контора, которая невольно плыла по течению рыночной жизни» и фактически превратилась в «фирму Мансуровых», предоставляя кредиты купцам, а не декханам. (*Ишанов А.И.* Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969. С. 350–351). В 1925 г. приглашен стать уполномоченным Средне-Азиатского отделения Российско-Восточной торговой палаты по Таджикистану. В списке личного состава Средне-Азиатс-

кого коммерческого банка на октябрь 1926 г. значится «доверенным в резерве» и характеризуется как «знающий дело экономист и банкивец, один из способнейших управляющих». (РГАСПИ, ф. 62 [Среднеазиатское бюро ЦК ВКП (б)], оп. 4, д. 119, л. 5). В 1931 г. привлекался по делу П.П. Введенского в качестве свидетеля.

ГОПНЕР Давид Юльевич. Род. в 1884 г. в Херсоне «в пролетарской семье». В молодости работал токарем по металлу, электротехником, бухгалтером. О своей революционной деятельности сообщал: «В РСДРП вступил в конце 1900 г. Покинул партию в августе 1914 г. В конце 1915 г. вступил в анархистскую организацию Франции. Работал в Бурже, Екатеринославе и Иваново-Вознесенске в анархосиндикалистских группах до конца 1918 г... Арестован 8 раз. Сидел 5 раз. В ссылку был отправлен 2 раза. Из тюрьмы бежал 1 раз». В 1917–1918 гг., согласно той же анкете, служил: «1) комиссаром 3-й кавалерийской дивизии, 2) комиссаром финансов Екатеринославской губ., 3) старшим инспектором ЦК текстильщиков и Иваново-Кинешемского района, 4) с осени 1918 г. — в НКВД на различных ответственных постах». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 112 [Оргбюро и Секретариат ЦК], д. 493, л. 26). По линии Наркоминдела работал в Латвии, Белоруссии, на Украине и в Туркестане, где с января 1920 г. состоял членом коллегии Отдела внешних сношений при Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Назначенный 14 апреля уполномоченным НКВД в Туркестане, восстановил против себя А.Е. Аксельрода, Г.И. Бройдо и ответственных сотрудников Отдела внешних сношений А.Н. Голубя, А.А. Машицкого и пр., обвинявших его во властолюбии, карьеризме, интриганстве, кляузничестве, не тактичности по отношению к сослуживцам и «систематическом протезировании» своей жене А.З. Виноградовой. (Подробнее см.: *Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника.* М., 2001. С. 76–78). Вместе с тем сопровождавший бухарское посольство в Москву секретарь Гопнера А.М. Брискин в докладе Н.Н. Крестинскому, от 31 августа, горячо защищал своего патрона, заявляя: «Вся работа Отдела брошена на нашего уполномоченного в Туркестане тов. Гопнера — прекрасного организатора и в высшей степени дельного и добросовестного работника, работающего с 8 часов утра до 2 часов ночи без перерыва при самых ужасных условиях (отсутствие помещения, средств передвижения, минимума жизненных удобств), от которого требуют, чтобы он делал решительно все, и в то же время связали его по рукам и по ногам членом коллегии тов. Машицким, совершенно неспособным человеком...» Брискин указывал, что Гопнер «работает как вод, одновременно заменяя и писца, и машинистку, и дипломата», но выступает против «помпа-

дурских наклонностей» туркестанских сановников: «Работники, которые подобно представителю ЦК Голощекину в пьяном виде выдают вверенные им под величайшим секретом тайны своим любовницам, несмотря на то, что его предупреждали о ней как о подозрительной по шпионству; устраивали попойки, во время которой выламывались ребра, как это было с управляющим делами Турккомиссии Рабиновичем; держат из любви к спорту дюжины верховых лошадей для собственного удовольствия как Элиава; выезжают частенько на охоту, и всякого рода другими способами доказывают туземцам превосходство Советской власти, вызывают в тов. Гопнере резкое возмущение, и он вместе с тов. Фрунзе вынужден был часто идти наперекор всей Турккомиссии и находиться на положении «enfant terrible». Понятно, что это вызывало к нему неприязненное отношение со стороны всех тех, у кого он был «бельмом на глазу», и его постарались съесть, взвалив на него и «быль и небылицу». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 84 [Бюро Секретариата], д. 79, л. 87). Весной 1921 г. и осенью 1922 г. возглавлял Чрезвычайные посольства РСФСР в Хорезмской народной советской республике; осенью 1921 г. состоял советником полпредства РСФСР в Тегеране, но не сработался с полпредом Ф.А. Ротштейном. Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 10 декабря 1923 г., утвержденном Политбюро 29 декабря, в числе десяти бывших анархо-синдикалистов и анархо-коммунистов, включая Виноградову, принят кандидатом в члены РКП(б) «с условием прохождения кандидатского стажа на общих основаниях». (РГАСПИ, ф. 17. оп. 112, д. 503, л. 6, 33). Постановлением Оргбюро ЦК от 10 марта 1924 г. передан в распоряжение Средазбюро ЦК РКП(б), которым направлен в Полторацк (Ашхабад). Работая там зам. заведующего Отделом юстиции Ревкома и прокурором ТССР, членом Ревкома и Оргбюро КП (б) Туркменистана, умер от воспаления почек 10 февраля 1925 г. Как уверял сослуживец, «последним словом, услышанным от него, было — «идея». (Гопнер Д.Ю. Последние минуты т. Гопнера. Из биографии тов. Гопнера // Туркменская искра [Полторацк], 11.02.1925, № 32; см. также: *Генис В.Л. С Бухарой надо кончать... С. 67–73*).

ДОМОГАТСКИЙ Павел Алексеевич. Род. в 1886 г., по профессии — землемер. С 1905 г. — член партии социалистов-революционеров. Арестованный, в 1908 г. сослан в Вологодскую губ. под надзор полиции. Вернувшись из ссылки в 1910 г., служил телеграфистом на ст. Брянск Московско-Киево-Воронежской железной дороги. (Наша газета [Ташкент], 30.12.1917, № 161). Во время первой мировой войны — рядовой 1-го Сибирского запасного стрелкового полка. Примкнув к левым эсерам, с 17 сентября 1917 г. — председатель исполкома Ташкентского Совета солдатских и рабочих депутатов. В качестве на-

чальника штаба революционных частей участвовал в захвате власти (см. его заметку: Октябрьские дни в Ташкенте 1917 года. [Схема военных действий] // Красная летопись Туркестана. Ташкент, 1923. № 1–2. С. 67–69). Избранный на 3-м краевом съезде Советов в состав туркестанского Совнаркома, с 23 ноября состоял «комиссаром иностранных дел и по политическим делам Бухарского и Хивинского ханств», но уже 28 ноября, перемещен на пост комиссара по земледелию, с 6 декабря — по землеводопользованию. Передав 31 декабря управление ведомством своему помощнику А.Л. Гудовичу, во главе красногвардейского отряда выехал в Оренбург для продвижения в край хлебных грузов, а затем в качестве начальника штаба советских отрядов под командованием комиссара по военным делам Е.Л. Перфильева участвовал в разгоне «Кокандской автономии». Назначенный 5 марта 1918 г. командующим войсками Туркестанского края (начальник штаба — Гудович) отправился на помощь отряду Ф.И. Колесова в Бухару, и 15 марта телеграфировал всем действующим в пределах ханства частям: «Ввиду наступления перемирия и перехода к мирным переговорам с получением сего военные действия немедленно прекратить и занять оборонительные позиции. Бухарскими властями дается рабочая сила для исправления пути. Приготовьте пленных для обмена, который будет производиться в Новой Бухаре. Примите меры к установлению нормальных отношений с местным мусульманским населением...» Накануне мирных переговоров в Кизил-Тепе заболел тифом, в связи с чем приказом от 29 марта объявлял: «Ввиду моей болезни временно передаю свои обязанности начальнику Ташкентского гарнизона тов. Белову...» (Наша газета, 19.03.1918, № 51; 03.04.1918, № 64). На 5-м краевом съезде Советов избран «комиссаром по внешним делам», но из-за болезни с 16 мая по 23 июля находился в отпуске; его обязанности временно исполнял член ТуркЦИК Х.Э. Крымов.

После подавления в Ташкенте мятежа, поднятого в январе 1919 г. комиссаром по военным делам К.П. Осиповым, назначен 5 февраля на его место и введен в состав Временного военно-революционного совета. Но уже в конце марта, докладывая в Москву о том, что «реальных последствий, предпринятых нами шагов вместе с тов. Бравиним и всем президиумом Турцика, пока еще нет», большевик П.А. Кобозев заявлял: «Державшийся враждебной нам в этом вопросе позиции военный комиссар Домогатский, бывший левый эсер, не подчинившийся даже решению своей партийной конференции и отказавшийся войти к нам в партию, теперь совершил явно провокационный шаг — самовольно сделал рассчитанный вызов Бухаре, арестовавши дипломатическую корреспонденцию из Бухары к-бухарскому ташкентскому резиденту. Сегодня он явился на съезд [Советов] пьяный, вчера

будто протестовал передо мной против смертного приговора, вынесенного революционным трибуналом над двумя юнцами осиповской банды, пойманными в горах с оружием в руках, и требовал, чтобы я отменил этот приговор». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 1, д. 8, л. 22–24). В постановлении Крайкома РКП(б) от 14 апреля говорилось: «Ввиду того, что бывший военный комиссар тов. Домогатский, исполняющий ныне обязанности военного комиссара только потому, что еще не сдал дела Военного Комиссариата избранному на 7-м Чрезвычайном съезде Советов на пост военного комиссара тов. Сафонову, является левым [социалистом]-[революционером], не присоединившимся к партии коммунистов после перехода левозсеровских организаций к коммунистическим, и что таким образом тов. Домогатский, оставаясь на платформе политически вымершей партии левых с.-р., не может быть признан ответственным перед партией, а следовательно и не может занимать, хотя бы и временно, такой ответственный пост, каким является пост военного комиссара, Крайком партии находит необходимым предложить Турцику немедленно удалить тов. Домогатского с поста военного комиссара». (Туркестанский коммунист [Ташкент], 01.05.1919, № 26). С 29 апреля по 24 мая 1919 г. — начальник Главного штаба войск Турккеспублики. Продолжал служить в Красной Армии до 1922 г., затем — на административно-хозяйственной работе. Член ВКП (б). До 1934 г. работал директором кирпичного завода в Ташкенте. Исключенный из партии, жил затем под Москвой и в Ульяновске, с 1935 г. — в Полтаве. Как вспоминает его дочь, «последние годы болел и работал в какой-то небольшой организации, кажется, бухгалтером, где начал выступать против махинаций и воровства; ...его и оклеветали». Арестован в 1938 г. В документе о его реабилитации сообщается, что умер в 1945 г. «от паралича сердца». (Архив Общества «Мемориал», ф. 1, оп. 3, д. 1494, л. 8, 15).

КАЗАКОВ Аристарх Андреевич. Род. в 1879 г. в с. Алексеевском Казанской губ. в многодетной семье столяра. Окончив трехгодичную сельскую школу и освоив столярное ремесло, с июля 1904 г. трудился на механическом заводе в Баку, а затем, переехав в октябре в Асхабад, — на Средне-Азиатской железной дороге, где в 1905 г. участвовал в забастовочном движении. Вернувшись на родину, организовал социал-демократическую группу и в 1907 г. участвовал в губернской конференции РСДРП, по возвращении с которой арестован. Высланный в Чердынский уезд Пермской губ., в сентябре бежал в Казань, а оттуда — в Среднюю Азию. Работал столяром в Кизил-Арватских железнодорожных мастерских, с конца 1911 г. — в Главных мастерских Средне-Азиатской железной дороги в Ташкенте; в 1916 г. окончил вечерние бухгалтерские курсы при коммерческом училище. После

Февральской революции 1917 г. избран в президиум Ташкентского Совета рабочих депутатов, позже — в Туркестанский Краевой Совет; с сентября — член РСДРП (б). В ночь на 28 октября арестован вместе с левым эсером К.Я. Успенским и заключен в крепость. После освобождения 2 ноября вошел в состав временного Краевого Исполкома и 6 ноября избран товарищем его председателя, выдвинут на пост комиссара по продовольствию. (Подробнее см.: *Казаков А.А. Дни борьбы // Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Таш., 1957. С. 123–132*). Командированный на Северный Кавказ для заготовки и вывоза хлеба, на 5-м краевом съезде Советов утвержден комиссаром продовольствия Туркеспублики. Участник подавления «осиповского» мятежа в Ташкенте в январе 1919 г. (см. его воспоминания: *Борьбу возглавила партия коммунистов // За Советский Туркестан. Таш., 1963. С. 357–361*). Тогда же избран председателем Временного военно-революционного совета, а в марте — председателем ТуркЦИК; с 14 апреля по 16 июня 1919 г. состоял также председателем Реввоенсовета войск Туркестанской республики, с 30 августа — членом Реввоенсовета Семиреченского фронта.

Жестоко враждовал с прибывшим 5 марта в Ташкент членом Особой комиссии Совнаркома РСФСР по делам Туркестана П.А. Кобозевым, которого обвинял в диктаторстве, интриганстве и намерении совершить «государственный переворот». 5 августа приказал начальнику Особого отдела «принять меры к немедленному задержанию сбежавшего с Ташкента гр. Кобозева», но на 4-м Чрезвычайном партийном съезде (12 сентября — 6 октября) и 8-м съезде Советов Туркеспублики (6 сентября — 4 октября) потерпел сокрушительное поражение в борьбе с более искушенным в политических интригах противником, которого поддержали делегаты из числа представителей коренных национальностей. Учрежденной партсъездом Контрольно-следственной комиссией обвинялся в неподчинении Крайкому РКП(б) и соучастии в 1918 г. в финансовой афере — «чайной панаме»: «На основании ложного предложения резидента в Бухаре Шмидта о необходимости отпуска двух вагонов чая для Бухарского Правительства, без проверки предложения и вопреки разрешению Краевого Продовольственного Отдела..., сделал общее распоряжение о выпуске всех транзитных чаев частным лицам, последствием чего был перевод выпущенных чаев не Бухарскому Правительству, а спекулянтам-иностранцам, и водворение этими спекулянтами тех же чаев в Самарканд обратно под видом заготовленного для продовольствия края в Бухаре от имени Бухарского Правительства по договору». (*Туркестанский коммунист, 20.09.1919, № 113*).

Выступая с заключительной речью 13 сентября на 8-м съезде Советов, на котором также обличался в «самодержавии» и потворстве злоупотреблениям членов подчинявшегося ему Совнаркома, с горечью заявил: «В трудный момент, вместо поддержки себе, правительство встречало осуждение. Всюду и даже в нашем партийном краевом органе чуть ли не кричали: правительство — все воры, спекулянты и пр. Председатель ТуркЦИК, глава Республики, обвиняется в «чайной панаме»! У него были даже обыски, искали чего-то и забрали два фунта сахарного песка, оставленного для детишек. И ваших товарищей грязнили и клеймили... Но где документы, подтверждающие грязные слова? Я арестовал в Бухаре Есьмана и Савченко. Где эти обвиняемые? Вместо обвинений за этими лицами — ищут обвинения за председателем ТуркЦИК. Но клеветать так нельзя! Речи говоривших по моему докладу вызывали долгие аплодисменты. Аплодировали и меньшевики, которых я видел в зале, что вот-де, как издеваются над Советской властью. Ведь не над Казаковым издевались, а над Советской властью. Можем ли мы дальше терпеть, чтобы нас так клеймили? До чего мы дошли? Дайте наболевшей душе высказаться. Ведь это только проклятые воловьи нервы выдерживают все это. До свидания. Благодарю за доверие, которое вы мне выказали на 7-м съезде Советов. Я не сошел со своего революционного пути и в порядке сдам дела тому, кого вы выберете. Судите меня строго, но судите также и того, кто нахально клеветает». (Туркестанский коммунист, 16.09.1919, № 109).

Тем не менее в постановлении съезда утверждалось, что возглавляемый Казаковым президиум ТуркЦИК «вступил в ожесточенную борьбу» с Крайкомом РКП(б), стремясь всячески унижить и опорочить отдельных его членов, «не стесняясь для этого прибегать ко всяким недостойным мерам, как-то провокации, официальному распространению ложных слухов, нарушению собственных декретов, полному игнорированию отводов Крайкома и даже дошел до ряда попыток создания незаконных комиссий и судов, чем было вызвано постановление Крайкома о предании партийному суду виновной в этом части президиума ТуркЦИК». При этом последний «настолько выпустил управление страной из своих рук, что фактически в Туркестане воцарилась самая дурная форма самодержавия вместо Советской власти, ибо слово «ТуркЦИК» и «Казаков» стали синонимами, а Казаков и Успенский — двойниками; у них оказалась своего рода придворная клика комиссаров, пьянством осрамивших Советскую республику». Все это, говорилось далее в резолюции, «вынуждает 8-й съезд Советов выразить свое полное недоверие правительству 7-й сессии и предать виновных лиц сначала партийному суду, а затем, по мере выяснения степени виновности, и суду Верховного Революционного Трибунала».

В день закрытия съезда «Туркестанский коммунист» напечатал постановление ТуркЧК, от 20 сентября, о привлечении к следствию по делу «чайной панамы» изобличенного в «бездействии и превышении власти» Казакова и его бывших сотрудников по Наркомпроду — помощника Славина и уполномоченного по заготовке чая Савченко. 12 октября та же газета опубликовала материал «Пропавшая грамота» о «ложном доносе» на Кобозева в Москву и резолюцию исполбюро Крайкома, утвержденную 10 октября совместным заседанием Крайкома и ТуркЦИК, об исключении из партии Казакова, его заместителя Г.А. Темлянцева и председателя Совнаркома К.Е. Сорокина. (Туркестанский коммунист, 04.10.1919, № 121; 12.10.1919, № 128).

Но уже 9 ноября исключенные апеллировали к прибывшей в республику Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, указывая, что Ташкентский комитет РКП(б) вынес их дело «на совместное заседание с городской конференцией и старыми партийными работниками», которое признало решение Крайкома неправильным. (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 39). Заслушав 15 ноября вопрос «О деле Казакова, Темлянцева, Сорокина и друг», Турккомиссия согласилась восстановить их в партии, причем на заседании Крайкома РКП(б) 25 ноября Ш.З. Элиава заявил, что обвинительный материал «весьма скуден и нет в нем ничего, что могло послужить мотивом для исключения. Если привлекать Сорокина, Казакова и Темлянцева к ответственности, то приходится привлекать их как представителей власти. Поэтому Турккомиссия решила формально восстановить их в правах, а вести следствие о них как о представителях власти». Однако товарищ председателя ТуркЦИК Т. Рыскулов возразил, что «Мусбюро и сейчас стоит на точке зрения исключения их из партии», и «если Турккомиссия их восстановила в правах, то им все-таки придется уехать из Туркестана, ибо совместная работа мусульман и Сорокина, Темлянцева и Казакова немыслима». Но, уже решив судьбу последних, Турккомиссия постановила: «Ввиду обострившихся отношений с местными мусульманскими организациями и многими ответственными работниками и признавая дальнейшее пребывание тт. Казакова, Сорокина и Темлянцева в Ташкенте обстоятельством, препятствующим спокойной партийной работе, предложить тт. выехать немедленно в Центральный Комитет РКП для использования их в другом месте». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 1, л. 14, 18; д. 3, л. 59). Их высылке немало способствовал и новый председатель ТуркЦИК И.А. Апин, который убеждал Турккомиссию, что возбуждение ташкентцев против «центровиков», «вся буда в мастерских и гарнизоне — дело рук б[ывших] л[евых] эсеров и их единомышленников в числе и Казакова, привыкшего взвинчивать массы, а самому стоять в стороне и, когда массы и гарнизон начинают дей-

ствовать, говорить и указывать на них как на защитников его мнения и мнения его сторонников. Это так было все время до 8-го и 4-го съездов, так было во время съездов, когда он привел в движение (с Успенским и др.) активистов, так это и теперь». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 2, л. 33).

Сообщая 17 декабря в ЦК РКП(б) и НКВД о высылке из республики Казакова и Сорокина, члены Турккомиссии Ш.З. Элиава и Я.Э. Рудзутак поясняли: «Пребывание в Туркестане людей, имя которых связано с самыми свирепыми гонениями на мусульман и целым рядом нелепейших мероприятий в области всякого рода национализаций и конфискаций, делает невыносимой какую бы то ни было работу среди местного населения. В условиях центра они, вероятно, будут подходящими работниками. Личная честность не вызывает сомнений, чего нельзя сказать о Кобозеве». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 65 [Общий отдел], д. 72, л. 94). Последний же, будучи отозванным в Москву, в своем докладе ЦК РКП(б) с ненавистью писал о Казакове: «До январских событий, будучи комиссаром продовольствия, через Введенского, английского агента и шпиона (у которого перед его арестом, произведенным мною, т. Брегадзе и Бравиним, был обнаружен английский тайный штаб) с корыстными целями руководил продажей в Бухаре полученного из Центра для продовольствия рабочих чая, а затем обратно скупал тот же чай из Бухары по удвоенной цене. Та же преступность его наметилась и с мануфактурой и с полушубками. На одни подкупы с этой целью Караван-Баши и др. членов бухарского правительства (по материалам ЧК) затрачено 1 500 000 руб., так что убытки республики громадны; этот акт со стороны Казакова, агента коммунистической власти, является прямой государственной изменой... Казаков умышленно ослаблял Актюбинский фронт и усиливал за его счет Асхабадский, оттягивая тем самым соединение Туркестана с центром; с той же целью помогал эсерам во главе с Успенским и Колузаевым вновь захватить власть в Ташкенте, создав взамен бывшего Ревкома «Совет Обороны» под своим председательством из представителей красногвардейцев; всеми силами стремился свергнуть Крайком и дискредитировать РКП, не подчиняясь партийной дисциплине». (РГАСПИ, ф. 133 [Кобозев П.А.], оп. 1, д. 25, л. 20).

Откомандированный ЦК в распоряжение Главполитпути, в январе-июне 1920 г. заведовал политотделом Донецкой железной дороги в Харькове. Позже переброшен в Самару, где, поступив столяром в железнодорожные мастерские, избран членом бюро райкома партии, а на губернской конференции — секретарем Самарского губкома РКП(б); состоял также членом президиума губисполкома и горсовета. «Чрезвычайно честный революционер», — значилось в его характеристике. В декабре делегирован на 8-й Всероссийский съезд Советов,

на котором избран в состав ВЦИК, но во время партдискуссии о профсоюзах примкнул к «рабочей оппозиции». Уже 1 августа 1921 г. Туркбюро ЦК РКП(б) предупреждало Москву, что «считает совершенно невозможным возвращение временно в Туркестан Казакова», но получило ответ, что «Казаков направлен в Ташкент для ликвидации личных дел». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 615, л. 68–69, 82). Отозванный в октябре из Самары, вернулся в Ташкент, где опять трудился столяром в мастерских, а с марта 1923 г. — в правлении железнодорожной кооперации. Командированный в августе на учебу в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, в октябре утвержден членом Совета по постройке Семиреченской железной дороги и в мае 1924 г. выехал в Джамбул. В марте 1925 г. назначен управляющим операционным отделом Средне-Азиатского коммерческого банка, в сентябре — инспектором Московско-Казанской железной дороги; одновременно возглавлял Группу по изучению истории Октябрьской революции и гражданской войны в Туркестане при Истпарте ЦК ВКП(б). С декабря 1927 г. работал инспектором и зам. начальника строительства Турксиба (Туркестано-Сибирской железной дороги), с октября 1931 г. — в Наркомате путей сообщения СССР, где заведовал материально-техническим снабжением и состоял зам. начальника НИИ НКПС. С декабря 1934 г. — зам. начальника строительства железной дороги Караганда-Балхаш, с мая 1935 г. — начальник материально-технического снабжения Укрстройпути. В августе 1936 г. арестован. Освобожденный из тюрьмы в июне 1937 г., вернулся к столярному ремеслу и трудился на лесозаводе в Шенкурске Архангельской обл., с сентября 1943 г. — в тресте «Нефтеразведка» в Чистополе, с мая 1944 г. — в судостроительных мастерских в Большой Волге, с октября 1947 г. — в артели «Красновосточник» в Джамбуле, с ноября 1950 г. — в деревообделочных мастерских в Угличе. С марта 1953 г. — пенсионер в Москве. Умер в 1963 г. (РГАСПИ, ф. 70 [Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)], оп. 3, д. 75, л. 39–42 [Автобиография А.А. Казакова от 3 января 1926 г.]; ф. 17, оп. 100 [Личные дела на руководящих работников номенклатуры ЦК], д. 6н/106454).

КОЛЕСОВ Федор Иванович. Род. 1 мая 1891 г. в г. Нижне-Уральске Уральской области в семье мелкого чиновника, происходившего из крестьян Симбирской губернии. Окончив три класса Уральского духовного училища, служил писарем в Уральском областном управлении, с 1911 г. — конторщиком в Управлении службы тяги Ташкентской железной дороги в Оренбурге, с 1914 г. — счетоводом и табельщиком в депо ст. Туркестан, с 1916 г. — на ст. Ташкент. После Февральской революции 1917 г. вступил в РСДРП и, избранный в комитет объеди-

ненной организации, примкнул к возглавлявшейся И.О. Тоболиным малочисленной большевистской группе. С мая 1917 г. — председатель Узлового железнодорожного комитета, с сентября — член исполкома Ташкентского Совдепа. В автобиографии указывал, что на митинге в Александровском саду 12 сентября избран в состав Ревкома (в протоколе его заседания фамилия Колесова отсутствует), и, вспоминая тот день, писал: «На дне бочонка быстро строчилась резолюция, в составлении которой принимали участие анархист Шмидт, Тоболин и я». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 9018/5559 [Автобиография от 1 декабря 1923 г.], л. 12). В ту же ночь назначен «комиссаром к коменданту ст. Ташкент». Вел агитацию за вооруженный отпор посланным с целью восстановления порядка в крае правительственным войскам под командованием П.А. Коровиченко, для чего побывал на станциях Туркестан, Казалинск и Актюбинск. Делегированный на 2-й Всероссийский съезд Советов, 12 октября выехал в Петроград, а после победы большевистского переворота «командирован, как член ЦИК, во главе Комиссии в Финляндию с информационными целями». Вернувшись в Ташкент, Исполкомом Совдепа назначен 7 ноября комиссаром на почту, а 10 ноября на Туркестанском краевом совещании выдвинут на пост «комиссара по передвижению транспорта» (Наша газета, 10.11.1917, № 124; Туркестанские ведомости, 15/18.11.1917, № 178). На 3-м съезде Советов избран комиссаром путей сообщения, почт и телеграфов и первым председателем краевого Совнаркома, о чем объявлялось его приказом № 1 от 23 ноября 1917 г. Кроме того, с 28 ноября — ответственный редактор «Туркестанских ведомостей», с 1 декабря — исполняющий обязанности комиссаров юстиции и иностранных дел. (Туркестанские ведомости, 01/14.12.1917, № 184; 02/15.12.1917, № 185). Критикуя работу Совнаркома на проходившем в январе 1918 г. 4-м краевом съезде Советов, Тоболин утверждал, что «единственным комиссаром, который оказался на высоте положения, является комиссар путей сообщения тов. Колесов. Все его приказы исполнялись, в его распоряжении был все время необходимый подвижной состав для продвижения продовольственных грузов, для отправления воинских и санитарных поездов». (Наша газета, 25.01.1918, № 20). Однако лидер социал-демократов интернационалистов Е.Л. Вайнштейн указывал на непродуманность действий предсовнаркома, которыми «совершенно парализована промышленность, созданы лишние кадры безработных», и предупреждал, что для Колесова «революция дороже тех жертв, которые она с собой приносит». (Туркестанские ведомости, 26.01.1918, № 21).

Объявляя в приказе № 13 от 28 января 1918 г. о том, что отправляется в поездку по краю, возложил исполнение обязанностей предсов-

наркома на комиссара по гражданско-административной части большевика В.Е. Агапова и позже отмечал в автобиографии: «Мне пришлось командовать наступлением революционных войск на Самарканд, который был занят казачеством девяти полков военного состава; эти полки были разбиты наголову. Вслед за этим создается «автономное правительство» в Коканде: снова туркестанскому пролетариату приходится выходить в бой, и новая победа записывается на его знаменах. Назревают события в Асхабаде, где члены Учредительного собрания поднимают на восстание против Советской власти железнодорожников и запасные части солдат. Но лишь проходит это, — новое испытание для туркестанского пролетариата: подняла голову собравшаяся со всех сторон во главе с агентами Англии контрреволюция на территории Бухары... Мне пришлось командовать всеми отрядами, наступавшими на Бухару». В приказе № 54 от 21 марта объявлял: «Возвратившись из служебной поездки по краю, вступил в исполнение обязанностей председателя Совета». (Наша газета, 26.03.1918, № 57).

На провозгласившем образовании Туркестанской республики 5-м краевом съезде Советов (20 апреля — 1 мая 1918 г.) вновь избран предсовнаркома, но уже «без портфеля»; с июля — также председатель Военно-революционного штаба. Уже в конце 1919 г., характеризуя «группу» Ф.И. Колесова и К.Я. Успенского в докладе ЦК РКП(б), П.А. Кобозев вспоминал, что она «кипела своей бестолковой революционностью, числилась стоящей во главе края, но не имела никакого аппарата для управления этим краем, кроме эсеровских партийных связей да старика секретаря Чегодаева, единолично принимавшего ежедневно массу публики; военной базой ее влияния был эсеровский Ташкентско-Перовский «отряд Степанова и Колузаева», с которым комиссары поочередно ездили на «усмирение» в походы. Таковы, например, были жестокие налеты на Коканд и Бухару (до меня) и на Асхабад навстречу казачьим войскам, шедшим на Туркестан из Персии (при мне). Отряд этот, в начале чисто революционный, созданный из Перовской артиллерийской бригады и ташкентских железнодорожников, активных участников Октябрьской революции, очень скоро развратился; из Кокандского и Бухарского налетов он вернулся с массой трофеев, реквизированных денег, коров, лошадей и проч.; часть из них они официально сдали казначейству и правительству Республики, а значительную часть утаили. Тов. Тоболин, поддерживая внешнюю связь с группой Колесова, Успенского и Колузаева..., сторонился, однако, их «коммуны», отказывался обедать с ними в роскоши Белого Дома, грозил им за их замашки и всячески стремился убрать из Белого Дома и предоставить его под музей... Финансовая отчетность этой группы комиссаров, представленная 5-му съезду Со-

ветов, происходившему при мне, была ниже всякой снисходительной критики. Из Бухары и Коканда Колесовым были привезены и израсходованы десятки миллионов рублей, деньги текли рекой, аппарата для учета их не было. Съезд вынужден был утвердить отчет Колесова, ибо за отсутствием чего-либо или кого-либо лучшего в крае ничего иного потребовать было нельзя...» (РГАСПИ, ф. 133, оп. 1, д. 25, л. 2).

На 6-м Чрезвычайном съезде Советов Турккеспублики (5–14 октября 1918 г.) заявил о своем выходе из Совнаркома вследствие недостатка, как пояснял он в автобиографии, крупных теоретических знаний, «большого политического багажа» и в связи с упадком физических сил. Однако делегат съезда М.П. Кафанов вспоминал, что отчасти по вопросу об отношениях с левыми эсерами, отчасти на почве личных счетов с приехавшими из Оренбурга вместе с Кобозевым «молодыми коммунистами», между последними и старыми туркестанскими лидерами «завязалась грызня», в результате чего «на съезде Тоболин и Колесов не прошли руководителями центральных учреждений». Тогда Колесов стал «упрямо требовать от партии откомандирования его в крепость», но, «зная его поведение (пьянство, разврат) и склонность к бонапартизму, партия его в крепость не пустила». Состоял в возглавлявшейся Тоболиным группе «старых коммунистов», демонстративно вышедших из ташкентской парторганизации и подвергнутых аресту по требованию созданного 16 октября временного ЦК Компартии Туркестана под председательством А.Ф. Солькина. Как отмечал Кафанов, уже в декабре большевистская фракция очередного съезда Советов, «представленная как 2-й съезд Компартии, разбирала дней пять поведение Тоболина и Колесова и предложила им, как неправым, либо подчиниться, либо выйти из партии. Они подчинились: Тоболин выехал после в Семиречье, Колесов — в Фергану». (Кафанов. От февральской революции до январских событий. Воспоминания // Красная летопись Туркестана. 1923. № 1–2. С. 134). Назначенный зам. председателя исполкома Кокандского Совдепа и избранный от Ферганской парторганизации делегатом на 8-й съезд РКП(б), по дороге в Москву арестован вместе с Тоболиным в Оренбурге. Обвинялся в причастности к ташкентскому мятежу, поднятому в январе 1919 г. военным комиссаром Турккеспублики К.П. Осиповым, расстрелявшим «молодых коммунистов». Отправлен в Москву, где заболел тифом. Рассмотрев 4 апреля просьбу арестованных взять их на поруки, Оргбюро ЦК РКП(б) отказало им, но уже 11 апреля согласилось на освобождение Тоболина, оставленного в Москве в качестве полпреда Турккеспублики. Лишь 4 июня, «ввиду приостановления производства следствия», Оргбюро ЦК постановило «передать т. Колесова в распоряжение Московского Совдепа без права назначения на ответственные

должности до окончания дела», а 19 июня решило направить его «в распоряжение Южфронта для назначения на должность не выше комдива». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 3, л. 6, 17, 26, 46; д. 5, л. 6, 65).

В автобиографии сообщал, что с лета 1919 г. служил: «а) заведующим агитаторской группой в Агитпоезде имени Стеклова, б) комиссаром Кубанской кавалерии, в) комиссаром 6-й Сводной дивизии, г) комиссаром формирования заградительных отрядов (в момент нахождения в Брянске), д) заместителем военного комиссара 8-й Червонной казачьей дивизии, е) комиссаром 2-й бригады 8-й Червонной казачьей дивизии». При переходе армии на мирное положение занимал должности начальника снабжения упомянутой кавдивизии и 1-го конного корпуса Червонного казачества, а после упразднения корпусного отдела — 2-й кавдивизии. С апреля 1922 г. — начальник транспортного управления «Вукоопспилки» в Киеве, с января 1923 г. — зам. председателя Дальпромбюро и председатель Дальневосточного выставочного комитета в Чите, с сентября 1923 г. — председатель Гомельского губсовнархоза. Переведенный в сентябре 1924 г. на хозяйственную работу в Москву, состоял членом правления треста «Продсиликат», зам. председателя правлений трестов «Москвуголь» и «Госметр», с октября 1928 г. — зам. начальника Центросоюза. В 1929–1931 гг. учился в Архитектурно-строительном институте, в 1931–1933 гг. — в Институте аспирантуры при Академии им. Ленина, затем — на научной работе во Всесоюзном научно-исследовательском институте строительства сельского хозяйства и в Академии архитектуры. С октября 1934 г. — зам. руководителя мастерской Отдела планирования Моссовета, с ноября 1935 г. — районный архитектор. За участие «в борьбе с басмачеством» награжден орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР. Написал воспоминания «Восстание в Бухаре в 1918 году» (Революция в Средней Азии. Таш., 1932. Сб. 3. С. 73–104), однако в примечании редакции подчеркивалось, что она «ни в коей мере не солидаризируется ни со взглядами автора, изложенными в его полемике с т. Сафаровым, ни с его основной концепцией, через которую красной нитью проходит идеализация джадидского движения», причем Колесов «не разоблачает проявления колонизаторства, а замазывает этот вопрос, насколько только может». Более известный вариант воспоминаний «Восстание в Бухаре» (в лит. обработке А. Бобунова) опубликован в официозном сб.: Война в песках. Материалы по истории гражданской войны к XII т. «Гражданская война в Средней Азии» // Под ред. М. Горького, Вс. Иванова, И. Минца, Ф. Колесова. 1935. С. 231–275. См. там же: воспоминания Ф. Колесова «Двенадцать дней» (с. 126–142) и «Их автономия» (с. 145–173), воспоминания П. Зайцева, А. Гудовича и Ф. Колесова «Борьба за Фергану» (с. 191–201) и написанные по

материалам Ф. Колесова и др. лиц очерки: «Февраль-сентябрь-октябрь 1917 года» (с. 41–125), «Две судьбы» (с. 314–334), «Ворота Тамерлана» (с. 400–415). Скончался 29 июля 1940 г. в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище.

ПЕЧАТНИКОВ Зиновий Исаевич. Род. в 1882 г. в семье рабочего-кожевника в г. Невель Витебской губ., где в 1898 г. окончил уездное народное училище. В автобиографии сообщал: «Пытался учиться дальше, но из-за тяжелого материального положения семьи вынужден был заняться работой. Изучил наборное дело и трудился в типографиях Минска, Петербурга, Невеля, Витебска до 1903 г. Работая в Петербурге в типографии «Брокгауз и Ефрон», учился одновременно и выдержал экзамен на звание народного учителя. Врачи запретили мне на время заниматься наборным делом (свинцовая пыль действовала разрушающе на легкие), и до 1906 г. учительствовал в местечке Любавичи Могилевской губ. в двухклассном народном училище. В феврале 1906 г. был арестован как участник Сев[еро-Западной] конференции Бунда в г. Витебске и выслан в Туруханский край, откуда в 1907 г. бежал. Прожил на польской границе в г. Вильковишках Сувалкской губ. год, занимаясь пропагандой среди рабочих-щетининцев, после чего был арестован и отправлен в Туруханский край, затем за побег — в Якутскую область, где в 1912 г. кончил ссылку». Поселившись в Новой Бухаре, до августа 1915 г. трудился конторщиком в отделении фирмы «Нобель». Мобилизованный в армию, служил рядовым в 736-й пехотной дружине в крепости Кушка, где после Февральской революции 1917 г. избран председателем гарнизонного комитета. Примкнув к левым эсерам, с июня 1917 г. состоял зам. начальника охраны города Асхабада, с сентября по май 1918 г. — председателем Закаспийского Областного Совдепа. На 5-м краевом съезде Советов (20 апреля — 1 мая) от левозэсеровской фракции избран в состав ТуркЦИК, старшим товарищем председателя которого утвержден 16 августа. «В сентябре 1918 г., — вспоминал Печатников, — я на пленуме ТуркЦИК выступил с декларацией о необходимости единой партии большевиков., и от фракции левых эсеров все перешли в большевистскую фракцию ЦИК. Меня Крайком большевиков и в дальнейшем использовал для разложения левозэсеровских рядов, и я был принят в члены ВКП(б) [в ноябре 1918 г.]...» (РГАСПИ, ф. 71 [Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС], оп. 34 [Сектор истории гражданской войны], д. 1680, л. 31).

В 1919 г. — полпред Туркеспублики в Бухарском ханстве. Сменен с должности после приезда в Ташкент членов Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, хотя побывавший в Новой Бухаре В.В. Куйбышев заступался за Печатникова и 30 ноября писал коллегам: «У меня

о нем сложилось следующее представление: 1) колесовскую политику он не разделял, 2) бесплодность его работы в Бухаре имеет объективные причины, ибо какие могли быть деловые разговоры с представителем Республики, висящей на волоске, 3) при тяжелых условиях работы он все же поддерживал авторитет Резидентства, 4) из всех местных работников он охотнее и искреннее всех идет навстречу [Ревизионно-следственной] комиссии Аксельрода, 5) он превосходно знает местные условия и популярен в рабочих кругах, 6) кроме него, здесь нет кандидата на пост председателя [партийного] комитета, 7) занятие поста предкомитета не будет противоречить замене его на посту резидента представителем Центра и 8) семейные обстоятельства затрудняют его отъезд отсюда». В свою очередь Комитет РКП(б) Самаркандской области и русских поселений Бухарского ханства просил о назначении экс-полпреда редактором своего печатного органа, но уже 6 февраля 1920 г. Турккомиссия постановила «отказать в переводе Печатникова в Самарканд для газетной работы и поручить тов. Голощекину запросить Аксельрода о теперешнем поведении Печатникова». В полученной 9 февраля телеграмме А.Е. Аксельрода говорилось: «Пребывание Печатникова в Бухаре бесполезно и нежелательно». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 1, д. 45, л. 1; д. 53, л. 83; оп. 4, д. 27, л.10). До 27 июля состоял председателем Военно-гражданского управления в Термезе. С октября 1920 г. — уполномоченный НКВД РСФСР в Кашгарском районе, с марта 1923 г. — в Кульдже (Западный Китай). С августа 1925 г. — старший секретарь Коллегии НКВД РСФСР и зам. директора заготовительно-хозяйственного объединения ведомства, с октября 1928 г. — начальник административного отдела Саратовского крайисполкома. В 1930–1931 гг. — член коллегии Наркомторга и зам. управляющего объединений Росрыба и Макаронной промышленности, затем — на хозяйственной работе в Ленинграде, с декабря 1934 г. — в Челябинске на Южно-Уральской железной дороге. Прочитав воспоминания Ф.И. Колесова, который заявлял: «Мервские отряды на помощь так и не подошли. Эсер Печатников — председатель Закаспийского областного Совета — воспользовался перерывом связи с нами и задержал отряды...» (Война в песках. С. 265), — обратился в Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны» с обиженным посланием, указывая, что написанное автором является ложью, вызванной желанием «замазать» свои ошибки, «себя возвысить, а других втоптать в грязь». (РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1680, л. 31). Репрессирован.

ПОТЕЛЯХОВ Натаниель Шоломович. Бухарский подданный и крупный туркестанский предприниматель-хлопкозаводчик. Во время первой мировой войны находился с семьей в Москве, но городские

власти, «признавая деятельность его вредной для общественной безопасности и порядка», постановили 9 сентября 1916 г., «руководствуясь п. 16 ст. 19 «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении», воспретить названному Потеляхову жительство в Москве и пределах Московского градоначальства». (ГАРФ, ф. 102, 5 д-во, 1916 г., д. 5, т. 1, ч. 17 [Дело о высылке разных лиц...], л. 2). После свержения монархии в России — вновь в Москве, где весной 1918 г. арестован и помещен в тюрьму ВЧК. Проведя в заключении десять месяцев, выпущен на свободу по ходатайству Ш.З. Элиавы — председателя учрежденной в феврале 1919 г. «Особой комиссии Совнаркома РСФСР по делам Туркестана». Тогда же Элиава поручил члену полпредства ТуркЦИК С.М. Юсупову переговорить с главой ВЧК Ф.Э. Дзержинским об освобождении Потеляхова от поручительства некоего Юсуфа Ильева, ибо, мол, удержание семьи экс-миллионера в Москве будет «достаточной гарантией» его лояльности на советской службе. Уже 19 марта, обсудив в Оренбурге вопрос о заготовке хлопка в Туркестане, Особая комиссия признала «необходимым заключение с Потеляховым договора» на сей счет и решила поручить ему «организовать закупочный аппарат..., с указанием максимума подотчетных организационных расходов». Сообщая об этом П.А. Кобозеву в Ташкент 22 марта, Элиава и его коллега А.С. Киселев заявляли: «Для закупки и заготовки хлопка, по соглашению с Дзержинским, нами привлечен в качестве контрагента Потеляхов, освобожденный из заключения под условием работы под нашим руководством и контролем и залога всей его семьи в Москве. Считаем его работу в качестве агента, в особенности — в местах для нас недоступных, чрезвычайно важной». В тот же день Потеляхову выдали первые 70 тыс. рублей на «расходы по заготовке хлопка и собственное вознаграждение» (130 тыс. рублей получила его семья в Москве), а 4 апреля — аванс еще на 15 тыс. Хотя Особой комиссии так и не удалось тогда попасть во вновь отрезанную фронтом Турккеспублику, 22 июля Элиава и Потеляхов подписывают в Самаре договор, согласно которому «контрагент» берет на себя «покупку наличного хлопка, обеспечение засева и закупки будущего урожая 19–20 года в Туркестане и Бухаре», для чего ему открыт кредит в размере 5 млн. рублей. Кроме того, на оплату жалования и премий своим агентам и служащим, содержание контор, складов и приемочных пунктов, непредвиденные расходы и собственное вознаграждение Потеляхову полагается определенный процент от общей стоимости закупленного, но размер его комиссионных будет определен «по прибытии Турккомиссии в Туркестан и установлении нормировочных цен на хлопок-сырец». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 1, д. 4, л. 38; д. 3, л. 11; д. 2, л. 121, 250, 257; д. 9, л. 13–15).

Когда осенью 1919 г. появилась возможность добраться до Ташкента, Элиава не забыл про своего «контрагента» и 22 октября телеграфировал в Московское бюро Турккомиссии: «Передайте Потеляхову — немедленно выехать в Туркестан», на что следует ответ: «Деньги получил, 9-го выезжаю». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 20, л. 35, 5). Однако против командирования его в Ташкент категорически протестует прибывшая в Москву туркестанская делегация во главе с комиссаром юстиции Х. Ибрагимовым, в состав которой входит и Мирза Абду-Кадыр Мухитдинов — будущий глава Всебухарского Ревкома и сын известного бухарского миллионера Мирзы Мухитдина Мансурова, издавна являвшегося «злейшим конкурентом» Потеляхова в бизнесе. «Гр. Потеляхов, — говорилось в адресованном В.И. Ленину докладе делегации от 22 ноября, — известен в Туркестане как бывший хлопковый король, потерявший свои миллионы после Октября. Являясь действительно специалистом по выколачиванию последних грошей из бедняка-хлопководы, на которые строились дворцы и заводы, гр. Потеляхов едва ли будет на месте при современных условиях советского строительства. Но, даже оставляя в стороне этот вопрос, делегация имеет в виду другое положение: гр. Потеляхов, как о том узнала делегация, имеет поручение по закупке хлопка в пределах Бухары. Зная бухарское правительство, как играющее на руку английскому правительству и не потерявшее еще надежды снова войти в связь с последним, мы, тем не менее, расплачиваясь с Бухарой старыми царскими денежными знаками, даем ей возможность увеличить свой бюджет и тем улучшить свое благосостояние, а гр. Потеляхову даем возможность вернуть потерянные миллионы благодаря высокому комиссионному вознаграждению. Громадные средства, находящиеся в распоряжении Потеляхова, могут быть к тому же направлены на подкуп некоторых советских деятелей, в чем у делегации имеются уже некоторые подозрения. В политическом же отношении трудно ожидать, чтобы от присутствия гр. Потеляхова английская ориентация Бухары была ослаблена». Считая, что допускать его в пределы ханства «ни в коем случае нельзя», туркестанская делегация, с которой солидаризировался и отозванный в Москву Кобозев, настаивала на лишении Потеляхова данных ему полномочий. (РГАСПИ, ф. 5 [Секретариат В.И. Ленина], оп. 1, д. 2920, л. 17). Но на запрос ЦК РКП(б) относительно заявления туркестанцев Элиава ответил, что «Потеляхов никаких полномочий не имеет, он выполняет торговые поручения сейчас в Бухаре». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 79, л. 20).

Тем не менее, рассмотрев 19 декабря вопрос «Об агенте для поручений тов. Потеляхове, прибывшем из Москвы», Турккомиссия постановила командировать его «в качестве коммерческого агента с 8-ю со-

трудниками и Гуревичем в Бухару, выдав ему аванс в сумме 500 тыс. рублей», а 23 декабря согласилась «оставить тов. Потеляхова контрагентом Комиссии в Бухаре, предписав ему заключение торговых сделок производить совместно с Отделом Внешней Торговли». В подписанном Элиавой 25 декабря мандате говорилось, что Потеляхов назначен «контрагентом в Бухаре», имеет право отсылать телеграммы с пометками «военная» и «вне всякой очереди», а всем лицам и учреждениям предлагается «оказывать тов. Потеляхову полное содействие при выполнении возложенных на него обязанностей». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 10, л. 34). Хотя полпред А.Е. Аксельрод пытался убедить заведующего Отделом внешних сношений Г.И. Бройдо, что Потеляхов, являясь бухарско-подданным, из-за чего эмирское правительство «может давить на него», и, имея многочисленную родню, которую несомненно привлечет в свою контрагентскую организацию, наверняка займется «безудержной спекуляцией через подставных лиц», чем вызовет рост цен и дискредитацию Отдела внешней торговли, эти аргументы не убедили Ташкент. «Потеляхов, — заявлял позже Бройдо, — был использован как человек, возвращавшийся в эмирских кругах, и именно благодаря ему мы весьма были осведомлены во всех намерениях правительства Бухары». То, что Потеляхов состоял неофициальным дублером Аксельрода, подтверждал и управделами Турккомиссии Ф.Я. Рабинович, который в своих показаниях отмечал: «Одно время Турккомиссия считала возможным и желательным использование Потеляхова для установления торговых и даже дипломатических отношений с эмиром Бухарским. С Потеляховым был заключен торговый договор, по которому он мог вести торговые дела в Бухаре; кроме того, ему было дано значительное количество драгоценностей для задобрения бухарских чиновников». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 121, л. 110–111, 69). Кстати, в выписанном ему Элиавой удостоверении от 19 февраля 1920 г., говорилось, что Потеляхову «разрешается приобрести в Самарканде 100 бутылок коньяка и 100 бутылок вина для приемов бухарских чиновников». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 10, л. 98).

Согласно договору, подписанному 20 февраля Элиавой и заведующим Отделом внешней торговли Ю.В. Пятигорским, с одной стороны, и выехавшим 4 февраля из Бухары в Ташкент, по вызову Бройдо, Потеляховым, с другой, последний получает право именоваться «Контрагентом Отдела внешней торговли Комиссии ВЦИК по делам Туркестана» и «по поручению Отдела принимает на себя обязанности приобретать в пределах Бухарских для нужд Туркестанского края и Республики Российской вообще всякие потребные Туркестану и Республике товары». Предусматривается выдать Потеляхову 2 млн. рублей, как подотчетный аванс, и еще 2 млн. рублей, как аванс, не под-

лежащий отчету и контролю, но удерживаемый в конце года из сумм, причитающихся ему к получению, причем в счет вознаграждения за труд и на покрытие организационных расходов контрагенту отчисляется 15 % с общей суммы, затраченной им на покупку товаров. О том, что остальные члены Турккомиссии не имели ничего против заключения этого «грабительского», как утверждалось впоследствии, соглашения с Потеляховым, свидетельствует резолюция Я.Э. Рудзутака: «Против настоящего проекта Договора, с соответствующими внесенными исправлениями, с моей стороны возражений нет». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 27, л. 14–16). Хотя 25 марта с Потеляховым было заключено дополнительное соглашение, согласно которому при массовой закупке сезонного товара Бухарскому отделению Отдела внешней торговли предоставлялось право уменьшить размер комиссионного вознаграждения, последнее допускалось лишь с согласия самого контрагента. В то же время полпред Аксельрод, который «бомбардировал» Бройдо требованиями аннулировать полномочия Потеляхова и рассчитывал, что тот вызван в Ташкент по подозрению в поставке «живого товара» эмирскому консулу, был весьма недоволен триумфальным возвращением контрагента в Бухару с «крайне убыточным и несовместимым с нашими принципами договором». Потеляхов, негодовал Аксельрод, «спутывал наши планы, являлся опаснейшим конкурентом, не гнушавшимся никакими приемами, нашего Отдела внешней торговли». (РГАСПИ, ф. 2 [Ленин В.И.], оп. 1, д. 14785, л. 8).

Но Элиава доверяет испытанному сотруднику и еще 12 февраля обращается в Московское бюро Турккомиссии с предложением «оказать возможное содействие семье контрагента Комиссии Н.Ш. Потеляхова и семье его зятя Давидбаева переехать из Москвы в Ташкент», для чего «в срочном порядке исхлопотать для них один классный вагон (отапливаемый) и один крытый вагон для их вещей». Более того, Элиава посылает в столицу специального человека, которому поручается вывезти в Ташкент многочисленных родственников контрагента. «На моем иждивении в Москве, — сетовал Потеляхов сразу после своего освобождения из тюрьмы ВЧК в феврале 1919 г., — находится моя личная семья и семьи моих детей, живущих в одной квартире [ул. Покровка, д. 31, кв. 19 — В.Г.], общим числом в 24 члена». Однако командированным за ними оказывается почему-то еще один представитель конкурировавшего с Потеляховым семейства, являющийся также и посланцем ЦК партии «младобухарцев-коммунистов», — Мирза Амин Мухитдинов. В Москве он представляет в Наркоминдел записку о положении в Бухаре, жалуясь, между прочим, и на «вредную» деятельность Введенского и Потеляхова, ибо последний, «бывший владелец многих заводов хлопковых, маслобой-

ных, мыловаренных и главный пайщик Потеляховского Торгово-Промышленного Товарищества, известного как в Туркестане, так и в Москве, никогда не был и не будет другом и сочувствующим Советской власти». Так и не дождавшись приезда своих близких, Потеляхов 22 апреля напоминает Элиаве: «Более пяти месяцев не имею известий об оставленной в Москве семье. Страшно беспокоюсь, имея малюток-детей и старуху-мать. Убедительно прошу запросить Москву об их выезде в Туркестан...» Увы, отзыв из республики попавшего в опалу Бройдо лишь ускоряет крах «советской» карьеры Потеляхова, предзнаменованием чего становится неожиданный отказ Турккомиссии в продлении срока пользования его «персональным» вагоном. (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 10, л. 97, 87, 83).

Сам Бройдо намекал на козни Мансурова, у которого, как он писал, «были конфискованы эмиром его имущество, миллионы и т. д., и вся его политика сводилась к тому, чтобы на наших штыках въехать в Старую Бухару и забрать свои миллионы, а если можно, и прихватить лишок». Кстати, в одном из анонимных «докладов», собранных Особотделом Туркфронта по «Делу бухарских коммунистов», утверждалось, что причиной бегства Мансурова с сыновьями из Старой Бухары являлась-де его ссора с купеческим старшиной Хаджи Абдурауфом Караванбаши, который не только мешал ему монополизировать торговлю каракулем в ханстве, но и воспрепятствовал учету векселя (хитрец Мансуров неоднократно прекращал платежи, объявляя себя банкротом). В отместку тот «посредством подкупа должностных лиц устранил Караванбаши от должности старшины», а последний в свою очередь донес эмиру, что Мансуров играет видную роль в партии младобухарцев. Укрывшись вместе со своим семейством в Новой Бухаре, а после неудачного «колесовского похода» — в Ташкенте, Мансуров позже уехал в Москву, где, «проживая, — как доносил его недоброжелатель, — по мандату партии Бухарских коммунистов, занимался скупкой иностранной валюты». В упомянутом деле Особотдела сохранилась и копия его мандата, который, к сожалению, не датирован: «Предъявитель сего, тов. (сочувствующий) Мирза Мухитдин Мансуров, согласно постановлению Центрального Комитета партии Бухарских коммунистов командировается в гор. Москву и уполномочивается от имени Центрального Комитета партии входить в деловые сношения со всеми органами Советской власти Центра, не исключая Народного Комиссара по Иностранным Делах и Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, и возбуждать всякого рода ходатайства об ассигновании партии Бухарских коммунистов сверхсметных кредитов на проведение в жизнь партийных задач особой важности и испрашивать содействие к организации и формированию

Красной Бухарской Бригады и снабжению ее оружием, обмундированием и инструкторским персоналом. Кроме того, на тов. Мансурова возлагается обязанность приобрести в Центре необходимые для партии вещи и материалы...» Пока же Мансуров находился в Москве, еще один его сын, Мирза Исам Мухитдинов, которого Д.Ю. Гопнер будет в сентябре 1920 г. рекомендовать В.В. Куйбышеву как «одного из тех, кто оказывал нам и бухреволюции неоценимые услуги», и «самого честного и надежного из всей семьи Мухитдиновых», почти ежедневно-де встречался в Ташкенте с бухарским консулом Мир-Баба Токсаба, с помощью которого ему «удалось выхлопотать из Старой Бухары часть своих вещей, отобранных эмиром». (РГАСПИ, ф. 544, оп. 4 [Туркестанское бюро Коминтерна], д. 18, л. 51, 42). Более того, в «докладе члена партии, пожелавшего остаться неизвестным», утверждалось, что «в течение почти трех лет Мирза Исам Мухитдинов занимался спекуляцией в Старом городе и никогда не заходил в партию, считая находиться там для себя позорным». Но после возвращения из Москвы своего брата Абду-Кадыра Мухитдинова, еще весной 1919 г. избранного товарищем председателя Туркестанского краевого мусульманского бюро РКП(б), а год спустя — членом Центрального Ревкома при ЦК бухарских коммунистов, Мирза Исам сразу же прекратил навещать эмирского консула и «постепенно стал втираться в партию, агитируя и привлекая к себе сторонников, подкупая малосознательных членов партии, стараясь во что бы то ни стало достигнуть влияния...» При содействии брата Мирза Исам стал «сотрудником» ЦК партии, а Мирза Амин возглавил ее Самаркандское отделение.

Небезынтересно, что еще 21 января 1920 г. Мирза Исам передал в Отдел внешней торговли деловое предложение своего вернувшегося, наконец, в Ташкент отца продать России хранящиеся на складах семьи в Старой Бухаре запасы хлопка и каракуля, в связи с чем Бройдо пишет Пятигорскому: «Необходимо с т. Мухитдиновым и его отцом заключить сделку». В составленном проекте договора говорилось, что глава семейства «продает за наличный расчет на кредитные знаки общегосударственного образца франко-склады Мансурова в Старой Бухаре с доставкой в течение четырех месяцев со дня подписания настоящего договора, по ценам на 10 % ниже последних закупочных...: а) 20 вагонов, то есть не менее 10 000 пудов очищенного хлопка американских семян, первого сорта, нормального, б) 100 кип, то есть 15 000 шкурок каракуля парного и в) 100 кип, то есть 15 000 кип каракуля жакетного». Тогда же Мансуров получил аванс в 3 млн. руб., который обязался вернуть в случае, если «почему-либо не сможет сдать упомянутые в договоре товары». В марте были составлены и проекты еще двух договоров, согласно которым другой сын Мансурова, Мирза Хайрулла

Мухитдинов, также получал право именоваться «контрагентом Отдела внешней торговли» и принимал на себя обязанность «приобретать в Бухарских владениях каракуль», а «в пределах Афганистана, для нужд Туркестанского края и РСФСР вообще, всякие потребные Туркестану и Республике товары». Однако указанные договора, видимо, не были подписаны, что лишь усилило ненависть членов семейства к их более удачливому сопернику — Потеляхову. Напоминая, что «сарт» Мансуров и еврей Потеляхов — «два крупных бухарских миллионера, еще в прошлых поколениях состоявшие в кровавой, на смерть, борьбе и конкуренции», Бройдо определенно указывал, что первый предпринимал самые энергичные меры для прекращения коммерческой деятельности второго, дававшей, конечно, тому, благодаря его официальному статусу, «немалый барыш» в Бухаре. «Гр. Мирза Мухитдинов, — говорилось в адресованном Особотделу Туркфронта рапорте некоего «сотрудника», — хлопотал, чтобы захватить Отдел внешней торговли, Бухарское отделение, в свои руки... По его доносу было арестовано несколько человек из Отдела внешней торговли в Бухаре, будто они замешаны в политике и шпионаже... Между арестованными находится несколько человек и невинных, как-то, например, Соловьев Евгений Георгиевич». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 121, л. 110–111; ф. 122, оп. 2, д. 51, л. 25, 27, 31–33; ф. 544, оп. 4, д. 18, л. 29).

Н.Д. Зальманов, сменивший на должности заведующего Отделом уехавшего 5 мая в Москву Пятигорского, также явно не жаловал Потеляхова, обвиняя его в конкуренции с советскими внешнеторговыми органами и прибегании к услугам посредников, которые «делают произвольные надбавки на закупаемые товары и представляют при отчетах фиктивные счета». Поэтому Элиава, уже «сдавший» неугодного его коллегам Бройдо, по дороге в Москву, из Самары, телеграфирует 14 мая Куйбышеву: «Прикажите срочно Полномочному представительству в Бухаре аннулировать мандаты Потеляхова и договор, а его самого выслать в Россию». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 1, д. 261, л. 119). Бройдо также спешит отмежеваться от своего бывшего протеже и в отчете о деятельности Отдела внешних сношений, представленном в НКВД по приезду в Москву, заявляет, что «всех этих Потеляховых, Тысячниковых, Соловьевых, Решетовых необходимо вызвать и изолировать от Бухары и Туркестана». (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 19). Но лишь 3 июня назначенный, вместо отзванного Аксельрода, временно исполняющим должность полпреда в Бухарском ханстве С.О. Луцевич-Заремба извещает Турккомиссию: «Потеляхов выехал вчера в Ташкент в сопровождении своего бухгалтера. Потеляхов — теперь определенно выяснилось — не пользуется здесь никаким влиянием ни среди бухарского мусульманского населения, ни

среди бухарского еврейского купечества, среди которого он искал себе приют против Советской власти». А два дня спустя Зальманов сообщает Куйбышеву: «Доношу, что 12 сего июня Особым Отделом Туркфронта были арестованы сотрудники вверенного мне Отдела — Заведывающий Канцелярией Гришин-Павлов, Завед [ующий] Отделением ввоза и вывоза Фрюлинг, Сотрудник для поручений Болотин, Контрагент Потеляхов и младший счетовод Рубенчик». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 237; д. 27, л. 28).

В секретном информбюллетене Особотдела Туркфронта, № 85–86 за период от 31 мая по 14 июня 1920 г., Потеляхову, привлеченному в качестве обвиняемого по делу «Бухарской шпионской организации», давалась следующая характеристика: «Финансовый король, имевший в мирное время стомиллионное состояние и массу крупных торгово-промышленных предприятий. Известен всему Востоку своими богатствами и громадными оборотами. Его капиталы находятся в настоящее время в Бухаре, Персии и проч. восточных странах, с которыми он имел большие связи. По мнению многих, причастных к делу, лиц, Потеляхов имел твердое намерение скрыться за границу; удерживало его лишь то обстоятельство, что в Москве находится его семья. Будучи непосредственно связан с английским резидентом в Бухаре Пенхасом Алишаевым, Потеляхов сносился с Лондоном, куда отправлял золото, каракуль и прочие товары, закупаемые в Бухаре. Помимо материалов, свидетельствующих о шпионской деятельности Потеляхова, имеются данные о его злоупотреблениях и спекулятивных сделках с товарами, кои поручалось ему закупать в Бухаре. Есть документальные данные, свидетельствующие о том, что невыгодный для нас договор с Бухарой заключен Потеляховым с известной целью... При дознании Потеляхов заявил, что показания об английском шпионаже он может дать только тов. Элиаве. Есть указания на связь Потеляхова с Афганским консульством в Старой Бухаре, поддерживаемую при посредстве служащего у Потеляхова курда... Арестован». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 28, ч. 2, л. 67).

4 июля Турккомиссией выносится постановление: «Пока поддерживать с семьей Мансуровых связь», и на следующий день Куйбышев выписывает удостоверение «гр-ну Мирза Мухитдин Мансурову в том, что он состоит в распоряжении Комиссии». После же свержения эмирской власти один из его сыновей — Абду-Кадыр Мухитдинов — получает должности председателя «комиссии по учету ценностей» и назира торговли и промышленности новоиспеченной «советской» республики. Но в связи с избранием его 14 сентября предревкома вожде ленное торговое ведомство переходит к «старик у Мансурову», который, как свидетельствовал прибывший в Бухару в качестве ново-

го полпреда РСФСР Куйбышев, играл «значительную роль в кулуарах Ревкома» — «яркую роль выразителя буржуазной стороны переворота, приспособляющейся к советским формам». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 51, л. 18; д. 31, л. 333–334). А ведь еще 14 августа председатель ЦК бухарских коммунистов Наджиб Хусаинов просил Особый отдел «установить строгое наблюдение за всеми Мухитдиновыми, запретить им выезд», и в деле имеется «подписка» Мирзы Исама: «без разрешения Особого Отдела Туркфронта никуда не выеду из города Ташкента»... Примечательно, что свою государственную деятельность Мансуров начал с предложения «национализировать товары всех английских подданных (пешаварцев)», а заодно и афганцев, под предлогом возмещения стоимости отправленного в Англию каракуля. (РГАСПИ, ф. 544, оп. 4, д. 18, л. 15, 17; ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 333).

В то же время глава Всебухарского Ревкома Абду-Кадыр Мухитдинов стал покровительствовать богатому купечеству и высшему духовенству, ориентируясь не столько на Советскую Россию, сколько на Афганистан и Турцию. Клеймя его «националистом, панислаμισмом, несомненным русофобом» и «столпом бухарской торговой олигархии», новый полпред РСФСР в БНСР К.К. Юренев пояснял, что в отличие от председателя Совета назиров Ф. Ходжаева — разорившегося «деклассированного русофила», вынужденного «кормиться, по преимуществу, за счет государства» и поэтому более покладистого и лояльного, Мухитдинов «является представителем и главой сохранившего свои капиталы крупнейшего торгового дома», который, добившись власти в Бухаре, тяготится ее экономической зависимостью от России и страдает от национализации внешней торговли. (РГАСПИ, ф. 544, оп. 4, д. 27, л. 38–39). В сентябре 1921 г. Абду-Кадыр не был избран председателем тогда же учрежденного ВсебухЦИК (хотя его преемник перебежал вскоре на сторону бухарских повстанцев!) и вернулся на ставшую уже «семейной» должность назира торговли и промышленности, а его отец получил место в президиуме республиканского «парламента», представляя в нем купечество. Но дальнейшему преумножению богатств мансуровского семейства помешала «почетная ссылка» Абду-Кадыра, который во главе делегации БНСР выехал в Москву для заключения нового экономического соглашения с РСФСР (первое еще 4 марта подписал сам Мансуров), не подозревая, что назад его уже не выпустят: И.В. Сталин требовал «прогнать» Абду-Кадыра из Бухары, поясняя, что «Мухетдин опасен, он — главный виновник афганской ориентации», и его сторонники «являются агентами Энвера». (Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. документов. М., 1996. С. 251–252). Проведя в Москве почти четырнадцать месяцев — с 17 апреля 1922 г. по 15 июня 1923 г.,

исправившийся Абду-Кадыр был возвращен в Бухару на высокие должности председателя Совета Труда и зампредсовназирова БНСР, а впоследствии состоял главой Бухарского экономического совета, зампредревкома и председателем Совнаркома Таджикской АССР, ее представителем при ЦИК СССР и наркомом снабжения... Но еще задолго до этого Мансуров едва не монополизировал бухарский рынок, где стало успешно функционировать учрежденное им, при содействии Абду-Кадыра, «Первое Бухарское Торгово-Промышленное Товарищество на паях» (40 % его капитала принадлежало БНСР, не имевшей, однако, права участвовать в выборах правления компании), трансформировавшееся впоследствии в «Первое Узбекское Торгово-Промышленное Товарищество», членами-распорядителями которого состояли Мирза Исам и Мирза Хайрулла Мухитдиновы...

Хотя уже осенью 1920 г. развалившееся дело о бухарском «шпионаже» пришлось закрыть, вот, что сообщалось о Потеляхове в особотдельском «Информационном бюллетене № 107 (с 16 по 23 ноября 1920 г.)»: «Бывший крупный хлопководчик, занимавший второе место после Вадьяевской компании в хлопковой промышленности в Туркестане, Хиве и Бухаре. Миллионер, имевший много движимого и недвижимого имущества. После национализации хлопковой промышленности и передачи хлопка Совправительству сумел скрыть 30 вагонов хлопка, принадлежащего потеляховской компании и ныне находящегося в саду Пинхасова в Старой Бухаре. Будучи благодаря какой-то неизвестной случайности (по показаниям Потеляхова, якобы приглашение его Элиавой на советскую службу) освобожден из-под ареста ВЧК, направляется вместе с Турккомиссией в Туркестан и здесь от Внешторга получает полномочия контрагента по закупке товаров в Бухарском ханстве, производит там ряд крупных спекулятивных операций. В то же время продолжает частную торговлю с Афганистаном через евреев и имеет сношения со шпионом Пинхас-Алишаевым Мамоном. Дело его выделено и вместе с делом Исакова, агента бухконсула в Ташкенте, передано в Чека». (РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, д. 53, л. 59–60). Уже в июле 1921 г. ТуркЧК уведомила Турккомиссию, что «дело Потеляхова совместно с делом № 1807 — Козлова Павла и др. сотрудников Внешторга — передано в Сыр-Дарьинский Областной Ревтрибунал». Рассмотрев 20 августа «заклучение председателя Верховного Революционного Трибунала по делу Внешторготдела в Ташкенте, его Кульджинского и Бухарского отделений», Турккомиссия предписала «дело Козлова и Потеляхова выделить для доследования», закончив его «в кратчайший срок, не более чем в месяц», и «в случае обнаружения материалов предать их суду», а

«о всех же остальных дело прекратить». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 144, л. 131; д. 107, л. 57). Дожил ли Потеляхов до своего освобождения?

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Михаил Александрович. Род. в 1890 г. Из духовного звания, потомственный почетный гражданин. Окончив в 1905 г. Липецкое духовное училище, поступил в Тамбовскую духовную семинарию, откуда уже в 1907 г., по определению Священного Синода, исключен с «волчьим билетом» за участие «в работе кружка учащейся социалистической молодежи». Позже — канцелярский служащий, рабочий на мебельной фабрике в Пензе, разносчик газет в Ташкенте; в 1913 г. окончил краткосрочные гидротехнические курсы. Член РСДРП с января 1915 г. Призванный в армию, служил в пределах Бухарского ханства, где после Февральской революции 1917 г. избран в состав Термезского Совдепа, а затем — председателем Областного Совета солдатских и рабочих депутатов русских поселений. Составитель (?) вышедшего двумя изданиями «Карманного русско-сартовского словаря» (Таш., 1917) и автор статей в периодических изданиях: «Не мешайте». (Письмо из Бухары) // Туркестанские ведомости, 14.06.1917, № 66; К бухарскому вопросу // Туркестанские ведомости, 25.06.1917, № 76; Гнездо хищников // Наша газета, 30.12.1917, № 161 и др. Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, на котором зарегистрирован как беспартийный. В январе 1918 г. назначен членом «Коллегии по Бухарским и Живинским делам» и впоследствии указывал, что работал «в ЦК Младо-Бухарской партии по особой директиве председателя Совнаркома Туркестана» Ф.И. Колесова с целью организации восстания против эмира. Являясь одним из инициаторов неудачной попытки насильственной советизации Бухарского ханства, состоял комендантом Новой Бухары, которую при ее эвакуации, по словам А.Я. Гальперина, покинул одним из первых. В статье «События в Бухаре» (Наша газета, 03.04.1918, № 64) пытался обелить истинных виновников кровопролития. В автобиографии писал: «В 1918 г., пробираясь через Семиречье, Семипалатинск на Сибирскую магистраль с тем, чтобы попасть в Центр, так как в Оренбурге была дутовская «пробка» и по Ташкентской железной дороге нельзя было пробраться в Москву, чешским переворотом был задержан в Сибири, где скрывался, как [парт] работник и как подлежащий призыву в армию Колчака, до Иркутского переворота». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 2556/9761, л. 6 [Краткая автобиография члена РКП М.А. Преображенского. 1923 г.]). После падения колчаковского правительства временно исполнял должность военкома и начальника политотдела 1-й Читинской стрелковой дивизии. В 1922–1923 гг. — секретарь Дальистпарта и зам. уполномоченного Наркомпрода РСФСР в Чите. С октября

1923 г. — зам. назира земледелия БНСР, с февраля 1924 г. — заведующий отделом землеустройства Тамбовского губисполкома, с августа 1925 г. — в распоряжении Амурского губкома РКП(б).

УСПЕНСКИЙ Константин Яковлевич. Род. в 1874 г. в Тамбове. Получив медицинское образование, в 1915 г. служил главным врачом Перовского военного госпиталя, причем его бывший санитар австриец Л. Кракгоффер уже осенью 1919 г. даст показания, что доктор — «полный господин, гладко остриженный, грубого голоса» — бесчеловечно-де обращался с персоналом и даже тяжелобольными военнопленными: «Он часто бил нас толстой палкой, а если ему попадалась ложка, то и ложкой... Лечить он больных не хотел. «Чем больше их умрет, — говорил этот доктор, — тем лучше». Переведенный в г. Туркестан, после Февральской революции 1917 г. возглавил там Совет солдатских депутатов, в котором, по утверждению председателя уездной Чрезвычайной следственной комиссии большевика Н. Зиновьева, опирался на «сынков буржуазии», окопавшихся в тыловых «лазаретных и слабосильных командах»; будучи искусным демагогом, умел «складно и горласто» выступать на митингах и «обладал неописуемым нахальством»: «Ставливать кого-либо с кем-либо — это он умел делать мастерски». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 380, л. 48–49). Делегированный на 1-й краевой съезд Советов, примкнул в Ташкенте к левым эсерам, выдвинувшим его кандидатом в члены Учредительного собрания. 24 октября избран временным председателем Туркестанского Краевого Совета солдатских и рабочих депутатов, но, по приказу П.А. Коровиченко, в ночь на 28 октября арестован вместе с большевиком А.А. Казаковым и заключен в Ташкентскую крепость. (Наша газета, 09.11.1917, № 123). После освобождения введен 2 ноября в состав временного Краевого исполкома, на заседании которого 6 ноября избран комиссаром по народному здравью и общественному призрению и комиссаром по народному образованию, что 10 ноября подтверждено краевым совещанием. (Туркестанские ведомости, 15/28.11.1917, № 178). Являлся ответственным редактором «Нашей газеты» и, избранный на 3-м краевом съезде Советов в состав Совнаркома, с 23 по 26 ноября и с 7 декабря состоял комиссаром по народному здравью и одновременно, с 27 ноября, — комиссаром для особых поручений, с 1 декабря — комиссаром по народному просвещению. На 5-м краевом съезде Советов вновь избран членом Совнаркома, в котором занимал посты товарища председателя и комиссара образования; с 15 мая по 17 июня замещал ушедшего в отпуск Ф.И. Колесова, исполняя обязанности предсовнаркома. Автор статьи «Что такое Советская власть» (Советский Туркестан, 20.06.1918, № 6; 22.06.1918, № 8), вы-

шедшей отдельной брошюрой. Член ЦК партии левых эсеров Туркестана. Во время ташкентского «осиповского» восстания схвачен мятежниками и получил легкое ранение, когда через открытую дверь камеры те начали стрелять по арестованным, убив четверых из них. (Креслин Э. Январские события 1919 года в Ташкенте // Красная летопись Туркестана. 1923. № 1–2. С. 170). После подавления мятежа избран товарищем председателя Временного военно-революционного совета. Вступив вместе с большинством левых эсеров в ряды РКП(б) на 7-м Чрезвычайном съезде Советов Турккеспублики, избран в состав ТуркЦИК и с 1 апреля 1919 г. состоял первым товарищем его председателя А.А. Казакова, но пал жертвой борьбы за власть между «казаковцами» и «кобозевцами».

В постановлении учрежденной 4-м партсъездом Контрольно-следственной комиссии объявлялось, что: «1) тов. Успенский покровительствовал офицерам и юнкерам путем массового освобождения их из заключения после Октябрьского переворота.; 2) тов. Успенский является ярым защитником всех бывших левых [социалистов]-р[еволюционеров], хотя бы таковые обвинялись в государственных или иных тяжчайших преступлениях, как, например, Колузаева и др.; 3) на тов. Успенского падает подозрение, что он, как бывший левозсеровский лидер, совместно с Колузаевым принимал участие в заговоре против Советской власти, который предшествовал январскому мятежу; 4) на него же, Успенского, падает вторичное подозрение в подготовке нового восстания с целью низвержения Советской власти; 5) тов. Успенский, будучи до Февральской революции убежденным монархистом, принимавшим участие во всех патриотических манифестациях (в гор. Перовске) и отстаивавшим империалистический лозунг «война до победного конца», изобличается в партийном хамелеонстве, выразившемся в революционный период в неоднократном изменении своих политических убеждений; 6) тов. Успенский, занимая должность главного врача в Перовском военном госпитале, бесчеловечно обращался с военнопленными, как служившими в этом госпитале, так и находившимися там на излечении, бил их палкой, отказывал последним в подаче медицинской помощи, причем от такого зверского обращения тов. Успенского некоторые больные убегали из госпиталя и оканчивали жизнь самоубийством; кроме того, издевательства тов. Успенского распространялись на русских солдат, а также на здоровых военнопленных, которых он за малейшее невнимательное отношение к себе, в виде не отдания за версту чести, подвергал жестоким наказаниям». Комиссия полагала «дело по вышеуказанным обвинениям, предъявляемым к тов. Успенскому, направить для всестороннего расследования в Чека Республики, а самого тов. Успенского немед-

ленно исключить из состава Российской Коммунистической Партии», с чем съезд с готовностью согласился. (Туркестанский коммунист, 08.10.1919, № 124). Для большей дискредитации Успенского на страницах партийного органа появились фельетоны Семеньчга «Его карьера. (Фантазия)» и Иностранного коммуниста «Дополнение к «Его карьере». (Там же, 17.09.1919, № 110; 23.09.1919, № 115). Заключение в ташкентскую тюрьму, выступал в качестве защитника на судебном процессе бывшего комиссара продовольствия К.П. Поварова, обвинявшегося в шпионаже в пользу англичан. Хотя ведение следствия прибывшие в Ташкент члены Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР поручили еще 8 ноября комиссару для особых поручений М.М. Михалевскому, окончательный вердикт они вынесли лишь 13 апреля 1920 г.: «Выслать Успенского в Россию и предложить поместить его там в концентрационном лагере». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 27, л. 36). Уже в 1923 г. Ф.И. Колесов писал, что его заместитель по Совнаркому «в полном смысле был активной фигурой в революционном движении», но, вступив в большевистскую партию, окончил-де «тем, что включил свое имя в противосоветский заговор, и до сих пор Успенский находится в концентрационном лагере». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 9018/5559, л. 11). Впоследствии жил в Москве, где преподавал в фельдшерской школе. Арестованный 22 апреля 1938 г., обвинялся в создании эсеровской организации и подготовке террористических актов. 20 июня 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу и в тот же день казнен. Реабилитирован в 1971 г. (Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. М., 2000. С. 412).

ЧЕРНЕВСКИЙ Николай Иванович. Род. в 1865(?) г., из потомственных дворян Черниговской губ. Окончил реальное училище в Киеве и петербургское Морское училище, где вступил в военно-революционный кружок гардемарин. В 1886 г. произведен в мичманы и получил назначение во 2-й Черноморский флотский экипаж в Севастополь, где 16 декабря арестован. Доставленный в Петербург, 26 января 1887 г. заключен в Петропавловскую крепость и 18 октября приговорен Петербургским военно-окружным судом к лишению всех прав состояния и воинского звания и к ссылке в каторжные работы на 6 лет. По высочайшей конфирмации приговора наказание заменено разжалованием в рядовые с назначением 6-летнего срока действительной службы с тем, чтобы производство в унтер-офицеры последовало не ранее чем через 3 года, а в офицеры — через 6 лет. Назначенный в войска Туркестанского военного округа, в 1892 г. служил унтер-офицером в 8-м Туркестанском линейном батальоне в Катта-Кургане. Выйдя в отставку в чине подполковника, служил в Земельной податной комиссии в Самаркандской обл. Неоднократно под-

вергался репрессиям как социалист-революционер: 18 октября 1908 г. подвергнут обыску, в результате которого полицией изъято более 500 экз. партийных изданий, и заключен под стражу, но из-за недостатка улик вскоре освобожден; в 1913 г. арестован и его сын Всеволод. (ГАРФ, ф. 102 [Департамент полиции], Особый Отдел, 1911 г., д. 9, ч. 84, лит. Б [Сводка агентурных сведений... за октябрь 1911 г.], л. 108; ф. 533 [Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев], оп. 1, д. 1391, л. 63–64; РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 151). Во время первой мировой войны, проживая с семьей в Коканде, руководил местным отделением патриотического «Общества 1914 года», ставившего своей целью «освобождение русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли от немецкого засилья». После Февральской революции 1917 г. возглавил кокандскую эсеровскую организацию и приезжал «делать революцию» в Бухару, где, как свидетельствовал А.Я. Гальперин, в связи с арестом А.Я. Миллера «резидентом на час оказывается Игорь Чертов, а чем-то вроде драгомана Николай Иванович Черневский». Позже, обосновавшись в Ташкенте, стал одним из признанных лидеров и членом ЦК туркестанских левых эсеров, хотя, как уверял большевик Ф.И. Колесов, являлся-де «человеком, по своим умственным качествам, чрезвычайно ограниченным» и вообще «свою политическую карьеру неважным путем составил». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 17; ф. 17, оп. 100, д. 9018/5559, л. 11).

Председательствуя 12 сентября 1917 г. на митинге в Александровском саду, избран временным председателем, а 17 сентября — вторым товарищем председателя Исполкома Ташкентского Совдепа. Однако на заседании городской думы 16 сентября один из ее гласных заявил, что во главе самозванного Ревкома стоит «черносотенец и политический шулер» Черневский, «ныне ставший социалистом-революционером, а не так давно активно участвовавший в хорошо известном своим направлением «Обществе 1914 года» и издававший газету того же направления». (Туркестанские ведомости, 28.09/11.10.1917, № 146). На 2-м краевом объединенном съезде Советов эта же тема получила продолжение в докладе меньшевика В.А. Губанова о сентябрьских событиях в Ташкенте и речи члена краевого мусульманского совета У. Ходжаева, вновь напомнившего о том, что Черневский руководил отделением «Общества 1914 года», получившего в Коканде «характер погромной черносотенной организации, направленной против евреев и мусульман». Ему также инкриминировалось поданное в свое время «всеподданейшее прошение на Высочайшее имя о прощении и помиловании» и рукоприкладство в отношении низших чинов, что подтверждал приказ по Аму-Дарьинской флотилии от 16 апреля 1902 г., в котором командиру парохода «Царица» поручику Чер-

невскому объявлялся выговор за «зуботычину рядовому». Рассказывая о состоявшемся 7 октября заседании краевого съезда, газета «Туркестанские ведомости» писала: «Черневский пробует оправдываться, но его речь не производит должного впечатления и, несмотря на попытки его единомышленников по партии, сильное волнение и выкрики отдельных членов, его участь предрешена и он исключается». Принятая резолюция гласила: «Ввиду того, что член съезда Черневский в своем объяснении только подтвердил все выдвинутые против него обвинения, съезд находит, что лицо с такими позорными фактами в прошлом не может состоять членом съезда и потому доводит до сведения Исполкома [Ташкентского Совдепа], что делегированный им на съезд Черневский временно устраняется от работы съезда — впредь до решения Совета солдатских и рабочих депутатов вопроса о его прошлом. Резолюция эта принимается 50 голосами при 18 воздержавшихся». (Туркестанские ведомости, 12/25.10.1917, № 158; 14/27.10.1917, № 160). После допроса следственной комиссией в связи с ташкентскими событиями арестован в ночь с 16 на 17 октября вместе с экс-предревкома эсером-максималистом поручиком Е.Л. Перфильевым и товарищем председателя Ревкома анархистом В.Г. Шмидтом, что вызвало волну требований об их освобождении. На заседании временного Краевого Исполкома 6 ноября выдвинут на должность «комиссара по земельному вопросу», но не избран в Совнарком на 3-м съезде Советов; в декабре Исполкомом Ташкентского Совдепа назначен комиссаром по городским делам. В мае 1918 г. на 5-м краевом съезде Советов включен, наконец, в состав Совнаркома Туркеспублики и в благодарственной речи, обращенной к большевистской фракции, заявил: «С душевным трепетом решаюсь принять тяжелое бремя власти. Наша сила в единении с вами. Призываю объединиться для завоевания свободы...» (Наша газета, 05.1918, № 91).

Занимая пост комиссара торговли и промышленности и председателя Совета народного производства Туркеспублики, из-за своего отказа весной 1919 г. последовать примеру однопартийцев и «слиться» с большевиками, оказался вне власти, а попытка его малочисленных сторонников воссоздать партию потерпела крах. На совместном заседании Крайкома РКП(б) с членами Турккомиссии 25 ноября при обсуждении вопроса «О легализации партии л[евых] эсеров под названием «борьбистов-максималистов» Ш.З. Элиава заявил, что рассматривать их декларацию «не придется», ибо: «Эта партия нам не нужна. С левыми эсерами разговор короток. В атмосфере Туркестана не может быть речи о легализации этой партии. Сейчас они не хотят вести с нами борьбу, но потом объявят ее». Элиава предлагал оставить их декларацию «без внимания и принять меры пресечения ка-

кой бы то ни было работы этой партии». Председателя Турккомиссии поддержал и новый глава ТуркЦИК И.А. Апин: «Сейчас все более и более выясняется вопрос о роли левых эсеров в январских событиях. Все главари этой партии знали и подготавливали восстание. Вина их стала очевидной. Чтобы загладить ее, решили слиться в партию коммунистов. Сделавшись членами нашей партии, они тормозили ее работу, компрометируя ее, где только возможно. Они хотят забрать реальную силу в свои руки. Нет конкретного случая, где доказали бы свою преданность партии коммунистов. Как уже указал тов. Элиава, при туркестанских обстоятельствах легализация эсеровской партии невозможна. Необходимо раз и навсегда покончить с ней». В итоге заседание поддержало внесенное Г.И. Бройдо предложение: «1) просьбу «борьбистов-максималистов» в легализации партии левых эсеров отклонить; 2) вести непреклонную борьбу с этой партией, изолируя ее одновременно от всякой политической работы». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 3, л. 58–59).

Вслед за этим Черневский был арестован и, заключенный в ташкентскую тюрьму, направил оттуда 7 декабря заявление в Крайком РКП(б): «Ввиду того, что Партия Левых Социалистов-Революционеров, к которой я принадлежу с начала Социальной Революции, в настоящее время не организована в Туркестане — после слияния ее с Российской Коммунистической Партией, а также ввиду того, что не последовало ответа на Декларацию Организационного Бюро Партии Левых Социалистов-Революционеров (борьбистов, максималистов), я имею возможность обратиться с просьбой о защите моих законных прав, как человека и революционера, только к Вашей партии, с которой я совместно на протяжении двух лет боролся за укрепление Советской Власти. 27-го ноября с. г. я арестован с тремя моими сыновьями Николаем, Всеволодом и Александром; в продолжении 5 дней [мы] находились в заключении при Особом Отделе и 3-го декабря переведены в Ташкентский Исправительный Рабочий Дом, где и находимся до сих пор без предъявления обвинения и допроса. Прошу Комитет Партии сделать распоряжение о предъявлении мне и моим сыновьям обвинения, как это полагается по Законам Российской Социалистической Советской Республики». Но, рассмотрев 19 декабря «заявление левого с.-р. Черневского», Турккомиссия постановила: «Выслать Черневских в Россию, если не встретится препятствий со стороны Особого Отдела». На заявление жены Н.И. Черневского, от 22 декабря, с просьбой ускорить ход дела арестованных, прошлое которых «хорошо известно всем старым революционным работникам левосоциалистического крыла Туркестана», последовало распоряжение, от 25 декабря, начальнику Особотдела В.П. Будникову: «Предлагаю освободить находящихся в Исправительном Рабочем Доме и арестованных по

ордеру Особого Отдела гр. Николая Ивановича Черневского и трех его сыновей Николая, Всеволода и Александра, предложив им выехать в Россию без конвоя». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 15, л. 36; оп. 1, д. 10, л. 17; д. 261, л. 282, 284).

Однако, жаловался Черневский, заведующий следственной частью Особотдела заявил арестованным: «Вы обвиняетесь как главные организаторы январского контрреволюционного выступления, но ввиду амнистии дело прекращается, а Вам предлагается в трехдневный срок оставить Туркестанский край». Напоминая о своих революционных заслугах, Черневский вновь обратился 26 декабря к Крайкому РКП(б): «Я был председателем первого революционного Совета Ташкента, провозгласившего «вся власть Советам» по всему краю в телеграмме за моей подписью 12-го сентября 1917 года. После того, как я посвятил не только свою жизнь революционной борьбе, но и отдал самое для меня дорогое, воспитав своих детей как честных борцов за Социальную Революцию, для меня самого обвинение в контрреволюционном выступлении против Советской власти является глубоко оскорбительным, и я считаю своим неотъемлемым правом, чтобы суд рассмотрел это дело и снял с меня и моих детей это незаслуженное позорное обвинение. Подчиниться же добровольно административной высылке как амнистированному, отказавшись от опровержения возводимых на нас обвинений, было бы равносильно молчаливому признанию какой-то вины. Отказавшийся по этим мотивам уехать добровольно и теперь высылаемый под конвоем, я еще раз обращаюсь к Краевому Комитету как единственному органу, от которого я могу ожидать защиты моей Революционной Чести, которая дороже мне самой жизни, с просьбой назначить формальное следствие и суд». Рассмотрев 4 января 1920 г. заявление Н.И. Черневского, Крайком РКП(б) постановил передать его на распоряжение Турккомиссии, в результате чего, как отмечалось в заявлении от 14 апреля председателя «Организационного бюро левых социалистов-революционеров (борьбистов-максималистов)» В.Н. Черневского, он сам, его отец и братья были высланы из Ташкента «в арестантском вагоне и после сидения в оренбургской тюрьме освобождены и выдворены в Оренбурге в ссылку под надзор милиции». На запрос местного губкома РКП(б), «могут ли Черневские выехать из Оренбурга в Туркестан или центр России», управделами Турккомиссии Ф.Я. Рабинович ответил: «Турккомиссия не встречает препятствий к проживанию Черневских в Оренбурге или другом месте Центральной России. Возвращение в Туркестан воспрещается». Уже в октябре секретарь ЦК РКП(б) Е.А. Преображенский уведомлял Турккомиссию о том, что «левый эсер Черневский, высланный из Туркестана постановлением начальника Особого от-

дела Будникова, просит разрешения приехать в Туркестан, чтобы добиться реабилитации»... (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 151; ч. 2, л. 471–472; ф. 17, оп. 65, д. 379, л. 52).

ШКАРУПА (Шкарупо) Моисей Кузьмич. Род. в 1880 г. Член РКП(б). Командир красногвардейских и продовольственных отрядов в районах Актюбинска и Ак-Булака, сотрудник Продовольственной дирекции в Ташкенте, комендант поезда председателя ТуркЦИК во время его поездки в Закаспий в апреле 1919 г. «Когда я ездил на Асхабадский фронт вместе с Казаковым для урегулирования некоторых вопросов, — рассказывал П.А. Кобозев, выступая 11 сентября на 8-м съезде Советов Туркеспублики, — меня в вагоне познакомили с неким Шкарупой. Представляясь мне, он сказал: «Моя фамилия Шкарупа, но меня еще зовут Малютой Скуратовым. Да, это верно: я — советский Малюта Скуратов». И у меня тогда мелькнула страшная мысль, нет ли тут поблизости Ивана Грозного? Раз есть Малюта, то должен быть царь Иван и его опричники». (Туркестанский коммунист, 13.09.1919, № 107). Кобозев намекал на главу ТуркЦИК А.А. Казакова и, уже вернувшись в Москву, в докладе ЦК РКП(б) писал о Шкарупе: «Палач, имевший задание Казакова расстрелять меня; грабитель, участвовавший в ограблении Андижанского банка». (РГАСПИ, ф. 133, оп. 1, д. 26, л. 37). После операции по разоружению взбунтовавшихся красноармейцев-интернационалистов и похищения П.П. Введенского назначен комендантом поезда и начальником отряда при комиссии предсовнаркома К.Е. Сорокина, выехавшей в мае 1919 г. в Фергану. Оставлен там в качестве председателя Реввоен трибунала Ферганского фронта, ибо, как пояснял комфронта М.В. Сафонов, «лучше его не нашлось, а он — натура с железной волей». Методы работы предреввоен трибунала обсуждались на проходившей в августе 3-й областной партконференции: в отчете делегата из Андижана отмечалась «особая жестокость Шкарупы, применявшего при арестах, от имени Чрезвычайной Комиссии..., жандармские приемы времен николаевщины; так, например, Силаев был схвачен Шкарупой за шиворот на партийном собрании и, со словами «гад» и т. п., выволочен из зала. Несмотря на поручительство как партии, так и командующего фронтом т. Коновалова, Силаев не был выпущен на поруки и в настоящий момент попал в психиатрическую лечебницу в Коканде». В другом выступлении указывалось, что «обычным человеческим языком со Шкарупой говорить нельзя; он не только оскорбляет, но и бьет и может даже без толку убить». Признав объяснения Шкарупы «голословными», партконференция потребовала незамедлительного предъявления обвинений всем арестованным им лицам. (Туркестанский коммунист, 30.10.1919, № 143).

ордеру Особого Отдела гр. Николая Ивановича Черневского и трех его сыновей Николая, Всеволода и Александра, предложив им выехать в Россию без конвоя». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 15, л. 36; оп. 1, д. 10, л. 17; д. 261, л. 282, 284).

Однако, жаловался Черневский, заведующий следственной частью Особотдела заявил арестованным: «Вы обвиняетесь как главные организаторы январского контрреволюционного выступления, но ввиду амнистии дело прекращается, а Вам предлагается в трехдневный срок оставить Туркестанский край». Напоминая о своих революционных заслугах, Черневский вновь обратился 26 декабря к Крайкому РКП(б): «Я был председателем первого революционного Совета Ташкента, провозгласившего «вся власть Советам» по всему краю в телеграмме за моей подписью 12-го сентября 1917 года. После того, как я посвятил не только свою жизнь революционной борьбе, но и отдал самое для меня дорогое, воспитав своих детей как честных борцов за Социальную Революцию, для меня самого обвинение в контрреволюционном выступлении против Советской власти является глубоко оскорбительным, и я считаю своим неотъемлемым правом, чтобы суд рассмотрел это дело и снял с меня и моих детей это незаслуженное позорное обвинение. Подчиниться же добровольно административной высылке как амнистированному, отказавшись от опровержения возводимых на нас обвинений, было бы равносильно молчаливому признанию какой-то вины. Отказавшийся по этим мотивам уехать добровольно и теперь высылаемый под конвоем, я еще раз обращаюсь к Краевому Комитету как единственному органу, от которого я могу ожидать защиты моей Революционной Чести, которая дороже мне самой жизни, с просьбой назначить формальное следствие и суд». Рассмотрев 4 января 1920 г. заявление Н.И. Черневского, Крайком РКП(б) постановил передать его на распоряжение Турккомиссии, в результате чего, как отмечалось в заявлении от 14 апреля председателя «Организационного бюро левых социалистов-революционеров (борьбистов-максималистов)» В.Н. Черневского, он сам, его отец и братья были высланы из Ташкента «в арестантском вагоне и после сидения в оренбургской тюрьме освобождены и выдворены в Оренбурге в ссылку под надзор милиции». На запрос местного губкома РКП(б), «могут ли Черневские выехать из Оренбурга в Туркестан или центр России», управделами Турккомиссии Ф.Я. Рабинович ответил: «Турккомиссия не встречает препятствий к проживанию Черневских в Оренбурге или другом месте Центральной России. Возвращение в Туркестан воспрещается». Уже в октябре секретарь ЦК РКП(б) Е.А. Преображенский уведомлял Турккомиссию о том, что «левый эсер Черневский, высланный из Туркестана постановлением начальника Особого от-

дела Будникова, просит разрешения приехать в Туркестан, чтобы добиться реабилитации»... (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 151; ч. 2, л. 471–472; ф. 17, оп. 65, д. 379, л. 52).

ШКАРУПА (Шкарупо) Моисей Кузьмич. Род. в 1880 г. Член РКП(б). Командир красногвардейских и продовольственных отрядов в районах Актюбинска и Ак-Булака, сотрудник Продовольственной дирекции в Ташкенте, комендант поезда председателя ТуркЦИК во время его поездки в Закаспий в апреле 1919 г. «Когда я ездил на Асхабадский фронт вместе с Казаковым для урегулирования некоторых вопросов, — рассказывал П.А. Кобозев, выступая 11 сентября на 8-м съезде Советов Туркеспублики, — меня в вагоне познакомили с неким Шкарупой. Представляясь мне, он сказал: «Моя фамилия Шкарупа, но меня еще зовут Малютой Скуратовым. Да, это верно: я — советский Малюта Скуратов». И у меня тогда мелькнула страшная мысль, нет ли тут поблизости Ивана Грозного? Раз есть Малюта, то должен быть царь Иван и его опричники». (Туркестанский коммунист, 13.09.1919, № 107). Кобозев намекал на главу ТуркЦИК А.А. Казакова и, уже вернувшись в Москву, в докладе ЦК РКП(б) писал о Шкарупе: «Палач, имевший задание Казакова расстрелять меня; грабитель, участвовавший в ограблении Андижанского банка». (РГАСПИ, ф. 133, оп. 1, д. 26, л. 37). После операции по разоружению взбунтовавшихся красноармейцев-интернационалистов и похищения П.П. Введенского назначен комендантом поезда и начальником отряда при комиссии предсовнаркома К.Е. Сорокина, выехавшей в мае 1919 г. в Фергану. Оставлен там в качестве председателя Реввоен трибунала Ферганского фронта, ибо, как пояснял комфронта М.В. Сафонов, «лучше его не нашлось, а он — натура с железной волей». Методы работы предреввоен трибунала обсуждались на проходившей в августе 3-й областной партконференции: в отчете делегата из Андижана отмечалась «особая жестокость Шкарупы, применявшего при арестах, от имени Чрезвычайной Комиссии..., жандармские приемы времен николаевщины; так, например, Силаев был схвачен Шкарупой за шиворот на партийном собрании и, со словами «гад» и т. п., выволочен из зала. Несмотря на поручительство как партии, так и командующего фронтом т. Коновалова, Силаев не был выпущен на поруки и в настоящий момент попал в психиатрическую лечебницу в Коканде». В другом выступлении указывалось, что «обычным человеческим языком со Шкарупой говорить нельзя; он не только оскорбляет, но и бьет и может даже без толку убить». Признав объяснения Шкарупы «голословными», партконференция потребовала незамедлительного предъявления обвинений всем арестованным им лицам. (Туркестанский коммунист, 30.10.1919, № 143).

Уже 8 октября Крайком РКП(б) заслушал доклад председателя выезжавшей в Фергану комиссии, который сообщил, что «Шкарупа позволил себе, без ведома Реввоенсовета фронта, расстрелять 18 чел. мусульман», причем «расстреляны были не басмачи, а простые люди — молочники, которые, как потом выяснилось, носили молоко солдатам». В этой связи Крайком предложил «вызвать Шкарупу в Ташкент». Вопрос о нем обсуждался на заседаниях Крайкома 23 и 28 октября, на которых вновь отмечалось, что Шкарупа «терроризировал население» и ему инкриминируют «грубость в суде по отношению к подсудимым и свидетелям, невыслушивание достаточно подробно подсудимого, обезличение всех остальных членов суда, вынесение приговоров без предварительного обсуждения». Предполагалось исключить его из партии и предать суду, но за Шкарупу вступился комфронта Сафонов, заявивший, что, хотя у того и «имеются в характере черты весьма нежелательные, но зато хороших качеств в нем больше», и «почему прибегли к его аресту, совершенно непонятно». Жестокость Шкарупы, объяснял А.Ф. Солькин, вызвана «не корыстной целью, а радением об общем благе». В итоге Крайком решил подождать результатов следствия, проводимого Особым отделом по делу Шкарупы. (РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 3, л. 7, 29–30). После приезда Турккомиссии в Ташкент привлечен к судебной ответственности, и в Информбюллетене Особого отдела Туркфронта (№ 54 за период с 7 по 9 декабря 1919 г.) между прочим говорилось: «Какие же формы приняла Советская власть в Фергане, обусловившая восстание даже столь инертных масс, показывает дело Шкарупы, одного из полновластных советских представителей... Самочинно расстрелял при самых возмутительных обстоятельствах 29 человек из пулемета, причем раненых сам добивал...» Но уже 3 мая 1920 г. Турккомиссия постановила «дело Шкарупы прекратить и предать забвению», а самого его «выслать в Россию». В выданном ему в Ташкенте удостоверении от ...24 декабря (!) указывалось, что Шкарупа командировается в Москву в распоряжение ЦК РКП(б) с «секретным пакетом», в который член Турккомиссии Г.И. Сафаров вложил записку: «Вместе с сим направляется в Ваше распоряжение выселяемый из Туркестана за колонизаторскую деятельность тов. Шкарупа, который в бытность свою в Фергане за карательную работу получил среди населения прозвище «Малюта Скуратов»». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 28, ч. 1, л. 9; оп. 4, д. 27, л. 44; оп. 1, д. 31, л. 177, 181). Впоследствии — на хозяйственной работе. Персональный пенсионер. (См. его воспоминания: Восстание интернационалистов // Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении. [Начало Закаспийского фронта.] Под ред. Г.И. Карпова. Ашхабад, 1937. Т. 1.

ШМИДТ Вилис Янович. Род. 9 декабря 1888 г. в г. Либаве, где его отец, происходивший из крестьян Гробинского уезда Курляндской губ., служил составителем поездов на Либаво-Роменской железной дороге. В 1898–1904 гг. учился в городском железнодорожном училище. По окончании его определен учеником Либавских железнодорожных мастерских, откуда уволен 14 декабря 1905 г. «за активное участие в забастовке». Уличенный «в поранении в ночь на 7 июня 1906 г. унтер-офицера Либавского отделения Виленского жандармского полицейского управления», бежал за границу, где проживали двое его старших братьев. Арестован 26 июля 1908 г. при нелегальном возвращении из Австрии близ м. Берестечка (при обыске «отобран заряженный браунинг и брошюра преступного содержания»), назвался Василием Ольшевским и заключен в тюрьму г. Дубно Волынской губ. По выяснении настоящего имени отправлен 3 декабря этапным порядком в Либаву, а оттуда — в Ригу, где 1 июля 1909 г. приговорен Временным Военным судом «по лишении всех прав состояния в каторжные работы сроком на 20 лет». Отбывал каторгу в Шлиссельбурге, а в 1912 г. переведен в Орловский централ, где участвовал в акции протеста против тюремного режима, за что, как указывалось в одном из рапортов, «все шумевшие арестанты были связаны и в видах прекращения крика им же были завязаны рты полотенцами». (ГАРФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1908 г., д. 4694 [Об исследовании благонадежности лиц, именующихся Сергеем Петровым Красновым и Василием Ивановым Ольшевским], л. 6, 16–18; 1909 г., д. 2, ч. 29, т. 1 [Разная переписка по Лифляндской губ.], л. 56).

После Февральской революции 1917 г. оказался в Ташкенте, где 12 сентября на митинге в Александровском парке избран товарищем председателя Временного революционного комитета. Принятое двумя днями спустя постановление Ревкома и исполкома Ташкентского Совдепа гласило: «Ввиду распространившихся слухов по городу, что тов. Шмидт — провокатор, выразить последнему доверие, что принято большинством при 4 воздержавшихся». (Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. документов. Таш., 1963. Т. 1, с. 310, 319). В связи с прибытием в Ташкент правительственных войск арестован в ночь на 17 октября вместе с бывшим предревкома эсером-максималистом Е.Л. Перфильевым и товарищем председателя исполкома Совдепа левым эсером Н.И. Черневским. После свержения Временного правительства кооптирован 14 ноября в состав продовольственной секции Ташкентского Совдепа с поручением находиться «при прези-

диуме в качестве организационного бюро и [для] справок». (Наша газета, 16.11.1917, № 128). Командированный в Московский текстильный район для решения вопроса о снабжении туркестанцев мануфактурой, пригрозил там, что если ее не выделяют «сверх разверстки для обмена на хлеб, то не получают ни фунта хлопка». Вернувшись в Ташкент с двумя вагонами мануфактуры в феврале 1918 г., 2 марта кооптирован в состав краевого Совнаркома в качестве «комиссара по хлопку», а 10 марта назначен «уполномоченным по отправке хлопка в центр России и по организации общего контакта деятельности с рабочими организациями текстильной промышленности». (Наша газета, 05.03.1918, № 41; 12.03.1918, № 47). Защищая перед руководством «краевого союза рабочих, служащих и мастеровых хлопковых, маслобойных и мыловаренных предприятий Средней Азии» декрет Совнаркома о национализации хлопковой промышленности, между прочим говорил: «Как я лично, так и другие комиссары, в этом деле ничего не понимаем. Если с вашей стороны не будут проявляться тенденции к эксплуатации, то мы, комиссары, даже не будем в хлопковое дело и вмешиваться». Выступая на «народном митинге» 8 марта, призывал к «террору мировому, под каким бы флагом капиталисты ни шли», и отвергал необходимость формирования «какой-то социалистической армии», предлагая «мир не заключать и войну не продолжать», ибо «освобождение рабочих должно быть делом рук самих рабочих». Подчеркивая, что не признает никакой власти и «сейчас у нас диктатура не пролетариата, а большевиков», которые много «посулили, а ничего не сделали», советовал рабочим не доверять свою судьбу никому, решая любые вопросы на митингах. Современники отзывались о Шмидте как о «человеке стихийном», убежденном антигосударственнике, но «в смысле чести и доверия — щепетильном». (Новый Туркестан, 09.03.1918, № 17; 10.03.1918, № 18; 28.03.1918, № 31).

Состоял комиссаром отрядов, выступивших в поход на выручку Ф.И. Колесову в Бухару, и председателем мирной конференции в Кизил-Тепе. Перед отъездом туда на большом митинге красногвардейцев говорил: «На нашем знамени нет лозунгов: грабь ни в чем неповинных кишлячников, устраивай по заказу бухарские революции. Заря социальной революции, занявшаяся над пролетарской Россией, освободила все угнетенные донныне народы и предоставила им широкое поле для самоопределения. Что же сделал Колесов? Растоптав принцип самоопределения, он, почище царского генерал-губернатора, пришел с войсками в Бухару, чтобы с ней расправиться. Результаты вы видите. Вон, на горизонте, еще тлеют результаты ваших действий, в которых повинны не вы, а те, кто толкнул вас на это... Первым нашим делом по прибытии в Ташкент должно быть преда-

ние суду Колесова и тех, кто вместе с ним затевал бухарскую авантюру». Об этом же заявил и на приеме у эмира: «Я — не дипломат и принес Вам не ученую дипломатическую ноту, а свое сердце. В нем написано: «да не будет пролита невинная кровь Вашего народа впредь». Меня уполномочили заверить Вас, что Советская Россия никогда не вмешается во внутреннюю жизнь Вашего ханства и что интересы Вашего народа, коль скоро они будут соприкасаться с нашими интересами, никогда не будут нарушены. В этом заключается вся моя дипломатия, и верьте — ее я выполню до конца. Что же касается виновников и, в частности, Колесова, то он будет предан суду». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 84–86). Впрочем, последнее обещание выполнить не сумел, ибо в Ташкенте боялись, что даже формальное расследование обстоятельств колесовского похода окончательно скомпрометирует власть. Поэтому, заслушав 1 апреля доклад Шмидта о бухарских событиях, Совнарком ограничивается лаконичным постановлением: «Принять к сведению». Тогда же было решено «мирные условия подписать» и «назначить тов. Шмидта, впредь до созыва делегатского краевого съезда, [уполномоченным] для проведения мирного договора в жизнь и установления сношений с Бухарой». (Наша газета, 05.04.18, № 66).

В приказе от 12 апреля, подписанном Колесовым, комиссаром юстиции А.С. Сидоровым и комиссаром путей сообщения Е.Е. Богоявленским говорилось: «Согласно пункту 8 дополнительного соглашения, заключенного между русскими и бухарскими уполномоченными в Кизил-Тепе 25 марта 1918 г., и в отмену прежде бывших распоряжений о Коллегии по Бухарским делам вместо должности Российского Резидента в Бухаре учреждается должность комиссара при Бухарском правительстве. При комиссаре этом состоит один помощник, который заведует канцелярией Резидентства и в случае отъезда комиссара из Бухары вступает в должность комиссара. Комиссаром при Бухарском правительстве назначается гр. В.Я. Шмидт, а его помощником — гр. Д.Н. Мельников». (Наша газета, 17.04.1918, № 76). Уже 1 июня Совнарком постановил «все предпринятые и намеченные тов. Шмидтом, как комиссаром по бухарским делам, действия одобрить и назначить его Чрезвычайным Комиссаром по Бухарским делам, с предоставлением ему права по своему усмотрению избирать и назначать себе помощников». (Советский Туркестан, 18.06.1918, № 4). Однако П.П. Введенский показывал на допросе, что Шмидт, нуждаясь в секретной агентуре, «взял к себе, не зная человека, бухарского чиновника из Токсаба-Хана, то есть того учреждения, которое имеет задачей секретное наблюдение за Резидентством, Ахмеда Дживачи», открыв ему доступ не только в канцелярию, но и в свой кабинет и квартиру. «Дживачи, — отмечал Введенский, — прекрасно владея

русским языком, присутствовал при всех заседаниях, порой секретных, приезжавших к Шмидту официальных представителей Советской власти и фронта. Однажды Дживачи этот замечен был рано утром, спящим на диване в квартире Шмидта; оказывается, он там ночевал. Этот Дживачи, являясь агентом Шмидта, в то же время состоял агентом Бухарского правительства, передавая все виденное и слышанное бухарскому представителю. Шмидта неоднократно предупреждали против легкомысленного допущения Дживачи к себе во всякое время. Шпионажная роль Дживачи при Резидентстве была раскрыта мной, и Дживачи немедленно скрылся из Новой Бухары». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 63).

Хотя Шмидт содействовал приезду в Ташкент посольства эмира и 21 июня уверял Совнарком, что «телеграмма из Самарканда на имя бухарского кушбеги о циркулирующих слухах о занятии бухарскими властями урочища Амангутан по приезде на место не подтвердилась и названный слух не верен», он вовсе не исключал возможности нового кровопролития. 10 июля Шмидт участвовал в проходившем в Ташкенте совещании под председательством комиссара продовольствия А.А. Казакова по вопросу о создании Экономического отдела при Резидентстве, а 19 июля, рассмотрев «телеграмму тов. Шмидта из Бухары с просьбой разрешить ему организовать технический контроль для обследования заводов», Отдел по хлопководству при Комиссариате промышленности постановил: «Препятствий не чинить». (Советский Туркестан, 21.06.1918, № 7; 28.07.1918, № 37). Но всего за неделю до этого, 12 июля, на заседании Центрального Комитета Туркеспублики председатель И.О. Тоболин заявил, что «Шмидт не соответствует своему назначению, как анархист и противогосударственный». Потребовав отзыва его из Бухары, Тоболин на заседании ТуркЦК 15 июля инкриминировал «пьянице» Шмидту «дискредитирующее власть поведение» и предрек, что тот не вернется в Ташкент и «непреренно сбежит». (РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 2156, л. 2–4). Подписанный 19 июля Тоболиным, предсовнаркома Колесовым и врид наркоминдела Х.Э. Крымовым приказ гласил, что «чрезвычайный комиссар Туркестанской Автономной Республики при Бухарском правительстве гражданин Шмидт освобождается от исполнения занимаемой им должности», каковая «упраздняется», а «на должность Полномоченного ответственного представителя при Бухарском правительстве назначается гражданин Александр Константинович Есьман». (Советский Туркестан, 23.07.1918, № 32). Хотя младобухарец Мирза Амин Мухитдинов уверял, что, узнав о своем отзыве в Ташкент, экс-комиссар «немедленно перебрался в Старую Бухару, а оттуда караванным путем — к Закаспийскому белогвардейскому правительству», вот,

что сообщал сам Шмидт новому председателю ТуркЦИК А.А. Казакову в большом письме от 4 марта 1919 г.:

«Вы знаете, что я всегда был открытым, то есть никогда не подмазывался ни под какую политическую партию. Я был и есть [анархист] и всегда говорил, что я — анархист, и, как таковой, всегда отказывался от какой бы то ни было должности, связанной с властью. Вы знаете хорошо, что я первым в сентябре месяце выступил с определенно революционной программой, то есть меня все сочли большевиком. Еще хуже — меня заклеили германским шпионом, даже те, которые теперь дерут глотки как новоиспеченные коммунисты и засели в мягкие кресла комиссаров. Это — люди, которые пели гимны царю, когда я, как большевик, страдал в каторге, но для тех свойственно приспособляться ко всякому строю и уверен, что скоро они смогут петь и другие гимны, буде только возможность. Ведь именуются теперь большевиками те, которые меня хотели арестовать в Доме Свободы и выгоняли из него якобы за большевизм. О их политической сознательности Вы можете хорошо судить сами. И меня всегда мучило сознание, что эти люди ведут этот необходимейший для российской промышленности край к гибели. Меня интересовал только хлопок и только хлопок. О нем я думал в каторге и случилось так, что мне пришлось поработать на этой ниве. Но жизнь создает такие курьезы, что вместо занятия хлопком я стал посланником. Ха! Ха! Ха! Что поделаешь, работал. То, что Колесов не сумел сделать с Бухарой, хотел я сделать. Но Колесов — это, видно, злой рок для Туркестана. Я видел много преступников на своем веку, но такого выродка я еще не встречал. Я не хотел никогда разрешать споры с оружием в руках — даже тогда, когда знал, что Колесов неоднократно подсылал убийц на меня. Скажу больше, что было время, [когда] я мог бы Колесова и всех его приспешников в 24 часа в порошок стереть. Но я этого не делал, ибо знал и сам предупреждал о надвигающейся опасности империализма. И часто по сто раз на день твердил себе: «Не выставляй свое личное «я» выше общего дела и т. д». Я решил лучше уйти от дел, чтоб нанести на самом деле удар Колесову, то есть поехать в Москву, чтоб там информировать, но так сложились обстоятельства, что до Москвы не добрался. Виной, конечно, этому и провокатор Есьман, который рассказал бухарцам, что я, де, готовился свергнуть эмира.

И вот я очутился в одно время в таком положении: с одной стороны — Колесов, с другой — бухарцы, с третьей — союзники, с четвертой — добровольцы и всюду — смерть. Скажу Вам прямо: не желал бы это пережить даже врагу своему. Но все это не так меня беспокоило, как то, что узнал: Колесов, исходя из разных побуждений, распус-

тил молву, что я увез миллионы народных денег. Конечно, такие большевистские комиссары, как Колесов, могут увозить, но я — другое дело, что видно уж по тому, что я голодаю, в полном смысле этого слова. У меня ботинки слезли с ног, я болен, остался без квартиры и знайте, что я, даже переживая голод и холод, не пошел на службу к грузинским меньшевикам, а мне только нужно было слово сказать, что я меньшевистскую тактику буду защищать, они бы меня с распростертыми объятиями встретили. Но я не продавался и служил своим идеалам. Я начал вести работу, про нее я Вам писал, то есть организовал дело для постановки пропаганды среди англичан. Все дело стало из-за отсутствия средств. Грузинские социал-демократы по разным причинам отказались от этого дела. Местные же большевики не имеют средств. Нужно издавать на английском языке газету для Закавказья и Закаспия. Типография есть, бумага есть, люди есть, нужны средства. [...] Колесову и его приспешникам скажите, что я голодаю, обтрепался, но все же остался тем, чем был, то есть не продал себя. Про мое житье-бытье в Грузии Вы узнаете. Будьте добры, передайте моей жене, пусть она не беспокоится, что я буду работать, не покладая рук, чтоб скорее разбить фронты и увидеться с ней. Когда Ваши люди с нашим человеком поедут сюда, возьмите от жены моей письмо для меня. Передайте привет остальным товарищам. Крепко жму руку. До скорого свидания в Ташкенте. Шмидт. P. S. Убедительно прошу разобрать мою отчетность в Бухаре, у меня не хватало тысячи двухсот рублей. Оно и неудивительно, если взять во внимание условия, при которых я работал. Я не думал, что Есьман — такой гнусный жандарм». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 121–122).

Шмидту так и не довелось вернуться в Ташкент, ибо, по сведениям бывшего члена эсеровского ЦК и Учредительного собрания от Ферганы В.А. Чайкина, «играя видную, хотя и полуконспиративную, роль в рабочем профессиональном движении Баку и ведя напряженную работу по организации здесь активных антиимпериалистических сил, он был схвачен на одной из бакинских пристаней английским патрулем, препровожден оттуда в британскую миссию и затем, при молчаливом бездействии азербайджанского правительства, передан в Петровск на расправу деникинцам, где и расстрелян». (Чайкин В. К истории российской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922. С. 134). Иначе вспоминал о погибшем его недруг Колесов: «Шмидт — никто толком не знает, кто он. Выдавал себя за анархиста. Подозревался в шпионаже. От эмира получал бриллиантовые ценные кольца. В большой дружбе состоял с Агаповым и на него работал. Загадочно погиб». (Колесов Ф.И. Восстание в Бухаре в 1918 году... С. 98).

1. «Не щадя живота своего...»

1. АВПРИ, ф. 159, оп. 749/2, д. 1 [Об определении на службу в МИД. 1905 г.], л. 302–303, 299, 305; Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества, изданные под ред. А.Е. Крымского, действительного члена Общества и секретаря Восточной Комиссии. М., 1907. Т. 3. Вып. 1. С. 2–3 (Протокол № 85 от 14.11.1903 г.).

2. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516 (Введенский П.П.: командировка на усиление личного состава в Политическом агентстве в Бухаре и разная о нем переписка. 1915–1917 гг. — Формулярный список о службе вице-консула в Урмии надворного советника Павла Введенского. Составлен в 1917 г.), л. 17; ф. 159, оп. 464, д. 605 (Введенский Павел Петрович, надворный советник. 1909 г.), л. 1; ф. 144, оп. 489, д. 10226 (Введенский Павел Петрович. 1906–1917 гг.), л. 4.

3. Военный обзор Персидского передового театра (Азербайджан, Гилян и Мазандеран) и краткие описания обрекогносцированных путей этого района. Составлено в Разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа Генерального Штаба капитаном Корсун. Тифлис, 1909. С. 167–169; Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по июль 1909 г. Вып. I (по 1 ноября 1908 г.). СПб., 1911. С. 300, 285.

4. АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 540 (Тавриз. Донесения. 1909 г.), л. 28, 14; оп. 489, д. 10226, л. 6.

5. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии со 2 ноября 1908 г. по 11 июля 1909 г. Вып. II (по 11 июля 1909 г.). СПб., 1911. С. 155.

6. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 17; ф. 144, оп. 488, д. 540, л. 174; оп. 489, д. 10226, л. 16, 18. О событиях конституционной революции в Гиляне в 1909 г. см., в частности: *Иванов М.С.* Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957; *Генис В.Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000. С. 5–23.

7. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. VII (с 1 июля по 31 декабря 1911 г.). СПб., 1913. С. 415, 420, 424.

8. Там же, С. 388, 407; АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 29–30, 124.

Еще 30 октября 1909 г. А.Я. Миллер докладывал о *Сиккет-уль-Исламе*: «До тавризских беспорядков он был третьестепенным муллою из секты «шейхи». После изгнания из Тавриза правоверных муджтехидов Сиккет-уль-Ислам присвоил себе титул муджтехида. Саттар

принадлежит к той же секте «шейхи» и вместе с персидским посланником в Санкт-Петербурге признает Сиккет-уль-Ислама своим духовным наставником. Так как Саттар делился награбленным имуществом с Сиккет-уль-Исламом, то это духовное лицо известно не только среди тавризского, но и всего азербайджанского населения, под титулом «Сиркет-уль-Ислам», что означает «Воровство Ислама». Он выделился и разбогател благодаря смуте, поддерживать которую ему, конечно, выгодно наравне с Саттаром и его шайкой». (Там же, оп. 488, д. 540, л. 155).

9. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 17; ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 13.

Ходатайствуя в телеграмме от 26 декабря 1911 г. о награждении подьесаула 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска Н.А. Федоренко орденом Св. Владимира 4-й ст. «за поимку с опасностью для жизни и по моему поручению Шейха Селима и Сиккет-уль-Ислама», А.Я. Миллер далее писал: «К той же награде представляю Введенского, участвовавшего по моему приказанию в упомянутой поимке и с опасностью для жизни и полным бесстрашием исполнявшего под сильнейшим огнем федаев мои поручения и свои обязанности. Личная храбрость и хладнокровная, с опасностью для жизни, работа в кровавые дни в Тавризе Лисовского побуждают меня ходатайствовать о награждении его орденом Св. Анны 3 ст. с мечами. Ни у того, ни у другого, с оружием в руках отбивавшихся от федаев, русских наград нет». (Там же, л. 24). Но в Петербурге рассудили иначе и, как объявлялось в циркуляре МИД, «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Кавалерской Думы ордена Св. Анны, Всемилощивейше соизволил пожаловать 3 Февраля 1912 г., ...драгоману Генерального Консульства в Тавризе титулярному советнику Павлу Введенскому — орден Св. Анны 3-й ст». А 10 марта именованным Высочайшим Указом, данным Капитулу орденов, император пожаловал «мечи к имеющимся орденам» Миллеру и Введенскому, а также «орден Св. Анны 3-й ст. с мечами — драгоману Генерального консульства в Бендер-Бушире коллежскому асессору Ростиславу Лисовскому». (Циркуляры по ведомству Министерства Иностранных Дел, № 4, 6.03.1912; № 5, 16.03.1912).

10. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. VII. С. 19, 113, 207.

Еще в конце 1910 г. Шоджа-уд-Доуле обратился к императору Николаю II со всеподданнейшим прошением, ходатайствуя, как замечал А.Я. Миллер, о явно «неисполнимом — принятии его и всего его рода в российское подданство». Касаясь своих заслуг перед родиной, Шоджа писал: «От рождения до сегодняшнего дня, когда мне исполнился 61 год, я нес постоянно военную службу и управлял главными

провинциями Персии. В течение трех царствований персидских шахов я служил им верой и правдой и удостоился получить, согласно фирманам, все отличия. В настоящее время я ношу высший чин в государстве — Эмир Нуяна, маршала. Во время царствования Его Величества Мамед Али Шаха мне было поручено управление округами Марага, Дехкарган, Хештеруд, Саинкала, Миандуаб, Бинаб и Уску вплоть до границы г. Тавриза со всеми войсками этих провинций. Свой долг я, как могут засвидетельствовать это все чиновники, как туземные, так и иностранные, исполнял должным образом. Во время революции я удержал порученные мне округа и войска в повиновении правительству и в границах порядка. По свержении с престола Мамед Али Мирзы и восшествия на престол Султан Ахмед Шаха я служу уже четвертому государю». (АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 3486 [Шуджа-уд-Доуле. Награждение его русскими орденами и разная о нем переписка. 1911–1917 гг.], л. 3–4). Впрочем, стоило экс-шаху в июле 1911 г. высадиться в Гомеш-Тепе с целью вернуть отобранную у него власть, как Шоджа-уд-Доуле объявил себя генерал-губернатором Азербайджана и вновь осадил Тавриз, но медлил с штурмом, что, по мнению Миллера, объяснялось его запретом на вооруженные столкновения в черте города. Хотя в связи с предъявлением 16 ноября жесткого ультиматума правительству Персии тавризский энджумен предложил Шодже заключить военный союз против России, тот отверг приглашение ввести свой отряд в город, ожидая известий о действиях экс-шаха и продвижении русских войск к Тегерану. В то же время Миллер, указывая на просьбы местного купечества разрешить Шоджа-уд-Доуле занять Тавриз для обеспечения безопасности горожан, ратовал за назначение его хотя бы временным губернатором Азербайджана, ибо «предпочтительнее предоставить восстановление порядка туземному фактическому правителю, нас слушающемуся, чем взяться за это дело нам самим». Несмотря на возражения посланника в Тегеране С.А. Поклевского-Козелла, ссылавшегося на то, что правительство Персии считает Шоджу изменником и ни под каким видом не решится на такое назначение, уже 14 декабря Миллер доложил, что «собравшаяся вчера в генерал-губернаторском доме толпа изорвала энджуменский флаг, избива губернатора и проповедника Шейха Салима и отправилась в Басминдж к Шоджа-уд-Доуле, который согласился принять управление Азербайджаном в свои руки». В августе 1912 г. Шоджа удостоился очередного русского ордена — Св. Анны 1-й ст., ибо еще до свержения прежнего шаха получил орден Св. Станислава 1-й ст. (Там же, д. 551 [Тавриз. Донесения. 1911 г.], л. 196, 272)

11. Там же, оп. 489, д. 10236 (Введенский Павел Петрович. Секретное дело. 1914–1917 гг.), л. 65.

12. Там же, д. 10226, л. 36.

13. Там же, л. 41–42.

2. Вице-консул

1. Военный обзор Персидского передового театра..., С. 182; Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1909. Т. 19. С. 36.

Побывавший три года спустя в Урмии будущий писатель В.Б. Шкловский вспоминал лежащее среди пустыни-солончака «громадное, явно мертвое, гладкое озеро-море» с взлетающими над ним розовыми фламинго, сверкающие вершинами красные горы и сам город с его вымощенными кривыми улочками, сдавленными глухими, «в два человеческих роста вышиной», глинобитными стенами, которые ближе к базару, состоявшему «из многих туннелей с острым сводом», сменяли лавки купцов и живописные мечети «с невысокими минаретами и куполами в изразцах». На этом фоне странно смотрелась французская католическая миссия, являвшаяся самым крупным сооружением в Урмии, — «большой монастырь с колоннами, с людьми в черных сутанах и круглых шапках с помпонами», — которой, впрочем, не уступала и русская православная миссия, также выглядевшая «большим новым монастырем с кирпичными красными стенами». Американская пресвитерианская миссия с ее высокой, растянувшейся «на несколько верст», глиняной стеной располагалась за городом. (Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...» М., 2002. С. 90–91, 97, 261).

Хотя в «Военном обзоре Персидского передового театра...» утверждалось, что в Урмийской провинции проживает около 75 тыс. ассирийцев, иначе оценивал их численность американский миссионер У. Шедд, который в статье, помещенной в «*Bulletin of the American Geographical Society*», указывал, что на подвластных шахскому правительству «равнинах Урмии, Салмаса и Сулдуза, окружающих озеро Урмию, и трех же маленьких равнинах Мергевера, Тергевера и Барадоста у самого подножия высоких гор, пограничных между Турцией и Персией», находится 128 айсорских селений. В них проживают 6 350 семейств или примерно 31 750 душ обоего пола, в том числе в Урмии — 90 селений и 4 900 семейств, в Сулдузе — 8 селений и 100 семейств, в Салмасае — 4 селения и 400 семейств, в Тергевере — 18 селений и 800 семейств, в Мергевере — 6 селений и 100 семейств, в Барадосте — 2 селения и 50 семейств. По сведениям Шедда, всего на территории Персии и Турции существовало тогда 338 айсорских селений, в которых проживали 13 335 семейств или не менее 80 645 душ

обоего пола. (Шедд У.А. Айсоры // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1903. Т. 16. № 4. С. 50–57). Однако вице-консул в Ване С.П. Олферьев утверждал в 1910 г., что только в Ванском, сопредельном с Персией, вилайете Турции насчитывается примерно 76 500 ассирийцев-несториан и 117 000 армян, причем на указанные национальные группы приходится соответственно 17 и 26 % от общей численности 450-тысячного населения округа, а на курдов и турок — соответственно 46 и 9 %. В свою очередь вице-консул в Урмии С.П. Голубинов докладывал в июне 1912 г., что в одной лишь Турции численность несториан под главенством [их патриарха] Мар-Шимуна доходит до 150 тыс. душ. Те же цифры, но уже в отношении суммарной численности ассирийцев Персии и Турции, приводил обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер, который, ходатайствуя в октябре 1913 г. «об отпуске из казны дополнительного пособия на содержание Урмийской православной миссии», указывал, что «общее число тех и других несториан простирается до 150 тыс. человек, из коих более 50 тыс. живут в Урмийской области». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 5296 [Несториане. Взаимоотношения христиан и мусульман. Урмия. 1910–1916 гг.], л. 16; оп. 488, д. 4482 [Урмийская Миссия. 1911–1917 гг.], л. 93, 144).

2. Там же, оп. 489, д. 1426 [Урмия. Донесения вице-консула. 1912–1915 гг.], л. 156–157, 179–180, 190, 206.

Первыми, еще в 1835 г., появились в Урмии американские миссионеры, основавшие типографию, больницу и ряд учебных заведений, в том числе свыше 50 сельских школ, в которых накануне первой мировой войны обучалось более 2 тыс. детей обоего пола; пресвитериане издавали журнал «Лучи света», много религиозной и учебной литературы на новосирийском языке и имели, по данным С.П. Олферьева, не менее 3 тыс. последователей — «главным образом, в зажиточных селениях, расположенных ближе к городу». Вслед за американцами, в 1840 г., обосновались в Урмии французы-лазаристы, а позже — доминиканцы: католические миссионеры содержали две городские, мужскую и женскую, и до 30 сельских школ, которые в 1912 г. посещало в общей сложности около 1 тыс. детей; выпускали журнал «Голос истины». В 1843 г. в Урмии появились англикане, которые, открыв в 1885 г. миссию Архиепископа Кентерберийского, также устроили городскую школу на двести учеников, типографию и хорошую библиотеку, но деятельность миссионеров имела скорее политический, чем религиозный характер: пытаясь отвратить местное население от католицизма, они ставили главной задачей подчинение своему влиянию патриарха и знати несториан для подготовки их к переходу в епископальную церковь; впрочем, еще до войны англикане факти-

чески покинули Ван и Урмию. В марте 1898 г. в связи с присоединением к православию Мар-Ионана (Ионы), епископа Супурганского, который вместе с депутацией несториан специально прибыл для этой цели в Петербург, создалась возможность и для открытия Русской духовной миссии, построившей себе «величественный, для Урмии, корпус главного здания» и отдельные дома для школы-пансиона и служащих, а также городской храм во имя св. Николая. Издавая на русском и новосирийском языках журнал «Православная Урмия» и много литературы богослужебного, учебного и просветительского характера, миссия ведала 45 храмами и двумя городскими (7-классным мужским и 3-классным женским) и 70 сельскими школами, в которых обучалось свыше 2100 детей. Тем не менее Олферьев в составленном им в конце 1912 г. докладе о деятельности миссионеров среди несториан подчеркивал, что, хотя урмийские ассирийцы значительно превосходят своих турецких соплеменников в смысле образования, соперничество духовных миссий за паству «приучает их с детства пользоваться этой враждой ради личных интересов, торговать своими религиозными убеждениями...» (Там же, д. 5296, л. 50–51, 60–68; оп. 488, д. 4482, л. 144–147. См. также: Наша Миссия к 1912 году // Православная Урмия. 1911. № 1. С. 17–20).

3. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1426, л. 207, 253–254; д. 3656 [Этимадуд-Доуле], л. 11.

4. Там же, д. 1426, л. 214, 373, 196.

5. *Безсонов Б.* Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915. С. 66–87; АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 4956 [Материалы о русском землевладении в Персии. 1910–1917 гг.], л. 20, 61.

По данным на март 1911 г., приведенным в записке А.Я. Миллера «Русское землевладение в Азербайджане», там проживало 192 семейства русско-подданных, владевших на правах полной собственности или долгосрочной аренды всевозможным недвижимым имуществом, включая «земельные участки, дома, базары, лавки, сады, рощи, воду, части селений и целые селения», общей стоимостью примерно в 5,4 млн. туманов, что составляло тогда около 10 млн. рублей. Однако больше половины указанной суммы приходилось на имущество всего трех крупных собственников: банкира из г. Шемахи Бакинской губ. Хаджи Фаррадж Абдуллаева, владельцев крупнейшей в Персии ковровой фабрики и больших имений в пограничном с российской Джульфой Гергерском районе уроженцев г. Елисаветполя братьев Мамедовых и несовершеннолетней наследницы накануне умершего тавризского старшины «русско-мусульманского купечества» уроженца г. Ордубада Эриванской губернии Хасан-Ага Муаззам-уль-Мулька. При этом 72 % от общего количества русско-подданных соб-

ственников составляли мусульмане («кавказские татары»), 25 % — христиане (армяне) и 0,3 % — иудеи («кавказские евреи»). Территориально русское землевладение в Азербайджане распределялось следующим образом: Тавризская провинция — 45 %, Ардебильский округ — 22 %, город Тавриз — 17 %, Урмийский округ — 16 %. (Известия МИД. 1913. Кн. III. С. 147, 149).

6. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 4956, л. 77, 91; д. 1426, л. 294–299.

Уже в начале мировой войны в доверительном письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову, от 28 февраля 1915 г., главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин заявлял о необходимости «спрямления» границы таким образом, чтобы вся вдающаяся на север территория персидской Мугани отошла бы России. «Еще более желательным, — продолжал Кривошеин, — явилось бы присоединение всего северного Азербайджана, так как в таком случае к нам отошел бы весь правый берег Аракса... К данной области с востока прилегает не менее важное для нас южное побережье Каспийского моря — Гилян и Мазандеран. Оно отличается мягким климатом, богато строевым лесом и вполне пригодно для подтропических культур — до хлопка, апельсинов и лимонов включительно. Устья впадающих в море рек изобилуют рыбой. Наконец, еще восточнее лежит Астрабадская провинция, занятая бассейном р. Гюрген и других мелких речек. В последнее время здесь образовался ряд русских поселков (10 с населением до двух с половиной тысяч), имеется много участков, приобретенных или арендованных русскими предпринимателями, и заявлены ходатайства об оросительных концессиях в целях [развития] культуры хлопчатника. Присоединение этого района дало бы возможность упорядочить крайне запутанные здесь земельные отношения и укрепить положение наших переселенцев и предпринимателей, которое является пока шатким и ненадежным. Как видно из этих данных, приобщение названных областей, расширив на юг пределы Империи, разрешило бы в то же время ряд давно назревших хозяйственных вопросов первостепенной важности». (Там же, д. 4956, л. 113). Выезжавший в 1916 г. в Персию управляющий Переселенческим управлением Г.Ф. Чиркин также писал о настоятельной необходимости немедленного закрепления за Россией около двух миллионов десятин свободных земель Астрабадской и Мазандеранской провинций и предлагал возложить проведение указанной операции на русский Учетно-ссудный банк Персии, которому министр земледелия намеревался испросить на это около 3 млн. руб. Хотя реализовать план не удалось, приобретение российскими подданными земли в аренду или собственность продолжалось, и, например, только с июля 1916 г. по февраль 1917 г. были совершены

34 сделки подобного рода, 16 из которых предусматривали покупку земли. (Там же, л. 131, 151–152).

7. Там же, д. 1426, л. 234–235, 261, 351, 391.

В самом начале дипломатической службы П.П. Введенскому довелось курировать деятельность тавризского русско-персидского училища, которое, пострадав от происходивших в городе кровопролитных боев, в апреле 1910 г. получило новое здание, после чего количество его учащихся возросло до 85. «Общим ходом работ и наблюдением за правильной постановкой учебного дела руководил драгоман генерального консульства г. П. Введенский», — говорилось в официальном отчете за 1909–10 учебный год. Уже в 1912 г. тавризское училище посещали 215 детей, которых обучали 7 преподавателей. (*Фарфоровский С.* Задачи русской школы в Персии // *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1914. Ч. LI. Июнь. С. 215).

8. АВПРИ, ф. 340, оп. 839, д. 13, л. 88.

9. Там же, ф. 144, оп. 489, д. 1426, л. 380–381, 391.

10. Там же, д. 3486, л. 78–79.

Консерватор П.П. Введенский вполне сочувствовал Шоджа-уд-Доуле и еще 26 апреля 1914 г. убеждал Миссию, что «проведение выборов в Урмийской провинции с незамиренным курдским населением, ожидающим только предлога для грабежей, при постоянном антагонизме других групп населения и неустановившемся порядке, вызовет большие осложнения с потрясением с таким трудом налаженного временного спокойствия». Опасаясь возвращения персидских конституционалистов-эмигрантов из Турции, Введенский считал желательным оградить провинцию «на несколько лет от всякого участия в выборах». (Там же, д. 5386 [Урмийский отряд. 1914 г.], л. 3).

11. Там же, д. 3486, л. 367–370.

Относительно потери-де ассирийцами «моральных ценностей» предместник П.П. Введенского по Урмии надворный советник С.П. Голубинов философски замечал: «Нельзя требовать рыцарских чувств и действий от восточного христианина. Достаточно и того, что он сумел отстоять свою христианскую самобытность от мусульманского фанатизма, жертвуя многими благами жизни». (Там же, д. 1426, л. 138). Тем не менее Введенский, в донесении от 9 июня 1914 г., указывал на привычку ассирийцев «добывать себе политическое благополучие путем обращения к разным миссиям в зависимости от тех или иных материальных соображений и обстоятельств жизни» и на «легкость» смены вероисповедания представителями их расколотой общины, «не собранной никем воедино и тяготеющей то к Православной России, то к заатлантической республике, то к Персии и Турции, то к католической Франции и, наконец, в последнее время начавшей искать

сближение с Германией и Англией». В этой связи небезынтересна колоритная фигура нештатного драгомана урмийского вице-консульства Ага Петроса Эллова, постоянно живущего, как отзывался о нем Введенский, «в сфере неосуществимых надежд и иллюзий политического свойства, далекого от практических взглядов на вещи», но «ловкого все же человека, привыкшего изворачиваться при всех обстоятельствах». В.Б. Шкловский, находившийся в 1917 г. в Урмии в качестве военного комиссара Временного правительства и спасший экс-драгомана от грозивших «приколоть» его пьяных солдат разложившегося 3-го пограничного полка, изображал Эллова как черноволосого крепыша с необыкновенно широкой, украшенной «золотым Георгием первой степени», грудью, который «хорошо говорил по-французски и английски и плохо по-русски», любил деньги, но «был смелым и по-своему честным человеком». До перехода на русскую службу Эллов, по утверждению Шкловского, побывал в Америке, где трудился чуть ли не «чистильщиком сапог в Нью-Йорке» и «сидел на каторге в Филадельфии», а затем, вернувшись на родину, разбойничал в горах, «был у турок вице-губернатором и сильно ограбил область». (Шкловский В. Ук. соч. С. 98–99, 240).

Действительно, еще 29 мая 1909 г. управляющий генеральным консульством в Тавризе А.Я. Миллер докладывал о визите к нему депутации от жителей Урмии, которая «горько жаловалась на притеснения Турции и грабительства Петра Эллова, назначенного турецким консулом». Уже на следующий день поверенный в делах в Тегеране Е.В. Саблин телеграфировал в МИД, что «судебные власти Британской Колумбии объявляют награду за местонахождение некоего Питера Эллоу, обвиняющегося в ряде мошенничеств», причем «личность сия, во всех отношениях проблематическая, состоит турецким агентом в Урмии, всячески против всех интригует и имеет пагубное влияние на турецкого генерального консула в Тавризе». Хотя советник Третьего Политического отдела МИД В.О. Клемм пометит на телеграмме: «Обвинение против Эллова было впоследствии расследовано и опровергнуто», бесспорно, что последний сделал весьма неординарную карьеру для турецко-подданного христианина, ибо состоял также вице-губернатором в Шемдинане и даже членом парламента Турции, представляя в Константинополе духовного и светского главу ассирийцев-несториан — Мар-Шимуна XIX. Как напоминала 10 апреля 1914 г. издававшаяся в Урмии ассирийская газета «Звезда», во время и после революции Эллов многократно спасал христиан от грабежей и резни, останавливая курдов не оружием, а «любовью», которой якобы у них пользовался. На свои деньги он обмундировал занявшую Урмию турецкую роту и выстроил в городе большую суннитскую

мечеть, причем в его доме месяцами жили члены персидско-турецкой разграничительной комиссии. Эллов даже удостоился ордена Меджидие 3-й ст., а также имел персидский орден Широ-Хуршид 3-й ст. и папский знак отличия за пропаганду христианства, полученный от Льва XIII.

В феврале 1914 г. обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер тоже возбудил ходатайство «об испрошении высочайшей награды турецко-подданному Петру Эллову, представителю сирийцев-не-сториан Урмийского и Ванского округов, в воздаяние крупных заслуг, оказанных им нашей Православной Духовной Миссии». Этому предшествовали уход последнего с турецкой службы, превращение в «главного агента» русской разведки в Курдистане и поездка в Петербург для переговоров о присоединении турецких ассирийцев к православию. «По моему мнению, — убеждал Эллов МИД 13 февраля, — по трем пунктам Правительство России будет сожалеть впоследствии, если теперь не позаботится об их упорядочении в Урмии и окрестностях: 1) если теперь не соберет христиан-горцев в Барадост и Тергевер, оставив курдам другие области, 2) если не организует пограничную дружину из людей преданных России, — конечно, наименовавши эту дружину слугами тех или других расположенных к России лиц, 3) если не купит за государственный счет или не арендует селения, расположенные между Хоем и Соуджбулаком (хотя бы не все, а часть)...» Находившийся тогда же в Петербурге начальник Православной духовной миссии в Урмии епископ Сергей Салмаский уговаривал МИД удовлетворить просьбу Эллова о предоставлении ему русского подданства и службы в императорском вице-консульстве, дабы «привязать его к России твердо, чтобы он уже никаких колебаний не имел». Однако 15 февраля Клемм ответил Сергию, что «услуги Эллова нам понадобятся преимущественно в Турции, а между тем появление его в последней в случае принятия им русского подданства может стать весьма затруднительным и даже опасным для него». Более того, канадские власти «разыскивают Эллова, как обвиняющегося в ряде мошенничеств, будто бы совершенных им в этой английской колонии», что создает значительное неудобство при разрешении вопроса о его награждении, ибо «украшать русскими орденами человека, которого, быть может, завтра придется выдать как мошенника, едва ли может быть желательно». Тем не менее в прощально-благодарственном письме от 1 марта Эллов заверял руководство МИД, что будет считать своим долгом «Верой и Правдой служить престолу и исполнять все свои обязанности», а, вернувшись в Урмию, накануне святой Пасхи принял православие и начал горячо проповедовать, что судьба всех ассирийцев неразрывно связана с Россией, любящей их «как своих детей». Умоляя соплеменников

«пробудиться», воспользоваться моментом, когда «заря нашего народа или погаснет или засветится», и по примеру «братьев армян» защитить себя от притеснений турок, Эллов в изданной им в начале войны брошюре призывал ассирийцев «взять ружье и повиноваться русским», ибо: «В противном случае враг одолеет нас, наши жены и дети будут взяты в плен, погибнет наше достоинство, честь и жизнь и во всей истории не будет подобного, негодного и низкого, народа».

Но сменивший Введенского управляющий вице-консульством в Урмии В.П. Никитин не поддался обаянию навязанного ему драгомана и уже 19 октября 1915 г. докладывал в МИД: «Уроженец Горной Нестории, из области Баз, подучившийся несколько английскому языку у миссионеров, побывав в Соединенных Штатах, где, под предлогом сбора пожертвований на своих сородичей, он нажил, говорят, не одну тысячу долларов, П. Эллов был сначала в Урмии турецким консульским агентом, а затем, неведомыми мне путями, стал играть роль в нашем Консульстве и, по его словам, оказал большие нам услуги, подкупив служащего шахбандера и перлюстрируя всю его почту. Первая моя встреча с этим служащим в Консульстве имела место в Муханджике., где он служил переводчиком и полномочным лицом у Мар Шимуна, все несчастье коего для меня объясняется его незнанием никакого языка, почему он был вынужден обратиться к услугам П. Эллова. Я говорю «несчастье», так как, увлекаясь своей ролью, Эллов, в лучшем случае — бескорыстно, в худшем — за деньги, переводил той или другой стороне бесконтрольно то, что ему нравилось или считалось полезным. [...] Исполнив, плохо ли, хорошо ли, свое дело в переговорах Мар Шимуна с военными властями [о выступлении против турок на стороне России], Ага Петрос (Питер Эллов — то же) испросил у меня разрешение как можно скорее вернуться в Урмию и явился сюда, получив нечто вроде верительной грамоты от Мар Шимуна. Пользы от этого служащего я видел мало, денег же ему платил много и все более убеждался в преобладании личных и корыстных мотивов, руководивших его работой. Сведения по разведке, даваемые им мне, всегда носили сенсационный характер; я позволю себе даже сказать, что он «интересничал» и хотел поразить меня своей осведомленностью. Имея между тем других агентов, не стоящих мне ни гроша казенных денег, и проверяя сенсационные новости, я приходил к печальному выводу, что за большие деньги мы не получаем ожидающейся равноценности. Одно время я послал Эллова консульским агентом в Барандуз. В этой должности он принимал участие со своими вооруженными слугами в усиленной рекогносцировке 18–22 июля, о которой я своевременно доносил, причем его слуги первые принялись жечь курдские дома и посевы. Там же он задержал громадный

гурт овец и десятка два буйволов под предлогом того, что этот скот, который гнали из Сулдуза в Урмию, был когда-то украден у христиан. Весь этот гурт исчез неведомо куда, так как его пригнали в город накануне бегства 24 июля. У самого Петроса, как нельзя более кстати, заболела в Тифлисе жена, и он под этим благовидным предлогом удалился из Урмии вместе с братом., гарцуя на опять-таки неизвестно как к нему попавшем сером арабском жеребце Халил Бея, со всей вооруженной бандой, и имея во главе шествия консульский значок, бумаги же свои припечатывая ...княжеской короной «де-База». Между тем, именно тогда, как нельзя более, я мог бы его использовать, оставшись без штата, совершенно один... Но трусость была настолько сильна, что Ага Петрос даже не исполнил моего приказа поехать в Барандуз для оповещения христиан и прикрытия, в случае чего, их бегства. Зато по дороге в Дильман он вершил суд и расправу, в результате чего пришлось услышать как жалобы от духовенства, так и даже получить запрос от Г[енерал-] Л[ейтенанта] Ч[ернозубо]ва — «верно ли, что Ага Петрос угнал чей-то скот», и т. п.».

На донесении Никитина — карандашная пометка В.О. Клемма: «Что Эллов — прохвост, давно известно, но пользоваться им все же можно, — конечно, с должной осторожностью и хотя бы для того, чтобы он снова не переметнулся на сторону турок. Кое-какие заслуги его перед нами отрицать нельзя. Надо в этом смысле написать Никитину». Впрочем, тому казалось, что Эллов уже начал раскаиваться и тяготиться своей ролью в деле вовлечения ассирийцев в войну, ибо «на карту была поставлена (и бита) судьба целого народа. «Вся нация, считая меня причиной этих бедствий, — сетовал Эллов, — тысячеустно проклиняет меня...» (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 5326 [Петр Эллов. 1914–1915 гг.], л. 2, 5–7, 11, 39, 42, 61–62; оп. 488, д. 635 [Питер Эллоу (Кинлоу) (Турецкий консул в Урмии). О его деятельности там. 1909 г.], л. 1, 7, 9–10, 36). Впоследствии он храбро сражался с турками и прославился как «выдающийся ассирийский полководец», а позже, расорившись в Месопотамии с англичанами, но будучи произведенным французами в генералы, оказался в Париже, где 1 февраля 1923 г. провозгласил образование несуществующей «Ассиро-Халдейской республики». (Осипов С.Г. Трагедия народа. [К 80-летию геноцида ассирийцев] // Азия и Африка сегодня. 1998. № 12. С. 60; Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос [1917–1923]. М., 1989. С. 254, 265).

3. Сражение за Урмию

1. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1426, л. 390, 394–396.

2. Там же, д. 1486 (Урмия. Телеграммы исходящие. 1914 г.), л. 146, 181, 154, 171.

3. Там же, л. 166–167, 169, 194, 198, 200–201.

Уже 29 августа 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов приказал предложить Шоджа-уд-Доуле «без проволочки сдать управление Азербайджаном Сердару Решиду и выехать в Россию», где ему будет подыскана дача в Крыму. Но, подчинившись указанному требованию и поселившись в конце сентября в Ялте, Шоджа предупредил МИД, что тегеранские власти настроены «изменнически», а турки и курды, захватив Миандуаб и его родную Марагу, двинутся затем на Тавриз и Хой, в связи с чем просил разрешить ему на собственные средства сформировать войско для отражения неприятеля. Поскольку генеральный консул А.А. Орлов и начальник русского Азербайджанского отряда генерал Н.Н. Воропанов также считали, что возвращение Шоджи в Персию было бы крайне желательно, 25 октября В.О. Клемм телеграфировал ялтинскому градоначальнику: «Не откажите передать Шоджа-уд-Доуле в ответ на его письмо Министерству, что он может немедленно выехать в Марагу для охраны своих имений». Но хотя Шоджа намекает, что готов вновь принять на себя пост генерал-губернатора Азербайджана, Сазонов указывает на нежелательность предоставления ему «какой-либо административной роли без согласия на то персидского правительства». Выехав 30 октября из Ялты, Шоджа-уд-Доуле уже 8 ноября прибыл в Тавриз и начал вербовку солдат для своего отряда, чем очень встревожил тегеранские власти, которые, как докладывал 17 ноября Орлов, приказали Сердару Решиду «оповестить через губернаторов население о запрещении присоединяться к Шоджа-уд-Доуле для защиты Азербайджана от вторжения турок с юга под страхом наказания и конфискации имущества». Хотя шахский посланник в России жаловался на Шоджу, который, формируя полки, нарушает персидский нейтралитет, МИД возразил, что в условиях вторжения турецко-курдского отряда в Соуджбулаг поведение тегеранского кабинета представляется «непонятным», подтверждая поступающие сведения о том, что шахское правительство желает действовать «заодно с турками против русских, как это значится в пункте 8 телеграммы вице-консула Введенского за № 806». (Там же, д. 3486, л. 94, 140, 149, 151, 162, 160, 188, 190).

26 ноября Шоджа прибыл в Миандуаб, где вскоре сформировал отряд в тысячу человек при четырех орудиях, но исполнявший обязанности консула в Соуджбулаге полковник А.И. Ияс считал, что «боевого значения эта орда не имеет, и сам Шоджа-уд-Доуле мало в ней уверен ввиду явного противодействия Тегерана и Сердара Решида его начинаниям. Персидские казаки совсем не считаются с его распо-

ряжениями, что разлагающе действует на других». Выступив 16 декабря на юг, «банды» Шоджа-уд-Доуле и небольшой русский отряд подверглись нападению превосходящих сил противника в двенадцати верстах от Миандуаба, в результате чего Ияс погиб, вся персидская пехота была перебита, а часть всадников во главе с Шоджа-уд-Доуле едва спаслась бегством, переправившись через реку и добравшись до Мараги. В связи с энергичными протестами Тегерана относительно пребывания Шоджи на территории Персии и его военными неудачами Клемм уже 20 декабря телеграфировал Орлову: «Министр считал бы, по политическим соображениям, удаление из Азербайджана Шоджа-уд-Доуле весьма желательным, — тем более, что надежды, на него возлагаемые, совершенно не оправдались. Не думаете ли Вы, что можно было бы убедить Шоджа-уд-Доуле по собственному почину отказаться от дальнейших выступлений и вернуться спешно на жительство в Россию...» Ему пришлось вновь покинуть родину, причем 3 января 1915 г. в связи с оставлением Тавриза русскими войсками Клемм уведомлял С.Н. Столицу, что возвращение Шоджа-уд-Доуле в Азербайджан даже в качестве частного лица представляется невозможным, ибо его присутствие слишком раздражает персов и англичан. Ссылаясь на принятое решение о приезде Валиагда в Тавриз, которое «исключает всякую возможность для Шоджа-уд-Доуле играть там вновь какую-либо роль», Клемм просил дать понять тому, «что в дальнейшем ему надо будет изыскать средства к примирению с шахским правительством», которое со временем, быть может, будет относиться к нему менее недоверчиво. Но дни того уже сочтены...

«У прибывшего сюда недавно Шоджа-уд-Доуле оказался неизлечимый рак в ухе, — сообщает Клемм в Тифлис 17 января 1915 г. — Врачи дают ему не более пяти месяцев жизни. От него это скрывается. Для облегчения страдания будут применены рентгеновские лучи». Лечение принесло временное улучшение, и 2 февраля Шоджа выехал в Тифлис, откуда продолжал клеймить возвращающихся в Тавриз «изменников»-демократов. «Еще в прошлом и позапрошлом годах, — уверял он Клемма, — было прислано 50 тыс. туманов награды за покушение на меня. Кроме сего было переведено через Джебраила Будагьянца 10 тыс. туманов для служащих в Консульстве, чтобы они содействовали устранению меня от должности генерал-губернатора. Секретарь г. Введенский и другие чины Генерального Консульства, узнав об этом, навели справку у Будагьянца и выяснили, что в это дело были замешаны Решид-уль-Мульк и [его помощник] Басир-ус-Салтане. После этого Консульство выслало Басир-ус-Салтане из Тавриза; когда же уехал г. Преображенский консулом в Исфаган, а

г. Введенский был назначен в Урмию, Басир-ус-Салтане вернулся и принялся за старые дела. Вот уже 40 дней как вернули в Тавриз и брата Сиккет-уль-Ислама. [...] Я не сомневаюсь, что не пройдет и трех месяцев как эти господа восстановят жителей Азербайджана против русских. Как бы русские ни были с ними обходительны, они не останутся перед враждебными выступлениями. Я решил теперь, когда у меня погибли родственники, мои люди и имущество, не причинять беспокойство русским властям своим возвращением в Тавриз. К тому же пишкар Валиагда [Сердар Решид] обеспокоился бы, подумав, что я хочу его смещения, а интриганы подняли бы целый мятеж. Вот, почему я решил прождать 2–3 месяца, пока русские власти не убедятся в справедливости моих слов. Тогда я уверен, что русское правительство само вернет меня в Азербайджан, предоставив мне подобающую власть, а я с ведома русских властей приступлю к наказанию [лиц], причинивших столько зла сторонникам России». В середине апреля 1915 г. больной, по совету врачей, выехал в Кисловодск, а 29 июня С.Н. Столица уведомил МИД: «В Кисловодске после операции скончался Шоджа-уд-Доуле...» (Там же, л. 191, 233, 243, 249, 255, 273, 324).

4. Там же, д. 1486, л. 208, 211, 230, 222–223, 227, 287; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. М.–Л., 1935. Т. 6. Ч. 1. С. 292, 412–413.

5. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1486, л. 252, 256–257, 265–266, 270–275.

История, как известно, не терпит купюр, но, приводя донесения П.П. Введенского об ужасающих «восточных жестокостях» в отношении урмийских христиан, нельзя забывать и об ожидавшей курдов жестокой расплате — карательных экспедициях русских войск, оставлявших за собой виселицы и разрушенные опустевшие селения, в которых «бродили одичавшие стада, а собаки и кошки питались трупами своих бывших хозяев». Уже в 1917 г. разложение частей российской армии в Персии вызвало практически ничем не сдерживаемую волну дикого насилия в отношении курдского населения, о чем свидетельствовал, в частности, В.Б. Шкловский: «Цветущая горная долина Мергевера, где жило целое племя курдов, имевшее более 200 тыс. голов мелкого скота и 30 крупного, разгромлено и там не живет теперь никто. Целая область опустошена. Это сделали казаки. Там, где было 30 деревень, теперь бродят и разрывают сорные кучи похудалые восьмилетние дети. Эти маленькие черные скелетики, почти голые, с гноящимися глазами, на которых сидят мухи, попадают повсюду у солдатских стоянок. Когда казаки ушли, беженцам Мергевера было разрешено вернуться на родину. И сразу же после возвращения несколько человек из них было убито пехотинцами, заменившими каза-

ков. Если ехать в сторону Курдистана, то увидишь только одно — села, от которых остались не развалины, а просто груды камней. Я видел Галицию, видел Польшу, но это все было рай в сравнении с Курдистаном. Город Соложбулаг, богатейшее складочное место Курдистана, разгромлен не менее 8 раз. Там раздевали жителей и даже сняли и сожгли крыши с домов. Комитеты ничего не могли сделать: опереться не на кого, саперы и казаки Запорожского полка, стоящие рядом, не громили, но отказались помочь прекратить грабеж. Были случаи насилия над детьми. Озлобление против курдов огромное. Когда мурзы-мангулы убили наших троих фуражиров, то кроме карательной экспедиции, убившей более 200 курдов без различия возраста и пола, неизвестные солдаты взяли трех курдов, мирно работающих в продовольственном магазине, и сожгли их на костре; половые части их были отрезаны и засунуты в рот, по курдскому обычаю. Когда я ехал к Грозненскому полку, то по дороге увидел 8 свежих курдских трупов и сказал об этом с укором солдатам. Мне ответили, что я плохо считал, их там было гораздо больше. Также было разгромлено Ушнуэ. Солдат-комитетчик рассказывал мне об этой экспедиции. Было велено выяснить, находится ли в деревне неприятель, и занять ее. Неприятеля не нашли — деревню заняли. Курдские женщины спасались от насилия, мазав лицо и тело калом. Их вытирали тряпками и насиловали очередями. В очередях были и офицеры. Генеральские приказы — не брать пленных и убивать всех — были обычны, хотя войска шли не на окопы, а на курдские враждебные деревни». (Шкловский В. Северная Персия и наши войска // Новая жизнь [Пг.], 09.03.1918, № 38).

6. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1486, л. 283, 298, 292, 301–302.

7. Там же, д. 10226, л. 58–60.

8. Там же, д. 1486, л. 309–310, 320–322, 337–339.

9. Там же, л. 336, 344, 350–351, 354, 366–369; д. 10226, л. 60.

10. Там же, д. 1486, л. 381, 390, 410, 417, 441, 447, 454.

11. Там же, л. 457–459, 465, 467, 469, 472.

12. Там же, д. 1566 (Резня в Урмии в 1915 г.), л. 59–60. О последующей трагической судьбе ассирийцев см., в частности: Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И.И. Ассирийский вопрос во время и после мировой войны (1914–1933). М., 1968; Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979.

13. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 61, 68.

14. Там же, д. 1566, л. 7, 9, 41–42, 32, 44.

В телеграмме в МИД от 22 апреля 1915 г. П.П. Введенский утверждал, что вооружение урмийских христиан осуществлялось для их самозащиты, а отнюдь не с целью «образования кадров, имевших зада-

чей поддерживать якобы слабые наши военные части», причем «сведения Павла Шимуна о Мар-Илии, православном епископе, равно как и другие сведения, данные им в телеграмме, не вполне достоверны». Курды, пояснил Введенский, «обрушились на христианское население Урмии по многим причинам, от нас не зависящим, из коих главнейшие: 1) объявленная турками священная, против вообще неверных, война, 2) постоянный антагонизм между курдами и христианским населением, усилившийся за последние годы благодаря оккупации нашими войсками Азербайджана и некоторой враждебной деятельности самих сирийцев в отношении пограничных курдов, умышленных грабежей их имущества, захватов земельной собственности и проч., 3) вооруженная наступательная тактика сирийцев против курдов, дававшая в результате жертвы и вызывавшая месть последних». (Там же, д. 1126, л. 121). Впрочем, это не отменяло факта массовых убийств христиан, причем, как отмечал сменивший Введенского управляющий вице-консульством в Урмии В.П. Никитин, хотя спасшиеся от смерти нашли себе убежище в иностранных духовных миссиях, «благодаря скученности и голоду начались эпидемии, унесшие в Американской миссии до 4 тыс. человек за зиму, а во Французской, располагающей лишь одним небольшим городским помещением, до 500, из них — большой процент детей. Американцы могли хоронить покойников около загородного помещения, французы же были вынуждены делать это в своем дворе...» Характеризуя период «курдо-турецкой оккупации», Никитин упоминал также: «1) массовый расстрел на Еврейской горе 60 христиан, взятых насильно из Французской миссии, 2) массовый расстрел нескольких десятков христиан в сел. Гюльпашин., 3) то же в сел. Коуси, где были убиты мосульские яковиты после того, как они проложили для турок телеграфную линию. Не столь зверски, но не менее хладнокровно-жестоко поступали турки в отношении некоторых лиц из духовенства, христианской интеллигенции или персов — сторонников России. Они заключали этих лиц в тюрьму и под угрозой повешения вымогали деньги. Суммы были крупные (за Мар-Илию, Епископа Супурганского и Урмийского, американцы уплатили 6 тыс. туманов)». (Там же, д. 5296, л. 35).

4. В Хое

1. Большая энциклопедия... Т. 19. С. 606; Военный обзор Персидского передового театра... С. 153.

2. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1106 (Хой. Донесения вице-консула. 1915 г.), л. 34.

3. Там же, д. 1126 (Хой. Телеграммы исходящие. 1915 г.), л. 2–3.

4. Там же, д. 1106, л. 31–34, 42–43, 47.

5. Там же, д. 1126, л. 3; д. 1116 (Хой. Телеграммы входящие. 1915 г.), л. 12.

6. Там же, д. 1106, л. 52–54, 57–59, 61–63; д. 1116, л. 58.

Оставаясь «центральной фигурой в движениях иранских курдов в течение всего послевоенного периода», **Исмаил-ага Симко** погиб в стычке с правительственными войсками 18 июня 1930 г., но и по сей день считается «видным борцом за независимость Курдистана». (*Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос. С. 93; Лазарев М.С., Мгои Ш.Х. и др. История Курдистана. М., 1999. С. 276–278*). Кстати, еще весной 1914 г. П.П. Введенский спас, по сути, и другого видного курда — шейха **Хаджи Абдул-Салям Барзани**, который возглавлял подавленное турками восстание, охватившее весь Мосульский и значительную часть Багдадского вилайетов. «Шейх Барзан, — докладывал Введенский 20 марта, — обратился через Шейха Тага ко мне с просьбой об оказании ему нашего покровительства на случай невозможности далее оказывать сопротивление туркам и перехода его на персидскую территорию». Хотя турецкий консул просил российского коллегу воздействовать на шахское правительство в смысле отказа бунтовщику в убежище, Введенский убеждал МИД, что не следует отталкивать влиятельного курда, которому, вероятно, «удастся отстоять себя и свою независимость перед турками», после чего необходимо использовать Барзани «при предстоящей нам работе среди его соседей-несториан, с Патриархом коих, Мар-Шимуном, Шейх поддерживает добрососедские отношения». После состоявшейся 10 апреля личной встречи с Барзани, который просил устроить его семью в Урмийском районе, вице-консул уведомлял Петербург: «Согласно указаниям Министерства, оказываю Шейху негласное покровительство без выдачи какого-либо свидетельства...» Узнав, что МИД Персии дал согласие на депортацию Барзани в Турцию, Введенский 17 апреля телеграфировал Миссии в Тегеране: «Крайне нежелательно выдавать туркам Шейха, возлагающего на нас большие надежды и готового послужить нам в районе несториан Мар-Шимуна. Продолжаю удерживать Шейха от похода на Шемдинан, затеваемого людьми Шейха Тага, пользующихся положительным отсутствием средств к существованию у Шейха Барзана и его людей». В итоге тому было назначено временное ежемесячное пособие в размере 150 рублей, и уже 27 мая Введенский информировал МИД, что шейх «выезжает завтра с соблюдением всех предосторожностей, по персидскому паспорту в сопровождении доверенного лица — перса, в Нахичевань Эриванской губернии». (АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 4482, л. 181, 205. См. также: *Лазарев М.С. Курдский вопрос [1891–1917]. М., 1972. С. 238–240; Международные*

отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. М.—Л., 1933. Т. 2. С. 370—371).

7. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 1116, л. 33—34, 37—38, 46—47, 52, 57, 60—62.

Управляющий вице-консульством в Урмии В.П. Никитин в донесении от 31 января 1916 г. также порицал ассирийскую общину, которая, «оставаясь внешне верной догматам христианства», благодаря «вековому сожителству» с мусульманами не далеко ушла от них по своему культурному содержанию и этическим началам, выработавше «соответственные отрицательные черты — рабское низкопоклонство и лживость перед сильным и приемы насилия в отношении беззащитного». В силу этого, сокрушался Никитин, «изложение того, что христиане за семь с лишним месяцев [после освобождения Урмии] сочли возможным сделать сами для себя, заставило бы меня дать слишком неприглядную картину грабежа и разбоя. Я не хочу сравнивать себя с тем корреспондентом Manchester Guardian, который, приехав в Ван для описания курдских зверств, через неделю, ознакомившись с обстановкой, заявлял, что и глава о зверствах армян тоже должна быть внесена в историю войны. Не делая этого, я все-таки должен с грустью отметить, что, несмотря на работу трех миссий, нравственный уровень христианской массы, даже и ее духовенства.., очень низок, и лишь только она почувствовала себя за нашей спиной и в безопасности, как начался до сих пор непрекращающийся самосуд в отношении мусульман, борьба с которым по своей бесплодности является самой неприятной обязанностью Консульства. Закрывать глаза на грабеж и разбой или оправдывать его Консульство не может». Никитин указывал, что ввиду шаткого военного положения и «массового характера уголовных преступлений» в отношении христиан он посчитал себя не в праве братья за совершенно непосильную и неблагоразумную работу — «возмездие за пролитую невинную кровь и все другие ужасы», ибо, встав «на скользкую почву репрессий и приверженности интересам одной из групп (христианской) местного населения», вице-консульство неумолимо впало бы в ошибку, допущенную уже противником. «С одной стороны поэтому, — объяснял Никитин, — консульство, руководимое соображениями пользы для нашего государственного дела, содействовало всячески скорейшему замирению курдов и восстановлению нормальной жизни возвращением суннитов в свои селения, с другой — старалось, наталкиваясь на каждом шагу на враждебное и вредное влияние Тавриза, восстановить все прежние учреждения для устройства дел христиан». (Там же, д. 5296, л. 36, 38—40).

8. Там же, д. 1116, л. 68, 89; д. 1126, л. 8; д. 3656, л. 28, 31, 40, 54, 65.

9. Там же, д. 10226, л. 8.

В 1921 г., отвечая в одной из анкет на вопрос о произведенных им в Персии «реформах или усовершенствованиях в течение своей работы в той или иной области», П.П. Введенский напишет: «Развитие русской торговли в Тавризе, Урмии и Хое; развитие там мукомольного, лесопильного дела; установка русского пароходства по Урмийскому озеру; участие в постановке грузового автомобильного сообщения в Персии по линии Джульфа-Тавриз; там же — железной дороги». (Российский государственный архив экономики [РГАЭ], ф. 413, оп. 8, д. 4638, л. 1). О круге интересов Введенского свидетельствуют и заголовки его работ, публиковавшихся в официальных изданиях МИД: Торговля Персии в 1904–1905 г. Донесение состоящего при Миссии в Тегеране П. Введенского // СКД. 1906. Вып. 4. С. 339–353; Торговля порта Астары. Донесение драгомана Генерального Консульства в Тавризе П. Введенского // Там же. 1907. Вып. 6. С. 472–477; Торговля Азербайджана в 1907–1908 г. Донесение драгомана Генерального Консульства в Тавризе П. Введенского // Там же. 1909. Вып. 4. С. 344–352; Об утверждении к использованию духовных завещаний русских подданных, проживающих в Персии. Записка драгомана Генерального Консульства в Азербайджане Тит. Сов. Введенского // Известия МИД. 1912. Кн. IV. С. 57–70. В той же анкете Введенский упоминает следующие свои работы: «Учетные операции Тавризского отделения Учетно-Ссудного банка Персии за 1910 г.», «Роль и значение Шахиншахского банка за 1910 г.», «Движение товаров по Джульфа-Тавризской железной дороге», «Роль Урмийского озера в общем грузообороте персидской торговли за 1914 г.», «Торговый путь Трапезунд-Тавриз», «Посевная площадь и средний валовой сбор хлеба в Бухарском ханстве», «Хлопковое дело в Бухаре», «Бухара, как транспортный путь».

5. «Лихоимец»

1. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 124, 126.
2. Там же, д. 10236, л. 20, 21.
3. Там же, л. 23.
4. Там же, д. 10226, л. 111.
5. Там же, д. 10236, л. 40–41.
6. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 17.

Уже 9 октября 1915 г. А.А. Орлов телеграфировал находившемуся в Алушке П.П. Введенскому: «Клемм просит Вас приехать поскорее». А месяц спустя, 7 ноября, политический агент в Бухаре А.К. Беляев запрашивал Орлова: «Прошу телеграфировать, намерен ли Введенский приехать в Бухару и когда. Желательно скорее». (Там же, ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 82, 83).

7. Там же, д. 10236, л. 23–28, 5.

Много позже, в докладе от 5 апреля 1921 г., А.Г. Тимофеев писал, что, добившись назначения своего «покорного слуги» Шоджа-уд-Доуле азербайджанским генерал-губернатором, царское Министерство иностранных дел «принялось насаждать силой и захватами русское землевладение в Азербайджане. Вместе с тем стало очень легко принимать или, вернее, устраивать русское подданство для желающих богатых персов и армян, имевших надобность в покровительстве России для своих финансовых комбинаций, что еще более увеличило число темных дельцов в русской колонии, без стеснения обогащавшихся за счет персов. Для защиты интересов русских подданных употреблялись военные отряды и вообще не церемонились с местными властями и порядками». (РГАСПИ, ф. 495, оп. 90, д. 50, л. 62). Об этом же говорилось и в известной статье Тимофеева «Империалистическое «мирное» завоевание Персии»: «В Азербайджане русским подданным (татарам и армянам) предоставлялось захватывать имения и крестьянские земли, опираясь на русское влияние, и, действительно, такие имения быстро росли в районе Тавриза, Карадага, Урмии и Курдистана. Азербайджан был практически оккупирован, также как Ардебильский район». (Новый Восток. 1922. № 2. С. 260–261).

8. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10236, л. 2.

В доверительном письме Н.С. Эттеру, от 9 мая 1916 г., Д.Д. Беляев писал: «Я глубоко убежден, что нам в Азербайджане надлежит следовать нашей вековой и традиционной политике на Востоке, где Россия всегда является носительницей права и справедливости. Живая действительность убедила нас, что эта политика дает нам прочные и верные результаты, что не следует отступать от нее, даже иной раз руководствуясь практическими выгодами данной минуты. Такие дела, как Мамедовские, как история покупки в Тавризе Джеббахане, как незаконные приобретения нашими подданными земельных недвижимостей в Азербайджане, как поддержка материальных незаконномерных стремлений наших политических сторонников, являлись, по моему глубокому убеждению, ошибочной политикой многих наших представителей. Они лишь разбудили недоверие персов и толкнули их в объятия наших врагов, и эта именно политика и дала возможность немцам так глубоко развить свою агитацию. Я глубоко убежден, что Россия слишком велика, чтобы брать что-либо для своих подданных у слабой Персии путем попирания законных прав ее подданных. Я думаю, что России выгоднее, чтобы масса населения Персии любила бы и уважала нас за нашу справедливость, чем вызывать ненависть этого же населения разорением беззащитных персов и обогащением за их счет совершенно «оперсившихся» (в дурном

смысле этого слова) наших закавказских татар и армян, даже не платящих со своих незаконно приобретенных латифундий ни копейки налога в пользу русской казны и не несущих никаких тягот на пользу нашей родины». (Там же, д. 10036 [А.К. Беляев. 1916 г.], л. 6).

9. Там же, д. 10226, л. 95–104.

10. Там же, д. 11706, л. 65, 76, 86; д. 3656, л. 97–98.

11. Там же, д. 10226, л. 103–104.

Эти сведения А.Г. Тимофеев, видимо, вынес из общения с членами ассирийского национального комитета в Урмии, что косвенно подтверждал и управляющий вице-консульством В.П. Никитин, который в донесении от 12 июля 1916 г. сообщал: «Один из видных представителей местной христианской интеллигенции Доктор Ионан Малик спросил у меня, удобно ли христианам представить г-ну Тимофееву какое-нибудь коллективное заявление, что, очевидно, было предложено. На это я сказал, что при моей готовности выслушивать лично всякие жалобы я считаю это неуместным. Доктор согласился со мной, тем более, что и жалоб никаких пока у христиан не имеется. Пробыв три дня в Урмии, профессор вернулся в Тавриз, кажется, довольный результатами своей поездки». (Там же, д. 11706, л. 66).

12. Там же, д. 10236, л. 7.

13. Там же, л. 8, 6.

Сообщая о визите, нанесенном ему 23 марта 1917 г. депутацией от урмийского населения, которая сетовала на притеснения Этимад-уд-Доуле и ходатайствовала об удалении его из провинции, В.П. Никитин заявлял: «Желая избежать жалоб в Тегеран и Тавриз и беспорядков, вероятных при теперешнем настроении под влиянием событий в России, я считаю поддержку Этимада несвоевременной». Но уже 25 марта, узнав, что губернатора затребовали в Тавриз, Никитин радикально меняет свою точку зрения: «Полагаю, что отдавать Этимада во власть его личного врага Сердара Рашида не следует. Сердар вряд ли много лучше Этимада в смысле навыков персидского администратора и сведет с ним счеты для личного обогащения. Этимад же, при всех недостатках, несомненно был нам предан. Я просил бы поэтому, если возможно, разрешить ему дать объяснения в Тегеране». Но управляющий генеральным консульством Д.Д. Беляев считает, что опасения Никитина неосновательны... «Вчера, — докладывает он 30 марта, — прибыл в Тавриз Этимад-уд-Доуле и остановился в доме Сердар Рашида, который не только не сводит с ним счеты, как того опасался Никитин, но, по свойственному ему великодушию, простил интриги и оказал ему гостеприимство». Однако уже 8 апреля Беляев уведомляет Миссию: «Валиагд, под давлением общественного мнения, подвергнул Этимада задержанию»... Главные пункты обвинения — зачем он

выделял рабочую силу и выючных животных в распоряжение русских войск, менял туманы по выгодному им курсу, разрешал порубку деревьев. «Считаю справедливым и желательным, — указывает Никитин 17 апреля, — в отношении этого администратора, щедро награждавшегося при старом режиме за услуги нам, не оставлять его теперь без защиты и содействовать его освобождению и вызову в Тегеран». В свою очередь сменивший Беляева временно управляющий генеральным консульством И.А. Успенский сообщает 20 апреля: «Еще до получения телеграммы Никитина с моей стороны была сделана попытка облегчить положение Этимада. Приезд его в Тавриз был ошибкой, которую теперь трудно исправить. Выпустить его на свободу невозможно пока, так как настроенное против него население может воспротивиться его отъезду из города и даже учинить самосуд. Надо выждать некоторое время, так как, может быть, страсти несколько улягутся и представится возможность что-нибудь для него сделать. Этимад находится под формальным лишь арестом при дворце Валиагда».

Прошел месяц, но положение экс-губернатора так и не изменилось, вследствие чего поверенный в делах в Тегеране В.Ф. Минорский запрашивает 21 мая Успенского: «Не могли ли бы военные, в случае надобности, освободить силой Этимада и выслать его в Тегеран под конвоем хотя бы персидских казаков, как мы некогда сделали в отношении самого Сердара Рашида. Правительство и некоторые депутаты, с которыми я говорил, хотят выручить Этимада, чтобы устроить суд в Тегеране, но, видимо, в Тавризе создалась атмосфера мести и ненависти». Хотя Успенский категорически возражает против волеизъявления Этимада «силой», ибо это убедит персов, «и без того не особенно к нам расположенных», что новая Россия ничем не отличается от прежней, — все же, упорствует Минорский, «спасение от казни человека, действиями которого управляли мы, стоит некоторого риска». С последним согласен и В.О. Клемм, который 1 июня телеграфирует в Тегеран: «Спасти Этимада от казни необходимо. Дабы не подвергать консульство каким-либо нареканиям, можно было бы предоставить в этом деле инициативу нашим военным». Но 9 июня Успенский информирует Миссию: «Командующий Кавказской армией считает нежелательным применение силы наших войск в политических делах Персии, вследствие чего трудно рассчитывать на энергичные действия военных в деле спасения Этимада». Впрочем, уже 17 июня полутысячная толпа демократов захватывает телеграф, требуя от шахского правительства увольнения Сердара Решида, и после длительных переговоров Валиагд нехотя соглашается на его отставку, возлагая исполнение обязанностей пишкара на азербайджанского каргузара Шериф-уд-Доуле. Четыре дня Сердар Решид покидает

Тавриз, намереваясь отправиться в Тегеран, но 4 июля приходит известие о его гибели в Зенджане, где, выходя из дома местного губернатора, он получает три пули от неизвестного убийцы, которому удается скрыться. Однако устранение заклятого врага Этимда уже не может уберечь его от мести персидских радикалов, которые начинают охоту на всех «продавшихся русским» сподвижников покойного Шоджа-уд-Доуле. Как указывалось в составлявшемся генконсульством «Обзоре событий», 20 сентября демократы вновь заняли телеграф, требуя «перевода Этимад-уд-Доуле в тюрьму и посадки его на цепь», а 30 сентября «состоялось тайное заседание муджахидов, составивших список из 35 человек, подлежащих убиению». В числе последних оказался, видимо, и Этимад, убитый вскоре неизвестными... (Там же, д. 3656, л. 104–105, 107, 110, 113–115; д. 486, л. 64, 95а, 117. См. также: *The Encyclopaedia of Famous Persons in Contemporary History of Iran*. Tehran, 1999. V. 1. P. 477).

6. В бухарской «ссылке»

1. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. Составлен по официальным данным под редакцией Графа А.И. Дмитриева-Мамонова, Действительного члена Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском Университете. Пг., 1915. С. 248.

Современник, побывавший в Новой Бухаре накануне войны, описывал город так: «Население, около 6 тыс. человек, состоящее из самых разнообразных народностей: русские, поляки, немцы, греки, грузины, армяне, татары, евреи, персы, афганцы, сарты. Имеются две гостиницы: ...«Франция» и «Европа», где прекрасно кормят. Большая площадь имени Чарыкова, нынешнего посла в Константинополе, который был здесь агентом. Красивый бульвар барона Вревского, обсаженный акациями. Два сквера: железнодорожный и возле здания агентства. Гостиный двор с приличными магазинами. Дома большей частью одноэтажные, с плоской крышей. При агентстве находится православная Николаевская церковь — кажется, единственная во всей Бухаре. Несколько училищ, библиотеки, общественное собрание, где устраиваются вечера и выписывается военная музыка. Отделения нескольких банков, хлопкоочистительные заводы, спичечная и табачная фабрики, агентства, конторы, таможня — все это указывает на промышленное значение народившегося городка, который обещает сильно развиться, поддерживая деятельные торговые сношения со

Старой Бухарой, а через нее — и всей страной, представляющей во многих отношениях еще terra incognita...» (Таранец А.Я. Поездка в Бухару // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 1036).

2. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10236, л. 29–30.
3. Там же, л. 31–32.
4. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 3736, л. 33.
5. Там же, ф. 144, оп. 489, д. 10236, л. 31; д. 10226, л. 109, 84.
6. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 38, 40.
7. Там же, ф. 144, оп. 489, д. 10236, л. 125–126.
8. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 3446 [Государственный переворот 1917 г.: события, вызванные переворотом в Средней Азии и, в частности, в Бухаре...], л. 33–34.
9. Там же, д. 3516, л. 3; д. 1896, л. 369.
10. Там же, ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 1; ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 17, 43, 65, 69–72.
11. Там же, л. 3, 38, 40, 64.

7. Сослуживец Бравин

1. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 106.
2. Там же, д. 10236, л. 33, 34.
3. Там же, л. 37.
4. Там же, ф. 159, оп. 464, д. 444 (Формулярный список о службе Вице-Консула в Хое Надв. Сов. Николая Бравина), л. 1–3; ф. 144, оп. 489, д. 10156 (Бравин. 1907–1917 гг.), л. 65, 7, 10, 13, 19, 43; Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг... С. 259, 264.

«Предъявитель сего, **Николай Захарович Бравин**, — говорилось в его дипломе, — сын мещанина, вероисповедания православного, родившийся 13 Мая 1881 года, по весьма удовлетворительном выдержании в Императорском С.-Петербургском университете полукурсового испытания и по зачете определенного уставом числа полугодий по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду факультета восточных языков С.-Петербургского университета, подвергался испытанию в испытательной комиссии восточных языков при С.-Петербургском университете в Апреле и Мае месяцах 1904 года. По представлении сочинения и после письменного ответа, признанных весьма удовлетворительными, оказал на устном испытании следующие успехи: по Арабскому языку, Арабской литературе, Персидскому языку, Персидской литературе, Османскому языку, Османской литературе, Турецко-татарским наречиям, Истории Востока, Общему курсу истории Востока, Русскому государственному праву и Английскому языку —

весьма удовлетворительные, по Международному праву, Политической экономии и Французскому языку — удовлетворительные. Посему... Николай Бравин, в заседании испытательной комиссии восточных языков 20 Мая 1904 года, удостоен диплома первой степени...» (АВПРИ, ф. 159, оп. 749/2, д. 1 [Об определении на службу в МИД. 1904 г.], л. 131).

5. Там же, ф. 147, оп. 485, д. 3273 (Бравин Н.З. Драгоман Генерально-го Консульства в Бушире. Командирование его в Бомбей. 1909 г.), л. 1-3, 12-16, 19-24, 29.

В том же частном письме от 18 июня 1911 г., помимо просьбы о газетах, Л.Х. Ревелиоти выговаривал Н.З. Бравину: «Не возьму в толк, как Вы могли переслать мне «письмо» на Высочайшее имя, неизвестно от кого и без всякого пояснения? Быть может для курьеза? Разумеется, я и не подумаю препровождать его по назначению до тех пор, пока не получу вежливой письменной просьбы автора его об этом, с объяснением его содержания и, конечно, написанного в виде прошения, а не частного письма, на другой бумаге и иного формата. Неужели Вам неизвестно, кто выкинул такую штуку и в чем дело? Препровождаю Вам у сего означенное письмо обратно с тем, чтобы Вы его отослали автору, пригласили бы его явиться к Вам для объяснений и отчитали бы его как следует от моего имени. А если он откажется явиться, то и Господь с ним». Однако Бравин вновь отсылает в Симлу послание неизвестного ему, как выясняется, автора, с вызовом заявляя Ревелиоти: «Препроводил я письмо к Вам потому, что никому (даже управляющим генеральными консульствами) не дано власти задерживать такие письма, на какой бы бумаге они писаны ни были». Бюрократу Ревелиоти оставалось лишь порекомендовать коллеге ознакомиться «со статьями 11 и 15 Шестой книги (Учреждение Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений) Второй части I Тома Свода Законов Российской Империи».

Но граничащий с грубостью ответ Бравина объяснялся, возможно, не столько желанием заступиться за незнакомого ему просителя, сколько очередной смертельной обидой на Ревелиоти, желавшего-де «лишить его казенной квартиры» путем сдачи внаем верхнего этажа занимаемого им в Калькутте дома. Хотя Бравин ссылался на то, что нижний этаж необитаем из-за сырости, Ревелиоти напоминал, что указанное помещение, по количеству и расположению комнат в точности соответствующее верхнему, еще недавно занимал сам Б.К. Арсеньев. «Вы лично прожили в нем также несколько месяцев, — продолжал Ревелиоти. — Эти соображения и вызвали предположение сдать верхний этаж, дабы покрыть расходы по дому, наемная плата которого, как Вам небезызвестно, не дает возможности уплачивать из

остатков ассигнуемой на этот предмет Министерством суммы счета по электричеству, уборке дома и пр. Как раньше Борису Константиновичу, так теперь и мне приходится покрывать их из канцелярских сумм, как Вам известно, совершенно недостаточных. Моему начальнику и мне казалось, что, предоставив в Ваше полное распоряжение целый этаж, с освещением и прислугой, безвозмездно, мы несколько не стеснили бы Вас, сдав свободный этаж внаем. Совершенно иначе представляется положение вещей, если квартира Ваша оказывается необитаемой вследствие сырости. В таком случае и речи быть не может о намерении Вашего начальства подвергнуть риску Ваше здоровье; но, так как контракт на наем дома заключен на четыре года и было бы в высшей степени неудобно сохранить наполовину непригодный дом за нами, я Вас очень прошу немедленно подать мне официальную докладную записку о том, что, вследствие абсолютной непригодности для жилья нижнего этажа дома, занимаемого нашим Генеральным Консульством в Калькутте, по причине чрезмерной сырости, Вы вынуждены перейти в верхний этаж этого дома, единственно пригодный для жизни. Записку эту препровожу в Санкт-Петербург на имя Б.К. Арсеньева с просьбой уполномочить меня принять нужные меры для расторжения контракта». Хотя Ревелиоти заверял Бравина, что интересы его в любом случае будут учтены и «беспокоиться нечего», тот уже не мог сдержать накопившееся раздражение... (Там же, л. 21–22, 24). Впрочем, ради объективности, нельзя не отметить, что Г.Н. Михайловский, общавшийся во время гражданской войны с Ревелиоти в Париже, где тот заведовал личным составом российского дипломатического ведомства, отзывался о нем весьма отрицательно, называя «ловким и беззастенчивым левантийцем», в поведении и самой наружности которого «было что-то хищное»: он «особенно усердно выискивал, кого бы из лиц, получающих казенное содержание, «ликвидировать» без всякого шума, — например, за дальностью расстояния взять и «сократить» все дипломатические штаты в Персии, не заботясь о том, в каком положении окажутся там русские подданные». (*Михайловский Г.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 333*).

6. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10176 (Бравин и Нерсес Джагетян. Письма по поводу жалобы его на Вице-Консула в Казвине Бравина. 1914–1915 гг.), л. 1–2, 6–7, 15–16, 20, 26–27, 43.

7. Там же, л. 46; д. 10156, л. 65–66.

8. Там же, л. 92, 97, 105, 173, 125, 187–188, 199, 217; д. 10106 (Бравин. 1916 г.), л. 2.

Иная, положительная, оценка деятельности вице-консула содержится в письме «членов Хойского национального ассирийского комитета, сторонников партии «Урмийский манифест свободной Асси-

рии», от 24 мая 1917 г., которые хвалили «высококультурные, неизменно носящие широко демократический характер, общественные выступления всеми уважаемого Н.З. Бравина, всегда стоящего за честную искренность отношения консульства к местному персидскому населению и за правду, на чьей бы стороне она ни была». («Известия Совета рабочих и солдатских депутатов гор. Тифлиса», 23.07.1917, № 95).

9. АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 10186 (Инцидент Бравин-Кирсанов. 1917 г.), л. 11, 16.

10. Там же, д. 10226, л. 110.

11. Там же, л. 94, 105.

12. Там же, д. 10236, л. 112.

Уже 10 октября 1917 г. В.И. Некрасов телеграфировал Н.З. Бравину: «Очень сожалел бы в случае Вашего настояния на уходе из Персии, особенно теперь, когда благородные лозунги, провозглашенные русской революцией, только начинают проводиться в жизнь и требуется настойчивая, но, правда, в то же время и крайне осторожная деятельность». 16 октября Бравин ответил: «Отдаю себя всецело в Ваше распоряжение, коему подчиняюсь беспрекословно. Однако убедительно прошу дать мне место, где я мог бы применить все свои силы, которым до сих пор не было выхода. Сознание приносимых мелочных несправедливостей неизменно отражалось на мне и моей деятельности. Хочу верить — теперь все будет иначе». В тот же день Некрасов телеграфирует Бравину: «Радуюсь Вашему решению. Все будет иначе. Будьте осторожны». (Там же, д. 10156, л. 225–226, 229). Но отнюдь не Некрасов, а пришедшие к власти большевики предоставили Бравину единственно достойное, как он считал, для него место дипломатического представителя новой России в Персии. Мог ли он отказаться от столь соблазнительного предложения?! Поспешив перейти на советскую службу, Бравин уже 31 декабря оставил порядком надоевший ему сонный Хой и выехал через Тавриз в Тегеран. (ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 2, д. 31, л. 15. См. также: *Dailami Pezhman. Bravin in Tehran and the Origins of Soviet Policy in Iran // Revolutionary Russia [London]. 1999. Vol. 12. № 2. P. 63–82).*

8. Борьба вокруг реформ в Бухаре

1. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 115, 150, 186; Бухара в 1917 году // Красный архив. М.—Л., 1927. Кн. 1. С. 82. Подробнее о бухарских джадидах см., в частности, интересные работы американского исследователя: *А. Халида (Adeeb Khalid). The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley—Los Angeles—London,*

1998; Society and politics in Bukhara, 1868–1920 // Central Asian Survey (2000). 19 (3/4). P. 367–396; Nationalizing the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917–1920 // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Edited by R. G. Suny & T. Martin. Oxford, 2001. P. 145–162; Osman Khoja and the Beginnings of Jadidism in Bukhara // Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900–1924. Studies in Honour of Osman Khoja. Haarlem (Netherlands), 2001. P. 287–296.

После Февральской революции 1917 г. бывшее Политическое агентство по-прежнему считало одной из главных своих задач всемерное противодействие распространению в Бухаре воинственного панисламизма, в связи с чем призывало Петроград и Ташкент к сугубой осторожности при любых нововведениях в ханстве. Сообщая, что бухарцы «совершенно спокойно» восприняли революционные события в России, А.Я. Миллер 17 марта писал А.Н. Куропаткину: «Несомненно, что движение передастся и бухарскому населению, и мной уже сделаны представления Эмиру Бухарскому о необходимости пойти навстречу широким, не противоречащим шариату, реформам в управляемой им стране в соответствии с видами Российского Правительства». (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 149). В тот же день в телеграмме министру иностранных дел П.Н. Милюкову политический агент указывал, что «для планомерного, без ущерба нашим политическим и экономическим интересам в стране, проведения этих реформ в жизнь необходимо, чтобы они не противоречили шариату и религиозным воззрениям мусульманского населения, чтобы они не нарушали автономии Бухары и чтобы осуществление реформ производилось всецело под нашим непосредственным контролем и руководством. Доложенные условия устранят вредное для нас иноземное влияние и обеспечат мирное проведение реформ в Бухарском ханстве». (Бухара в 1917 году... С. 80).

Предполагая встретить ожесточенное сопротивление консервативного духовенства, Миллер рассчитывал на поддержку реформ бухарскими прогрессистами-джахидами, но при этом отнюдь не сочувствовал их взглядам. Ведь даже самый просвещенный из младобухарцев, А. Фитрат, в своей вышедшей в Стамбуле книге «Спор бухарского мударриса с европейцем в Индии о новометодных школах», изданной с грифом: «Не подлежит оглашению» на русском языке в Ташкенте в 1911 г., напоминал читателю, что «Аллах и его Пророк поставили джихад (священную войну) нам в обязанность», ибо «всякому из вас известно, что христиане со всех сторон поднимают голову, чтобы напасть на Ислам, и ежечасно ищут предлога для уничтожения нас и нашей веры». Неудивительно, что Миллер, рассматривая

младобухарцев как проводников вредных антигосударственных идей, буквально накануне Февральской революции, 13 января 1917 г., писал в канцелярию туркестанского генерал-губернатора: «Занятое Бухарским Правительством несколько враждебное в отношении новометодного движения положение представляется, по моему мнению, вполне соответствующим нашим интересам. Руководимые малоопытными и малообразованными преподавателями, новометодные школы не могут дать ничего серьезного своим ученикам, а постоянное повторение во всех учебниках этих школ мысли о возрождении мусульманства путем изучения европейских наук, может развить в учениках панисламистские идеи, явно нам опасные». Во избежание последнего Миллер предлагал открыть в Старой Бухаре подконтрольную российским властям 4-классную школу, поясняя, что «крупное бухарское купечество и мелкие торговцы, далекие от каких-либо панисламистских тенденций, ощущают острую необходимость в обучении своих детей грамоте и началам арифметики». (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 1016 [О школах в Бухаре. 1909–1917 гг.], л. 85).

2. Там же, оп. 485, д. 263 [О воспитывающемся в Николаевском Кадетском Корпусе Бухарском Наследнике Принце Сеид-Мир-Алиме и состоящем при нем Осман-Бек Караулбеги. Разная переписка. 1893 г.], л. 49, 66, 68, 71, 77; оп. 486, д. 7756 [Дело о Сейид Алиме, Эмире Бухарском. Разная переписка о нем и его семье. 1910–1916 гг.], л. 36, 79; *Айни С.* История мангытских эмиров // *Айни С.* Сочинения: В 6 т. М., 1975. Т. 6. С. 309–311; *Айни С.* Воспоминания; *Семенов А. А.* К прошлому Бухары. М.–Л., 1960. С. 199, 987–988, 1006; Путеводитель по Туркестану... С. 254, 267–270, 249.

Уже в мае 1917 г. включившийся в кампанию по дискредитации Резидентства директор правления Бухарской железной дороги эсер И. М. Слуцкий утверждал, будто именно царское Политическое агентство являлось всегда главным препятствием на пути к прогрессу в Бухаре, и напоминал о давнем и искреннем-де желании Сеид Мир Алим-хана хоть как-то модернизировать свою страну: «Нынешний благожелательный мягкий молодой эмир, вступив на престол, издал манифест с обещанием народу реформ, но реформ фактически не последовало благодаря негласному давлению и вмешательству нашего дипломатического корпуса... Пять лет назад умным и деятельным, уволенным ныне, кушбеги [Мирзой Насрулла Биём] был разработан проект экономических реформ в Бухаре, о котором я сообщал в моих печатных трудах, но время ушло, а облегчавших народное бремя реформ нет и поныне, и виновником этого опять-таки является наше Политическое агентство... И если молодому эмиру с его советником-кушбеги удалось достигнуть кое-какого облегчения для своего народа, то только там, где наша дипломатия не могла или не успела

вмешаться. Так было с наделением безземельных батраков Гиссарского и Каратегинского бекств земель, с улучшением денежного дела в Восточной Бухаре, со смещением тех беков, которые особенно прославились своими жестокостью и поборами и, наконец, сведением числа казней в ханстве до возможного минимума путем запрещения бекам права распоряжения жизнью и смертью бухарского народа». Слуцкий полагал, что «освободительное течение в Бухаре стремится не уничтожить эмира, который по своим личным высоким качествам пользуется в Бухарском ханстве исключительной огромной народной любовью и уважением, а поставить его во главе освободительного движения от вековечного рабства». (*Слуцкий И.* Россия и Бухара // Туркестанский курьер [Ташкент], 06.07.1917, № 148; 07.07.1917, № 149).

3. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 267, 268, 277; д. 1896, л. 102.

4. Бухара в 1917 году... С. 82; *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // *Ходжаев Ф.* Избр. труды: В 3 т. Ташкент, 1970. Т. 1. С. 106.

5. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 339–341. О манифестации в Старой Бухаре и последующих событиях см. также: *Ходжаев Ф.* Ук. соч. С. 106–108; *Айни С.* История революции в Бухаре // Памир. Душанбе, 1986. № 4. С. 122–133; № 5. С. 80–93; № 6. С. 74–84.

13 апреля в телеграмме с пометкой «срочная» А.Я. Миллер докладывал П.Н. Милюкову: «9-го Апреля посетил Эмира и Кушбеги и потребовал немедленного освобождения арестованных младобухарцев, что и было немедленно исполнено. Их было десять человек, среди коих были пострадавшие от побоев; сдал их на излечение в Ново-Бухарскую больницу. Затем потребовал от Бухарского Правительства удаления из Старой Бухары Кази-Каляна Бурханеддина и оставления недавно назначенного Кази-Каляна и заключения в тюрьму всех нанесших последнему оскорбление. По моему же требованию, Полномочным Комендантом Бухары и окрестностей назначен Ходжа-Низам-уд-Дин Диванбеги, человек энергичный. На него возложена ответственность за спокойствие и порядок. Эмир подтвердил свое непреклонное решение провести возвещенные реформы. Я устно подтвердил полученную Эмиром мою ноту об ответственности Бухарского правительства по отношению к русским гражданам и младобухарцам. Когда было получено известие о прибытии в Новую Бухару роты из Самарканда, наступило спокойствие...» (АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 358).

Небезынтересно также, что еще накануне, 12 апреля, резидент предупреждал Милюкова: «Младобухарская группа, а также шииты усиленно распространяют слухи о недоброжелательном отношении Кушбеги к реформам, причем обвиняют Насрулла-бия в созыве из

окрестностей крестьян в целях враждебной реформам демонстрации, в излишнем потворстве муллам и проч. Слухи эти (при особо энергичной агитации шиитов, сторонников Астанакула Кушбеги [предшественника Насрулла-бия], один из главных агентов коего бывший охранник Фатхулла Ходжа, выдавая себя за убежденного прогрессиста, стал во главе кружка младобухарцев) дошли до Эмира, запросившего меня, не надлежит ли заменить Насрулла-бия Низам-уд-Динном Ходжой Диванбеги. Зная происхождение этих слухов и не имея никаких определенных данных, компрометирующих нынешнюю деятельность Насрулла-бия, я доложил Его Высочеству о необходимости, по моему мнению, отнестись с крайней осторожностью к этому вопросу, решившись на замену Кушбеги лишь при наличии неопровержимых данных о его враждебном отношении к реформам или же при возникновении против него возбуждения широких масс. С точки зрения наших интересов возвращение Астанакула, следствием чего была бы резня шиитов и суннитов, представляется недопустимой, а предложенный Эмиром единственно, пожалуй, заместитель Кушбеги Низам-уд-Дин Диванбеги — человек сравнительно недалекий и вряд ли могущий внушить доверие либералам. Других сколько-нибудь подходящих покуда не имеется. Изложенные соображения побуждают меня высказаться за необходимость отсрочить предложенную Эмиром замену Кушбеги». (Там же, д. 1896, л. 141). Пройдет всего лишь несколько дней, и резидент изменит свою точку зрения, согласившись на увольнение Насрулла-бия.

6. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 119–120.

7. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 343; д. 3576, л. 54.

8. Бухара в 1917 году... С. 91–93; АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 343.

9. Там же, л. 313, 337.

10. Там же, л. 336.

11. Там же, д. 3576, л. 44; д. 3446, л. 328.

12. РГАСПИ, ф. 71, оп. 35 [Сектор истории гражданской войны], д. 846, л. 12; АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 142.

13. *Ходжаев Ф.* Ук. соч. С. 115; Бухара в 1917 году... С. 95–96.

В докладе «Перспективы революционного движения в Бухаре», от 29 марта 1920 г., товарищ председателя ЦК бухарских коммунистов И. Агдаров передает, со ссылкой на «старый дневник», рассказ младобухарцев о их поездке в Старую Бухару: «Нас попросили в тронную залу, где было 150 чел. мулл и чиновников, а нас было всего 12. При виде бухарских коммунистов [так автор называет младобухарцев — В.Г.] вся эта группа приходит в неопишную ярость. Председатель Комитета пытается говорить, но муллы ему не дают вымолвить ни слова, а между тем своим ораторам дают полный простор. Но вот, наконец, выходит сам Эмир в сопровождении Миллера...

[Муллы] просят казни делегатов, которые, по Шариату, — кафиры, а также просят Эмира, чтобы он не давал согласия на проведение реформ. Эмир отказался от [удовлетворения] их просьбы, заплакал и ушел. После ухода Эмира делегаты остаются в зале, а муллы и чиновники удаляются в соседнюю комнату, из которой они кричат, угрожая грабежом нашего имущества. Подходят чиновники, предлагают нам, чтобы мы просили у мулл прощения; в противном случае нас ожидает наказание. Делегаты требовали у Миллера свезти нас в Новую Бухару, но Миллер в этом отказал. Через час явился один из наших членов, находящихся при дворе, заявив, что новобухарские рабочие, вооружившись и соединившись с солдатами, идут к нам на помощь, и, если с нами что-нибудь случится, они разнесут дворец. В этот момент пришел Введенский с солдатскими костюмами в руках, он был очень взволнован, и, предложив нам переодеться, он повел нас к площадке на Регистане, где выстроены были с обеих сторон бухарские войска. Через другую сторону... нас таким образом, переодетых, привезли из Старой Бухары». (РГАСПИ, ф. 544, оп. 4, д. 20, л. 5).

14. Там же, ф. 71, оп. 35, д. 846, л. 12.

15. Бухара в 1917 году... С. 95–96; *Ходжаев Ф.* Ук. соч. С. 116.

16. РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 846, л. 12; Бухара в 1917 году... С. 94.

17. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 17.

18. Там же, л. 18; Бухара в 1917 году... С. 98.

19. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 402; РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 146.

20. Бухара в 1917 году... С. 97; РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 13–14.

21. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3576, л. 53.

22. В Бухаре // Бухарские ведомости. Орган Областного Комитета Русских Поселений Бухарского Ханства. 12.07.1917, № 2.

23. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 421; Бухара в 1917 году... С. 99.

24. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3736, л. 39; д. 3446, л. 409.

В телеграмме с пометкой «срочная», от 16 апреля 1917 г., говорилось: «Миллер арестован. Прошу срочных указаний. Шульга. Введенский». (Там же, д. 3576, л. 46).

25. Бухара в 1917 году... С. 101–103.

Передавая содержание доклада, с которым 24 апреля 1917 г. выступил на заседании Ташкентского Совдепа вернувшийся из Бухары член Туркестанского Краевого Совета Г.И. Бройдо, «Наша газета» писала: «Ввиду возникших в Бухаре волнений в связи с введением т. н. реформ Совет солдатских депутатов командировал туда двух своих представителей для ознакомления с событиями. На следующий день после этого выяснилось, что уже требуется не ознакомление, а принятие активных мер, и краевой Совет счел необходимым коман-

дировать туда из своей среды двух членов... Кроме того, Туркестанский комитет Временного правительства также командировал в Бухару своего представителя тов. Преображенского. Таким образом организовалась небольшая комиссия по бухарским делам. После революции Политическое агентство было переименовано в Резидентство, и политический агент Миллер стал резидентом. Этот самый Миллер и написал манифест о свободе Бухары, возведенный эмиром. Манифест Миллера — это какая-то непонятная жижица и единственно, что он дает народу, — устройство в Бухаре правительственной типографии (*смех*). Оригинально этот манифест был объявлен народу: было отпечатано 200 экземпляров, из них 100 роздано чиновникам, а остальные были найдены в Резидентстве. Население же не получило ни одного экземпляра. А в Петроград была отправлена телеграмма, что в Бухаре объявлен манифест, распространенный среди народа в тысячах экземпляров. Следующая часть бухарской революции или... «бухарских волнений» очень смахивает на руководимую чьей-то рукой провокацию. Кто-то пустил слух в народе, что младобухарцы, сторонники свобод, хотят сместить эмира и что они идут против шариата (религии мусульман). И вот старики пошли к эмиру с требованием, чтобы никто не смел его трогать. А почти одновременно к этому же эмиру пошли и младобухарцы благодарить его за манифест, но, узнав о том, что на площади собрались реакционеры, расходятся. В это время кто-то начинает провоцировать ложные слухи о готовящихся беспорядках. Резидент Миллер вызывает отовсюду войска. Войска идут из Самарканда, ни о чем не осведомленные, зная только, что в Бухаре возведена эмиром свобода. Они уже совсем было решили, что едут в демократическую страну и, прибыв в Новую Бухару, удивлены реакционностью Ново-Бухарского исполнительного комитета. На этой почве между самаркандцами и новобухарцами произошел конфликт, и в результате самаркандцы перебрались в Старую Бухару и сами стали вести дипломатические сношения с эмиром. Самаркандцы вместе с младобухарцами устроили демонстрацию, чем воспользовались провокаторы, распуская разные нелепые слухи. Во всей этой истории много было совершенно излишнего шума, вредного для дела свободы, и в этом повинны товарищи самаркандцы, и была несомненна попытка к провокации с чьей-то стороны. Поведение Миллера непонятно: новобухарцы его поддерживали, а самаркандцы называли провокатором. Ввиду всех этих событий, говорит тов. Бройдо, комиссия решила, что Миллер не сумел поддержать в Бухаре честь и достоинство свободной России. Арест Миллера и его помощника Шульги комиссия признала правильным и направила их в Петроград. Мы решили, что вмешательство во внутренние

дела Бухары неправильно и предложили самаркандцам уехать из ханства обратно в Самарканд. Эмиру же членами Туркестанского комитета предъявлены следующие требования: обеспечение безопасности младобухарцев и русских и проведение реформ с развитием их в сторону демократизма». (Наша газета, 28.04.1917, № 6).

Другую версию бухарских событий зафиксировал в своем дневнике 15 мая 1917 г. бывший туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин: «Вчера наш резидент в Бухаре Алек[андр] Яковл[евич] Миллер подробно рассказал мне о беспорядках в Бухаре, вызвавших его отъезд в Петроград. По его словам, дело в Бухаре по установлению нового строя свободной России шло очень хорошо. Манифест эмира о реформах был обнародован. Он, Миллер, дружно работал с Исполн. Комитетом Новой Бухары. Просился переехать в Старую Бухару для наблюдения за реформами. Жаловался, что в Петрограде на три недели задержали ответ на его депешу о манифесте (Клемм говорил, что Миллюков внес этот вопрос на рассмотрение Совета Министров). Керенский, которого считали знатоком азиатских дел, высказался за расширение рамок манифеста, указывая на необходимость уничтожения рабства. Клемму пришлось поправить указанием, что рабство в Бухаре давно уничтожено. Младобухарская партия в Бухаре, по словам Миллера, ничтожная: 15–30 человек. Старобухарцы против широких реформ. Когда младобухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер. Забили тревогу, вызвали войска из Самарканда и Каттакургана. С ними приехал анархист Чертов и еще несколько большевиков. Чуть дело не дошло до драки. Бухарский комитет стоял за Миллера. Приезжие требовали его смены. Приехавший из Ташкента Рожденственский (так в тексте — В.Г.) и Давлетшин ничего в действиях Миллера неправильного не нашли, но все же «для успокоения населения» предложили ему отправиться в Петроград. Эмир держит себя пассивно, но сделает то, что ему прикажут. Просился на Кавказ или Ялту лечиться, но Миллер ему отсоветовал. Переехал в Кермине. Там спокойнее. Кушбек и раис сменены». (Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. Кн. 1. С. 76).

26. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 385, 464, 499; Бухара в 1917 году... С. 111.

27. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 20; д. 1896, л. 179, 183, 191.

28. Бухара в 1917 году... С. 109–112. Из современных работ о бухарских реформах, помимо вышеупомянутых трудов А. Халида, см.: Айзенер Р. Бухара в 1917 г. / Пер. с нем. // Восток. 1994. № 4. С. 131–144; Генис В.Л. Борьба вокруг реформ в Бухаре. 1917 год // Вопросы

истории. 2001. № 11–12. С. 18–37; Fedtke G. Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: from an Ideological Debate in the Early Soviet Union // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin, 1998. Vol. 2. P. 483–512.

9. Областной комиссар

1. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 480.

2. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 143.

Все лето 1917 г. МИД не оставлял надежд уговорить **В.Ф. Минорского** принять пост резидента, но тот упорствовал. «Озабоченный подысканием подходящего кандидата на весьма ответственный наш пост Российского резидента в Бухаре, Министр остановил свой выбор на Вас, — уведомлял Нератов Минорского 23 июня. — Телеграфируйте безотлагательно, когда может состояться Ваш выезд из Тегерана для скорейшего прибытия в Бухару, где необходимо спешно приступить к осуществлению намеченных широких реформ». Но 29 июня посланник в Тегеране Н.С. Эттер отправляет в МИД телеграмму с объяснениями Минорского, который просит доложить министру: «Резидентство — пост чисто административный. Для занятия его не имею ни опыта, ни специальных знаний. Будучи назначен со стороны, вне связи с местными организациями окажусь в ложном положении. Об обособлении Бухары, объяснявшемся династическими соображениями дружбы с Эмиром, теперь нет речи. Для возможного же уравнивания порядков Бухары и Туркестана нужен администратор с солидным именем и знающий русские местные порядки, мало мне знакомые. До настоящей моей должности дошел после долгих стремлений и крайне ею доволен. Надеюсь, что мои специальные знания Персии могут быть полезны Министерству и покорнейше прошу оставить меня в Тегеране и дать докончить различные начатые работы». Хотя 6 июля В.О. Клемм извещал С.В. Чиркина, что «Минорский уклоняется от назначения в Бухару», вследствие чего «министр приказал оставить вопрос пока открытым», новый управляющий Среднеазиатским отделом МИД В.И. Некрасов предпринимает новую попытку уговорить упряма. «Ввиду исключительно трудного времени, переживаемого родиной, — взывает Некрасов к Минорскому 10 августа, — когда личные интересы отходят в сторону, принимая во внимание Вашу подготовленность и энергию, настоятельно желательно Ваше назначение в Бухару. Пост Российского Резидента после революции исключительно интересен и выдвинут на видную политическую роль наравне с нашими Дипломатическими Представителями заг-

раницей. Отдел действует в полном контакте с Туркестанским комитетом, что, конечно, упрощает положение Резидента. Веря в Ваш патриотизм и желание работать, жду срочной телеграммы о согласии». Однако 17 августа Минорский отвечает Некрасову: «В Персии идет сейчас война, и я думаю, что здесь именно я могу принести пользу, зная хорошо западную Персию. Вряд ли вообще потому патриотично мне теперь уйти из Миссии. Если других исходов нет, подчиняюсь решению Министра, но прошу дождаться моего письма, отправляемого сегодня». Неизвестно, какие доводы против своего назначения в Бухару, приводил Минорский, но 12 сентября Некрасов телеграфирует ему: «Ваше письмо получено, оно меня не убедило. Очень, очень сожалею о вашем отказе от Бухары, на которую кандидатура Ваша снята». Но Минорский возражает против формулировки Некрасова: «Я ставил лишь вопрос о сравнительной полезности моего применения в Персии или в Бухаре. Благодарю за желательный ответ, но вновь повторяю, что ни о каком моем отказе в случае определенного решения Министерства не могло быть и не может идти речи в настоящий момент». Уже 8 октября Некрасов отвечает Минорскому: «Еще раз очень сожалею, что прежде вы отказались от Бухары, куда и назначен Елпатьевский лишь после ясно выраженного Вами желания остаться в Персии». Сожаление по этому поводу высказывал Минорскому и товарищ министра иностранных дел А.М. Петряев: «Ваши письма мне и Некрасову не оставляют сомнения в Вашем нежелании ехать в Бухару, куда Некрасов считал Вас более других подходящим после того, как пост этот стал чисто политическим». (АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 11136 [Минорский В.Ф. 1908–1917 гг.], л. 201, 179–180, 205, 207–208, 210, 213; ф. 147, оп. 486, д. 3586 [Минорский В.Ф. Вопрос о назначении его Резидентом в Бухаре. 1917 г.], л. 2, 4).

3. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 95.

4. Наша газета, 06.06.1917, № 35; Вестник Ново-Бухарского Исполнительного Комитета, 18.06.1917, № 7. О назначении Введенского областным комиссаром см. также письмо Турккомитета А.Ф. Керенскому от 7 июня 1917 г. в кн.: Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. 1. Ташкент, 1963. С. 129.

5. РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 846, л. 16; ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 95.

6. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 1896, л. 175.

7. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 124–127.

8. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 96–97.

9. Бухара в 1917 году... С. 117.

10. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 1896, л. 377.

11. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 96; Бухара в 1917 году... С. 119–120.

В составленном уже после Октябрьского переворота 1917 г. «Материале по делу гр. Введенского» М.А. Преображенский возлагал на него чуть ли не основную вину за восстановление в должности бывшего кази-каляна и между прочим писал: «Бурханэтдин выразил свое несогласие с изданным Эмиром манифестом, за что был отстранен от должности и выслан в Кермине, но Введенский просил Эмира оставить его на даче в окрестностях г. Новой Бухары. В июле месяце прошел слух, что этот деспот снова назначается на должность кази-каляна. Младобухарский комитет через Резидентство протестовал... Резидент Чиркин обещал не допустить этого назначения. Но накануне назначения Бурханэтдина последнего посетил Введенский — в 12 часов ночи, и женщина-прислуга, слышавшая разговор..., передает следующие слова Введенского: «Вы завтра будете кази-каляном, если меня послушаете. Завтра командуйте несколько мулл к кушбеги, которые должны требовать немедленного удаления кази-каляна Шарифджана (прогрессист) и назначения вместо него Бурханэтдина». На другой день собрались муллы в числе 12 человек в мечети Кукульдаш и решили вопрос о кази-каляне. Одновременно в газете «Бухарские Ведомости» от 20 июля за № 5, издаваемой областным комиссаром Введенским, появилась заметка, которая извращала истину в деле назначения кази-каляна. На эту заметку я ответил газетной статьей под заглавием «В Бухаре», в которой доказал намеренное извращение этого факта. В этой заметке говорилось о том, что Бурханэтдин избран многочисленным собранием и что отмечается небывалое сочувствие мусульманского населения, с которым встречено назначение кази-каляна. Причем Введенский, когда к нему обратились четыре делегата от младобухарцев с вопросом, зачем приезжает в Старую Бухару бывший кази-калян, ответил, что у него больна мать и что он едет под конвоем. Через несколько дней Бурханэтдин был действительно назначен кази-каляном. Младобухарцы обратились с протестом в краевой совет солдатских и рабочих депутатов, который прислал Введенскому телеграмму с требованием разъяснения. Введенский ответил, что со старым кази-каляном нельзя проводить реформы, что новый является более прогрессивным. На самом деле Бурханэтдин — палач бухарского народа, который не только не способствовал культурным начинаниям младобухарцев, но всячески им противодействовал — так, например, закрыл единственный крупный книжный магазин, закрывал и лавки, принадлежащие младобухарцам, желая тем подорвать источник их существования». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 96).

12. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3446, л. 578.

13. Там же, л. 606.

В пояснительной записке к «Представлению МИД по вопросу о реформах в Бухарском ханстве», в частности, говорилось: «Министерство Иностранных Дел, признавая настоятельно необходимым приступить к скорейшему осуществлению реформ в Ханстве, встретило весьма серьезные затруднения в отсутствии в Бухаре сколько-нибудь значительных демократических групп. Небольшая группа (несколько десятков) так называемых «джадидов» (сторонников реформ) состоит, согласно имеющимся сообщениям членов б. Туркестанского Комитета и донесениям Управляющего Резидентством, из людей, не пользующихся влиянием и по своему уровню почти не пригодных к созидательной работе. С другой стороны Бухарское Правительство, опубликовавшее с одобрения Временного Правительства манифест эмира и наметившее реформы суда, администрации, установление свободы печати, организацию выборных городских управлений, государственного казначейства и проч., фактически также оказалось — ввиду отсутствия в Бухаре лиц не только с европейским образованием, но хотя бы с общей практической подготовкой — совершенно не в состоянии приступить к осуществлению проектированных реформ и созвать намеченные комиссии для предварительного обсуждения каждой реформируемой отрасли. Начавшиеся резкие выступления реакционных мулл против изданного Эмиром манифеста, якобы не вполне согласного с Шариатом, столкновение прибывших в Бухару представителей Самаркандского Исполнительного комитета с Ново-Бухарским Исполкомом на почве отношения к происходившим в Старой Бухаре событиям, решение, принятое солдатами и частью граждан Новой Бухары, устранить Резидента Миллера впредь до приезда в Бухару комиссара Временного правительства, и, наконец, крайняя косность и невежество бухарских масс, определенно склонившихся на сторону духовенства, побудили Министерство по сношении с б[ывшим] Туркестанским Комитетом и Резидентством признать единственно возможным путем осуществления реформ приглашение на службу Бухарского Правительства компетентных в каждой отдельной отрасли управления советников...» (Там же, л. 607–608).

Как указывал В.О. Клемм, еще в июне 1917 г. на должности советников намечались: «по административной части — Семенов, по ирригации — Блумберг, по дорогам и постройкам — временно Сакович, по земледелию — Севастьянов и Коленков, по санитарной части — Доброхотов, по школьному и судебному делу — Лапин». Однако в августовском «Представлении МИД» из всех вышеназванных лиц упоминалась лишь кандидатура А.А. Семенова, которого предполагалось использовать в качестве «советника — организатора управления

центрального правительства». Причем уже 4 октября новый резидент В.С. Елпатьевский предупредил А.А. Нератова: «...До более подробного ознакомления с деталями положения я не могу ручаться, что приступ сейчас же к реформам в той форме и в том темпе, который намечен был в Петрограде, не навлечет серьезных осложнений. Ввиду этого приходится несколько повременить с приглашением советников и, во всяком случае, не увеличивать их числа, — тем более, что в Бухаре совсем нет квартир и уже первый приглашенный советник г. Семенов вынужден жить в плохой гостинице». Елпатьевский также добавлял, что еще до приезда его в Бухару эмир в беседе с С.В. Чиркиным «выражал большие опасения осложнений со стороны партии мулл и просил, чтобы Семенов пока ограничился изучением существующей системы управления». Хотя на Семенова возлагалось также руководство изданием в Бухаре «очень умеренной, чисто осведомительной газеты на местном языке», уже 17 октября кушбеги передал пожелание эмира отложить реализацию данного предприятия в целях предупреждения нежелательных эксцессов со стороны мулл и населения, которые, «по-видимому, несочувственно относятся к предполагаемому изданию газет на персидском языке». Кроме того, в письме В.И. Некрасову, от 21 октября, резидент вновь жаловался на «полное отсутствие» свободных жилых помещений для размещения назначенных советниками соответственно по судебной и финансовой части Г.М. Михина и М.И. Портянко, которые, будучи семейными людьми, ставили непременным условием своего переезда в Бухару предоставление им «приличной квартиры». (Там же, л. 520; д. 1866, л. 50, 56).

14. Там же, д. 3446, л. 606, 609.

10. «Пользующийся доверием всех слоев населения...»

1. Победа Октябрьской революции... С. 258, 273.
2. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 32, 132.
3. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 83, 85.
4. Там же, л. 89, 91, 96, 110.
5. Там же, д. 1866, л. 43–49.
6. Там же, д. 1886, л. 20; РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 33.
7. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 104, 107, 113, 117.
8. Бухарские ведомости, 24.09.1917, № 53; АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 166, 164, 128, 165, 143, 151.
9. Там же, л. 147–148; д. 1866, л. 50, 54–56.

О беспокойстве властей Бухарского ханства в связи с ташкентскими событиями свидетельствует и телеграмма П.П. Введенского, от-

правленная Туркестанскому комитету 22 сентября 1917 г.: «Здесь распространился слух о возможности входа в Новую Бухару русских войск в целях воздействия якобы на Бухарское правительство. Крайне желательно опровержение слуха с вашей стороны, как нервирующего мирное население в связи с последними событиями в Ташкенте». На телеграмме — пометка карандашом: «Слухи о военных действиях против Бухары вздорные. Ташкентские беспорядки ликвидируются». (РГАСПИ, ф.71, оп. 34, д. 1527, л. 36).

10. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 3516, л. 179.

Еще в октябре 1916 г. **Торгово-Промышленное Товарищество «Иван Стахеев и Ко»** обратилось к эмирскому правительству с предложением заключить договор о совместной деятельности в пределах Бухарского ханства «по насаждению и развитию в нем различного рода торгово-промышленных предприятий, улучшению сельского хозяйства и организации сбыта продуктов». Товарищество изъявляло готовность внести в дело 2,5 млн. рублей при условии, что такую же сумму ассигнует бухарское правительство. «План ближайшей деятельности, — уведомлял МИД «полный товарищ и распорядитель» П.П. Батолин, — как предполагается, будет заключаться в сооружении в двух местах крупчатых паровых мельниц для перемола ежегодно до 2 млн. пудов пшеницы., затем в устройстве маслособойного завода и шерсто-прядильной фабрики для переработки местного сырья. При железной дороге предполагено устроить холодильники, чтобы иметь возможность хранить мясо для переотправки его затем в Россию. В области сельского хозяйства ввиду получения в свое распоряжение земель, отведенных инженеру Ковалевскому, уже теперь приступлено к осуществлению оросительной системы и заказываются необходимые машины общей мощностью в 1500 сил. Таким образом в ближайшем будущем представится возможность предоставлять орошенные земли под хлопковые посевы». В свою очередь А.Я. Миллер информировал туркестанского генерал-губернатора, что Товарищество «ставит своей целью развитие промышленности в Бухарском ханстве путем устройства заводов для всесторонней обработки хлопка и шерсти до постройки хлопчатобумажных и шерстяных фабрик включительно», а «для нужд Бухарских владений и Российской Империи предположена скупка афганского скота и устройство холодильников, консервных и кожевенных заводов», мукомольных мельниц. Общим же результатом этого станет постоянный заработок для коренного населения, усиление в ханстве русского элемента за счет притока инженерно-технических кадров и агрономов, увеличение грузооборота Бухарской железной дороги, снижение рыночных цен, обеспечение российских войск дешевыми продуктами, увеличе-

ние площади посевов хлопка и, самое главное, «постепенное приобщение Бухары к нашей культуре и государственности». На состоявшейся 19 октября в Кермине аудиенции Сеид Алим-хан лично вручил П.П. Батолину орден Золотой Звезды 3-й ст., а 12 ноября в Бухару прибыл «доверенный» Товарищества действительный статский советник Д.А. Нератов, родной брат товарища министра иностранных дел А.А. Нератова, с целью выработки с эмирским кушбеги текста договора о совместной деятельности. Его проект доверенный увез 20 ноября в Петроград, однако уже 26-го В.О. Клемм уведомил Миллера, что «в полученном на днях Гофмейстером Нератовым анонимном письме заключается угроза вынести дело на трибуну Государственной Думы, если Стахеев получит какие-нибудь исключительные права».

Тем не менее в личном письме от 8 декабря Миллер убеждал Клемма в выгодности для России затеянного предприятия, ибо, пояснил он, благодаря участию в деле властей ханства земля окажется в их общем с Товариществом владении и через некоторое время будет, конечно, выкуплена вместе со всеми возведенными на ней заводами, мельницами и т. д., то есть «половинное участие Бухарского правительства является той подпоркой или, вернее, теми лесами для русского торгово-промышленного дела в Бухаре, которые по возведении и отделке здания будут убраны прочь». При этом Миллер ссылался на то, что в Бухаре нет ни одной крупной русской торгово-промышленной фирмы, ибо «Ярославская Большая Мануфактура» ограничилась скупкой и очисткой хлопка на своем заводе в Новой Бухаре, а «столь важное для нашей отечественной промышленности хлопковое дело находится почти исключительно в еврейских руках (87 процентов — по данным 1911 г.)». Миллер также напоминал, что «известную роль в успешной постройке Бухарской железной дороги, законченной за год до срока, ...сыграло, быть может, и то обстоятельство, что Его Высочество Эмир является крупным пайщиком этого частного предприятия, являющегося пока единственным законченным крупным русским начинанием в Бухарском ханстве», так как большая часть других проектов, в особенности в сельском хозяйстве, «были неудачны и возбудили известное недоверие со стороны бухарских властей и населения». Кроме того, Миллер указывал, что правительство Бухары «без каких-либо колебаний» согласилось на предложение Товарищества, рассчитывая не только на участие в прибылях, но и на возможность «положить начало промышленности в ханстве, чего оно одно не решилось бы сделать из опасения обвинений в новшестве и отступничестве от Ислама и старого строя». Однако МИД не согласился с доводами своего политического агента и уже 11 марта 1917 г. доверительно предупредил министра земледелия о том, что «са-

мый факт участия в предприятии на половинных началах Бухарского правительства создаст для Товарищества исключительно благоприятное положение, при котором какая-либо конкуренция с ним станет, если не совсем невозможной, то, во всяком случае, крайне трудной», и созданное дело приобретет в конце концов нежелательный характер монополии. Поэтому МИД считал «предпочтительным не допускать заключения договора между поименованной фирмой и Правительством Эмира, предложив взамен этого Товариществу «И. Стахеев и Ко» образовать акционерное общество и предоставить Бухарскому правительству, если оно того пожелает, приобрести известное количество акций этого предприятия». (Там же, ф. 147, оп. 486, д. 1076 [Дело о промышленных предприятиях Товарищества «Иван Стахеев и Ко» в Бухаре. 1916–1917 гг.], л. 2, 10, 13–14, 18, 22, 24–25, 30–31).

В соответствии с данной рекомендацией учреждается «Русско-Бухарское Акционерное Общество», но Г.А. Михайловский, ссылаясь на свой разговор с В.С. Елпатьевским летом 1920 г., утверждал с его слов, что, когда вновь приехавший в Бухару Д.А. Нератов обратился к резиденту с просьбой поддержать ходатайство Общества о приобретении обширных горных концессий в ханстве, тот ему вежливо отказал с указанием на полученные на сей счет определенные инструкции МИД. Тогда Нератов заявил, что его брат, товарищ министра иностранных дел, якобы лично заинтересован в указанных концессиях и просит от Елпатьевского «товарищеской услуги». Резидент ответил, что «если получит из Петрограда отмену инструкций, то готов хлопотать насчет концессий, но до их отмены вынужден придерживаться буквы закона и отказывается возбуждать дело перед эмирскими властями». Со своей стороны Михайловский указывал на известную всем неподкупность, кристальную честность А.А. Нератова и считал, что брат его просто блефовал, ибо и раньше был замешан в коммерческих и банковских аферах. Более того, перед самой войной братья товарища министра, инженеры путей сообщения, были осуждены по обвинению в подлогах и других преступлениях подобного рода в нескольких акционерных обществах, и А.А. Нератов поставил тогда перед царем вопрос о своей отставке, считая неудобным для себя занимать высокий государственный пост при таком скандальном семейном деле. Но Николай ответил ему, что «нет семьи без уroda», и впоследствии, несомненно из расположения к А.А. Нератову, помиловал его братьев. (*Михайловский Г.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 612, 50–51*).

Кстати, в обвинительном заключении, от 15 января 1932 г., по делу П.П. Введенского упоминалось, со ссылкой на показания его жены и И.И. Умнякова, о том, что «в 1917 или 1918 г. в Бухару приехали два представителя от крупнейшей тогда фирмы Стахеева, олицетворяв-

шей в то время промышленный и банковский капиталы. Представители фирмы Нератов и Батолин приехали видеть Эмира и уговорить его вложить очень крупные капиталы в русские предприятия. Для достижения положительных результатов представители фирмы сочли необходимым явиться предварительно с визитом в дом Введенского, а позже вместе с ним были у Эмира и блестяще выполнили задание капитала». (Из материалов ЦА ФСБ РФ). После свержения Временного правительства П.П. Введенский недолгое время возглавлял Ново-Бухарское (Каганское) отделение «Русско-Бухарского Акционерного Общества», председателем правления которого состоял тот же Д.А. Нератов, но их связь прервалась из-за образования Асхабадского фронта. Небезынтересно, что в Лондоне представителем стахеевского Товарищества состоял ...бывший политический агент А.Я. Миллер и именно с его помощью эмир намеревался осуществить свой план по переправке бухарского золота и серебра через Мешхед в Лондон, дабы, переведя их в фунты стерлингов, зачислить на банковский счет компании «Иван Стахеев и Ко». (См.: *Yaroshevski Dov V*. Op. cit. P. 308–309).

11. Первый арест

1. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 97.
2. Там же, д. 31, л. 24.
3. Там же, д. 7, л. 60; д. 31, л. 27.

Приказом Совнаркома Туркестанского края за № 1, от 23 ноября 1917 г., «комиссаром иностранных дел и по политическим делам Бухарского и Хивинского ханств» объявлялся левый эсер П.А. Домогатский, но уже 28 ноября в связи с назначением его комиссаром земледелия обязанности наркоминдела были возложены на недавнего комиссара Ново-Бухарского Исполкома, еще в мае избранного членом краевого совещания при Туркестанском комитете Временного правительства, левого эсера В.В. Залесского, состоявшего одновременно комиссаром юстиции и вторым председателем краевого Совнаркома (первым председателем являлся большевик Ф.И. Колесов). На другой день, 29 ноября, Совнарком утвердил текст телеграммы «Его Высочеству Эмиру Бухарскому»: «Избранный волей революционного народа Совет народных комиссаров Туркестанского края подтверждает Вашему Высочеству, что Совет будет твердо стоять на принципах, провозглашенных в отношении малых государств русским правительством после первого переворота. Со своей стороны Совет народных комиссаров рассчитывает на Ваше лояльное отно-

шение и просит Вас принять все меры к сохранению порядка и спокойствия среди подданных Вашего Высочества; лишь при этом условии Ваше Высочество может рассчитывать на доброжелательное отношение Великой России к высокой Бухаре. Сообщаем, что руководство делами внешней политики в крае Советом возложено на члена Совета народных комиссаров гражданина Залесского, которому и дано право непосредственного сношения с Вашим Высочеством». Однако эмиру так и не пришлось пообщаться с Залесским, ибо вследствие его «временного выхода» из состава правительства, куда он уже не вернулся, исполнение обязанностей наркоминдела было возложено 1 декабря на президиум краевого Совнаркома в лице его председателя Ф.И. Колесова и секретаря левого эсера П.В. Чегодаева. Одновременно с отправкой эмиру вышеупомянутого послания Совнарком телеграфировал в Новую Бухару резиденту, копия — местному Совдепу: «Предлагаем принять самые энергичные меры для отмены в Бухаре смертной казни и телесных наказаний, отнюдь не вызывая волнений среди бухарского населения». (Туркестанские ведомости, 01.12.1917, № 184; 02.12.1917, № 185; 03.12.1918, № 186).

В очередном послании Колесова эмиру говорилось: «Согласно распоряжению центрального Совета народных комиссаров, Совет народных комиссаров Туркестанского края сообщает Вам, что вместо резидента в Бухаре учреждается коллегия из трех лиц, которой и предоставлено право сношения с Вами. В эту коллегия входят: Михаил Александрович Преображенский, Владимир Петрович Уткин и Борисанов [Б.М. Баржанов, комиссар иностранных дел русских поселений — В.Г.]. Вместе с тем Совет народных комиссаров подтверждает заявление, сделанное бывшим Временным Правительством, о том, что младобухарцам гарантируется безопасность жизни и имущества. Так как за последнее время участились аресты младобухарцев и, как оказалось по проверке, основанные только на враждебном отношении к этой партии чиновников Вашего правительства, то Совет народных комиссаров обращается к Вам с предложением, чтобы впредь младобухарцы арестовывались не иначе как после разбора дела совместно с коллегией по Бухарским делам. Что же касается младобухарцев, в настоящее время находящихся под арестом и в ссылке, то необходимо первых освободить, а вторых возвратить впредь до разбора дела совместно с коллегией по Бухарским делам. Заканчивая это письмо, Совет народных комиссаров выражает уверенность в том, что Вы пойдете навстречу рабочему и крестьянскому правительству, желающему идти по пути мира и дружбы». (Наша газета, 17.01.1918, № 13).

4. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 24–26; д. 7, л. 95–98.

В показаниях о своем первом аресте на состоявшемся 29 ноября 1931 г. допросе у оперуполномоченного 3-го отделения Секретно-политического отдела Полномочного Представительства ОГПУ в Средней Азии П.П. Введенский говорил: «В декабре 1917 г. по распоряжению председателя Совнаркома Туркест[анской] республики я был арестован и доставлен в Ташкент в Дом правительства. Цель ареста — получить от меня сведения о положении Бухарского ханства, то есть движении панисламистского характера, о твердости положения младобухарской партии и некоторые другие». На дополнительном допросе 8 декабря Введенский продолжал: «На вопрос т. Колесова в декабре 1917 г., каково положение дел в Бухаре и наступил ли момент для революции, я ответил: „Почва для этого не подготовлена“, то есть не было революционного ядра и народные массы не были подготовлены для восприятия революции. На это т. Колесов сказал мне, что младобухарская партия доносит ему иное. Я ему ответил, что вы вольны мне верить или не верить. Младобухарскую партию я не считал революционным ядром, потому что она была немногочисленна, всего 14 человек, она была незнакома с революционными действиями, не имела программы». (Из материалов Центрального архива ФСБ РФ).

5. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 24–26, 127–128.

Некто «М-медов» в заметке «Старая Бухара. (От нашего корреспондента)» сообщал, что в столице ханства продолжают работать частные банки и, хотя цены «драконовские», всего там в изобилии, но: «В семь часов вечера запираются городские ворота, и все живущие в Старой Бухаре остаются на двенадцать часов отрезанными от внешнего мира, не имея возможности проникнуть за высокие стены, окружающие каменным кольцом громадный город. Несмотря на это стеснение, многие из русских переселились из Новой Бухары в Старую, чувствуя себя здесь несколько спокойнее от той «всероссийской действительности», которая ощущается и в Новой Бухаре, прилегающей к магистрали Средне-Азиатской железной дороги». (Новый Туркестан, 13.03/28.02.1918, № 20).

6. Шумков И. О голоде в Бухаре // Наша газета, 29.09.1917, № 160; По краю // Там же, 11.01.1918, № 8; По краю. Ультимативное требование // Там же, 19.01.1918, № 15; По краю. Ответ Бухарского Продовольственного Комитета на ультимативное требование Самаркандского Совета Солд. и Раб. Депутатов // Там же, 24.01.1918, № 19.

7. Поездка по краю // Там же, 23.01.1918, № 18; РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 27–28.

12. Советский парламентар

1. РГАСПИ, ф. 325 (Троцкий Л.Д.), оп. 2, д. 23, л. 52; ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 32–33.

2. Там же, д. 40, ч. 2, л. 782.

3. Колесов Ф., Бобунов А. Восстание в Бухаре... С. 249.

Рассказывая о своем втором аресте на «персональной чистке» в Госплане Узбекской ССР 17 марта 1931 г., П.П. Введенский говорил: «Лицо, арестовавшее меня, живет. Он подтвердит, что это было [сделано] по требованию младобухарцев. Просидел я несколько часов и затем был освобожден Колесовым». (Из материалов Центрального архива ФСБ РФ).

4. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 34, 95.

5. Там же, л. 26–37, 128; оп. 4, д. 31, л. 172; Ходжаев Ф. Ук. соч. С. 148.

6. РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 1146, л. 8.

7. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 54, 57–59.

8. Новый Туркестан, 05.04.1918 (23.03.1918), № 38(55).

9. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 38, 41–42, 47.

10. Там же, л. 51, 55–56.

11. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 3.

12. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 75–76.

13. Колесов Ф.И. Восстание в Бухаре в 1918 году... С. 98.

14. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 2156, л. 3.

15. Новый Туркестан, 30.03.1918, № 33; Наша газета, 03.04.1918, № 64.

16. Там же, 04.04.1918, № 65; 09.04.1918, № 69; Новый Туркестан, 04.04.1918, № 37.

17. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 92; Наша газета, 30.04.1918, № 87; 01.05.1918, № 88; 05.05.1918, № 89.

13. На бухарской службе

1. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 782; д. 31, л. 122.

2. Наша газета, 10.04.1918, № 70.

3. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 61, 81.

4. Там же, ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 19–20.

5. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 122; Советский Туркестан, 24.07.1918, № 33.

6. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 2156, л. 32, 2–6; ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 122, 58.

7. Там же, д. 3, л. 98; ф. 71, оп. 34, д. 1527, л. 24; Советский Туркестан, 28.07.1918, № 37; 05.09.1918, № 68.

Описывая свои злоключения товарищу комиссара юстиции Турк-республики И.А. Апицу, А.К. Есьман указывал, что, приняв должность полпреда, арестовал членов областного продовольственного комитета и, опираясь на Экономический отдел при Резидентстве, перешел к практике централизованных закупок в Бухаре, что сразу же вызвало недовольство всех «спекулянтов» и анонимные жалобы на неправильное ведение им коммерческих операций. Вскоре из Ташкента приехал уполномоченный Наркомпрода по заготовке чая Савченко с поручением купить его на 3 млн. руб. После совещания с бухарскими купцами во главе с Караван-баши Азизовым было заключено предварительное соглашение о продаже чая Туркреспублике по цене 800–1000 руб. за пуд в зависимости от сорта. Савченко пообещал, что качество закупленного обязательно проверит агент Экономического отдела, но нарушил договоренность и, пока Есьман находился в Ташкенте, поспешил вывезти чай. Вернувшись в Бухару и с удивлением узнав, что чай закуплен по цене 1380 руб. за пуд, Есьман возмутился и на предложение наркомпрода А.А. Казакова о выдаче требуемой суммы «николаевскими» кредитками ответил «довольно пространной и явно обличительной телеграммой в Сов[нар]ком и ЦИК на действия тов. Савченко, просил его арестовать, обвинял в мошенничестве», но получил новый приказ о немедленной выдаче денег. Тогда же, уверял Есьман, он выяснил, что в Старой Бухаре образовалась-де компания из Введенского, эмирского «министра финансов» Караван-баши Азизова, бухарского еврея купца Якуба Пинхасова, бывшего управляющего банком армянина Киракосьянца и вышеупомянутого Савченко, которые, искусно подняв цены на чай, заработали на этой операции «миллионную прибыль». Поскольку же Есьман поделился своими догадками о существовании «шайки мошенников», не называя, правда, их фамилий, в Экономическом отделе Резидентства в присутствии Введенского, тот, как считал полпред, видимо, постарался сообщить об этом кому нужно.

Вскоре Есьмана вызвали в Ташкент, где он «имел очень неприятный разговор» с Казаковым, настаивавшим на его отзыве из Бухары, но председатель ТуркЦИК В.Д. Вотинцев, успокоив полпреда, сказал, чтобы он не придавал этому значения. Однако, пока Есьман находился в столице, в Бухару с целью проверки деятельности Резидентства и осуществления новых закупок прибыли Х.Э. Крымов и некто Левитский, которые имели мандаты, подписанные военным комиссаром Туркреспублики К.П. Осиповым — будущим руководителем январского мятежа 1919 г. На заседании визитеров с бухарскими купцами при участии Киракосьянца и Введенского было решено просить об отзыве полпреда, как мешающего заключению коммерческих сделок, о чем Крымов и Ле-

витский немедленно сообщили в Ташкент. Туда же, негодовал Есьман, днем раньше пришла «телеграмма из следственного комитета г. [Новой] Бухары о том, что я своими действиями позволил спрятаться спекулянту Иовановичу и выдал бухарским властям бухарского казака, но русско-подданного. Эту телеграмму мне дал прочесть тов. Вотинцев, а стоявший [рядом тогдашний комиссар иностранных дел] тов. Малков сказал так: „Надо будет арестовать всю компанию, а главное — Крымова“. Значение этой телеграмме не придали, но я дал пояснения председателю Чрезвычайной следственной комиссии». Хотя А.Н. Малкоф сообщил Крымову и Левитскому, что правительство находит действия Есьмана правильными и им не следует вмешиваться не в свои дела, последний обратился в Президиум ТуркЦИК с просьбой отправить вместе с ним в Бухару комиссара финансов Я.Х. Ренесланца и кого-либо из Продовольственной директории для урегулирования всех спорных вопросов, причем свои услуги предложил Казаков.

«В Бухару мы приехали в три часа дня, — вспоминал Есьман, — а в десять часов вечера я был арестован. Несмотря на все мои протесты, несмотря на требования партии, причина ареста, как мне, так и никому, объявлена не была. Через два дня я был отправлен в Ташкент, где после данного мной пояснения был немедленно освобожден на поруки тов. Сорокина. Приписываемые мне обвинения без всяких фактических доказательств и оснований вполне меня убедили, что таковые собирались с умышленной целью, не заботясь о том, будут ли они доказаны. Имея основания полагать, что одной из главных причин явилась «чайная панама», я после освобождения написал пространный доклад в Чрезвычайную следственную комиссию, где указал на все действия Савченко и Ко». Вслед за этим Есьману удалось ознакомиться с так и не отправленным письмом «явно компрометирующего характера», в котором замнаркомпрода В.П. Ляпин обращал внимание рабочих Главных железнодорожных мастерских на злоупотребления Казакова, включая и его участие в «чайной панаме». Есьман не удержался от того, чтобы не попенять этим наркомпроду, но тот не поверил и пожаловался Вотинцеву, который, собрав всех замешанных в инциденте лиц, удостоверился в существовании компромата. «Здесь, — отмечал Есьман, — опять мы сильно повздорили с Казаковым, причем Казаков плакал. Затем разговор перешел на мирную почву: мне было предложено в следующий раз докладывать такие вопросы семейно — вот в той комнате, где мы сейчас сидим, но не выносить сор из избы». Впрочем, Левитский, с которым Есьман окажется вскоре в одной тюремной камере, будет уверять его в том, что Казаков, сменивший погибшего во время «осиповского» мятежа Вотинцева на посту главы ТуркЦИК, воспринял расследование

лишь как желание «подкопаться» под него: «Если бы у Казакова не было личных счетов с Вами, то и не было бы дела».

«После январских событий, — горестно продолжал Есьман, — тов. Казаков передал по телефону распоряжение о моем аресте. Я был арестован и приведен в Следственную комиссию. Здесь весь состав комиссии высказался против моего ареста и, несмотря на распоряжение тов. Казакова, меня освободил и выдал удостоверение на право поступления во все советские учреждения, но не на ответственные должности. Я был принят тов. Лучниковым на должность помощника начальника ст. Бурная, но, когда узнал об этом тов. Казаков, то велел меня не назначать. Это побудило меня лично объясниться с тов. Казаковым, указав ему на ненормальность моего положения. По истечении недели меня вызвал тов. Сорокин и предложил занять место заведующего кожаным отделом Центрального Совета Народного Хозяйства. Я предложение принял и взялся за работу. Арест Введенского и его показания вновь явились причиной моего ареста». Хотя, сетовал Есьман, «мои диктаторские действия поставили Бухару в тупик и мое влияние на Эмира, как на русофила, было велико, но партия русофобов оказалась сильнее меня и Эмира». Тем не менее, подчеркивал экс-полпред, «я категорически отрицаю все обвинения, предъявленные мне, а такой нетактичный шаг, как получение мной кольца, есть не преступление. Председатель Сов [нар] кома Колесов и другие знали об этом, я им лично докладывал, но никаких инструкций по этому поводу не получал. Мою деятельность все знали — как в Илецке, так и в Актюбинске. Арест мой при временно и неблагоприятно сложившихся обстоятельствах заставил меня объявить голодовку. Семидневная голодовка окончательно подорвала мое здоровье. Я прошу беспристрастных товарищей вникнуть в мое дело и освободить меня от этого кошмара». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 380, л. 37–38).

Уже в октябре 1919 г., описывая свою экскурсию по городской тюрьме в статье «Ташкентский Исправительный Рабочий Дом», репортер местных «Известий» Е. Черский отмечал, что невольно обратил там внимание «на молодого довольно интеллигентного вида человека в пенсне, стоявшего у входа в административный двор и записывавшего лиц, пришедших на свидание». В завязавшемся с ним разговоре об отличиях царской и советской тюрем незнакомец, пишет Черский, «вдруг прервал себя: „А что? Читали вчера «Коммунист?» «Чайная панاما»-то? Это пусть тов. Казаков меня поблагодарит. Полгода работал над этим делом и вот, только теперь, всплыло оно на свет божий!“ И, как-то посмеиваясь, добавил шутя: „Несколько стоп бумаги исписал я на это дело!“ Я заинтересовался своим словоохотливым собеседником... „Полномочный представитель Туркес-

танской республики в Бухаре Э-н“, — отрекомендовался он и тут же, видя мой удивленный взгляд, добавил, улыбаясь: „Бывший, конечно“. В настоящее время, продолжает Черский, «Э-н работает в культурно-просветительном отделе Исправительного Рабочего Дома, читает лекции на политические темы, ведет беседы с арестованными, наблюдает за кухней, ибо, как он объясняет: „Пища в условиях нашей жизни стоит не ниже культурно-просветительной работы“. Такова наша действительность: сегодня «полномочный представитель», а завтра — наблюдающий за варкой пищи». (Известия, 19.10.1919, № 229). Вскоре Есьмана выпустили из тюрьмы — по определению жены Введенского, «под стражу», но уже 8 мая 1920 г. член Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и начальник Особого отдела Туркфронта Г.И.Бокий сообщал Ф.Э. Дзержинскому: «...На днях арестовал Завед. Комм. Отделом, бывшего перед Аксельродом полномочным представителем в Бухаре, — оказался быв. Оренбургским околоточным — специалистом по гонениям и обыскам у политических». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 83, л. 2).

8. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 3, л. 98–100; ф. 71, оп. 34, д. 1603, л. 3; ф. 17, оп. 65, д. 380, л. 79–82; Известия, 04.06.1919, № 113; 08.06.1919, № 117; 23.07.1920, № 163.

9. РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, д. 53, л. 76; ф. 122, оп. 4, д. 2, л. 48, 50; оп. 2, д. 7, л. 61.

В анкете, заполненной в начале 1921 г., Введенский сообщал, что состоял «директором всех хлопкоочистительных заводов Бухарского Правительства в Н. Бухаре, Зирабулаке и Керки и заведующим хлопковыми операциями Бухарского Правительства в Ханстве», а также «членом Управления Русско-Бухарского Акционерного Общества, членом Правления Бухарского Банка». На вопрос же об осуществленных им «реформах или усовершенствованиях» за время службы в ханстве, Введенский ответил: «Организация в Бухаре отделений Русско-Бухарского Акционерного Общества в Чарджуе, Керки, Термезе, Бухаре, Зирабулаке; организация хлопкового дела Бухарского Правительства во всем Ханстве; постановка и организация продовольственного дела в Бухарском Ханстве; организация покупки шерсти и хлопка в Афганистане; организация хлебных закупок в Восточной Бухаре». (РГАЭ, ф. 413, оп. 8, д. 4638).

10. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 783.

11. Там же, д. 7, л. 80; ф. 71, оп. 34, д. 1603, л. 6, 3.

12. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 99–100.

13. Там же, л. 102–103.

14. Там же, л. 100; ф. 71, оп. 34, д. 1682, л. 46; *Шкаруно*. Восстание интернационалистов... С. 100.

15. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 82, 62; ф. 133, оп. 1, д. 26, л. 33.

16. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 100, 61; ф. 71, оп. 34, д. 1603, л. 1–9. О событиях в Керки см.: *Волженский [И. Д.] Возникновение и ликвидация Керкинских событий // Известия*, 14, 16, 17, 21 и 27.09.1919, № 199–201, 205, 210; *Красная летопись Туркестана*. 1923. № 1–2. С. 115–123; *Сенг-Заде*. Керкинские события // Таш., 1929. Сб. 2. С. 135–167; *Баржанов В.М.* К десятилетию блокады Керки 1919–1920 года // *Революция в Средней Азии*. М.–Таш., 1931. Сб. 3. С. 105–132.

14. «Докладываю по совести...»

1. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 57–63, 84.

12 мая 1919 г. М.Х. Мирбадалев писал Т.П. Введенской: «Многоуважаемая Татьяна Павловна, Ваше письмо я получил и с искренним сочувствием узнал о постигших Вас и Павла Петровича несчастьях. Прошу Вас принять от меня выражения искреннего участия в Вашем горе и уверенности, что Павел Петрович сумеет доказать свою полную невиновность в приписываемых ему обвинениях. Что касается Иванова, то заверяю Вас, что Павел Петрович с ним встречаться не мог, так как с декабря месяца прошлого года не ездил в Старую Бухару. Я же, действительно, в один из приездов заметил на базаре в Старой Бухаре высокого молодого человека, одетого в сартовский халат, причем на вопрос мой: «Кто этот молодой человек?», мне ответили, что это — Иванов. С ним и я не встречался, так как в день встречи Иванов, очевидно, выехал из Старой Бухары. Прошу принять уверение в глубоком уважении и преданности». (Там же, л. 66).

2. Там же, ф. 670, оп. 1, д. 51, л. 84; ГАРФ, ф. Р-4738, оп. 1, д. 135, л. 3–4.

3. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1603, л. 7, 10; д. 1483, л. 6.

4. Там же, ф. 122, оп. 4, д. 1, л. 6; ф. 17, оп. 112, д. 121, л. 114.

5. Там же, оп. 84, д. 85, л. 7; ф. 122, оп. 2, д. 42, л. 2; д. 31, л. 14.

6. Там же, оп. 1, д. 44, л. 62; ф. 5, оп. 1, д. 2179, л. 9, 29.

7. Там же, ф. 133, оп. 1, д. 26, л. 30, 8; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Иркутск, 1998. С. 31.

15. Арестант камеры № 29

1. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 788–789.

2. *Туркестанский коммунист*, 08.10.1919, № 124; 13.09.1919, № 107.

Дело о попытке «государственного переворота» («дело Кобозева») началось с того, что еще 18 июля 1919 г. на совместном заседании

ТуркЦИК, Крайкома РКП(б), Реввоенсовета Турккеспублики, исполкома Ташкентского Совдепа и других партийных и профсоюзных организаций была учреждена Особая, «с чрезвычайными полномочиями», комиссия под председательством члена ТуркЦИК Н.П. Солдато-ва, которой поручалось расследование деятельности «Чрезвычайной комиссии по оздоровлению Актюбинского фронта», возглавлявшейся П.А. Кобозевым. Ему инкриминировались «несвоевременные» арест командира Кустанайского полка А.Е. Жилиева и смещение фронтового Реввоенсовета, «резкое» обращение с комфронта Г.А. Колузаевым и вмешательство в действия заменившего того А.И. Астраханцева, в результате чего советские войска понесли большие потери. Поскольку 24 июля комиссия оповестила Особый отдел, что впредь до возвращения ее с Актюбинского фронта «запрещается выезд из гор. Ташкента» всех причастных к делу лиц, с указанным предписанием к Кобозеву отправился заведующий Активной частью Особотдела Ван-берг. В тот же день, 25 июля, он подал своему начальнику, Воскину, рапорт: «Я сегодня получил от Вас приказ поехать к члену Крайкома тов. Кобозеву и предъявить ему отношение Особой комиссии по разбору дела о пребывании тов. Кобозева на Актюбинском фронте... В разговоре тов. Кобозев меня спросил, хватит ли у Особого отдела сил, если он получит ордер от Крайкома арестовать весь ТурЦИК, на что я ему ответил, что сил достаточно, но я должен получить на это приказ от начальника Особого отдела; не верю, чтоб он такой ордер дал». В отношении же предъявленного ему постановления комиссии Кобозев написал: «Члены Крайкома, высшего партийного органа в Туркестане, зависят от Крайкома, от которого зависит и ТуркЦИК, и Особый отдел. Постановление Комиссии, заключающееся здесь, как незаконное, аннулировано вчера Крайкомом...» Но уже 1 августа заведующий Дисциплинарным отделом Крайкома И.А. Апин фактически «сдает» Кобозева, предлагая Особому отделу «немедленно произвести самое строгое расследование и виновного привлечь к ответственности за такого рода замысел, содержащий в себе своего рода государственный переворот, а также за то, что он таким своим поведением спекулировал званием члена Крайкома...»

Еще раньше, 22 июля, Крайком удовлетворил «письменное ходатайство комиссара путей сообщения тов. Кобозева об освобождении занимаемого им поста ввиду его крайнего нервного расстройства». А четыре дня спустя Дисциплинарный отдел Крайкома постановил учредить «партийный товарищеский суд» для разбора «прежних и все еще продолжающихся взаимных трений, личных обид и других дразг» между Кобозевым и главой ТуркЦИК А.А. Казаковым и предложил им, до решения упомянутого суда, по возмож-

ности воздержаться от политической работы. 28 июля Кобозев ответил, что согласен на третейский суд с Казаковым и «устраняет себя от всякой политической деятельности, в частности — от работ в Крайкоме». В свою очередь Казаков на состоявшемся на другой день заседании ТуркЦИК заявил, что до реабилитации не может занимать место его председателя, но при этом «от третейского суда категорически отказывается, а выскажется перед общим собранием всей партии Ташкентской организации». Между мной и Кобозевым, уверял Казаков, «никаких личных счетов и недоразумений нет и не может быть, и все наши противоречия исходят лишь из различия взглядов на действия Кобозева. Я считаю, что надо раз и навсегда сказать правду, что если бы за Казаковым были такие преступления как за Кобозевым, то его Крайком давно бы расстрелял». В результате принятое ТуркЦИК постановление гласит: «Вопрос считать исчерпанным, выразив доверие тов. Казакову». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 379, л. 16–20). Поскольку же последний узнает от Воскина о стремлении своего оппонента насильственно отстранить ТуркЦИК от власти, разоблаченный Кобозев спешит покинуть Ташкент и «уехать в степь», дабы, как пояснял он затем ЦК РКП(б), «скрыться от преследований казаковщины» до открытия 4-го партсъезда и не позволить «правительству эсеровских красногвардейцев по январскому методу вновь спровоцировать массы с целью непосредственного физического истребления «центровиков». Хотя Кобозев яростно отрицал свое намерение арестовать президиум ТуркЦИК, в том же докладе ЦК РКП(б) он бурно возмущался той «позорной ролью», которую якобы «сыграл начальник Особого отдела Воскин, изменивший «центровикам» и подчинившийся Казакову», поскольку «эта измена лишила Крайком последней военной силы». (Там же, ф. 133, оп. 1, д. 25, л. 19).

Впрочем, Крайком тут же наказал отступника, заявив «временный отвод» Воскину, наркому юстиции А.С. Сидорову, секретарю ТуркЦИК С.В. Теодоровичу и еще нескольким членам правительства ввиду участия их «в праздновании дня рождения т. Тимофеева в его квартире и произошедшего при этом ареста некоторых из поименованных лиц партийной дружиной». Но ТуркЦИК постановил 29 июля «означенных лиц не отводить», а дело в части, которая затрагивает честь партии, передать на рассмотрение комитета ташкентской организации, ибо, как с иронией пояснял орган «кобозевцев», «дескать, виновной была партийная дружина, не имевшая права вмешиваться» и арестовывать комиссаров, допустивших пирушку после десяти часов вечера при открытых окнах. (Туркестанский коммунист, 30.07.1919, № 70; 31.07.1919, № 71). Тем не менее партсуд признал вину комиссаров и постановил: «Воскину, как участвовавшему в выпивке,

гулявшему после установленного времени, удравшему от партийной дружины, не подчинившись приказу следовать к начальнику охраны города, а затем явившемуся освобождать товарищей, выразить порицание, отвести с занимаемого поста, лишить выборных прав на 6 месяцев». Во исполнение резолюции, принятой 10 сентября президиумом 8-го съезда Советов Турккеспублики, Воскину пришлось покинуть Особотдел и 1 октября он выехал в Москву. Но его преемник В.П. Будников уже 24 ноября обратился к Турккомиссии с просьбой «распорядиться через Наркоминдел о немедленном розыске, аресте и доставлении под усиленным конвоем в Ташкент» Воскина и коменданта Особотдела Алферова «на предмет предания их суду за целый ряд разных преступлений по должности, хищения вещественных доказательств, пьянство, саботаж, провокации и другие крупные преступления». Позже, как утверждал Кобозев, «Воскин был расстрелян на Кавказе». (РГАСПИ, ф. 122, оп. 1, д. 261, л. 233).

Партийный суд наказал и других участников гулянки, решив «исключить из членов правительства на период одной сессии» Сидорова и Жукова, из рядов партии на полгода — Тимофеева и Теодоровича, «бывшего заметно выпивши, что послужило скандалом с дружинниками как на месте, так и в канцелярии начальника охраны города». (Там же, ф. 17, оп. 65, д. 380, л. 71). Хотя еще один участник пирушки — собиравший компромат против «казаковцев» глава ТуркЧК Грикман — отделался «порицанием», Крайком предложил заменить его членом коллегии А.М. Валуевым. Но 2 сентября председателем ТуркЧК был назначен член Реввоенсовета Турккеспублики «казаковец» Ф.Л. Железов, что вызвало бурный протест Крайкома, который, настаивая на иной кандидатуре, потребовал данное постановление президиума ТуркЦИК аннулировать, а лиц, виновных в его принятии, предать партийному суду. (Там же, д. 379, л. 22–23). Крайком выражал недоверие правительству Казакова — тем более, что еще 15 июля за присвоение двух маленьких слитков золота был отстранен от выборных должностей, с лишением политических прав на три месяца, председатель Верховного Ревтрибунала К.Я. Лепа, а 15 августа, по обвинению в «доставлении англичанам необходимых им сведений» и «покровительстве имуществу капиталистов», арестовали комиссара продовольствия Турккеспублики бывшего левого эсера К.П. Поварова, который до лета 1918 г. управлял в Джусалах принадлежавшими английской компании Атбасарскими медными рудниками. Но, хотя 20 октября Верховный Ревтрибунал приговорил «заведомого шпиона» к лишению свободы сроком на пять лет, тот подал кассационную жалобу и при пересмотре дела 10 января 1920 г. в связи с недоказанностью обвинений был осужден условно — с зачетом предварительного заклю-

чения на тот же срок, но сокращенный по амнистии наполовину. (Туркестанский коммунист, 02.09.1919, № 73; 11.10.1919, № 127; 02.11.1919, № 146; Известия, 18.01.1920, № 12).

Между тем, узнав 5 августа о том, что его антагонист скрылся из города, Казаков приказывает Особому отделу «принять меры к немедленному задержанию сбежавшего с Ташкента гр. Кобозева». Указывая на имевшееся у того намерение арестовать ТуркЦИК и ссылаясь на взятую у Кобозева подписку о невыезде из города в связи с работой следственной комиссии, Казаков, выступая на другой день на заседании ТуркЦИК, пояснял: «На днях, когда Особый отдел для снятия показаний с тов. Кобозева позвонил к нему на квартиру по телефону для приглашения его в Особый отдел, то ему ответили, что тов. Кобозева нет и что он уехал дня три тому назад на фронт. Все такие сведения и в особенности об аресте ТуркЦИК поставили правительство в лице Президиума ТуркЦИК перед фактом чего-то совершающегося. И поэтому Президиум ТуркЦИК дал Особому отделу ордер на задержание Кобозева». Присутствовавшие на заседании постановили «ордер на задержание Кобозева утвердить», но двое из членов Президиума остались при особом мнении. Незадолго до открытия 8-го съезда Советов беглый лидер Крайкома возвращается в город, и 29 августа Казаков приказывает Особому отделу: «Ввиду нахождения Кобозева в Ташкенте настоящим предлагается Вам подвергнуть его домашнему аресту». Но уже 4 сентября Крайком на основании принятого им накануне постановления «предлагает немедленно сделать распоряжение о снятии домашнего ареста над тов. Кобозевым..., дабы он мог явиться в Крайком для исполнения возложенной на него работы». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 380, л. 18–19). Причем Оргбюро ЦК РКП(б), заслушав 8 сентября «телеграммы ТуркЦИК о привлечении к партийному суду т. Кобозева, о передаче дела особой следственной комиссии», постановило сообщить в Ташкент, чтобы «суд был отложен до прибытия в Туркестан уполномоченных ЦК — Элиавы и др.», а «Кобозев временно, до решения суда, должен лишиться своих полномочий». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 8, л. 12; Туркестанский коммунист, 25.09.1919, № 117).

В итоге Кобозев, который давно уже примерял на себя роль вождя угнетенных «казаковцами» мусульман, составлявших на партийном и советском съездах большинство, был не только освобожден из-под ареста, но и избран в их президиумы. Тогда же, 12 сентября, открылась и 2-я Чрезвычайная конференция мусульманских коммунистических организаций Туркестана, в которой участвовали все делегаты партсъезда из числа представителей коренных национальностей. Именно на ней, как жаловались в ЦК РКП(б) Казаков и предсовнар-

кома К.Е. Сорокин, «предварительно рассматривались и решались вопросы повестки съездов. Иногда заседания последних откладывались по той причине, что мусульманская конференция еще не успела рассмотреть у себя подлежащие рассмотрению вопросы. Таким образом на обоих съездах, вследствие подавляющего числа мусульман, вопросы проводились согласно предварительным решениям мусульманской конференции под общим влиянием и руководством Кобозева-Апина». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 27, л. 15). Особое негодование «казаковцев» вызвала речь Кобозева, в которой он заявил, что полученная 12 июля радиограмма ЦК РКП(б) о пропорциональном представительстве мусульманского населения в органах власти «явно намекает даже на возможность отступления на позицию Учредительного собрания, если бы это понадобилось...»

Сообщая о ходе партсъезда в Москву в телеграмме от 16 сентября, Казаков, Сорокин и заместитель главы ТуркЦИК Г.А. Темлянец с возмущением заявляли: «Кобозевым проводится настойчивая националистическая политика среди несознательных мусульманских масс, преобладающих на съезде. Мусульманская секция партии включает в себя бывших торговцев, переводчиков, руководящих остальными при полном отсутствии интеллигентных партийных сил. За лозунгом партии, при отсутствии других партий, идут младосарты, не имеющие по существу представления о нашей партии. [...] Необходима особая осторожность в Туркестане, где отсутствуют пролетарские массы, а имеется только религиозно, до фанатизма, настроенная туземная беднота. Предполагается Кобозевым предложить съезду резолюцию, в которой говорится, что Учредилка не должна пугать, ибо с ней лучше поднять Восток, чем радикальными лозунгами, за которыми не стоят массы. Выступление на съезде Кобозева вносит национальную рознь и подавление испытанных в течение революции рабочих европейских масс. Радио Цека партии о мусульманах Кобозев в письменном докладе съезду толкует как возможность отступления к Учредительному собранию. Просим немедленно Ваших указаний, грозит опасность». Но ЦК РКП(б) отвечает, что «пределы ограничения избирательных прав буржуазных слоев населения — вопрос не программы, а тактики», и, не зная точно политической обстановки в Туркестане, следует решить этот вопрос «большинством краевой партийной конференции». (Туркестанский коммунист, 12.10.1919, № 128).

Хотя под давлением грозивших разогнать съезды солдат ташкентского гарнизона на проходившем 18–19 сентября совещании делегатов-коммунистов принимается решение о переизбрании съездовских президиумов, дабы вообще исключить из них всех членов высших республиканских органов, уже 23 сентября, по распоряжению исполкома Ташкентского Со-

вдепа, Кобозев вновь оказывается под домашним арестом. Но, ссылаясь на то, что «личность членов съезда неприкосновенна», последний требует «освободить немедленно из-под ареста т. Кобозева, не применяя к нему никакого рода изоляции». (Там же, 26.09.1919, № 118).

В конце концов созданная на партсъезде Контрольно-следственная комиссия, рассмотрев вопрос о попытке государственного переворота, решила: «Дело это, прекращенное уже Особым отделом по постановлению его от 9 сентября т [екущего] г [ода], ввиду неподтверждения расследованием инкриминируемого т. Кобозеву деяния считать окончательно аннулированным». В отношении расследования по Актюбинскому фронту комиссия постановила «изъять это дело из подсудности Особого Суда [учрежденного постановлением ТуркЦИК и Крайкома от 5 сентября — В.Г.] и передать таковое, для окончательного разрешения вопроса о предании виновных в Актюбинских поражениях лиц тому или иному наказанию, суду нового Туркестанского Крайкома». На его же рассмотрение передавалось и дело президиума ТуркЦИК, признанного виновным в нарушении партийной дисциплины. Кобозев же, избранный членом Исполбюро Крайкома РКП(б), не только избежал какого-либо наказания, но и добился исключения из рядов партии Казакова и его ближайших соратников, ареста К.Я. Успенского и Колузаева. (Там же, 08.10.1919, № 124).

Поскольку же Крайком решил, что «дело о Колузаеве и других членах командного состава должно рассматриваться фронтовым судом в общем порядке», прибывшая в республику Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР во главе с Ш.З. Элиавой постановила 3 мая 1920 г. «дело Колузаева передать в Ревтрибунал Республики». Признав бывшего комфронта виновным «в неустановлении связи между частями и штабом во время наступления на Темир, непроявлении распорядительности в установлении единства действий частей и непринятии мер к возвращению батальонов, посланных на помощь Кустанайскому отряду, что повлекло за собой поражение...», Ревтрибунал 30 июля приговорил Колузаева к лишению свободы на 5 лет с заменой ему этого наказания, по амнистии, условным заключением на тот же срок и направлением на Западный фронт. (Известия, 11.08.1920, № 179). Небезынтересно, что весной 1937 г. в редакцию «Истории гражданской войны» доставили письмо из узбекского городка Янгйюль от «быв. Командующего войсками Туркеспублики, ныне — командира запаса РККА и персонального пенсионера за революционные заслуги, Колузаева Г.А.», который интересовался судьбой своих воспоминаний о январских событиях 1919 г., отосланных на имя А.М. Горького еще в апреле 1932 г.; на письме — резолюция: «Отвечать не надо». (РГАСПИ, ф. 71, оп. 36, д. 107, л. 27).

Впрочем, личная победа Кобозева над его оппонентами оказалась более чем относительной, ибо уже 29 сентября Оргбюро ЦК РКП(б) постановило вызвать его в Москву. Приехавшие 4 ноября в Ташкент члены Турккомиссии докладывали, что «Кобозев вел политику науськивания одной части партии на другую», и доминировавшая при Казакове практика по «совершенному отстранению мусульман от участия в руководстве политической жизнью края сменилась новой уродливой формой вспышки национальных страстей». (Там же, ф. 17, оп. 112, д. 8, л. 140; оп. 65, д. 72, л. 89, 94). Уже 15 ноября Кобозев объявил Крайкому: «По предложению Чрезвычайной Туркестанской Комиссии я должен выехать в Москву для дачи отчета о моей деятельности», а 19 ноября ташкентские «Известия» сообщили о его отъезде ... на 7-й Всероссийский съезд Советов. Хотя прибывшая тогда же в Москву туркестанская делегация во главе с Х. Ибрагимовым потребовала включения Кобозева в состав Турккомиссии, Элиава ответил, что «возражает категорически», ибо «его работа здесь носила в большинстве отрицательный характер». (Там же, оп. 84, д. 79, л. 19). Однако Кобозева, введенного в состав коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, ожидал еще один взлет карьеры: в октябре 1922 г. его назначили председателем Совета министров Дальневосточной республики, а затем — Дальревкома. Вернувшись в Москву осенью 1923 г., Кобозев перешел на педагогическую работу и состоял ректором Межевого института, заведующим кафедрами гидростроения и фотограмметрии Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (б. Межевого), но всю оставшуюся жизнь продолжал жестоко враждовать с Казаковым. Он умер 3 января 1941 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище. (См. о нем, в частности: *Чистов Б.Н., Жохов М.А.* Посланец партии. М., 1980; Реввоенсовет нас в бой зовет. Воспоминания. М., 1967. С. 13–58).

3. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 784, 788–789; д. 7, л. 109.

4. Там же, л. 82, 99, 101; д. 40, ч. 2, л. 813–817; ф. 17, оп. 84, д. 89, л. 80–84.

5. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 787, 779.

В передаче репортера «Известий» Е. Черского услышанные им в ташкентской тюрьме диалоги **С.С. Дорожкина** с арестантами выглядят так: «„Товарищ комиссар, — раздается жалобный голос из-за решетки, — когда же меня допрашивать будут? Вот, уже второй месяц сижу без допроса...“ И на нас смотрит пара глаз, полных тоски и смирения. Товарищ Дорожкин останавливается и начинает объяснять причины, тормозящие следствие. „Видишь, — говорит он, — между прочим, два съезда сейчас; все работники заняты докладами, ни к кому не подступишься! Ну, да сегодня обязательно двину твое дело“... На вопрос другого заключенного, заведующего художественной студи-

ей, когда же, наконец, перерешат его дело, Дорожкин шутит: „Ничего, не беспокойся, будешь приговорен на 12 лет к расстрелу“. — „Как на 12 лет к расстрелу? — опешив, переспрашивает не совсем понявший шутку заключенный, иностранный подданный. — Ведь я так аккуратнo работаю“. — „А так, 12 лет расстреливать тебя будут“, — поясняет свою шутку т. Дорожкин. — „А-а, — смеется художник, — понял“. Смеются и другие. И политический комиссар, и заключенный расходятся, видимо, довольные друг другом». (Черский Е. Ташкентский Исправительный Рабочий Дом // Известия, 12.10.1919, № 223). Ошибочно называя Дорожкина «Дрожжиным», С.П. Мельгунов писал о нем: «Главным деятелем по применению пыток [в Ташкенте] был бывший цирковой клоун, член Чрезвычайной Комиссии и сам палач Дрожжин. Он был отозван от своей должности и назначен, после обнаружения его деятельности как следователя, политическим комиссаром в тюрьму» (Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 134–135). Сам же Дорожкин, оказавшись в конце концов «под стражей при Особом отделе по обвинению его в избииении и истязании арестованных в Турчека», в своем заявлении в Турккомиссию, от 2 декабря 1919 г., с обидой писал: «Вскоре после Январских событий был задержан гр. Бекназаров, сын полковника, сообщник Осипова, и этот белогвардеец, спасая себя, пишет заявление Вам на меня, что я якобы его избивал. Довожу Вам до сведения Вашего, что в то время я был занят тюрьмой и наблюдал за арестованными в политическом отношении...» Напоминая о своих заслугах перед Советской властью, Дорожкин указывал, что подвергался репрессиям царского правительства и, проходя военную службу в Кушке, «первым поднял Красное Знамя Революции, увлекая за собой весь 6-тысячный гарнизон крепости, а позже, будучи избранным членом ТуркЦИК и «видя роптание на комиссаров, переодевшись мужиком, поймал не одного контрреволюционера, после чего и была создана Чрезвычайная Комиссия», членом коллегии которой он состоял более полутора лет. (РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 1–2). После освобождения из-под стражи занимался созданием государственного цирка в Ташкенте, но накануне его открытия вновь арестован. (Там же, оп. 4, д. 27, л. 44). В постановлении Турккомиссии от 3 мая 1920 г. говорилось: «Дело Дорожкина прекратить. Большинство участников выступления [против «центровиков»? — В.Г.] исключить из партии и выслать в Россию, известив ВЧК о необходимости заключения их в концентрационный лагерь». Уже 9 ноября секретарь ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинский уведомлял Турккомиссию, что высланный ею 21 мая Дорожкин «очень болен и просит Цека разрешить ему вернуться в Ташкент хотя бы временно — для лечения, утверждая, что никакой работы против

Турккомиссии и линии Цека вести не будет...» На телеграмме — резолюция нового председателя Турккомиссии Г.Я. Сокольников: «Отказать». (Там же, оп. 2, д. 33, л. 64). Тем не менее в конце концов ему удалось вернуться в Ташкент, причем в заметке «Пенсия тов. Дорожкину» республиканская газета сообщала: «СНК ввиду революционных заслуг т. С.С. Дорожкина назначил ему пожизненную пенсию в размере оклада 17-го разряда, присвоенного ответственным работникам». (Туркестанская Правда, 20.12.1922, № 126).

6. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 786, 785, 778.

Уже 8 ноября 1919 г., рассмотрев вопрос «О тов. Бройдо», Турккомиссия решила: «Ввиду того, что соображения, которые могли бы послужить препятствием к включению тов. Бройдо в состав Комиссии и которыми руководились в Москве, не включая его, оказались неосновательными, ходатайствовать перед ЦК РКП и ВЦИК о включении тов. Бройдо в состав Комиссии с предоставлением ему руководящей роли в Комиссариате Иностраных дел в Туркестане». (Там же, оп. 4, д. 1, л. 11). Хотя, как писал Бройдо, «опасения некоторых членов ЦК, что мое назначение может быть встречено неодобрительно местными рабочими, не оправдались», Москва не удовлетворила ходатайство Турккомиссии. (Подробнее см.: *Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...»* С: 58–60).

7. Известия, 12.10.1919, № 223.

8. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 775–776, 770–771, 769.

9. Там же, л. 767, 805, 766, 765, 801.

10. Там же, оп. 4, д. 1, л. 28; оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 812, 764; оп. 1, д. 261, л. 292.

В письме от 11 декабря 1919 г. П.П. Введенский писал: «Глубокоуважаемый товарищ Бройдо. Буду просить Вас о большом одолжении независимо от моего дела и положения. Заболела моя жена. С ней только девочка, которая, конечно, растерялась. У них нет ни телефона, ни соседей. Я, конечно, помочь не могу. Будьте так добры, не откажите попросить доктора Моисея Ильича Слонима или какого-либо доктора заехать, как можно скорее, осмотреть мою жену (Зирабулакская, № 3, во дворе). Говорю о Слониме потому, что он уже лечил жену летом во время плеврита, он знает ее состояние и в случае нужды сможет устроить ее в больницу. Добиться же Слонима без Вашей протекции девочка, конечно, не сможет, так как он всегда занят. Буду Вам бесконечно благодарен за Вашу помощь». В тот же день управделами Турккомиссии Ф.Я. Рабинович распорядился отправить одного из врачей Лечебницы доктора М.И. Слонима «для осмотра и подачи медицинской помощи Татьяне Павловне Введенской». (Там же, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 803, 800).

11. Там же, оп. 1, д. 277, л. 491–492.

16. Дело о «бухарском шпионаже»

1. РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, д. 60, л. 1; ф. 122, оп. 1, д. 31, л. 192; д. 45, л. 1.
2. Там же, оп. 4, д. 1, л. 14, 16, 19; оп. 1, д. 45, л. 1. Подробнее об А.Е. Аксельроде см.: *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» С. 60–61.
3. РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 1, л. 27; ф. 5, оп. 1, д. 2202, л. 3.
4. Там же, ф. 17, оп. 84, д. 80, л. 3; ф. 122, оп. 4, д. 1, л. 35.

В сообщении ташкентского официоза говорилось: «Распоряжением центральной власти резидент Измайлов отзывается и назначается руководителем финансов Туркестанской республики. Полномочным представителем в Бухарском ханстве назначен тов. Аксельрод». (Известия, 18.01.1920, № 12).

5. РГАСПИ, ф. 79 [Куйбышев В.В.], оп. 1, д. 149, л. 7; ф. 122, оп. 1, д. 62, л. 8; оп. 4, д. 1, л. 25.

В своей работе «Наши экономические отношения с Бухарой в прошлом и настоящем» [1921? г.], П.П. Введенский указывал, что до 1917 г. «Россия питает Бухару, согревает, кормит, одевает, устраивает, дает орудия производства», а та «только производит и сдает на русский рынок промышленное сырье, работает на русские фабрики и заводы». Но уже события 1918 г. «убедили бухарское правительство в том, что прежние хозяйственные отношения с Россией порваны и что возлагать надежду на русский хлеб, рис, ячмень, муку больше нельзя. Туркестан, Закаспий, оторванные от России, сами нуждались в хлебе и ничего не могли дать Бухаре. Острая нужда в хлебе, падавшие цены на хлопок, отсутствие спроса на него побудили таких прямолинейных людей с быстрыми рефлексами, какими являются бухарцы, отказаться частично, а за сим к 1920 г. и почти совершенно, от засева хлопка, теперь ставшего положительно ненужной статьёй в сельском хозяйстве, падавшем и разорявшемся из-за недостатка питания. Бухарским крестьянам, да и правительству, нужен был хлеб, а не хлопок — постоянная вывозная статья, и посему в начале указанного выше года издан был Кушбегием приказ о преимущественном засеве полей пшеницей и др. хлебными злаками. Несомненно, этот приказ имел в виду одну цель — обеспечить свое население собственным хлебом и стать в независимое положение от русского рынка. Возможно же это было при использовании только хлопковой площади, освободившейся от засева». В итоге уже в 1918 г. она была наполовину засеяна пшеницей и другими хлебными злаками; в 1919 г. от прежней хлопковой площади осталось 20 %, а в 1920 г. — лишь 10 %.

«Совершив, — продолжает Введенский, — может быть и нерешительно, свой первый шаг к экономической эмансипации, издав закон о принудительном переходе от промышленного хозяйства к натураль-

ному, самоснабжающемуся хлебом, Бухара со временем должна была делать и второй шаг — искать выход своему сырью на европейский рынок. У нее была одна географическая отдушина — Афганистан, афганская граница; сюда и должны были устремиться: 1) торговый капитал, 2) запасы неиспользованного сырья и людская энергия. Не нужно забывать при этом, что уже в 1918–1919 гг. Россия не давала Бухаре абсолютно ничего, уже не приходил ни один вагон груза. Россия кормила Бухару только одними обещаниями, невыполнимыми по тогдашним обстоятельствам, ухудшая тем свое положение до потери всякого авторитета к словам заверителей. При таких обстоятельствах в 1919 г. вступил на афгано-индийский рынок бухарский торговый капитал, накопившийся в Бухаре за время войны, за время сильных и необузданных повышений цен на недостающий хлопок и сырье. И отсюда в Бухару скоро полились иностранные мануфактура, галантерея, фабрикаты. Скоро Бухара представляла из себя в Туркестане огромный здоровый торговый базис, уже имевший возможность не только удовлетворять непосредственные нужды своего населения, но и снабжать окружающие русские границы по радиусу Ташкент-Полторацк. Отрезанный от России Туркестан должен был навалиться на Бухару со всей своей нуждой — другого исхода не было. Несмотря на все препятствия бухарского правительства к вывозу фабрикатов в Туркестан, последние уходили совершенно свободно по всем границам, вливая обратно в Бухару море бумажной валюты и только слабую часть настоящих ценностей. Бухара, в сущности, беднела. Частный торговый капитал скоро растаял, разменялся на русские бумажки. На англо-индийском рынке начали создаваться затруднения бухарскому отпуску. Русские бумажки там упорно не принимались, кроме небольшого количества николаевских соток и пятисоток. Из сырья мог только уйти за границу, в афганском направлении по условиям транспорта, бухарский каракуль, сафьян, меша, из фабрикатов — ковры, шелковые изделия. Но частному капиталу было не под силу отправлять свое сырье, фабрикаты по неизвестному, а может быть и известному, но давно забытому направлению при отсутствии транспортно-страховых контор, кредитных учреждений. В 1920 г. посему на европейский рынок выступил бухарский правительственный капитал, каковой, при содействии афгано-индийских капиталов, продолжал поддерживать падавший старобухарский базар и бедневшую страну». (Там же, ф. 544, оп. 4, д. 20, л. 121, 124–131).

6. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 3–6; Единение Бухары с Советским Туркестаном. Закрепление экономических отношений с Бухарой // Известия, 31.12.1919, № 42; Банкет в Резидентстве. Праздник едине-

16. Дело о «бухарском шпионаже»

1. РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, д. 60, л. 1; ф. 122, оп. 1, д. 31, л. 192; д. 45, л. 1.
2. Там же, оп. 4, д. 1, л. 14, 16, 19; оп. 1, д. 45, л. 1. Подробнее об А.Е. Аксельроде см.: *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» С. 60–61.
3. РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 1, л. 27; ф. 5, оп. 1, д. 2202, л. 3.
4. Там же, ф. 17, оп. 84, д. 80, л. 3; ф. 122, оп. 4, д. 1, л. 35.

В сообщении ташкентского официоза говорилось: «Распоряжением центральной власти резидент Измаилов отзывается и назначается руководителем финансов Туркестанской республики. Полномочным представителем в Бухарском ханстве назначен тов. Аксельрод». (Известия, 18.01.1920, № 12).

5. РГАСПИ, ф. 79 [Куйбышев В.В.], оп. 1, д. 149, л. 7; ф. 122, оп. 1, д. 62, л. 8; оп. 4, д. 1, л. 25.

В своей работе «Наши экономические отношения с Бухарой в прошлом и настоящем» [1921? г.], П.П. Введенский указывал, что до 1917 г. «Россия питает Бухару, согревает, кормит, одевает, устраивает, дает орудия производства», а та «только производит и сдает на русский рынок промышленное сырье, работает на русские фабрики и заводы». Но уже события 1918 г. «убедили бухарское правительство в том, что прежние хозяйственные отношения с Россией порваны и что возлагать надежду на русский хлеб, рис, ячмень, муку больше нельзя. Туркестан, Закаспий, оторванные от России, сами нуждались в хлебе и ничего не могли дать Бухаре. Острая нужда в хлебе, падавшие цены на хлопок, отсутствие спроса на него побудили таких прямолинейных людей с быстрыми рефлексами, какими являются бухарцы, отказать частично, а за сим к 1920 г. и почти совершенно, от засева хлопка, теперь ставшего положительно ненужной статьёй в сельском хозяйстве, падавшем и разорявшемся из-за недостатка питания. Бухарским крестьянам, да и правительству, нужен был хлеб, а не хлопок — постоянная вывозная статья, и посему в начале указанного выше года издан был Кушбегием приказ о преимущественном засеве полей пшеницей и др. хлебными злаками. Несомненно, этот приказ имел в виду одну цель — обеспечить свое население собственным хлебом и стать в независимое положение от русского рынка. Возможно же это было при использовании только хлопковой площади, освоенной от засева». В итоге уже в 1918 г. она была наполовину засеяна пшеницей и другими хлебными злаками; в 1919 г. от прежней хлопковой площади осталось 20 %, а в 1920 г. — лишь 10 %.

«Совершив, — продолжает Введенский, — может быть и нерешительно, свой первый шаг к экономической эмансипации, издав закон о принудительном переходе от промышленного хозяйства к натураль-

ному, самоснабжающемуся хлебом, Бухара со временем должна была делать и второй шаг — искать выход своему сырью на европейский рынок. У нее была одна географическая отдушина — Афганистан, афганская граница; сюда и должны были устремиться: 1) торговый капитал, 2) запасы неиспользованного сырья и людская энергия. Не нужно забывать при этом, что уже в 1918–1919 гг. Россия не давала Бухаре абсолютно ничего, уже не приходил ни один вагон груза. Россия кормила Бухару только одними обещаниями, невыполнимыми по тогдашним обстоятельствам, ухудшая тем свое положение до потери всякого авторитета к словам заверителей. При таких обстоятельствах в 1919 г. вступил на афгано-индийский рынок бухарский торговый капитал, накопившийся в Бухаре за время войны, за время сильных и необузданных повышений цен на недостающий хлопок и сырье. И отсюда в Бухару скоро полились иностранные мануфактура, галантерея, фабрикаты. Скоро Бухара представляла из себя в Туркестане огромный здоровый торговый базис, уже имевший возможность не только удовлетворять непосредственные нужды своего населения, но и снабжать окружающие русские границы по радиусу Ташкент-Полторацк. Отрезанный от России Туркестан должен был навалиться на Бухару со всей своей нуждой — другого исхода не было. Несмотря на все препятствия бухарского правительства к вывозу фабрикатов в Туркестан, последние уходили совершенно свободно по всем границам, вливая обратно в Бухару море бумажной валюты и только слабую часть настоящих ценностей. Бухара, в сущности, беднела. Частный торговый капитал скоро растаял, разменялся на русские бумажки. На англо-индийском рынке начали создаваться затруднения бухарскому отпуску. Русские бумажки там упорно не принимались, кроме небольшого количества николаевских соток и пятисоток. Из сырья мог только уйти за границу, в афганском направлении по условиям транспорта, бухарский каракуль, сафьян, меша, из фабрикатов — ковры, шелковые изделия. Но частному капиталу было не под силу отправлять свое сырье, фабрикаты по неизвестному, а может быть и известному, но давно забытому направлению при отсутствии транспортно-страховых контор, кредитных учреждений. В 1920 г. посему на европейский рынок выступил бухарский правительственный капитал, каковой, при содействии афгано-индийских капиталов, продолжал поддерживать падавший старобухарский базар и бедневшую страну». (Там же, ф. 544, оп. 4, д. 20, л. 121, 124–131).

6. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 3–6; Единение Бухары с Советским Туркестаном. Закрепление экономических отношений с Бухарой // Известия, 31.12.1919, № 42; Банкет в Резидентстве. Праздник едине-

ния Великой Бухары с Советской Россией // Известия (Новая Бухара), 02.01.1920, № 1.

7. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 27, л. 3; оп. 4, д. 1, л. 32; ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 19; д. 14785, л. 7–8.

8. Там же, ф. 122, оп. 1, д. 62, л. 8; ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 18; ф. 17, оп. 112, д. 121, л. 114.

В подготовленном уже в мае 1920 г. отчете о деятельности Отдела внешних сношений Г.И. Бройдо указывал, что до поездки его и Ш.З. Элиавы в Старую Бухару там укрывалось «много всяких беженцев-контрреволюционеров», активно помогавших эмирскому правительству: «какой-то поляк-инженер наладил производство пороха, 150 бежавших с фронта мадьяр выделявали патроны, а бывшие заправилы бухарских отделений российских банков налаживали сношения с английским командованием, с Осиповым, Ферганой и т. д». Турккомиссия поручила М.М. Михалевскому, командированному в Бухару в качестве следователя, ознакомиться с русской колонией. «После более чем месячного изучения и отзыва, что реэмиграция нам эта ничем не угрожает, — отмечал Бройдо, — т. Элиава и я во время пребывания в Бухаре решили издать акт об их амнистии, причем акт этот был с оговорками, дающими в каждом отдельном случае [возможность] разрешать вопрос о полной амнистии или предании суду... Несколько десятков эмигрантов таким образом было изъято, в том числе упоминаемый инженер и мадьяры, что, как потом оказалось, поставило в катастрофическое положение производство пороха и патронов. Эмигранты, амнистированные, в Туркестане, конечно, не оставались и, не выходя из вагона, проехали в Оренбург и Самару и [были] отданы там под наблюдение. Это распоряжение (предполагаемый к опубликованию акт) обсуждалось в Комиссии, одобрения не встретило и опубликовано не было». (Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 17–18). Тем не менее глава Особотдела Туркфронта Г.И. Бокий обратился 18 февраля к Элиаве с официальным запросом: «По имеющимся сведениям в Особом Отделе, Вами во время пребывания в Бухаре амнистированы белогвардейцы, принимавшие участие в Январских событиях в гор. Ташкенте и бежавшие с Осиповым в Фергану, а оттуда — в Бухару. Прошу сообщить точный список амнистированных Вами, велось ли по их делам следствие и мотивы амнистии». Ответ управделами Турккомиссии Ф.Я. Рабиновича гласил: «Согласно заявлению т. Элиавы, общей амнистии не было: амнистия была отдельным лицам по их заявлениям. Список амнистированных запросить у Михалевского в Бухаре, так как амнистированные были отправлены в Самару в распоряжение Особого Отдела». (Там же, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 329). Что же касается оставшихся, то уже 13 апреля Турккомиссия поручила Бокию

вновь «разграничить бухарских амнистированных на две категории и менее благонадежную передать под его наблюдение, а остальных выслать в Россию». (Там же, оп. 4, д. 27, л. 36).

При этом амнистия оказалась весьма условной, о чем свидетельствует, например, адресованное Турккомиссии прошение, от 29 мая, от некоей Е.М. Яцковой: «Мой брат, Феодосий Михайловский, заподозренный в участии в белогвардейском восстании, в начале января 1920 г., находясь в Бухаре, был амнистирован вместе с другими лицами представителями Турккомиссии — тт. Элиавой, Аксельродом, Бройдо, Михалевским, причем ими было выдано разрешение на право проживания во всех городах Республики. Впоследствии мой брат, несмотря на амнистию, был арестован, и дело о нем сначала было на рассмотрении Особого Отдела Туркфронта, затем передано в Военно-Революционный Трибунал, а в настоящее время вновь передано на распоряжение Особого Отдела. Ввиду того, что мой брат уже амнистирован полномочными представителями высшей центральной власти, покорнейше прошу Турккомиссию о выяснении положения дела о моем брате и предоставлении ему дарованных прав по амнистии». На прошении — лаконичная резолюция В.В. Куйбышева: «Предоставить дело естественному течению». (Там же, оп. 2, д. 15, л. 132). 17 июня, по постановлению Особого отдела Туркфронта, Ф.М. Михайловский был расстрелян как «активный участник белогвардейского восстания в Ташкенте в январе 1919 г». (Революционное возмездие // Известия, 18.06.1920, № 133).

9. РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 29, л. 2; ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 15; Известия, 14.01.1920, № 8.

10. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 149, 154; В Ревизионно-Следственной Комиссии. // Известия (Новая Бухара), 02.01.1920, № 1.

11. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 9; ф. 122, оп. 4, д. 27, л. 15; ф. 17, оп. 112, д. 121, л. 218–220; Торжество в Бухаре // Известия, 05.03.1920, № 51; Возвращение орудий Бухаре // Известия (Новая Бухара), 04.03.1920, № 18.

12. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 137–138, 151–152.

13. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 17; д. 14785, л. 10; ф. 670, оп. 1, д. 52, л. 56.

14. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 9; ф. 122, оп. 4, д. 27, л. 44, 46; ф. 17, оп. 84, д. 80, л. 14.

В подготовленных Г.И. Бройдо «Основных тезисах деятельности Турккомиссии в странах, сопредельных с Туркестаном», в отношении Бухары формулировались следующие задачи: «1. Провозглашение всех частновладельческих русских земель в Бухаре государственной собственностью РСФСР и передача их бухарской бедноте с устройением ее при посредстве земельных комиссий, нами организованных.

2. Расположение наших воинских частей в пограничных с Бухарой пунктах и в количестве, обеспечивающем выполнение наших требований. 3. Истребование гарантий отсутствия военных замыслов против РСФСР — вплоть до выдачи оружия и закрытия патронных и пороховых заводов. 4. Истребование выдачи русских контрреволюционеров, коим оказывается покровительство Бухарским правительством. 5. Заключение торгового договора с правительством, выполнение коего даст материальную компенсацию [Бухарскому] правительству и лишит его возможности агитировать против РСФСР по поводу наших требований, в особенности в п. 3 изложенных. 4. Агитация против Антанты и связанного с ней Эмира через посредство наших земельных комитетов, туркмен и шиитов. 5. Содействие восстановлению Бухарского железнодорожного пути». (Там же, ф. 122, оп. 2, д. 1, л. 155).

15. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1964. Т. 2. С. 595; РГАСПИ, ф. 122, оп. 4, д. 27, л. 35; оп. 2, д. 31, л. 183.

16. Там же, ф. 17, оп. 84, д. 80, л. 5; ф. 122, оп. 2, д. 2, л. 23, 12. Подробнее о снятии Г.И. Бройдо с поста заведующего Отделом внешних сношений см.: *Генис В.Л.* «Бутафорская революция», или российское полпредство в Хиве в 1920 г. // *Восток*. 2000. № 2. С. 5–26. См. о нем также: *Германов В.А.* Григорий Исаакович Бройдо (1885–1956) // *Революцией призванные. Биографические очерки*. Таш., 1991. Вып. 2. С. 61–83. О С.О. Луцевиче-Зарембе см.: *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» С. 12, 66–67.

Еще 14 марта 1920 г. ЦК бухарских коммунистов под председательством И. Агдарова признал, что «главным тормозом к осуществлению и проведению в жизнь партийных задач в Бухаре являются представители Советской власти в Бухаре т. Аксельрод, Введенский и Печатников, которые своими некорректными, зачастую нетактичными действиями, вмешательством в дела партии вносят в партийную работу такой диссонанс и создают такую атмосферу, работать в какой подчас становится совершенно невозможно». В связи с этим ЦК постановил «просить Совет Интернациональной Пропаганды войти к Правительству Т [уркестанской] Р [еспублики] с особым мотивированным предложением об отозвании из Бухары т. Аксельрода, Введенского и Печатникова, приносящих не только существенный вред революционной работе партии, но равно и компрометирующих Советскую власть в глазах Бухарского пролетариата». (РГАСПИ, ф. 544, оп. 4, д. 16, л. 6).

17. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 28, ч. 1, л. 157; ч. 2, л. 14; оп. 1, д. 44, л. 2.

18. Там же, оп. 4, д. 27, л. 46.

Обсудив 5 мая вопрос о «письме Эмира Бухарского о Введенском и Михалевском», Турккомиссия постановила: «Признать необходимым

усилить работу младобухарцев. Основной официальный курс нашей политики по отношению к Эмиру оставить неизменным». (Там же, ф. 122, оп. 4, д. 27, л. 46).

19. Там же, оп. 2, д. 2, л. 7, 8, 12, 15, 57.

20. Там же, д. 31, л. 233; ф. 544, оп. 1, д. 5, л. 4–5.

21. Там же, ф. 670, оп. 1, д. 52, л. 5; ф. 122, оп. 4, д. 28, л. 7; оп. 2, д. 33, л. 42. Подробнее о насильственной советизации Бухары см., в частности: *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» С. 36–56.

22. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 277.

В сопроводительной записке от 28 сентября 1920 г., направленной полпредством в Турккомиссию, говорилось: «При сем препровождаются сведения, полученные бывшим Управделами Представительства Введенским от бывшего здесь чиновника Бухправительства из Байсуна». (Там же, л. 276). Другая версия судьбы нижнего кушбеги приводится в «Сводке за время с 7-го по 14-е ноября» 1920 г., в которой полпред В.В. Куйбышев сообщал: «По имеющимся сведениям консула Дунькова, во главе движения в Восточной Бухаре стоит нижний кушбеги Низаметдин Ходжа, о котором раньше были сведения, что он погиб, будучи растерзан своими солдатами». (Там же, ф. 670, оп. 1, д. 60, л. 76). Помимо записи беседы с байсунским чиновником сохранилось еще несколько документов с пометкой: «Переводил П. Введенский», в частности — статья из афганской газеты и «письмо одного из членов Бухарской миссии в Москве на имя главного казначея эмира». (Там же, л. 43). В связи с арестом Введенского переводческую работу доверили еще одному бывшему царскому дипломату — Е.В. Левкиевскому, «временно прикомандированному при Полномочном Представительстве в Бухаре».

23. Там же, д. 52, л. 12, 18, 57; Материалы ЦА ФСБ РФ.

24. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 28, ч. 2, л. 67–72; ф. 670, оп. 1, д. 53, л. 59; Материалы ЦА ФСБ РФ.

25. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 2, л. 78.

Выступая 26 декабря 1920 г. на совещании ответственных работников БНСР, член Турккомиссии Г.И. Сафаров констатировал, что «революция» ничего не дала трудящимся Бухары, а лишь «ограничилась теми верхушками, которые сидят в этой комнате», из-за чего темное декханство с недовольством говорит о замене «добротного отца бедноты», эмира, на представителей торговой буржуазии и в массовом порядке переходит на его сторону. «Вы интересуетесь положением коммунизма здесь, в Бухаре, настолько же, насколько я интересуюсь им в Мексике, — негодовал Сафаров. — У меня был доклад чиновника Введенского относительно положения Бухары. Того Введенского, который сидел здесь, в Бухаре, при царизме. В этом докладе

он больше сказал, чем Вы, потому что у него был интерес к делу, и если бы Вы взяли этот доклад и ознакомились с ним, то Вы знали бы больше, а теперь Вы ничего не знаете». (Там же, ф. 544, оп. 4, д. 16, л. 106–107).

26. *Введенский П.* Введение; *Иванов П.П.* Библиография Таджикистана. Опыт систематического указателя книг, статей и заметок на русском и европейском языках о Таджикистане // *Материалы по изучению Таджикистана. Библиография Таджикистана.* Ташкент, 1926. С. 1–2, 25, 28, 30, 33.

В справке, подготовленной ЦА ФСБ РФ, говорится, что с декабря 1925 г. по август 1926 г. П.П. Введенский «работал уполномоченным СТО в Средней Азии в качестве экономиста хлопководческой секции, затем — экономистом в НИИ по хлопку».

27. *Лунин Б.В.* Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // *Очерки по истории русского востоковедения.* М., 1963. Сб. VI. С. 338–339.

28. *Айни С.* Одина / Пер. П. Введенского. Таш.–Самарканд, 1929. См. также: *Фиш Р., Хашим Р.* Глазами совести. Основанное на документах, письмах и воспоминаниях жизнеописание Садриддина Сейид Мурада-ходжи Айни. Душанбе, 1978.

29. *Айни С.* История революции в Бухаре // *Памир.* 1986. № 4. С. 123; *Ходжаев Ф.* Исторический юбилей // *Сборник статей к 10-летию Бухарской и Хорезмской революций.* (Воспоминания участников Бухарской и Хорезмской революций). Ташкент, 1930. С. 14; *Колесов Ф.И.* Восстание в Бухаре в 1918 году... С. 98; *Колесов Ф., Бобунов А.* Восстание в Бухаре... С. 268.

30. Обвинительное заключение по следделу № 10277–31 г. по обвинению Введенского Павла Петровича // *Материалы следственного дела П.П. Введенского.* Архив Службы национальной безопасности Республики Узбекистан, л. 5–12; *Материалы ЦА ФСБ РФ; Расстрельные списки.* Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С. 77.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 января 1957 г. дело в отношении П.П. Введенского прекращено за отсутствием состава преступления.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

*Выделены фамилии лиц, биографические справки о которых приведены в разделах «Краткие биографические сведения» и «Примечания». Именной указатель не охватывает ссылки библиографического характера.

- Абдуллаев Хаджи Фаррадж, тавризский землевладелец 340
Абдуссамад Ходжа (?–1918), бухарский раис в 1917 г. 90
Абдуссеидбеков, член Самаркандского Исполкома 89, 93
Абрамов Иван Федорович 204
Абусаидов Ахмеджан (1889–1937) 293
Автандилов Иосиф Богданович 18
Агапов Василий Ефимович (1884–1925) 142, 156, 178–179, 304, 334
Агдаров Исаак (1884–?) 366, 400
Адм-оль-Мульк, персидский политик 51
Айни Садриддин (1878–1954) 86, 91, 212–213, 288
Аксельрод Александр Ефремович (1879–1954) 191–195, 197, 199–203, 209, 254, 308, 311–312, 385, 396, 399
Александров В[иктор].А. 152–153
Алексеев Евгений Иванович (1843–1918) 248
Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) 290
Алиев Гусейн Ага, переводчик вице-консульства в Хое 242–243
Алишаев Пинхас, бухарский коммерсант 210, 316, 318
Алферов, комендант Особотдела Туркеспублики 389
Аманулла-хан (1892–1960), эмир (король) Афганистана в 1919–1929 гг. 172, 174
Амбраже Петр Иванович 71, 116–118
Аминов Муинджан (1890–?) 293
Ампенов Всеволод Павлович 78
Андреев, подпоручик 95, 98–99
Андреев Борис Валерианович 65, 219, 288
Андриевский Дмитрий Иванович (1875–1951) 31–32, 34
Антипов Василий Константинович (1879–?) 64, 217–218, 235
Антипова Анна Павловна 218
Апин Иван Андреевич (1877–1938) 181–182, 189, 300, 325, 382, 387, 391
Аргиропуло Кимон Эммануилович (1842–?) 253, 269
Арсеньев Борис Константинович (1874–1925) 74–77, 360–361
Арцимович Владимир Антонович (1857–?) 61, 80–81, 279
Аслам, афганец, убийца (?) Н.З.Бравина 177
Аслам-хан Мохаммед, афганский консул в Ташкенте 208
Астанакул Бий, бухарский кушбеги в 1905–1910 гг. 198, 366
Астраханцев Александр Иосифович (1893–1927) 387
Асфендиаров Санджар (1889–1938) 108–109, 129
Афросимов Сергей Александрович (1869–1932) 32–34
Ахназаров, ново-бухарский красноармеец 169
Ахрам Куль Мирахур, бухарский чиновник 91
Ашкинази Г.И. 144–145

- Багир-хан (Машади Багир) (?–1915), вожак тавризских федаев 8–9, 24
Баранкин Николай Федорович 129
Баранов Х.М. 71
Барановский Александр Рафаилович (1874–1944) 275

Баратов Николай Николаевич (1865–1932) 217–218, 223, 231, 250, 265
Баржанов Б.М. (1885–?) 126, 131, 379
Барзани Абдул-Салям, курдский шейх 352
Барский Борис Евсеевич (1890–1937) 102
Басир-ус-Салтане, персидский политик 348–349
Батолин Прокопий Петрович (?–1939) 375–376, 378
Бекназаров, участник ташкентского мятежа 1919 г. 394
Белицкий Н.Я. 165–166
Белов Иван Панфилович (1893–1938) 164, 296
Бельков Иван Иванович 94
Беляев Алексей Константинович (1870–1934) 54, 63–64, **218–220**, 232, 235, 237, 243, 257–258, 281, 287–288, 290, 354
Беляев Дмитрий Дмитриевич (1882–1960) 12, 48–49, 51–56, 61–62, 81, **220–223**, 267, 278–279, 286, 355–357
Березний Тимофей Аввакумович (1890–1959) 102
Беркович И. 102, 116
Бехбуди Махмуд Ходжа (1875–1919) 89, 93
Бичерахов Лазарь Петрович (1880–1952) 256–257, 264
Блум Борис Эдуардович (1884–1937) 54, **223–225**, 234, 267, 281
Блум Андрей Борисович (1914) 225
Блум Ксения Николаевна 225
Блумберг Евгений 373
Богомолов, следователь Особотдела Туркфронта 209
Богоявленский Евгений Евгеньевич (1885–?) 179, 331
Бокий Глеб Иванович (1879–1937) 178, 204, 209, 385, 398
Болотин Наум Владимирович 204, 316
Большаков, комиссар Ново-Бухарского отделения Народного банка 151, 154
Бонч-Бруевич, уполномоченный по беженцам в Хое 82
Борухов, бухарский коммерсант 166–167
Брави Николай Захарович (1881–1921) 71–83, 158–161, 164, 167, 172–177, 235, 243, 273–275, 290, 296, 301, **359–362**
Бравины Захарий Терентьевич и Мария Николаевна 72
Брегадзе Иосиф Георгиевич (1885–1938) 159, 230, 301
Брискин Александр Михайлович 294
Бройдо Григорий Исаакович (1883–1956) 175, 184–185, 187–197, 199–203, 294, 311–315, 325, 367–368, 395, 398–399
Будагьянц Джебраил, владелец торгового дома в Урмии 19, 348
Будников Владимир Петрович 325, 327, 389
Бурхан-уд-Дин Садр, Мир-Бурханеддин Бадриддин (?–1920), бухарский кази-калян в 1913–1920 гг. 91, 114, 129, 207, 365, 372
Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, секретарь афганского эмира 213, 237, 251

Вадьяев Якуб Хаймович (?–1938) 166
Вайнштейн Ефим Львович 144, 146, 303
Валидов Ахмет-Заки (Валиди Тоган) (1890–1970) 261
Валуев А.М. 389
Ванберг (Вайнберг?), сотрудник Особотдела Туркеспублики 387
Введенская Нина Павловна (1907–?) 6, 67, 173, 186, 188
Введенская Татьяна Павловна 6, 10, 35, 50, 65–66, 148, 158–160, 162, 172–173, 177–179, 185–186, 188–189, 386, 395
Введенские Петр Николаевич и Мария Павловна 5

Верба Н.М., ротмистр 232
Вершинин Семен Петрович (1895-?) 181-182
Вильсон Арнольд (Wilson Arnold T.), британский дипломат 19, 23
Виноградова Анна Захаровна (1891-?) 209, 294-295
Вознесенский Арсений Николаевич (1881-1937) 176, 248
Волжин Степан Лаврентьевич 71
Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837-1916) 9, 24-26, 31-33, 35, 40, 50
Воропанов Николай Николаевич (1854-?) 29, 32-34, 347
Воскин, начальник Особотдела Турккеспублики в 1919 г. 172, 177-178, 181, 387-389
Восуг-уд-Доуле, персидский государственный деятель 19, 223
Вотинцев Всеволод Дмитриевич (1892-1919) 382-383
Врангель Петр Николаевич (1878-1928) 239, 249, 263
Вревский Александр Борисович (1834-1910) 259, 358
Выгорницкий Александр Иванович (1868-?) 273
Вяткин Василий Лаврентьевич (1869-1932) 92, 95, 98-99

Гавриил, разведчик-ассириец (?-1915) 43-44
Галеев Алимджан, казанский мулла 106
Гальперин Абрам Яковлевич (1884-?) 99-100, 102, 126-129, 132-134, 136, 138-141, 146, 148-149, 151, 166, 170, 194, 204, 209-210, 215, 238, 287, 291-294, 319, 323
Гальперин С. Яковлевич 293
Гамбаров Юрий Степанович (1850-1926) 255
Гарейзе Артур-Фридрих-Иоганнес (1888-1959) 280-281
Гартвиг Николай Генрихович (1853-1914) 6, 73, 226-228, 253, 274
Гауг Анна 229
Гауг Эрнст Яковлевич (1892-1921) 83, 228-230, 249
Гегелашвили Ной Константинович 71
Гейдар-хан Ами оглы (1880-1921) 203-204, 230
Гильдебранд Герман Густавович (1885-?) 54, 218, 220, 230-232
Гильман, бухарский коммерсант 197
Гирс Михаил Михайлович (1877-?) 114, 232-233
Голощекин Филипп Исаевич (1876-1941) 178, 202, 295, 308
Голубинов Сергей Петрович 285, 339, 342
Голубь Александр Наумович (1885-1969) 294
Гончаров, и.д. председателя Госплана Узбекской ССР в 1931 г. 214
Гопнер Давид Юльевич (1884-1925) 200, 203-204, 207, 209, 211, 294-295, 314
Городецкий, член исполкома Областного Совдепа в Новой Бухаре 117-118, 127, 135
Горфинкель А. 249
Горький Алексей Максимович (1868-1936) 392
Готье Валентина 269
Граббе, офицер 170
Гранов Андрей Васильевич 101
Григорьев Николай Николаевич (1881-1933) 72, 220, 233-234
Грикман, председатель ТуркЧК в 1919 г. 389
Гришин-Павлов В.И. 316
Губанов Владимир Александрович (1888-1939) 323
Гудович Абрам Леонтьевич (1880-?) 131, 296
Гуревич Моисей Львович 311

Дабижа Аристид Михайлович (1852-?) 273

Давидбаев Эфраим Давидович 312
Давлетшин Абдель (1861-?) 103, 113, 369
Давыдов, делегат продовольственного съезда в Новой Бухаре 128
Демин И.С. 84-85
Джагетянц Нерсес Александрович 78-80, 159, 231
Джалал-ед-Дин, курдский шейх 24
Джанмирзаев Мухаммед Таги-бек, бухарский чиновник 207-208
Джевдет-паша, турецкий военачальник 43-44, 46
Джемаль-паша (1872-1922), один из лидеров младотурок 176
Дживачи Ахмед, бухарский чиновник 331-332
Джунаид-хан (1857?-1938), фактический правитель Хивы в 1918-1919 гг. 200
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877-1926) 309, 385
Лмитриенко, военком Ново-Бухарского совдепа 162
Добкевич Ф.Н. 94
Доброхотов Владимир Аркадьевич (1872-?) 160, 219, **234-235**, 373
Долгополов Борис Иванович (1882-1926) 64, 213, 218, **235-238**, 251, 272
Домогатский Павел Алексеевич (1886-1938?) 141, 148, 179, **295-297**, 378
Дорожкин Семен Семенович (1888-1923) 183-184, **393-395**
Думбадзе Иван Антонович (1851-?) 347
Дуньков Василий Степанович 400

Елпатьевский Владимир Сергеевич (1877-1937) 114, 119-120, 122-127, **238-239**, 240, 273, 287-288, 371, 374, 377
Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854-1933) 238
Елчанинов Владимир Георгиевич (1882-?) 49, 266
Есьман Александр Константинович 153-156, 160, 166-167, 169-171, 185-186, 299, 332-334, **382-385**
Ефремов Николай Васильевич (?-1917) 119

Жарский Василий Фролович 55
Железов Фома Леонтьевич (1871-1945) 164, 389
Жиляев А.Е. (?-1919) 387
Жирнов, член Бухарского продкомитета 71
Жуков, туркестанский работник 389
Жуковский Валентин Алексеевич (1858-1918) 239, 286
Жуковский Сергей Валентинович (1883-?) 173, **239-241**, 271, 283

Закиров Баки 215
Залесский Владимир Владимирович 70, 95, 102, 118, 378-379
Зальманов Николай Давыдович (1891- ?) 315-316
Зибаров Михаил Иванович (1886-?) 164, 175
Зиновьев Николай 320
Золотарев, делегат продовольственного съезда в Новой Бухаре 128

Ибрагимов Хусаин 310, 393
Иванов, обвиняемый по делу «бухарского шпионажа» 204
Иванов, белогвардейский офицер 165-168, 386
Иванов Борис Николаевич (1887-1938) 175-176
Иванов Константин Васильевич (1869-не ранее 1928) 17, 234, **241-242**
Иванов Павел Петрович (1893-1942) 212
Игнатьев Владимир Иванович (1853-1902) 241, 260

Извольский Александр Петрович (1856–1919) 9, 227
 Измаилов (Гуревич) Сергей Маркович (1886–1937) 191–192, 396
 Иконников В. 150, 183
 Ильев Юсуф 309
 Имам Кул, главный казначей Бухары 171, 199, 208, 212
 Имам-Кули Мирза, персидский принц 221
 Иванович, коммерсант 383
 Ионан Малик, председатель ассирийского Национального комитета в Урмии 356
 Ионин, офицер 170
 Иргаш, предводитель ферганских басмачей 166
 Исахаров, член Самаркандского Исполкома 89, 92–93
 Исахов, агент бухарского консула в Ташкенте 318
 Ияс Александр Иванович (1869–1914) 347–348

Кавам-ус-Салтане, губернатор Ушну в 1914 г. 36
Казакос Аристарх Андреевич (1879–1963) 150, 159–162, 164, 178, 182–183, 297–302, 320–321, 327, 332–333, 382–384, **387–393**
 Кактынь Артур Мартынович (1893–1937) 202
 Кампенус Иван Петрович (1894–?) 283
 Караванбачи (Азизов) Хаджи Абдурауф Бий, бухарский чиновник 141, 196, 292, 301, 313, 382
 Карахан Лев Михайлович (1889–1937) 176, 182, 191, 229
 Кара-Эйни-ага, курдский вождь 36, 39
 Кардар Исмаил-ага, курдский вождь 46
 Каримов Ариф 109
 Карши-бек Мирахур (?–1920), бухарский чиновник 171, 197–199, 207
 Кауфман Константин Петрович (1818–1882) 276
 Кафанов Михаил Прокофьевич (1882–1923) 305
 Кербелаи Али-Мусью, один из вожаков тавризских федаев 8
 Керенский Александр Федорович (1881–1970) 117–118, 120–121, 182, 238, 277, 369
 Киракосян (Киракосьян?), управляющий отделением банка в Бухаре 116, 167, 292, 382
Кирсанов Николай Михайлович (1888–?) 24, 37–39, 49, 54, 72, 81, 83, **242–243**
 Киселев Алексей Семенович (1879–1937) 309
Клемм Вильям (Василий) Оскарович (1861–1938) 9, 12, 38–39, 41, 43, 48, 50–53, 55–58, 61–67, 71–74, 76–78, 80–81, 83, 104–105, 113–114, 218–219, 221–222, 224, 235–236, 240, **243–245**, 250, 252, 256, 260–261, 263, 265, 267, 271–276, 278–279, 283, 285–287, 343–344, 346–348, 354, 357, 369–370, 373, 376
 Клемм Елена Вильямовна (1905–?) 245
 Клемм Орест Вильямович (1892–?) 244
 Клемм Оскар Карлович (?–1891) 243
Кобозев Петр Алексеевич (1876–1941) 149, 159–162, 173, 176–179, 182–183, 296, 298, 300–301, 304–305, 309, 327, **387–393**
 Козлитин Иринарх Петрович 70–71, 117–118
 Козлов Павел 318
 Кокс Перси (Kox Percy) (1864–1937), британский дипломат 257
 Колдвелл Джон (Caldwell John L.) (1875–1922), американский посол в Персии в 1914–1921 гг. 257
 Коленков, кандидат в советники эмирского правительства 373
Колесов Федор Иванович (1891–1940) 127–129, 132–135, 137–151, 170, 179, 190, 195–198, 201, 213, 260, 291–292, 296, **302–307**, 308, 319–320, 322–323, 330–334, 378–381, 384

Коллен Виргиния 236
 Коломыйцев Иван Осипович (1896–1919) 290
 Колузаев Георгий Александрович (1882–1938) 141, 145, 148, 179, 301, 304, 321, 387, 392
 Колчак Александр Васильевич (1874–1920) 166, 245
 Кондратьев [Александр Елисеевич?], штабс-капитан 35
 Коновалов Дмитрий Ефимович (1882–1921) 327
 Копылов В.Р. 141
 Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) 115–116
 Коровиченко Павел Александрович (1874–1917) 124–125, 146, 303, 320
Коростовец Иван Яковлевич (1862–1933) 19, 21, 29, 51–52, 79, 242, **245–249**, 267, 275, 289
 Корш Федор Евгеньевич (1857–1921) 255
 Косминский Алексей Александрович 228
 Котельников Федор Степанович 129
 Котенко Павел Тимофеевич 101
 Котович Михаил Александрович 285
 Кравц (Кравиц) Владимир Александрович 135–136
 Кракгоффер Леопольд 320
 Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) 294, 394
 Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) 341
 Круглов Алексей Федорович (1865–1948) 83, 224–225, 250
 Крымов Х.Э. 153, 296, 332, 382–383
 Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) 5, 255, 290
 Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) 178, 190–191, 195, 202, 204–205, 208, 210–211, 307, 314–317, 399, 401
 Куликов К.М. 175
 Кулчанов Нияз, генерал 92
 Курганович Федор Андреевич 101
 Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) 67–68, 70, 363, 369
 Кучек-хан Мирза (1880/1881?–1921), вожак гиланских повстанцев в 1915–1921 гг. 225, 229–230, 264

 Лазарев С.Н. 166
 Лангер, бухарский житель 167
 Лапин Сер-Али (1870–1919) 373
 Ласточкин Владимир Гурьевич (1871–?) 166
 Латиф Диванбеги, бухарский чиновник 169
 Лахнович, служитель вице-консульства в Сеистане 73
 Лев XIII (1810–1903) 344
 Левестам Владимир (?) Михайлович 10
 Левин Герман 177
 Левитас Абрам Рувимович (1886–1938) 191–192
 Левитский, туркестанский работник 382–383
Левкиевский Евгений Вячеславович (1888–?) 83, 213, 215, 237, **249–251**, 401
 Ленин Владимир Ильич (1870–1924) 177, 182, 201, 204, 310
 Лепа Карл Янович (1879–1938) 389
 Лессар Павел Михайлович (1851–1905) 259–260
Лисовский Ростислав Александрович (1881–?) 10, 54, 64, 235, **251–252**, 336
 Лопухин Владимир Борисович (1871–?) 244
 Лучников, туркестанский работник 384

Луцевич-Заремба Станислав Онуфриевич (1888-?) 197-198, 203, 205-207, 211, 315
Лютш Яков Яковлевич (1854-?) 259-260
Ляпин Василий Семенович (1882-1942) 167, 383

Маклаков Василий Алексеевич (1869-1957) 258
Малкоф (Малков) А.Н. (?-1919) 383
Мамацев И.Х. 280-281
Мамедов, пограничный комиссар в Ардебиле 224
Мамедовы, братья, владельцы ковровой фабрики в Тавризе 55-56, 66, 279, 340, 355
Мамонтова, обвиняемая по делу «бухарского шпионажа» 204
Мансуров Мирза Мухитдин 96-98, 105, 109, 132, 292-293, 310, 313-318
Маргулис (Моргулиес) З.Л. 150
Мария Павловна (1854-1923), великая княгиня 289
Мартсон Федор Владимирович (1853-?) 219
Мар-Илия, епископ Супурганский и Урмийский 25, 39-40, 351
Мар-Ионан (Иона) (?-1910), епископ Супурганский 340
Мар-Хнанишо Исхак, несторианский митрополит 24, 35
Мар-Шимун Бенъямин (1886?-1918), патриарх ассирийцев-несториан в 1903-1918 гг. 24, 35, 48, 339, 343, 345, 352
Марьянова Юлия Павловна 222
Машницкий Александр Александрович (1865-1940) 294
Мельгунов Сергей Петрович (1879-1956) 394
Мельников Д.Н. 331
Мельников Хаим Лейбович 101
Мехди Ходжа Бий, бухарский чиновник 141, 160, 197, 206
Микаэльянц Арсен 249

Миллер Александр Яковлевич (1868-1940) 7-12, 51-53, 63, 66-71, 84, 87-104, 108, 148, 204, 213, 221, 251, **252-254**, 260, 269, 288-289, 323, 335-337, 340, 343, 363-369, 373, 375-376, 378
Миллер Андрей Яковлевич (1869-1914) 270
Милюков Павел Николаевич (1859-1943) 70, 88-89, 93, 96, 98-100, 103-105, 244, 290, 363, 369

Миновский Владимир Федорович (1877-1966) 6, 26, 43, 71, 74, 222, 224-225, 229, 236, 249-250, **254-258**, 264, 280, 290, 357, **370-371**

Мир-Баба Мирахур, бухарский чиновник 141
Мир-Баба Токсаба, бухарский посол в Ташкенте в 1918-1920 гг. 152, 197, 314
Мирбадалев Гидаятулла Ходжа (1849-?) 259
Мирбадалев Мир Хайдар Ходжа (?-1938) 134-135, 138-141, 149-150, 153, 160-161, 165-167, 170, 204, 209, **258-261**, 386
Мирбадалев Оскар (Искандер) 166
Мирза-бек Токсаба, бухарский чиновник 160
Мирза Салим Парваначи, бухарский чиновник 141
Мирзак Иван Дмитриевич 70-71, 116, 150, 160
Мир-Пендж Ага-хан, урмийский помещик 17
Михайловская Людмила Александровна 80
Михайловский Георгий Николаевич (1890-?) 233, 238-239, 244, 246, 249, 263, 361, 377
Михайловский Феодосий Михайлович (?-1920) 399
Михалевский Михаил Михеевич (?-1920) 188, 191, 197-199, 201, 204-206, 322, 398-400

Михин Георгий Михайлович 374
 Монакрович Яков Е. 150, 160
 Морнар, главный казначей Персии 20
 Мохаммед-Али (1872–1925), шах Персии в 1907–1909 гг. 7, 9, 73, 262, 269, 274, 337
 Муаззум-уль-Мульк Жасан Ага, тавризский купеческий старшина 340
 Мураев Митрофан Иванович (?–1921) 136
 Мустафа Мирза (?–1918), управляющий хлопкоочистительным заводом в Новой Бухаре 150
 Мухитдинов Мирза Абду-Кадыр (1892–1934) 310, 314, 316–318
 Мухитдинов Мирза Амин 132, 138, 312, 314, 332
 Мухитдинов Мирза Исам (1885–?) 314, 317–318
 Мухитдинов Мирза Хайрулла 314–315, 318
 Мышлаевский Александр Захарьевич (1856–?) 36

Наливкин Владимир Петрович (1852–1918) 94, 119, 121
 Нальгиев [Салам Маусорович?], полковник 43, 47
 Насрулла Бий (?–1918), бухарский кушбеги в 1910–1917 гг. 88, 90–92, 96–98, 114, 138, 364–366
Некрасов Владимир Иванович (1873–1923) 73, 83, 114, 118, 122–123, 233, 238, 240, 244–245, **261–264**, 266, 272, 288, 362, 370–371, 374
 Некрасов Иван Степанович (1836–1895) 261
 Немченко Мойсей Адольфович (1897–?), уполномоченный Реввоенсовета 1-й армии 237
 Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938) 52, 56, 61, 63–64, 75, 116, 120–122, 218–219, 222–223, 238, 240, 242, 250, 258, 263, 265, 272, 288, 290, 370, 374, 376–377
 Нератов Дмитрий Анатольевич (?–1933) 167, 376–378
 Низам-уд-Дин (Незамутдин) Ходжа (?–1920?), бухарский кушбеги в 1917–1918 гг., нижний кушбеги в 1920 г. 96–97, 100, 110, 113–114, 124, 141, 198–200, 206–209, 365–366, 374, 401
Никитин Василий Петрович (1885–1960) 49–50, 53–54, 58–59, 262–263, **264**, 345–346, 351, 353, 356–357
 Николай II, Николай Александрович Романов (1868–1918) 6, 22, 29, 32, 40, 241, 262, 336, 377
 Николай Константинович (1850–1918), великий князь 190
 Николай Николаевич (1856–1929), великий князь 47, 50, 222, 224, 242, 267, 290
Никольский Николай Петрович (1868–?) 81, 173, **265–266**
 Ниязов, самаркандский делегат 92–93
 Новгородский Алексей Витальевич (?–1919) 71, 134, 139
 Нуретдин Мирахур, бухарский чиновник 160, 167

Огановский Петр Иванович (1851–?) 222
 Олферьев Сергей Петрович (1875–?) 339–340
 Омар-хан Сомайский, курдский вождь 46
 Омелюстый-Каплун Михаил (?–1919) 70
 Оренбристер, офицер 171
Орлов Аркадий Александрович (1870–?) 12, 24, 37, 49, 53, 63, 224, **266–268**, 285, 347–348, 354
 Орлова Евдокия Ефимовна 266–267
 Осипов Константин Павлович (1896–1920?) 156, 164, 296, 305, 382, 394, 398
 Осман-бек (?–1920), бухарский кушбеги в 1918–1919 гг., верхний кушбеги в 1920 г. 84, 141, 149, 162, 180, 193, 196–200, 206–207

- Пакард Гарри (Packard Harry P.), американский миссионер в Урмии 38
Пападжанов Михаил Иванович (1869–1830) 236
Перфильев Евгений Леонидович (1890–1938) 123–124, 128, 296, 324, 329
Петров, банковский чиновник в Тавризе 8
Петров, делегат продовольственного съезда в Новой Бухаре 128
Петров Виктор Андреевич (1882–1916) 10, 63, 234, 259, **268**, 271, 287
Петросов М.Г. 116
Петряев Александр Михайлович (1874–1933) 263, 371
Печатников Зиновий Исаевич (1882–1937?) 142, 152–161, 163–165, 169, 173–174, 179–183, 190, **307–308**, 400
Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) 117
Пимен (Белоликов Петр Захариевич) (1879–1918), пом. начальника, в 1916–1917 гг. - начальник Православной миссии в Урмии 15
Пинхасов Моше, житель Новой Бухары 139
Пинхасов Якуб, бухарский купец 166, 382
Пири Ангелина 246, 248
Питюшин Леонид Яковлевич (1895–?) 242
Поваров Константин П. 322, 389
Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович (1868?–1937) 262, 274, 285, 337
Покровский Николай Николаевич (1865–1930) 290
Полторацкий Павел Герасимович (1887–1918) 71, 107, 116–118, 128–129, 132, 147–148
Попов, офицер 170
Портянко Маркиан Иванович 374
Пославский Илья Титович (1853–?) 258
Потеляхов Натаниель Шоломович 194, 199, 204, 209–210, **308–319**
Потеляхов Рафаил Шоломович (1868–1936) 166
Похитонов Иван Федорович (1853–1913) 7–8, 230, 253, **268–269**
Похитонова Александра Степановна 269
Преображенская Серафима Павловна 270
Преображенский Борис Александрович (1870–1914) 12, 51, 53, 63, **269–270**, 348
Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) 326
Преображенский Михаил Александрович (1890–?) 107, 109–111, 115, 118, 126–130, 132–134, 148–149, 161, **319–320**, 372, 379
Преображенский Павел Иванович 100–105, 240, 254, 368–369
Пятигорский Юлий Петрович (1889–1937) 311, 314–315
- Рабинович Борис Самуилович 95, 102, 167
Рабинович Филипп Яковлевич (1885– 1937) 176, 295, 311, 326, 395, 398
Рагиб-бей, турецкий консул в Урмии 28, 30, 32–33, 39
Радлов Василий Васильевич (1837–1918) 74
Ракитская, врач в Старой Бухаре 92
Рахим-хан Карадагский, участник осады Тавриза в 1908–1909 гг. 8
Ревелиоти Леонид Харлампиевич (1880–1970) 75–78, 360–361
Ревякин Константин Петрович (1894–после 1944?) 161–162
Рейнгардт Петр Иванович 160
Ренесланц Яков Христофорович (1887–?) 383
Решетов Иван Иванович (1872–?) 134, 204, 259, **271–272**, 315
Решид-ус-Салтане, вождь племени карапапахов 36

Решги Мирза Керим-хан 262
Роздольский Казимир Станиславович (1879-?) 105, 116, 118-119, 122, 127,
239-240, 272-273
Розенгарт Семен Маркович 92, 102
Романовская Евгения Аристидовна 273
Романовский Вадим Сергеевич (1886-?) 80-81, 273-274
Романовский Юрий Сергеевич (1883-1933) 273-274
Ротштейн Федор Аронович (1871-1953) 232, 295
Рубенчик, сотрудник Отдела внешней торговли при Турккомиссии 316
Рудзутак Ян Эрнестович (1887-1938) 178, 187, 192, 201-202, 301, 312
Рыков Алексей Иванович (1881-1938) 202
Рыскулов Турар (1894-1936) 300
Рябчуков, солдат 92, 99

Саблер Владимир Карлович (1845-1929) 40, 339, 344
Саблин Евгений Васильевич (1875-1949) 17, 73, 251, 269, 274-275, 343
Савич, офицер 229
Саводеров Федор 204
Савченко, уполномоченный Наркомпрода Туркеспублики 167, 299-300, 382-383
Сазонов Сергей Дмитриевич (1860-1927) 25, 32, 39, 50, 74, 224, 246-247, 257-
258, 268, 271, 288-290, 341, 347
Сакович И.Р. 134, 150, 173, 373
Саларе Хумаюн, губернатор Хоя в 1914 г. 41-42
Салтыков В.А. 71
Самсонов Александр Васильевич (1859-1914) 85, 259, 268, 271
Сархош, священник-ассириец 61
Саттар-хан (1867/8?-1914), вождь тавризовских федаев 8-9, 335-336
Сафар Мирза, бухарский чиновник 165
Сафаров Георгий Иванович (1891-1942) 328, 401
Сафонов Михаил Владимирович (1878-1939) 297, 327-328
Севастьянов Иван Павлович (1878-?) 373
Сеид Абдал-Ахад (1859-1910), Эмир Бухарский в 1885-1910 гг. 84-86
Сеид Мир Аллим-хан (1880-1944), Эмир Бухарский в 1910-1920 гг. 70, 84-100, 105-
106, 113-114, 119-122, 124-128, 130, 135-141, 144-145, 147-148, 150, 150-155, 160-
165, 167-168, 170-173, 180-182, 190, 194-201, 203-209, 219, 234, 239, 254, 259-261,
268, 271, 276-277, 292, 311, 313-314, 331, 363-370, 372-374, 376-379, 384, 400-401
Сеид Музаффар (1821?-1885), Эмир Бухарский в 1860-1885 гг. 258
Семенов Александр Александрович (1873-1958) 115, 122, 127, 173, 213, 237,
275-277, 373-374
Сергий (Лавров Алексей) (1878-после 1927), епископ Салмасский, начальник
Православной миссии в Урмии в 1904-1916 гг. 23, 28, 344
Сердар Решид (Рашид, Решид-уль-Мульк) (?-1917), пишкар Азербайджана
в 1915-1917 гг. 51, 252, 280, 347-349, 356-357
Сидоров Александр Сергеевич (1892-после 1938) 179, 331, 388-389
Сиккет-уль-Ислам (?-1911), один из вожаков тавризовских федаев 11, 51, 335-336, 349
Силаев, член Андижанской парторганизации 327
Симко (Смитко) Исмаил-ага (?-1930), курдский вождь 43-48, 352
Скоропадский Павел Петрович (1873-1945) 248
Славин, помощник наркомпрода Туркеспублики 300
Слинко П., самаркандский областной комиссар в 1917 г. 166
Слоним Моисей Ильич (1875-1947) 395

Слуцкий Илья Маркович 111–112, 364–365
 Снарский Иван Александрович 9
 Советкин П.П. (1883–?) 183
 Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939) 208, 210, 395
 Солдатов Николай Петрович 387
 Соловьев Евгений Георгиевич (1878–?) 121, 194, 204, 215, 315
 Сольник Андрей Федорович (1895–1941) 141, 164, 305, 328
 Сомов Александр Сергеевич (1859–?) 218, 262, 268
 Соров А., председатель Военно-революционного суда в Новой Бухаре 158
 Сорокин Карп Елисеевич (1871–1940) 300–301, 327, 382–384, 391
 Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953) 317
 Старец Михаил Абрамович 189
 Старокожко, управляющий телефонной сетью в Бухаре 116
 Стасиков Семен Карпович 150
 Стахеев Иван 125, 129–130, 132, 254, 375–378
 Степанов, военный атташе Резидентства в Бухаре в 1918 г. 169
 Степанов А.Г. (?–1919) 141, 304
 Столица Сергей Николаевич (1872–1918) 26, 39, 59, 222–225, 236, 280, 286, 348–349
 Студетов К. 136
 Султан-Ахмед (1898–1930), шах Персии в 1909–1925 гг. 9, 19, 29, 289, 337
 Суриц Яков Захарович (1882–1952) 174–176, 195

 Тага (Таха, Та) Сеид, курдский шейх 352
 Тарзи Махмуд-бек (1866–1935), министр иностранных дел Афганистана в 1919–1922 и 1924–1927 гг. 174–175
 Тарновский Георгий Васильевич 241
 Таунлей Вальтер (Townley Walter) (1863–1945), британский посланник в Персии 246–247
 Тахсин-бей, турецкий чиновник 46
 Темлянцева Г.А. (1875–1940) 300, 391
 Теодорович Степан Валентинович (1893–?) 388–389
 Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) 82, 115–117, 119–121
 Термен Ричард Иосифович (1870–1937) 224
 Тилляев, бухарский купец 166
 Тимофеев, туркестанский работник 388–389
Тимофеев Александр Георгиевич (1867–?) 54–62, 83, **277–283**, 355–356
 Тишковский Александр Михайлович (1885–1920) 156
 Тоболин Иван Осипович (1885–1941) 152–153, 303–305, 332
 Топуридзе, новобухарский красноармеец 169
 Трескинский А.И. 7, 54, 280–282
 Троцкий Лев Давыдович (1879–1940) 201, 290
 Тузин Борис 140
 Турсун-Ходжаев Сагдулла (1891–1940) 190–191
 Трехлебов Семен Дмитриевич 71
 Тысячников Михаил Константинович 71, 117, 166, 194, 200, 204, 209, 315

Умняков Иван Иванович (1890–1976) 89, 101, 103, 119, 122, 127, 173, 215, **283–284**, 377
Успенский Иван Александрович (1883–?) 54, **285–286**, 357
Успенский Константин Яковлевич (1874–1938) 129, 143–145, 163–164, 178–179, 185–186, 223, 298–299, 301, 304, **320–322**, 392
 Уткин Владимир Петрович (?–1918) 126–127, 133, 379

Фатхулла Ходжа Абдурахман Ходжаев 89, 105, 366
Федоренко Николай Алексеевич 11, 336
Федоров П. 267
Федоров С.Г. 101–102
Фидаров Афако Пациевич (1859–?) 236
Филиппов Николай Васильевич 207
Фитерман Моисей Яковлевич 118
Фитрат Абдурауф (1886–1938) 293, 363
Фонвизина Александра Павловна 227
Фонштейн Игорь Романович (1886–1969) 156
Фрейман Ф.И. 249
Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) 178, 189, 201–202, 204–206, 208–209, 295
Фрюлинг И. 316

Халил-бей, турецкий военачальник 346
Халмурад, ташкентский мулла 106
Ходжаев Ибад (1898–?) 215
Ходжаев Сафар 215, 293
Ходжаев Убайдулла (1886–1942) 323
Ходжаев Файзулла (1896–1938) 89, 97–98, 132, 135, 213, 288–289, 293, 317
Хорват Дмитрий Леонидович (1859–1937) 245
Хусаинов Наджиб (1885–1937) 317

Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) 211

Чайкин Вадим Афанасьевич (1886–1941) 334
Чарыков Николай Валерианович (1855–1930) 258, 260, 358
Чегодаев Павел Васильевич 304, 379
Черкасов Анатолий Александрович (1873–1942) 241
Черкес Леонтий Николаевич (1865–1945) 94–95, 122
Черневский Александр Николаевич 185, 235, 326
Черневский Всеволод Николаевич (1895–1938) 185, 323, 325–326
Черневский Николай Иванович (1865–?) 101–102, 124, 185, **322–327**, 329
Черневский Николай Николаевич 185, 325–326
Чернозубов Федор Григорьевич (1863–1919) 34, 37–38, 42, 47, 49–50, 346
Черский Евсей 184, 384–385, 393–394
Чертов Игорь В. 92–93, 99, 101–102, 323
Чиркин Геннадий Федорович 341
Чиркин Сергей Виссарионович (1875–?) 94–95, 103–105, 110, 116–120, 122, 260, 265, 276, **286–288**, 370, 372–374
Чирков Георгий Васильевич (1878–?) 285
Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) 191, 201, 229, 248
Чокаев Мустафа (1890–1941) 114, 125, 131

Шапшал Сергей Маркович (1873–1961) 270
Шарафовы Мирза Шамс и Мирза Мажди, младобухарцы 139
Шванский Николай Валерианович (1886–?) 101
Шебалин Александр Петрович 265
Шедд (Шод) Уильям (Shedd William A.) (1865–1918), американский миссионер в Урмии 26, 338
Шейх Селим (?–1911), один из вожаков тавризовских федаев 336–337

- Шериф Мухаммед (Шарифджан Махдум) (1867–1932), бухарский кази-калян в 1917 г. 90, 114
- Шериф-уд-Доуле, тавризский каргузар 223, 257
- Шиван М.Р. 177
- Шимун (Шимон) Полус (Павел), член ассирийского Национального комитета 39, 351
- Шипле Х.С., британский дипломат 255
- Шкарупа (Шкарупо) Моисей Кузьмич** (1880–после 1963) 161–162, **327–329**
- Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) 338, 343, 349
- Шлегель Борис Христофорович 214
- Шмелев, следователь ОГПУ 214–215
- Шмидт Вилис Янович** (1888–1919?) 141–142, 150–153, 156, 169–170, 178, 298, 303, 324, **329–334**
- Шнитников Николай Николаевич (1861–1934) 238
- Шоджа-уд-Доуле (Шуджа-уд-Довле) Самад-хан** (1849?–1915), генерал-губернатор Азербайджана в 1912–1914 гг. 12, 15–16, 19–21, 24–26, 41, 51, 55, 58, 66, 222, **336–337**, 342, **347–349**, 355, 358
- Штайер Михаил Алексеевич 223
- Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) 74
- Штриггер Александр Николаевич 228, 230
- Шукур-ага, курдский вождь 46
- Шульга Николай Андреевич** (1883–?) 63–64, 66, 89, 91, 93, 95–97, 100–101, 103, 122, 213, 215, 220, 274, 287, **288–289**, 367–368
- Шумков Иван 130
- Щеглов Александр Николаевич 70–71, 95, 102, 116–117
- Щекин, делегат продовольственного съезда в Новой Бухаре 128
- Щекин Михаил Сергеевич (1871–1920) 290
- Щекин Николай Николаевич (1854–1919) 103, 107
- Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) 74, 286
- Щетинин Николай Алексеевич 71
- Элиава Шалва Зурабович (1883–1937) 175, 178, 185, 189–191, 193–196, 198, 200–204, 206, 229, 295, 300–301, 309–313, 315–316, 318, 324–325, 390, 392–393, 398–399
- Элов Петрос** (1880–1932) 21–22, 42, **343–346**
- Эмир Хишмет, один из вожаков тавризовских федаев 24, 29
- Энвер-паша (1881–1922), один из лидеров младотурок 229, 317
- Эрдман, инженер в Бухаре 150
- Этимад-уд-Доуле Хаджи** (?–1917), губернатор Урмии в 1914–1917 гг. 15–16, 20, 25, 27–28, 30–33, 35, 37–38, 41–42, 48–50, 53, 58–61, **356–358**
- Эттер Николай Севастианович** (1865–1935) 59, 79, 218, 220, 222, 225, 231, 235–236, 247, 250, 256–258, 265, 279, 283, 286, **289–290**, 355, 370
- Эттер Севастиан Павлович (1828–1883) 209
- Юденич Николай Николаевич (1862–1933) 224, 236
- Юнусов Якуб 139
- Юренев Константин Константинович (1888–1938) 317
- Юсупов Сабир (1881–1931) 309
- Юсуф-бай, бухарский чиновник 199
- Юфи Юсуф (?–1914), урмийский федай 24
- Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) 81
- Яцкова Елена Михайловна 399

ГЕНИС Владимир Леонидович. Род. в 1957 г. в Москве. Автор документальных хроник «Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921 гг.» и «„С Бухарой надо кончать...“ К истории бутафорских революций» (М.: Центр стратегических и политических исследований; МНПИ, 2000 и 2001), составитель сборника избранных работ Г.Я. Сокольников «Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте» (М.: Наука, 1991; 1995). С 1988 г. печатается в журнале «Вопросы истории», в котором опубликовал ст.: «Григорий Яковлевич Сокольников» (1988. № 12), «Батайская «пробка» (1993. № 1), «Разгром Бухарского эмирата в 1920 г.» (1993. № 7), «Расказачивание в Советской России» (1994. № 1), «Первая Конная: за кулисами славы» (1994. № 12), «Попытка советизации Хорасана в 1920 г.» (1996. № 5–6), «Казачья семья Хрипуновых» (1996. № 11–12), «Кавказские боевики в Персии (1908–1911 гг.)» (1997. № 5), «Депортация русских из Туркестана. („Дело Сафарова“») (1998. № 1), «Большевики в Гиляне: провозглашение Персидской советской республики» (1999. № 1), «Невозвращенцы 1920-х — начала 1930-х гг.» (2000. № 1), «Дело Савелия Литвинова» (2000. № 10), «Н.А. Орлов: „Не хочу быть Молчалиным!“» (2001. № 2), «Борьба вокруг реформ в Бухаре. 1917 год» (2001. № 12), «Павел Петрович Введенский» (2002. № 7). В др. изданиях опубликованы ст.: «Les Bolcheviks au Gilan. La chute du gouvernement de Koutchek Khan» (Cahiers du Monde russe. 1999. № 40/3), «Бутафорская революция, или российское полпредство в Хиве в 1920 г.» (Восток. 2000. № 2), «Советская Россия и Гилянская революция» (Азия и Африка сегодня. 2000. № 3–4), «Красный шантаж» (Родина. 2001. № 5) и т. д. Участвовал в сб.: «Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди» (М.: Политиздат, 1989), «Дипломатический ежегодник. 1989» (М.: Международные отношения, 1990), «Исторические портреты» (М.: Просвещение, 1993), «Неизвестная Россия. XX век» (М.: Мосгорархив, 1993), «Российская Еврейская Энциклопедия» (Т. 3. М., 1997), «Иран: эволюция исламского правления» (М.: Институт востоковедения РАН, 1998), «Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее» (М.: ИВ РАН, 1999), «Иранистика в России и иранисты» (М.: ИВ РАН, 2001), «Россия и Иран: Иранистика в Татарстане» (М.: ИВ РАН, 2002). Печатался в «Независимой газете» и «Независимом военном обозрении». В настоящее время продолжает работу над биографическим справочником «Русские дипломаты в Персии и Бухарском ханстве. 1900–1917 гг.» и документальной хроникой о событиях в Хиве в 1919–1921 гг.